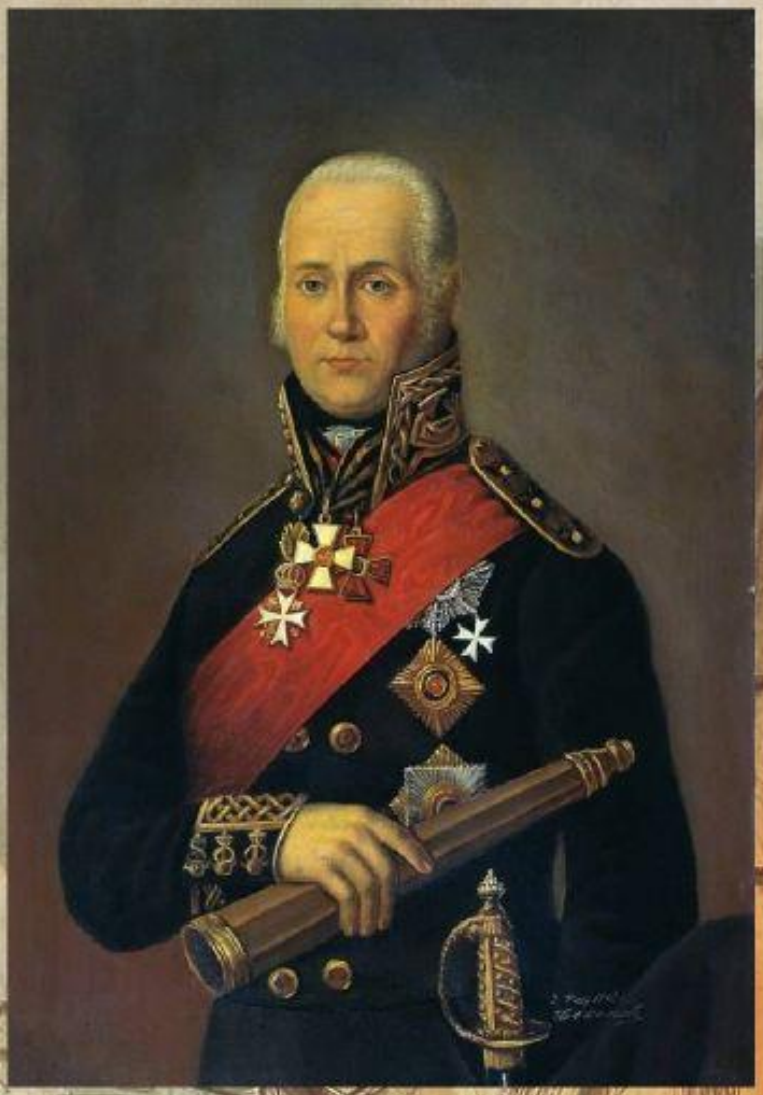
Валерий Ганичев



Адмирал Ушаков
Флотоводец и святой

Валерий Николаевич Ганичев

АДМИРАЛ УШАКОВ
Флотоводец и святой

Бог всегда воздает по справедливости людям наполненным Верой и Праведностью, совершающим Милосердие и Благотворительность, служащим Отечеству и ближним честно и неподкупно. Народы уважают людей, показывающих образцы исполнения долга, людей добросовестно исполняющих свое дело, уверенных в своем призвании, людей занимающих свое место с достоинством, людей правдивых, неспособных блюдолизничать и лукавить, людей, которые не ленятся работать, не боятся энергично сказать «нет», не стыдятся сказать «не могу», людей вдохновенных, способных творчески мыслить, людей, которые беззаветно служат Богу, народу и Отечеству, людей, которых любят люди. Таким был Ушаков…

30 ноября 2000 года Синодальная комиссия по канонизации святых Русской Православной Церкви, рассмотрев на своем заседании подвижнические труды в служении Отечеству и народу Божию, благочестивую жизнь, праведность, милосердие и самоотверженный подвиг благотворительности адмирала Российского флота Федора Ушакова, приняла решение о причислении его к лику праведных местночтимых святых Саранской епархии. Российский флот, боголюбивое российское воинство обрели небесного предстателя и ходатая перед престолом Божиим о многострадальном Отечестве нашем.

Содержание

17 год 6
Удаление от моря 8
У Волги разливистой 16
У божьего служителя 22
Морской кадетский корпус 27
Кикин дом 32
На кронштадском эллинге 36
Ваш бог – линия… 37
Встреча на всю жизнь 41
Прощай, гардемарин! Здравствуй, мичман! 45
Вокруг Скандинавии 48
Свежий ветер 53
Пламя с четырех углов 56
«Был» 60
Благословение 69
Воссоздание южного флота 72
По Дону на праме 76
Таганрог – Крым – Балаклава 80
Собирать по человеку… 82
«Северный орел» 86
Лес сберегать 92
В родных краях 95
Кончен бал… 104
«Чтобы флаг наш везде надлежащим образом уважаем был» 110
Граф Северный 115
Ложа Нептуна 122
Испытания 129
Преображение 134
Первый орден 137
Севастополь 140
Во здравие нового флота!.. 144

Начало второй войны с турками 149
Фидониси, взошедшая звезда 154
Выбирая командующего 156
Фиодониси, Керчь, Тендра, Калиакрия – рождение новой тактики 161
Совершенная победа 163
После Калиакрии 168
У развалин древнего Херсонеса 172
Прошение 178
Померились силой 183
Ученье каждый день 192
Весна 1798 года 194
Дела личные… 195
Средиземноморский узел 197
Лето 1798… 204
Эскадра входит в Босфор 208
В Азии и Европе 211
В Терсане 217
Главное направление 218
Строгость 222
Единоверцы 224
С чем пожаловали? 226
Закинф просится под покровительство 232
Звезда Сенявина 236
Освобождение Ионических островов 240
Ушаков и Али-паша 245
У владетеля Янины 249
«Главный пункт предприятий ваших» 260
Примерка… 264
На батареях 268
Осада. Зима 1799 года 271
«Последнею экономиею…» 275
Ключ от крепости 276

Накануне 279
Штурм. 18 февраля 1799 года 282
За столом победителя 286
Амнистия 290
Ионическая конституция 292
Козни Форести 299
Итальянская кампания 302
Неаполитанская резня 311
«Зависть, может быть, какая против меня действует…» 315
1799 год. От весны до зимы 319
У берегов Сицилии 325
Встреча великих флотоводцев 331
Постигая друг друга 335
Неаполь 338
У Анаконы 342
Выступать в Россию… 346
Посланник гадает 350
Шел 1800 год… 354
Песня дальних дорог 358
Ночная дума 360
Его капитаны 364
Его корабли 370
Его моряки 376
Его искусство. Флотовождь Ушаков 381
Его Бог 389
«Никакие силы и орудия не помогут защитить, раз нет верных людей» 394
Начало века – конец жизни 397
Завещание 402
Последние годы 405
Канонизация Адмирала Ф.Ф.Ушакова 413
Примечания 416

17 год

На берегу реки Мокши сидел старый человек в морском мундире. Последние предосенние прозрачнокрылые стрекозы трепетали над ним, некоторые садились на потертые эполеты, передыхали и вспархивали, когда человек шевелился. Ему было душно, он расслаблял рукой расстегнутый воротник и, глубоко вздохнув, замирал, вглядывался слезящимися глазами в ладошки небольших волн, похлопывающих речку. Что виделось ему в этом мелководье? Что прозревал он сквозь наплывавшую влагу? О чем думал? Может быть, и ни о чем. Казалось, его мысли не нужны были никому. Ни этим густобородым монахам из Санаксарского монастыря, ни улыбчивым робким крестьянам, ни плотным соседским помещикам, с почтением раскланивающимся с неразговорчивым стариком. Им были далеки его думы. А он и не выстраивал их в ряд, не готовил к передаче потомкам, не хранил откровения в потаенных уголках, постепенно растворяя во времени драгоценные и неповторимые открытия, стирая в памяти известные только ему пути и ходы в сложной шахматной игре воинской морской жизни.

До недавнего времени он еще знал, что одержал великие победы, что сумел вырваться из плена старых теорий и открыл новые законы морского боя, что создал не одну непобедимую эскадру, воспитал немало славных командиров и экипажей боевых кораблей. Сейчас же все это казалось ему миражем, призрачной стрекозой, трепетавшей над плечом; небольшое движение – и нет ничего, все исчезло в мареве летнего зноя.

…Современники часто не замечают гения, таланта, пророка в своем окружении. Они не могут, а если вспомнить историю, то зачастую и не хотят выделять выдающиеся, превосходящие их способности ближнего. С раздражением говорят о таком выдающемся человеке, возводя его в лучшем случае в разряд чудаков и везучих людей.

Выдающейся личности не могут простить ее величия, не могут признать ее достижений. Ординарная натура не соглашается, что рядом человек необычный, особенный. Ну и, конечно, богатство, капитал, привилегия, неправедная власть не могут допустить, чтобы кто-то превосходил их своим истинным блеском, значением, смыслом. Во многие века, да и поныне, они пытаются поставить все в услужение себе – попирая ум, честь, гордость, порядочность. Победы и достижения гениев и талантов, конечно, нужны неправедной власти и капиталу – они защищают, укрепляют, возвеличивают, да, кроме того, по прошествии времени, многое из достигнутого можно выдать за результаты «разумного и мудрого» руководства властей предержащих. Те же победы, которые нельзя присвоить себе, следует преуменьшить, а то и забыть их, пренебречь ими.

В отечественной истории не раз бывало, что подлинные таланты и истинные победители отодвигались на обочину, а лавры и рукоплескания доставались или напыщенным фаворитам, или второстепенным фигурам, или иностранным союзникам, чье первородство умело подтверждалось их дипломированными соотечественниками да нашими тугодумами и низкопоклонниками. Ратная слава испокон веков ведет к почестям, и эти почести чтут и уважают люди военные. Но было в народе сдержанное отношение, недоверие, а то и презрение к высоким словам, пышным наградам и званиям, что сыпались иногда на не нюхавшего пороха полководца, на не водившего в дальний поход эскадры флотоводца, на глупого, но способного к интриге царедворца. Сколько их, военных и других «гениев», пытались слепить «верхи» и тайные круги, беспринципные приближенные, стоящие у трона, владетели явных и скрытых богатств, каким только пустоцветам не поклонялось общество и высший свет, каким средним, невыразительным, в лучшем случае ординарным начальникам не подчинялись армия и флот. Как звучно и торжественно произносились в XVIII и начале следующего века имена: «адмирал Войнович, контрадмирал Мазини, адмирал фон Дезин, адмирал Чичагов, вице-адмирал Кушелев, адмирал Траверсе!»… Кто помнит их ныне? Были ли за ними выдающиеся победы, судьбоносные преобразования флота, надолго поднимавшие морское дело порядки? Нет, не были… А ведь это – «командиры» флота разных мастей, вершители судеб многих кораблей и их экипажей да и всей морской судьбы России.

Казалось, самой выдающейся фигурой в отечественном флоте конца XVIII века был подлинный флотоводец русских эскадр адмирал Ушаков. Но прошло едва ли десять лет после его отставки, и о нем постарались забыть в императорском дворце и Адмиралтейств-коллегий, в штабах флотов и морских училищ. Вот и заканчивал свой век забытый властью и флотскими командирами здесь, в центре России, на Тамбовщине, опальный русский флотоводец Федор Федорович Ушаков. Сорок кампаний провел он, ни в одном сражении не потерпел поражения. Блестящие победы русского флота у Тендры, Керчи, Калиакрии, Корфу сделали имя Федора Ушакова легендарным. Но мало кто помнил об этом тогда в России. Его морские служители, оставшиеся в живых подчиненные помнили, конечно, но не они хранили описания, планы и схемы его сражений, не они утверждали памятные медали в честь побед, не они ставили памятники и обелиски. Он и сам с сомнением вспоминал о дальних походах и сражениях. Все силы, душу и деньги отдавал ныне убогим, больным и калекам. Глаза его были открыты, но взор бродил где-то там, по далеким рейдам, бухтам и гаваням, натыкался на крепостные стены и прибрежные рифы.

Звуки того дня и прошлого перемешивались в нем, наплывали один на другой, заставляли вздрагивать, озираться. Зашелестел камыш у берега, и

зашуршали, захлопали паруса у Ахтияра, каркнул где-то ворон, послышалась последняя скорбная молитва над зашитыми в белый саван морскими служителями. Шли куда-то матросы, весело стучали топорами плотники, где-то рядом метнулся карп, и тут же раскаленное ядро шлепнулось в воду…

Мелькнула ласточка, и теплая женская улыбка согрела сердце. Напрягаясь, всматривался в своих боевых командиров – Дмитрия Сенявина, Ивана Поскочина, Ивана Селивачева, Александра Сорокина, Гавриила Голенкина, Евстафия Сарандинаки. Молодцы! Хорошо ведут корабли! И еще храмы, храмы в Петербурге, в Севастополе, на Корфу и здесь, в монастыре!..

Набежал ветер, пытаясь закутать, запеленать одинокого адмирала, а тот отстранял его рукой, пробуя задержать видения и прошлое. Вдали от моря заканчивал жизнь величайший флотоводец Отечества. Казалось, слава покинула его навсегда. Покинула раньше, чем закончилась жизнь. А может, и впрямь море не было российской стихией тогда, может, и не могли оценить истинное величие несухопутного гения в России? Ведь чуть более ста лет назад лежала она на Великих восточно-европейских равнинах, отрезанная от морей и океанов, являя собой обширную сухопутную державу, вроде бы и не помышляющую вырваться на морские просторы.

Удаление от моря

Ушаков был удален от моря в начале XIX века, в преддверии грозного наполеоновского нашествия. Тогда-то раздался панический и усталый голос: «Все! Хватит тратить средства на морской флот. Россия не морская держава». Будто бы и не было славных побед на морях, словно не бороздили Балтику и Черноморье, Белое и Охотское моря отечественные корабли, словно не трепетал дотоле в Средиземноморье и Атлантике Андреевский флаг. Может быть, проявилась тут и та боязнь морских просторов, сухопутная ограниченность, что всего сто двадцать лет назад была образом мысли некоторых правителей Российского царства? Правителей, возможно, да, но не народа, не русских людей, не потомков древних русичей, которые ходили по Днепру, Десне, Днестру на дальние расстояния. Путь из «варяг в греки» имел на своем протяжении все водные пути – речные, озерные, морские. Новгородцы и киевляне умели управлять кормилом, веслом и парусом. Привычным, обычным и понятным тогда для русского человека было море. На юге оно так и называлось Русским и подчинялось как корабельным дружинам князя Олега и Святослава, так и караванам купеческих судов, а на Севере плавали славяне от знаменитого острова Буяна – Рюге в царства Салтанов. Древнейшие славянские очаги были очагами морской выучки и мастерства.

В вышедшей в конце XIX века в Англии книге морского историка Ф. Джена «Русский флот в прошлом, настоящем и будущем» отмечалось:

«Русский флот, который считался сравнительно поздним учреждением, основанным Петром Великим, имеет в действительности больше права на древность, чем флот британский. За столетие до того, как Альфред (король англосаксов, царствовавший с 870 по 901 год) построил британские корабли, русские суда сражались в морских боях: и тысячу лет тому назад первейшими моряками своего времени были русские».

Жестокое татаро-монгольское иго захлестнуло петлю и на морских устремлениях Руси. Однако «морское тяготение» – естественное качество всякой великой нации. Не затухает мастерство корабелов на речках. Строятся ладьи, барки, лодки на Волге, Оке, Дону, Днепре, Северной Двине, на Ильмене и Москве-реке. Очаги морского тяготения сохраняют морской статус нации. Один на Севере – Белое море, Архангельск, Холмогоры, где независимые и сноровистые поморы делали прочные и ходкие ладьи и кочи, способные достичь не только обильной тюленями Матки (Новой Земли), но и далеких мурманов (Норвегии), соревнуясь с ними в мореходном искусстве. Второй очаг был на диком, зловещем для России и Украины юге, ибо там зарождались очередные турецко-крымские набеги на их земли, сопровождаемые насилием, убийством, пожарами. Там же, на юге, на Дону и Днепре, были два вольнолюбивых бастиона, с существованием которых мирились в боярской Москве и на гетманской Украине. Донские и запорожские казаки играли роль щита для восточнославянских земель. И еще были они прекрасными мореходами, казачьи струги, «чайки» бесшумно скользили по рекам и морю, и, оказываясь под стенами Синопа, Трапезунда, работорговой Кафы, Варны и даже у стен Константинополя, их молниеносные десанты наносили удары по вековечным обидчикам и опять исчезали в пространствах моря.

На востоке Московского царства тоже был прорыв к одному из южных морей. Русской рекой стала Волга. Н. М. Карамзин писал об этом периоде XVI века: «Кроме славы и блеска, Россия, примкнув свои владения к морю Каспийскому, открыла для себя новые источники богатства и силы, ее торговое и политическое влияние распространилось. Звук оружия изгнал чужеземцев из Астрахани, но спокойствие и тишина возвратили их. Они приехали из Шемахи, Дербента, Шавкала».

Тогда же в ответ на смертоносный поход хана Девлет-Гирея в 1558 году Иван Грозный направил в Крым отряд двух воевод (Вишневского и Адашева) по Дону и Днепру, в котором были боевые русские суда. Отряд захватил турецкие корабли, занял Очаков, высадился в Крыму, освободил из полона тысячи христиан. Однако прямого морского выхода в Европу к Мировому океану Россия в средние века не имела. В то время когда она, истекая кровью,

защищала европейскую цивилизацию от ордынского варварства, Испания, Португалия, Голландия, Италия, Англия, Франция выходили на океанские просторы. Зарождалось океаническое мышление, которое давало простор экономике, науке, торговле, литературе и искусству. России еще предстояло выработать такое мышление и овладеть им.

Даже не любивший Россию Карл Маркс писал, что нельзя себе представить великую нацию, настолько оторванную от моря, как Россия до Петра. Отсюда ясны упорное стремление, жертвы, которыми сопровождался этот неизбежный и объективно необходимый процесс, стремление Петра к морю.

Великий государственный деятель, дипломат и полководец, Петр являлся и великим флотоводцем, создателем нового военного флота в России. Петр в своей записке «О начале кораблестроения в России» пишет: «… Случилось нам быть в Измайлове на Льняном дворе, и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидя некое судно иностранное, спросил вышереченного Франца (голландец Ф. Тиммерман. – *В. Г.*), что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где употребляют? Он сказал, при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет перед нашими судами… Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру и против ветру, которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно.

…И вышенареченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который призван при отце моем в компании морских людей, для делания морских судов на Каспийское море; который оный бот починил и сделал машт и парусы на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало…» Петр перевез потом его на Просяной пруд, а впоследствии, отпросившись у матери на богомолье в Троицкий монастырь, превратил его в первое место, где он пробовал свои силы, умение в строительстве своего будущего флота.

В 1683 году Петр I впервые увидел море, настоящие морские суда и принял участие в их плавании. С тех пор морская стихия не отпускала его, овладев сердцем и разумом. Из второго путешествия по Белому морю Петр возвратился с неукротимым желанием приступить к строительству русского флота. России в то время принадлежало два морских побережья – Беломорское и Каспийское. Естественным было устремление к Белому, которое связывало страну с Англией, Голландией и другими странами. В Москве далеко не все понимали эти устремления. Петр же понимал, что великая страна, ее экономика требовали выхода к морю. Он не мог тогда бороться за возврат Балтийского побережья России, там господствовала мощная держава. И обратил свои взоры на юг, к Азовскому и Черному морям. Нужен был флот. И Петр I написал в октябре 1696 года Боярской думе: «Воевать морем, понеже зело блиско есть и

удобно много крат паче, нежли сухим путем». 20 октября 1696 года Боярская дума приняла «Статьи удобные…», в которых говорилось: «Морским судам быть. Достижение морей есть государево дело первоначальное». И именно от этого 20 октября начинается массовое строительство кораблей русского военно-морского флота. Начали быстро строиться военные и транспортные суда. На верфях в Преображенском, Воронеже, Козлове, Добром и Сокольске кипела работа: строили галеры и струги. Выстроенные в Преображенском галеры перевозились в Воронеж в разобранном виде и здесь собирались и отправлялись к устью Дона. Корабли, галеры, брандеры, струги подошли к турецкой крепости.

Флот принес победу. Азов пал.

Надо было утверждаться на всем Азовском море, выдвигаться к Черному. А для этого следовало продолжать создавать флот и построить гавани, ибо, как говорил Петр, «гавань – это начало и конец флота, без нее есть ли флот или нет – его все равно нет».

27 июля, после взятия Азова, Петр стал на лодках объезжать побережье. Как гласит легенда, на одном из мысов, или, как их здесь называли, рогов, вечером горели костры – то пастухи на таганах варили пищу. Здесь, на таганьем рогу, и решили соорудить гавань для первого в России регулярного военно-морского флота.

12 сентября 1698 года Пушкарский приказ постановил: «Пристани морского каравана судам по осмотру и чертежу, каков прислан за рукою Итальянской земли капитана Матвея Симунта, быть у Таганрога… а для бережения той пристани на берегу сделать шанец, чтоб в том шанце ратным людям зимовать было можно». Так возник Троицк на Таганроге, будущий Таганрог.

Однако дальнейшее продвижение России на юг было приостановлено. Началась Северная война. Война с первоклассной морской державой. Казалось, после сокрушительного поражения русской армии под Нарвой не может быть и речи о каких-либо победах. Но шведы до Полтавы (1709) потерпели ряд серьезных поражений на Неве, Ладоге, в море и бежали от только что народившегося флота. Большого отклика в Европе это не вызвало, там еще находились под гипнозом Нарвской победы Карла XII. Лишь англичане насторожились. Посол Витворт отправил в Англию список судов царского флота в мае 1708 года: 12 линейных кораблей, 8 галер, 6 брандеров и 2 бомбардирских корабля. И с этого времени в Англии появились решительные противники морских успехов и начинаний России.

После 27 июня 1709 года, после блестящей Полтавской битвы, все европейские державы как бы проснулись от спячки и обнаружили на востоке

Европы великое государство с первоклассным флотом, который подтвердил свою мощь победами при Гангуте (1714), Гренгаме (1720), в Каспийском походе и действиями дальневосточных мореходов.

В мае 1719 года новый посол Англии в России уже с сокрушением предлагал отозвать корабельных мастеров (одна из многочисленных блокад страны. – *В. Г.*): «…если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя, быть может, уже и поздно. Еще недавно царь открыто высказывал в обществе, что его флот и флот Великобритании – два лучших флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучше, чем наш? Короче – строятся корабли здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю, чтобы создать из них моряков».

Было отчего призадуматься правителям великой морской империи. В России тяжкими усилиями и жертвами народа, гением Петра I, его сподвижников, отечественных и зарубежных мастеров был создан великий флот, который, играя свою роль в державной политике, становился и орудием технического прогресса, торговли, подготовки замечательных кадров мореплавателей, кораблестроителей, флотоводцев. Флот породил славные традиции, которые живут и поныне. Уже тогда он был средством общения и связи между народами.

Французский посол Лави отмечал чрезвычайную выгодность для Франции, возможность черноморской и средиземноморской торговли с Россией, если она выйдет на эти моря. Ибо англичане и голландцы всю торговлю из Архангельска захватили в свои руки и товары переправляли в Марсель, где продавали «с выгодой». Ясно, что коммерсанты французские были заинтересованы в этой новой важной артерии, тогда как королевские политики не хотели усиления России.

Однако выхода на южные морские пути в первой четверти XVIII века не состоялось.

Прутский поход (1711) закончился неудачей. За поражение заплатили дорого: пришлось отказаться от Азова и планов освобождения Крыма. Петр I считал, что это временное явление. Тот же французский представитель Лави доносил о давнишнем проекте царя вести свою торговлю в Средиземное море. Действительное восстановление исторической ситуации, когда Русь опиралась на два морских фланга, движение как по Балтийскому, так и Черному морю обеспечивало развитие великой нации.

Но эпопея выхода России к полуденному морю, освобождения от насилий и угнетения христианских народов Кавказа, ограждения от разбойничьих набегов населения Южной России и Украины, создания Черноморского флота начала осуществляться лишь во второй половине XVIII века.

К концу царствования Петра I русский военный флот был одним из самых мощных в Европе. Он имел в своем составе 34 линейных корабля, 9 фрегатов, 17 галер и 26 кораблей других типов. В его рядах было до 30 тысяч человек.[1]

Петербург, Кронштадт, Ревель, Архангельск – вот основные порты и базы его пребывания. Однако наследники Петра быстро прокутили его государственное богатство, выветрили из державы ее славу и силу. Невежество и некомпетентность правящих кругов, безудержное господство иноземцев, преднамеренное оскорбление национального достоинства, разрушение традиций и обычаев, стремление как можно быстрее обогатиться за счет русского народа привели к взрыву.

К власти пришла группировка русских дворян, которая в 1741 году возвела на престол дочь Петра I Елизавету. Конечно, это был дворцовый переворот, но не следует думать, что русский народ видел в иноземцах избавителей, освободителей, носителей лучшей жизни и Божественной власти.

К дворянству, приведшему к власти Елизавету, можно вполне отнести слова Александра Сергеевича Пушкина о том, что оно было «необходимым и естественным сословием великого образованного народа».

Общественный патриотический голод был утолен, и тут понадобилось решать целый ряд социальных, экономических, политических вопросов. Если рассматривать развитие Российской державы с точки зрения реального исторического процесса, то был проведен целый ряд полезных и прогрессивных изменений, реформ. Наряду с этим проявились рост бюрократической верхушки, фаворитизм.

От восшествия Елизаветы флот выиграл – разваливающийся и гниющий при ее предшественниках на стоянках в портах, он пополнился 36 линейными кораблями, 8 фрегатами и значительным количеством более мелких судов. Специальная комиссия под началом капитан-командора С. Мордвинова составила особую систему сигналов, сведя их в книге «Особо для военных случаев». Возобновились учебные плавания, стрельбы, были уволены многие бездарные иностранные офицеры, основан Морской шляхетский корпус, был взят курс на создание отечественных офицерских кадров, что, безусловно, способствовало укреплению мощи государства, подъему и одновременно укреплению абсолютистской власти. Елизавета хотя и не обладала гениальными качествами своего отца, но в проявлении общей линии национальной политики проявляла последовательность и настойчивость. Это

снискало ей широкую популярность у дворянства, в армии и на флоте и среди широких слоев общества. Об этом, в частности, писал француз-современник: «Трудно решить, какую из иностранных наций она предпочитает прочим. Но, по-видимому, она исключительно, почти до фанатизма, любит один только свой народ, о котором имеет самое высокое мнение, находя его в связи с своим собственным величием».[2]

Особую роль сыграл флот в Семилетней войне (1756–1763), в которой он вновь приобрел необходимый опыт и в некоторой степени восстановил заслуженную славу. В этой войне Россия после двадцатилетнего перерыва выступила как морская держава. Ее флот имел задание подавить на море Пруссию и отразить поползновение ее союзника – британского флота на Балтике.

Выход в море Балтийской эскадры адмирала Машукова показал, однако, слабую выучку, плохое качество подготовленных к плаванию кораблей, их «гнилость», неумение сберегать продовольствие, большую смертность среди моряков. Вот что, например, сказано было об этом первом выходе в море в «Материалах для истории русского флота», ч. X (с. 380):

«Пройдя Готланд и Дагерот, отряд попал в туман. 3 мая ветер начал свежеть и усиливаться. На судах стали спускать нижние реи и стеньги, причем на бомбардирском корабле „Юпитер“ сломало бушприт… затем сломалась у него фок-мачта, упавшая в середину корабля; при этом падении переломилась фор-стеньга и грота-рей и сломалась грот-брам-стеньга. Бурная погода продолжалась и на следующий день. На корабле „Гавриил“ на баке отделило борт и покачнулись с планширями все 8 кнехтов, за которые крепится пертулень и рустов, и оказалась в них гнилость, потом разломились в трюме, около грот-мачты, ящики, из которых выкатывались ядра. В носовой части корабля позади крюйт-камеры и против грот-мачты открылась большая течь. Бомбардирский корабль „Дондер“, претерпевая сильное волнение, не мог держаться на море и, заливаемый волнами при сильной качке… давал знать пушечными выстрелами о своем опасном положении. Корабль „Гавриил“, подошедший для оказания помощи… попал на банку, о которую ударился так сильно, что руль приподняло на кряжах и сломало румпель… На „Селафаиле“ открылась течь… на праме „Дикий бык“ – трещина в бушприте».

Тяжелую трепку устроило море эскадре, выявив неподготовленность, халатность, неумение. Но такой шторм давал и опыт, превращал молодого офицера в закаленного «морского волка», а новобранца – в моряка, бывалого матроза (так называли в XVIII веке матросов). Обкатанный ветрами и штормами флот исполнил и ряд серьезных морских операций. Так, в начале кампании русские корабли бомбардировали крепость – город Мемель

(Клайпеда) и способствовали ее падению, организовали бесперебойное снабжение завоеванной Восточной Пруссии и Кенигсберга.

В 1758 году флаг командующего Балтийским флотом адмирала Машукова был поднят на 80-пушечном корабле «Святой Николай», капитаном которого являлся Григорий Спиридов. Поднял свой флаг и контр-адмирал Семен Мордвинов. Адъютантом главнокомандующего был Иван Голенищев-Кутузов. С этими именами история русского флота пересечется не раз.

Флот крейсировал на Балтике, доходя до Дании, приводя в трезвое состояние союзную прусскому королю Англию, обеспечивая постоянное и регулярное снабжение Восточной Пруссии из Либавы и Ревеля.

Самой успешной операцией флота, проведенной совместно с армией, явилась бомбардировка и взятие крепости Кольберг. Первый штурм ее был неудачен, и Конференция при высочайшем дворе и ее комиссия осудила неумелые действия флота. С 76-летним Машуковым поступили «по-божески», ибо он «справедливое наше неудовольствие уже довольно чувствует». Еще больше «опечалить» его в первый момент не решились, но все-таки легко удалили с действующего флота, сделав «присутствующим» в Адмиралтейств-коллегий.

Кольберг был взят в 1761 году. При его взятии отточился военный талант генерал-поручика П. А. Румянцева, зародились некоторые военные приемы у полковника А. В. Суворова.

Главнокомандующим флотом стал вице-адмирал Полянский. Он получил тщательную инструкцию от Конференции, пожалуй, даже чересчур тщательную, сковывающую инициативу флота, да она как таковая не всегда и поощрялась тогда. Как бы там ни было, но русская эскадра подошла к Кольбергу и включилась в общую осаду. Первыми в сражение вступили бомбардирские суда, и «денно и нощно», как отмечалось в «окстракте» шканечного журнала, «невзирая на прежестокую от неприятеля пальбу… они в самую близость города… приходили… стараясь неприятеля разорить… и искусством и порядочным наставлением… редкие бомбы миновали желаемых мест…». Затем Полянский высадил десант.

«Над оным же морским войском главная команда поручается г-ну флота капитану Григорию Спиридову, который при оных будет состоять за полковника. Для пользования больных определен штаб-лекарь Буцковский. Священнику быть с корабля „Вархаила“ с надлежащими святыми требами».

«Морские солдаты», моряки и пехотинцы сражались умело, настроили редуты, установили батареи, вели бомбардировку города. Гарнизон был

истощен, и, несмотря на то, что в связи с приближающейся зимой флот снялся с якоря и ушел на зимние стоянки, участь Кольберга была решена, и он пал.

Русский флот в Семилетней войне показал, что без его участия ведение больших победоносных боевых действий, особенно в прибрежных районах, почти невозможно. Он усилился тем, что из его состава решительно исключили ветхие и устаревшие суда. Адмиралы, офицеры и командиры кораблей получили серьезную боевую закалку, наметилось преодоление кризиса. Но до полного возрождения флота было еще далеко. Заря нового флота России лишь занималась, его тактические основы только прощупывались, и его будущий создатель только учился плавать на Волге, в удалении от морских берегов Отечества.

У Волги разливистой

Федя шел за отцом, обливаясь потом, каждый новый шаг давался все труднее, коса ходила неровно, вот зацепилась за толстые стебли, и снова приходилось делать размах, на который уже не было силы. Отец не оглядывался, но Федя чувствовал, что он сердился, когда сын отставал. «Сердится батя! Нажми!» – все чаще приказывал себе Федя. Он заметил, что его маленькая коса ходит быстрее, когда носок ее чуть приподнимается вверх, и она вроде бы выплывает на волне травы, оставляя после себя успокоенное зеленое душистое море. Все гудело от напряжения, но было радостно: «Дожал, почти дожал». Все! Отец сделал последний перед лесом взмах, немного подождал и обернулся. Федор стал рядом. Мать спешила с опушки с запотевшей крынкой молока и собранными ягодами.

– Испейте, родимые! Испейте, голубчики! Смотрела любовно и жалостливо, как жадно глотал Федя. Не выдержала и всхлипнула.

– И что ты, батюшка, заставляешь его косить. Не дворянское дело-то.

– Молчи, Параскева, а что дворянское? Великий Петр все мог делать своими руками и нас, преображенцев, к сему приучал. Столярничать Федька умеет, – стал он загибать пальцы, – лошадь запрягает, топором рубит, на лодке гребет, сеть ставить может, стрелять научу, грамоту знает, счет ведет, молится прилежно. Что еще надо? Зимой поедем в герольдию на смотр, определять на службу будем. Хватит Степке гнезда зорить, да и Федька готов на государев счет идти. Хорошо бы к преображенцам, – мечтательно протянул отец, – вот бы где свет повидал да погулял, повоевал бы, – покрутил он ус.

– Не надо ему войн, пусть служит по гражданской части, – поглаживала по головке сына мать.

– Эко ты, будто царица, приказы отменяешь. Да кто из истинных дворян променяет военную службу на бумагомарание да откажется от ратных дел.

– А Ваня-то, сказывают, отказался…

– Негодник он и клятвопреступник, со службы сбежал, – твердил и краснел отец, – опозорил он Ушаковых.

Стало ясно, что речь шла об Иване Ушакове, что, сказывают, сбежал из гвардии в скит дальний. Мать не согласилась. Федя нечасто видел ее такой. Непреклонной, с горящими глазами.

– Нет, Федор, он же душу спасал.

– Душа в согласии с долгом должна быть, а он ее от обязанности увести хочет.

– Ты же знаешь, Федя, – мать положила руку на плечо отцу, – он в Бога по-истинному верил, ни одно богохульство не прощал, несправедливости не терпел.

Отец сбросил руку и разгоряченно зачастил:

– Брось пустяки молоть! Когда? Когда сие было? Он со мной, бывало, и пил, и трубку курил, и плясал, и речи не для дамских ушей говаривал. Как он мог службу предать и бежать, нет, я ему не прощу…

– Ну и нашел, чем хвалиться: пил, курил, – совсем рассердилась мать, – он ведь не к ворогу перебежал, а к Богу!

– Бог тоже измен не прощает, – махнул отец рукой и встал.

Федя прислушался, о чем спорят отец и мать. Ему казалось, что изменять никому нельзя. Нехорошо это. Дядю своего, которого видел всего два раза, он любил, Богу верил, но долг, о котором говорил отец, и ему казался главным. Когда молилась мать, она все просила у Бога заступничества и сохранения ее сыновей и близких, а отец и перед иконой испрашивал побед Отечеству, армии и флоту.

– А ты, Федор, в преображенцы или тоже в монахи хочешь? – хмуро спросил отец.

– Не-е, батя, я бы во флот пошел…

Отец удивленно поднял брови, мать охнула:

– Сынок, да кто же тебя надоумил сему?

– Волга, – отвечал Федя с гордостью. – Я быстрее всех плоты вязать научился, плавать и под водой сидеть дольше всех с камышиной, гребу без устали. Вот все ребята наши и соседские меня морянином и именуют.

Отец покачал головой, но не возразил: морская служба тоже государева, – и уже ласково шлепнул по спине:

– Иди погуляй! Поди, дед Василий голову заморочил.

Федя быстро вскочил:

– Я на Волгу со Степаном. У нас там верша закинута. Отец кивнул, но Степану разрешил лишь после того, когда тот закончит свое дело. Строгий преображенец, он по утрам давал задания («развод караула») всей семье и дворне. Сегодня день был трудовой, братья работали, завтра – учебный, монах из Островного монастыря будет читать с ними псалтырь и учить счету.

– Ты, Феденька, Никиту с собой забери, – крикнула вдогонку мать, – он постарше да посильнее, защитит от злых людей, – объяснила отцу.

– Все ты их подолом прикрываешь, скоро в службу им, в ученье, а ты их в люльку обратно, – незлобиво ворчал Ушаков-старший, отбивая косы.

Феденька мчался по тропинке вдоль светлой и чистой Жидогости, сбивая прутом головки лебеды и ромашек, протыкая лопухи, вспугивая прозрачнокрылых стрекоз.

Корабельные сосны выстреливали своими ровными светло-коричневыми стволами в небо, шумя где-то там, очень высоко, зеленой хвоей. В лощинах и на равнинах толпились белые стайки берез. Пахло цветами, высыхающей травой, земляникой – словом, всем, что создавало аромат русского леса. Останавливаться Феде было некогда, да и лукошка не прихватил, а то бы до краев наполнил свежей пахучей земляникой, вон и летние грибы пошли уже.

Птицы сопровождали его от куста до куста своим немыслимо веселым щебетом, а беззвучные бабочки не боялись сесть на плечо и отдохнуть, когда он переходил кладку у ручья. Там он остановился, зачерпнул в горсть прозрачной холодной воды.

«Чудно здесь у нас, ладно. А каково оно, море-то?» – задумывался мальчик, задирая голову к верхушкам сосен и погружаясь в голубизну неба.

А вот и Бурнаково, его сельцо, где родился и жил он вот уже семь лет. В Бурнакове всего пятнадцать изб, да и кругом-то Кузино, Алексеевское, Ярофеево, Дымовское, Петряново тоже не большие деревни, а сельца, им да их близким принадлежащие. Лишь Хопылево на берегу Волги выделялось целым

рядом добротных изб, дворянских и купеческих домов и церковными строениями.

На дворе отцовского дома Степана не оказалось, хотя поленница, которую отец поручил сложить, была еще не завершена. Федор завернул за угол и застал Степана за непотребным занятием. Тот выпотрошил из-под стрехи воробьиное гнездо и вершил казнь над птенцами. Голову желторотых воробьят он закладывал между пальцев и взмахом руки отрывал ее от тщедушного тельца, бросая все кошке.

Федя крови не боялся, на разбитые до костей колени не жаловался, раны на пальце замазывал грязью, даже курице, если просила мать, мог голову отрубить, но тут ему стало худо. Налетел на Степана с кулаками, сшиб на землю и в бессилии затих, когда вывернувшийся старший брат заломил ему руки за спину и, задыхаясь, выговорил:

– Ты, Федька, оглашенный, бешеный прямо! Тебе тварей безмозглых жалко, а брата чуть не убил из-за них. Набросился.

– Сам ты тварь безмозглая, – прохрипел Федя и замолчал.

Степан отпустил его, отправился налаживать поленницу, а через час пришел к забившемуся в угол двора брату.

– Федька! Айда на Волгу. Верша там, поди, полна рыбой.

И хотя радостное утреннее настроение исчезло, Федя согласился – на Волгу его всегда тянуло.

– Мамка сказала, чтоб Никиту взяли, – буркнул он. Степан удивленно посмотрел на брата: вот, оказывается, тот уже с разрешением шел.

– Чего ж ты тогда на меня набросился? – еще раз повторил он.

Федя не ответил, а закричал в сторону небольшого домика:

– Никита! Никита! Пошли с нами на Волгу. Мамка сказала. – Показался невысокий, но крепкий парень, дворовый человек Ушаковых, лет шестнадцати, с топором в руках, постоял, кивнул и нырнул в сарай…

Дорога к Волге была красивой, зеленой и ароматной, но уже не такой радостной и звучащей, как раньше. Никита почувствовал, что между братьями черная кошка пробежала, и старался их развлечь рассказами про свои успехи в рыбной ловле.

– Я намедни сома во-от такого поймал в Жидогости.

Братья улыбнулись, не возражали, хотя Никита развел руки на всю ширину. В их любимой и теплой речке водилось все: и караси, и окуни, и щуки, и сомы, правда, может, и не такие, каким хвастался Никита.

В Хопылеве у отца была своя лодка, которую вытаскивали и оставляли для надзора у избенки бывшего петровского морского служителя деда Василия. Василий же на костыле и деревяшке умудрялся подниматься на горку возле монастыря и зажигать костер в ночное время, чтобы идущие по Волге ладьи, лодки, дощаники, каюки и другие речные суда не наткнулись на длинную и узкую отмель, намытую за церковью Богоявления. Говорил он, что на сей пост его поставил сам Петр Великий, когда проезжал по Волге и увидел одноногого моряка, что просил милостыню у монастырских ворот в Богоявленском. Вот тогда-то и указал Петр на этот холм и повелел жечь ему ночной костер для «ориентации судов». Правдой был сей рассказ или выдумкой, никто ни в Бурнакове, ни в Хопылеве, ни даже в самом Романово-Борисоглебске не знал. Однако три рубля ежегодно петровскому мореходу выплачивали. За что? Кто постановил? Не знали, но и отменять приказ не собирались. И горел над приволжской кручей от апрельских весенних дней до первой шуги знакомый всем кормчим, вожакам-лоцманам, бурлакам костер.

Находившись вдоволь на веслах, собрав улов с поставленных вчера Никитой и Федей вершей, братья вытащили лодку перед избенкой деда Василия и, насобирав кучу хвороста и сучьев, поднялись к нему на кручу.

Бывший петровский моряк уже затеял костер, подложил сухого мха, сена под маленькие веточки, умостил рядом кресало, камни и трут и с нетерпением поглядывал на небо, ожидая, когда загорится вечерняя звезда.

Федя, десятки раз бывавший на этом холме, с удовольствием разместился рядом с ночным дозорным.

– Деда, расскажи, како ты при Гангуте сражался, како шведа пленял.

Тот, однако, не спешил, он все еще про себя доспаривал со старообрядцем, коих много было на той стороне Волги.

– Он мне вот говорит, что табак – зелье бесовское и уста им осквернять нельзя. Кто трубку в себя пихает, тот сам себя осуждает.

– Слушай ты их, дед! Они, козлы старые, ничего в новом мире не смыслят, – перебил его Степан.

– Не-е, ты их не осуждай, они грамотно и красиво по старым книгам рассказывают.

– Ну так каждый может научиться, – не отставал Степан.

– Не-е, над старцем не смейся, ноне старец былое славит и правоту возвращает.

– Вот же, сам только на них ругался, – хохотнул Степан.

Дед Василий рассердился, не захотел более с ним разговаривать и обернулся к Феде:

– Слушай, я тебе старинную историю расскажу.

Историю эту, о российском матросе, Федя тоже слушал уже не раз, но дед добавлял к ней неслыханные ранее подробности, чем превращал ее каждый раз в новую сказку. Рассказывал дед Василий ее на разные голоса с остановками и оглядыванием слушателей, ища отклика.

– Так вот, поведаю я вам историю о российском матрозе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли. Василий-то Кариотский родом был из Российских Европий, на морскую службу поступил, стал матрозом. Вначале прозывали его на корабле, и прозывали зело нелестно, но он учился много и упорно и все мореходное дело изучил. То было замечено, – обвел всех взглядом, как бы ища подтверждения, что ревностная служба замечается, – и его направили за науки и услуги в Голландию, для овладения знаниями арихметическими и разными навыками. А там его и Цесарь заметил, пригласил к себе российского матроза.

– Ну а не ты ли это сам был? – хитро подмигнул Степан.

– Помолчи, то мог быть любой русский матроз, храбрый и умелый, а кто был тот, то будет ведомо. Так вот… приехал он во дворец к Цесарю. И был принят от Цесаря с великой славой, подобно яко некоторый царевич… Василий нанял себе в лакеи пятьдесят человек, которым надел ливреи с весьма богатым убором, карету приказал заложить золотокованую, и Цесарь, – поднял вверх палец дед Василий, – повелел министрам, а потом и камергерам неотступно быть при Василии. Цесарь стал сажать российского матроза кушать, Василий отговаривался. Тогда Цесарь и рече: почто напрасно отговариваешься? Понеже я вижу у тебя разума достаточно, изволь садиться. Во как за матрозом ухаживал!

Дед Василий вскочил, проскакал на култышке к обрыву и осмотрел горизонт: не загорелась еще звезда?

– Вот так он и жил, пока не попал на остров неведомый, в крушение. А на том острове непроходимый лес и великие трясины. Российский матроз попал туда, и пошел по берегу моря, и нашел тропу в лесу, яко хождение

человеческое, а не зверское. Там он и увидел разбойников, играющих в разные игры и музыки, пьяных.

Солнце садилось в красные тучки, ветрено будет завтра – потянулись над Волгой уточки, накапливался в лощинах туман, а петровский служитель рассказывал невероятные истории, приключившиеся с русским матросом: о том, как разбойники сделали его, молодца удалого и острого умом, своим атаманом, и о том, как захватили они казны, и товары, и флорентийскую королеву, которая влюбилась в Василия. И о том, как влюбился в нее Василий.

– Спорили разбойники из-за нее, кому она достанется, и порешили, что порубят на части, чтобы никому не досталась, да и самого Василия решили порубить и разделать на пирожное. Но Василий их перехитрил. Он в королеву хоть и влюбился, но сделал вид, что она ему безразлична. Плюнул и вон пошел! А сам разбойников уверил, что знает волшебный заговор, как захватить богатый корабль, коего не было. Сам же королеву похитил – увез. Дед Василий еще раз посмотрел на небо, взял кресало и ударил по кремню.

– Ту флорентийскую царевну снова пленницей взяли, а Василия чуть снова не погубили, но он скрылся. А флорентийская королева верность Василию сохранила, хотя ее подвенечное платье надеть заставляли.

Петровский страж ударил по камню, искры брызнули, трут затлел, и он поднял его вверх.

– Она платья подвенечного не надела и в черном платье поехала в кирху, где в бродячем арфисте и узнала Василия. Взяла она его за руку и посадила в карету, и повелела поворотить да ехать во дворец! Оженились. Там он и правит по сей день.

Дед Василий дунул в трут и ткнул его в сухую траву. Огонь вспыхнул, и костер обозначил путь тихо скользящей по Волге барке.

У божьего служителя

После первого смотра сыновей в герольдии Федор Игнатьевич решил им показать Петербург. Ему не терпелось взглянуть на места, где прошла его гвардейская молодость, мать хотела с пристрастием осмотреть петербургские лавки. Конечно, только осмотреть, ибо рассчитывать на большие покупки после дорогостоящей поездки, затрат на корм лошадей, на еду не приходилось. Степан хотел увидеть оружие и развод караулов, о которых рассказывал отец, а младший Федя непременно желал узреть море и корабли.

Петербург его, конечно, поразил размахом своим, пышными каретами, возками, кибитками, что сновали туда и сюда вдоль улиц. Но особенно

восхитился Федя, когда увидел тихо прошедшую под парусами яхту на Неве, она вышла из туманной дымки от Петропавловской крепости и медленно скрылась за одним из островов. Море он так и не узрел, далеко надо было ехать, отец не захотел.

– Пойдем сегодня в Александро-Невскую лавру, – сказал он в ответ на просьбу Федора. – Повидаем хоть этого несчастного, – проворчал он, взглянув на мать. Та промолчала, а Федор догадался, что пойдут к Ивану Игнатьевичу, о коем в доме часто заводили разговоры…

Когда вступили в главный собор Лавры, все как-то уменьшились в росте, притихли, поставили свечи во здравие и за упокой.

– Где тут Ушаков Иван служит? – обратился отец к приглядывающему за порядком монаху.

– У нас такого нету.

– Как нет, он тут с позволения императрицы у вас пострижен.

– А каково имя-то принял? Не Федор?

– Федор, кажется.

– Ну так ему досаждать не велено. И ныне он при деле богоугодном.

– А что за дело-то?

– Он при кружке подношений. А вы кто ему будете?

– Я брат родной, а это его племянники.

– Ну, то дело другое, – монах оглянулся по сторонам. – У кружки его сама императрица поставила. Он сие дело свято исполняет, и народ к нему валом валит. А нашито отцы и взревновали.

– Пошто народ-то идет? – с удивлением осведомился отец. – Аль святость в нем невидимая ранее появилась? – робко уже пошутил.

– Святой он! Святой! – с убеждением отвечал монах. – Подлинное благоговение вызывает у прихожан постным своим видом и добродетелями. Он в постоянном посту, молитвах и делах время проводит, сказывали, сам цесаревич Петр, – поднял вверх ладони и значительно посмотрел на начинающих робеть родственников, – Петр Федорович говаривал: в Александре-Невской лавре один монах – Ушаков! Пойдемте, я вас к нему отведу.

Он повел их к тому месту, где были прикреплены кружки для пожертвований, и вполголоса продолжал:

– Отцу Федору это дорого стоило. А его бессребреничество привело к тому, что все монетки до одной из пожертвований шли в казну церковную. А тут народ почувствовал, что сему монаху можно довериться. И шли к нему мужи с женами и детьми и просили, как быть им с детьми, в миру живущими. Он отказывался советы давать, отсылал к учителям монастырским, однако его вера убеждала и заповеди призывали: «Требующим от тебя помощи – не отврати». А так как живущие в нашей обители люди ученые, то видывали и начали вменять ему в обиду, что, миновав их, людей ученых, люди идут к простому старцу, и от них к нему зависть и ненависть. Они даже к митрополиту самому обратились, и тот запретил вход всем, кто говорил, что к Федору. Вот он! – с почтением кивнул головой монах на высокого худого чернеца, читающего негромкую молитву. Верующие, среди которых было особенно много молодых женщин, кланялись в такт его размеренному голосу. По окончании молитвы одни стали развязывать узелки, расстегивать карманы и кошельки, доставая оттуда монеты, другие сразу потянулись к кружкам, бросая туда зажатые в кулаке пятаки. Чернец поклонился людям и, выпрямляясь, встретился взглядом с Ушаковыми.

– Вот и хорошо, что пришли в храм Божий помолиться, – по-доброму, будто и не расставались, сказал он. – Пойдемте ко мне в келью, орешков детям дам, для белок припас. И зашагал неторопливо через двор к крайнему каменному строению. Стоявшему у входа и не пропускавшему их внутрь монаху сурово сказал:

– Сродственники. Брат мой родной с детьми. Монах в нерешительности огляделся и махнул рукой.

Когда зашли в келью, Федя поежился, – было прохладно и пусто, лишь в углу стоял сбитый из досок топчан да в другом висела икона с лампадой.

– Хорошо, что пришли, – повторил Иван, – попрощаемся, ухожу я в Саровскую пустынь.

Мать всплеснула руками, из глаз ее катились слезы. Отец сурово взглянул на нее, хмурясь, спросил:

– Что ты там, в той пустыни, не видал? – и обвел руками келью. – Чем у тебя тут не пустынь?

– То верно, везде можно людям служить. Но собрал я, брат мой, духовное братство из многих людей и со своими духовными учениками и ученицами, холостыми мужами, вдовами и девицами, отправляюсь туда на покаяние и

поклонение. Некоторые из них у святого Синода даже исходатайствовали разводы, чтобы с нами поехать.

– Где та пустынь-то? – спросил не особенно знающий святые места отец.

– За Арзамасом в дремучих лесах, – объяснил Иван и обратился к младшему Феде: – Кем же ты будешь после герольдического смотра?

Тот зарделся и прошептал:

– Офицером морским!

– Всякая служба Богу угодна, – погладил его по голове Иван. – В миру будешь жить, мой отрок, а он бывает жесток и несправедлив. И моя судьба может послужить тебе уроком. Садитесь, – пригласил он всех, указав на топчан. Все сели, а Федя и мать, наверное, из почтения к святому человеку, остались стоять.

– Я ведь, ты знаешь, – обращался он почему-то только к Феде, – на военную службу был вчинен в гвардию. И здесь, в Петербурге, в таком славном месте увеселений и без особого тщания о своей душе служить стал, больше заботился о греховных сластях, коим с сотовариществом предавался. Однако же в один день, когда звучали вкруг нас, забавляющихся, гусли и свирели, паде внезапно один из товарищей моих на землю и умре без покаяния. То событие повергло мою душу в тревогу и боль. И решил я оставить всю сию жизнь мирскую и устремиться в полнощные края. Увидел я, что мир в нашем воображении не то, что божеской рукой создано, а то, что разумеем, что худое в мир грехом введено, а именно изменил мирские суеты, бесчестные другим примеры, вредные худыми людьми обхождения, всякие соблазны и препятствия к добродетельному житию, а потом решил я удалиться от мира и избрать себе состояние, в котором беспрепятственно хочу упражняться в богомыслиях.

– Однако же кто-то должен землю пахать да державу от врагов защищать, – сказал отец.

– И я не говорю, что уйти надо в бездельность. И здесь и в Саровской пустыни мечтаю, чтобы были все молящиеся при рукоделии, отогнав себя от праздности. Дары Богу действием хочу нести и от нечистот мира действом освободиться.

– Куда же ушел ты тогда-то, Ваня? – робко перебила мать.

– А… – махнул рукой Иван, – где я только не был. Отослал слугу в Ярославль, и там возле города переоделся я из мирских одежд в черную,

убогую, яко труднику пустынному суща. Возле города, уже переодетый, – возвел глаза вверх, – встретился мне на возке дядя наш…

– Никогда он мне этого не рассказывал, – удивился отец.

– Да он меня и не познал в худой одежде. И я тогда решил окончательно: так тому и быть. В двинских лесах в Поморье оказался, а потом в Плащанской обители в киевских местностях. Мне там настоятель отказал в келье, а затем и выдали наряду воинскому, как беспаспортного, привезли в Петербург и прямо к царице.

– Во как! – со страхом и восхищением присвистнул Степан.

– Да! Ведь из гвардии не бегали раньше.

– Вот именно, – хмыкнул отец. – Что же она тебе сказала? Чай, не погладила по головке.

– Не погладила, но и не отсекла. Вопрошала: зачем ты из полку моего ушел? Для удобства спасения моей души, ваше императорское величество, я ей ответил. Тогда она мне дивное слово сказала: «Не вменяю тебе побег в проступок, жалую тебя прежним чином, вступай в прежнее званье».

– Ну так что ж ты зевал-то? – окончательно разочаровался в брате отец.

– Я ей ответил тогда, Елизавете Петровне, государыне нашей: в начатой жизни моей, ваше императорское величество, для Бога и души моей до конца пребыть желаю, а в прежней жизни и чина не желаю. Она тогда и рекла мне: «Для чего уходом ушел из полку, когда к такому делу и от нас мог быть отпущен?» Я же ей сказал, если б о сем всеподданнейше утруждал тогда, то верно было бы и сейчас, как убогий утруждаю, как в том случае. Рекла императрица: куда желаешь? Я и сказал тогда: в Саровскую пустынь. Она и ответила: пусть. Только останься, побудь в Александро-Невской лавре у кружки. И был пострижен я и наречен в честь святого нашего ярославского Федора. Хотел бы я, чтобы деяния того святого осветили и тебя, отрок – осенил он крестным знамением Федю. – Чтобы на путях дальних твоих были свершения великие. Думай же всегда о Боге, о ближних. А еще кто о ближнем не радит, тот, наверное, и веру нашу отвергает. Люби человеков, с коими будешь, и ждет тебя победа.

Страшно как-то было Феде, в душе у него что-то затрепетало и позвало вдаль, в неведомый доселе мир.

Морской кадетский корпус

1761 год обозначил судьбу Федора Ушакова. Он поступает в Морской шляхетный кадетский корпус. Регулярное морское образование в России к тому времени уже крепко укоренилось. Морской кадетский корпус, куда поступил Ушаков, имел славные и боевые традиции. Начало его восходит к Навигацкой школе в Москве, учрежденной Петром I. Указ, подписанный 14 (25) января 1701 года, гласил:

«Великий Государь, Царь и великий князь Петр Алексеевич… указал именным своим… повелением в государстве… своея державы… на славу Всеславного… Бога и своего царствования, во избаву же и пользу православного христианства быть математических и Навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению». Петр сам недавно возвратился из Голландии и Англии, где прошел курс кораблестроения и морского искусства. Навигация и стала его страстью, а строительство кораблей – любовью.

Но на любовь свою он смотрел серьезно и требовал этого ото всех, кто связал свою судьбу с флотом.

Навигацкая школа получила в свое владение Полотняный двор в Замоскворечье, но не прижилась там, ибо тот был не приспособлен к астрономическим наблюдениям и обучению учеников.

Тогда Петр I передал Навигацкой школе Сухареву башню и окружающие ее строения. В башне были достроены «верхние при школе палаты», расширены классы. В школу был объявлен набор. Однако в 1701 году ученика было всего четыре, и лишь 16 июля 1702 года она стала полнокровным учебным заведением. В то время в ней уже было 200 человек. Из «всяких чинов» ученики-охотники учились арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, навигации, астрономии, ведению шканечного журнала, геодезии, изучали различные морские навигационные приборы, всю морскую премудрость, «узнав этой науки сладость». Велено было принимать в школу детей всех сословий: дворянских, дьячих, подьячих, церковнослужителей, посадских, дворовых, солдатских и других чинов, в возрасте от 12 до 17 лет. Правда, потом оказалось в ней немало и молодых людей до 25 и больше лет, причем большинство из них были отнюдь не дворянские дети.

Замечательной фигурой, оставившей большой след в образовании русских морских офицеров, был Леонтий Филиппович Магницкий. Он был один из самых образованных людей начала XVIII века, написавший свою знаменитую «Арифметику», которая вывела многих русских молодых людей на путь образования и науки. Третья часть этой «Арифметики» была написана специально для моряков с освещением разделов навигации и астрономии.

Именно эта часть и стала основой для обучения всех первых русских морских офицеров.

После Гангута Петр задумал учредить Морскую академию и Морскую гвардию и указом от 1 октября 1715 года решил перевести морское училище поближе к морю, в новую, расцветающую столицу России Санкт-Петербург. Морская академия разместилась в доме Кикина, находившемся по набережной реки Невы на месте Зимнего дворца, на углу, обращенном к Адмиралтейству и Главному штабу. «Кикин дом» – означало тогда учебное заведение русских моряков – Морская академия, которую называли и Академией морской гвардии.

Из Навигацкой школы в Москве и Морской академии в Санкт-Петербурге выходили офицеры, унтер-офицеры, пушкари, кодиштурманы, констапели и матросы. Многие из них стали большими ревнителями просвещения, руководителями научных экспедиций, выдающимися картографами. Достаточно назвать выпущенный при их самом активном участии первый Географический атлас России, изданный в 1745 году Академией наук. Известны имена выпускников Морской академии Ивана Х. Кириллова, организовавшего не одну экспедицию для описи северных и восточных берегов России; Михаила С. Гвоздева, бывшего геодезистом на боте «Святой Гавриил» в экспедиции Беринга и первым вместе с подштурманом И. Федоровым описавшим северо-западную оконечность Америки и составившим первую карту Берингова пролива; Семена Челюскина и Харитона Лаптева, описавших многие версты северосибирского побережья; Алексея Чирикова, прошедшего по северо-западным берегам Америки и нанесшего их на карту. Известны России были и другие выпускники академии: будущие адмиралы Семен Мордвинов и Григорий Спиридов, Василий Чичагов, контр-адмирал Воин Римский-Корсаков.

В период после Петра, особенно во времена бироновщины, российский флот захирел, ослабло и дело морского образования. Лишь при Елизавете были сделаны шаги к восстановлению могущества флота, к улучшению подготовки морских офицеров. 15 декабря 1752 года состоялся указ, по которому был учрежден для «государственной пользы *Морской шляхетный кадетский корпус».* Этим самым Академия морской гвардии переименована в Кадетский корпус по образцу Сухопутного корпуса, и, самое главное, существенно были увеличены ассигнования на его содержание.

Однако Московскую навигацкую школу в 1752 году Адмиралтейств-коллегия постановила «пресечь» и дворянских детей перевести в Морской корпус, разночинцев – в портовые мастерские.

В число воспитанников корпуса включены были гардемарины, до этого содержавшиеся на собственном коште.

Корпус был разделен на три класса, составляющих три роты. Кадеты его «за высокие успехи в учебе» выпускались в офицерском звании мичмана. Другие, не прошедшие до конца курс, пополняли корпус морской артиллерии, портовые службы, научные экспедиции. Для перехода из класса в класс необходимо было пройти широкий и разнообразный курс наук. Достойные переходили из третьего класса во второй и из второго в первый «по знанию». В первом классе кадеты получали звание гардемарина («морского гвардейца» – по-французски). Гардемарины должны были проходить практику в море. Некоторые из них ходили на иностранных судах в Ост-Индию, Вест-Индию и Америку.

Знания для того времени кадеты получали отменные. Математика и астрономия, кораблестроение и такелажное дело, иностранный язык и танцкласс, картография и «художества». Командиры академии были люди широких, державных взглядов, обычно неутомимые и предприимчивые труженики во благо русского флота. Вначале это были петровские вельможи А. А. Матвеев, графы Ф. М. Апраксин, А. Л. Нарышкин, Д. Вильстер, князь В. А Урусов, П. К. Пушкин, А. И. Чириков, А. И. Афросимов и А. И. Нагаев.

А. И. Нагаев принимал с самого начала деятельное участие в образовании Морского шляхетного корпуса и восемь лет был его директором. Собственно, директором Нагаев не был, а управлял на его правах восемь лет. Человек он был решительный, наводил порядки твердой рукой и даже вошел в столкновение с Адмиралтейств-коллегиеи, исключив «за неприлежностью» 60 учеников, «не способных к наукам» и дурного поведения, взамен них принимал новых, направленных из герольдий. Нагаев сформировал новый состав учителей и представил Адмиралтейств-коллегий список морских офицеров: Петр Чаплин, Григорий Спиридов, Харитон Лаптев, Евстафий Бестужев, Иван Голенищев-Кутузов, Егор Ирецкий, Иван Шишков и другие. Этот состав в немалой степени застал и Ушаков.

В 1760 году Нагаева сменил капитан 1 ранга А. М. Давыдов, «привести корпус в должный порядок» Адмиралтейств-коллегия поручила Ф. С. Милославскому, хлопотавшему об увеличении средств, расширении прав директора, об улучшении преподавания иностранных языков, работы типографии и отводе места для корпусного огорода… Моряки должны были сами себя прокормить в то неустойчивое время. Однако в 1762 году деятельность Морского корпуса чуть не прекратилась. Петр III повелел учредить из кадетских корпусов (сухопутного, морского) один, поручив его «в управление Главного директора Ивана Петровича Шувалова». Передача служащих и воспитанников в единый корпус была остановлена через несколько

месяцев, уже по восшествии на престол Екатерины. Нет нужды описывать, как довольны были будущие морские офицеры этому и сколь горячо приветствовали решение императрицы, высказанное в Сенате «отделить Морской корпус от сухопутного».

В 1762 году Морской шляхетный кадетский корпус принял под директорство капитан 2 ранга Иван Логинович Голенищев-Кутузов, ставший позднее адмиралом и даже президентом Адмиралтейств-коллегий. Под его началом Кадетский корпус начал расцветать.

Таким образом, Ушаков захватил как бы два периода: когда вообще ставился вопрос о целесообразности существования Морского кадетского корпуса и период его расцвета. Захватил он плац-парадную муштру при Петре III и заботливое желание педагогов и командиров приобщить кадет к самым последним достижениям мореходных наук.

Голенищев-Кутузов оказался недюжинным организатором. Он взялся организовать теоретическое обучение, наладить практические навыки. Пригласил лучших преподавателей, очертил круг их обязанностей. В первую очередь определил обязанности профессора математики и навигации, от которого потребовал «обучать кадет высшим наукам», «учителям давать наставления», а «ученикам большой астрономии читать лекции в математических классах». Из учеников большой астрономии выросли будущие преподаватели, а из математических классов после различных перемен выросли офицерские классы при Морском корпусе (впоследствии Николаевская морская академия).

Кадет обучали французскому, английскому и немецкому языкам, так как «и знание иностранных языков очень нужно для морского офицера в его службе, ибо морской офицер в своей службе имеет частые сношения с иностранцами и, кроме того, для достижения совершенства в своем искусстве должен читать иностранные книги о мореплавании, каких книг на русском языке, кроме самого малого числа их, вовсе нет». До этого обучение языкам велось из рук вон плохо и, по словам И. Л. Кутузова, «от начала корпуса с 1752 года ни единого офицера, знающего иностранные языки, из оного не выпущено». Возможно, и преувеличивал, дабы подчеркнуть свое рвение, новый директор, но доводы его были убедительны, и Адмиралтейств-коллегия увеличила число учителей иностранных языков. Кутузов «демократизировал» корпус, обратившись с просьбой оставить при нем 50 учеников из низших сословий, из так называемой «русской школы». Директор видел в них «рвения великие» и предлагал производить самых способных в учителя, других в типографские служители при Морском корпусе, мастеров для инструментальной мастерской, «адмиралтейства» или «для художеств».

Адмиралтейств-коллегия с доводами Кутузова согласилась и, более того, решила восстановить при корпусе геодезический класс «для описи берегов и земель, снятия планов, описи лесов и т. п.».

Наконец-то зажглись свечи в учебных классах по вечерам. Коллегия щедро отпустила их для корпуса. Весело затрещали дрова в печках, выделенные «для сугрева». (На одежду, амуницию выделили значительно больше средств.) В Морском кадетском корпусе потеплело, стало уютнее, интереснее и лучше. Появились талантливые преподаватели. Чего стоил один Григорий Андреевич Полетика, окончивший Киевскую духовную академию. Он отличался высокой эрудицией, настойчивостью, системностью в преподавании, изложении наук. Именно он предложил расписание занятий, которое утвердил Кутузов. Воспитанники ходили в классы на занятия с «7 до 11 часов утра и с 2 до 6 после обеда». Математические и «морские» трудные науки преподавались утром, а словесные науки и более легкие «морские» – вечером, ибо, как говорил Полетика, «труднейшие науки, требующие большого умственного напряжения, лучше усваиваются утром». Кроме того, Полетика был блестящим, как сегодня бы сказали, методистом, добивавшимся, чтобы по всем преподаваемым предметам были печатные руководства, поднимал власть и авторитет учителя, умело поощрял прилежных и наказывал нерадивых. Да и сам он корпел над сочинениями, ему приписывали известную «Историю Русов».

Восхищали многих учеников Санкт-Петербурга лекции по астрономии и математике профессора Котельникова, ученика знаменитого Эйлера, нередко проводимые ночью в обсерватории, расположенной на здании корпуса. Об образованности Котельникова и бывшего начальника батальона профессора Н. Г. Курганова, преподававшего в корпусе, ходили легенды. Математические и морские науки он нередко читал на французском и немецком языках, которые знал в совершенстве, отсылая к английским и латинским книгам, прочитанным им самим. Да и сам директор Кутузов был человек начитанный, образованный, с четким представлением о целях воспитания морских офицеров и «служителей моря». Он хорошо знал немецкий и французский языки, иностранную и русскую литературу по кораблевождению и кораблестроению, плавал в молодости и по собственному опыту знал все недостатки теоретического и практического образования морских офицеров. Поэтому столь точны и плодотворны оказались его усилия по обучению выпускников теории и практике морского искусства. Именно он ввел должность морского капитана для обучения «морским эволюциям» с жалованьем 600 рублей. «Капитану этому иметь практический класс, – писал он, – т. е. обучать морской практике, объяснять случаи, бывающие в морской практике, на имеющихся в корпусе моделях кораблей, показывать на вооруженном корабле употребление такелажа и корабельных орудий в поворотах корабля и прочее, до того надлежащее; на

модели профиля корабля показывать внутреннее расположение корабля и что где при нагрузке вмещается; этот же капитан может быть посылаем для обучения гардемарин и кадет действительной практике, показывать опись берегов, вымеривание фарватеров, положение берегов на карте, показывать на самом деле поверку компасов, употребление морских инструментов, как делать обсервации, развязку лиглиня и поверку часов. По возвращении из похода капитан этот экзаменует гардемарин и кадет, какое приращение они на море сделали в своих морских познаниях, одним словом, его должность пещися обо всем, что делает морского искусного человека в практике».

Усилия Кутузова, Адмиралтейств-коллегий привели к тому, что в 60-е годы Морской шляхетный кадетский корпус стал одним из лучших учебных заведений России: из его стен в эти годы вышли офицеры, которые стали красой и гордостью державы, принесли ей выдающиеся морские победы в XVIII и начале XIX века, способствовали расцвету мореплавания. Прежде всего это замечательный русский флотоводец Федор Федорович Ушаков, поступивший в Морской корпус в 1761 году и выпущенный из него в 1766 году по получении звания мичмана. Учились в нем и прославленный герой Чесмы Дмитрий Ильин, и землепроходцы Севера Алексей Скуратов, Макар Ротманов, удалой капитан 1 ранга Кожухов, бравший Бейрут в 1773 году, взорвавшийся, не сдавшийся врагу капитан Сакен, легендарный Дмитрий Сенявин и вдохновенный Иван Крузенштерн, язвительный мудрец, вельможа и просветитель на английский манер граф Николай Семенович Мордвинов, вице-президент Адмиралтейств-коллегий при Павле I Г. Г. Кушелев, известный гидрограф и ученый Гавриил Сарычев, небезызвестный министр просвещения, президент Российской академии адмирал Александр Шишков, герои русско-турецких войн Гавриил Голенкин, Павел и Семен Пустошкины, прославившийся дальними плаваниями на шлюпах «Диана» и «Камчатка» Василий Михайлович Головнин и другие.

Не раз пути прославленного флотоводца Ушакова пересекались с теми, кто закончил курс вместе с ним, раньше или позднее его, но кто на всю жизнь сохранил память об этом подлинном храме морских наук, где вызревала любовь к Отечеству, флоту и морю, об очаге, где возгоралась будущая слава героев России.

Кикин дом

– А ты, любезный, будь добр, подай мои ботины, – покровительственно и доброжелательно протянул краснолицый гардемарин с пробивающимися светлыми усами только что определенному в Морской шляхетный корпус Федору Ушакову. Федор смутился, покрылся краской, но ботины подал, вопросительно взглянув на гардемарина.

– Вот так, голубчик, будешь исполнять все мои приказания, – старался тот говорить солидно, с хрипотцой.

– А ты кто будешь? – нерешительно спросил Федор.

– Я твой «старикашка», а ты мой «рябчик», – важно ответствовал светлоусый, и на глазах у изумленного Федора запихал в ноздри кусок душистого табака.

– Не пойму что-то. Нам сегодня на плацу внушали, что командиром моим есть корпусной офицер Егор Ирецкий и его приказы я должен выполнять. А о «рябчиках» и «старикашках» слыхом не слыхивал.

– Вот будешь ныне знать, кто твой истинный начальник. У нас, у кадет, тут свой устав имеется. Да ты не сомневайся, то правило испокон веков. Лучше скажи, у тебя деньги есть?

Федор замялся, помнил, матушка наказывала никому об этом не говорить, но тут-то скрываться нечего, своя братия, морская.

Ответил:

– Есть немного.

– Ну так вот, давай сигани на угол от Кикиного дома. Купи бутылку, сбитня и яблок и тащи сюда. Да так, чтобы офицер не заметил.

Федор наморщил лоб, подумал о деньгах, но спросил не об этом:

– А пошто дом-то Кикиным зовется?

– Э-э-э, то дело давнее. Первый дом у Морского корпуса, что тогда академией звался, был отобран, аль куплен у купца Кикина на Неве. С той поры и нас там нету, и дом-то снесен, и корпус в другие места переехал, дом Миниха обжил, а все про наш корпус Морской говорят – Кикин дом… Так ты давай на угол, валяй.

Федор вздохнул, поморщился от своей несговорчивости и обреченно протянул:

– Не-е… Не пойду. Мне батюшка не велел расходовать. До Нового года не пришлют больше.

– Ты что, негодник! – завращал глазами светлоусый гардемарин, чихнув от табака. – А ну беги быстрее в лавку, пока тебе тут не всыпали горячих.

– Не-е. Сказал не пойду, значится, не побегу. Я батеньку привык слушать. – И, повернувшись, пошел к выходу. Сильный и неожиданный удар

под коленки и в спину подкосил его. Он упал на дверь и, вытянув руки вперед, вылетел в коридор под ноги ротному офицеру. Тот едва отскочил и тут же, стремительно приблизившись к лежащему Федору, сгреб его за воротник, приподнял перед собой.

– Ты что, недоумок, – так дразнили в корпусе кадет первого года обучения, – наук не постиг, а уже бунт подымаешь, на офицера нападаешь! – загремел он. Из разбитого носа Ушакова капала кровь, на лбу расплывалось пятно синяка. Офицер, не умея смягчить голос, сипловато-хрипло рыкнул: – Ты что – ядро? Или пуля ружейная? Может, тебя кто толкнул сзади?

Федор пришел в себя, тяжело вздохнув, не глядя на офицера, сказал:

– Не-е… Разбежался и прыгнул… Сам упал.

– Сам? Ну тогда караул вне очереди.

Вечером, когда он проходил по длинному корпусному двору, его обогнал светлоусый и дружески хлопнул по плечу:

– А ты малый крепкий, «не задорный». Будем дружить. Меня Яковом Карташевым кличут.

Потом уже узнал Федор, что «задорными» называли в училище тех, кто жаловался на своих товарищей, доносил о своих обидах офицерам. Ни разу не испытал он на себе сурового наказания, которое применялось к «задорным», когда с ними никто не говорил и не останавливался. То была невыносимая мука, когда к несчастному жалобщику поворачивались спиной, удалялись как от зачумленного. Лишь победоносная драка да удалое молодечество во время плавания смывали позор с «задорного». В тот первый день Федор нутром почувствовал необходимость исполнения морского закона – закона спайки и братства, но подчинения кулаку не принял.

…На следующий день выдавали одежду и амуницию. Зеленый кафтан Федору нашли сразу, а штаны не подходили – все были коротки.

– Эко тебя угораздило! – беззлобно ворчал каптенармус. – Малые дать – порвутся скоро, а мундир на два года выдается. Будешь целый год распоротым. Что за кадет из тебя тогда. На вот, возьми еще суртук, тоже зеленый, для вседневной носки. Кажен день носи и следи, дабы не порвался. Он, правда, крепок, из солдатского сукна делан.

Наконец последним оделся и Федор. Вскоре получили тесаки и ружья. И еще рыхлым, невыровненным строем встали новички перед зданием Морского корпуса. Из каменного флигеля вышел на высокое крыльцо поддерживаемый под руку двумя офицерами толстый дядька. «Милославский, Милославский!

Сам контр-адмирал!» – прошелестело по рядам. Мрачно поглядел на кривую шеренгу неопрятно одетых первогодков-кадет и, сморщившись, брезгливо сказал:

– Строю! Строю учиться надо! Сейчас морякам не до моря. В сухопутчиков обращают. Запомните сие время, когда вас могут лишить морского состояния.

Кадеты испуганно молчали, не понимая, о чем говорит контр-адмирал. Сурово молчали и офицеры. Они-то знали, что грозит морскому сословию. Милославский поводил глазами по строю и, остановив взгляд на выделяющемся Ушакове, громко спросил:

– Вот ты, недоросль в плечах знатный, зачем сюда, в наш Морской корпус, подался?

– Я, ваше превосходительство, еще в деревне по-морскому думал и в сухопутчики не пойду, лучше уж в брадобреи.

Строй недружно засмеялся. Милославский склонил голову и одобрительно покивал:

– Похвально! Похвально, братец. Но ты нынче берегись, кабы тебя самого не побрили на голыптинский манер! – И тоже заколыхался в смехе, довольный своей смелой остротой…

…Проявивший дружелюбие к Федору с того часа, когда тот не выдал его, Яков Карташев вечером пояснил:

– Проект у голыптинцев императора Петра III созрел: слить всех кадетов в единый корпус под управлением графа Шувалова. Нас, моряков, своего первородства лишить задумали.

– Пошто надобно-то сие им?

– А как же! Российский флот всем немцам поперек горла стоит, еще со времен Великого Петра. А особо когда Мемель и Кольберг у них отбили. Радетелей у него мало осталось. Вот ты – малый с характером, – продолжал Яков, – а готов всю душу отдать российскому мореплаванию? Готов служить морю без отдачи?

Увидел, что Федор непреклонно повел головой, кивнул ему.

– Поклянись тогда! Побожись, что не отступишься от моря – в наше братство войдешь.

Федор о братстве не ведал никаком, но морю был уже предан, жаждал сродниться с ним навсегда. Вырвал волос из головы, окрутил вокруг пальца и тихо сказал:

– Не отступлюсь от дела морского, от Веры нашей, от Отечества русского! Служить им буду вечно и неустанно! Аминь!

На кронштадском эллинге

Через месяц повезли их в Кронштадт в эллинги, где строились корабли. Шум и суета были тут превеликие. Ухала баба, забивающая сваи, скрипели оси нескольких десятков телег, развозивших канаты, бочки со смолой, доски, конопать, солдат и каторжников, вырывался со свистом пар из сушилок, ходили вверх и вниз пилы, взлетали там и сям топоры, раздевая своими железными клювами последние одежды с бревен, что еще недавно были звенящими раскидистыми зелено-золотистыми соснами. Кадеты небольшой стайкой сгрудились у ребристой туши почти построенного корабля. Из-за него вышел офицер в форме Преображенского полка и, доброжелательно поглядывая на них, громко объявил:

– Уши сюда! Я, мастер корабельный Петров, вам объясню все предметы, принадлежащие к кораблю.

Он подошел к кораблю, любовно похлопал его по днищу и, перекрывая шум, уже строго, как на занятиях в корпусе, продолжил:

– Сегодня я вам дам наглядные уроки, что и как в морском деле называется. У нас, у мореходов, – он самодовольно улыбнулся, – есть свой язык, и вы его понять и запомнить на всю жизнь должны. Ну вот, – он показал на верхушку стоящей мачты, – каждого дерева, стоящего вертикально, верхний конец называется топом! Края же у дерев, лежащих перпендикулярно мачтам, то есть у ре-ев, называются но-ка-ми!.. – Каждое слово морское, необычное мастер разделял на слоги, выделял паузой, вроде бы хотел, чтобы оно одно пожило на слуху, в память самостоятельно вошло.

– Всякая веревка, на время привязанная, называется при-креплен-ная. Когда же надобно ее ослабить или совсем отпустить, то говорится по-морскому: от-дать! Если что нужно наскоро или же что-либо на время привязать, то говорится: при-хва-тить!

По дощатому настилу, через отверстие в трюме, они поднялись на палубу, с которой вдруг открылся чуть ли не весь Кронштадт и даже белеющий вдали Петербург. Петров, однако же, не дал любоваться видами, а подвел к хитросплетению канатов и веревок, опоясывающих мачты.

– Вот эта основная веревка через два блока вообще называется та-ли, который ее конец к блоку прикреплен, то – ходовая часть! Самый же конец, за который тянут, именуется – лопарь, обивка несколько раз какого-нибудь дерева или другого чего называется – найтов. Всякий узел называется кноп. Каждый железный крючок, – Петров с маху нахлобучил на один из них свою шляпу, – на корабле употребляемый, называется – гак. – Снял шляпу и тут же присел, ткнув в ребра корабля. – Необвостренные круглые длинные гвозди, коими крепятся части корабля, называются боуты! Такого же рода деревянные – нагели! Поперечные соединения досок, – Петров быстро перебежал вниз, увлекая кадет, – вот смотрите, такие же, как эти, называются стык, а продольные соединения, как вот эти, – паз. Сложенная в один или много кругов веревка называется бухта, а когда вытаскивают какую-либо снасть и оная, завязнув, где-либо препятствует произвести надлежащее действие, то говорят – за-ело!

– А у тебя что, тоже заело? – позвал Петров поднявшего голову вверх и взирающего через проем на мачту Федора.

– Да нет, вон та рея, сдается, плохо прикреплена, и в походе оно может сказаться.

– Не рея, а рей! Нижний рей! – с удивлением посмотрел на кадета Петров. – Правильно увидел, я им вчера еще об этом сказал, башибузукам. Пошли сейчас на корму, там изучим другое важное в деле нашем.

После обеда в Петербург возвращались на баркасе, гребли попеременно, устали, но было удивительно хорошо и радостно оттого, что увидели, как заботятся мастера о рождающемся корабле, их будущем доме, тщательно готовя для дальнего и опасного пути. И еще радостно было, что мастер Петров на прощание при всех руку подал и сказал:

– Глаз зоркий. Сие важно в деле морском. Никакую мелочь не упустить. Упустишь – корабль и себя погубишь. Точи глаз, кадет, на плохое, на недоделанное – оно и исчезнет, хорошее на его место станет.

Ваш бог – линия…

Шел 1764 год. Сумрачно и зябко было в осеннем Петербурге. Ударил колокол. Шесть часов утра. Кадеты выскакивали из деревянных флигелей, застегивали зеленые сюртуки на ходу, бежали в главное здание, где выстраивались в длинном корпусном коридоре. Дежурный унтер-офицер осматривал строй придирчиво и внимательно.

– Что, рук мыть не умеешь? – распекал первогодка. – А под ногтями огород развел? В камбуз для прочищения мозгов.

Остановившись рядом с Федором, придирчиво осмотрел всего с головы до ног. Удовлетворенно фыркнул и, скосив глаза на Гавриила Голенкина, резко выкрикнул:

– За непришитую пуговицу лишаю калача. Сегодня пуговицу – завтра пушку потеряешь. Рохля!

Глаза у кадета наполнились слезами, бормотал, ощупывая мундир: «Ведь была только что тут! Куда подевалась, злодейка!» – «Ладно, не реви! – тихо шепнул Федор. – Дам половину!»

Промчались в столовую, где надо было ухватить калач попышнее и кружку для сбитня побольше. Оттуда – в классы. Нужно заскочить в дверь раньше, чем ударит рында. Тогда хозяином коридоров становится Полетика, их вездесущий и ехидный инспектор. Прежде всего он остановит опоздавшего и негромко, язвительно спросит: «Что, господин кадет, так и будете всю жизнь спать на ходу? Богу не успеете помолиться. Славу Отечества проспите». Если попался первый раз, Полетика расскажет о героях прошлого, о Цезаре, о Ганнибале, о прилежании Аристотеля, о том, что Великий Петр почти не спал, все бдел о благе России. А он, кадет, не может даже на занятие появиться вовремя. Что же из него за сын Отечества получится? Пристыженный кадет клялся не нарушать порядок, приучить себя вскочить до общего подъема, быстро помыться, поесть, за пять минут до того, как ударит колокол, сидеть в классе. Если же кадет попадался второй и третий раз, тут его ждала расправа: мыл и чистил он коридор, лишался ужина и даже удостаивался порки по субботам. Порядок должен входить в кадет, как считали в корпусе, через все части тела. Федор заставил себя с первого года вставать точно в заданное время и почти ни разу не опаздывал на осмотр, завтрак. И не наказания боялся он, а приучил себя ценить время, организовывать, дисциплинировать. Знал, что точное и быстрое исполнение команды и приказа уменьшает усталость, сохраняет силы на дела, которые хочешь делать сам.

Сотворили молитву… Первый урок шел при свечах. Голова прочищалась. Математика укладывалась строгим и красивым ладом. Федор любил ее четкие законы, ему нравилось проходить через трудности обдумывания к решению, результату… Особенно удавались ему геометрия и тригонометрия. Фигуры, что складывались в голове, переносились на бумагу, просчитывались, меняли свою форму, выстраивались одна за одной, почему-то принимали форму кильватерных колонн, строев эскадры и отрядов кораблей.

Затем целых два урока возились с секстантом. В обед старший гардемарин, раздавая кушанье, помахал Федору:

– Ушаков, сегодня приходи вечером на крышу.

Федор обрадовался, ему не терпелось посмотреть в корпусной телескоп. Ночные светила он знал на память, подолгу всматриваясь в небо и сверяя его со звездными картами! Говорят, что телескоп приближает их в десятки раз. Интересно!

…После обеда читалась история флота. И читал ее сам Голенищев-Кутузов. Иван Логинович следил за всем, что издавалось по морскому делу во Франции, Англии, Голландии. К лекциям он всегда готовился, собирался с мыслями, настраивался. Вот осмотрел развешанные карты, потрогал указкой глобус и, громко выделяя голосом страны и имена адмиралов, читал лекцию, не заглядывая ни в какие бумажки и книги.

– Уже у древних были настоящие военные флоты, – начал он. – Что значит сие? Имеет ли военный флот отличия от обычного? Без сомнения. То есть флот, состоящий из специально построенных и вооруженных на случай войны судов. Знаем мы первые военные флота у финикийцев, греков и римлян в море Средиземном, так как там переходы были коротки с портов, бухт-убежищ и снабжения достаточно. В средние века военные флота возродились у турок, владельцев Иберийского полуострова, князей и республик Италии, у рыцарей мальтийских. Потом пришло время Франции, Англии, Голландии, Швеции и Дании. Ныне наступает время России. Для постройки и снабжения их существовали адмиралтейства с верфями, для управления ими – адмиралы и офицеры, для плавания – команды и галерные каторжники, при обращении с которыми обращалось главное внимание на укрепление ручных мышц. Потом появился парус. Наш верный брат и друг при ветре, наш недруг и враг, беспомощный пассажир при штиле, наш губитель при шторме.

В XIV столетии во Франции явились король и при нем адмирал, которые пытались в портах Ла-Манша создать мощный и непобедимый французский военный флот. Этот король был Карл V, а адмирал – Жан де Виенн. В то время еще не были знакомы с употреблением двух тогдашних изобретений – компаса и пушек. Позднее первое позволило мореплавателям с безопасностью предпринимать более далекие путешествия, второе же создало для боя новое и страшное оружие и в то же время заставило строить новые специальные суда гораздо больших размеров и крепости, чем прежние галеры.

Федор внимательно слушал, записывал в тетрадь, и голова его полнилась знаниями, которые он хотел точно разложить «по нужности и похожести». Любил порядок во всем и в знаниях тоже. Дивился, почему сразу не были открыты глаза у тех, кто делал пушки. Понимал потом, что, не постигнув одного, не сделаешь другого. Заставлял себя выстраивать знания в ряд, думал

сразу, как их применить в плавании. Не все казалось нужным, что-то уплывало, другое оставалось в понятии, садилось на дно.

Кутузов продолжал:

– Понеже все морские нации признали разницу между флотом боевым и коммерческим, то все они и занялись усовершенствованием своей морской артиллерии, что стала главным представителем силы корабля.

Безопасство, правильность и скорость! Сие задача для каждого артиллериста. А для корабля главным стало количество пушек. От сего корабли стали грузнеть. Орудие большого размера становилось на нижних деках, и таковых деков стало на самых мощных три. Всей артиллерии корабли могли и не выдержать, откат колебал их, кренил, а посему крепость флортимберсов и толщина обшивки увеличились. Корабль стал больше, его осадка – глубже. Команда в каждом выросла, стала не менее 800 человек. Ежели раньше каждый корабль действовал сам за себя, то теперь надо было поддерживать друг друга, соединяя их усилия в эскадре.

Эволюция эскадр представляется весьма важным умением. Но для эволюции с 20, 30 и 50 кораблями нужны правила. Военный флот должен быть всегда готов не только дать отпор неприятелю, но и разгромить его. И его уход в море и возвращение должны производиться в строе ордера баталии. С тех пор, как галеры стали меньше играть роль свою в открытом море, почти вся артиллерия военного корабля стала бортовой. Значит, корабль тем самым должен поворачиваться лагом к неприятелю. Кроме того, борт корабля не должен закрываться другим кораблем своего флота. – Иван Логинович поднял вверх палец и сделал паузу.

– Только одно построение может удовлетворить всем этим условиям, а это именно есть кильватерная колонна. Эта колонна есть единственное построение для боевой дипозиции и служит основой для морской тактики.

Он же торжественно, как дьякон в церкви, затянул:

– Ваш бог – линия! Ли-ни-я! Ли-ния киль-ватер-ная – вот бог морского командира. Дабы этот строй, представляющий длинную линию орудий, не мог быть расстроен или порван в каком-нибудь более слабом месте, есть необходимость иметь в этой колонне только суда с одинаково сильным бортовым огнем. То есть суда высших и одного и того же рангов. А каковы они? То только линейные корабли, из которых и должен состоять строй баталии. Назначение фрегатов и прочих иное. Итак, посмотрим, каковы были линии в славных битвах известных флотоводцев.

Кутузов подался ближе к схемам и заводил указкой по линиям, в которые выстраивались боевые корабли. Непреложный закон морского боя, утвердившийся во всех флотах, прочно укладывался в головы будущих капитанов и вершителей тактики морских баталий…

Встреча на всю жизнь

Вот оно – море! С его крепким, вырывающим из рук парус, ветром, с серовато-бирюзовым покрывалом, нашивками белых гребешков, с приводящим в восторг простором. Нет, не зря он рвался в морское дело, не зря бредил во сне, подставляя лицо порывистым шквалам, не зря избрал смыслом – служение морскому флоту. И до этого первого выхода в Финский залив Федор бывал в Кронштадте, проходил тут корабельную практику, учился взбегать по вантам стоящей у прикола яхты, изучал «внутренности» и «наружности» кораблей, выполнял команды по управлению парусами, учился заряжать пушку и стрелять ядром и картечью. Но этот выход на новом линейном корабле, по местам победных боев петровского флота преобразил и захватил юношу. Все ладилось у него, все получалось быстро и точно, словно бывал он в таком походе не единожды. Тогда же с ним произошло что-то необычное. Какая-то неведомая сила наполнила его, в голове прояснилось и просветлело, виделось отчетливо и далеко, терпкость солоноватого воздуха наполняла грудь, дышалось глубоко и беспрепятственно. Может быть, тогда море, подчиняясь Божественной силе, и сделало его своим избранником, ибо многие годы после этого не ведал он усталости от изнуряющих и расшатывающих корабли и людей дальних переходов, не разрывала, не выворачивала его нутро качка, не отравила его заплесневелая вода и вонючая солонина, не победил в открытом бою на морских волнах враг. Избранник моря не ведал тогда этого, отправившись в первое свое плавание на корабле «Евстафий» из Кронштадта к Гогланду. В первой половине дня пройти далеко вперед не удалось – дул крепкий противный ветер. Капитан Степан Мартынов искал выгодный галс, заставляя матросов по нескольку раз карабкаться вверх по реям.

– Опять мордавинд сегодня загоняет, – мимоходом бросил боцман, когда Федор дублировал очередную команду капитана. Непочтительность к старшему не понравилась. «Негоже так про капитана».

– Мутит, господин гардемарин? – покровительственно спросил ловивший каждое слово капитана боцман. Федор помотал головой.

– Да вы не бойтесь, траваните, и все будет ладно, – продолжал боцман.

– Ну что ты пристал? – начал сердиться Ушаков. – Не мутит меня.

– Вы не думайте, что то стыдно для моряка, – не обращал внимания на раздражение Федора боцман. – Вон все делают.

Действительно, то один, то другой гардемарин бегал в гальюн и освобождался от изнуряющей тошноты. Ушаков же не чувствовал никакого неудобства внутри, качающаяся палуба удобно подставлялась под ноги, он цепко держался за ванты, когда «проигрывал» за матроса, нутром чувствовал, когда надо попридержаться, а когда потравить лишь, как точно сбалансировать на качающейся рее. И даже вахта, которую он дублировал, не казалась ему неудачной. А вахта досталась ему самая плохая, с двух до шести утра, когда слипаются глаза, пронизывает сыростью ветер, пугает неизвестностью темнота и как-то подозрительно скрипит корпус корабля, о который тревожно и гулко бьется волна, а клочья тумана скрывают не только далекое побережье, но и выдающийся вперед бушприт. Команды Ушаков старался отдавать четко и отрывисто, как делал это капитан. Голос, однако, ломался, возникали паузы, он лихорадочно думал, что еще надо предпринять. Капитан же, стоявший, казалось, целые сутки за спиной гардемарина, одобрительно отзывался о его действиях: «Молодец!» Ушаков думал, что вот и он, наверное, если бы вел корабль, не спал бы вовсе. А спать-то надо, лишать себя бодрости негоже. Приучал себя и в корпусе, и здесь засыпать сразу, открывать глаза за пять минут до побудки, а еще просыпаться, если что-то опасное назревает.

Стало светлеть. Ветер переменился, и надо было ложиться в дрейф. Отдал команду. Вахтенные и подвахтенные закарабкались наверх, распуская одни снасти, освобождая паруса и прикрепляя фалами другие. Покряхтывая и перекликаясь, соскакивали матросы на палубу.

– А ну, Серафим, проверь, вторая справа развязалась, кажись! – Боцман подтолкнул обратно вверх спустившегося последним русого новобранца. Тот побледнел, с мольбой взглянул на боцмана и гардемарина, затем обреченно шагнул к матче. Лез он тяжело, судорожно обхватывая переборки, долго не отпуская их, вроде бы пробовал на крепость.

– Сопля тамбовская! Чего тыкаешься носом? Не тащись! Лётом! Лётом иди!

– Зачем ты так, Андреич! – оборвал его Ушаков. – Он же первый раз в море.

– Дак и надо первый раз кричать, чтобы он крику боялся, а не высоты, – упрямо не согласился боцман и снова закричал: – Леший тебя дери! Куда ноги суешь! Выше! Выше!

– Этим не поможешь, – резко сказал Ушаков. – С ноги собьешь.

Новобранец замер – надо было переступить на горизонтальную перекладину. Одной рукой он держался за переборку и должен был ступить на качавшуюся в такт волнам рею. Но тут силы его оставили, он оступился и повис над палубой. Боцман с опаской взглянул на Ушакова и крикнул: «Разобьется!»

– Полотно! Полотно под него, быстро! – скомандовал вышедший из-за спины Ушакова капитан. Моряки проворно растягивали полотнище парусины под реем, взявшись за углы и подняв головы к болтающемуся новобранцу.

– Пускай! Бросай палку! – закричал боцман. – Падай вниз! Новобранец висел на одной руке, и чувствовалось, что никакая сила не сможет расцепить его пальцы.

– Эх! – мотнул головой Ушаков и проворно полез вверх.

– Куда вы, господин гардемарин, расшибетесь! – неуверенно крикнул боцман.

Ушаков же стремительно, не глядя под ноги, быстро добрался до новобранца. Схватил за парусиновую рубаху, намотал подол ее на руку и подтянул его к себе…

– Ставь ногу… Вот… Вот… так, – приговаривал он. – Еще сюда… А теперь переступи сюда… Еще! Еще, не бойся. Видишь, я же с тобой.

Матросы с удивлением и радостью смотрели, как Ушаков вместе с незадачливым моряком передвинулся вперед по рее. Они что-то подергали там, подвязали и тихо возвратились к мачте.

Первым спустился на палубу гардемарин, через мгновение новобранец. И тут же получил крепкую оплеуху от боцмана.

– Что ты буянишь, Андреич! – закричал Ушаков. – Учить надо, дабы высоты не боялся, а ты волю рукам даешь. Прекрати.

– Я ему, ваше благородие, легонько, чтобы в себя пришел, – оглянувшись на подошедшего капитана, без опаски разъяснил боцман. – Из-за него все нутро перевернулось. Да и за вас было боязно.

– Прекрати, Андреич, сие учение. А ты, братец, неплохо затем держался на рее-то, и сила в руках есть. Но ты не силу, а ловкость применяй. Добрый из тебя моряк получится, вот увидишь. Откуда сам? – спросил Мартынов. Новобранец вымученно улыбался.

– Тамбовские мы!

– Ну вот и отлично. Чарку вина ему горячего.

– Похвально лично действовали, господин гардемарин, – обернувшись, сказал капитан. – Но матросов не портите. Боцманов кулак тут у них главный учитель, а вы боцману команду отдавайте, он их все по полочкам разложит.

Ушаков ничего не ответил, глядел вперед и про себя думал: «Кулаком напугаешь, а не научишь, пожалуй, все должны командирскую волю разуметь, а для него это плаванье наука большая».

Вахта закончилась. Мундир отяжелел от залетавших мелких брызг, от утренней туманной ночи. Но сушить его на корабле было негде – огня не разводили, в каюте, где разместились в подвесных койках гардемарины, было холодно и сыро. Лишь к полудню, отдохнув от ночной вахты, Ушаков на ветру просушил мундир и согрелся. Обедали офицеры и гардемарины по приглашению капитана вместе. Это было заведено еще не на всех кораблях. Ели солонину и сухую рыбу, запивали вином и несвежей водой.

– Горячая пища и свежая вода, господа, будет не всегда, – поучал капитан молодых гардемаринов. – Вяленая рыба, да бочковая солонина, да сухари ваши обеды составлять будут. Ну, конечно, офицеры могут себе что-либо купить в запас, но сего не всегда хватает в плаванье. Запомните, господа, – раскурил трубку Мартынов, – когда будете капитанами, то пища, продовольствие – предмет наипервейших ваших забот. Ибо из-за оной в британском и голландском флотах не раз бунты бывали. Думаю, что ныне, – он глубоко затянулся и пустил такой мощный клуб дыма, что свечи в каюте померкли и угрожающе замигали, – когда у нас пищу морским служителям перестали раздавать на руки, готовят ее на всю команду и раздают артельно, делают правильно. – Сия артельность для лучшей свычки полезной бывает… Матрос намучается, измокнет, целую вахту с противным ветром борется, или, как его моряки окрестили, мордавиндом, его накормить и напоить надобно.

Федор усмехнулся на мордавинд, понял, что то умение русского моряка над грозным врагом потешиться, облегчить состояние свое насмешкой и улыбкой. Понял, что на флоте есть свои слова, коих нигде больше нет.

Ударили склянки. Наступала вторая вахта в жизни Ушакова.

Прощай, гардемарин! Здравствуй, мичман!

На покрытом чистым песком плацу перед зданием Морского кадетского корпуса оркестр и все три роты будущих мичманов и констапелей выглядели зеленой волной. Моряки, а вернее, царствующие особы, что задавали тон в одеждах подчиненным им войскам, питали тогда пристрастие к зеленому цвету полей и садов, потому и кафтаны, штаны весело перекликались с зеленью, пышно разросшейся вокруг сухопутной базы морских кадет. Белое знамя первой роты хлопало на ветру, то скрывая, то заволакивая орла со скипетром и державою, желтые знамена других рот лишь слегка трепетали, как бы признавая верховенство старшего собрата.

Барабаны выдали дробь, присоединившиеся флейты и трубы наполнили всю площадь боевой, задорной музыкой. Стоявший на возвышении «черномундирный» капитан махнул рукой, и все мгновенно стихло.

– Достойные высокой чести быть морскими офицерами – шаг вперед! – громко и торжественно скомандовал он.

Из первой роты вперед шагнула почти треть, несколько человек шагнули из второй.

– Только что вступившие на стезю морскую, встаньте рядом! Недружно и робко умостились у локтей лихих гардемаринов юные новички в топорщившихся и неприглядных камзолах.

Федора еле тронул за руку сжавшийся слева новичок:

– Кто сию команду дал?

– Эка ты, сухопутчик! Да это же сам Иван Логинович Голенищев-Кутузов.

– Сам директор?

– И директор, и командир, и заботчик. Без него нас бы с вашим братом – сухопутными и артиллеристами – слили в один корпус под началом графа Шувалова.

– А как же остановили сие слитие?

– Императрица, едва на престол взошла и в Сенате присутствуя, потребовала отделить Морской корпус от сухопутного. И быть ему отдельно. Тогда же, в августе, принял Иван Логинович Морской корпус как старший по званию среди корпусных морских офицеров.

Перестройка на плацу завершилась. Иван Логинович, взявшись одной рукой за борт мундира, переждал порыв ветра и наполнил голосом всю площадь:

– Любезные мои соратники по делу морскому, а також и те, кто на сию нелегкую стезю вступает! Наша служба морская есть многотрудная, и посему охотников к ней весьма малое количество. Вы же на свои плечи сию ношу взяли, ибо ведаете, что Россия наша – держава морская и ей верные служители на просторах морских нужны. Великий Петр постановил: «Быть Морских и Навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению». С тех пор, можно считать, наш корпус свое рождение ведет.

Россия издревле была морской державой, однако позднее владения прибрежные свои потеряла, и, кроме Белого, у ней морей не осталось. Петр сией заботой о создании флотов и возвращении земель отчич и дедич был озабочен. Однако, потерпев неудачу у Прута, он отказался от Черного и Азовского морей. Но здесь, – голос Ивана Логиновича становился все гуще, – на берегах Балтики, снискал он славу себе, создал сильный и могучий флот русский. Здесь прозвучали виваты в честь викторий под Гангутом и Гренгамом. Тогда и сказал он сии многозначительные слова о смысле морских походов:

«Господь Бог посредством оружия возвратил большую часть дедовского наследства, неправильно похищенного. Умножение флота имеет единственно целью обеспечение торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россией, во-первых, потому, что они ей принадлежали, во-вторых, потому, что пристани необходимы для государства, ибо через сих артерий может здравее и прибыльнее сердце государственное быть».

Первая наша Навигацкая школа была в Москве расположена в знаменитой Сухаревой башне, ибо на том пристойном и высоком месте можно видеть было горизонт далеких морских просторов, а начертание и чертежи в светлых покоях творить. Оттуда, с Сухаревки, и из державной Москвы узрели мы первые победы под Гангутом и Гренгамом. И кто на Сухареву башню посягнет, тот на всю славную морскую историю Отечества размахнется.

В 1715 году в Петербурге учреждена Морская академия, чьими продолжателями и мы были. Из того знаменитого Кикиного дома в Петербурге и Сухаревки в Москве вышло немало славных адмиралов, капитанов кораблей и фрегатов, геодезистов, нанесших на карты многие начертания берегов России, Сибири и Америки.

При императрице Елизавете Петровне учрежден из академии для «государственной пользы» Морской шляхетный кадетский корпус, в коем вам надлежит учиться, а его выпускники успешно закончили тут курс науки. Многие из выпускников ходили уже в далекие плавания, другим сие еще

предстоит сделать. Держава наша не свободна от угроз, с запада, юга и севера творимых. Пред вами всеми новые дальние походы предстоят. От сих полнощных краев до далекой Америки российские сыны добрались. Русские корабли плавают с коммерческими целями в море Средиземное. А по какому праву наше, в дальние времена прозванное Русским, Черное море без флота отечественного пребывает? Не вам ли, выпускникам сих лет, его снова в наше, славянское, море превратить!

Многие в строю подумали: «Не миражные ли цели ставит капитан первого ранга? Не ворошит ли давно забытое в нашей памяти, не взывает ли он к тем далеким мифам, кои у древних греков процветали, а в наш век не наблюдаются…»

Гардемарины, уже опытные моряки, выпускники наши, производятся в чин мичмана, сие офицерского ранга звание. Вам же, новичкам, их заместить надобно, в звании гардемарина утвердиться. Сие звание Петром Первым взято у французов, у которых был морской страж – морской гвардеец. Так и вы должны сие звание оправдать умением, рвением и мастерством, чтобы явить из себя подлинного гвардейца моря!

Господа гардемарины знают, что их обязанности определены Морским уставом следующими словами: «В бою, как солдаты, в ходу, как матросы». На них ложились нелегкие обязанности, кои они перекладут ныне на своих подчиненных. Будьте же терпеливы и зорки, блюдите устав, применяйте науки, служите государыне и Отечеству самоотверженно и безоплошно под сенью славного Андреевского стяга!

Шеренга перестроилась. Новичок с робостью и нескрываемым восхищением глядел на позументы и ружье в руках обветренного уже не в одном морском походе Ушакова. А Федор окончательно понял – он выходит в большое плавание, в самостоятельную жизнь, где отвечает сам за себя, где от его умения зависит жизнь многих. Прощай, гардемарин, здравствуй, мичман Ушаков!

– Господи, буду служить честно, не дам себе покою ни в чем, всю жизнь свою без остатка отдам морю. Я буду его слугою, и оно отзовется.

Новобранец с удивлением и недоверием глядел на своего уходящего в дальние плавания собрата. Федор отмахнулся от каких-то видений и, уже обратившись к новичку, подтвердил:

– Да, отдам всего себя морю! Сможешь сделать то же?

– Ну неужто так можно? А жизнь-то как? Ведь семья будет, веселье всякое надо. А друзья? А наука? А хворь вдруг нападет?

Федор неуступчиво покачал головой, черты лица его заострились, сделались четкими, как на высеченной из камня скульптуре.

– Хочешь быть морским офицером – отдай все от себя. Не держи, не придерживай. Учись кажен час. Будь собран, как кулак. У тебя богатства великого нет, наверное. Море – твое богатство. А если бы и было у тебя другое богатство, вспомни про Великого Петра. Он ведь всего себя отдал России.

Молодое лицо его раскраснелось еще больше, глаза расширились, глубокие морщины пересекли широкий и открытый лоб.

– Смирна-а!

Дробь барабана возвестила: Российский флот получил новое пополнение офицеров. В их числе был мичман Ушаков, получивший назначение на пинк «Наргин».

Вокруг Скандинавии

Волна мягко шлепнула в борт пинка «Наргин». Резко зазвучала, почти заскрипела боцманская дудка. Боком, выставляя плечо вперед, навстречу начинающему крепчать ветру выбегали морские служители. Некоторые сразу становились у свисающих фалов, другие бестолково бегали по палубе, не зная, куда пристроиться. Крепкие боцманские подзатыльники расставили всех по местам. Усатый матросский начальник покровительственно взглянул на мичмана Ушакова и подмигнул ему. Наверное, следовало обидеться, прикрикнуть за такое панибратство, но Федор, который должен был сегодня по распорядку осуществлять все экзерциции с парусами, не подал виду, что заметил снисходительность, и, прибавляя себе баса, крикнул: «Паруса ставить! Марсовые к вантам!»

Несколько моряков стали карабкаться вверх, потом их босые ноги заскользили по нижнему канату. Подтянувшись одной рукой к рее, они свободной рукой отвязывали шкоты, те, падая, попадали в руки стоящих внизу, а парус, высвободившись, начинал тревожно волноваться от ветра. На грот-мачте матросы тоже приготовились растянуть полотнище. Боцман свистнул два раза и махнул рукой долговязому беспалому матросу: «Давай!» Долговязый схватил фал, потянул его и, не глядя, передал стоящему за ним. Со следующим рывком из-за его спины вырвалась песня:

Собирайтеся, ребята,
На крутую гору
Ко цареву кабаку,
К молодому челнаку,

Зеленова вина пить.
Барабаны стали бить.

Десять матросов потянули фал и в такт подхватили:

Зеленова вина пить.
Барабаны стали бить.

Долговязый неутомимо травил фал и высоким голосом выбрасывал за спину новые куски песни:

Барабаны пробивали,
Нас, молодцев, вызывали,
Черны шляпы надевали,
Черны шляпы сы перами,
Называли киверами.

И опять моряки продернули под припевку толстый канат, подтянули еще немного парус. Левый край его отстал, и ветер наполнил его правую половину.

– Лешие! Тяните как следует! – закричал боцман другой группе матросов. Те и так старались изо всех сил, но то ли блок был неподатлив, то ли перекосились фалы, то ли нестихающий ветер не пускал.

– Ну, будет вам сегодня дёрка! Дёрка отменная! – сипел боцман. Его никто не слушал, а парус дернулся и пополз. Долговязый как будто ждал этого и решительно вел:

Генерал с нами гулял,
Свинец-порох сокупал,
Кострому-город стрелял.

Теперь уже матросы проворно и слаженно тянули канат и песню.

Кострома-город приволье,
Еды-кушанья довольно.

Парус почти распрямился, и долговязый еще раз продернул канат.

Две девушки танцевали,
Два молодца наезжали,
Наезжали для тово,

Полюбить было каво.

Осталось еще немного, и можно было вязать. Федор видел, как покрылись потом лица моряков, напряглись жилы, мокрые пятна выступили на спинах. «Перевели бы дух, – подумал он, – а то слабеют руки, не закрепят». Долговязый же был неугомонен. Он слегка качнулся вперед и, казалось, разрезал налетевший ветер. Тот, натыкаясь на него, обозначал бугристые мускулы и подчеркивал выступающие широкие кости. За спиной долговязого ветер как будто рассыпался на мелкие осколки, даже не раздувая рубахи стоящих следом моряков. А те, уже заведенные на четкий и размеренный рывок, раскачивались в такт песне:

Адна девка невеличка,
Ана лицом круглолица,
Анюшенька хороша,
В косе лента алая,
Сама девка бравая!

Развернутый парус весь распрямился и забрал ветер.

– Вяжи! – крикнул боцман. – За шкаторину. Есть! Трескают, то есть тянут, вместе с песней, а без песни тяжче, господин мичман, – вроде бы извиняясь, повернулся боцман к Ушакову и вытер пот со лба, будто и он тянул шершавый канат. – Я-то не знаю песен, а Тимофей у нас мастак, знает всякие – работные, палубные, плясовые, молодецкие, печальные, чужедальные, войсковые, солдатские, моряцкие. Откуда только берется?

Парус, прикрепленный к рее, затрепетал и стал уже частью корабля. Частью, которая вела пинк по серовато-зеленым волнам вблизи Норвегии.

– Отменно, мичман! – похвалил бесшумно показавшийся за спиной и наблюдавший за постановкой парусов капитан. – Бывает и быстрее, но редко. К берегу близко не подходите, тут хоть и глубоко, но туманы оползают с фиордов. Я по этому пути вокруг Скандинавии ходил часто. Нелегкий путь. Холодный и коварный. Но вот придем в Архангельск – отдохнем!

Ветер гнал белые барашки волн, закудрявив ими море до горизонта.

– Пойдемте вниз, мичман, выпьем «ерша», – позвал капитан Глебов, – а вы следуйте строго на норд, – кивнул он штурману.

Тот криво усмехнулся.

– Про Архангельск опять будете рассказывать господину мичману. А я этот город не люблю. Ревель, вот где порядок и уважение к морякам.

– Зря, зря, штурман, – миролюбиво отозвался капитан. – Сей город уже сотни, а может, и более тысячи лет существует и до Петербурга славу русского флота поддерживал, а может, и составлял ее. Вам-то все остзейцы да чудь по душе. Они и мне не противны, но Архангельск своим прошлым тоже славен.

– Петр Петрович, я сии побасёнки о крае знаю. Легенды хороши, когда они правда, хоть и далекая. А бедность готова приукрасить себя несуществующими подвигами.

Капитан начинал сердиться.

– Да я не о подвигах мнимых хотел бы напомнить господину мичману, что здесь впервые, а об истории этого края. Пойдем, Федор Федорович! – уважительно позвал он Ушакова.

Каюта капитана была оформлена без всяких лишних затей. На стене висела карта Севера Российской империи и Скандинавии. Зашел вестовой и, медленно ступая, поставил на стол два высоких бокала с напитками.

– Не пугайтесь, мичман, я не на попойку вас позвал. Сие брусничный сок с медом. Он кровь заставляет быстрее двигаться и от простуды бережет. В Архангельске научили. Там все умеют.

Ушаков уловил гордость в его словах и спросил:

– А вы сам архангельский, наверное, будете? Капитан помешал палочкой напиток и покачал головой:

– Нет, просто сей город обожаю. Меня не прельщает жить в нем постоянно. Но бывать там люблю. Да и наш пинк построен год назад корабельным мастером Ямесом. У города, да и у всей поморской земли история славная. Вы сим интересуетесь?

– Да, и историей и нынешним состоянием морского дела никак не могу не интересоваться. Ведь я себя на всю жизнь к морю причислил, – ответил Федор.

– Похвально, похвально сие стремление. Оно может способствовать вашему преуспеванию в морском деле и доставит вам пользу и удовольствие, а любезному Отечеству достойного и знающего, ко всему способного человека. Дак вот вся земля вокруг Архангельска раньше называлась Великой Пермией. Была она довольно населена и славилась своим богатством, благодаря изобилию драгоценных пушных продуктов. Новгородцы давно освоили это северное поморье и из устья Северной Двины, где они поставили монастырь Михаила Архангела, – Глебов провел по карте от Колы до Обдорска, Новой

Земли и до Урала, – они проникали в Печору, на Матку, что ныне Новой Землей зовется, в дальние северные моря. Морские, звериные, рыбные промыслы вели их еще дальше, на восток. А к ним явился достопамятный английский капитан Ченслер, что установил постоянные торговые связи Англии и России. Торговля с Европой пошла беспошлинно, стали строиться торговые дворы и школы. Однако славу и гордость Архангельску, – капитан Глебов встал и торжественно посмотрел на Ушакова, – принес Петр Великий. Здесь он изучил морское дело и, понимая, что через торговлю можно принести пользу Отечеству больше, нежли через войну, начал создавать на Севере торговый флот, приучая народ к постройке новоманерных судов и занимая там много народа. При нем овладели искусством вождения и плавания на кораблях больших.

– А где учили? В Петербурге? – поинтересовался мичман.

– Для строителей и судоводителей были открыты школы ремесленные и навигационные тут же. А в городе самые большие производства были корабельные. Петербург, Олонец да Архангельск – вот где Российский флот строится, вот откуда все наши корабли.

– Сдается мне, что тут нашего флота военного нету, один торговый. – Нет, есть и корабли защитные, но ты прав, Федор, торговые – основа Северного флота. Знаешь, что Петр I, желая возвысить русское купечество, и сам решил вступить в его ряды под фирмой купца Соловьева, заведя двадцать собственных торговых судов? Причем, мой друг, он посылал в Европу не сырье, как ныне, а обработанные продукты, как, например, поташ, лен, рыбу, икру паюсную, осетровый клей, на что нужно было иметь по крайней мере двести тысяч штук осетров. Многие старые моряки и поныне помнят, как ходил он по Архангельску под ручку с корабельщиками и купцами. Тогда в Архангельске до ста – ста пятидесяти кораблей на рейде стояло. Говорят, что полтора миллиона рубчиков купцы и город выручали за торговлю. Петербург славу сию затмил, но слух есть, что при новой императрице город снова свои привилегии вернет…

Лишь через два часа отпустил капитан молодого мичмана, который внимательно слушал бывалого моряка. Миражный северный город становился ему все ближе и родней.

Через несколько дней показалась суровая Кола, здесь высадили на берег в наскоро сооруженный шалаш затрясшегося в лихоманке; по ногам его пошли язвы, но что за хворь, подлекарь не установил. Заболел и умер второй матрос, и капитан, опасаясь, что болезнь скосит весь экипаж, сделал то, что по морским законам того времени делали почти все капитаны.

«Безжалостный, однако же, он оказался», – угрюмо подумал Ушаков. А Глебов, как бы почувствовав неодобрение мичмана, резко сказал:

– Спасать надо не одного, а всех, – и уже миролюбиво добавил: – Мы ему ружье оставили, порох, еду. Жив будет – заберем на обратном пути! Или рыбаки снимут, коли жив останется.

– Зачем же от берега оттащили так далеко? – с тоской спросил Федор.

– А как же? Смотри, горловина у бухточки узкая какая, набируха тут как тут появится.

– Что за зверь такой?

– Да то не зверь, – уже помягче сказал капитан, – то волна океанская, что в узкой горловине еще выше становится и смывает все. Понял?..

К Архангельску подходили утром, когда клочья тумана отлетали от фасада города и он сам выплывал навстречу кораблю. Корабль стал на карантинном рейде, спуская один за другим паруса. Подзорная труба, которую подарил Федору капитан, медленно двигалась вдоль набережной. Вдали клубились дымы, вспыхивали огни кузниц, вверх и вниз ходили пилы, сохла парусина, протянулись вдоль берегов лесопилки, канатные, парусные, якорные, железные мастерские. То был город северных корабелов.

…Бессонные ночи на вахте, выворачивающая нутро качка, шквалы норд-оста, сбивавшие корабль с курса, затхлая вода, солонина с воньцой, казалось, могли отвратить от плавания любого морского волка. Но Федору Ушакову этот первый дальний переход вокруг Скандинавии был в радость. Нет, он ощущал и трудности, но как что-то мимолетное, неизбежное в стремительном полете своего белопарусного корабля, в освежающем морском ветре, без которого ему уже плохо дышалось. И там, где другого качка укладывала напрочь, он стоял крепче и устойчивее. Архангельск отныне для него тот город, который ему дорог, ибо достиг его Ушаков вместе с командой в своем первом зарубежном плавании, преодолев дальние пространства, невзгоды путешествия, обретя уверенность и опыт. Здравствуй, северный город храмов и церквей, город, сохранивший нам флот, корабелов, морские навыки у моряков.

Свежий ветер

Народы, армии и флоты меряются победами и поражениями, годами упадка и годами подъема. Гангут и Гренгам объявили о появлении мощного Российского флота. В послепетровские годы славу изгнали с кораблей. Снова стали забывать о русских эскадрах, Европа до Семилетней войны просто не

принимала их в расчет. Да, собственно, и принимать не надо было, ибо флот России середины века «больше боялся свежего ветра, чем неприятеля».

С болью и тревогой смотрели на его состояние лучшие морские командиры. Но не только смотрели. Григорий Спиридов, Семен Мордвинов, Иван Голенищев-Кутузов, Алексей Сенявин, Федор Милославский, Федор Клокачев, Степан Хметевский и другие поддерживали петровекую традицию, совершенствовали выучку матросов, обучали их приемам ведения морского боя. В Адмиралтейств-коллегий было отписано: «Памятовать надлежит, что сила и знатность флота не в одном великом числе кораблей, матросов и корабельных пушек состоит, но что, во-первых, потребны к тому искусные флагманы и офицеры… основываемый вами план никогда во исполнение приведен быть не может, если недостанет также искусных и ревностных исполнителей…».

Честолюбивые устремления Екатерины II не осуществились бы, не будь созданы этими командирами условия для преодоления отсталости отечественного флота. Екатерина прекрасно понимала, что без опоры на внутренние силы, на патриотическую идею, на талантливых и образованных россиян ей на престоле не удержаться. Нет, она отнюдь не отделяла себя от европейских веяний, но там, в Европе, она хотела иметь один облик: гуманной, просвещенной, широко мыслящей императрицы, а здесь, в России, она должна была предстать рачительной, заботливой хозяйкой, защитницей Отечества. Кроме того, боясь, что крутые повороты окончатся для нее плачевно, Екатерина старалась изучать предмет всесторонне и, воспользовавшись моментом, выждав удобное время, без особой ломки приступала к реформам. Знала она и то, что безоглядное служение чужестранной идее, интересам закордонной династии окончились плачевно для Анны Леопольдовны и для собственного злосчастного супруга Петра III. Этим-то и была продиктована ее повышенная склонность к укреплению начал патриотических, начал русских. Становилось ясно, что намечавшиеся контуры будущей политики невозможно осуществить без флота. Стали разрабатываться проекты по восстановлению его мощи, опробовались корабли в дальних походах. Екатерина II заявила: «Что флотская служба знатна и хороша, то всем известно, то, насупротив того, столь же трудна и опасна, почему более монаршью милость заслуживает». Это уже было покровительство и внимание. Зашевелилась и призванная управлять флотом Адмиралтейств-коллегия.

Старшим членом Адмиралтейств-коллегий оказался в это время адмирал Иван Талызин (других Петр III уволил «за старостью»). Адмирал знал лишь портовое хозяйство да и посылался-то в свое время Петром Великим за границу освоить «экипажское дело». Ведал он Адмиралтейств-коллегией только по старшинству, а заправлял ее делами и докладывал императрице адмирал Семен

Иванович Мордвинов. Известный историк флота Ф. Ф. Веселаго так характеризовал Семена Мордвинова: «Он имел ясный ум и глубокое морское образование, как научное, так и практическое. Он много плавал на иностранных и на русских судах, командовал различными судами, отрядами и вообще по службе занимал самые разнообразные административные и хозяйственные должности. Зная иностранные языки, он перевел много полезных книг и немало написал и оригинальных по морским наукам. …Если к этому прибавить энергию, опытность, приобретению полувековою службою, некоторый придворный лоск и умение применяться к обстоятельствам, то можно с уверенностью сказать, что он мог быть весьма полезным сотрудником императрицы по улучшению флота».

Так оно и было. Мордвинов с необычайным рвением взялся за разработку предложений по улучшению состояния флота. Его тщательно проработанный отчет был рассмотрен императрицей, и состоялось учреждение «Морской Российских флотов и адмиралтейского правления комиссии для приведения оной знатной части к обороне государства в настоящий постоянный добрый порядок».

Председателем Морской комиссии был назначен ее организатор адмирал Мордвинов, а членами – граф Чернышев, контр-адмирал Милославский, вице-адмирал Спиридов. Права комиссии предоставили большие. Правда, все в рамках годового бюджета, 1 миллион 200 тысяч рублей. Екатерина большое значение придавала разработке плана, по которому предстояло действовать; так, в инструкции комиссии по поводу кронштадтского канала и других сооружений она отмечала, «что прямое домостроительство того требует, чтобы сделать основательный план, который хотя бы при самых поздних потомках в совершенство приведен быти мог». Мысль разумная, и мы должны отдать должное создателям целенаправленного плана возрождения русского флота. Комиссия провела целый ряд преобразований, наметила важные меры по строительству флота, управлению им и укомплектованию штатов. Установила она также штат корабельного флота. Решено было содержать флот «не только равносильный каждому из соседних флотов» (датскому и шведскому), но «чтобы наш флот в числе линейных кораблей оные еще и превосходить мог». Определен был штат судов: для мирного и военного времени. Имелся в виду и третий вариант: «Усиленный». Была установлена строгая аттестация при переходе от одного офицерского звания к другому. Вновь учреждалась «Комиссия для разобрания во флот служащих флагманов штаб– и обер-офицеров», «для баллотировки», после которой баллотирующийся производился в следующий чин. Баллы «достойные», «сумнительные» и «недостойные» давали довольно точное представление о качестве подготовки того или иного офицера. Считалось, что проходит в ранг выше тот, кто получит не менее одной трети «достойных» баллов. «Недостойные» баллы в зачет не

шли, но служили хорошим предостережением для баллотирующегося, обращали его внимание на недостатки в знаниях и навыках. Особое внимание уделялось обучению нижних чинов, или, как тогда писали, «служителей». Оказалось, что на большинстве кораблей их не хватает, а на других они не обучены. Сказалась «экономия» предыдущих лет, когда в дальние плавания не ходили. Как можно было овладеть навыками постановки парусов, принятия сигналов, вождения кораблей, не выходя в плавание? Поистине экономия на главном – разрушение этого главного.

В моряки зачислялись в основном жители Архангельской и Олонецкой губерний, там с юных лет привыкали ходить в море, работать веслами, управлять парусом. Но сейчас этих служителей не хватало, забирали в моряки сухопутных солдат, превращая их в морскую пехоту, которая составляла на линейных судах до четверти состава, а на галерах и до сорока процентов служителей. К построению новых кораблей только приступали, старые же обросли ракушками, рассохлись, разошлись в пазах. К дальним походам флот еще не был готов, это отметила с горечью в письме к Панину императрица, поприсутствовав на учениях: «Надобно сознаться, что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельдей, но не военный, так как ни один корабль не умел держаться линии». Императрица считала линию основой военно-морского искусства. Но дело было не в линии. Екатерина присутствовала на маневрах старого послепетровского флота. Время было новое, а порядки и организация старые. Русскому флоту предстояло возродиться, свежий ветер наполнял паруса первых новых его кораблей.

Пламя с четырех углов

Российский рынок неестественно «флюсовал», тяготея к Петербургу и Балтике. А ведь к началу второй половины XVIII века большие территории, массы населения были ближе к южным торговым путям, Черному и Азовскому морям, Кавказу и Балканам. Ближе и дальше. На Балтике была восстановлена историческая справедливость и существовало свободное торговое судоходство. Вокруг Черного моря царил османский террор, а ковыльная степь Причерноморья скрывала следы не столь далекого пребывания здесь древних русов, земледельцев, скотоводов и воинов Киевской Руси. Ныне в эти земли проход был закрыт, зловещий ятаган янычара правил тут несколько веков. И делить власть он ни с кем не собирался. Неизбежно было столкновение России и Турции. Причины были всякие: экономическое и политическое развитие Русского государства, рост продукции сельского хозяйства южных районов, необходимость выхода на торговые пути юга Европы, Леванта, Африки. Открытость и незащищенность границ, частые набеги крымских татар, находящихся в вассальной зависимости от Турции, на земли Украины и России, также требовали возвращения исконно славянских земель, их защиты.

Политика России определялась ее историческим прошлым, ее географическим положением, необходимостью иметь гавани в Архипелаге[3], как и в Балтийском море. Здесь, на юге, власть преследовала вполне определенные цели по укреплению своего могущества, по расширению территории империи, но в ряде случаев политика России в XVIII веке совпадала с объективными историческими потребностями народов, с чаяниями людей многих национальностей, стонущих под игом османской деспотии.

У каждой европейской державы на морских перекрестках Черного и Средиземного морей, на Балканах, в Причерноморье, Молдавии, Валахии, Крыму, на Кавказе были свои интересы.

Франция, терявшая в войнах с Англией одну за другой свои колонии, надеялась вознаградить себя на Ближнем Востоке. Однако все возрастающая мощь России грозила ее внешнеполитическим амбициям. Она выстраивала против России ряд враждебных государств: питаемую идеями реванша королевскую Швецию, ослабевшую шляхетскую Польшу, претендующую на Балканы Австрию и разлагающуюся, но еще довольно сильную Османскую империю. Канцлер Никита Иванович Панин писал в то время графу Алексею Орлову: «Франция со всеми своими бурбонскими и к ним привязанными дворами, конечно бы, желала, не отлагая до завтра, всех нас потопить в ложке воды, если бы только возможность в том была».

Англия и Пруссия вели здесь двойственную политику. Пруссия желала войны «всех против всех», дабы извлечь из этого пользу. Англия хотела вовлечь Россию в войну со своим основным и традиционным противником Францией, отвлечь внимание Турции от Египта, куда давно тянулись нити вожделения английской политики. В то время Османская империя переживала упадок. Ее раскинувшиеся на разных континентах владения (Европа, Азия, Африка) не имели необходимой скрепы и стремились к обособлению. Египтяне и славяне, греки и грузины, армяне и сирийцы, арабы и валахи с трагическим упорством, плоды которого сказались только через десятки, даже сотни лет, выступали за свое национальное освобождение, против зверского феодального господства турок, которых отнюдь нельзя было признать «элементом, наиболее пригодным к господству». Если что и делалось для развития в империи, то не этими феодалами. А опорой цивилизации была здесь славянская и греческая буржуазия. Она же поворачивала свои взоры к Лондону и Петербургу.

Турецкие султаны нутром чувствовали, что их лоскутная империя трещит и распадается. Ну да кто из правителей-деспотов соглашается с этим! Тогда-то и начинаются поиски внешнего врага.

В Константинополе решили воспользоваться любым предлогом, чтобы «наказать» русских. Особенно усердствовал в этом французский посол маркиз

де Верженн, преуменьшая силу России, превознося помощь, которую окажет Франция Оттоманской Порте в случае начала войны. Мустафа III, турецкий султан, бросил русского посланника Алексея Обрескова в Еди-Куле, в зловещий Семибашенный замок, откуда редко кто выходил на свободу. 14 октября 1768 года Турция объявила войну России, направив предварительно свои войска к ее границам.

Военные действия на южных границах развивались для России неудачно. Крымская орда, вырезая украинские поселки и деревни, двумя огненными языками опалила землю. Один язык попробовал слизнуть Бахмут, но его обрубили войска правителя Малороссии генерал-аншефа П. А. Румянцева. Второй же рейд на Харьков принес жесточайшие страдания жителям новой Сербии, Слободской Украины. Из-под одного Харькова было угнано 20 тысяч пленников. Их костьми был устлан обратный путь татарского калги-султана. Участвовавший в набеге французский барон Франсуа де Тотт, представлявший Версаль в Бахчисарае, без особого сочувствия к потерпевшим писал: «Головы русских детей выглядывали из мешка. Дочь с матерью бегут за лошадью татарина, привязанные к тулуке седла. Отец бежит возле сына на арканах… Впереди нас бегут угоняемые волы и овцы. Все в удивительном движении, и уже никто не собьется с пути под бдительным оком татарина, сразу же ставшего богачом». Татары отступили с награбленным добром и оставшимися живыми пленными. Рабовладельческий рынок Кафы (будущей Феодосии) наполнился человеческим товаром.

В районе Хотина у Днестра, куда направлялся верховный визирь Турции Халил-паша, у Перекопа, в Поазовье встали русские армии. На военном совете у Екатерины было решено: отрезать Крым от Турции, преградить путь османам на Украину и начать… морскую войну с Портой. Да, морскую. Правда, для этого надо было иметь флот на Черном и Средиземном морях. Турецкий флот был серьезной силой. На Средиземном море он имел многочисленные базы, 250 кораблей было в его составе к началу войны. Турция располагала прекрасным стратегическим плацдармом – Крымом. Ее флот полностью контролировал Черное море и Дунай, ему никто не мог противостоять, и он господствовал там безраздельно. Ясно было, что надо создать противовес ему, попытаться утвердиться в районах бывших русских крепостей Азова и Таганрога, создать другие опорные пункты на Черном море. В стратегическом плане ведения войны четко обозначилась цель – овладеть Керчью и Таманью, «дабы зунд Черного моря через то получить в свои руки, и тогда нашим судам способно будет крейсировать до самого Царяградского канала и до устья Дуная. Если же грузинцы овладеют краем того же Черного моря, то нашим судам в случае противной погоды еще верное прибежище прибавится». Были отданы указания: приступить к возрождению верфей на Дону, высадиться как можно быстрее в

районах, где недавно высились Азов и Таганрог, начать восстановление здесь морских портов.

Особый Военный совет при императрице (он состоял из братьев Паниных, Голицыных, Захара Чернышева, Григория Орлова и других вельмож) решил вести войну на многих направлениях сразу – Молдавия, Валахия, Крым, Кавказ, Балканы, Архипелаг. Решено было, как говорила Екатерина, «подпалить турецкую империю со всех четырех углов». Очаг войны запылал. Главнокомандующий русскими войсками на юго-западном направлении генерал Румянцев провел ряд искусных операций и теснил турок в Молдавии и Валахии. Он сформировал подвижные отряды, которые вступили в так называемые «барьерные земли», на юго-восточном театре войны. 6 марта 1769 года русские войска овладели территорией городов, срытых по условиям Прутского договора. Азов и Таганрог стали восстанавливаться.

Давно ждали избавления на Балканах от турецкого деспотизма. Там видели в России естественного покровителя их устремлений. Серб, болгарин, крестьянин-славянин из Боснии, Македонии и Фракии питали большую национальную симпатию к русским. Этой симпатией решила воспользоваться Россия, поощряя восстание христиан против турок. В итальянский город Ливорно под фамилией графа Островова «для лечения минеральными водами» прибыл родственник фаворита Екатерины Григория Орлова – здоровяк Алексей с братом Федором. Они-то и попытались создать новый фронт борьбы против турок, чтобы оттянуть их войска с Дуная.

Для удара по морским коммуникациям Порты, высадки десантов на острова, осады крепостей было решено отправить в Средиземное море эскадру военных кораблей с Балтики. Русские торговые суда и раньше проделывали этот нелегкий путь. Достаточно вспомнить посылку купеческого фрегата «Надежда Благополучия» уже при Екатерине, в 1764 году. Возможно, уже тогда нащупывались трассы для будущих походов. Однако посылка военной эскадры с Балтики была делом неслыханным, и в Турции, как и у ее главной советчицы Франции, это не было воспринято всерьез. «Ведь морями с Россией Порта не граничит». Англия же была не прочь пощекотать подбрюшье Турецкой империи да и досадить Франции. В случае же неуспеха ослаблялась Россия. Тоже неплохо. Поэтому английское правительство заявило: «Отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии». Это обеспечивало в пути русским кораблям стоянки, а в портах – беспрепятственное снабжение. Начало неплохое, но следовало преодолеть дальние расстояния, обучить в походе недавно набранные команды, овладеть опытом морского боя, освоиться в нелегкой стратегической и тактической обстановке. Командующим первой эскадрой стал самый опытный на тот момент русский флотоводец вице-

адмирал Григорий Андреевич Спиридов. Назначая его в архипелагскую экспедицию, Екатерина присвоила ему звание адмирала, наградила орденом Александра Невского. Он был объявлен первым флагманом флота.

26 июля 1769 года русская эскадра под адмиральским флагом Спиридова вышла из Кронштадта и двинулась в направлении Толбухинского маяка.

«Был»

Тяжелый это был переход.

… Выход из Финского залива – шторм. Несколько кораблей отправляется в Ревель на ремонт.

… Южная Балтика. Встречный ветер. Триста больных. Пятьдесят покойников.

… На риф наскочил пинк «Лапоминг». Разломился. Императрица взывала к Спиридову: «Прошу Вас… соберите силы душевные и не допускайте до посрамления перед целым светом. Вся Европа на Вас и на Вашу экспедицию смотрит».

… Северное море. Шторм. Семьсот больных.

… Англия. Встали на ремонт у порта Гуль. Свезли на берег двести больных и пятьдесят умерших. Посол передает требование императрицы – не мешкая идти дальше.

… Бискайский залив. Шторм. Два корабля возвращаются для ремонта в Англию.

… Остров Минорка. Порт Магон. 18 ноября туда прибыл всего лишь один флагманский корабль «Евстафий». Соберутся ли другие?

Тяжело, трудно, с потерями (332 умерших, 313 больных), но и неожиданно для своих врагов стянулись в декабре 1769 года корабли в единую эскадру. В Средиземном море появилась хоть и понесшая урон, но с возросшей боеспособностью, окрепшая морским опытом русская эскадра.

Многое потеряли до этого на экономии в русском флоте, на отсутствии заботы о моряке, на боязни дальних переходов, но один этот поход и восполнил же многое. Недаром во время перехода эскадры Екатерина II писала Алексею Орлову: «Ничто на свете нашему флоту добра не сделает, как сей поход, все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглехонько обточен».

«Обточка» боевого мастерства русских моряков во второй половине XVIII века началась здесь, в Средиземном море, под руководством прославленного адмирала Свиридова.

18 февраля 1770 года русская эскадра подошла к берегам Греции, к ее части, именуемой Мореей. Здесь был высажен десант, разделенный на два отряда (легиона). Боевые действия начались успешно, почти тридцать тысяч греческих повстанцев поддержали десант в Морее, Эпире, Греции. Однако энтузиазма греческих повстанцев было недостаточно против регулярной армии турок. От завоеванных территорий приходилось отказываться, сосредоточив основной удар эскадры на прибрежных крепостях.

Командование боевыми действиями принял на себя Алексей Орлов. Человек он был энергичный, деятельный, с этакой бесшабашной удалью. В апреле, после умелой и тщательной бомбардировки, организованной бригадиром морской артиллерии Иваном Ибрагимовичем Ганнибалом (сын «арапа Петра Великого», двоюродный дед А. С. Пушкина), и атаки высаженного десанта пала сильная турецкая крепость Наварин. 42 медные пушки, три мортиры, 800 пудов пороха были немалыми трофеями по тем временам.

Очаги восстания вспыхивали то здесь, то там, но уничтожить турецкое владычество они не могли, слишком близка была материковая Греция от султанского Константинополя, да и невелика была сила русской эскадры, чтобы удерживать все завоеванные территории, крепости и города.

Главнокомандующий Орлов доносит Екатерине: «Кроме крепостей и больших городов – Триполицы, Коринфа, Потраса, хотя вся Морея и очищена от турок, но силы мои так слабы, что я не надеюсь не только завладеть всею, но и удержать завоеванные места… Лучшее из всего, что можно будет делать, – укрепившись на море… пресечь подвоз провианта в Царьград и делать нападения морскою силою».

Да, попытка поднять всеобщее восстание на Балканах не удалась, но боевые действия моряков-десантников и повстанцев растревожили Порту; с Дуная, где велись основные военные действия, были переброшены в Грецию дополнительные войска. Первая часть замысла Военного совета была осуществлена. Русский флот переходил к выполнению второй своей задачи – борьбе с флотом противника, ударам по путям снабжения турецкой столицы. Да и Орлов на первом этапе отводил ему лишь вспомогательную роль перевозчика пехоты и грузов в Средиземноморье. Пришло время русского флота, время его военной самостоятельности и зрелости.

Подошла и вторая эскадра под командой контр-адмирала Эльфинстона. Недоверие к русским морским командирам в царском дворце еще было –

отсюда и появление этого незадачливого, но амбициозного англичанина. Получив «сверх штата» чин контр-адмирала, он с самого начала не хотел вести совместные со Свиридовым действия, надеясь на легкую добычу и славу. Турки же не были слабым противником. Превозмочь их флот можно было только умением, искусным маневром и согласованными усилиями. Алексей Орлов, чувствуя несогласие между командирами эскадр, нежелание Эльфинстона подчиниться более старшему по званию и опыту Спиридову, взял на себя командование обеими эскадрами и поднял на корабле «Три иерарха» флаг главнокомандующего. Начались поиски ускользающего от генерального сражения турецкого флота, с тем чтобы разгромить его, заблокировать Константинополь, воспрепятствовать выходу новых военных кораблей в Черное море, где появились первые корабли русской Азовской флотилии.

На соединенной эскадре собрали сведения от моряков проходивших мимо торговых судов, местных пиратов, лоцманов-греков о местонахождении турецкого флота и, уточнив его маршрут, кинулись в погоню к острову Парос. Там выяснилось, что турки, набрав пресной воды, покинули стоянку. Решено было идти к острову Хиос.

23 июня 1770 года посланный в разведку и идущий впереди эскадры линейный корабль «Ростислав» поднял сигнал: «Вижу неприятельские корабли». На военном совете, проведенном у Алексея Орлова, Спиридов решительно высказался за немедленную атаку. Однако эскадра в целом не успела собраться до темноты, и решено было атаку отложить до утра.

Ранним утром 24 июня русские корабли, подгоняемые крепким норд-остом, спустились в пролив. Девять линейных кораблей и три фрегата шли навстречу неизведанному врагу. Шестнадцать линейных кораблей, шесть фрегатов турок были выстроены в две линии. На берегу были расположены батареи и находилось пополнение для кораблей турецкой эскадры. Туда под видом осмотра и сбежал их командующий флотом Ибрагим Хосамеддин. У турок было 1430 орудий, а в эскадрах Орлова – 608. Несколько десятков малых кораблей, вспомогательных судов, помимо линейных кораблей и фрегатов, создавали впечатление неисчислимости турецкой эскадры. Недаром оставшийся старшим вместо сбежавшего турецкого главнокомандующего алжирец Гасан-паша говорил перед отправкой турецкому султану: «Флот вашего величества многочисленнее русского флота; чтобы истребить русские корабли, мы должны с ними сцепиться и взлететь на воздух; тогда большая часть вашего флота останется и возвратится к вам с победой».

Но Спиридов, изложивший план атаки Алексею Орлову, учитывал эту безрассудную отчаянность турок и решил бить их последовательно, по частям. В авангарде шли линейные корабли «Европа» (командир Ф. А. Клокачев), «Евстафий» (под адмиральским флагом Г. А. Спиридова, командир А. И. Круз),

«Три святителя» (командир С. П. Хметевский). Вторая кильватерная колонна возглавлялась Алексеем Орловым, третья – Д. Эльфинстоном.

Фрегаты и вспомогательные суда шли за боевой линией и должны были отсекать мелкие суда противника, громить их на подходе к линейным кораблям. Спиридов хорошо понимал возможность жертвенной атаки противника. Для современного человека атака парусного флота отнюдь не выглядела бы устрашающей на первом этапе. Наполненные ветром паруса придавали романтический вид русским кораблям. Окутанная дымами эскадра турок тоже походила на подкрашенный бумажный букет. Но каково было им, участникам выдающегося и кровавого сражения…

…В 11.30 авангард приблизился к первой линии османских кораблей. Турецкие орудия захлопали вразнобой. Русские канониры молчали. «Европа» приблизилась к наветренному флангу эскадры противника и дала залп правым бортом. И тут греческий лоцман в панике бросился к капитану Клокачеву: «Впереди рифы!» Командир корабля повернул на правый галс и вновь вступил в бой уже в конце колонны за «Ростиславом». Спиридов вначале остолбенел: неужели его боевые командиры уклоняются от авангардной схватки? – и крикнул разворачивающемуся Клокачеву: «Поздравляю вас матросом!» Бледный капитан только рукой махнул: «Бой покажет». И бой показал. Спиридов молниеносно принял решение и отдал приказание Крузу: «Александр Иванович! „Евстафию“ занять место „Европы“. Огонь в упор! Музыканты, играть!» «Евстафий» пошел крушить всей своей мощью. Но и сам оказался под ударами турецкой армады. Падали мачты, летали ошметки парусов, скакали по палубе, расщепляя доски, ядра. Оборванные, полусожженные паруса обмякли, перестали «ловить ветер», и корабль медленно переходил во власть морского течения. А оно сближало два дымящихся и пылающих флагмана. Стало ясно – сейчас гиганты столкнутся. Спиридов не терял присутствия духа, ходил по шканцам с обнаженной шпагой и отдавал приказания: «Приготовиться к рукопашному бою! Музыкантам играть до последнего!» Круша такелаж, хрустнул, врезавшись в надстройки «Реал-Мустафы», бушприт «Евстафия», на корму турецкого флагмана вскочили русские моряки. Завязалась схватка. В дыму, вокруг очагов огня, сваленных в груду тел кромсали друг друга противники. Остался в памяти подвиг матроса, бросившегося срывать вражеский флаг. Протянутая правая рука была прострелена, сменившая ее левая – отсечена. Герой зубами схватил полотнище и сорвал его с древка. Турки дрогнули, Гасан-бей мрачно проследовал в шлюпку.

Позднее Орлов в донесении Екатерине II писал: «Все корабли с великой храбростью атаковали неприятеля, все с великим тщанием исполнили свою должность, но корабль адмиральский „Евстафий“ превзошел все прочие. Англичане, французы, венецианцы и мальтийцы, живые свидетели всем

действиям, признались, что они никогда не представляли себе, чтоб можно было атаковать неприятеля с таким терпеньем и неустрашимостью».

Но победа была дорогой. Пламя перебросилось с «Реал-Мустафы» на «Евстафия». Стало ясно, что корабль не спасти. Спиридов перенес согласно уставу флагманский флаг на «Три святителя». Здесь же команда была тоже неустрашимой. Корабль забрался в середину турецкой эскадры и крушил ее с двух бортов. 684 выстрела нанесли непоправимый урон туркам, было уничтожено четыре корабля, многие повреждены. Капитан Степан Петрович Хметевский с перевязанной головой, в разорванном и залитом кровью мундире не сходил с мостика. Когда Спиридов поднялся к нему, полуобняв, осмотрелся, стало ясно, что турецкая эскадра разгромлена. Шедшие за авангардом «Иануарий», «Ростислав», флагман А. Орлова «Три иерарха» действовали так же умело. Они заходили с кормы корабля турок и, когда противник не мог ответить им всей артиллерией, решительно громили его своей. Клокачев доказал, что трусость чужда ему (впоследствии он стал вице-адмиралом и первым командующим Черноморским флотом), совершая искусные маневры на «Европе» и осыпая противника ядрами. Пылающая мачта «Реал-Мустафы» рухнула на огненный «Евстафий», искра попала в крюйт-камеру. Казалось, писали позднее летописцы битвы, вулкан разверзнулся над бухтой, и из его кратера летели вверх переломанные мачты, куски парусов, скрюченные люди, пустые шлюпки, золоченая посуда турецкого паши и серебряные бокалы русского адмирала.

В высшей степени хладнокровно и четко командовал кораблем храбрейший его капитан Александр Иванович Круз.

Моряки побаивались Круза за его взыскательность, необыкновенную аккуратность, требовательность, но и уважали за справедливость, заботу о подчиненных. Сын флотского офицера, выросший в нужде, он хорошо понимал сослуживцев, не ругал без необходимости, но слово поощрения много значило для каждого, кто плавал с ним.

За мгновение до взрыва Круз бросился сбивать пламя, но огненным вихрем был подброшен вверх и, упав в воду, успел схватиться за обломок мачты. Там уже держались на плаву мичман Слизов и артиллерийский прапорщик Миллер. Последний, увидев своего капитана целым и невредимым, закричал: «Александр Иванович, а, Александр Иванович, каково я палил!»

Круз, отфыркиваясь, оценил: «Отменно, батенька, отменно!»

Сражение кончилось. Турки рубили якорные канаты, часть команд пыталась вплавь добраться до берега. Оставшиеся корабли беспорядочно бежали в Чесменскую бухту. Спиридов меланхолично заметил: «Легко мне… предвидеть… что сие их убежище будет и гроб их».

Победа в Хиосском проливе была знаменательна. Русские моряки проявили здесь исключительный героизм и мастерство. Спиридов же, как все русское командование, показал высокое умение в управлении боем, не сковывал инициативу капитанов. Внезапность и четкость прохождения авангарда и кордебаталии (центра) не дали возможность перестроиться противнику, лишили его артиллерийской поддержки второй линии. Удар по авангарду и его флагману был главным объектом спиридовской тактики. Это уже было зарождение новой стратегии морского боя, хотя ее блестящий творец и воплотитель тогда только прибыл в Азовскую флотилию и овладел первыми премудростями морской науки.

…Затем была Чесма. К этому времени русское командование (Орлов, Спиридов, Грейг) уже увидело возможность уничтожения запертого в бухте флота. Турецкий флот лишился порядка. За линейными кораблями сгрудились мелкие корабли, слева галеры. Турецкий капитан-паша надеялся, что его разблокирует вышедшая из Константинополя эскадра. Спиридов же и не думал заниматься блокадой, он разработал стремительный план уничтожения кораблей противника брандерами. На военном совете на флагмане «Три иерарха» план был утвержден, а в приказе, разосланном по всем кораблям, говорилось: «Наше же дело должно быть решительное, чтоб оный флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы к победам иметь свободные руки».

По предложению Спиридова Ганнибал организовал отряд из четырех брандеров. К середине 25 июня брандеры были приготовлены и укомплектованы охотниками (добровольцами). Под командой шотландца Грейга для их поддержки были выделены линейные корабли «Европа», «Ростислав», «Не тронь меня», «Саратов», два фрегата и бомбардирское судно «Гром». Спиридов хорошо сознавал роль артиллерии, знал – выучка русских артиллеристов выше, чем турок. Поэтому кораблям предстояло ворваться в бухту и, бросив якоря, немедленно вступить в артиллерийскую схватку с противником; фрегаты должны были ударить по береговым батареям, а «Гром» метать бомбы (зажигательные снаряды) и каркасы в гущу турецкой эскадры; в подходящий момент выпустить брандеры.

Готовились к атаке тщательно, но споро. Вечер, как это бывает только на юге, моментально сменился темной ночью. Где враг? Где свои? Но вот из-за островных холмов спокойно взошла луна, четко обрисовав силуэты турецких кораблей. На «Ростиславе» зажглись три фонаря. Сигнал к атаке. Первым должен был идти фрегат «Надежда», но у того что-то не ладилось с такелажем. Спиридов, находившийся на корабле «Три иерарха», уже забывший свои вчерашние угрозы в адрес капитана Клокачева, а может быть, и извиняясь за них, отдал приказ:

«Европе» сняться с якоря! Идти вперед!» Клокачеву два раза приказания не отдавались, почти в полночь его корабль прошел узкий проход Чесменской бухты, подошел к оставшемуся флоту противника на расстояние двух кабельтовых и встав на якорь, открыл огонь. Началось знаменитое Чесменское сражение.

Спиридов в донесении Адмиралтейств-коллегий писал: «В 12 часов оный корабль пришел в повеленное место… и начал по турецкому флоту палить беспрерывным огнем из пушек, ядрами, камелями и брандскугелями и бомбами».

Первая линия турецких кораблей ответила нестройным огнем, но подоспевшие другие русские корабли и суда, а особенно бомбардирский корабль «Гром» не дали им развернуть свою полную мощь. Во втором часу ночи брандскугель с «Грома» зажег турецкий линейный корабль, затем загорелось еще два. Бухта начала освещаться гигантскими факелами горящих судов. С «Ростислава» дали сигнал двумя ракетами: «Брандеры в бой!» Брандер был смертоносным орудием. Обычно это были транспортные суда, загруженные «огненным грузом». Его трюмы заполнялись серой и селитрой. В бочках – смола, в мешках – порох, палубы пропитаны скипидаром. Брандер называли еще «плавучим гробом». Таким он и был как для противника, так и для команды, его ведущей. Для их проведения требовались хладнокровные и мужественные люди, ибо идти в бой в седле собственной смерти, из которого надлежало перескочить, могли действительно немногие. Первый брандер англичанина Дугдаля храбро понесся навстречу турецкой эскадре, но был атакован галерами противника и расстрелян береговыми батареями. Второй брандер сел на мель, хотя команда подожгла его и тем самым осветила береговые батареи, по которым легче было вести огонь. Третий тоже стал пылающим факелом, расстрелянным турками.

Заскользил по бухте незаметной тенью брандер лейтенанта Ильина. «Помогай Бог Ильину! – шептал Свиридов. – Вся надежда на него». Благословение на английском языке посылал ему же командир авангарда Самуил Грейг. Лейтенант Дмитрий Ильин был известен как храбрый и опытный воин, умеющий владеть собой. После окончания Морского шляхетного корпуса он уже десять лет служил на флоте. Его выдержка и хладнокровие сыграли немаловажную роль во всей Чесменской битве. Его брандер прицепился к борту линейного корабля железными крючьями. Ильин бросил факел на палубу, поджег смоляные бочки и последним спрыгнул в отвалившийся катер. Посреди бухты не удержался и отдал команду: «Суши весла!» – хотелось взглянуть на результат. А результатом взрыва «огненного ядра» было подведение черты под существованием турецкого флота в

Средиземном море.[4] Взорвавшийся корабль головешками падал на другие суда турок и превращал их в пылающие факелы.

Летят на воздух все снаряды,
И купно вражески суда:
Исчезла гордость их и сила,
Одних пучина поглотила,
Других постигнула беда.

Беда постигла весь флот неприятеля, русская артиллерия добивала оставшиеся корабли, и в три часа ночи Чесменская бухта представляла собой чашу огня, наполненную останками судов, плывущими к берегу моряками и фонтанами пламени, вырывающимися из трюмов и крюйт-кают.

«Легче вообразить, чем описать ужас, остолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем, – записал Самуил Грейг впечатление того момента, – турки прекратили всякое сопротивление, на тех судах, которые еще не загорелись… целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта бесчисленным множеством… спасавшихся и топивших один другого… Страх турок был до того велик, что они не только оставляли суда и прибрежные батареи, но даже бежали из замка и города Чесмы, оставленных уже гарнизоном и жителями».

Всего было сожжено пятнадцать кораблей, шесть фрегатов и сорок мелких судов противника. Погибло около одиннадцати тысяч матросов и офицеров.

Победа была полная. В письме вице-президенту Адмиралтейств-коллегий Ивану Чернышеву Г. А. Спиридов написал: «Слава Господу Богу и честь Российскому флоту! С 25 на 26-е неприятельский военный флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили и в пепел обратили, а сами стали быть во всем Архипелаге господствующими».

Чесменская победа поразила всю Европу. Еще несколько месяцев назад жалкая, растрепанная эскадра вызывала презрительную улыбку у морских ведомств Англии, Франции, Испании, Швеции. И вдруг полное уничтожение турецкого флота. Откуда? Как? Кто совершил? Вот тут-то и пошли в ход поиски иностранных капитанов, якобы обеспечивших победу в экспедиции русского флота.[5] Изгнанный вскоре после Чесмы из русского флота по причине полной безответственности Эльфин-стон выдвинул себя на место вершителя победы; не прочь был приписать эту главенствующую роль себе способный командир Самуил Грейг. С размахом, свойственным его характеру, получил почести Алексей Орлов. Он получил тогда чин генерал-аншефа, титул

«Чесменский» и был награжден высшим военным орденом «Святого Георгия» I степени.[6] Екатерина писала в своем рескрипте на имя Орлова: «Блистая в свете не мнимым блеском флот наш, под разумным и смелым предводительством Вашим, нанес сей раз чувствительный удар оттоманской гордости. Весь свет отдает справедливость, что сия победа приобрела Вам отменную славу и честь. Лаврами покрыты Вы, лаврами покрыта и вся находящаяся при Вас эскадра». Истинного организатора победоносного флота не столь пышно отметили. А ведь главным творцом морской победы в Средиземном море был выдающийся русский флотоводец, предшественник Ушакова, славный адмирал Григорий Спиридов. [Придворные летописцы, однако, не утвердили его в этом звании, не записали в указы, предали забвению. Им в немалой степени это удалось. Фигура Спиридова у нас недооценена и до сих пор требует более внимательного рассмотрения военными историками, популяризации, утверждения в народном сознании как выдающегося флотоводца.

Г. Спиридов уже на исходе Архипелагской кампании подал прошение, в котором написал, что вступил в корабельный флот в 1723 году, был при флоте на море пять кампаний, «продолжал службу на Каспийском, Балтийском, Азовском, Северном, Атлантическом и Средиземном морях», «был под командами и сам командиром, а потом флагманом командуя, эскадрами и флотом, но ныне (в 1773 году) – “по дряхлости и болезням“ – он просил от военной и статской» службы отставить. В январе он сдал флот своему ученику контр-адмиралу Елманову и отбыл в Россию в свое имение Нагорье под Переславлем-Залесским. Как-то уж очень похоже закончили свою жизнь выдающиеся русские флотоводцы – Спиридов и Ушаков. Ревнивы к истинной славе власти предержащие.]

…Однако в целом в Петербурге значение победы у Чесмы осознали – устроили пышные торжества, решили ежегодно отмечать праздник Чесменской победы, учредили серебряную медаль на голубой ленте. На медали был изображен горящий турецкий флот и выбито короткое слово – «БЫЛ».

Чесменская победа выводила Россию в разряд великих морских держав. Она подняла волну патриотизма, вызвала чувство национальной гордости. Сразу после битвы в 1771 году, не раскачиваясь и не ожидая конечных результатов войны, по проекту архитектора Ринальди в Екатерининском парке Царского Села, приступили к сооружению Чесменской колонны. Двадцатиметровая Большая ростральная колонна, установленная на массивном гранитном пьедестале, была вырублена из олонецкого мрамора и украшена барельефами, связанными с эпизодами битвы. Венчалась она орлом, который разламывал полумесяц. Колонна утверждала идею великой победы русскодаром поэтический гений Пушкина коснулся ее в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе».

…окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник.
Ширяяся крылами,
Над ним сидит орел младой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

Благословение

Было это или примарилось мичману Федору Ушакову в морозные декабрьские дни 1768 года, никто сказать не может, да и не вспоминал он об этом позднее. Но, наверное, было, ибо не мог он упустить такой славной возможности, чтобы не завернуть, направляясь в Воронеж, к мудрому своему дяде.

Тот уже оставил Саровскую пустынь и стал настоятелем Санаксарского монастыря на Тамбовщине.

Было, наверное, ибо память дорогого ему человека привела старого адмирала Ушакова в эти края в конце собственного пути, а образ его бытия тогда: милосердного, богомольного, доброго отшельника – не виделся случайной вехой в конце жизненного пути, а был скорее данью, памятью в честь святого подвижника, позвавшего его на путь долга, великодушия и добродетели.

…Кибитка морского офицера в сумерках остановилась у монастырской стены. «Примут ли на ночь глядя? Встречу ли настоятеля сегодня?» – неуверенно думал мичман, вглядываясь в калитку, из которой неторопливо выходил монах в накинутом поверх рясы тулупе.

– Отец Федор ждет вас в трапезной, – негромко сказал монах и, махнув вознице на угол двора, где стояло несколько лошадей, повел мичмана узкими монастырскими коридорами.

В трапезной уже был накрыт стол и вкусно пахло щами.

– Сердце весть, Федя, сегодня подало, вот и жду путника, – предупреждая вопросы и расспросы, пророкотал, благословив вошедшего, настоятель. – Поешь, поговорим, да отдохнешь до утра, а там и в путь, – помолился,

пригласил жестом племянника сесть такой же неторопливый и внимательный, как прежде, дядя Иван. – Кушай, кушай, у нас тут хорошие мастера. Пост. Без разносолов, но вкусно.

Отец Федор посмотрел с удовольствием, как склонился над миской Федя, потер щеки, подержал в руке бороду и сказал без перехода от низкой материи к высокой:

– Ну так что, государыня решила взор к южным морям обратить? На пути Древней Руси выйти? Сие без флота, конечно, не решить. Но надобно бы все делать без спешки, разумно, без насилия, лихоимства, без грабежа, иначе быть беде.

Федор даже ложку отложил – о какой беде говорит отче, что в виду имеет?

– А о том, Федя, – видя недоумение и вопрос во взгляде племянника, опять угадал настоятель, – что не знаю, успеют ли победы быть одержаны. В народе простом недовольство выросло. Мздоимство да издевка мужика в бунтовщика превращают. Бунт и мятеж грядут, а то и есть кара небесная для поместных владетелей.

Федор-младший с удивлением сии речи выслушал, не думал, что мужики до такого состояния доведены, сам-то весь был в морском деле сосредоточен и не чувствовал грозы приближающейся. Рассказал в ответ про родных, которых тоже посетил по дороге, про плавание вокруг Швеции и Норвегии, про Архангельск-город, где и отец Федор бывал. Про себя думал, всматриваясь в умиротворенные черты родственника: откуда в нем это спокойствие? Откуда знание? Как предугадывает события да глядит на них так широко и точно, предупреждает об опасностях? Спросил, не давал ли он советов, будучи в Казанском соборе, императрице о бедах приближающихся.

Отец Федор возгневался:

– Государи наши если хотят быть помазанниками Бога, то, как сыны и дочери Божьи, с людьми по-Божески обходиться должны. – Рукой махнул, как бы прочеркивая время. – Насильство у нас особенно при Петре выросло. Он сие иноземным флагом прикрывал, а потом адская игра бироновщины, сластолюбие и разгул Петра III… да и ныне…

Молодой Ушаков с таким приравниванием Петра к ничтожным людишкам, к власти пробивавшимся, не согласился, видел мудрые следы того во многом. Взгляд сей знал и раньше, слышал нападки на политику императора и до этой встречи, но, однако же, мощный разгон, что Россия от его деяний получила, пребывал у всех на виду. Сказал об этом и добавил:

– А иноземное знание нам не противопоказано в делах военных, коммерческих, технических.

Отец Федор покачал головой:

– Не противопоказано, конечно, но поверь, сын мой, кто на Руси от русского откажется – тот погибнет.

– Но Петр Великий не отказывался? – с вопрошанием взглянул на священника мичман.

– Да, – согласился тот, – он в конце концов ко всему российскому повернулся. Но у власти всегда много приверженников, льстецов, изветников, что кусок ухватить стремятся. А мы должны снова глас Отечества пробудить, корыстолюбие пригасить, молчание народа прервать. Беззаконие и разврат, что царят в лавке купца и у ложа императорского, принесут гибель в будущем.

Отец Федор встал, походил раздумчиво вдоль стола, перекрестился на икону и, как бы отвечая на предыдущий вопрос молодого своего родственника, сказал, глядя в узкое оконце:

– Россияне простить могут царю тесноты, лишения, даже истязания, но не могут простить бессилия власти, унижения народа своего, превращения его истории в зловонную яму, из одних грехов состоящую, тиранства иноземного. Такой государь из памяти его вычеркнут будет.

– До Господа Бога далеко и до царя не близко, и не всем грешным их поступки судить можно, – негромко ответствовал Ушаков, не решаясь дальше давать оценки всесильным правителям. – Еду я, хоть не без сомнений, кои этим разговором порождены, – служить Отечеству и государыне. И служить хочу беспорочно.

– Сие верно и по-Божески и по-людски. Присяга твоя Богу и государыне священна. В развалинах человеческих судеб есть тропы истины. Находи их и следуй ими. Наш народ от невежества пришел к сиянию Христовой веры и благоустроенному Отечеству. Он в ударах судьбы ободряется и в уничтожении восстанавливает страну из пепла. А любовь к Богу и Отечеству в обстоятельствах чрезвычайных проверяется. И отныне и вечно должна тобой владеть государственная дума. Почему будь готов к тяготам и опасностям, Федор. Пусть лишения тебя не испугают, пусть трудности тебя закалят. Готовься снести горечи, обиды, непонимание, козни всякие, раны телесные и душевные, но останься стоек, храбр, непреклонен, неподкупен, беззаветен в любви к Отечеству, а с тем вместе дружелюбен, доброжелателен к людям. Не обидь ближнего. Умей силой своей души оживить доблесть в сердцах. А время придет, приезжай сюда, келий много.

Молодой Ушаков был восприимчив к высокому мудрому слову, а это ночное напутствие не могло не войти в него, не стать частью его мыслей и поступков в будущем. Он хотел доверить мудрому старцу почти все свои думы и сомнения.

– Еще хотел, отец Федор, узнать у тебя и по предыдущему твоему опыту жизни. Что есть за тайные общества, в которые ныне многих офицеров морских вовлекают, особо тех, у кого какая неприятность и боль проявляется?

– Не надо носить обиду на жизнь земную, на царя и державу нашу, иначе Отечество пострадает. Не носи и тайных желаний, доверь их священнику и душе. Истина уходит от многих, даже умных, ибо мудрствование с уставом правды не сопряжено. Тебе же скажу, воин наш, свое опасение. Умы неподвластны становятся власти, она же, поди, все время думает, как их обуздать. Плохой царь только силой, а надо Верой. Надо согласить выгоды человеков и счастье их. Веру, Веру старайся утвердить во всем. И тогда в правом деле победишь. Неизбежно.

Отец Федор, сказав важное и почему-то тяжелое для него слово, замер надолго. Казалось, он выплеснул все силы свои на племянника, отдал долго копившуюся энергию и страсть. И тот почувствовал это, наполнился желанием к свершению дел полезных и нужных людям и Отечеству, императрице и Богу. Он встал, ожидая благословения…

Еще до восхода солнца от стен Санаксарского монастыря унеслась в тревожную мирскую жизнь кибитка с морским офицером и его дерзновенными думами.

Воссоздание южного флота

Южная граница России к 1768 году (началу русско-турецкой войны) тянулась от Чернигова, где она упиралась в Днепр, шла по нему до Кременчуга, там переходила на Правобережную Украину, доходила до Балты, рек Буг и Ингула и от них через днепровские пороги южнее позднего Екатеринослава и Бахмута – к пограничной крепости Святого Димитрия Ростовского (ныне Ростов) и далее через Маныч выходила на Каспийское море.

Россия уже выходила при Петре на южные морские просторы, но потом, как писал историк Ключевский, международные отношения «переверстались». Флот Петра сгнил в Азовской гавани. Стать прочно в Крыму не удалось. Новой столицей Российского государства суждено было стать ни Азову, ни Таганрогу, а Санкт-Петербургу. Оттуда-то и определялась судьба этих приморских земель.

Грянула война, и стало ясно, что на юге одной сухопутной армией с турками не управиться, надо выходить на Азовское и Черное моря с флотом. Все нужно было начинать сызнова, тянуть нить от петровского времени, восстанавливая обветшалые верфи. На Дон выехал контр-адмирал Алексей Наумович Сенявин, которому и было поручено основать новый флот по методу Великого Петра. Создавать флот в досягаемости от врага, без умелых плотников, мастеров, без материалов, высушенного леса, железа, канатов, парусов было почти невозможно.

Нужен был строитель, администратор, командующий, который был бы способен сдвинуть воз с мертвой точки, ценой невероятных усилий возглавить эту гигантскую операцию и таким образом решить поистине историческую задачу – воссоздать южный флот России, взять командование им на себя, разгромить неприятеля, обезопасить южные морские рубежи. Задача эта была исполнена постепенно, лет за тридцать, но на первом этапе ее вершителем был энергичный, умелый, напористый, мужественный контр-адмирал Алексей Наумович Сенявин. Он происходил из знаменитой морской фамилии, был сыном адмирала петровских времен. Начинал службу Алексей во флоте еще в 1734 году мичманом, участвовал в походе Миниха на Очаков в 1737 году. Однако основную свою боевую закалку прошел он в Семилетней войне, командуя линейными кораблями «Уриил» и «Полтава», действовал близ Копенгагена и у берегов Померании.

Самой блестящей операцией русской армии и флота в Семилетней войне было взятие крепости Кольберг. «Святой Павел», которым командовал Сенявин, сделал бесстрашный рейд вдоль крепостных стен крепости, посылая ядра и уничтожая прусские батареи. Сенявин был контужен, но из боя не вышел. Война окончилась, почестей от Петра III русский флот не получил. Сенявин же, хотя и был произведен в капитаны 1 ранга, серьезно заболел и ушел из флота. Вот в это-то время он и присутствовал иногда на экзаменах в Морском кадетском корпусе. Однако вскоре Сенявин понадобился русскому флоту, был произведен в контр-адмиралы и назначен командующим Кронштадтской эскадрой. В этой эскадре на кораблях «Не тронь меня», «Три иерарха», «Святой Евстафий», «Северный орел» и фрегате «Святой Федор», казалось, собрался весь цвет русского флота, те, кто примет на себя все тяготы будущих войн, походов, побед и лишений. На «Святом Евстафий» Сенявин держал свой флаг, командовал же им капитан Круз, «Северным орлом» – капитан 1 ранга Клокачев, «Святым Федором» – капитан 2 ранга Сухотин – все это будущие адмиралы, с ними не раз пересекалась и судьба Ушакова.

В начале русско-турецкой войны, 7 ноября 1768 года, Сенявина принимает Екатерина II, ведет долгую беседу, предлагая взять на себя командование Донской экспедицией.

18 ноября последовал указ: вторая командная фигура нашего флота в этой войне – Сенявин!

В высочайшем повелении от 18 ноября 1768 года указывалось:

«Отправить генерал-григс-комиссара Селиванова в Тавров и прочие тамошние адмиралтейства, для приготовления лесов к строению судов разной величины, при том употребить Коллегии всевозможное старание промыслить род вооруженных судов, как бы против тамошних военных судов с пользою действовать могли. К рассуждению и сочинению, в силу сего указа, призвать вице-адмирала Спиридова и контр-адмирала Сенявина, ибо первый в нужных местах был сам, а второму предстоит действовать. Что ж принадлежит до числа людей, до денег, до провианта и прочего, на то потребного, то ожидаем мы, что Коллегия не оставит сделать всему нужные положения и распоряжения и нам представить».

Спиридов, как известно, позднее получил назначение на эскадру, направляющуюся в Средиземное море, но на первом этапе энергично участвовал в делах Южного флота. Сенявин же столкнулся с запустением, ветхостью, неподготовленностью верфей, с отсутствием карт Дона и побережья, лоцманов на реке. Не было леса, железа, полотна и, главное, строителей. Адмиралтейств-коллегия срочно посылала на юг инженеров, корабельных мастеров, офицеров, топографов и приходила «в рассуждение за всем своим старанием» к неутешительным выводам о том, что Дон почти непреодолим для больших кораблей по причине мелководности мест, протянувшихся поперек кос, незаметных отмелей. Тогда и решено было «изобрести» новые плоскодонные суда с малым количеством пушек. Придя к такому решению. Коллегия повелела: в январе 1769 года «Новоизобретенных по приложенной ведомости судов… приказано построить на сто тысяч рублей, а сколько какой величины числом – оное имеет Коллегии определить по своему рассуждению, смотря на пользу и выгодность их».

Так стали строиться первые 12 «новоизобретенных» судов, так стал воссоздаваться Азовский, а впоследствии Черноморский флот России.

Загоняя лошадей в зимнюю январскую стужу, мчался из Петербурга в Воронеж в январе 1769 года контр-адмирал Сенявин. В Москве он накричал на чиновников, требуя согласно распоряжению Адмиралтейства отправить немедленно работников, рекрутов, плотников в Воронеж. В губернском городе он не задержался и помчался в Тавров. Было ясно, что ничего для создания флота не готово. Хваткий контр-адмирал, обнаружив недостроенные прамы, собрал артель плотников и бросил ее на их достройку, сам же ринулся в Таганрог.

Генерал-губернатор Маслов отговаривал его от этой небезопасной затеи – степь бороздят отряды турок и татар.

– Мне флот строить надобно, а не ждать, пока война кончится, – бросил ему из кибитки Сенявин.

Проскакав по вьюжной степи с небольшим конвоем, Сенявин утром 14 февраля был в Таганроге и сразу же приступил к промерам в гавани. Для «новоизобретенных» судов она годилась, для других нет. Поэтому пока он решил строить корабли в Павловске и Выкорце, Таврове и Новохоперске.

Екатерина II интересуется, как идут дела, способны ли создать все-таки флот там, в степях. В мае она пишет Сенявину:

«Алексей Наумович! Посылаю вам гостинцы – которые до тамошних мест принадлежат: 1) разные виды берегов Черного моря, даже до Царьграда; 2) Азовское море; 3) корабль на Воронеже деланный и на воду там же опущенный. Оные, как я думаю, будут вам приятны и, я думаю, может быть, сверх того и полезны. Пожалуй, дайте мне знать, ловко ли по реке Миусу плыть лесу в Троицкое, что на Таганроге, и ваше о том рассуждение, также есть ли по Миусу годные леса к корабельному строению? Я чаще с вами в мыслях, нежли к вам пишу. Пожалуй, дайте мне знать, каковы выдуманные суда, по вашему мнению, могут быть на воде и сколько надобно, например, времени, чтоб на море выходить могли».

Сенявин внимательно рассмотрел чертежи и с горечью сказал Селиванову:

– Великое б мое было счастье, если б я не только таковой величины корабли, как в этом чертеже обозначены, но хотя бы до 32 с большим калибром пушек судов до 10 иметь мог, коим… не только доказал бы мою службу, но и не помрачил бы славы русского оружия.

Сенявин понимал, что на Дону надо строить основной костяк судна, а довооружать его в Таганроге, иначе оно не пройдет по Дону, да, кроме того, одними «новоизобретенными» кораблями не поможешь в овладении Крымом, им нужно подкрепление галер, и в таком случае «не одна восточная часть, но и весь Крым долженствует, содрогнувшись, передать себя в монаршье покровительство, где известны три места: Еникаль, Керчь и Кефа будут служить к строению больших кораблей».

Это уже была программа дальновидного политика и стратега, не сомневающегося в том, что русский флот прочно выходит на Азовское и Черное моря.

Строительство развернулось вблизи Воронежа в Павловске, Таврове, в Выкорце и в Новохоперске, куда прибыл получивший первые офицерские погоны лейтенанта двадцатипятилетний Федор Ушаков. Новохоперская крепость такого нашествия чужих людей давно не видела. Оборонительного значения особого она уже давно не имела, верфи, да, собственно, не верфи, а мастерские, навесы пришлось строить заново. Флотский капитан Илья Иванович Ханыков, получивший назначение в несуществующую Азовскую флотилию в одно время с Ушаковым, писал в своих записках, что на вновь строящиеся корабли «были посланы по партиям в 1-й лейт. Мальцов, 2-й – лейтенант Разводов, в 3-й – Констанель Обернибесов, в 4-й лейт. Ушаков, в 5-й Ханыков и все пришли в Хопер в 3 недели и меньше». «У Хопер-реки, по которой и названа Ново-Хоперская крепость строения старинного и земляной вал невысок сделан, и пушек ни одной в исправности нет, тут комендант Иван Петрович Подлецкой, родом поляк и чин имеет полковничий. Есть небольшое дело у купечества, полк казаков, ротмистр Капустин. Гарнизону один батальон или меньше. На месте стоит хорошем и привольном, народ веселый и доброхотный, и достаточный. Кругом его так как и кругом Святого Димитрия, Таганрога и поблизости Азова населены малороссияне слободами и хуторами…»

Развернулись и воронежские купцы Аносовы, Молоцкие, Поповы, поставляли Адмиралтейству веревки, доски, съестные припасы. Вино и водку вез в достаточном количестве остроговский купец Корнев Тимофей. Прибыль получали отменную.

Здесь приступила к делу и знаменитая семья корабельных мастеров Афанасьевых, Иван Афанасьевич и Семен Афанасьевич, во всю силу заработали подмастерья корабельные Осип Матвеевич Матвеев, Петр Иванович Пешев, Василий Петрович Петров. Однако не хватало леса подходящего. Коллегия предписывала «осмотреть» Борисоглебские, Шиповые леса, не могут ли там отыскаться подходящие деревья для мачт, обшивки, днища «новоизобретенных» кораблей. В экспедиции посылались офицеры, корабельные подмастерья, купцы.

«Все на наших старых донских верфях приходилось вновь переделывать и перестраивать… для всех новых судов приходилось свозить отовсюду строительный материал и всевозможные их принадлежности и строить вновь для них шлюпки и собирать артиллерию…» (История Севастополя).

По Дону на праме

Для северян такое жаркое мартовское солнце было в диковинку, грелись как мухи, размаривало, даже сидевшие на веслах пытались дремать.

– Гляде-еть вперед! – все покрикивал командир Ушаков. Да, то было первое подчиненное ему судно – прам номер 5. Он на нем уже плавал под началом Апраксина, стоял под началом капитана 1 ранга Пущина в устье Дона, оберегая Азов от турок. Но вот командует, капитанствует впервые.

Прам ткнулся носом в песок, солдаты, что ныне в морских служителей превращались, попадали: кто на скамьи, кто на борт привалился, а стоящий у кормы и, наверное, задремавший часовой вывалился в воду и закричал благим матом. Хороша командочка. Ушаков, чтобы привести в чувство, объединить, резко и пронзительно скомандовал:

– Якорь отдать! Весла сушить! Кормовой, брось конец утопающему, а то захлебнется в луже.

Еще две-три команды, и кутерьма на праме как-то улеглась, все успокоились. Якорь плюхнулся в песок, небольшой трапик лег почти у берега, и Ушаков, опустившись на берег, приказал боцману:

– Раскладывать невдалеке костры, – благо несколько бревен выловили по дороге, – готовить пищу.

Он же пошел доложиться прибывшему в Новопавловск вице-адмиралу. Небольшую шлюпочку командующего несуществующим флотом хорошо знали в Таврове, Павловске, в Икорце, да и по всему Дону, ибо она появлялась без предупреждения там, где стопорилось дело, не хватало леса, рабочих, не могли разобраться в чертежах, не хватало продовольствия, ссорились между собой военные и морские начальники, кричали друг на друга строители. Тут-то и появлялся Алексей Наумович. Быстро всех мирил, передвигая сроки, конечно, в сторону уменьшения, наказывая нерадивых, поощряя старательных и всех заражая целью – построить южный флот России.

Вот и здесь, в Новопавловске, он собирал очередной отряд построенных, или, вернее, полупостроенных, кораблей, чтобы пустить их вниз по Дону.

Ушаков зашел мимо дремавшего часового в избенку, что стояла над Доном, далеко раскрывая обзор речной долины.

– Лейтенант Федор Ушаков прибыл на праме номер пять!

Стоящий у подслеповатого окошка военный моряк медленно развернулся.

– Вижу, что прибыл! У тебя чего моряки за борт валятся? Аль мало кормишь?

Ушаков смутился:

– Ваше превосходительство, не моряки они еще. Ни под парусом, ни на веслах как следует ходить не умеют. Учу их.

– Ну учи, учи. Да быстрее. Нам не век по степным речкам ходить. Скоро в море. Пройдут по Дону-то?

– Должны пройти, мы неплохо двигались, хотя все было. И волок, и весла, да и парус помогал.

Вице-адмирал запахнул шинель и сел в невесть откуда взявшееся здесь резное кресло.

– Вот смотри, что я графу Чернышеву пишу и вскорости отправлю.

Он выхватил лист бумаги у недвижно сидящего писаря и зачитал:

– «Успех в строении судов по состоянию времени и людей идет так, что больше, кажется, требовать мне от них не можно, в чем могут свидетельствовать спущенные на воду суда… всего спущенных судов на воду кроме нынешнего и машины с понтонами пять, сверх того уже на воде состроенных шлюпок 10, палубных две, 8-весельных восемь, яблотов 12, прочие же суда в Павловске обшивкою внутри и снаружи одеты, выконопачены и к спуску приготовляются… а на будущей неделе, если вода помешательства не сделает, уповаю спустить все», – Сенявин помолчал, строго посмотрел на Ушакова и потряс бумагой: – Ты понимаешь, лейтенант, что мы тут совершаем?! А?

Ушаков не успел ответить, что понимает, видит, что все говорят о флоте, но его еще нету, и видит его силу пока еще один неистовый вице-адмирал. Но тот закашлялся, затрясся, махнул рукой:

– Я вот сюда прилягу, шубой накроюсь. Лихорадка чертова еще из-под Кольберга терзает. А ты про Дон расскажи, про устье, что там ждать можно? С лоцманом шел? Или по карте? Как солдатики-то на кораблике, в мореходцев превращаются?

Ушаков долго рассказывал про капризы Дона, заносы песчаные в устье, где можно застрять надолго, про круговерти опасные и про то, как надо бы отбирать во флот людей бесстрашных, воды не боящихся.

– Где их взять-то? – ворчал Сенявин. – Не будешь же всех из Архангельска да Новгорода тащить, там Балтийский флот на них держится. Надо южного мужика с морем связать. Он здесь тоже сметливый да понятливый. А ты сам-то откуда родом? Ярославский? Ну вот, губерния – тоже для мореплавателей подходящая. Гриша-то Спиридов ведь тоже оттуда.

Не сразу понял Ушаков, что это он о главном ныне адмирале России, о Григории Андреевиче Спиридове и его эскадре. Сказал с почтением:

– Великая миссия им досталась. В какое логово подались, с самым большим флотом встретятся. Каково-то им там?..

Сенявин присел, задумался и доверительно обратился к Федору:

– Я признаться могу, сам на них с величайшей завистью смотрю. С природы-то я не завистлив был, даже до сего случая ни к чему… А теперь под старость черт дал зависть. Рассуди: они все ведут службу прямо по своему званию по морю да и на кораблях, а я, как гусар, пешком.

Тень печали и болезни легла на лицо Сенявина, он задумался, но ненадолго: кучей ввалились офицеры, строители, кричали друг на друга, указывали пальцем, хватали за кафтаны и мундиры.

– Хватит! – крикнул вице-адмирал. – Пора помириться! Державное дело вершить.

– Ваше высокопревосходительство! Алексей Наумович, но он же весь лес на свой корабль забирает. Не успел я уехать на ту верфь, вы же знаете, что я один и тут и там. Он лес вывез и все на один корабль, другие стоят.

– Что самовольничаешь? Не твоя ведь усадьба, что хочу, то и ворочу, – загромыхал, преобразившись из больного старика в грозного адмирала, Сенявин.

– Алексей Наумович, – приложил руки к груди высокий капитан 2 ранга, – мне доделать малость осталось, и корабль готов, а лес завтра будет, везут уже.

Сенявин пожурил его еще за самовольство, но согласился:

– Верно, Иван Афанасьевич, прискакал гонец, сегодня уже двадцать подвод подведут да завтра столько же. Хватит тебе. Остынь. Давайте щей похлебаем.

Пока расставляли миски да раскладывали приборы, Сенявин вызвал уезжающего в Петербург капитан-лейтенанта. Тот пришел и доложился. Ушаков обнялся с вошедшим, обрадовался как родному. Ваня Апраксин – его прошлогодний командир на праме, вместе Дон обуздывали. И вот уже в Петербург. Что-то быстро… Тот обернулся и тихо сказал:

– Перемрем все, Федя, здесь. Надо хоть в бой, на Средиземное, но от этой гнилости бежать. Вон, смотри, адмирал наш совсем плох.

Сенявин, как бы услыша, обернулся к Апраксину и тихим, хриплым голосом сказал:

– Прошу о сей моей болезни жене не сказывать, и ежели она от кого о том может поведать, то примите на себя труд уверить ее, что я здоров.

Лихорадка снова забила его мелкой дрожью, но он пересилил себя, сел за стол вместе со всеми, расспрашивал Афанасьева о делах в Икорце, о поставках железа, капитана судна – о якорях и команде, Ушакова – об опасностях от кочевников и наибольших отмелях. Все хотел знать, перепроверить этот вершитель морских судеб на юге Отечества. Прощались все вместе, каждому сказал деловое напутствие и дал наказ. На Апраксина посмотрел грустно и сказал:

– Езжайте немедля, господин капитан-лейтенант, рапорта мои передайте вице-президенту Адмиралтейств-коллегий его светлости Чернышеву. Да скажите ему, что мы дело свое исполним. И не умрем. – Подумал и добавил: – Впрочем, многие умрут.

Ушакову подал руку и неожиданно вспомнил:

– А ты мне здорово отвечал на экзамене. Чувствую, что наука впрок пошла. Вот что, встань-ка на реке Кутюрме дозором, не дай Бог турки две шлюпки пришлют и весь флот наш пожгут. Считай, приказ тебе до осени. Ну, давайте с Богом за дела!

Таганрог – Крым – Балаклава

К весне со всех стапелей на Дону сошло 12 «новоизобретенных» кораблей, 5 двухъярусных прамов, 1 дубель-шлюпка, 1 палубный бот, 58 лодок с двумя пушками. Корабли были построены. Сенявин получил звание вице-адмирала. Однако флота еще не было, необходимо было собрать корабли в кулак и переправить их к крепостям Азов и Таганрог.

Переход этот был нелегкий, изнурительный. Команды только учились ставить паруса, грести. Прамы осторожно двигались по воде; натыкаясь на песчаные косы, преодолевали их. Почти сорок километров протащили посуху прамы на катках рекруты и солдаты. Команда Якова Сухотина с сорока лодками прошла до Черкасска и осталась там зимовать. Мичманы Пустошкин и Соловьев свои лодки оставили на зиму в станице Вешенской.

Летом 1770 года двинулись все к Таганрогу. Там уже укрепляли набережную, делали гавань, строили дома, казармы. Однако на Таганрог осенью обрушился сокрушительный смерч. Так стихия еще раз испробовала крепость кораблей и людей. И те и другие едва выдержали. Илья Ханыков

отмечает в своих записках: «В ноябре 10-го числа того же 770 года с гавани на две трети унесло по берегам, после в декабре на 15 число сделался ветер еще больше… и всю гавань до основания разнесло… и после того и по сие время (то есть по 1772 г. – *В. Г* .) по Таганрогу, казармам, землянкам ходил мор, хлестала людей лихоманка (лихорадка)». Умирали солдаты, умирали корабельные мастера, умирали архитекторы, умирали офицеры. Дорогой ценой «заплатила Россия за этот свой первый порт и базу на Азовском море.

Весной 1771 года Азовский флот получает боевое крещение. Корпус генерал-майора Щербатова армии князя Долгорукого ведет наступление со стороны Геничи и Арабата в тыл турецким войскам, находящимся в Крыму. Сенявин должен был поддержать это наступление, как только «вскроются воды». 25 апреля он пишет из Таганрога вице-президенту Адмиралтейств-коллегий Ивану Григорьевичу Чернышеву: «При всей моей скуке и досаде на то, что я еще к выступлению не готов, ваше сиятельство, вообразите себе и мое удовольствие: видеть с высоты стоящие перед гаванью в Таганроге суда под военным российским флагом – чего со времен Петра Великого, то есть с 1699 года, здесь не видели!» (Граф забыл, что войска Миниха были здесь и позднее.) 18 мая эскадра тронулась в путь. Выпали на ее долю и штормовые ветры, что повлекли на дно пять кораблей, лодок и шлюпок. У Геничей флот помог построить мост через косу и двинулся к проливу Еникале, где и встретил турецкий флот из 40 судов, галер.

Эскадра Сенявина пошла на сближение, но турки, потрясенные появлением русского флота, бой не приняли и отступили. Русские корабли встали на Еникальском рейде и вступили «сполна во владение Азовским морем». 23 июня Сенявин с удовлетворением пишет Чернышеву:

«Я скажу, что прошел Азовское море вдоль от одного края до другого и теперь опять на половине. Я думаю, что турки таких судов на Азовском море видеть не уповали. Удивление их тем больше быть может, что по известности им азовской и таганрогской глубины там великим суднам быть нельзя… то по справедливости сказать турки могут, что флот сей пришел к ним не с моря, а с азовских высоких гор. Удивятся они и еще больше, как увидят на Черном море фрегаты и почувствуют их силы».

Ушаков в эти годы исполнял немало серьезных поручений и заданий. На праме номер пять под командой капитан-лейтенанта Апраксина плавал от Новохоперска к Азову. Потом на том же праме плавал, охраняя устье Дона в 1769 году. В том же году он был произведен в лейтенанты и уже в следующей кампании сам командовал этим прамом. В строящемся и становящемся на короткий период основной базой русского флота Таганроге тоже разворачивалось строительство, и лейтенант Ушаков доставлял туда лес, командуя транспортными судами. В 1772 году получил важное задание поднять

затонувшие и застрявшие на Дону корабли с припасами и материалами. В этом же году на палубном боте «Курьер» впервые прошел от Таганрога до Кафы (Феодосия) и далее до Балаклавской бухты. «Новоизобретенные» шестнадцатипушечники «Модон» и «Морея» под его началом оказывались то в Таганроге, то в Балаклаве, то в Кафе, то в Керчи, участвуя в разведке, охране берегов, защите крепостей побережья от турецких десантов. Черное море стало для него тогда морем познания морского ратного труда. Первой боевой школой командования людьми и кораблями. В 1775 году Федор Ушаков был переведен в Санкт-Петербургскую корабельную команду и произведен в капитан-лейтенанты.

Собирать по человеку…

Заканчивалась русско-турецкая война. Лейтенант Ушаков получил задание провести «новоизобретенный» корабль «Модон» из Керчи в Балаклаву. На палубе сбилось три десятка рекрутов, со страхом глядевших на удалявшиеся берега.

– Ну что, братцы, приуныли? – весело бросил Ушаков, проходя мимо. – Или страшно?

– Страшно, ваше благородие. Но не всем.

– Откуда будете?

– Да отовсюду. Вон мы ярославские. Те, что глаза аж закрывают, калужские. Я хожу, их успокаиваю.

– А тебя как звать-то, ты что за всех отвечаешь? Старший?

– Не-е-е! Никто не назначал. Зовут Петром Золотаревым. А старший-то вон уже спать укладывается.

Седой солдат, подложив под голову вещевой мешок, дремал, не обращая внимания на качку.

– А я тоже морекача не боюсь. По Азову плыли, и сейчас нутро спокойно. Я мальчишкой на деревья самые высокие забирался и не боялся.

– Ну а у пояса-то что у тебя привязано?

– Топор. Мы, ярославские, без топора как без рук. Все им выделать можем – закрепить, сколотить.

– Хм-м! А не хочешь ли навсегда в морском услужении остаться? Чувствую, ты к этому способен.

– Да-к я что? Мы люди подневольные. – Солдат помолчал и со вздохом закончил: – Эвона у вас как раздольно на море-то. Дыши вольно, не скрючивайся. Да и командиры какие добрые, – и он с доброжелательностью посмотрел на Ушакова.

…Балаклава была селеньем невзрачным. Несколько наспех сбитых офицерских домов. Высеченные в камнях солдатские и матросские казармы, два лабаза купеческих да въездная арка, построенная по греческому образцу из известняка местным комендантом Арсеньевым. Дом самого коменданта был, пожалуй, главным и красивым местом селенья. В левой половине с небольшим садиком жила семья, а в правой с утра раздавались распоряжения, разводились по приказу посты, караульные начальники записывали в журнале происшествия за сутки. Сюда и прибыл с сухопутной командой широкоплечий лейтенант Ушаков. Его «новоизобретенный» корабль «Модон» покачивался в бухте, необычно спокойной и ласковой.

– Прибыл для защиты крепости от турецкого флота, – четко доложил он коменданту.

– Давай, дружок, давай защищай, – протянул ему руку комендант. – А на обед ко мне проследуй, моя Наталья Ивановна щи еще не разучились варить.

Ушаков сдал ему сухопутную команду, распорядился о доставке воды и продовольствия на корабль, обошел селение и в полдень, робея, что было с ним всегда, когда он приходил в семейные дома, постучался в левую дверь комендантской.

– Вот о вас батюшка, наверное, говорил: приехал волшебник морской, теперь турок нам не страшен…

Ушаков поклонился.

– Меня Федором Федоровичем зовут. С турками, если надо, будем биться и вас в обиду не дадим. Хотелось бы знать ваше имя, кого защищать будем.

– Меня Полиной зовут, и я здесь у батюшки недавно. Семьи сюда еще никто не решается привозить. Ну а теперь, с вашим приездом, – опять улыбнулась девушка, – нам нечего бояться.

– А господин комендант что, еще не освободился от забот? Тут дверь в горницу растворилась и с приступочки, идущей из рабочей половины, шагнул комендант в растрепанном парике, в небрежно застегнутом мундире. Развел руками:

– Поселение – грех городом называть, а дел и не перечесть. Вот и хорошо, что ты здесь, дружок, – обратился он к Ушакову. – Поди, с Полиной моей познакомился. Хорошо тоже. Она тут засиделась у меня, заскучала, все ее в столицы тянет.

Пришла и комендантша, по ее указанию длинный матрос разлил бачок щей, поставил в центре стола крупно нарезанный хлеб и ушел…

– Ну дак как вы, милая душа, к нам попали? Долго ли будете здесь пребывать?

Федор Федорович обстоятельно рассказал, что окончил Морской шляхетный корпус. Плавал из Кронштадта в Архангельск и обратно. А в 1768 году был откомандирован на Дон под команду контр-адмирала Сенявина и плавал на праме, прикрывал устья рек от турок, выводил недавно построенные у Воронежа корабли в Азовское море. Потом и сам стал плавать в нем, командуя ботом «Курьер», вышел впервые в Черное море.

– Оно, – продолжал лейтенант, – с Балтийским совсем не схоже. Вначале мне показалось ласковым, теплым, словно и не море, а пруд наш деревенский. Но набежал ветер, затянулось небо, волна хлопнула в днище – море! Важное море. Предстоит нам с ним подружиться.

– Да, дружок, как начнет бить волна осенью о берег, то хаос и содом истинный. Посему и бухты ищут сейчас повсюду для флота будущего. Наша Балаклавская удобная, тихая. Но, сказывают, Ахтиярская еще лучше. А вы сколько у нас пребывать будете? Чем вам помочь в обустройстве?

Ушаков поблагодарил коменданта, сказал, что сам устроится, но помнил вчерашний разговор на корабле и попросил из сухопутной команды, что высадил сегодня здесь, передать ему на корабль солдата Петра Золотарева.

– Я решил себе служилых людей подбирать в команду по одному. У которых к морю тяга есть, к мореходному искусству предрасположенных и качки не боящихся.

– И-и-и, дружок, – замахал руками комендант, – так у нас порядку никакого не будет. Начнут переводить из сухопутчиков в матросы, из матросов в солдаты. Служить каждый должен, где ему предписано с самого начала.

Ушаков помрачнел, брови его поплыли вниз, лицо стало суровым, скулы затвердели.

– Так ведь они свое воинское и морское дело искусно исполнять должны. Не каждому рожденному дано быть моряком. И топчет он башмаками пыль по

дорогам, а море его ждет. Я и хотел бы по человечку команду собирать, натуру каждого досконально знать.

– Прости меня, дружок, но ты чепуху собачью городишь. Какое искусство у солдата и моряка быть может? Ему поворачиваться должно направо и налево, во фрунт стоять да команды исполнять, а искусство сие ваше дело. Вы дворянин, ученье прошли высокое, науки знаете. – Комендант занервничал, отодвинул закуски и обратился к дочери, вроде и не замечая Ушакова:

– Ныне, говорят, в Петербурге модным стало людей всех званий и сословий равнять. И Пугачев не научил ничему. Из Франции книги выписывают, энциклопедия – ихняя Библия, а Вольтер – Бог. По тем законам, может, и командиров не надо? – вдруг резко повернулся он к Федору Федоровичу.

– Я тех законов не знаю, – спокойно ответил Федор Федорович. – А командиры, они всегда нужны будут. Хотя бы для того, чтобы научить тех, кто дела не разумеет.

Понял, что вопрос не решил, с комендантом рассорился, и стал собираться. Помощь пришла с неожиданной стороны. Полина встала, зашла за спину отца, обняла его и ласково сказала:

– Батюшка, а ведь Федор Федорович прав, ежели не будем учить делу, не будем собирать достойных для сего, великих предначертаний императрицы не осуществим.

При упоминании императрицы комендант выпрямился, потрогал, на месте ли эполеты, и горестно завздыхал…

Через несколько дней Петр Золотарев появился на корабле «Модон». Так началось собирание непобедимого братства моряков Ушакова. Умелого, храброго, преданного своему командиру.

…Смолкли пушки войны. Многие офицеры переводились снова на север, на беспокойную Балтику, где Екатерина II желала спокойно, без оглядки на флоты Швеции, Дании и Англии, править из блистательной столицы империи…

Лейтенант Ушаков зашел к коменданту Балаклавы попрощаться, у него тоже лежало в кармане предписание о переводе в Санкт-Петербургскую корабельную команду. Комендант пожелал счастливого пути и сказал:

– С Богом, лейтенант, становись скорей капитаном! Ушаков козырнул, развернулся и вышел, на душе было хорошо и светло. Петербург почему-то после горестного сетования Арсеньева стал ближе и роднее…

«Северный орел»

Потемкин остановился перед Екатериной, утонувшей в кресле, и, оттягивая вниз пуговицу мундира, задумчиво сказал:

– А что, матушка, не пришлось бы нам снова воевать из-за козней французских. Подзуживают сераль султанский, в Крым засылают подговорщиков, не иначе пламя зажечь на нашем Юге желают.

Глаза императрицы, теряя ласковость и поволоку, наполнились непреклонностью и холодом.

– Я сама, Гриша, об этом думала. Адмиралтейств-коллегия намедни прожект прелюбопытный представила. Русских купцов давно бы надо увязать со средиземноморской торговлей. Да они все боятся варварийских пиратов, рыцарей мальтийских, разбоем промышляющих, прибрежных италийских, корсиканских и албанских корсаров. Вот и послать туда решила российскую эскадру для торговли и защиты мореплавания коммерческого… Коллегия сие плавание тоже считает очень полезным предприятием для служащих во флоте.

Могучий Потемкин неожиданно легко всплеснул руками и с иронией бросил:

– Молодцы бестии! Молодцы! Наконец-то русские морские начальники не задним умом живут.

– Верно, думать стали. Я им повеление на сие дала. Фрегаты «Павел», «Наталия» и «Григорий» к перевозке товаров назначила с купецким флагом, а «Северный орел» для сопровождения, как фрегат военный, а еще… ох ты, память-то дырявая стала…

Потемкин сочувственно посмотрел на царицу и, присев у камина, стал шевелить угли щипцами.

– Надобно молодых офицеров поприсмотреть в походе. В поход сей назначили мы охотников и всех со знанием нескольких языков. А командиры знать обязаны английский, французский да итальянский. Хорошо стали готовить офицеров. Сия практика есть лучшая школа для них. Пусть поупражняются в счислении пути, обсервации, в экзерциициях всяческих, и ясно будет, кто в будущих войнах на первые линии выходить должен.

Екатерина потерла виски и сразу вспомнила недосказанное, заторопилась.

– Да-да, сии походы уменья флоту добавляют, но и дрянь в нем выпирает всякая. В предыдущем походе сколько раз на мели натыкались, на якоре стояли, когда не знали время флюсов и рефлюсов. Волна отходила, и вся

громада корабельная на песок садилась. Я им приказала на сие вести записи, точно описывать и сочинять планы портов, виды берегов и прешпект снимать, промеры глубин произвесть и обо всем в Коллегию донесть. А кроме того, сии фрегаты под видом купеческих судов следует в Черное море провесть. У нас такие там еще не строятся.

– Мудро, мудро, – прищурив свой глаз, по-медвежьему урчал фаворит. – Ты раньше всех наших тугодумцев дворцовых поняла, что в южном устремлении России Божье провидение тобой водит. Петру Великому на тех широтах пораженья предопределены были, – знал ревность императрицы к деяниям прославленного предшественника. – Тебе же победы великие суждены.

Угли в очаге прогорели, темнели, в комнату заползал сумрак, о государственных делах говорить больше не хотелось. Потемкин шагнул к креслу…

…Отбирали в эту экспедицию тщательно. Федор Ушаков попросился первым: английский он знал, с французским управлялся, а итальянский, который обязали выучить, обещал познать по месту прибытия.

К 14 июня 1776 года все было готово к отплытию. Капитан 2 ранга Тимофей Козлянинов, что возглавил экспедицию, собрал всех офицеров перед отплытием в большой каюте на «Северном орле».

– Сие место кают-компания на чужеземных флотах называется, будут здесь собираться для морских обзоров, бесед и столованья все наши офицеры. Адмиралтейств-коллегия такой распорядок думает обозначить с будущего года специальным ордером повсеместно. Мы же собрались здесь, дабы еще раз проследить по карте движение наше, выслушать секретную инструкцию для неукоснительного пользования, уточнить пункты относительно нашего сношения с посланниками российскими за рубежом.

Капитан встал, отдернул шторку у карты и, строго поглядев на офицеров, словно убеждаясь в благонадежности, изложил план движения.

– Фрегаты «Павел», «Наталия», «Григорий» идут с коммерческими товарами под видом купецких и с флагами таковыми. «Северный орел», на коем буду я, для их препровождения назначен. В Ливорно, куда мы придем, в ведомстве генерал-майора Ганнибала есть еще два фрегата – «Святой Павел» о двадцати шести пушках и «Констанция» о двадцати четырех. Они там к нашей необъявленной эскадре присоединятся. Мы с вами на всем пути неразлучно

следовать обязаны. Ежли какие приключения, како штормы, туманы и прочая приключится, я вам рандеву назначаю.

И он походил вдоль каюты, сообщил адреса консулов, по которым следует сообщать о неприятностях.

– Однако же ни в какие порты без необходимой нужды не заходить. В крайнем случае можно заходить в английские порты и ни в коем случае во французские.

Козлянинов склонился над картой и уткнулся в окончание Пиренейского полуострова.

– Первое рандеву назначаю здесь, в Гибралтаре, а потом далее в Средиземном море. Вы первый раз в таком походе и должны знать, что в Средиземном море бродят морские разбойники и надо употреблять всякую осторожность при встрече с ними и быть всегда готовым защитить как свой фрегат, так и другие.

Капитан свел брови, подумал, как бы примериваясь к ситуации.

– Но каков бы ни был вид разбойный у всех кораблей, самим на них не нападать. Купеческие суда не останавливать и не осматривать. Для отдания же салютов разным кораблям поступать по силе международных трактатов.

Далее Тимофей Козлянинов поздравил всех с началом похода и пожелал усердной службы.

Федору Ушакову в усердии отказать было нельзя, постичь морскую науку дальнего перехода хотел давно. Расстояния, конечно, были несравнимы с его первым архангельским дальним походом. «Северный орел» стал для него новым морским училищем, таким же важным, как Кикин дом. Под командой Козлянинова Федор стоял на палубе при подходе к Копенгагену, неотступно следил за компасом в Английском канале, проводил обсервацию в Атлантическом океане, давал команды при салюте у Гибралтара, снимал план порта Магон. Козлянинов в конце похода, довольный настойчивостью и умением хваткого офицера, с удовлетворением сказал:

– Ну вот, капитан-лейтенант, в вас никто не ошибся – ни те, кто рекомендовал, ни я, когда брал в поход. Готовься, Федор Федорович, корабль в Ливорно принять. – И, видя радость на лице Ушакова, разъяснил: – Я же говорил, что там у нас еще с Архипелагской экспедиции фрегат «Святой Павел». Готовься принять его у Паниоти. Да скажи мне, что для этого фрегата нужно, ибо я отсель скоро имею в поход отправиться.

…Так и принял он в сентябре 1776-го под начало первый свой в Средиземноморье фрегат.

Ливорно для Ушакова, считай, родным городом стал. Здесь, после дальних переходов в Мессину, на острова Архипелагские, в Гибралтар и на Мальорку, экипаж отдыхал. Ему отдыхать не нужно было. Его тело в морском походе все больше распрямлялось, наливалось упругостью, здоровьем, дышалось ему на палубе свободнее, в голове было ясно и спокойно. Хорошо думалось, далеко виделось Ушакову. Он не ощущал себя песчинкой в этой пучине морской, нет, наоборот, он все больше и больше чувствовал море, учился повелевать стихией, быть неподвластным ее разгулу. «Святой Павел» – это уже не плоскодонные тихоходы «Курьер» и «Модон». Пушки опоясывали корабль, скорость была отменной, так что никакой пират не спасется. Правда, половина пушек была спрятана, дабы не возбуждать ни французов, ни неаполитанцев, ни венецианцев, а тем паче турок. Пьемонтские и другие негоцианты сразу почувствовали безопасность перевозки грузов русскими кораблями. Берберийским, то бишь варварийским[7], пиратам они были не по зубам.

Жадно всматривался в портовую жизнь Ушаков, приглядывался к иноземным кораблям, порядки на них изучал. Приглашал в гости к себе капитанов с оказавшихся рядом судов. Сам показывал все достойное на корабле, а после расспрашивал обо всем, рассматривал приборы, интересовался лоциями, картами, сведениями о мелях, рифах, песчаных косах, преграждающих путь.

– Ты, Федор, как будто век ходить по Средиземному собираешься, все тебе надо, – ворчал Астафий Одинцов, его сотоварищ, капитан «Григория», когда Ушаков пригласил его съездить на стоящий на рейде французский корабль.

– Послушай, Астафий. Мы с капитаном сего судна на бирже спорили о приборах морских. Я не все понял, он меня и пригласил на корабль посмотреть. Он ведь тоже себя за купца выдает, а я в подзорную трубу видел, что у него порты заколочены. Но не в том дело. Просто мужик хороший. Не таится, как другие. А ты во французском силен, поможешь, да и самому ведь надобно знать.

– Ну поедем, – согласился Одинцов. – Но, право, нам ухо надо держать востро. Ведь во французские и гишпанские гавани заходить не велено.

– Дак то в гавани, а мы тут в гости.

Капитан Виктор де Шаплет оказался любезным хозяином, раскупорил несколько бутылок вина, был польщен визитом двух русских командиров, благодарил за икру, что поднес ему Ушаков.

– Господа во Франции с удивлением смотрят на возрождающийся флот ваш. Наше же государство потеряло после Семилетней войны всю свою морскую мощь. Война нам стоила ста тринадцати кораблей, Канады, Гренады, Доминики, Табаго, части Африки и самого богатого полуострова – Индостана. До сих пор мы не придем в себя. Хотя французские офицеры своей храбростью показали: если бы ими меньше пренебрегали, то они восстановили бы славу французского оружия. Угощайтесь, вино это уважают у нас, на Юге Франции, хотя моряки, я знаю, любят что-нибудь покрепче.

Де Шаплет открыл шкафчик, достал оттуда пузатую бутылку и заставил попробовать гостей «Бешеную Марию». Языки развязались. Он разложил карту и показал на ней мель возле Мессины.

– Не приходилось ли вам бывать здесь, капитан? Нам предстоит скоро туда двигаться. Как обойти ее?

– О, вы зря меня проверяете, капитан, – рассердил-ся Ушаков на нетактичный ход офицера. – Эта мель смыта во время бури несколько лет назад, и вы наверняка это знаете. Я не враг и не противник вам, а такой же сторож торговцев, как и вы. Мне платят за провод судов, и мы этим довольствуемся. А еще мне интересно узнать все о ваших морских порядках, дабы применить лучшее у себя.

Де Шаплет захохотал и без тени смущения подмигнул Ушакову.

– Отлично. Отлично, Теодор. Мы подружимся с тобой. Ты не простак. А порядка у нас на флоте нет. Эти офицеры пера заели нас, истинных моряков. Мы чуть не молились на них, ибо повышение получить без писак невозможно. А они знай пишут бумаги – им не до флота. Англичане же обгоняют нас, вот уже набивают медь на днища кораблей, а мы все на ракушках плаваем. Единственное, чего мы придерживаемся, так это строгих правил в бою. Наши адмиралы еще в XVII веке их утвердили, и они служат нам до сих пор.

– Однако же сия тактика немного успехов принесла французскому флоту.

– Но поражения не от того, что тактику не соблюдали: мастерства не хватает в ее проведении. Сам король Людовик XV в 1765 году предписывал предпринять строй кильватерной колонны как единственный боевой порядок флота.

Де Шаплет поднял бокал и хмуро вспомнил:

– Конечно, я сам чуть не был взят в плен англичанами. Корабль потерял управление, а приказ короля гласит: «Во время боя ни один командир не имеет права покинуть свое место в строю для подачи помощи пострадавшему кораблю».

Ушаков слушал внимательно, переспрашивал, как будто сам хотел проиграть тот бой.

– Ну, Виктор, а если бы рядом были корабли, не атакованные неприятелем, они могли бы вам помочь в ту минуту?

– Нет! Приказ короля свят для морского военного офицера. Беседовали долго, рассматривали французские мореходные карты, сверяли их с русскими. Договорились встретиться на «Святом Павле».

Два раза попытались выйти в Черное море под коммерческим флагом фрегаты «Констанция» и «Святой Павел»; турки, однако же, несмотря на заверения, данные чрезвычайному посланнику России, корабли задерживали и из вторых Дарданелл – так в отдаваемых ордерах называли Босфор – не выпускали. Товар, который фрегаты привезли, распродали, новый загрузили, а согласия на проход в Керчь не было.

Осенние теплые ветерки ласково трепали волосы, располагали к неге и отдыху. Ушаков же не отдыхал. Не отдыхал сам и другим не давал отдохнуть. Два раза в день проводил он экзерциции. Утром, после молитвы, – по постановке парусов, вечером – по такелажному мастерству и ремонту корабля. Ввел четкое судовое расписание для похода, стоянки, на случай боя. Вместе с офицерами и морскими служителями отрабатывал, расставлял людей на всякий возможный случай в практике. Был уверен, что без определительного и единообразного порядка ни в каком деле желаемого успеха не достигнуть.

Посмотрел на часы, сегодня марсовые действовали спорее и четче. Вахтенный крикнул: «С левого борта шлюпка. Просят взойти».

На палубу поднялся русский чрезвычайный посланник и полномочный министр Стахиев.

– Что служителей мучаешь, Федор? Турки мне несколько раз сказывали, ежели бы это коммерческие корабли были, то там команду бы ни за какие коврижки не заставили упражняться в умении.

Ушаков смутился, хотел, как лучше, да знал, что безделье людей губит. Не согласился.

– У турок вон и на военном-то фрегате кверху животом лежат. У каждого свои порядки, господин министр.

Стахиев не возражал, с любопытством осматривал вычищенный и выдраенный корабль, потрогал тросы, похлопал по стволу одну из корабельных пушек и задумчиво продолжил:

– Да, порядки здесь свои, их не переиначишь. Им все грезится непобедимость. И с российским выходом в Черное море не согласны. Есть, конечно, и разумные головы, но бесовщина их восточная не дает осилить темноту. Вот что, Федор Федорович, – оглянулся по сторонам посланник, – не пропустят они вас в Керчь. Не хотят миру вечного. Боюсь, что еще раз придется учить сии горячие головы. Козлянинову я обо всем поведал. И вот пакет для Петербурга, ежели будете вскоре туда следовать.

Ушаков понял с сожалением, что в Крым он отсюда не попадет, разве что снова из Петербурга. Посланник походил еще по кораблю, отобедал у капитана, расспрашивал про средиземноморские поездки, про тамошние интриги. Ушаков же интересовался турецким флотом, командами набранными, распорядком на кораблях, артиллерийским снаряжением, строительным уменьем мастеров, прочностью парусов корабельных.

– Ты что, Федор Федорович, думаешь, я тоже морское училище закончил? Я от тебя впервые термины и понятия многие слышу. Придется раскошелиться, дабы узнать то, о чем ты спрашиваешь.

Посланник сел за его стол, откупорил горлышко у бутылки с чернилами, макнул перо и написал несколько строчек.

– На память о твоей науке мудреной. Буду точно знать, о чем спрашивать. Ну а сейчас тебе мой казначей по указу Адмиралтейств-коллегий передаст для вашего похода дальнейшего галанские червонцы да кредитивы на гульдены.

Спускаясь в шлюпку, Стахиев полуобнял Ушакова:

– Орел ты, орел северный. Правильно делаешь, что моряков учишь. Уменьем, да мастерством, да храбростью только и можно победить. Готовься к новым битвам, капитан. Чувствую, восходит звезда твоей судьбы дерзновенной.

Федор Федорович поклонился и тоже не по форме ответил:

– Спасибо, Александр Стахиевич. Судьбу – ее выковать надо. Хватило бы… – он не окончил и долго смотрел вслед отплывающему русскому посланнику.

Лес сберегать

В здание Адмиралтейств-коллегаи Ушаков зашел радостным и бодрым, решительно и быстро поднялся по лестнице и распахнул дверь в один из залов.

Он был уверен, что вызвали его для нового и важного назначения. После того, как наплавался и намучился он между Ливорно, Дарданеллами, Гибралтаром, после того, как обогнул уже самостоятельно Европу – ему все было нипочем. Грезился новый корабль, новый дальний переход, тем более что от причалов Кронштадта, Архангельска, Ревеля отправлялись на запад один за одним его однокашники и друзья.

В присутствии народу сидело немного. Один из чиновников, осведомившись, по какому он делу, кивнул и повел его по длинным коридорам. По мере того, как Федор шел по ним, его радость улетучивалась, настроение падало. Перед высокой дверью, на медной табличке которой было вытравлено «Член Адмиралтейств-коллегаи, генерал-казначей И. Л. Голенищев-Кутузов», чиновник поднял руку, останавливая Ушакова:

– Подождите здесь. Сейчас доложу! – И упорхнул в кабинет. Чего греха таить, во все времена приходила робость к русскому человеку в приемной, у дверей всякого рода чинов, в ожиданиях. Тут почему-то смутной и неясной оказывается его судьба, только что в походе, на поле брани, в схватке еще пребывавшая в собственных руках и вдруг отделившаяся и стыдливо замершая перед начальственным взором.

Слегка заробел и Ушаков. Нет, не забоялся, а заробел, ибо знал некоторую свою скованность в манерах, нежелание подлаживаться под вопрос и отвечать то, чего ждут, неумение сверкать словом, а не мыслью.

– Ну-с, голубчик мой, – встретил его с видимым расположением Иван Логинович Голенищев-Кутузов, облокотившись на длинный дубовый стол. – Приготовились в дальний поход? Командовать кораблем?

Ушаков нерешительно кивнул:

– Готов идти в новое плавание. Приказ исполню.

– Вот и хорошо, голубчик. Исполняй. – Голенищев-Кутузов протянул ордер, каллиграфически исполненный писарем.

– Лес? Осмотреть?

– Да-да, голубчик! Настоятельно необходимо осмотреть сии лесы.

Ушакова обдало жаром, он постепенно ожесточался: его, боевого офицера, прошедшего Балтийское, Азовское, Черное, Северное, Норвежское, Белое моря, обходившего всю Средиземноморию, посылают, как какого-то капрала или мичмана, смотреть чурки. Он готов уже был сказать резкие слова этому кабинетному вельможе. Ибо все, признавая организаторские заслуги Ивана Логиновича, знали, что он последнее время мало плавал, в кампаниях

бывал редко. Ушаков сдержался, осадил себя, заставил успокоиться. А тот, вглядываясь в лицо капитан-лейтенанта, уловил бушевавшие чувства и сказал успокаивающе:

– Вот и хорошо, голубчик. Нет ничего главнее леса для дела корабельного. И тут далеко не каждый может разобраться в его качестве. Нужен человек сугубо морской и честный. Да, милый человек, честный и неподкупный. Ныне немало желающих свой лес запродать. С Адмиралтейств-коллегий деньги содрать.

Он позвонил и попросил:

– Чаю нам с ромом для господина капитан-лейтенанта. Вот посмотри, – сказал Голенищев-Кутузов, кинув взгляд на большую карту Европейской России. – Сии кружки и пятна – леса государственные, сии частники предназначают продавать. Особливо здесь, в Казанской губернии, лесов немало. Однако же иноверцы сией повинностью тяготятся и объявили три года назад, что готовы за 25 – 50 копеек за пуд доставить лесу на один фрегат. Сие обдираловка. Мы ныне будем искать другие ходы. Императрица повелела рассмотреть все удобства и неудобства от дозволения вырубать дубовые рощи частным людям. Ты, Федор, – обратился неожиданно он как в бытность в шляхетном корпусе, – должен нам на деле донесть, можно ли свободно торговать лесом без опасения за недостаток его для государственных нужд, при торговле которым и правительство и частные торговцы обогащались бы. Лесное бы Положение надо разработать, да мы не знаем доподлинно, сколько у нас этого леса имеется. Сейчас будем во всех губерниях измерять. Мы должны столько позволить леса вырубать, сколько надо, чтобы новый в той же даче мог вырасти, когда старый лес весь изведется.

– Кто же сие проверить может? Как? Почему за границу везут?

– Вот-вот, ты правильно говоришь! Императрица выпуск леса за границу, не леса, а мачтовых деревьев нам отдала, то есть Адмиралтейств-коллегий, а не Коммерц-коллегии. На вот, – он отодвинул ящик стола и вручил капитан-лейтенанту папку. – Правила временные.

Ушаков с удовлетворением кивнул.

– Читай вслух!

– «1. Одна только Адмиралтейств-коллегия дает дозволение на рубку мачтовых деревьев и на отпуск их за границу…

2. Адмиралтейств-коллегия, дав именное разрешение, должна была сообщить Коммерц-коллегии, кому именно дано разрешение, дабы последняя

взяла бы пошлину по тарифу с каждого дерева и затем разрешила бы таможням пропусть за границу клейменные деревья…

. . . . . .

4. Каждое десятое мачтовое дерево идет безденежно в пользу Адмиралтейства.

5. Так как дубовый лес для кораблестроения нужен, дуб же растет очень медленно… и, может быть, откроется некоторым областям лесной торг свободный и беспрерывный, но отнюдь не беспредельный, ибо, не положа одному торгу границ, скоро можно и лес потерять».

– Вот так, дорогой. Ступай и помни, что Петр Великий нам завещал сберегать и сохранять, заново воспроизводить в России лес мачтовый, лес дубовый, для нашего кораблестроения нужный.

Но часа два еще с пристрастием допрашивал Иван Логинович своего бывшего выпускника с тем, что пригодилось ему в далеких морских походах, что осталось мертвым грузом. Провожая, похлопывал по плечу и горделиво посматривал на питомца. А Федор был уже в мыслях там, в дальних приволжских лесах, где еще шумел листьями, шуршал хвоей лес, без которого не выросла бы Русь корабельная.

В родных краях

Все-таки хорошо, что снарядили его в эту лесную экспедицию. Ехать по ее делам пришлось в почти родной Рыбинск.

Высокие мачтовые леса вдоль Волги знакомы были ему с детства. Осмотр лесных угодий, предназначенных под корабельный повал, промеры подготовленных к вывозу сосен, оценка их вместе с купцами и чиновником из Адмиралтейств-коллегий заняли почти три недели. Подписали счета, утвердили карты восстановления леса, определили сроки и места поставки – вот и домой можно заскочить.

– Никита! – закричал, забегая в избу, где у дальних родственников отца остановился вместе с чиновным адмиралтейцем. – Запрягай, поедем в Романов.

– Что ты, миленький, дорогой! – запричитала хозяйка. – На ночь-то глядя, вон какие столбы морозны вокруг солнца стоят!

– Не замерзнем, – аккуратно собирая книги и чертежи, успокаивал Федор родственницу. – Сколько тут езды-то. К ночи будем. А то в Романове заночуем у Силиных да поутру в монастырь еще сходим: помолимся и поглядим окрест с

колокольни, – обратился уже к адмиралтейцу, с которым подружился и еще раньше пригласил погостить в Бурнакове.

– А волки-то! А волки! Ведь рыщут. Чай, голодные, зима в разгаре, – продолжала по постоянной древней привычке припугивать и напоминать об опасностях перед дорогой хозяйка.

– А пистолет-то на что у господ офицеров? – рассудительно пояснил, стаскивая с печи тулупы и валенки, Никита, побывавший вместе с барином в дальнем плавании и знавший, какое оружие возит он с собой.

Федор уже посылал его отсюда с весточкой домой, обещал, что скоро будет, но тщательное исполнение адмиралтейского задания все оттягивало и оттягивало выезд. «Матушка, поди, уж не раз шанежки его любимые пекла, разносолы готовила, промывала крышки у кадушек с грибами, проверяла бочоночки с брусникой и клюквой, желая угостить сыночка на славу. Тот же все не ехал, выверяя, проверяя, добиваясь, чтобы заказ был не в убыток русскому флоту, добротен, непорчен, без сучка и задоринки. Подрядчиков осаживал: вы что думаете, свое добро в горстку собирай, а чужое сей-рассевай?! Нет, все по трудам оплатим».

Адмиралтейский чиновник, сам человек дотошный, знавший хорошо все корабельные расчеты, все меры и цены, подивился ушаковской четкости, придирчивости и осведомленности в делах лесного хозяйства, для флота предназначенного.

– Где же вы, Федор Федорович, столь доскональные познания в корабельном деле, материалах для строения судов получили? – допытывался с любопытством.

Федор не гордился, отмахивался, сам у него по нескольку раз многое переспрашивал, в записи свои постоянно заглядывал, вспоминал многое из того, что в Архангельске, Кронштадте и Ливорно на эллингах видел, что из книг по строению кораблей выписывал. Купцы, подрядчики чесали в затылке: «Ну, барин, с таким не поблажишь и не проведешь, не объедешь на вороных», и уважительно соглашались на все его претензии.

В кибитке, поставленной на санки, накрытый тулупом и заячьей шубой, чиновник сразу задремал, а Федор вглядывался в набегавшие холмы и перелески, пытаясь вспомнить места, по которым не раз проезжал с батюшкой. Узнать почти ничего не удалось: то ли время, то ли снега все памятное стерли. Да и сумерки наступили быстро, покрыли все темнотой поля и лесочки. Бурнаково осталось в стороне, но ночевать решил в Романове, в семье дяди Силы Игнатьевича, где о его пребывании в Рыбинске тоже знали. Да и дело было небольшое.

Поутру адмиралтеец, что стремился обычно отстраниться от российской непросвещенности и темноты, удивился Ушакову, влекущему его на городскую площадь. Натуральный петербургский чиновник знал, конечно: свет знания и истории идет от Европы, в глубинах отечественных искать его нечего, а морской офицер, сам побывавший в иноземных краях, с увлечением поведал ему о прошлом сего городишки, словно тот таким славным древним греческим полисом был.

– Наш Романов – город стародревний, – окутываясь клубами морозного пара, простер с холма руку над городом Ушаков. – Основал его еще в XIV столетьи князь Роман Васильевич. Радетель за Отечество, он сразу встал на сторону Дмитрия Ивановича и в борьбе с тверяками, и в битве на Куликовом поле. Его владения были здесь вдоль Волги до самой Шокстны, – по-старому назвал Шексну Федор, – а потом тут княгиня Мария Ярославна срубила настоящий город, то есть огородила его деревянным острогом и насыпала земляной вал. Вот до сих пор сии холмы высятся, – указал он под ноги, где у церковной стены остановились. – А уже в 1493 году городок перешел к государю Московскому Ивану Васильевичу, а от князей Романовских было несколько княжеских фамилий: Вельские, Деевы, Жировы, Луговские, Львовы, Солнцевы, Ухорские, Шохонские.

Чиновник адмиралтейский познаниям офицера дивился, с изумлением покачивал головой, а тот, видя, что ему внимают, продолжал с вдохновением:

– В Смутное время пылал тут пожар. Город выжег пан Гальбович. Но еще больший урон нанес горожанам Иаков Любский, православный литвин, что похитил из Никольской церкви икону Казанской Божией Матери. Потом эта икона волею патриарха Гермогена осталась в Ярославле навсегда, хотя каждой весной ее в Романов привозят. Народ здесь живет государю и Отечеству преданный. В то же Смутное время черные люди вопреки детям боярским выступили против тушинского вора и объединились с другими воинами и ополченцами за Веру православную. Тут у нас всегда наместник царский правил, а на том берегу Волги наши соседи из Борисоглебска управлялись прямо от царского двора. Они всегда ближе к царю были, поставляли рыбу к царскому двору, тот и звал их: «мои рыболови». Наши же, романовцы, ближе к Богу и Волге живут.

И опять чиновник дивился, как можно так досконально историю знать уездного поселения да и гордиться минулым, от которого ни пользы, ни радости не получишь.

Лошадей с Никитой пустили они впереди себя, сами же, похлопывая по полам полушубков и пританцовывая от морозца, шли вдоль улицы высоких домов, разнаряженных наличниками. Мороз, к удивлению петербуржца,

разогнал не всех. На площади стояло несколько торговцев, предлагая различную снедь и поделки. Раскрасневшаяся молодка бойко стрельнула глазами и позвала:

– Купите, господа! Лучше наших романовских баранок вы нигде не сыщете!

– Баранов? – не расслышал чиновник.

– Да и баранов, – расхохотался Ушаков. – Романовская овца особая. Еще Петр I сие приметил, повелел скрестить местную простую русскую и силезскую, отчего получилась такая шерсть, что по всему миру славится. Романовские овечьи тулупы и модные полушубки по всей России за лучшие почитаются. Думаете, почему сия красавица столь радостна? Да ей тепло, и на людях она побыть хочет, приглянуться. А попробуйте-ка при наших морозах в иных одеждах постоять – быстро окоченеете, только романовская овчина и спасает…

Отведали баранок, поговорили с несмущавшейся торговкой, которая поведала гостям, что зимой и летом полным-полно в городе приезжих, что едут через Романов на Петербург, Вологду, Тверь, Ярославль и на Рыбинск.

А какие местные, то отсюда на Данилов в Пошехонье едут.

– В общем, пуп земли ваш Романов, – съязвил чиновник. Ушаков посерьезнел. Ответствовал:

– Извини, дружище, выкамурами, обиняками говорить не могу. К стыду, у нас большинство не знает историю Отечества своего, да и родных земель, откуда кто вышел. А если бы внезапно разрушились все памятники прошлого, забылись предания и сгорели книги, то душа народа обеднела бы и иссохла. Вся лестница жизни обрушилась бы, и неведомо было бы, где подъем, а где спуск, утратилось бы чувство жизни. Без прошлого человек стал бы ничтожен, а его бытие ограничилось бы мелкими тревогами существования.

Хотя чиновник сих взглядов не разделял, ему более по душе были иноземные сиюминутные наслаждения, Федору он не перечил больше.

Дорога на Бурнаково тянулась вдоль застывшей в своем ледяном величии Волги. Удивительно было думать, что летом она вся заполнена двигающимися ладьями, барками, лодками, снующими туда-сюда.

– А вот и Хопылево! – показал на выглянувшее из-за лесного поворота большое село Ушаков. – В храме Богоявленском здешнем меня крестили, – с благоговением сказал он. «Опять потащит, поди, смотреть», – подумал адмиралтеец и сам вылез из кибитки. Федор уже входил в храм, не оглядываясь.

Прошел вперед, постоял перед иконой, долго всматривался в еще не тронутый временем лик святого Николы, которого считал своим покровителем и защитником. Монах из местного монастыря, собиравший воск, поклонился Ушакову.

– Намедни ваш батюшка здесь был, молился, свечку поставил, ждет не дождется.

– Да уж через час буду дома. Свидимся. – За спиной уже слышалось дыхание адмиралтейца. – Я вот товарища в гости везу и храм показать хочу. Скажите немного о сем месте.

Монах согласно кивнул и пригласил жестом подняться на колокольню. Петербуржцы, пыхтя, покарабкались за ним. Вверху они были вознаграждены. На искристо-белом покрывале снегов проступали зеленые и серые лесные разводы, в лощинках вздымали к небесам свои зыбкие дымные руки небольшие деревни, синевато-хрустальным поясом отсрочивала дали Волга, из которой, как сказочный город, вырастали стены монастыря.

– Экселянт! Монифик! Чудесно! – вырвалось даже у чиновника.

– Ну я же говорил вам, что земли сии забыть не могу в дальних походах, – порадовался за проснувшееся, наконец, чувство адмиралтейца Ушаков. – Вон посмотрите, близко совсем Бурнаково наше. Рядом Дымовское, Алексеевское, Петряево, Чернышкино… Речку Жидогость-то совсем занесло и не видно, а она тут вот в Волгу впадает, – оживился, узнавая место своего детства, Федор Федорович.

Монах переждал и показал строения:

– Наш монастырь возник на острове еще ранее Смутного времени. Укрепился здесь люд православный. Однако набеги самозванцев и грабежи разной вольницы поволжской нас богатыми не сделали. Храм наш Богоявления самый богатый в округе, и звон от него возвещает, что на Руси все спокойно. – Федор поднялся и с трудом прочитал: «Лета 7124 поставил сей колокол раб божий старец Киприан Евтихеев сын на острове Богоявленском и Пресвятой Богородицы и к Николе и к Леонтию Чудотворцу по своей душе и по своих родителях».

– Ну вот, сейчас ступайте вниз и поезжайте к батюшке, а я вас звоном догоню, – попрощался монах. И действительно, при подъезде к Бурнакову, как только они выехали из леса, с вершины колокольни сорвался и покатился по макушкам сосен переливчатый ком звонов, наворачивая на себя застывшую морозную тишину.

На широкое крыльцо усадьбы, как бы услышав сигнал, высыпали все домочадцы: отец, братья, сестра, дворня. Отец махнул рукой, с крыльца кубарем скатился парень с факелом в руках, подбежал к забору и поднес к невесть откуда взявшейся пушчонке пламя. Пушчонка бахнула.

– Ну, батя! Встречает, как адмирала! – радостно и смущенно поворотился к соседу Федор Федорович. – Где только бахалку раздобыл? – Соскочил с облучка и побежал к родным, вытянулся, отдал честь и отрапортовал: – Господин сержант! Капитан-лейтенант Ушаков, возвратившись из дальних Европий, прибыл в гавань Бурнаково для семейных баталий! – И обнял отца.

Вслед, оттолкнув отца, повисла на нем Дарьюшка.

– Феденька! Феденька! Красивый какой! Важный! – Обцеловала всего.

– Кыш! – ласково отвел ее Федор Игнатьевич. – Пройдемся по саду, пока остаточки на стол донесут. А вас как звать-величать? – И дальше уже, как со старым знакомым, изъяснялся с адмиралтейцем.

Припорошенный утренним инеем сад отряхивал блестящую одежду, обнажая застывшие ветви яблонь и вишен. В беседке, сделанной под крепостную башню, фыркал паром самовар, лежали только что испеченные калачи, пироги и пышки.

– Пожалуйте по чашечке! – пригласил гостей. Старый преображенец, он знал, как важно после дальнего похода вот так, просто постоять в родном саду под голубым небом, полюбоваться белой березой, сгрудившимися в углу сада рябинками с не склеванными еще красными ягодами, послушать тишину. И действительно, суетливость исчезала, волнения и тревоги оседали на дно души, чувства становились прозрачными и незамутненными. Хорошо быть дома после длительной отлучки!

Адмиралтеец тоже заразился всеобщей радостью, расспрашивал про имение, любовался зимним садом, его аллеями, высокими соснами, закутанными в солому яблонями.

– Представляю, какова сирень здесь по весне! – размахивал он руками.

– Да, сударь, тут царство цветочное и птичье, – довольный, пояснял Федор Игнатьевич. – Параскева Никитична покойная была тут царица. Я больше по части охоты да сенокосных угодий. – Пригласил в дом, попросил располагаться и через час собраться к обеду.

В большой гостиной стол был накрыт заранее. Сестрица заставила его блюдами со студнем, ветчиной, огурчиками, рыбой вяленой и копченой, долбленочками с икрой и грибками, брусничкой моченой, клюквой мороженой.

В центре Федор Игнатьевич водрузил штофы с наливкой, настойкой и чистой водкой, жбаны с пивом и медовухой, окружив их гранеными рюмками.

– Прошу с морозцу сперва сладенького медку, потом с пивцом, потом с винцом, а под конец и голенького простачка, – приговаривал и балагурил он, разливая уже нетвердой рукой напитки.

Выпили за встречу, за благополучный приезд, за гостя дальнего. Федор Федорович причмокнул:

– Рыжик – гриб царский. В Южной Мессине лихорадка меня прихватила, в жар бросила, в бред, так вот, когда лекарь италийский спросил, чем лечить, я сказал: рыжиком. Он мне с сожалением ответил, что такого лекарства у них в Италии в помине нету.

– Но и груздочек неплох, тоже здоровья прибавляем - добавил чиновник, отправляя покрытый сметаной гриб вослед холодной с морозу водочке.

Насытились, нахвалили хозяйку и перешли в отцов кабинет. Адмиралтеец с интересом смотрел на картину, где был нарисован развод караула преображенцев перед Зимним дворцом, подивился карте во всю стену, на которой отмечены были места, где побывали Ушаковы, провел рукой по корешкам книг на полке: все военные. Федор Федорович вышел куда-то, потом торжественно занес и поставил на высокую тумбочку сосуды невиданной белизны.

– Ой, что за прелесть и тонкость! – заохали все женщины.

– То порцелиновый сервиз китайский, в Лиссабоне мной приобретенный. Порцелин-то слово не китайское, но португальское, а по-китайски то каолин, еще кто-то называет фарфор. А порцелин не что иное, как в огне пережженная и наполовину в стекло обращенная материя. Особливая белизна к числу его добротностей принадлежит и зависит от материй, его составляющих. Пейте из него чай, кофей или другие напитки и вспоминайте, что я в морях плаваю…

Все осторожно повертели, покрутили чашечки, кувшинчики и удобно расселись на диванчиках, стульях, на лавке, покрытой медвежьей шкурой.

Федор Игнатьевич воссел на широком, похожем на трон кресле, раскурил трубку и вопросил:

– Ну так что там, в дальних странах? К войнам или к торговле расположены?..

До сумерек рассказывал Федор про тихий красивый Копенгаген, про скалистый и маленький Гибралтар, про шумный и веселый Ливорно, про громадный и опасный Константинополь, про народы и страны, разные порядки

и обычаи в тех землях. Сестра всплескивала руками, ахала, переспрашивала. Отец шикал на нее, поворачивал на политику и дела воинские.

– Лучше ли у них армии? А артиллерия? А корабли? А как устройство по руководству флотами?

Федор объяснил, а адмиралтеец с удовольствием добавил, что русским флотом управляет Адмиралтейств-коллегия из пяти членов: генерал-кригс-комиссар, генерал-интендант, генерал-цейхмейстер, генерал-цалмейстер и генерал-контролер. В ведении каждого была своя экспедиция: комиссариатская, интендантская, артиллерийская, казначейская, контролерская. У каждого экспедитора были свои помощники – оберы. И он надеется, что скоро будет таковым обером в своей интендантской экспедиции. А потом Федор немного поважничал, позагадывал Даше и Ивану морские загадки. Те силились отгадать, качали головами, хохотали, когда он объяснял им, что сие значит.

– Вот ты, Ваня, скажи, что значило бы по-твоему: быть на ветре.

– Ну так тут дураку понятно: обвеваться ветром.

– Так, да не так. Сие значит: иметь преимущество перед другими кораблями. А еще не бояться ничего, быть удачливым. А вот еще о ветре говорят собеседнику, что ты имеешь ветер. С одной стороны, то значит – скорость имеешь, а с другой – значит быть в милости, в успехе. – Федор подошел к Дашеньке, погладил ее по голове и сказал: – Французский учишь? – Та кивнула. – Скажи, как понимать их выражение: порт де салю?

Даша зарделась, подумала и неуверенно сказала:

– Может, порт приветствия?

– Ну, может быть, а у моряков то значит гавань для убежища или дом, место, в котором следует искать покровительства. У меня такого места, пожалуй, и не было. А ты, отец, как поймешь сие морское выражение: скроить штаны?

Федор Игнатьевич, увлеченный общей игрой, хохотнул:

– Ха, догадываюсь, что не в портновском смысле, наверное, у вас там его употребляют…

– То-то и оно-то. Сие значит заставить гонимое судно поставить все паруса и употребить все средства для ухода.

– Братик, а что едите в голом море? – снова вмешалась Даша.

– Да все, Дашенька: солонину, рыбу, кашу, сухари. Я разносолов не прошу, все ем и себя приучаю к разному. У нас один офицер из французов ловил морских рыбок, червей, улиток, медуз, уксусом заливал, солил и ел. Даша взвизгнула, прикрыла рот:

– А ты, братец?

– Я тоже рюмку водки выпил – и съел. Море, оно к умеренности и всеядности клонит.

Федор Игнатьевич разумом давно понял, что сын, повидавший света больше его, живет неведомым ему порядком и законом. Его же законы предполагали жестокую власть командира. Строго спросил:

– Моряков порешь?

– Я их, батя, учу. Сие главное. Мудрость офицерская состоит в том, чтобы править людьми, а не истуканами. Человека и наказать можно за провинность, а истукану все едино: наказывай, не наказывай.

– Ну а моря-то боишься?

– Петр I сказывал: боишься пульки – не ходи в солдаты. Так и у нас: боишься моря – не ходи в моряки. Я же собираюсь до самого вечера дней моих на море служить.

– Амуритесь, поди, там, за рубежом? Девицы заморские, чай, лучше наших? – подмигнул Степан. Даша заполыхала лицом, всплеснула руками:

– Какие там красавицы, чай, лучше и милее наших нету.

– Только и свету, что в окошке, – буркнул Степан, а сестра со вздохом, словно давно думала спросить об этом, тихо вымолвила:

– А ты, Федя, что не женишься, аль не присмотрел еще? У нас вот в Алексеевке у Дмитриевых есть девушка красивая, небогатая, но нрава хорошего.

– Не женись, Федька! Погуляй, поезди по белу свету, успеешь ярмо завести, – вдруг зло перебил Степан.

Жена его опустила глаза, а потом сорвалась и почти бегом выбежала в другую комнату. Федор Игнатьевич вздохнул и, окутавшись дымом, встал:

– Ну, еще по одной – и отдохнем…

…В светелке Дарья откинула одеяло и грустно сказала:

– Беда у нас, Феденька. Степка-то пьет до бесчувствия, а она-то, женка евонная, глазищами-то своими так, бестия, и рыскает, сам видишь. Степан злится и бьет ее. А коли мы не даем, на дворовых вымещает. Не знаю, что и будет…

И второй раз за вечер спросила:

– А ты-то, Феденька, как? Аль не полюбился никто? Федор покачал головой и с нескрываемой грустью сказал:

– Жду, Даша, жду. Однолюб я.

Сестра с сомнением и недоверием посмотрела на брата. Поверила, наверное, но не согласилась.

– Ты ведь малых любишь, все Ваню ласкал. Без семьи-то негоже, братец. С моря вернешься, а дома покой и порядок. Ждут тебя, накормят, приласкают.

Федор успокаивающе улыбнулся:

– Для меня и в море порядок и покой, там я с Богом, сестрица.

Даша молча поцеловала брата, перекрестила и тихо удалилась.

Федор остановился у небольшого окошечка и долго смотрел, как, подталкивая друг друга, вроде бы согреваясь, усаживались на ветвистых березах вороны.

Кончен бал…

Тот дальний переход в Средиземное море и обратно дал крылья капитан-лейтенанту Ушакову. Он стал известной и заметной фигурой не только в Кронштадте, но и в Санкт-Петербурге. Имя его упоминалось в Адмиралтейств-коллегий, среди влиятельных сановников, в дворцовых кругах. Кто-то доложил Потемкину, тот попросил показать и уговорил Екатерину назначить его командиром императорской яхты, зная, что оттуда пути открываются широкие.

– Новых людей, Като, надо на флоте взращивать, – говорил он при подписании указа. Та вздохнула:

– Надеюсь, Гриша, ты мне гнилой товар не продашь?

– Я же не Никита Панин! – Но «товар-то» и сам знал понаслышке и пообещал матушке как-нибудь в деле посмотреть.

– Пощупаешь сама, когда в Балтику выйдем, – буркнул не без намека.

А Ушаков с рвением принялся обучать команду яхты и корабль осваивать. Морские служители и так много умели: приборку проводить, паруса ставить, на вантах располагаться, во фрунт становиться при приезде царствующих особ. А тут еще оказалось, что надо учиться сигналы распознавать флажные, заменять друг друга, узлы по-особому прочные вязать, располагаться каждому по единой особой команде, учиться на волне держаться и плавать в холодной воде Финского залива.

– Нешто мы медведи у цыгана, – ворчали служившие по многу лет моряки, – что нас так выучивают.

– Для вас незнакомых слов и дел, что требуются в морском походе, быть не должно, – как бы отвечал им капитан, выстроив при подъеме флага.

– …Императрицу ждет, – с пониманием говорили мичманы.

Но Екатерина так и не выехала даже в Финский залив, недосуг было: державные дела, приемы, театры не пускали в море. Яхту же она посетила неожиданно, без предупреждения, не послав вперед даже кавалергарда. Ехала с приема с Потемкиным, взгляд упал на стройную красавицу, плавно качавшуюся на волнах: «Давай заедем…» Светлейший заколебался: «Есть ли капитан?» С набережной крикнул караульному матросу, а с юта ответили: «Здесь я!» Ушаков, не дождавшись подтверждения, приказал разворачивать парадный трап. Запищала боцманская дудка, застучали каблуки, раздались громкие команды. Екатерина поморщилась: «К чему шум?» Потемкин рассудительно объяснил: «Без этого корабль нельзя показать». Она, тяжело ступая по трапу, прошла на палубу. Караульные держали фрунт, а морские служители карабкались по вантам.

– Споро! – оценила понравившимся ей русским словом Екатерина.

– Ваше императорское величество, экипаж занимает свои места и готов выполнять вашу волю! – громыхнул Ушаков.

Екатерина с интересом посмотрела на него и повторила:

– Споро! Вижу, что отладил команду капитан-лейтенант. – Благосклонно улыбнулась. – В море не пойдем. Так, кажется, говорите вы, господа моряки: вместо поедем – пойдем?

– Так точно, ваше императорское величество, – опять звучно отозвался Ушаков.

– Однако же, дорогой мой, горазд ты на голос. Покажи-ка нам посудину свою. Что тут изменилось?

Порядок на яхте был отменный. Все сверкало, пахло свежестью и ароматами южных земель, в которых Ушаков знал толк. Царский зал, отделанный красным деревом и позолотой, был удобен и располагал к беседе. Екатерина расспросила Ушакова про прежнюю службу, про средиземноморский период, а затем встала и потребовала:

– Заведите нас и в свои апартаменты, господин капитан.

Ушаков смешался.

– У него, матушка, как у холостяка, поди беспорядок, – кинулся на выручку Потемкин.

– Ну так мы поможем убрать господину капитан-лейтенанту его пристанище, – рассмеялась Екатерина, понимая, что жилье лучше всего характеризует человека.

– Нет, ваше величество, там порядок, только морской. Прошу туда, – пригласил Ушаков жестом в капитанскую.

Порядка идеального там, конечно, не было, потому что висели карты Петербурга, Финского залива, Балтийского и Северного морей, Италии, Архипелага, какие-то чертежи, лежал компас, у входа висели куски веревок, канатов, раскачивались фонари с разноцветными стеклами, на столе стопка книг.

– Не кунсткамеру ли здесь завели, дорогой капитан? Если так, то проведите по ней, объяснив, что к чему приспособлено.

Ушаков огляделся, пожал плечами, как бы сам видел впервые все находившееся в каюте.

– То – все предметы, для морского ремесла предназначенные и коими надо владеть совершенно. Карты же эти я давно веду, наношу на них отметки – промеры глубин, отмели, скалы, маяки – все, что в плавании помогает в точности и безопасстве передвижения.

– Ну так мы можем ныне без лоцмана в Архипелаг двигаться? – с улыбкой обратилась Екатерина к Потемкину.

Тот стоял устало и бесцеремонно перебирал книги. Не ответил, сказал свое:

– Послушай-ка, книги у него все тоже по делу морскому. «Таблицы горизонтальные северныя и южная широты восхождения солнца…», «Книга пропорции оснастки кораблей английской…», а тут и сам академик Ломоносов

«Рассуждение о большей точности морского пути…». А вот занятное название: «Разговор у адмирала с капитаном о команде»…

– Вы чью сторону на себе проигрываете, господин капитан-лейтенант? – подразнивая Ушакова, спросила Екатерина.

Он дерзко взглянул на нее и твердо сказал:

– За адмирала, матушка государыня. За капитана я уже все давно проиграл.

– О, похвально сие устремление, мой друг. Матушкой же меня не зовите. Я не настолько стара, чтобы вы были моим сыном.

Ушаков снова смутился и молча завязал и распустил перед ней два морских узла.

– М-да, умело сие у вас получается. Это – искусство: вязать намертво без видимых усилий. Когда же вы сим занимаетесь? – обвела она рукой каюту.

– Во все свободное время, ваше императорское величество, – сделал нажим на «все» Ушаков.

– Неужели же у вас нет никакого интереса, кроме морского дела, Федор Федорович? – склонив голову с любопытством к плечу, интимно проговорила императрица.

Ушаков слегка побледнел, что случалось с ним в мгновения ответственные, и без колебания ответил:

– Нет, ваше величество, море ныне мой единый смысл.

– Вот ответ, достойный флотовождя и однолюба, – не без иронии заметила Екатерина, вставая. Казалось, она ждала чего-то другого от этого честного и организованного капитана. Уже у трапа небрежно пригласила: – Я надеюсь видеть вас сегодня на балу во дворце Зимнем.

Садясь в карету, заметила Потемкину:

– Против всякого чаяния порядок на яхте выше похвалы. И офицер сей добронравный и прилежный…

Тот почувствовал, что Ушаков ей чем-то не понравился, и поспешил подправить впечатление:

– У нас о деле державном и о совершенстве в профессии пекущихся немного, все о карьере собственной больше да о том, чтобы приглянуться… – хотел добавить «высочайшим особам», потом передумал и закончил вроде бы о

другом: – Нам он еще для великих морских баталий пригодится, не все иноземцев приглашать.

– Да, для морских, для морских, Гриша, – многозначительно закончила императрица.

***

Ушакову от яхты к Зимнему было недалеко, но надо было вызвать карету, чтоб подъехать, как приглашенному гостю, к центральному входу во дворец.

Когда он добрался к подъезду, было поздно: выход императрицы уже состоялся. В разных местах зала образовались кружки, где пили шартрезы, ликеры, играли в карты, судачили, ожидали начала танцев. Ушаков с неловкостью ощутил на себе взгляды, хотя навряд ли многие смотрели на входящего капитан-лейтенанта, ибо все взоры были обращены на императрицу, которая должна была открыть танцы, но медлила, о чем-то беседуя с французским послом. Но вот гофмейстер, стоявший рядом с ней, махнул платочком, оркестр замолк, и Екатерина, встав, пригласила в пару Потемкина. Зал немедленно расслоился, выстроившись затем по известному тут старшинству, вослед первой паре. Ушаков прижался к стенке и вдруг почувствовал радостный и лучистый взгляд с противоположной стороны. Музыка снова грянула, а он понял, что на него глядит Полина. Та балаклавская Полина, что обещала встретить его в Петербурге. Не обращая внимания на двинувшуюся танцевальную колонну, Федор кинулся через весь зал к ней, приводя в ужас гофмейстера.

– Корму режешь, капитан! – крикнул надвигающийся Потемкин.

Ушаков слов не услышал, ибо уже представлялся Полине и стоящей рядом даме.

– Капитан-лейтенант Федор Ушаков!

– Ну вот, я знала, что обязательно увижу вас еще раз, – с доброй улыбкой поклонилась Полина. – Кого вы теперь защищаете?

Федор не обиделся, с достоинством ответил:

– Капитан императорской яхты! – И, видя недоверие в глазах рядом стоящей дамы, обернулся, как бы ища подтверждения. Императрица сделала

очередную фигуру в танце и, повернувшись лицом к Ушакову, благосклонно и снисходительно улыбнулась:

– Я вижу, вы не только морским делом увлечены. Становитесь… в линию баталии…

Федор решительно протянул руки Полине и, несмотря на легкое движение несогласия у дамы, вступил в круг.

– Как я рада, как рада, что встретила вас! Я так надеялась на это раньше. Мы, из Смольного института, бывали на таких встречах, и я каждый раз смотрю на морских офицеров: нет ли вас среди них? Но увы!

– Надеюсь, что мы будем чаще теперь видеться, – скорее утверждая, чем спрашивая, сказал Ушаков.

Музыка заполнила весь зал, хрустальные люстры мерно раскачивались в такт, переливаясь тысячами огоньков. Но еще больше огней отзывалось в драгоценностях статс-дам и фрейлин, жен титулованных вельмож и дипломатов, в орденах князей и графов, камергеров и камер-юнкеров, сенаторов и статс-секретарей. Все сверкало вокруг, сияло, переливалось в лучах свечей и волнах музыки. Бал был в разгаре, светлые чувства переполняли капитана.

– Ну дак когда мы увидимся снова? – настойчиво и радостно спросил он, подходя в очередном пируэте к Полине.

Та отступила, развернулась и, приблизившись, негромко сказала:

– Эта дама – моя свекровь. Я недавно просватана. Свет в зале померк, музыка потеряла мелодию и судорожно забилась под потолком.

Ушаков проводил ее к тому месту, где пригласил на танец. Старая дама с тревогой посмотрела на них.

– На тебе лица нет! Здесь так душно! – И, решительно взяв ее под руку, повела к выходу.

Было еще не поздно. Ушаков, завернувшись в темный плащ и не замечая ночной прохлады, порывистого ветра с Финского залива, стоял у входа в Зимний – карета еще не подъехала, бал продолжался. Он очнулся, когда из остановившейся кареты к нему склонился светлейший:

– Проветриваешься, капитан? А то давай подвезу куда хочешь!..

Ушаков покачал головой: кончен бал.

– В море, князь! В море хочу! Там лучше!..

«Чтобы флаг наш везде надлежащим образом уважаем был»

Средиземное море было колыбелью мореходов – торговых и военных. Оно же было и базой для пиратства. Да и неизвестно было порой, кого можно считать «чистым» моряком, «купцом», а кого пиратом, ибо нередко они были триедины. Отправляясь в морское плавание, воевали, торговали, грабили. Пиратское промысловое дело в XVIII веке было едва ли не самое прибыльное. И шагнуло оно далеко за пределы Средиземного моря. Особыми удачами в этом промысле могли похвастаться английские и французские пираты. Центральная власть не только проявляла к ним снисходительность, но и поощряла арматоров (или каперов), то есть частных лиц, на свой страх и риск оснащавших суда и захватывающих иностранные коммерческие корабли, увеличивая торговый флот. Правда, в 1713 году Утрехтский мир, заключенный между Францией, Испанией, Голландией и Англией, узаконил правила, охраняющие интересы морской торговли. И тем не менее в период войн свобода морской торговли нарушалась постоянно. В конце 70-х – начале 80-х годов исполнять свою миссию торговым кораблям было все более и более небезопасно. Развернувшаяся война между Соединенными Американскими Штатами и Великобританией втянула в свою пучину коммерческий флот всех стран. Корабли захватывались и конфисковывались, товары распродавались. Явление это было обычным и наносящим большой урон третьим сторонам. Казалось, что морской силы, противостоящей такому разбою, в мире не было. Франция после Семилетней войны еще не поднялась, Испания и Португалия из числа перворазрядных морских держав выбыли, Швеция, Дания и Голландия перечить Юнион Джеку не смели.

В 1778 году английские и американские каперы под разными предлогами стали захватывать коммерческие суда, шедшие в Белое море. К мысу Нордкапу для ограждения торговли России от пиратов была послана эскадра адмирала Хметевского. Разбой прекратился. Но затем испанские крейсера захватили два русских торговых корабля под предлогом того, что они шли в занятый англичанами Гибралтар. Россия прибегла к особой мере. 27 февраля 1780 года была принята Декларация, в которой объявлялось воюющим державам – Англии, Франции, Испании, – что для освобождения морской торговли от притеснения русская императрица «считает обязанностью объявить правила, которым будет следовать и для поддержания которых и покровительства чести Российского флага и безопасности торговли Ея подданных противу кого бы то ни было. Она повелит выступить в море значительной части своих сил».

Правила были следующие:

«1) нейтральные корабли могут свободно плавать из одного порта в другой и у берегов воюющих держав; 2) имущество, принадлежащее подданным воюющих держав, свободно на нейтральных судах, за исключением заповедных товаров; 3) заповедными товарами признаются только военные снаряды и другие; 4) блокированным портом почитается только тот порт, войти в который предстоит очевидная опасность по расположению судов атакующей державы, находящихся довольно близко в порту; 5) правила эти будут служить руководством в судах и приговорах о призах».

Декларация послужила основой для создания мощного Союза держав, своеобразных объединенных наций того времени. К Союзу постепенно присоединились Дания, Швеция, Португалия, Голландия, Пруссия, Австрия, Королевство обеих Сицилии, затем Соединенные Штаты. Воюющие Франция и Испания объявили о готовности принять правила Союза. Англия ответила неохотно, что она всегда считала обязанностью оказывать всякое уважение Русскому флагу. Да, не признавать Российский флот было уже нельзя. Он вставал реальностью от Нордкапа до Средиземного моря, от севера Европы до ее юга. Его существование и обеспечило осуществление принципов Декларации, которые не оказались провозглашенными только на бумаге. Солидные расходы, произведенные на флот, обернулись серьезным политическим выигрышем для России, ее возросшим международным авторитетом. Слова, произнесенные в Зимнем дворце, о том, «чтобы флаг наш везде надлежащим образом уважаем был», не остались простым звуком. Гибралтар, Портсмут, Ливорно, Копенгаген, Мессина, Филадельфия и многие другие порты салютовали русским кораблям, вышедшим на морские просторы.

В начале 1781 года находившийся в составе эскадры контр-адмирала Сухотина 64-пушечник «Виктор» отдал салют, входя в бухту Ливорно.

– Ну вот и свиделись! – повел руками к холмам, рощам и портовым домам его капитан Ушаков. Настроение у него было неровное. За весь переход от Кронштадта в Средиземное море на корабле не было серьезных поломок, никто не потерялся в чужих портах, не покалечился, но болезни заставили одеть многих моряков в белый саван, отправили их в последний путь.

Многому научились матросы Ушакова, от многих привычек он отучил их. Лень, безделье, бесконечный и бесполезный разговор на баке у фитиля, физическая вялость, безразличие, пьянство изгонялись из экипажа капитаном. А еще не любил он нерях, нерасторопных и небрежных людей. Заставлял по нескольку раз переделывать работу. Не нравилось поначалу это. Даже офицеры ворчали: «Педант. Хуже немца». Но «немец», в народном представлении тогда, заставлял аккуратно исполнять никчемную, ненужную без пользы дела работу.

Федор Ушаков заставлял полезную, нужную для дела работу делать искусно, умело, без сучка и задоринки. Надо делать безоплошно, считал он. То есть без недоделок, ошибок, не наспех. Поэтому на кораблях, где господствовал мордобой или царило безразличие к моряку, его умению, чаще лопались канаты, ломались мачты, срывало паруса, смывало шлюпки, было больше болезней, смертей, аварий. Нет, было и у Ушакова на корабле всякое, но беда от этого сводилась бдением капитана, его радением и настойчивостью до минимума. «Когда спит-то», – ворчали корабельные служители из унтер-офицеров, если он появлялся среди ночи на палубе, заглядывал в трюм, из-за плеча следил за курсом, который выдерживал рулевой. А он действительно спал несколько часов – приучил себя. Засыпал быстро и просыпался внезапно, чувствуя приближающуюся опасность, ощущая нутром зародившиеся неполадки, возникшую потребность в нем, его совете, требовал быстроты и четкости в деле. Памятен был в этом смысле отданный им в более поздние годы знаменитый приказ «Об исправности и расторопности».

«С выходом с эскадрою на море рекомендовал я всей команде служителям, как долг, служба и исправность требуют во всех обращениях и исполнениях дел, **служителям быть всегда расторопными и оным показывать всеми движениями и видом с крайней поспешностью и проворством**[8] к делу во многих местах, где потребно быть броским и бежать скоро, в руках иметь отменную расторопность, а где потребно, и силу при проворстве употребить всевозможно. Но за сим замечаю многих весьма вялыми и нерасторопными, а сие не отчего много происходит, как только от их лености. Господину командующему 84-пушечного корабля наистрожайше подтвердить вахтенным командирам и всем офицерам, чтобы служителей, как требует долг закона, обучением довесть в лучшую исправность и всех, кто окажется ленив, принудить таковых строгостью воинской дисциплины. Рекомендую сей же час приказать всех слушателей собрать во фрунт и сей приказ им объявить и внушить внятно. Я надеюсь, что служители будут стараться доставить мне удовольствие **видеть их исправными, беглыми и расторопными**, как должно быть, отлично-хорошим, расторопным и исправным людям, **в противном же случае принудят употребить над собою законную строгость**, к чему, однако, я принужден быть не ожидаю и не желаю, поэтому и от них надеюсь охотного послушания и расторопности. Я почитаю и собственно для них лучше всякое дело сделать с крайней поспешностью, нежели леностью и непроворством длить оное медлительностью.

Господам капитан-лейтенантам и вахтенным командирам объявить, если они не употребят всевозможного старания служителей в лучшую исправность и расторопность и на чьей вахте я замечу ленивое людей исполнение, со всей строгостью прикажу на них взыскать, поэтому и положить оное на их отчет, ибо за всякое непроворство людей отвечать они будут непременно».

Корабль был его домом, его миром. На корабле он молился, на корабле он жил. Корабль – мир. В нем соединялось для Ушакова все: молитва, заботы, устремления, чувствования, размышления. Корабль не стал для него местом погребения надежды, нет, наоборот, он вывел его в большой мир великих людей, связал его золотыми нитями с будущим, не ограничил его, а расширил кругозор, выведя в океаны, провел вдоль берегов Швеции, Дании, Пруссии, Голландии, Англии, Франции, Португалии, Испании, Италии, Греции, Алжира, Турции. Кораблем он был возвышен до самых больших высот, без него он не мог твердо стоять на суше. Да на суше и не приходилось долго пребывать…

В середине года «Виктор» сопроводил пьемонтский, голландский и испанские торговые корабли к порту Магон.

…Из-за нахмурившейся колючими соснами скалы, подгоняемый резким норд-вестом, внезапно выскочил юркий парусник. Ядра, пущенные из его бортовых пушек, расщепили переднюю мачту итальянского «купца» и, закрутившись в полотняный парус, рванули его вниз. Второй залп остановил команду, кинувшуюся менять паруса для разворота. Ошеломленный атакой, капитан шедшего за «итальянцем» испанского корабля курса не сменил, а принялся истово молиться: «Спаси и помилуй. Святая Дева Мария. Спаси…» О сопровождающем караван купеческих судов русском фрегате и забыли. Да он и не виден был из-за другой скалы, которую осторожно обходил. Флаг на атакующем паруснике отсутствовал, это не оставляло сомнений – арматоры. Но кто они, каперы Англии, греческие корсары или варварийские пираты? Кто забрался сюда, к испанской Мальорке? А арматорский корабль недвусмысленно требовал сбросить паруса и остановиться. Два корабля продолжали идти вперед, другие сбавили ход, показывая, что покорились. С каперского корабля на смешанном испано-французско-английском языке потребовали сложить оружие. Обросшие бородами, в турецких шароварах, греческих шапочках, с французскими ружьями матросы соскакивали в шлюпку, спущенную для них. На торговых кораблях обреченно смотрели на приближающихся… Ядро, упавшее рядом со шлюпкой, развернуло ее, поломало весла. Второе вызвало фонтан со дна, а третье – раскололо напополам. Пираты на корабле не успели подбежать к пушкам верхней палубы, как были сметены бортовым залпом орудий «Виктора», уже показавшегося с другой стороны скалы. Ушаков сразу понял, что капера следует ошеломить, не дать ему подготовиться к отпору, сбить с палубы артиллерийскую команду, задержать внизу марсовых. Оторопелая и наполовину уже уничтоженная команда подняла руки перед идущими на абордаж русскими. Капитан со взятого в плен корабля, опустив голову, молчал, когда в окружении своих моряков вступил на палубу русского фрегата.

– Кто вы? Из какой страны? – спрашивали его по-испански и по-английски. Находившийся на корабле Ушакова греческий офицер спросил по-турецки и арабски.

– Скажите, кто приказал нападать на мирных купцов, и мы привяжем ему ядро к ногам и пошлем к рыбам, – хмуро посмотрел на командира пиратов Ушаков.

Тот продолжал молчать, и только когда два дюжих русских моряка подхватили его под руки, что-то закричал.

– Ваше превосходительство, он кричит, что вы будете отвечать перед французской короной.

– За что же это? – нервно дернул головой Ушаков. – Он слышал что-нибудь о Декларации, о свободе морской торговли? Может быть, это не он хотел ограбить купцов?

– Он говорит, что то не купцы. Они везут военную контрабанду в Гибралтар.

– Откуда он взял? Мы проводим их на Мальорку к испанцам, союзникам Франции, и они там будут разгружаться. А ему придется здорово раскаяться в своем разбое. Пусть поднимет голову и посмотрит в глаза своим жертвам. – Капитан каперского судна поднял голову, крикнул: «Вива, Франс! Вива!..» И внезапно замолк, остановив взгляд на уходящем с палубы капитан-лейтенанте. Корсарский вожак рванул себя за стянутый узлом на груди платок и голосом, полным отчаяния, простонал: «Федор…» Ушаков остановился, обернулся, внимательно и строго посмотрел на разбойного капитана. Тот же сделал шаг к нему, стал бить себя в грудь:

– Федор! Се муа! Се муа! Де Шаплет!

Да, обросший, с закутанной в тюрбан головой, в варварийских шароварах человек был Виктором де Шаплетом. Не тот щеголеватый, элегантный капитан французского парусника, с которым он три года назад пировал в Ливорно, а разбойного вида предводитель каперского корабля, который, не будь ушаковского «Виктора», захватил бы в плен экипаж, ограбил корабли, продал их, а может, и людей в рабство алжирским беям.

– Что же ты бандитом заделался? – сокрушаясь, спрашивал Ушаков Виктора в своей каюте, где отпаивал чаем уже распрощавшегося с жизнью командира каперов.

– Знаешь, Федор, нужны деньги, нужно богатство. У нас без этого жить нельзя, – помешивая чай, устало рассказывал де Шаплет.

– Но не грабить же на больших дорогах из-за этого. Я ведь тоже замков не имею в России. Служу Отечеству. В этом нахожу опору для честного бытия!

– А кто тебе сказал, Федор, что я не служу отечеству? Меня снабдили порохом, провиантом, солониной в Тулоне. Сняли только французский флаг. И я рыскаю по всему побережью, перехватываю все, что идет в Гибралтар. – Де Шаплет сокрушенно вздохнул. – Да и не только в Гибралтар…

О быстрых рейдах, ночных атаках, незаметном прохождении вдоль берега, схватках с английскими крейсерами, как будто дождавшись наконец слушателя, долго рассказывал пленный капитан в тот вечер Ушакову.

– Надоело, Федор, руки марать, – признался он к концу беседы. – Но наш флот бездействует. Все большие битвы проигрывает. А я мелкие выигрываю.

…Утром торговые корабли вошли в порт Магон. Ушаков отпустил французов на уходящем в Тулон датском «нейтрале», помахал отъезжающему де Шаплету.

– Переходи к нам на службу, Виктор, моряк ты отменный, у нас заметят. Или приходи на торговом, охранять буду!

Граф Северный

В Европе с любопытством восприняли эту таинственную пару. Графа и графиню Северных принимали пышно и с почестями, долженствующими означать принадлежность к императорской фамилии. Опережающая их приезд молва оповещала – прибыл русский наследник престола и его жена. Но наследник ли? В голове Павла выстраивался закон о престолонаследии: «Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать». Его мать, уже раз осуществившая нарушение традиции, была занята совершенно противоположными мыслями – она намеревалась полностью отстранить сына от наследования и заменить его великим князем Александром Павловичем: Павел чувствует окончательный разрыв с матерью, с Большим двором, нервничает, теряет опору, пишет в отчаянии в Смоленскую губернию своему главному советнику и вершителю предшествующей внешней политики России Никите Ивановичу Панину, который постепенно устранялся от власти. «Здесь у нас ничего нового нет… все чего-нибудь ждем, не имея ничего перед глазами. Опасаемся, не имея страха; смеемся несмешному. Так судите, как могут дела делаться, когда они зависят от людей, провождающих всю жизнь свою в таковом положении, расстраивающих все».

Он видит, что Екатерину все больше окружают наряду с льстецами, проходимцами, бездельниками люди предприимчивые, выдвинутые из глубин дворянства, из России, и приходит к чудовищному выводу: завести в империи наемные иностранные войска и флот, путем вербовки, может быть, в Польше, может быть (и ему это было больше по душе), в Пруссии, в других немецких княжествах. Хитрец Панин соглашается, но пишет: «…Для Отечества ничего не может быть счастливее, как сознание, что природный, высокий наследник престола его возрастет до настоящего возмужания, в недрах своего Отечества с прозорливейшим проницанием и неутомимой прилежностью… признает непременно государскою должностью самолично управлять и во всем надзирать над государственною обороною. Яко над единственною надежнейшею подпорою целости и безопасности оного».

Однако советы Панина уже были не нужны, союз с Пруссией и «Северный аккорд», который он выстроил, отошел в прошлое. Зародился союз с Австрией, продиктованный движением России на юг. Граф Фалькенштейн, то бишь император Иосиф II, появился в России инкогнито, встретился с Екатериной в Могилеве, побывал в Петербурге. Здесь, зная пропрусские симпатии Павла, поухаживал за ним и его второй супругой, прусской принцессой Марией Федоровной. Надо было обеспечить будущее. Явно рассчитывая на то, что это будет передано Павлу, он сказал тайному советнику Безбородко, что будущий император будет явным украшением века. «В свое время он и сделанное удержит, и недоконченное свершит». Понимая, что надо ослабить и пропрусские симпатии жены Павла, Иосиф пообещал Марии Федоровне покровительствовать ее родителям, сия дружба показалась цесаревне стоящей некоторого внимания, а симпатии к Пруссии несколько ослабели». Иосиф пригласил Павла посетить Вену и вообще заграницу. Принц загорелся желанием обратиться к своему душеприказчику Панину, как бы устроить эту поездку и встречу с любимым Фридрихом, королем прусским. Панин затеял интригу. Мария Федоровна составила план из семи пунктов, как «обработать» императрицу. Екатерина снисходительно наблюдала, оповещенная о малейших шагах Павла, дожидаясь, когда он окончательно попадет в ее сети. Павел пришел робко просить согласия и милостиво его получил. Когда разрабатывался маршрут, Пруссия конечно же была вычеркнута рукой матери. Вена – Неаполь – Париж и другие города были определены как места паломничества Павла. Цесаревич, раздосадованный запретом посетить Пруссию, воспринимал сначала свою поездку мрачно и меланхолично, да к тому же Мария Федоровна, прощаясь с сыновьями, три раза падала в обморок, чем вызвала брезгливый гнев Екатерины, не любившей этих немецких провинциальных сентиментальностей.

В Вене гремела музыка, давались концерты, балы в честь четы графа и графини Северных (так решили обозначить их в поездке), а Павел не проявлял

должного любопытства к зародившемуся союзу и одному из его учредителей. Ему чудились косые взгляды, насмешки, издевка. Он даже вздрогнул, когда в одном месте в честь их пребывания запланировали сыграть «Гамлета». «Это что, намек?!» – чуть не вскричал он и потребовал отменить спектакль.

Однако почести были столь пышны, а церемонии блестящи, что он впервые стал ощущать преимущества своего сана, в котором ему отказывали в России. Он оттаивает, начинает интересоваться многим из того, что ему показывают. Именно тогда Иосиф II пишет своему брату герцогу Тосканскому:

«Великий князь и великая княгиня соединяют с насовсем необыкновенным талантом и с довольно обширными знаниями желание обозревать и поучаться и в то же время иметь успех и нравиться всей Европе… Ничем нельзя более обязать их, как доставляя им возможность осматривать все без подготовки и без прикрас, говорить с ними откровенно и без прикрас… хорошая музыка и хороший спектакль, в особенности если они непродолжительны и не затягиваются до позднего вечера, доставляют им, кажется, удовольствие. Военное и ***морское дело***, конечно, составляют один из любимых предметов их занятий точно так же, как и торговля, промышленность, мануфактуры».

Да, Павел хотел понравиться Европе, он хотел показать себя достойным преемником великого своего деда Петра I. Позднее в Брюсселе он даже рассказывал историю о ночной встрече с тем. Там после ужина в покоях, когда избранные гости вспоминали о своих предчувствиях, снах, предзнаменованиях, в ответ на вопрос принца Де-Линя, связавшего впоследствии свою судьбу во многом с Россией: «Разве ему нечего рассказывать, или в России нет ничего чудесного?» – Павел покачал головой и, попросив сохранить это «в дипломатической тайне», рассказал о том, как однажды в лунную ночь, прогуливаясь с князем Куракиным по Петербургу, он заметил высокого и худого человека, завернутого в плащ вроде испанского и в военной надвинутой на глаза шляпе. «Он, казалось, кого-то поджидал и подошел ко мне с левой стороны, не говоря ни слова», – заинтриговал всех Павел. «Невозможно было разглядеть черты его лица, только по тротуару издавался странный звук, как будто камень ударялся о камень. Я сначала изумлен был этой встречей, затем мне показалось, что я ощущаю охлаждение в левом боку. Куракин же ничего не видел. Я дрожал не от страха – от холода. Какое-то странное чувство охватывало меня и проникало в сердце. Кровь застывала в жилах. Вдруг грустный голос раздался из-под плаща, закрывавшего рот моего спутника:

«Павел!.. Бедный Павел, кто я? Я тот, кто принимает в тебе участие. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты не останешься в нем долго. Живи как следует, если желаешь умереть

спокойно, и не презирай укоров совести: это величайшая мука для великой души».

Больше часу ходили они в молчании, поведал цесаревич собеседникам, наконец, ночные путники подошли к большой площади между мостом через Неву и зданием Сената. Незнакомец остановился и сказал наследнику:

– Павел, прощай, ты меня снова увидишь здесь и еще в другом месте, – затем приподнял шляпу, за которой он увидел орлиный взор, смуглый лоб и строгую улыбку прадеда – Петра Великого.

– Раньше чем я пришел в себя от удивления и страха, он уже исчез.

Собеседники изумились, когда цесаревич сказал, что на этом самом месте императрица приказала соорудить памятник, который изображает Петра на коне, и он скоро сделается удивлением всей Европы.

– Не я указал моей матери, что это место предугадано заранее призраком, – тихо закончил тогда Павел.

Да, такой рассказ должен был свидетельствовать отнюдь не о помутившемся разумом цесаревиче (подобные слухи периодически подбрасывались), а о его предопределении следовать стопами Великого Петра. Он ехал так же инкогнито, как и в конце предыдущего века император России, он ехал так же познать Европу, как тот – ощутить пульс науки и искусства, овладеть ими, как великий император. Но была и великая разница: Петр все пробовал сам, решал сам, махал топором, лазил на палубы и мачты, спускался в трюмы, чертил чертежи, опробовал, учился, применял у себя в России.

Павел же только созерцал и раздражался, что он не император. Хотя созерцать он пытался то, что пригодилось бы для будущего царствования. После Вены он побывал в Триесте, Венеции, Болонье, Риме. В Неаполе он встретился с горделивыми и чванливыми королями обеих Сицилии Марией-Каролиной и Фердинандом. Во Флоренции он в раздражении осудил завоевательскую политику матери и ее фаворитов, обещал разжаловать их в будущем и далее проехал через Ливорно, Парму, Милан, Турин во Францию. В Париже в его честь следовали приемы, празднества, балы. Версаль, Трианон, Шантильи горделиво распахнули двери. Его угостили даже смотром французских войск на Марсовом поле. Ни он, ни Мария-Антуанетта, ни Людовик XVI, ни королевский двор не знали, что всего через несколько лет королевская власть рухнет, рассыплется в прах Французская империя, а оставшиеся в живых французские аристократы побирушками придут ко двору русского императора просить помощи от разбушевавшейся революции и будут натравливать его на Францию. Но тогда в Европе звучала музыка, ярко

вспыхивали свечи, сверкали бриллианты, королевские дворы встречали графа и графиню Северных.

На рейде в Ливорно встали в полукруг все корабли русской эскадры контр-адмирала Якова Сухотина. То ли по неизведанной случайности, то ли до причине старых сложившихся связей, то ли из-за особой отзывчивости ливорнцев и их правителей русские корабли и целые эскадры в XVIII веке заходили сюда довольно часто. Заходили, вставали на долговременную стоянку, килевались здесь и ремонтировались, получали мясо и вино, хлеб и крупу. В городе к русским морякам относились доброжелательно и гостеприимно. Нередко можно было встретить на приеме в ратуше, у богатого негоцианта, или в замке местного аристократа офицера или даже самого командующего эскадрой. А на городском карнавале, в прибрежной винарне танцевали, прижимая к себе веселых девушек, немного сдержанные, но добродушные и улыбчивые матросы. Лишь в церкви католической они не бывали, по греческому обряду молились на своих кораблях, у своих священников.

В апрельский, божественный, по утверждению ливорнцев, день, ибо именно в такой весенний день и мог только воскреснуть Христос, с эскадры никто не был отпущен на берег: ждали графа и графиню Северных. Ждали и хотели блеснуть мастерством постановки парусов, хождения в море, умения стрелять точно в цель, для чего вывезли и поставили на якорь ветхое судно греческого торговца, пообещав заплатить за рухлядь, доставить его грузы на фрегате. Ждали. Наблюдали в подзорные трубы за приморской дорогой. Как всегда в таких случаях, карета показалась неожиданно. Яков Филиппович Сухотин запутался в разноцветных коврах, выбегая из подготовленного к торжественному проезду к кораблям барказа, но четко доложил: «Эскадра ждет…» Граф Северный небрежно махнул рукой и проследовал сквозь кучу зевак, прослышавших о приезде какого-то знатного русского. Барказ приблизился к эскадре. А там, переливаясь от корабля к кораблю, гремело: «Ур-р-ра!» Трепетали флаги расцвечивания, на вантах расположились моряки. Вдоль бортов палубы с ружьями выстроились солдаты. Грянули пушки. Залп. Один, пять, десять, пятнадцать, двадцать. Всему городу стало ясно – особа знатная необычайно. Граф прошел по палубе вдоль строя, подал два пальца офицерам и, обернувшись к Сухотину, тихо сказал:

– Прикажите не кричать!

– Что? – не понял тот.

– Вопли пусть закончат, – зло сказал граф. Сухотин отдал команду, побежал дежурный офицер, крик стал стихать, и лишь где-то там, на верху

грот-мачты, добросовестно исполнял отданный раньше приказ одинокий моряк, не слыша, вероятно, ни себя, ни новой команды.

– Забавно, не правда ли, сударыня? – обратился к молчавшей доселе спутнице граф.

– Ах, Павел, может, мы сегодня на палубе этих бравых моряков откажемся от маскарада? – отвечала она совсем не о том.

– Верно, – решительно выдохнул цесаревич. – Щи у вас найдутся? Да не зовите нас больше сими кличками, вспомните, что я ваш генерал-адмирал, расскажите, как сюда дошли. Садимся здесь, – указал он на столы и кресла, установленные на шканцах.

Сухотин честно доложил, что эскадра 28 мая прошлого года снялась с Кронштадтского рейда и, сделав заход в Гельсинор, нигде больше не останавливалась, прошла в Ливорно, куда прибыла 15 августа.

– Стало быть, обошли всю Европу?

– Да, господин граф, простите, ваше императорское высочество. Сие есть пока высшее достижение для наших кораблей.

– Не думаю, – не согласился Павел. – Но, однако, что вы делаете ныне в Средиземноморье?

– Оберегаем корабли наши купеческие и иноземные от пиратских нападений.

– Сия политика – пыжиться до уровня всей вселенной – дорого обходится державе, – повернул голову к беззаботно внимавшей ему Марии Федоровне. Та согласно и быстро закивала. Павел же обратился к капитанам кораблей, что были уже ему представлены у трапа.

– Вот вы, – обратился он к напряженно сидевшему Ушакову, – почему на императорской яхте не захотели служить? Я ведь вас там видел?

– Море люблю, ваше императорское высочество, – добродушно ответил, улыбнувшись, Ушаков.

Павел улыбку принял, сам улыбнулся и нестрого спросил:

– Где же вы бывали? В каких походах и экспедициях?

– Здесь, в Ливорно, уже раньше с эскадрой Козлянинова. В Черном воевал с турками, в Белое море ходил, из Архангельска на фрегате возвращался, командовал «новоизобретенными» кораблями Донской флотилии.

– Изрядно вас бросало, однако. Ну и какова плата? Ушаков обернулся к Сухотину, тот объяснил сам.

– Тысячу рублей единовременно и по сто пятьдесят рублей столовых ежемесячно.

Павел и Мария Федоровна переглянулись.

– Богато живет флот! Расходы чрезмерные.

– Нет, ваше императорское высочество, – не согласился Сухотин, – не богато, а тяжело. Восемьсот человек в госпиталях, двадцать восемь умерло, и просим вас исходатайствовать нам помощь, а их семьям вспомоществование.

Павел задумался. Он не знал, главное или второстепенное флот, хотя и был приписан к нему. По совету Панина он хотел обо всем подумать самостоятельно. Тот советовал ему заниматься и изучать лишь то, на что должно обращать внимание, «не отвлекаться в сторону, к предметам, не имеющим отношения к плану. Не тревожиться тем, что недостойно возбуждать беспокойство». «Побольше бодрости, со временем все дается, и терпение и прилежание», – напутствовал Панин. Да где он? А вести разговор с подданными он решил не лицемеря. Еще в Риге он обрушился на беспорядки в военном ведомстве, резко заметил: «Если бы мне надо было образовать себе политическую партию, я бы мог умолчать о подобных беспорядках, чтобы пощадить известных лиц. Но будучи тем, что я есмь, для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства… Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за неправое». Вот и этим морякам сказать надо, что не все у них в порядке, не все отлажено. Стал делать замечания, они согласились, ибо где же корабль без недостатков. Стал расспрашивать про тактику морского боя, они здесь отвечали бойчее и четче.

Обратился к Сухотину:

– Если перед вами вражеская эскадра, как вы выстраиваетесь?

– В кильватерную линию.

– А если я захочу по-другому?

– Это невозможно.

– Объясните.

– Сие заведено уставом.

– Ну а если изменить устав?

– Невозможно. Но вы ведь…

Ушаков, который чувствовал почему-то неизъяснимое волнение, сделал шаг вперед и решительно перебил Сухотина:

– Думаю, что сие возможно, ваше императорское высочество! На это надо просто решиться.

– Ну и решайтесь, капитан, думаю, с вашей решительностью вам никто этого не запретит.

Павел хлопнул в ладоши, снял шляпу и протянул ее камердинеру.

– Все, хватит. Голова кружится, а цесаревне худо. Давайте обедать. Стрельбы отменим.

На шканцы стали выдвигать столы, кресла, подавать блюдо за блюдом. Капитан и свита отступили в сторону, освобождая место для трапезы. Ушаков оперся о поручни и задумчиво глядел в бирюзовую зыбь генуэзского моря. Скоро им предстояло снова устремиться вдаль, в опасный и бурный поход, что приведет домой, на родную землю, в Кронштадт, Петербург, а может, и в Рыбинск и Бурнаково, в отцовский дом, на Волгу.

Ложа Нептуна

Друг и соученик Ушакова флота капитан Пустошкин пригласил его к себе домой на холостяцкую квартиру:

«Попьем доброго вина, да я тебе об одном важном деле поведаю». Кронштадтский ветер порывисто стучался в окна, в камине потрескивали сосновые чурки, на столе стояло несколько бутылок французского вина да хорошие заедки. Говорили о разном: о порядках на флоте, о последних дальноморских переходах, о политических событиях в разных странах, о надвигающихся грозах в Черноморье. Но, похоже, Пустошкин не спешил поведать о своем важном деле. Вел он себя как-то возбужденно, пил чарку за чаркой, часто подходил к камину, шевелил угли и, присев на корточки, подолгу смотрел в огонь, словно бы высматривая в нем что-то потаенное. После очередного удара ветра в окно решительно встал, подошел к Федору Федоровичу и посмотрел ему в глаза испытующе. Ушаков молчал, а Пустошкин, словно продолжая прерванный разговор, сказал:

– А ты, Федор, зря их сторонишься, там много достойных людей. Достойных и почтенных, не то что…

– Не то что я, хочешь мне сказать, Павел, – слегка подался вперед Ушаков.

Пустошкин досадливо дернулся.

– Да нет. Не то что твои бомбардары да мичмана, с которыми ты непрестанно возишься. Ведь в жизни одними пушками да парусами не обойдешься. Об истинном ее смысле следует попечься.

Ушаков откинулся назад, положил руку на спинку кресла и раздумчиво согласился:

– Сие верно. Да я и думаю на сей счет немало. Молюсь. Исповедуюсь. А что касаемо мичманов да прочих морских служителей, так то все для дела корабельного, для слаженности всеобщей. Сие для Отечества и флота выгодно. Научишь их образцово исполнять – то они долг державный исполнят достойно.

– Думаешь, то наше дело, о котором ты наверняка слыхал, для государства не полезно? Еще как полезно! Вот послушай, что в одном из наставлений сих почтенных людей пишется.

Пустошкин встал, подошел к конторке у своего письменного стола, щелкнул ключиком и вытащил длинную разноцветную бумагу. Что-то поискал в ней глазами, удовлетворенно кивнул и, положив перед Федором, зачитал вслух, ведя пальцем по строчкам:

– «Высочайшее существо вверено положительнейшим образом власть свою на земле Государю, что и лобызай законную власть над уделом земли, где ты обитаешь: твоя первая клятва принадлежит Богу, вторая – Отечеству и государству. Человек, скитающийся без просвещения и убегающий общества, был бы менее способен к исполнению намерений Провидения и к достижению всего блага, ему предоставленного. – Пустошкин возбужденно взмахнул руками и снова ткнул пальцем в текст:

– Существо его расширяется посреди ему подобных, разум его укрепляется с течением различных мнений. Но по единому соединению произвел бы беспрерывный бой о личной пользе и насыщении развратных страстей и вскоре бы невинность пала перед силою или коварством. И так нужны были для поступков его законы, а для сохранения оных начальники!»

Ушаков постукивал пальцами по спинке кресла, выдавая некоторое волнение. С иронией бросил:

– Да начальников-то надо мной и так хватает. Пустошкин еще раз замахал на него руками:

– Ты опять не о том…

Затем подбежал к столу, налил бокал вина, залпом выпил его и, склонившись, зашептал:

– Федор, ты не представляешь, какая мы сила. – И оглянувшись, зашептал еще тише: – Вице-адмирал Барш, Самойло Карлович Грейг, наш славный предводитель при Чесме, при самом Чернышеве состоящий, флота капитан первого ранга Алексей Григорьевич Спиридов. А обер-цолнер при Кронштадтской таможне, тоже птица немалая. Да уж, если говорить по-дружески, без сокрытия, то сам граф Иван Григорьевич Чернышев во франк-масонский орден входит!

Ушаков не посмеивался. Он и виду не подал, что почувствовал прикосновение к важной тайне. Важной, конечно, хотя Петербург и особенно Кронштадт были переполнены слухами о таинственных масонах. Говорили, что их возглавляет Самуил Грейг, умело вовлекая в свои ряды многих флотских офицеров. Встретился он как-то с одним бывшим учителем из Морского шляхетного корпуса, тот ему намекнул, что их корпус стал гнездом масонов, воспитатели не о деле морском пекутся, а учеников старших вовлекают в таинственную ложу Нептуна. Об этом и спросил Пустошкина, не таясь, в открытую:

– Пошто учителей-то корпусных от дел отрываете? Им бы кадетов учить, а они в песнопения ударились, таинства проповедуют, Нептунами непонятными заделались…

Пустошкин подозрительно посмотрел на Ушакова, но не увидел, по-видимому, в нем шпионских устремлений и, успокоившись, простодушно ответил:

– Конечно же мы желаем действовать среди юношества и посему вербуем педагогов, и не только из Морского, но и из Пажеского корпуса. – Он опять перешел на шепот: – Кураторы Московского университета Мелесиано, Херасков, Голенищев-Кутузов – наши крупнейшие масоны. Ну, а что касается тех, кто в ложе сией Нептуновой большинство составляют, то это моряки, морские офицеры, тебе известные. Наш знак нептуновской ложи – якорь в треугольнике. Я – ученик, то первая ступень в нашей ложе, совершенствует сердце. Товарищ – то вторая ступень, совершенствует ум, а мастер – то высшая ступень – дух. Я, Федор, искренне верю, что надо совершенствовать сердце, ум, дух всем нам.

– Ну, а почему же все это надо в потаении делать, почему не на виду, удалясь от взора всего общества морского?

– Эх, Федор, ну неужели не видишь ты, что люди завистливы, коварны, глупы. Что их вести надо сильною и мудрою рукою.

– Но не монаршья ли это обязанность, а то более – Божий промысел?

Пустошкин вздохнул, он, наверное, и сам колебался, вступая в ложу, убеждал себя, что там должны быть все достойные и порядочные люди, которые продумали смысл жизни и свое место в ней. Потому и на Ушакова наседал, понимая, что он-то и есть самый порядочный и достойный. Не будь его в этом тайном сообществе, Павел бы чувствовал, что оно ущербно и зыбко. Поэтому он просяще и дружелюбно обратился к Федору, не отвечая на вопрос:

– Приходи к нам, не оставайся в стороне, не кажись гордецом.

Ушаков же задумался. Было что-то в этом увлекающе опасное, таинственно грозное, однако неприемлемое для него. В то же время он чувствовал, что открыто и сразу выступать против народившейся в русском военном флоте силы вряд ли стоит. Надо приглядеться, разобраться да и решить для себя, что значит сия ложа Нептуна. Пустошкин же наседал, просил подумать и под конец вечера, выпив еще один стакан вина, резко склонился к нему и горячо зашептал:

– Федор, я тебе покажу тайный красивый обряд. Мы будем посвящать в ложу. Твоя душа будет увлечена. – И, поднеся палец к губам, почти неслышно сказал:

– Никому. Завтра в шесть вечера.

Когда он заехал за Ушаковым в четыре часа на следующий день, то был бледен и задумчив, кусал губы. Тихо сказал:

– Федор, я нарушаю завет ради тебя. Но ты друг мне, и я хочу поделиться тайной. Надо, чтобы ты незаметно сел в нашем зале на балконе за драпировкой. А мы будем внизу в зале посвящать в ложу Нептуна Павла Васильевича Небольсина. Еще раз прошу тебя, не обнаруживай себя.

– Может, не стоит, Паша, вон ты как волнуешься, – усмехнулся Ушаков.

– Надо, Федор. Сия клятва и видовище тебя тоже повлекут к свету…

В дом, куда подъехали, вошли с заднего входа. Поднялись по какой-то темной лестнице. Павел шагнул вперед, раздвинул тяжелый занавес и, образовав щель в зал, подвел к ней Ушакова. Шепнул:

– Садись, Федя. Привыкай очами и духом. Что бы не случилось – молчи. Я за тобой зайду потом.

Темнота постепенно в зале рассеялась, Федор стал различать чуть серые обводы больших окон, пробивающийся в дальнем углу свет, прислушивался к непонятным шорохам там, внизу. Вдруг дверь распахнулась и в нее со свечами в руках вступили люди в длинных балахонах; они столпились кругом, обступив выступившее из темноты великолепной работы золоченое кресло. Вошло еще

трое, они постелили ковер, поставили рядом ромбический стол, положили на него обнаженный меч и установили на подставке большую книгу в окладе, по-видимому, Евангелие. Зашуршало вдоль стен, Федор понял, что там рассаживаются вновь пришедшие. Все затихло, и через мгновение красивые мужские голоса запели, четко, разборчиво:

О радость, о любовь, о свет,
О мудрость, кроткая, благая,
О дух, зри тройственный завет:
Престол, ковчег, святых святая,
Расторгнув мудрости покров,
Зри связь и сущность всех миров.

Под песнопение медленно и торжественно вступил в зал человек невысокого роста в лазоревом камзоле. Он сел в кресло, и за его спиной высветились: треугольники, циркуль и пятиконечная звезда. Песнопения кончились, и человек, ударив молотком, лежавшим на поручне, о стол, густым голосом обратился к теням:

– Говорю я, Великий мастер! Высокопочтенные и почтенные братья и сочлены! Шествуя в неразрывной цели вольного каменщичества по единым стезям истинного пути к Соломонову храму, мы, члены ложи Нептуна, можем с великим удовольствием отметить, что с сего времени наша ложа является не только членом Союза национальной ложи, о чем нас уведомил Великий мастер князь Гагарин, но можем считать себя членами сообщества всех европейских Вольных каменщиков! О чем нас уведомили из Европы!

Хор завершил его речь стройным пением:

Связуйся крепче, узел братства,
Мы счастливы, нам нет препятства
Для добрых и великих дел!

Мастер снова стукнул молотком.

– Введите посвящаемого! Кто поручился за него? От сцены ответили силуэтные тени:

– Брат второй ступени Степан Иванович Ахматов.

– Брат третьей ступени Николай Иванович Барш.

Дверь снова открылась, и Ушаков, с удивлением рассматривающий все это собрание, еще раз подивился: в зал зашел полуобнаженный человек с завязанными глазами. Мастер стукнул молотком и в наступившей тишине приказал вошедшему:

– Стой здесь. Правда ли, что ты решил войти в Союз избранных?

Полуобнаженный потянулся в сторону голоса:

– Да, это так.

– Скажи тогда, что знаешь о Великом мастере Адонираме.

– О, этот мастер был прислан в Иерусалим по просьбе самого Соломона Тирским царем как самый искусный в своем деле. Он знал все науки, а особенно геометрию, и опыт его помог бы построить святилище Соломона. Он и установил особые «прикосновения», «знаки и слова» для рабочих, мастеров и товарищей…

– Хорошо. Сие ты знаешь. Пройди вокруг ложи раз первый и не пади духом от испытаний.

Полураздетый мгновение поколебался, а потом шагнул влево, нащупывая ногой ковровую дорожку. Пламя свечей как бы последовало в другую сторону от его движения. Вдруг громкий треск ворвался в напряженную тишину, полураздетый упал на одно колено, схватился рукой за повязку, но не сорвал ее, а медленно поправил. Затем так же осторожно продолжил прохождение круга. Он еще раз споткнулся о какой-то предмет, брошенный ему под ноги, но устоял и через минуту остановился на прежнем месте.

– Что ж, ты прошел первый круг испытания. Скажи мне, какие свободные науки, в которых каменщик прилежать должен?

– Стихотворство, музыка, рисование, арифметика, геометрия, астрономия, архитектура, – ответил полураздетый…

– Хорошо. Скажи мне о свободе, что есть она для Вольных каменщиков.

Полураздетый нетвердо отвечал, а колеблющиеся язычки свечей выхватывали из темноты то циркуль, то отвес, то треугольник, то пятиконечные звезды, разбросанные по ковру.

– Достаточно. Ступай второй раз…

Когда полураздетый шел по своему мрачному кругу испытаний, чувствовалось, что он ожидал внезапных толчков, ударов и поэтому был напряжен, его тяжелое дыхание доносилось даже до балкона. И действительно,

у него на пути оказывались то бревна, то ломающиеся доски, то крупные булыжники.

Когда он в третий раз пошел в свой путь посвящения, то на половине пути был остановлен фигурами, объявившими себя надзирателями и потребовавшими отдать часть своей крови ордену. Ушакову показалось, что полураздетый сказал какие-то слова, затем в тишине что-то забулькало, раздался звук падающего тела. Надзиратели подтащили и поставили полураздетого на прежнее место испытания. Было тихо, слышалось потрескивание свечей.

Молчание длилось долго. Мастер почему-то не задавал вопросов. Раздался бой часов, и он встрепенулся.

– Мы, будущие братья твои, говорим, что ты выдержал испытание, и ждем от тебя клятвы на мече.

Полураздетый потоптался, сделал шаг к столу, нащупал меч и сдавленным голосом начал:

– Я клянусь и обещаю перед лицом Великого Строителя Вселенной на этом мече, символе чести, хранить нерушимо все тайны, которые будут мне вверены этой Почетной ложей, а также все, что я там увижу и услышу! Никогда ничего о том не писать, не получив приказания. Я обещаю и клянусь любить своих братьев и помогать им по мере сил. Я обещаю и клянусь повиноваться общим постановлениям масонства и особым правилам ложи Нептуна. Я согласен, чтобы мне перерезали горло, если когда-либо буду повинен в предательстве и открою тайны ордена.

В зале повеяло холодом. Мастер стукнул молотком:.

– Брат наш, отныне знай: общечеловеческое выше национального, всечеловечество – выше государства, а звание «гражданин мира» достойнее звания гражданина государства, и для подвига любви нет различия между эллином и иудеем.

Молоток стукнул еще раз, и полураздетого облачили в белый передник, он сам натянул перчатки.

– Сними повязку, – властно потребовал Мастер стука. – Отныне ты видишь лучше. И зрение твое должно видеть пользу для братьев в первую очередь…

Еще длились песнопения, еще горели свечи, а Ушаков уже задернул занавес и тихо вышел во двор.

Через час, не дав ничего вымолвить вбежавшему Пустошкину, взял его за руку и твердо сказал:

– Паша, дорогой друг мой, прошу тебя, не заводи никогда со мной разговор о вступлении в ряды ваши. Я для себя сегодня твердо решил: играми бойких политиков не заниматься, в дворцовых интригах не участвовать, в тайные общества не вступать, всего посвятить Богу, царю, Отечеству и морю. Не проси меня, не уговаривай. Ты меня знаешь.

Пустошкин Ушакова знал хорошо, поэтому минуту постоял с опущенной головой и пошел к выходу. У дверей обернулся; Ушаков, опережая его вопрос, кивнул:

– Не бойся, Паша. От меня никто и слова не услышит. Ты меня знаешь…

Пустошкин кивнул и вышел…

Испытания

Высокий седой граф Иван Григорьевич Чернышев сидел прямо, не сгибаясь, не позволял себе расслабиться даже в одиночестве. Лишь растопыренные аристократические, длинные его пальцы, постукивая по заполненным цифрами бумагам, проявляли живость мысли. Она же была напряжена и, как всегда, нацелена на флотские дела.

Силой Фортуны стал он во главе морского дела России. Фактически во главе. Президентом Адмиралтейств-коллегий был наследник великий князь Павел Петрович, что еще в малолетстве был назначен таковым, получив звание генерал-адмирала. Чернышев же при новой императрице был назначен сначала членом Адмиралтейств-коллегий, а затем заместителем президента. С молодым двором, как называли окружение Павла, он, как и его брат Захар, президент Военной коллегии, в дружеских связях пребывал. С Павлом часто беседовал, обедая у того в Гатчине, участвовал в играх, морские знания старался передать, с кораблями, устройством их познакомить, интерес к морю возбудить. Будущий император! Познает море, полюбит морское дело в юношеском возрасте – в зрелом своим детищем флот считать будет, а он, Иван Григорьевич, пребудет и впредь советником и дела вершителем. Однако же заметил, что императрица сих его стараний не ценила и не поощряла. Как-то походя бросила, что пора перестать быть комнатным генерал-адмиралом, с детскими игрушками кончать, следует серьезно флотом заняться. Он хотя с Павлом и не порвал, но все силы на реальный флот переместил. До Екатерины во флоте Российском все было: и победы блестящие, и поражения, взлеты и падения обозначались. Императрица властно определила: флоту морскому возродиться. Тайно же, как видел он, мечтала превзойти петровские времена победами. По своей всегдашней

привычке избрала для дела людей самых умелых, энергичных, способных постичь дело. Из-за границы смелых и храбрых капитанов пригласила. Один Самуил Грейг чего стоит. Шашни, правда, вокруг него масонские ведутся. Да и это ныне короне не вредит. А что будет далее – посмотрим. Рядом с таким умельцем искатели заработка, темные личности. Но императрица к ним благоволила, к этим Мазини, Ноулсам, Эльфинстонам. Сам Иван Григорьевич лишь после воцарения Екатерины принял предложение вступить в морскую службу, стать членом Адмиралтейств-коллегий. Знал за собой умение быть настойчивым, служить верно, ненасытность в чтении книг не только отечественных, но и иноземных, ибо постиг языки, служа в посольствах в Берлине и Копенгагене. Морского дела до этого досконально не ведал, но, попав в коллегию, многое постиг и изучил. Корабли полюбил словно существа живые. Известно ему было, какие из них где строятся, когда опускались они на воду, какая потребность в материалах на их строительство, сколько штату положено для плавания. Ревниво смотрел на покрой парусов и высоту мачт кораблей английских и голландских, считая их лучшими в мире. Иностранную коллегию завалил просьбами, вопросами – пусть узнают посланники, сколько каких судов, где построено. Какова высота мачт, какие новшества в парусах, каков такелаж, из чего новые тросы делают, что в артиллерии диковинного. Какова обшивка на судах в южных морях, чем конопатят, нельзя ли лучших мастеров корабельных пригласить в Россию.

Некоторые из посланников отмахивались, относились нерадиво к просьбам, другие добросовестно изучали кораблестроение, к местным властям за помощью обращались. Англичане за границу своих мастеров неохотно отпускали – секреты берегли, но к себе разрешали приезжать учиться: знали – лучше британских верфей нету. Но русские подмастерья, что приезжали на выучку в британские земли, были приметливые: чертежи читали хорошо, порядок построения знали, понимали многое с полуслова, хотя слово-то английское знали вначале нетвердо. Прием ухватывали, все полезное постигали. Да и сам Иван Григорьевич накануне русско-турецкой войны был отправлен чрезвычайным и полномочным послом в Великобританию. В немалой степени способствовал тому, что англичане беспрепятственно эскадру Спиридова в Средиземное море пропустили. Дела исполнял иностранные, а повышение получил по службе морской. В 1769 году произведен был в полные генералы и стал вице-президентом Адмиралтейств-коллегий, будучи за рубежами Отечества. Возвратился и снова все силы флоту отдал. Хоть был бережлив, но на флот денег не жалел, благо императрицу убеждать долго не приходилось, она сама коллегию упреждала, сыпала пожеланиями. Правда, прежде чем принять указ, опускала его для обсуждения в коллегию. И тут уж адмиралы вели себя достойно, не кидались утверждать указ сломя голову, соглашаться из-за почтения перед высоким именем, не кивали без устали. Каждый досконально изучал, специалистов приглашал, в книги и чертежи

заглядывал, и не раз, бывало, прожекты императрицы в другую сторону поворачивали. Императрица сердалась, но строптивцев не наказывала, старалась подловить адмиралтейцев на неосведомленности, незнании, отсталости (советники ее тоже не дремали). Бывало, что она права оказывалась. Радовалась как датя малое: уела мудрых старцев. Но и они не раз аккуратно ее на место ставили. Не так уж часто, больше она их упреждала. Да так и положено императрице. В 1772 году Чернышев получил указ Екатерины, держал его под рукой: «Обстоятельства требуют, чтобы мы имели будущим до 20 линейных кораблей с надобным числом других судов, за исключением находящихся в Средиземном море, о чем приложите по Адмиралтейств-коллегий всевозможное старание, а также о том, чтобы на верфях было леса еще на 10 таковых кораблей для пополнения оного числа или по первому недостатку в лесе не было». Екатерина считала: надобно быть сильной настолько, чтобы у Швеции не зародилось желание на успех в морском деле. Сказала ему твердо после английского дипломатического вояжа: «На Востоке мы можем победить, если увеличим флот на Балтике».

«Увеличим и обучим», – подумал он тогда. Поэтому охотно посылал учиться офицеров в Англию, Голландию. Многие из них побывали на английских кораблях в дальних плаваниях, добирались до Вест-Индии, Филадельфии, Кубы и даже до азиатских колоний Британии.

С каждым годом Адмиралтейств-коллегий дел прибавлялось, отсидеться важно и спокойно в присутствии было уже нельзя. Вспомнил, как в 1764 году по совету императрицы направили за казенный счет купеческое судно «Надежда Благополучия» вокруг Европы в море Средиземное – так тогда предприятие то считалось почти сказочным, чуть ли не наподобие плавания Козьмы Индикоплова. Ныне же русские эскадры снуют по морям, как челнок в ткацком станке. Эскадра Мусина-Пушкина у Нордкапа крейсировала, эскадра Круза – в Немецком море, Палибина – в Атлантическом океане, Борисова – в Лиссабон ходила, Сухотина и Чичагова – в Средиземное море и обратно совершили экспедицию. Снуют-то снуют, но мачты ломаются, течь в кораблях частая, обшивка непрочная, червь южный днище корабля истачивает мгновенно, пожары нередки, помпы для откачки воды плохие, паруса мокнут и тяжелеют. Вот и пригласил он сегодня трех лучших офицеров флота, чтобы назначить на испытания всего нового, что в Российском флоте появилось.

Те зашли статные, сильные. Нежности и пухлости кабинетной, дворцовой в лице не было. Обличьем красны и обветренны – ветер и брызги пудрой и румянами им были в походах. Чернышев подержал их под взглядом: глаз не отвели, доложились.

– Капитан 1 ранга Ханыков!

– Капитан 2 ранга Ушаков!

– Капитан-лейтенант Обольянинов!

– Знаю, знаю, – подошел, пристально вглядываясь, протянул руку. Затем, не приглашая сесть, подошел к карте европейских морей, взял линейку и провел от Нордкапа до Гибралтара.

– Известно вам, господа, на опыте собственном, что Россия прочно на морских просторах обосновалась, заявляет твердые декларации о защите торговли, о справедливости, об охране независимости нейтральных государств. А для того, чтобы петрушками, комедиантами не выглядеть перед державами иными, надо, чтобы корабли наши были самые быстроходные и маневренные, пушки – самые дальнобойные и скорострельные, морские служители – бесстрашные и умелые, командиры – державолюбные, знающие и подготовленные. Вас знаю как капитанов осмотрительных и требовательных. Думаем с согласия императрицы назначить вас на испытания двух фрегатов. Сие честь высокая, ибо после этого будем флот наш обувать в железа.

Ханыков иронически улыбался, Обольянинов недоверчиво перебирал пуговицы на мундире. Ушаков слушал внимательно и напряженно, словно хотел запомнить каждое слово, уловив паузу, спросил:

– На что в испытании главное внимание обратить предлагается?

– Об этом и речь. Нам не просто обкатать команду надо, а проверить, как корабли, обшитые медью и белым железом, идут. Чай, уже убедились, что быстрее наших, деревом обшитых, идут?

– Да! – подтвердил Ушаков. – У Лиссабона пристроился я за кораблем с английским флагом, команду корабельную измучил, паруса менял, ветер ловя, но к вечеру отстал и только через день увидел того у Гибралтара на якоре. Узнал потом, что днище и бока у него медью обиты. И нам пора повсеместно на сие переходить.

– Пора-то пора, а где денег взять? Флот растет, вводим стопушечники, расходы растут, казна – не бездонная бочка. Вот тут мастера предлагают обивать корабли не медью, а белым железом – дешевле будет. Поэтому просим вас, как людей, душой кривить не умеющих и не прикупленных поставщиками, провести сии испытания строго и беспристрастно. Господин Тредиаковский, – проявил свою начитанность Чернышев, – слово ввел «гласность», что означает на виду у всех разговор, без сокрытия. Так вот мы гласно объявим, чей способ лучше. А еще проверьте помпы новые и старые, высоту мачт, обсудите безопасную и полезную укладку груза и балласта в трюмах и вокруг бортов, испробуйте наиболее полезную камбузную печь, ибо старая нам уже не один

раз пожар устраивала. Да подумайте, господа, как меньше потерь в плавании нести, а то у нас что не экспедиция, то полсотни, а то и сотня мертвых. Где их, служителей-то морских, набраться. Вот у вас, господин капитан 2 ранга, на корабле «Виктор» менее всего потерь было – чем лечили? Как сохраняли в походе средиземноморском? – обратился он к Ушакову.

Тот смутился, помедлил с ответом («Тугодум все-таки немного», – решил Чернышев.):

– Главное, чистоту соблюсти, одежду просушивать, порохом окуривать, уксуса побольше, ром не давать боцманам разбавлять. Хорошо бы зелени в походах почаще давать, может, и выращивать что. Деньги кормовые на еду тратить следует, а не какое-нибудь шиковство офицерское в порту.

– Ну, без этого тоже нельзя, – перебил Ханыков, – мы же российские офицеры. Вот недавно в испанском порту наш капитан фрегата «Михаил» большой прием устроил, музыку, танцы, ужин на 60 человек. Губернатор был доволен, узы дружбы укрепились.

– Да, это надобно делать, но не за счет команды. А губернатор, что ему не быть довольным на чужой счет.

Чернышев бесстрастно заметил:

– Императрица согласилась с тем, что такие приемы полезны бывают, флот в лучшем виде показывают за границей. Однако же не приемами флот наш прославляться должен, а быстроходностью и слаженностью действий команд, маневренностью, что мы вам и поручаем опробовать, господа. Вам, капитан-лейтенант, поручаем командовать фрегатом «Святой Марк», а вам, господин Ушаков, проверить следует качество «Проворного». Капитану Ханыкову проследовать на том и на том, разделив поход на две части.

Выпроваживая их через час после обстоятельной беседы, Чернышев подзадорил:

– Надеюсь, не зябликов – орлов в поход отправляю. Ждем добрых известий. С Богом!

Ханыков на приступках Адмиралтейства склонился к Ушакову и заговорщически сказал:

– Князь Шишков, кажется, сказал о нем, что он не столь разумный, сколь быстрый, увертливый и проворный.

Федор покачал головой, не соглашаясь:

– И это немало. Желчный, говорят, еще ехидный, но государыне и Отечеству угодил быстрыми преобразованиями на флоте. Если бы всякий вельможа со старанием к делу подходил, то корабли наши не протекали, пушки на куски не разлетались, солонина не червивела. А подчиненные сего графа любят за то, что он усердие и старание ценить умеет.

– А ты ему, Федор, пригляделся, – без ревности заметил Ханыков, – он все к тебе обращался, вроде бы советовался, а сам, наверное, новые экспедиции задумывал. Жди нового назначения, Федор, после испытания, – похлопал он по плечу товарища.

…Через полгода, в 1783 году, Ушаков был переведен на Черноморский флот.

Преображение

Первая русско-турецкая война при Екатерине закончилась в 1774 году Кучук-Кайнарджийским «вечным» миром. По нему к России отходили «прежние завоевания Петра», побережье Азовского моря, а также земли между Днепром и Бугом. Были и новые приобретения – порт Керчь и Еникале. Крым становился независимым от Турции. На территории Казацкой Новослобожанщины, Славяно-Сербии, пограничной Украины вплоть до Кубани раскинулось Новороссийское наместничество. Здесь под началом правителя Новороссии, всесильного фаворита Екатерины Григория Потемкина развернулось бурное строительство. Стали возникать новые города – Мариуполь, Мелитополь, Александровск, Ставрополь, Екатеринодар, Георгиевск. Быстро отстраивался Таганрог, становясь крупнейшим портом Юга. Напротив турецкого Очакова была возведена русская крепость Кинбурн.

Мир Кучук-Кайнарджийский означал, что бывшее Русское море возвращало себе свое старое предназначение – быть южным окном Руси в Европу. Однако для полновластного утверждения на нем нужен был сильный флот.

В 1775 году вице-адмирал Алексей Наумович Сенявин осмотрел устья Днепра и Буга, и на основании его донесений 11 декабря 1775 года Адмиралтейств-коллегий было дано повеление рассмотреть вопрос о военном судостроении на Днепре, о сооружении Адмиралтейства, о поиске строительных материалов.

В 1776 году Алексей Наумович Сенявин был уволен в годовой отпуск, а вместо него главным командиром Азовской флотилии был назначен Федор Алексеевич Клокачев, человек энергичный и предприимчивый. Флот Российский, вышедший из азовского мелководья, примеривал новое название –

Черноморский. Днепр, Десна и исходный пункт первых русских морских послемонгольских экспедиций Брянск – стали новыми центрами русского судостроения. 18 февраля 1777 года контр-адмиралу Софрону Борисовичу Шубину был отдан приказ осмотреть днепровские пороги, подготовить и провезти вдоль Днепра строительный лес.

В том же году, когда был подписан мир, Екатерина издала указ для Адмиралтейств-коллегий, обязывающий ее на Днепровском лимане, неподалеку от урочища, называемого Глубокая Пристань, близкого к Александровскому шанцу, построенному в войну, «избрать удобное место для построения гавани, в которой можно было бы поместить не менее 20-ти больших военных судов, устроить все потребное для Адмиралтейства… сделать не менее 20-ти или по крайней мере 15-ти эллингов, так чтобы они были вместе один подле другого, дабы все Адмиралтейство и будущие строения можно было обнести укреплениями». Тогда же и был утвержден здесь по причине отдаленности Адмиралтейской коллегии специальный член коллегии для снабжения повелениями и наставлениями.

В 1778 году по повелению Потемкина в 14 верстах от впадения Ингульца в Днепр окончательно было определено место будущего корабельного города. 18 июня там и был заложен по высочайшему указу город и верфи. После смерти Шубина главным руководителем работ был назначен генерал-цейхмейстер Иван Абрамович Ганнибал. Город наименовали – Херсон (следуя тогдашней моде, названия выводили из древней греческой истории и мифологии). Потемкин определил ему роль столицы Таврии (так пышно обозначили этот южный, не заселенный еще край). Город стал центром управления Черноморским, Азовским и Каспийским флотами. В Херсоне было учреждено Черноморское адмиралтейское правление. Здесь же были заложены корабельные верфи для постройки гребных и парусных судов. Русский флот на Черном море стал ориентироваться на эту свою новую базу и столицу.

24 ноября 1783 года вместо умершего вице-адмирала Клокачева главным командиром Черноморского флота был назначен контр-адмирал Яков Филиппович Сухотин. В инструкциях Потемкина ему было предписано руководствоваться прежними наказами и обратить главное внимание:

«1) на более поспешную достройку заложенных 6 кораблей и доделку адмиралтейского строения; 2) на заготовку лесов и постройку для Черноморского флота 8-ми новых 50-пушечных фрегатов; 3) на принятие всяких предосторожностей от появляющихся повальных болезней».

А болезни вдруг превратились в главного врага на этих землях. В это время и получил свое назначение на Юг, в Черноморский флот, с назначением командиром строящегося в Херсоне корабля № 4 Федор Ушаков. Ему

предстояло принять участие в великой эпопее воссоздания Черноморского флота. Здесь, на Черном море, одержит он свои блестящие победы, здесь столкнется с хитростью и коварством, здесь будет надеяться на высокое покровительство и приобретет признание простых моряков, всех тех, кто пришел осваивать море и его берега.

Не ласковым, теплым, здоровым представало Черное море, а диким, буйным, заросшим по берегам колючим кустарником, с тучами малярийных комаров, оседлавших лиманы и озера. Лихоманка трепала первых поселенцев беспощадно, скоро портилась пища, не хватало чистой питьевой воды. Предстояла гигантская созидательная работа по обустройству и возрождению к жизни обширных земель, по созданию Черноморского флота! Это был великий подвиг нашего народа, равный освоению Сибири, выходу на берега Балтики и Тихого океана. Сколько книг, фильмов, песен, посвященных освоению Дикого Запада, создали американцы? Наша эпопея освоения «Дикого Юга» была не менее героична, захватывающа и впечатляюща, однако как великая эпопея в сознании наших людей не закрепилась.

Русские и украинцы стали основным населением нового края, основным, но не единственным. Быстро осели в его новых городах и поселениях греки и армяне, умевшие бойко и прибыльно торговать. Из Молдавии бежали крестьяне и ремесленники, из подневольных и приграничных областей Сербии пробрались кружным путем через Австрию и Польшу югославяне, из нестерпимого османского ада вырывались болгары и черногорцы, словенцы и боснийцы. На русскую военную службу определялись албанцы-арнауты.

Щедрым жестом пригласила на тучные причерноморские земли немцев, чехов, австрийцев Екатерина. Пользуясь близостью территории, постоянно перемещались из Польши в Новороссию поляки, белорусы, евреи. Словом, утверждался особый тип поселенца – человека из разных национальностей, энергичного, предприимчивого, небоязливого, человека, много умеющего. Но была и разница – иностранцы были в основном люди свободные, то есть незакрепощенные, а русские, украинцы, переселенцы из Белоруссии нередко принадлежали помещикам, имевшим на них «дозволенное Богом и государством право». Вот эти-то обделенные и не обделенные судьбой люди возводили, строили, поднимали российский Черноморский флот. Ему еще предстояло расписаться победами в книге истории, но он сразу стал реальностью, утверждающей новое состояние на Черном море. В его состав входили Донская (Азовская) и Дунайская флотилии и основная его часть, расположившаяся в Крыму и устье Буга. Русский флот появился тут не случайно, проявились «морские гены» предков, дождались они своего часа. Вёсельники Святослава, умные ходоки из «варяг в греки» до самого Константинополя, княжеские галеры оставили после Киевской Руси глубокий

след в народном сознании. Морскую традицию здесь, у Черного моря, сберегли и продолжили донские и запорожские казаки, ходившие на своих «чайках» к Синопу, Трапезунду и Истамбулу. И вот Черноморский флот воссоздавался и создавался вновь.

Не так это было просто – создать флот в безлесных и степных районах, без кадров рабочих, без выработанного веками умения корабельных мастеров, без устойчивого желания всей нации плавать в далекие края. Ведь до моря от центральных районов страны было больше тысячи, двух, а то и пяти тысяч километров, где уж тут свобода в выборе моряков, как говорят ныне, плавсостава. Но тяготение державы, торговых людей, Петровых последователей, вроде бы вполне сухопутных казаков к морским просторам было не случайно. Были тут и объективная необходимость, и жажда новых открытий, и любопытство, и авантюризм, и державные стремления утвердиться прочно на берегах, и восстанавливаемая историческая справедливость. Быстро возрождалась тогда вековечная морская выучка. Моряк и плотник, солдат и строитель, торговец и предприниматель, помещик и купец, архитектор и священник, инженер и офицер пришли на этот полуденный берег империи. Одни искали здесь счастливой доли, другие хотели получить новые земли и людей, одни давали выход своей творческой натуре, другие стремились накопить капитал, одни не верили ни во что, другие истово искали тут подтверждения первоапостольских знаков, одни искали свободу, другие заковывали ее.

Первый орден

Во вновь возводимые дворцы, крепостные бастионы, солдатские казармы, в сырые землянки горожан вползла страшная беда. На просторах Южной России вспыхнула чума. Большего бедствия в XVIII веке не знали. (Да и в предыдущие века тоже.) Ни войны, ни междоусобицы, ни зверства феодалов и деспотов всех мастей не уносили столько жизней, как эта зловещая болезнь.

Затихли, опустели дома в Херсоне, Таганроге, Екатеринославе, Полтаве, Кременчуге, Елизаветграде, Севастополе. Задымили, отгоняя мор, костры, прокуривая одежды каждого, встали у шлагбаумов солдаты, не впуская пришельцев, заработали карантины. Гробы, а то и просто мешки с трупами опускались в неглубокие ямы, с каждым днем опустошая недавно заселенную Новороссию.

Плоды Кучук-Кайнарджийского мира на отвоеванных территориях пожинала смерть, и усилия солдат и полководцев империи в этой войне, казалось, были напрасны.

Рескрипты, приказания, советы о том, как преодолеть опасность, неслись из сановного Петербурга, самого выставившего карантинные посты, на много верст вперед от царских дворцов. Но чтобы исполнить эти указания, нужны были смелые, самоотверженные, организованные командиры.

Ранним летним утром Ушаков выводил из Херсона команду своего корабля в степь. Из середины большого квадрата, по углам которого забивали колышки, прошмыгивали между группами моряков суслики, отбегая дальше в поля. Они становились на холмики и с удивлением смотрели, как люди делали себе на месте их пристанищ широкие норы. Да, землянок Ушаков приказал отрыть много. Для офицеров, для морских служителей здоровых, для тех, у кого есть подозрение к болезни, для больных, для выписавшихся из госпиталя, для карантина. Везде лежали кучи камыша и сухой травы. Недавно прибывший для прохождения службы мичман Пустовалов с удивлением прислушивался к разговору своего командира и пожилого, с обвисшими усами боцмана.

– Ну так как, Петрович, разложим костры по всей линии или в разных местах?

– В разных местах, ваше превосходительство. Чтобы дым зазря не пропадал. У карантина, у гошпитальных, на входе в лагерь.

– Верно, пожалуй. Да еще в центре у палаток основной команды, чтобы здоровые все под дымком были.

– А еще, Федор Федорович, в костры чебреца и душицы добавлять следует. Лихоманка духмяности не любит, она в гнилостях и прелостях себе добычу находит.

– Вот и давай, Петрович, возьми с десяток служителей и поищи чебреца и других запашистых трав по ярам и рощицам.

Вечером в офицерской землянке, полулежа на свежестроганном лежаке, мичман размышлял вслух:

– Не похож наш командир на капитана 1 ранга. С боцманом будто с ровней говорил, а нас в Морском корпусе обучали высоко честь офицера держать, не топтать ее, не снижать.

Дементий Михайлов, корабельный штурман, что вычерчивал за столом какой-то план, не поднимая головы, ответствовал:

– Он ее и не марает. Честь – она сверкать должна, как труба медная, а чистят ее боевым и мирным делом.

Мичман пожал плечами: «Ну это честь, а к чему себя так не блюсти, командиром не выглядеть, команды не слышно. Будто на деревенских посиделках беседу ведет. Сие ни в каких уставах не написано».

Дементий, будто отгадав его мысль, провел под линейкой четкую линию и поднял голову:

– В уставах о том, как служителей сберечь от моровой язвы, тоже не написано. А он сбережет. – Усмехнулся. – Мы тут так будем бегать, да строить, да упражнения делать, что не до чумы будет.

Да, то были не учебные классы, а непрерывный, почти холопский труд с нелегким заданием каждому офицеру и моряку. Горели беспрерывно костры, кипели котлы с горячей водой, разводили в ведрах уксус, сушили на кострах одежду, затем прокаливали и продымливали ее. На козлах постоянно проветривались постели. Воду привозили от Днепра в бочках, сырую командир пить не давал. Изредка легкие взрывы окутывали пороховым дымом весь лагерь. «Пороха-то она, сердешная, боится», – утверждал Ушаков.

«Все кислые-то стали, яко мураши», – похохатывали матросы, обмываясь уксусом. «Да ты трись, трись пошибче, всякая хворость лепетнет», – ворчал боцман, не давая никому улизнуть от ежедневной промывки. Два раза в день докладывал лекарь Ушакову о состоянии команды. Если появлялось покраснение, слезились глаза, вся землянка или палатка становились на легкий карантин, если болезнь не отступала – карантин был полный. Матросам даже разговаривать с соседями запрещалось. Городской госпиталь Ушаков не загружал, а если кто приходил оттуда, то долго выдерживал в карантине и лишь тогда допускал к упражнениям. Позднее он вспоминал: «Все… расположения и наблюдения исполнялись со всевозможным рачением под всегдашним моим присмотром, даже ни один больной человек не только без бытности моей при осмотре лекареком не отосланы в госпиталь или в карантин, но из одной в другую палатку без меня переведены не были…»

Казалось, лишь бы выжить, здесь, на суше, не отойти к праотцам, но его матросы готовились к морским походам: слушали и исполняли команды, вязали узлы, учились забираться на столбы, что поставил он вместо мачт.

Чума не выдержала, отступила и «от 4 числа ноября минувшего 1783 года более уже не показывалась», – писал он позднее в докладной записке.

Петербург, отмечая старание в борьбе с чумой, особо выделил по представлению вице-адмирала Я. Ф. Сухотина, командира морского корабля № 4. Адмиралтейств-коллегия объявила, что «приписывает совершенное свое

удовольствие особливо же капитану Ушакову, отличившемуся неусыпными трудами попечением и добрым распоряжением, чрез то, что он по своей части гораздо скорее успел отвратить опасную болезнь, так что оная от 4 числа ноября больше не показывалась, о чем к нему от Коллегии послать указ…».

Орден Владимира IV-й степени засиял на груди Ушакова. Не за морские сражения, но за битву со смертельной опасностью, за спасение от гибели русских моряков и командиров, всех морских служителей, что скажут еще свое слово в будущих битвах.

Севастополь

Русский военный флот (среднего тоннажа) получил базу в Азовском море и в северо-восточной части Черного моря, а русским торговым кораблям было разрешено плавать там наравне с английскими и французскими. Турецкая верхушка, естественно, не хотела усиления России, не могла перенести независимости Крыма и периодически организовывала мятежные выступления среди крымских татар, подкупая влиятельных мурз. Турецкие корабли, нарушая соглашение, посещали крымские гавани, угрожали десантами. Генерал-поручик Суворов сумел четкими маневрами, угрозой применения артиллерии изгнать из Ахтиярской бухты отряд кораблей Гаржи-Мегмета. Удобная гавань не стала базой для турецкого флота, а Суворов был первый русский командующий, кто оценил ее значение. В 1778 году он же провел блестящую операцию по выселению крымских христиан, в основном греков и армян. Это была акция скорее экономического характера, ибо наносила существенный и даже непоправимый удар по доходам крымского хана, лишала его финансовой опоры. Переселенцы армянского происхождения поселились у крепости Святого Димитрия Ростовского (будущий Ростов-на-Дону) в слободе Нахичевань, а греческие переселенцы – между реками Берда и Кальмиус, где возникли города Мариуполь и Мелитополь.

Турецкие лазутчики в это время всячески провоцировали крымских татар на выступления и вооруженные вылазки против русских войск, но судьба Крыма была уже решена, и в 1783 году он полностью перешел во владения Российской империи, получив наименование Тавриды.

28 декабря 1783 года русский посланник в Константинополе Я. И. Булгаков получил подписанные Портой договоры, признававшие Тамань, Кубань российскими. В договоре Турция отказывалась от притязаний на Крым. Базы русского флота перемещались еще южнее, в центр Крымского полуострова. Пришло время Севастополя. В его судьбе свое веское слово сказал великий Суворов.

«Подобной гавани, – писал он, обращая внимание на удобство Ахтиярской бухты и возможность строительства морской крепости, – не только у здешнего полуострова, но и на всем Черном море другой не найдется, где бы флот лучше сохранен и служащие на оном удобнее и спокойнее помещены были».

«Описная партия» штурмана Ивана Батурина обследовала его в 1773 году.

В Херсоне строились новые небольшие фрегаты, русские корабли, отпугивая турецких лазутчиков и усмиряя мятежных мурз, несли постоянно крейсерскую службу вдоль побережья, приглядываясь к удобной бухте.

Поэтому неудивительно, что 17 ноября 1782 года в Ахтиярской бухте стал на зимовку с фрегатами «Храбрый» и «Осторожный» капитан 1 ранга И. М. Одинцов. Это была первая зимовка русских судов в бухте.

«Начало же Черноморскому флоту, – пишется в книге „Краснознаменный Черноморский флот“, – следует считать май 1783 года. В Ахтиярскую бухту (по названию небольшого селения) 2 мая прибыла эскадра Азовской флотилии под началом вице-адмирала Ф. Клокачева, а 7-го в бухту вошло одиннадцать кораблей Днепровской флотилии. С этого времени морские силы на Юге России стали именоваться Черноморским флотом. В честь его основания в том же году была отлита медаль „Слава России“.

11 января 1783 года Адмиралтейств-коллегий был дан следующий указ:

«Для командования заводимым флотом нашим на Черном и Азовском морях повелеваем тотчас отправить нашего вице-адмирала Клокачева… Адмиралтейств-коллегий долженствует по требованию сего вице-адмирала подавать ему всякое зависящее от нея пособие». Вместе с ним были отправлены произведенные в контр-адмиралы Роберт Дугдаль и Фома Фомич Макензи. В начале марта последний осмотрел Таганрог, Керчь и оттуда с эскадрой прибыл 2 мая в Ахтиярскую бухту, откуда Макензи донес графу Чернышеву: «В сей бухте я нашел два фрегата под командой Одинцова и принял под свое командование». «При сем, – писал Макензи, – не премину я вашему сиятельству донести, что при самом входе в Ахтиярскую гавань дивился я хорошему ея с морю положению, а вошедши и осмотревши, могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани – положением, величиной и глубиной. Можно в ней иметь флот до ста линейных судов, по всему же тому сама природа такие устроила лиманы, что сами по себе отделены на разные гавани, то есть – военную и купеческую. Без собственного обозрения нельзя поверить, чтоб так сия гавань была хороша. Ныне я принялся аккуратно всю гавань и положение ее мест описывать, и коль скоро кончу, немедленно пришлю карту». И далее добавил: «Ежели благоугодно будет иметь ея Императорскому

Величеству в здешней гавани флот, то на подобном основании надобно будет завесть здесь порт, как в Кронштадте».

Фома Макензи по указанию Клокачева находит из числа местных греков строителей, выбирает из команд мастеровых и приступает к строительству. Возводятся казармы, сараи, небольшие флигели для офицеров, помещения для больных, столовые и кухни для экипажей.

Он пишет Чернышеву 2 июля 1783 года: «Нынче мы укрепляемся в Ахтиярской гавани – делаем казармы, магазины; также уже завел маленькое Адмиралтейство… Не могу довольно расхвалить вашему сиятельству удобности Ахтиярской гавани».

Строительство порта, утверждение России шло здесь тяжело. Болезнь косила всех. Не пощадила она главного командира Черноморского флота Клокачева, еле выкарабкался из ее цепких лап капитан Козлянинов и уехал в Петербург. Что говорить о моряках, солдатах, рекрутах, плотниках, всех работных людях. Макензи пишет с тревогой Чернышеву, что он не спускает морские команды на берег, там уже умерло 500 егерей. «Я всего оного избегаю по спасению всего общества, оставил всех господ штаб– и обер-офицеров и служителей на судах, кроме тех, кои у печения хлебов и других надобностей… А притом и для покупки мяса… посылать некого (за оказавшейся в лежащих в близких расстояниях татарских деревнях, даже и в полках великой опасной болезни)».

Однако город строился. Один за одним к еще не выстроенным причалам подходили корабли.

В мае 1784 года Федора Федоровича Ушакова назначают командиром вновь построенного линейного корабля «Святой Павел», командиром другого линейного корабля, «Слава Екатерины», стал граф Марк Иванович Войнович. В Херсоне тогда корабли строились, но не оснащались, их потом на камелях (своеобразных плотах) проводили в пристань Глубокую (ближе к устью Днепра) и там доводили до кондиции. Все лето провел Ушаков в хлопотах, занимаясь проводкой, вооружением, такелажем и парусами, установкой артиллерии. На виду Очакова прошли красавцы-корабли, дали салют русской крепости Кинсбурн и проследовали в Севастополь, с которым накрепко связала судьба великого русского адмирала.

Указ Екатерины II Г. А. Потемкину «устроить… крепость большую Севастополь, где ныне Ахти-Яр» последовал еще 10 (21) февраля 1784 года. Модная греческая топонимика подходила для нового города – «высокий священный город» не раз подтверждал свою славу.[9]

Наверное, некоторым городам с первых дней своего существования предопределена высокая судьба. Они становятся символами в истории, их имена вызывают поклонение и святой трепет. В этом нет мистики, их ореол утверждается мозолистыми руками, острой мыслью, бесстрашным поступком обитателей, их доброжелательным нравом, веселым обликом. А для этого надо, чтобы его жители, строители, его созидатели, защитники, его украшатели любили свой город, желали ему добра, счастья, процветания. Замечательно это стремление сделать свой город самым красивым, самым богатым, самым гостеприимным для друзей и неприступным для врагов. Севастополь сразу замышлялся таким. Архитекторы и вольнонаемные строители, генералы и работающие с утра до утра рекруты, высшие морские чины и торговцы, крепостные мужики и моряки – все приняли участие в том мощном первотолчке, который вывел Севастополь в разряд замечательных городов наших.

Капитан 1 ранга Ф. Ф. Ушаков на линейном корабле «Святой Павел» прибыл в Севастополь, когда окружающие холмы начали желтеть. Морскую деятельность, однако, пришлось отложить. Севастополь строился, и каждая пара рук была на счету. Команда линейного корабля почти вся оказалась на берегу. В те осенние дни русские моряки возводили пристань, были заняты на строительстве домов, складов, казарм. Бережно поддерживая тонкие стволы, высаживали они вдоль наметившихся улиц города яблоньки, каштаны, белую акацию. На стройках и складах, в возводимых помещениях и трапезных – везде успевал тогда четкий, организованный, энергичный командир «Святого Павла».

1786 год промелькнул в делах строительных и непрерывных экзерциициях на корабле. Служители учились выходить на ветер, ставить в жестокую качку паруса, распознавать сигналы. В Севастопольской корабельной эскадре под командованием капитана 1 ранга Марка Войновича все негласно признавали, что на «Святом Павле» самый расторопный, дисциплинированный и умелый экипаж, самые четкие, понимающие, знающие свое дело командиры, самый неугомонный, блистательный и энергичный капитан. Признавали негласно, ибо Марк Иванович считал, что вышеуказанные достоинства присущи лишь ему. Ушаков сделал все, чтобы «Святой Павел» стал лучшим кораблем в эскадре. Участвовал он и в практических плаваниях, приучал офицеров и служителей к «эволюции разных движений». Однако в чинах пока повышались другие. После кончины Макензи командовать наличной Севастопольской эскадрой, портом заступил М. Войнович, ставший в 1787 году контр-адмиралом. Старшим членом Черноморского адмиралтейства стал капитан 1 ранга Николай Семенович Мордвинов, получивший звание контрадмирала.

Потемкин, Новороссия и флот готовились к встрече императрицы – надо, чтобы ее встречали собственные адмиралы.

Во здравие нового флота!..

Те, кто участвовал в этом грандиозном спектакле-путешествии, и те, кто наблюдал за ним из-за моря и из дальних столиц, имели свои, и причем совершенно различные, представления о его целях и о его результатах.

Екатерина II, двигавшаяся во главе кавалькады карет, кибиток, повозок, фур, утверждала итоги своей южной политики, закрепляла в основной части империи этот Новороссийский край, окончательно затягивала узел союзнических отношений с Цесарией, она же хотела убедиться в реальности Черноморского флота державы.

Потемкин добивался и добился, чтобы при императорском дворе убедились в пользе Отечеству, которую принес он своей бурной и энергичной деятельностью в Причерноморье. Он стремился, чтобы финансирование начинаний по заселению и обустройству новых земель не прекратилось, пошло на пользу краю (ведь и все путешествие официально было названо “путь на пользу”), чтобы зарубежные, а пуще петербургские политики ощутили и увидели новый фактор решения многих вопросов – Черноморский флот. Еще он хотел этой демонстрацией предостеречь Турцию от военных выступлений.

Его римско-императорское величество Иосиф II, то бишь австрийский император, путешествовал инкогнито под именем графа Фалькенштейна. Он второй раз выходил на тайную встречу с русской императрицей в этом качестве, впрочем, о том при всех европейских дворах было известно. Иосиф устремлял свои вожделения на Балканы и полагал получить поддержку в этом в поездке, он жаждал приобрести Дунай до самого устья, выйти на Черное море, где соперником его морских устремлений неизбежно становился бы русский флот. Он не знал до конца силу и возможности России и хотел убедиться в этом лично.

Особо внимательно следили за перемещением русской императрицы, получая сведения от своих шпионов из Крыма, от бывшего посла Франции в Петербурге Шуазель-Гуфье, от англичанина Гексли и прусского дипломата Дица из султанского Сераля в Константинополе.

Ведь ее движение к югу не оставляло сомнения в окончательном характере Кучук-Кайнарджийского мира, фактически превращало озеро турецких султанов в международное Черное море, закрепляло Крым за Россией, объявляло о реальности русского южного флота. Торговать или воевать, жить в мире или стремиться к войне? У каждой позиции в Турции была своя партия. Какая победит в результате поездки северной правительницы?

Французский посланник граф Сегюр хотел разгадать планы России, почувствовать силу ее южного устремления, установить сферу действия ее флота, предотвратить угрозу интересам Франции, предостеречь Париж от излишне дружелюбных объятий с Турцией. Амбиции Версаля в восточном Средиземноморье были высоки и устойчивы, но там и не предполагали, что через два года после штурма Бастилии весь созданный умелыми и искусными дипломатами порядок рухнет. Тогда же, в 1787 году, Франция была одним из главных закулисных действующих лиц в политическом театре восточной политики, и ее посол – немаловажная фигура в блестящем путешествии.

Английскому послу Фицгерберту было тоже непросто. Усилить Францию союзом с Россией было бы самой большой неудачей британской дипломатии. Союз Турции с Францией и столкновение их с Российской империей были более предпочтительны, хотя и опасны в случае успешных действий, ибо укрепляли бы французское присутствие в Константинополе.

Внимательно приходилось следить и за складывающимся венско-петербургским союзом, определять его слабые места. Имелся и практический расчет в этом путешествии: изучить возможности новых торговых связей.

Фицгерберт имел еще одну постоянную задачу британского дипломата: знать все о флотах других держав. О русском южном флоте после Чесмы в Англии говорили немало, но он являл собой тогда фактически флот Балтийский. Было ли что-нибудь достойное внимания британцев по морской части у русских на Черном море, предстояло узнать в поездке.

Итак, Черноморский флот России становится предметом интереса и изучения для различных стран, царствующих особ, дипломатов, торговцев, шпионов. Но был ли он? Не плод ли это химерической и необузданной фантазии светлейшего? Не обман ли это корыстолюбивых и плутоватых подрядчиков и купцов? Не миф ли это, созданный при дворе императрицы, чтобы принудить быть более сговорчивыми соперников?

…Промелькнул Киев, подивил Кременчуг, временная столица необъятной Новороссии. Обозначил контуры будущего прекрасного города Екатеринослав. Кругом была необъятная степь. Лишь в Херсоне пахнуло морем. У городской пристани стояли, расцвечиваясь флагами, многочисленные фелюги, шаланды, барки армянских, греческих, польских, мальтийских купцов, гордо трепетал флаг Франции, вызвав восторг у графа Сегюра. Над Днепром высилось новенькое Адмиралтейство, на стапелях ребрились остовы строящихся кораблей.

– Ныне тут пребывает наше Черноморское правление флотом и центр кораблестроения, – с удовлетворением пояснила императору Цесарии Екатерина.

Иосиф II исподлобья смотрел на не нанесенный еще на австрийские карты город, на форштадт, арсенал, на высокие дома с затейливыми балконами, на новую верфь, где готовились к спуску корабли. У него нарастала уверенность, что войну с турками, имея такого жизнедеятельного союзника, он выиграет. Рядом с уверенностью билась и тревога: такой сосед, к которому тяготеет и множество его славянских подданных, опасен. Тревогу несколько рассеял широкий жест хозяев, спустивших на воду фрегат его имени. За два часа пребывания венценосных особ там на верфи шлепнуло днищем о водную гладь Днепра еще два корабля: «Владимир» и «Александр». В головах дипломатов вполне могла зародиться мысль о «показательном» спуске, но она же быстро сменялась и другой: корабли здесь делать умеют.

Впереди был Севастополь…

Дом адмирала Макензи по указанию Потемкина разукрасили отменно. Стены внизу до окон были отделаны орехом, сверху спускался малиновый и зеленый штоф. На окнах от ветерка шевелились разукрашенные цветами шелковые занавески. Травой бархатистой должна лечь к ногам входящей царицы темно-зеленая заморская материя. Зеркала невиданных изгибов отражали свет тысячи свечей. От пристани со двора протянулся высокий деревянный настил с металлическими перилами. Вдоль него на пеньковых веревках висели всевозможные украшения – флажки, ленточки, звезды, освещаемые позолоченными фонарями. «Дабы слить голубизну вод с императорским дворцом», от самой пристани до двери было постлано тонкое синее сукно. То же самое сделали и в Инкерманском дворце, где от Графской пристани (с нее обычно садился в шлюпку граф Войнович) тянулись ко дворцу такая же голубая дорожка и украшения.

Туда-то и двинулась из Бахчисарайского (бывшего ханского) дворца блестящая кавалькада…

Гофмейстер громко объявлял вошедших под музыку во дворец особ:

– Князь Потемкин-Таврический!

– Принц Де-Линь!

– Принц Нассау!

– Граф Концебель!

– Граф Сегюр!

– Посол его величества короля Англии Фицгерберт!

– Графиня Браницкая!

– Фрейлина Чернышева!

– Губернатор Новороссии Синельников!

Взору вошедших открылась живописная Инкерманская долина со скалами, в которых было высечено несколько церквей, на севере виднелись местные вечнозеленые лиственные леса. Западная сторона была задрапирована. Екатерина приличествующим ей царским жестом пригласила за стол, все уселись лицом к стене. За позолоченным рядом стульев выстроился ряд позолоченных лакеев с подносами, заполненными бокалами с шампанским. Потемкин махнул рукой, драпировка западной стороны упала, грянули пушки и музыка, с гомоном взметнулись над дворцом птицы. Но еще больший гомон пронесся над столами. Взору знатных путешественников открылась незабываемая картина: в Севастопольской бухте выстроились боевые морские корабли, являя величественную картину нового флота державы.

– Три линейных корабля, двенадцать фрегатов, три бомбардирских судна и пятнадцать, нет, двадцать мелких, – вел подсчет давний знаток морского дела Фицгерберт.

– Да они же через двое суток могут оказаться у стен Константинополя, – склонился к Концебелю Сегюр.

– Браво! Неаполь говорит: браво! – воскликнул посланник монархов Королевства двух Сицилии.

Иосиф II два раза прошелся подзорной трубой, услужливо предложенной Потемкиным, вдоль рядов выстроившихся кораблей, устало отложил ее и, приподнявшись, поклонился Екатерине. Все зааплодировали. А та, чрезвычайно довольная произведенным впечатлением, ласково взглянула на Потемкина, встала и, дождавшись, когда лакеи поставили перед каждым по бокалу шампанского, торжественно воскликнула:

– Выпьем за здравие нового Черноморского флота России!

***

После обеда состоялся осмотр флота. На катере императрицы и Иосифа сидели двухметровые молодцы в белых шелковых рубахах и довольно неуклюжих круглых белых шляпах, на которых развевались перья и блестели

вызолоченные вензеля Екатерины. На руле катера стоял капитан 2 ранга Селивачев с серебряной через плечо цепью, на которой висела серебряная боцманская дудка. Кейзер-флаг Потемкина, долженствующий означать его начало над флотом, был поднят на линейном корабле «Слава Екатерины», которым командовал бригадир Алексиано. Рядом был «Святой Павел» под командованием Ушакова, «Мария Магдалина» – Тизделя, «Святой Андрей» – Вильсона, «Осторожный» – Берсенева и другие. Весь флот на рейде был под флагом контр-адмирала графа Войновича.

Моряки в белых одеждах с зелеными кушаками встали на реях кораблей и кричали «ура!». На «Славе Екатерины» сама Екатерина махнула рукой, и 31 залп салюта оповестил дипломатов, советников, соглядатаев из всех свит о реальности и мощи русского флота.

После осмотра на Графской пристани ее встречал Войнович с капитанами и обер-офицерами, со съехавшими с кораблей купцами, с именитыми жителями города.

– Пусть представят всем капитанов! – потребовала императрица во дворце. К длинной софе, где она сидела, подводили и представляли морских капитанов, командиров воинских, начальников разных служб. Когда подошел Ушаков, она представила его Иосифу сама:

– Сей знатный наш мореплавец в Средиземном море ходил, как на лодочную прогулку. Ему это милее, чем яхты знатные чистить. Бурь не боится, по глазам видно.

Ушаков поклонился и четко ответил ей по-французски:

– Моряки, ваше императорское величество, отправляются в море, не заботясь о бурях.

– Я же придерживаюсь того взгляда, – начал Иосиф по-немецки, – что морское искусство подвинуло далеко любовь к барышам. Куда только не уплывают за наживой морские капитаны.

Ушаков вспыхнул, Екатерина с любопытством посмотрела на него: «Что скажет капитан?»

Тот с вызовом взглянул на Иосифа и тщательно подобрал немецкие слова:

– Один итальянский купец поведал мне мысль о том, что весело смотреть на море и на бури с берега…

По лицу Екатерины пробежала тень, Ушаков, однако, закончил без смущения:

– Не потому, что нас радует чужая беда, а потому, что она далеко от нас…

– Вы правы, капитан, – уже величаво взглянула Екатерина. – Для многих земля – мать, а море – мачеха. У вас же, кажется, наоборот. Ну что ж, будьте удачливы там больше, чем на суше.

…Поутру у входа в церковь святого Николая посланник Мальтийского магистра вручил Екатерине букет ярких редких цветов и ветвь пальмы, как покорительнице Таврии.

– Пальму вам, князь, по праву, – протянула она ветвь Потемкину, – а вот цветы уместны у ног святого Николая, да хранит он русских моряков!

Она перекрестилась и положила цветы к иконе. Ушаков истово молился вместе с разными чинами, приглашенными на молебен, думал об исполнении долга и отгонял нахлынувшие воспоминания.

Начало второй войны с турками

Неизбежность войны не была столь очевидной в России в 1787 году, да и «блистательная» поездка Екатерины на Юг подтверждала это. Потемкин требовал проявлять дружелюбие к турецким капитанам, дипломатам, купцам. Были отданы распоряжения, что с ними следует обходиться «сколь можно ласковее, уклоняясь от малейшего повода к распре и оскорблению, оказывая при том им всякую справедливость и снисхождение».

Однако уже с середины 1787 года из Константинополя от русского посланника Я. И. Булгакова идут крайне тревожные сообщения об активной деятельности при дворе антирусской партии, возглавляемой великим визирем. Султан ведет себя нерешительно, не откликается на призывы выступить в поход, однако посол считал, что сторонники визиря спровоцируют где-нибудь на границе, скорее всего у Очакова, драку и «сложа вину на нас, вынудят двор к войне». Старший член Черноморского правления контр-адмирал Н. С. Мордвинов отдает распоряжения приступить к срочной подготовке и обороне и защите Севастополя. Вход в бухту был закрыт старыми фрегатами и бомбардирским кораблем, который был превращен в плавучую батарею.

Второй и третий отряд Черноморского флота под командованием капитанов бригадирского ранга П. Алексиано и Ф. Ф. Ушакова после плавания у берегов Крыма 1 августа возвратились к Севастополю и встали на внешнем рейде. Был отдан приказ принять на корабле полный припас снаряжения и воды.

…Мудрый и всевидящий Яков Иванович Булгаков шел на заседание Дивана, понимая, что случилось непоправимое: возобладала партия войны. С истерией в голосе великий визирь потребовал возвратить Крым, отказаться от Кучук-Кайнарджийского договора, запретить Черноморский флот России, иначе… Усталым (в эти дни сжигались все секретные бумаги, отправлялись последние сообщения в Петербург, Херсон, Кременчуг), но твердым голосом Булгаков отверг требования и тут же был препровожден в страшный Семибашенный замок – Еди-Куле, предназначенный для врагов султана. Девять лет назад там уже сидел русский посол Обресков, что означало тогда начало первой войны с Турцией при Екатерине. И сейчас, 13 августа, Турция объявила войну России. По-видимому, после прибытия первого сообщения в Очаков турецкий флот перекрыл лиман. Русские корабли тоже приготовились к бою. Мордвинов понимал, что, уничтожив эти корабли, турки могут высадить десант в Глубокой Пристани, захватить Херсон.

Вдоль Днепра вытянулись суда всех типов, которые способны были нести пушки. Вскоре к ним подтянулись из устья лимана фрегат «Скорый» и бот «Битюг», отбившиеся от преследователей.

Потемкин, Мордвинов, все морские командиры восприняли их переход как большую победу. Но до этого было еще очень далеко. Войнович же получил от Потемкина записку такого содержания: «Подтверждаю Вам собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемо от храбрости и мужества Вашего и подчиненных Ваших. Хотя бы всем погибнуть, но должно показать всю неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявить всем офицерам Вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы то ни стало, хотя бы всем пропасть».

Начало войны для русского флота было, как всегда, неожиданным. Не хватало морских служителей, артиллерии, боеприпасов, надо было срочно доукомплектовываться. Суворов передал триста канониров во флот, на шаткую палубу вступили в качестве моряков солдаты морских команд, что высаживались в качестве десантов с кораблей. «Они-то хоть на море бывали», – посчитал Мордвинов. И тут же разработал план внезапного нападения на турецкий флот у Варны. Ему хотелось давно утвердиться не только в качестве старшего члена Черноморского адмиралтейского правления флотом, но и фактическим его главнокомандующим, победоносным флотоводцем. Он предложил Потемкину на утверждение план нападения на турецкий флот, но не у Очакова, как можно было ожидать, а у Варны. В этом несколько авантюрном плане был задействован и элемент внезапности, возможность уничтожить флот на рейде, ибо спрятаться в Варненской гавани за огнем береговых батарей не было возможности.

Потемкин и его окружение план поддержали. Приближенный к князю и знающий досконально его настроение, начальник канцелярии полковник В. С. Попов отписал Мордвинову: «Вам представляется честь встревожить султана в его серале… Кажется, турецкие силы не страшны, когда фрегат и бот не потрусили целого флота». Не лучшую службу сыграло мужественное сражение «Скорого» и «Битюга» для реального представления о турецком флоте. Однако для того, чтобы быть справедливым, следует сказать, что поражение русскому флоту нанес не флот турецкий. Поражение пришло от недоброкачественного строительства, неумелости в действиях команд и командиров, от жесточайшей бури, разметавшей и разломавшей корабли. Севастопольская эскадра в составе трех 66-пушечных кораблей («Слава Екатерины», «Святой Павел», «Мария Магдалина»), а также семи других военных судов 31 августа взяла курс на юго-запад. Контр-адмирал Войнович, который возглавлял эскадру, тоже был настроен оптимистически и, естественно, хотел победоносно завершить этот поход, чтобы беспрекословно утвердиться в звании командующего Севастопольской эскадрой. В ответ на робкие пожелания переждать ветры и волнения он высокомерно сказал: «Слова ваши – бабьи сказки, я надеюсь на моих капитанов». У знаменитого и трагического для русского флота мыса Калиакрия эскадра встала в дрейф. А дальше случилось непоправимое.

«Шторм с дождем и превеликой мрачностью обрушился на эскадру. Ломались, как соломинки, мачты, разлетались в клочки паруса, разрывались ванты. Корабли разметало по морю, кое-кто отдался воле волн, кое-кто пытался развернуться по ветру и двигался в юго-восточном направлении, то ли к Тамани, то ли к Синопу. „Мария Магдалина“ уже в первый день осталась без мачт. „Святой Андрей“ лишился их на второй день.

Пушки, бочки с солониной, переплетенные канатами куски мачт, щиты и переборки – все это носилось по палубам, налетало друг на друга, создавало смертельную круговерть, сбивая и калеча людей. Флагманский корабль «Слава Екатерины» стал тонуть, вода поднялась в нем на три метра. Помпы, ведра, ушаты не помогали. Поломался даже румпель. За борт летело все, что облегчало корабль. Море поглотило мебель, бочки, доски, ядра. В дар Посейдону были выброшены штабные бумаги, карты с диспозицией несостоявшегося сражения и даже разукрашенная бриллиантами табакерка Екатерины, подаренная Войновичу за расторопность при управлении императорской шлюпкой. В тот же раз Войнович расторопности не проявил и, казалось, уже готовился к последнему часу. Спасла расторопность и храбрость офицера Дмитрия Сенявина, освободившего судно от сломанной мачты.

Последствия бури были катастрофическими. Полуразрушенную «Марию Магдалину» отнесло к Босфору с 400 членами экипажа в качестве первого боевого трофея турок, англичанин – наемный капитан Тиздель сдался туркам.

Исчез в пучине фрегат «Крым», жалкое зрелище являла собой эскадра, собравшаяся к 22 сентября на севастопольском рейде. С одной мачтой, с переломанными перегородками, с наполненными водой трюмами, стояли «Святой Павел», «Святой Андрей», «Перун», «Святой Георгий» и «Стрела». Неведомой силой дотянул в гавань корабль «Слава Екатерины», лишившийся всех мачт и двигавшийся под рангоутом, изготовленным из остатков запасных стеньг и реев, лишь фрегат «Легкий» сохранил все три мачты.

«Корабли и 50-пушечные фрегаты, о которых никогда не сумлевался, каковы они теперь, страшно на них смотреть», – жалостливо докладывал Мордвинову невезучий контр-адмирал Войнович.

Крым, все побережье было открыто для противника, а неначавшаяся военная морская кампания была проиграна.

Потемкин растерялся, впал в панику, написал Екатерине: «Я стал несчастлив. Флот Севастопольский разбит… корабли и фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки». Посчитав Крым беззащитным, он решил сдать его. Окружению Потемкина, Попову, Суворову, пришлось приводить его в себя, строго одернула светлейшего и Екатерина. Крым не сдавать, ибо… «куда же тогда девать флот Севастопольский? Я надеюсь, что сие от тебя писано в первом нервном движении, когда ты мыслил, что весь флот пропал». С мистическим фатализмом она подбадривала князя: «То ли еще мы брали, то ли еще теряли». Через некоторое время Потемкин снова был хладнокровен, энергичен, полон планов и надежд, как раньше. Стал приглядываться к морским командирам, явственнее увидел заносчивость, отсутствие должной практики в отечественном флоте у Мордвинова, разглядел за внешней решительностью страх дальних походов, робость в командовании у Войновича. И все внимательнее приглядывался Потемкин к командиру «Святого Павла» Федору Ушакову. «Есть же моряки храбрые», – уверял он всех. Да, таковы были.

В баталиях, развернувшихся вокруг Очакова, флот активно не участвовал. Да и корабли, присланные из Херсона, предписания атаковать турецкий флот не имели. Вот тут-то и отличился мальтиец офицер русской службы Джулио Ломбарда. Он, не ожидая приказаний, на галере «Десна» атаковал вражескую эскадру. Турки от такой предерзостной выходки опешили, снялись с якорей, подошли под стены крепости. Неустрашимый ход бесстрашного судна вызвал у них в памяти чесменские видения. «Десна», проведя успешную стрельбу по кораблям и крепости, невредимая возвратилась к Кинбурну. Мордвинов, любивший во всем однолинейный порядок, хотел отдать Ломбарда под суд. Суворов выразил восхищение и послал рапорт Потемкину, тот наградил храброго капитана «Георгием» IV степени и произвел его в лейтенанты. Но, пожалуй, эти вылазки, которые «Десна» производила и позднее, были самым

большим успехом русского Лиманского флота. По требованию Потемкина Мордвинов разработал тщательный и подробный план атаки на турецкие корабли. Турки, однако, упредили действия флота и атаковали Кинбурн. План не осуществился. Не осуществился и второй замысел контрадмирала. Попытка с плавучей батареи зажечь брандс-кугелями турецкие корабли и повторить Чесму сорвалась, плавучая батарея капитана 2 ранга А. Веревкина была поражена турецкими ядрами и оказалась отнесенной течением к Гаджибею, где и была захвачена противником. Русские корабли уныло постреляли в течение двух дней в сторону турецких, а затем флотилия противника, увидев слабость, нерешительность и вялость русской эскадры, ушла на зимние квартиры в удобные гавани на безопасные стоянки.

Морская победа у Мордвинова не состоялась, «верный успех», который он обещал Потемкину, не получился. По-видимому, это в немалой степени повлияло на решение князя возвратить Мордвинова от действующего флота в Херсонское адмиралтейство, на лиман же был командирован Ф. Ф. Ушаков, который прибыл в Херсон в конце октября 1787 года. Однако Мордвинов постарался его быстро отправить обратно в Севастополь, командовать же лиманскими эскадрами стали довольно авантюрные и беспардонные храбрецы принц Нассау-Зиген и французско-американский корсар Поль Джонс.

Севастопольская эскадра зализывала свои раны. Особенно энергично действовал корабельный мастер Катасонов, проводя ремонт и усовершенствование кораблей. К лету армия Потемкина двинулась к Очакову, светлейший князь понимал его ключевое значение для всей системы обороны турок на юге. Туда же подошел и турецкий флот. После Чесменского поражения он отстроился, обновился и в начале 1788 года состоял из 20 линейных кораблей, более чем 20 фрегатов. Командующий капитан-паша Гасан был человеком хладнокровным, настойчивым и решительным.

В это время развернулась новая волна южного отечественного кораблестроения.

В Херсоне в 1788 году строились пять катеров и дубель-шлюпки. В имении Потемкина Мошны в Смелянском графстве также приступали к постройке плавбатарей и дубель-шлюпок. Вспомнился опыт азовских новоизобретенных кораблей, и Потемкин потребовал создать и для лимана легкие суда, «которые бы могли ходить отчасти в море, неся большие пушки и мортиры».

В это время разворачивал строительство запорожских лодок в Кременчуге будущий строитель Николаева промышленник и полковник Михаил Фалеев.

Фидониси, взошедшая звезда

Ушаков знал, что Потемкин засыпал Войновича требованиями выйти в море для решающей схватки с турецким флотом. Тот тянул, ссылался на недоделки, благо и корабельники говорили об этом… Катастрофу флота у Калиакрии в прошлом году объяснил Потемкину дурными качествами своих судов. «Не было никаких недостатков в рачении, ни в усердии, ни в осторожности, ни в искусстве; а все произошло от слабости судов и снастей». И, уже осмелев, заявлял везде: «Хоть шторм прежестокий был, но если бы все крепко было и качество судов лучшее, все устояло бы». Однако чувствовал, что второй раз светлейший его не простит, не оправдает, и явно трусил, выискивал причины, чтобы оттянуть выход эскадры. Неуверенность передавалась экипажам, необстрелянным офицерам. И лишь Ушаков времени не терял, дни и ночи проводил на корабле – учил, учил, учил.

Особенно требователен был к канонирам, ко всем, кто с порохом и ядрами имел дело.

18 июня 1788 года Войнович решился. Осторожно вывел эскадру в море, последовал с ней к северо-западу, чтобы напасть на турецкий флот, находившийся у Очакова. В эскадре было два линейных корабля и десять фрегатов. Ушаков понимал, что фрегаты маломощны. В европейском флоте мало кто решился бы поставить их в линию против настоящих боевых линейных кораблей. Да еще шлейф малых шебек, корсарских судов, кирлимгачей сопровождал русскую эскадру. Кораблей вроде бы и немало, но ясно, что их огневая мощь скудна.

Ушаков возглавлял авангардию, за ним на «Преображении» (после конфузливого штормового погрома «Славу Екатерины» было приказано переименовать) граф Войнович. Он фактически передоверил командование и принятие решений Ушакову, приглашая того для совета.

1 июля Войнович пишет: «Любезный товарищ. Мне нужно было поговорить с вами. Пожалуйста, приезжай, если будет досуг. 20 линейных кораблей насчитал!»

Русская эскадра при неблагоприятном ветре проследовала в отдалении от Очакова и после Гаджибея у острова Фидониси увидела усиленный турецкий флот. 17 линейных кораблей, 8 фрегатов и масса малых судов заставили Войновича уже просто взывать к Ушакову.

2 июля: «….Я думаю, друг мой, что ввечеру нам поворотить через контрмарш[10] к берегу. На сие согласимся после. Авось Бог даст ветру от берега и взять бы у него с наветра – так и сомнения бы не было. Тут только три

корабля хорошо снабжены людьми; а прочее все у них сволочь. На абордаж у нас не возьмешь – люди хороши и подерутся шибко. Наши храбростью им не уступят. Сегодня, думаю, он не подойдет, ибо будет поздно, но завтра рано надобно быть готовым да и ночью осторожным. Если подойдет к тебе капитан-паша, сожги, батюшка, проклятого! Надобно нам поработать теперича и отделаться на один конец. Если будет тихо, посылай ко мне часто свои мнения и что предвидишь? Будь здоров и держи всех сомкнутых, авось избавимся».

Ушаков, однако, избавиться от боя не желал. Видя, что турки выстраивают линию боевых кораблей, прикинул в уме: у них 1110 орудий, у нас всего 550. Да и калибр наш меньше, металла в русские корабли турки будут посылать почти в три раза больше. По всем статьям – силе кораблей, мощи артиллерии – русская эскадра уступала противнику. В случае же абордажной схватки десять тысяч человек с турецких кораблей имели неоспоримое преимущество перед четырьмя тысячами человек русского экипажа.

И тем не менее утром 3 июля Ушаков решительно повел авангардию на сближение. Дул тихий северо-восточный ветер. Турецкий флот лежал на ветре у Ушакова, и он решил выиграть ход у передовых турецких судов. «Святой Павел» и два его передовых фрегата отнюдь не держали строй, а шли как бы в авангарде у неприятеля. Ушаков решил обойти голову колонны и поставить турок в два огня. Гасан-паша был человек опытный: поняв грозившую ему опасность, тоже приказал прибавить паруса. Турецкие корабли оказались легче в ходу, и передовые из них сблизились с авангардней Ушакова. Другие суда вытянулись в длинную рассыпанную линию. Началась канонада. – Стрелять ближними прицельными выстрелами! – приказал Ушаков. Артиллеристы старались отменно: рвались снасти, летели ошметки полотна, в бессилье обвисали паруса у турецких кораблей. Три первых из них сделали оверштаг – поворот на другой галс и пошли прочь. Гасан-паша был вне себя, когда увидел сей позорный маневр своих капитанов. Он отдал им приказ: повернуть снова в бой и для выражения своих чувств велел ударить по своим бежавшим кораблям ядрами. Не помогло! Да и не до бежавших было, сам Гасан уже вступал в схватку с Ушаковым. Он еще не знал тогда, что это будущий могильщик турецкого флота, и с яростью набросился на корабль капитана русского авангарда. Ушаков недаром обучал своих моряков и артиллеристов: они творили чудеса, держа скорость и прицельно поражая ядрами флагмана турок. Вся корма у того была разворочена: ход падал. Он вынужденно устремился на юг от молниеносного корабля русских. Его флот сделал это еще раньше, уйдя в темноту южной ночи. Ушаков еще преследовал турок, потопил шебеку, затем повернул к своим. Войнович был в восторге.

«Поздравляю тебя, батюшка Федор Федорович. Сего числа поступил ты весьма храбро. Дал же ты капитан-паше порядочный ужин. Мне все было

видно! Сим вечером, как темно сделается, пойдем… к нашим берегам. Сие весьма нужно, вам скажу после. А наш флотик заслужил чести и устоял против этакой силы! Мы пойдем к Козлову: надобно мне доложить князю кое-что. Прости, друг сердечный, – будь, душенька, осторожен, чтобы нам сей ночью не разлучиться. Я сделаю сигнал о соединении: тогда и спустимся».

Ушаков подсчитывал потери, их почти не было. Ни одного убитого! Такое редко бывает в выигранном сражении.

А наутро вдали замаячил турецкий флот. Ушаков готовился к новому бою, и Войнович запричитал: «Друг мой, Федор Федорович, предвижу дурные нам обстоятельства. Сегодня ветер туркам благоприятствует… Дай мне свое мнение и обкуражь! Как думаешь, дойдем ли до гавани? Пошли к фрегатам, чтобы поднимались к ветру. Да сам не уходи далеко очень – сам ты знаешь!»

Турки же, однако, сочли за благо уйти в сторону Варны. Эскадра возвратилась в Севастополь, и уже никакие просьбы Потемкина не заставили Войновича вывести ее в море. То он жаловался на болезни экипажа, то на повреждение судов, то на волнения в Крыму, то на ветры неблагоприятные. Не спешил встретиться с противником командующий Севастопольской эскадрой.

Победа же Ушакова взбудоражила Потемкина – можем сражаться и выигрывать!

Выбирая командующего

Дело Азовско-Черноморского флота начал Алексей Наумович Сенявин, первым командующим Черноморским флотом стал вице-адмирал Федор Алексеевич Клокачев, что умер в 1783 году в Херсоне от гнилой горячки. После Клокачева главным командиром Черноморского флота стал Яков Филиппович Сухотин с производством его в вице-адмиралы. Необжитые края, необустройство городов, однако, ему не нравились, и он стремился на Балтику и с удовольствием написал И. Г. Чернышеву 3 ноября 1785 года:

«Я сего же месяца, 1-го числа имел счастье получить от князя Григория Александровича, через прибывшего сюда определенного в Херсонское черноморское адмиралтейское правление старшим его членом флота г-на капитана Мордвинова повеление, чтобы мне сему правлению перепоручить все вообще команды адмиралтейские, в Херсоне находящиеся, а потом возвратиться к С.-Петербургской команде, то есть к прежней моей питомице Государственной Адмиралтейской коллегии…»

В Севастополе в то время занимался обустройством Макензи, англичанин, служивший на русском флоте с 1769 года. Потемкин и к нему

приглядывался, но уж больно суеверным был этот строитель Севастопольского флота, оттого и умер скоропостижно. Сенявин рассказывал:

«31 декабря[11] во весь день было веселье у адмирала Макензи. После роскошного обеда – прямо за карты и за танцы; все были действующие, зрителей никого, и кто как желал, так и забавлялся. За полчаса перед полночью позвал к ужину в последнюю минуту перед Новым годом, рюмки все налиты шампанским, бьет двенадцать часов, все встают, поздравляют адмирала и друг друга с Новым годом, но адмирал наш ни слова, тихо опустился на стул, поставил рюмку, потупил глаза на тарелку и крепко задумался.

Сначала всем показалось, что он выдумывает какой-нибудь хороший тост задать, а потом скоро приметили, что пот на лице выступил, как говорится, градом; все начинали его спрашивать, что вам сделалось, что вам случилось? Адмирал, сильно вздохнув, сказал: мне нынешний год умереть, тринадцать нас сидит за столом. Тут все пустились его уверять, что эти приметы самые пустые, все рассказывали, что со всяким это случалось по нескольку раз и все остались не только живы, но и здоровы. Наконец адмирал заключил, что умереть надобно, необходимо, но надобно также и рюмку свою выпить, благодарил всех и всех поздравил с Новым годом и рюмку свою выпил начисто, как бывало с ним всегда. Встали из-за стола, принялись веселиться, да что-то все не клеилось. Адмирал мой сделался очень скучен, однако не оставил между тем, чтобы не нарядить себя в женское платье и представить старую англичанку, танцующую менуэт, – это была любимая его забава, когда бывал он весел… На другой день адмирал был очень скучен, вечером только у графа Войновича несколько развеселился, остальные святочные вечера проводили довольно весело, и так весело, что адмирал мой забыл было, что недавно ужинал сам тринадцатым. Как вдруг 7-го числа на вечере адмирал занемог, а 10-го поутру скончался. Мне сердечно было его жаль». Да и Потемкину жаль было весельчака-адмирала. Содрогнулся от торжества приметы, сам бывал суеверен, но власти суеверию над собой не давал.

Внимателен был Потемкин и к Мордвинову. Этот педантичный офицер «отличнейших познаний» был приглашен им в 1785 году в Херсон и назначен старшим членом Адмиралтейского правления. Отца его, известного адмирала, хорошо знали во флоте как создателя книг по навигации, специальных каталогов и таблиц для мореплавателей. Его особый компас со стрелкой, натертой искусственным магнитом, применяли на многих отечественных кораблях. Отец был яростный поклонник Петра, непреклонный сторонник российских обычаев и традиций. Сын же, после того как побывал в Великобритании, стал страстным англоманом. Англия поразила его. Оттуда он вывез жену, которая покорила его сердце, книгу Адама Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов», которая покорила его разум, и веру в

превосходство английских порядков, покоривших его воображение. Его возвышенные общественные устремления не соответствовали российской действительности, не привели к изменениям во флоте, да он втайне и чувствовал, что флотоводцем большим не являлся. Его чопорность и английский педантизм нередко выглядели пренебрежением к сотоварищам и коллегам по службе, вызывали раздражение, а столкновения с неблизкими его сердцу российскими порядками привели к унылости и нервозности. Рассорился с екатеринославским губернатором Каховским, принцем Нассау-Зигеном, командиром Лиманской и позднее Дунайской флотилии Де Рибасом.

Когда секретарь Потемкина посоветовал Мордвинову быть более выдержанным, тот пришел в раздражение и резко ответил ему: «Не научайте меня притворству… у меня врагов много». Почувствовав, что с флотом и порядками не управляется, подал в отставку. Потемкин снисходительно его увещевал: «Вы еще молоды, а потому и споры. Поступок ваш меня постращать был излишний, и если бы я не столь к вам доброхотен, то смеялся угрозою отставки», пообещал даже ему командование над флотом в Греческом Архипелаге. Однако в Архипелаге русского флота не предвиделось, и Мордвинов ушел в отставку (как оказалось, ненадолго).

В Севастополе командующим над наличным или действующим флотом и портом стал старший из судовых командиров капитан 1 ранга Марк Иванович Войнович, серб на русской службе. В мае 1787 года он и Мордвинов были произведены в контр-адмиралы.

Марк Иванович верность российской короне выказывал постоянно, но командир он был нерешительный, нерасторопный да и неудачливый. Всем понятна его авантюрная вылазка к Варне, окончившаяся чуть ли не катастрофой для флота. Винили небывалой силы шторм, но только ли ветер виноват был? Войнович и Мордвинов больше в бой не рвались. При Фидониси его авторитет спас Ушаков. Три часа сражался авангард, турки были разбиты. Победа?! Да, победа. И ясно, кто победитель. Однако Войнович в море выходить никак не хотел. А Потемкин и Екатерина требовали «ударов» по неприятелю да победоносных сражений.

В октябре 1789 года светлейший с раздражением и неудовольствием отчитывал Войновича: «Из последнего вашего рапорта вижу, что вы еще не соединились с Севастопольским флотом по причине противных ветров. Но если бы для соединения предписаны были точные меры, то бы противный ветер одному был способным другому. И вместо чтоб искать на малом море друг друга, соединяясь, ударили бы на неприятеля. Вы в конце изъясняетесь, что хорош был теперь случай, а я вам скажу, что были случаи и будут еще, но все пропустятся. Турки везде биты, боятся имени русского, отдают города казакам, тот же страх в них и на море. Флотилию привел я к Анкерману… со всем тем

взять пять лансонов и на них до тридцати пушек, еще одно транспортное с большим числом хлеба да два судна под Гаджибеем – весь триумф нынешний, да и то не от флота».

Потемкину стало ясно, что Войнович и Мордвинов в командующие не годятся, кого выбрать, если не Ушакова? А может, Карла-Генриха-Николая-Оттона Нассау-Зигена? Потемкину принц Нассау-Зиген был по душе. Оборотист, хваток, храбрец отчаянный. Вспомнил, как принял того в 1786 году в Крыму, присмотрелся и увидел натуру родственную. Высокого роста, хорошо сложен, энергии поразительной, смерть презирает, действует прямо и твердо. Чего только не повидал принц, в каких только авантюрах не участвовал и духом оставался бодрым. Германский принц, но внук и сын француженки, он соединил в себе лучшие и худшие черты сих наций. Порывист и легковесен, упорен и педантичен. В юности Карл-Генрих служил во французской армии, был капитаном драгунов, участвовал в Семилетней войне. Затем его привлекли романтические дали, он вдруг пересел на фрегат «Будес» и совершил вместе с Бугенвилем кругосветное путешествие. Князь Таврический любил его рассказы о многочисленных дуэлях, покорении сердец дам белого, смуглого и желтого цвета. Ступив на сушу, принц сразу же ввязался в войну на стороне испанцев и, командуя артиллерией против англичан под Гибралтаром, проявил себя смелым и мужественным воякой, получив чин генерал-майора, став испанским грандом, чем очень гордился. Но снова с военного пути его увлекла женская улыбка, он с первого взгляда в городе Спа влюбился в белокурую польскую красавицу Шарлоту Сапега. Поляки ожидали от него подвигов, и Станислав Понятовский, польский король, поднес ему право гражданства Речи Посполитой. В ответ на это Нассау решил отблагодарить свое новое отечество – идеей утвердить судоходство по Днестру и организовать сбыт польской продукции в портах Средиземноморья. Тут уж без содействия устраивавшего Новороссийский край Потемкина обойтись было нельзя. Тогда-то, в 1786 году, он и попал к «великолепному князю Тавриды». Дружба «склеилась» сразу. Екатерина удивлялась. «Странно, как тебе князь Нассау понравился, тогда как повсюду имеет репутацию скверную». Но затем и сама во время путешествия по Югу проявила благосклонность к Нассау и приняла его на русскую службу капитаном. В марте 1788 года принц был уже контр-адмиралом, командиром гребной флотилии на Днепровском лимане.

С первых же дней войны успешно отражал атаки турок, 57 неприятельских кораблей, которые подошли к Очакову, – не застали врасплох. Да он и не дремал, был быстр на атаку, рвался в бой и скоро учинил у Кинбурнской косы немалый погром турецкому флоту, выведя из строя 13 малых кораблей. «Георгий» II степени засиял на груди у принца. Неплохое начало. Но Нассау-Зиген признавал, что тут не все его искусством добыто. Жене отписал: «Нет большего удовольствия, как содействовать успеху

сражения, но с русскими я часто буду иметь это удовольствие. Офицеры, солдаты, матросы – все они дрались героями. Нет никого храбрее русского». От германского принца, французского капитана, испанского гранда, гражданина Речи Посполитой – это было ценно услышать.

Потемкин высоко его оценил, написал Екатерине: «Матушка, будьте щедры к Нассау, и сие дело его трудов и усердия. За сие нужно щедро его наградить имением и так привлечь навсегда. Сколько он сделал и сколько подвергался смерти».

И после этого Нассау-Зиген снова рвался в бой, получил три тысячи душ в Могилевской губернии, золотую шпагу и разрешение поднять флаг вице-адмиральский за новые победы. Быстро прошагал по лестнице принц, без труда взял награды. А хватит ли этого, думал Потемкин, для командира всего флота Черноморского? Есть ли расчет? Выдержка? Знания морского искусства? На веслах шхуны и мелкие суда двигаются, – то одно, а на просторах под парусами, как перестраиваться, как на ветру держаться? Сможет ли командовать? Сможет маневр произвести?

Люб, люб был ему отвагой и авантюрностью своей Карл-Генрих-Николай-Оттон (вона сколько имен насобирал), но… флот Черноморский возглавить?

Думал, думал светлейший, отпустил его командовать Балтийским гребным флотом – с веслом, абордажной схваткой, пожалуй, у принца лучше выйдет, чем с парусным флотом. Тут нужен муж хладнокровный, в морском деле досконально разбирающийся, да и свой, морскими экипажами признанный и любимый. Кто? Наверное, этот сдержанный Ушаков? Храбр. Умен. Молчалив, правда. Но в морском-то бою безупречен, бесстрашен и не беспечен. Да, он.

14 марта 1790 года Потемкин подписывает ордер Черноморскому правлению, в котором написал: «Предположа лично командовать флотом Черноморским, назначил я начальствовать подо мною господину контр-адмиралу и кавалеру Ушакову. Господин контр-адмирал и кавалер (граф) Войнович отряжен в командование морских сил каспийских… бригадиры Голенкин и Пустошкин имеют быть начальниками эскадр при флоте».

В другом ордере, направленном в этот же день Ушакову, Потемкин твердо предписывает: «Не обременяя Вас правлением Адмиралтейства, **препоручаю Вам начальство флота по военному употреблению,** а как я сам предводительствовать оным буду, то и находиться Вам при мне, где мой флаг будет». В ордере светлейший князь предложил рассмотреть с обер-интендантом Афанасьевым все, «что нужно для снабжения судов на кампанию», расписал порядок ремонта кораблей и определил новые назначения и назидательно

закончил: «Препоручаю наблюдать в подчиненных строгую субординацию и дисциплину военную, отдавать справедливость достоинствам и не потакать нерадивым; старайтесь о содержании команды, подавая всевозможные выгоды людям, и удаляться от жестоких побой».

Ушаков же «отдавал справедливость достоинствам» и подавал «всевозможные выгоды» людям уже давно без позволений и ордеров, спущенных сверху.

Фиодониси, Керчь, Тендра, Калиакрия – рождение новой тактики

Именно в этих боях при Фидониси, у Керчи, Тендры и особенно при Калиакрии утвердился флотоводческий гений Ушакова. Его умелое «опережение» при Фидониси, обход фрегатами неприятельских кораблей заставили дрогнуть турок и удалиться. Ушаков тогда умело соединил маневр с ведением быстрого и точного артиллерийского огня.

Уже будучи командующим корабельным Черноморским флотом, он под Керчью применил против турецкого флота несколько совершенно новых приемов, которые сами по себе уже были нарушением установленного порядка боя. Но применение этих приемов обеспечило Ушакову победу. Во-первых, он выделил легкие фрегаты в особый резервный отряд командующего и бросил их для развития успеха, для отражения ударов противника. В морской военной практике это было невиданно. На суше, в боевых действиях резерв – да. Но на море резерв не полагался. Здесь же он, выиграв ветер, сконцентрировал огонь, включая мелкие калибры, на ближайших турецких кораблях и на флагмане. У турецкого вице-адмирала был сбит кормовой флаг. Это вызвало замешательство у неприятеля, а когда Ушаков сделал неожиданный поворот и приказал своим кораблям сделать то же, «ступить ему в кильватер по способностям», «без соблюдения порядка номеров», турецкий флот, почувствовав угрозу расчленения, бежал.

«Стремясь завершить удар, – указывается в „Истории военно-морского искусства“, – Ушаков приказал спешно выстроить линию баталии, не соблюдая назначенных мест. Здесь Ушаков снова отказался от установившегося обычая занимать место в строю, в порядке своих номеров. Преследуя противника, он занял место впереди своих кораблей, а не в центре, как того требовали правила формальной линейной тактики». Так происходило прощание с незыблемой до сих пор знаменитой «Линией», определяющей всю маневренную тактику военно-морских флотов. Но не только в линейной тактике проявил себя новатором русский адмирал. Особо энергично атаковал Ушаков корабль главнокомандующего противника, понимая, что вывод из боя флагмана турок

дезорганизует их, внесет сумятицу и разброд. Турецкий флот был быстроходен, подвижен, но его личный состав был плохо организован, быстро предавался панике при признаках неудачи. Таковые признаки и надо было создавать. В результате Керченской победы попытка высадить десант в Крыму была сорвана. А ведь неизвестно, как протекала бы вторая при Екатерине война с турками и чем бы она закончилась, если бы хорошо вооруженные отряды десанта соединились с мятежно настроенными ватагами крымских мурз. Зачтем же эту победу контр-адмиралу Ушакову, ставшему во главе Черноморского флота, как главную заявку на победоносную маневренную тактику, на боевитость, на неукротимый напор, которые с этих пор сопровождали всю его морскую жизнь.

При Тендре он действовал совершенно раскованно и дерзко. Перед его волей все отступало. Не следует думать, что турецкий флот готов был капитулировать и скрываться от русского. Нет, он накапливал силы, совершенствовался, сам искал выгодного сражения. Кроме того, он активно участвовал в обеспечении действий сухопутной армии.

Ушаков тоже следил за его перемещениями. Одним из постоянных принципов его военных действий было: **знать, где находится противник, в каком количестве, каковы его намерения.** Так было и перед Тендрой, когда посылались гонцы во все концы Крымского полуострова, в Херсон, Очаков и к Гаджибею, когда фрегаты Ушакова стремительными тенями проносились вдоль берегов Крыма, появлялись у лимана, таились за островом Тендра, подходили к устью Дуная. 6 августа он пишет в Херсон: «Сего дня было 29 судов… Весьма нужно узнать их предприятие, дабы не только воспрепятствовать, но и воспользоваться оным… Не можно ли, милостивый государь, через какие-либо средства от Дуная узнать, где ныне главный их флот, в котором месте соединяются ли они в одном месте или будут эскадрами, дабы потому **располагать наши действия».**

Собрав сведения о противнике, проанализировав их (ибо нередко это были противоречивые известия), он к началу операции знал больше о противнике, чем тот о нем. И **«располагал свои действия»** сообразно обстановке. Так было и у Тендры, где он внезапно появился перед стоявшей на якоре турецкой флотилией. У турок было 14 линейных кораблей, 8 фрегатов, 4 мелких корабля. У Ушакова же линейных кораблей было почти в три раза меньше. Атаковать или отступить? Для русского главнокомандующего двух мнений не было. Но атаковать, не дожидаясь всех перестроений, не вытянувшись в столь многозначащую линию, а с ходу, внезапно, не перестраиваясь из походного порядка в боевой.

Турки спешно рубили якорные канаты. Сколько они оставили якорей в ту кампанию вдоль побережья Черного моря? Эскадра противника стремительно

бросилась уходить к Дунаю. И тут Ушаков решил перехватить «концевые» корабли. Капитан-паша повернул на обратный курс, но этим равновесие боя не удержал. Наступили сумерки, но утром следующего дня атака повторилась. Турки потеряли два корабля, две тысячи человек, на русской эскадре потери были незначительны. Особую досаду в Константинополе вызвала гибель 74-пушечного корабля «Капудание» с грузом сокровищ и драгоценностей, вывозимых из Крыма, и пленение контр-адмирала Саитбея. Это была блестящая виктория. Суворов откликнулся на победу русского флота: «Виват Ушаков!» Да, пальма первенства на Черном море прочно переходила к русскому флоту. Он надежно перекрыл вход в устье Дуная, где неприступной глыбой высился Измаил.

Здесь, в его штурме, окончательно утвердилась воинская слава Суворова. Надежное плечо со стороны моря подставил ему Ушаков, выделив Лиманскую флотилию для совместных боевых действий. Резервы морским путем к турецкому гарнизону не подошли, а почти двести мелких и средних русских судов приняли участие в штурме крепостных стен со стороны реки. «Впервые в истории военного и военно-морского искусства речная военная флотилия, взаимодействуя с армией, действовала столь большим количеством кораблей, с массой десантных войск, принявших непосредственное участие в штурме такого сильно укрепленного приречного пункта, каким был Измаил. Взятие Измаила представляет поучительный пример организации взаимодействия между речной флотилией и эскадрой Черноморского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова, которая охраняла устье Дуная от проникновения туда турецких морских сил. Взятие войсками Суворова Измаила и действия эскадры Ушакова в тот период на Черноморском театре имели в основе единый стратегический военный замысел» (“История военно-морского искусства”). Через девять лет это блестящее содружество столь же победоносно повторится. А тогда, после Тендры и Измаила, была битва при мысе Калиакрия. Она развеяла надежды Оттоманской Порты на военный успех, явилась непререкаемым аргументом к миру.

Совершенная победа

Такого маневра капитан-паша турецкого флота и его вдохновитель алжирский паша Сайт-Али не ожидали. Между берегом и турецкими кораблями проходил последний корабль русской эскадры. Артиллеристы береговой батареи, опешив, побежали к пушкам, но посланные вдогонку ядра вреда принести уже не могли. А русские корабли, обойдя противника, отрезав его от берега, разворачивались, становились на ветер и стремительно атаковали турецкий флот. Это был блестящий маневр, обессмертивший имя русского контр-адмирала Ушакова. Правда, об этом многие зарубежные историки и тактики флота парусного постарались позабыть, не вспоминать, приписать его

адмиралу Нельсону, совершившему подобный маневр лишь в 1798 году у мыса Абукир. То, что маневр был блестящим и неожиданным, доказывают результаты битв у Калиакрии и на Абукире. Обе они закончились катастрофическим поражением эскадр, допустивших противника взять их в клещи. Но факт остается фактом: первым применил этот маневр Федор Федорович Ушаков.

В тот последний день июля 1791 года русский контр-адмирал, отправившийся из Севастополя на поиски противника, увидел его у румелийского берега стоящим на якорях в линии при Калиакрии против мыса Калерах-Бурну, под прикрытием береговой батареи. Вот и бросил он тогда в просвет между берегом и линией расположения турецкого флота свои корабли. Требовалось большое искусство капитанов и моряков, чтобы не выскочить на берег, не помчаться под турецкие пушки, не замешкаться при выполнении поворотов. Но Ушаков знал мастерство своих экипажей, верил в умение своих капитанов и поэтому решился на столь рискованный замысел. Но, пройдя узким коридором, он выиграл ветер. А это небесное топливо парусников обеспечивало движение и скорость, обеспечивало неуязвимость и победу в сражениях тех времен.

Ветер в паруса! Вот к чему стремился русский контр-адмирал. И, обогнув турецкую эскадру, он получил его для стремительной атаки. Сражение еще не начиналось, а Ушаков уже выигрывал его.

Турки рубили канаты, ставили паруса и, увлекаемые морским течением, стали врезаться друг в друга. У одного упала бизань-мачта, бушприт второго не выдержал удара о соседний корабль и переломился. Капитан-паша попытался выстроить линию баталии, изловить ветер, разворачиваясь. Однако алжирец Сайт-Али с ним не по считался и решил обойти русскую эскадру, атаковавшую с марша тремя колоннами. Ушаков сразу заметил опасность и решил не дать зайти себе в тыл, не допустить «на ветер» врага. На корабле «Рождество Христово», идущем под его флагом, он, выйдя из линии, пошел на сближение. Сайт-Али, отдав сигнал своему флоту сомкнуть дистанцию и спуститься к неприятелю, вступил с ним в бой. В пять часов вечера Ушаков обогнал корабль Сайт-Али и атаковал продольным залпом его. Знаменитая битва при Калиакрии разгоралась, чтобы осветить ярким светом веков талант великого русского флотоводца.

Дивно, дивно шел флагманский корабль, как будто на императорском параде. Волна разрезалась форштевнем и раскидывала по обе стороны свое пенное кружево. Турецкий флагман поспевал столь же стремительно, но вдруг сбился с темпа и стал отставать от идущего параллельно «Рождества Христова».

– Молодец, Матвей Максимович! Отладил команду! – стукнул плечом в спину капитана Ельчанинова Ушаков. – А сейчас давай сигнал: «Всей линией в атаку! Сомкнуть дистанцию!»

Сигнальные флаги поползли вверх. «Рождество Христово» развернулся и почти преградил путь Сайт-Али.

– Сходимся, Матвей, и огонь! Молниеносный поворот флагмана – и его бортовые пушки уже ловили своими темными зрачками цели на турецком корабле. А тот, увлекаемый ветром, мчался навстречу огненному смерчу. Но у турок две пушки на корме, и что они могли сделать с десятками бортовых орудий русских, расписавшихся ядрами в небе у Калиакрии. Ядра калились тут же, в жаровнях на палубе, и красноватыми солнышками выскакивали из пушек наперегонки друг с другом. Вращаясь, издавая драконовское шипение, неслись скованные книппеля и, захлестнувшись вокруг формарсарея, потянули его вниз, круша снасти.

– Бить по флагману! Всем правым бортом, – командовал Ушаков. Он уже испробовал этот прием. Вывести из строя главный корабль противника, заставить его потерять управление – половина победы.

Русская эскадра, охватив турецкую армаду полукольцом, вся в дымах, врезалась в гущу неперестроившихся турецких кораблей и посыпала ядрами. Мачты, стеньги, реи крошились, лопались, отлетали в сторону, паруса обвисали и обессилевали. Команды турецких капитанов становились все беспорядочнее и бестолковее. Корабли задней линии давали залпы и попадали в передних, те разворачивались, не зная, где враг. Кто-то начал тонуть, другие поворачивались кормой, спешили под ветер.

– Не отпускать! Не дать уйти! Прибавить парусов! – давал команду Ушаков, преследуя уходящий в середину турецкой эскадры корабль Сайт-Али. А тот, казалось, почувствовал приближающуюся гибель и нырял в сизые языки дыма, прятался за борта своих отстреливающихся кораблей.

Ушаков не выпускал нити боя из рук. Десятки команд отдал по началу атаки: к перестроению, стягиванию в единый кулак, к преследованию уповавшего уже только на паруса да попутный ветер противника.

– Сломали турка, – обнял он Ельчанинова. – Подымай сигнал: «В погоню!» Брать в плен будем.

Новые сигналы появились на флагмане русского флота. Зоркие глаза надо иметь, чтобы различить их, но дозорные, самые остроглазые моряки, уже спешили доложить: «Поставьте паруса! Погоня!»

Участь турецкого флата была предопределена. Оставалось завершить битву. Ночные сумерки запахивали сцену перед последним актом – победители предвкушали торжествующий финал, побежденные молились за упокой души. Однако если окончить этим слогом, то следует признать, что 31 июля в небесах царил Бог православный, а ночью 1 августа его место занял Бог восточный. Сгустившиеся сумерки скрыли бегущих от погони, «ветер заштилил», а потом задул в растрепанные паруса оставшихся на ходу турецких кораблей.

– Видны верхушки мачт уходящих! – доложил матрос с салинга ранним утром. Как же хотелось Ушакову догнать и порешить весь турецкий флот, чтобы второй раз в истории Отечества засияли медали с коротким словом **«был»**. Однако северный ветер, посылая шквал за шквалом, вскоре превратился в штормовой. Он не пощадил турок, многие пошли ко дну, но Ушаков решил не губить свои корабли. Отдал приказ:

– Пусть заворачивают за мыс Эмене. Здесь у румелийского берега, невдалеке от Фароса, исправим повреждения и догоним.

Быстроходный крейсер контр-адмирал пустил вдоль берега и получил богатую добычу – транспорты с хлебом, артиллерийское снаряжение с турецких шебек и известия о том, что остатки турецкого флота находятся в Варне. Ветер стих, и Ушаков не мешкая двинулся для его полного уничтожения.

– Кирлингачи! Ваше превосходительство, под Андреевским и бусурманским флагом. Кричат что-то, руками машут.

– Поднять на борт, – скомандовал Ушаков. – Ну что там? – недовольно спросил у вступившего на борт паши. Тот кланялся, а толмач-болгарин, не ожидая, когда турок заговорит, коротко сказал:

– Перемирие!

Ночной Константинополь вытряхнуло с постелей. Султан с тревогой всматривался в темноту залива. А оттуда с перерывом громыхало. Стражу подняли по тревоге, янычары заняли проходы во дворце, глаз в Серале не смыкали до утра. С рассветом предстало печальное зрелище. Обгорелые, со снесенными мачтами, расползшимися по палубе ранеными, стояли в Босфоре несколько оставшихся от эскадры кораблей.

– Зачем ты стрелял? – хрустнул пальцами султан, когда Сайт-Али, прибыв с корабля, упал перед ним.

– Великий, флота твоего больше нет, а за нами гнался сам Ушак-паша, и я не хотел, чтобы ты не знал этого. Мой корабль не доживет до вечера, надобно, чтобы пушки с него сняли для защиты столицы.

Султан не предался безрассудной злобе, он понимал, что яростью не остановишь рвущихся на всех парусах к Константинополю кораблей этого непобедимого русского адмирала.

– Ушак-паша! Хотел бы я иметь у себя такого адмирала, – обернулся к Раис-эфенди. – Срочно отписать визирю. Перемирие без проволочек.

В Босфоре медленно опускался на дно отдавший последний салют султанскому дворцу корабль Сайт-Али.

Через месяц после сражения Екатерина II писала про Селима II: «Испуганный при виде своих кораблей, лишенных мачт и совершенно разбитых… он тотчас же отдал приказ кончить (мирные переговоры. – *В. Г.*) возможно скорее… и его высочество, заносившийся двадцать четыре часа тому назад, стал мягок и сговорчив, как теленок».

…Этого памятника в Севастополе[12], куда возвратился флот Ушакова, нет. Но он должен бы быть, ибо это была выдающаяся победа над старой маневренной тактикой, и победа достигнута была по всем правилам нового военно-морского искусства и даже вопреки тем канонам, которые существовали до сего времени. Адмирал Ушаков проявил то диалектическое понимание сущности боя, которое и знаменовало новое военное мышление, утверждало новую тактику морского боя. Это была выдающаяся морская победа XVIII века, которая поставила имя Ушакова в ряд самых знаменитых флотоводцев. И не его вина, если не столь часто и не столь ярко вспыхивает оно в их ряду.

В этом памятнике, на вершине которого должна стоять фигура великого адмирала, обрамлением должны быть вычеканены имена его соратников и помощников, воспитанных в дальних походах, непрерывных упражнениях, боевых схватках под началом Ушакова. Капитаны 1 и 2 ранга Шапилов, Ельчанинов, Языков, Баранов, Селивачев, Кумани, Чефалиано, Заостровский, Обольянинов, Сенявин, Ознобишин, Сарандинаки, Львов, Шишмарев. Командиры Демор, Ларионов, Белле. Особо хвалил в своих донесениях Ушаков капитана фрегата Великошапкина, который сжег, расстрелял и уничтожил у румелийского побережья немало кораблей противника, и артиллерийского командира Юхарина, проявившего чудеса со своими артиллеристами на корабле «Рождество Христово».

В основании же этого монумента должна быть **память** о русском моряке, сумевшем не только освоить все навыки, необходимые для быстрого

судовождения, маневра, точной артиллерийской стрельбы, но и применить их в деле. **Уметь подчиняться!** – это было старой и необходимой заповедью для солдата и моряка. Уметь **действовать споро, расторопно, артельно, делать все безоплошно, без ошибок, без дефектов, точно и четко** – это было уже новое правило, которое внедрил во флот Ушаков.

«Совершенная победа» – было сказано о битве у румелийских берегов в донесении князя Потемкина-Таврического. Да, это была «совершенная» и блистательная победа, и поэтому должен быть установлен памятник, где золотом были бы высечены буквы: **Калиакрия, 31 августа 1791 года».**

29 декабря 1791 года был заключен Ясский мир, подтвердивший предыдущий Кучук-Кайнарджийский. Мир закрепил присоединение Крыма к России, признал новую границу по Днестру. Украинский и русский народы навечно обезопасили себя от кровавых набегов крымчаков и турок. Россия прорубила морское окно на юг: в Азию, Африку, Южную Европу, закончила вековую борьбу за возвращение исконно славянских земель, получила незамерзающие порты на Черном море, необходимые для роста экономики, вызвала к полнокровной хозяйственной жизни громадные, неосвоенные районы. После этой войны зашевелились народы, находящиеся под гнетом Османской империи. К национальной независимости просыпались Балканы.

После Калиакрии

Ушаков получил в награду за сражение орден Александра Невского. Более победоносного адмирала в русском флоте в то время не было. Однако слава по лестнице власти его высоко не вознесла. 5 октября 1791 года скончался начальник Черноморского флота князь Потемкин-Таврический, а 29 декабря в Яссах был заключен мир с Турцией. Нет сомнения, что деятельность Потемкина по отношению к Черноморскому флоту была во многом плодотворной и полезной. Населяя Новороссийский край, продвигая дело построения городов, создавая южный рынок, Потемкин укреплял флот, заботился о строительстве верфей, занимался постановкой всего южного флота в независимое положение от его отдаленной центральной администрации, сношения с которой чудовищно замедляли ход дела, нарушали потребности военного времени. Отдаление и определенная независимость от Адмиралтейств-коллегий дали свои положительные плоды. Многое, начиная от организации флотской администрации, создания кораблей, кончая наименованием судов имело свою особенность по сравнению с Балтикой. Балтийский флот со времен Петра был сориентирован на оборону и борьбу со шведами и отчасти с англичанами, поэтому корабли там были крупных линейных рангов и гребная флотилия подготавливалась для маневренной борьбы в шхерах. Черноморский же флот соперничал с турецким, и поэтому его

линейные суда были среднего ранга, а речная флотилия не столько перевозила пехоту, сколько была озабочена повышением боевой мощи поставленной на нее артиллерии, ибо действовала она против таких крепостей, как Очаков, Измаил, и приданного им флота противника. Казалось странным решение Потемкина вдруг переименовать все корабли, дать им названия святых. За этим просматривалось его желание идеологически обосновать движение России к югу, в старорусские земли, в земли, где утверждалось отечественное христианство. Потемкин не нуждался здесь, на юге, в громоздком аппарате Адмиралтейств-коллегий, он сам направлял деятельность флота, но ему нужны были блестящие вершители. Поэтому, выбирая их, столь часто менял он командующих, руководителей. Войнович, Мордвинов, Нассау ушли, во главе флота стоял гениальный Ушаков.

Образовалась система – суда строили и создавали в местных южных портах (Таганрог, Херсон, Николаев) под руководством замечательных мастеров, знающих местные условия, повадки Черного моря (Катасонов, Афанасьев), организацией снабжения, возведением зданий, заготовлением леса занимались предприимчивые люди, имевшие личные полномочия Потемкина (среди них выделялся известный строитель, статский советник бригадир Фалеев). Система эта была гибкой, подвижной, приспособленной к местным условиям.

Флот к его кончине состоял более чем из 90 линейных кораблей, фрегатов, бомбардирских, крейсерских, брандерных, транспортных судов. Вместе с 70 речными судами гребной флотилии это уже была серьезная сила.

Последние предложения Потемкина, которые он, конечно, вырабатывал при участии Ушакова, безусловно, способствовали бы его дальнейшему расцвету. Вот они:

1) Флот содержать всегда в комплекте и всякий год практиковать его на море; учить команды лазить и управлять парусами и артиллерией.

2) Артиллерию иметь преимущественно медную, отливать ее на литейном заводе, устроенном в Херсоне, а до времени употреблять частью английскую.

3) Леса для кораблестроения доставлять из австрийских земель, Молдавии и других мест или же приобретать в России от владельцев.

4) Так как доставка лесов в Севастополь сопряжена с большими неудобствами и дороговизною, то все суда для тимберовки приводить в Николаев и близ его в Спасском устроить док, другой же док иметь в Севастополе для осмотра подводной части судов и небольших исправлений.

5) По удобству Николаевского порта и его здоровому местоположению перевести туда все кораблестроение из Херсона, оставя в последнем одни только магазины и постройки малых судов, могущих проходить без камелей. Мелководные места по фарватеру, в Ингул и против Очакова значительно углубить сильными землечерпальными машинами.

6) На Днепре, ниже порогов, завести строение судов для гребного флота и канатный завод. На бугских порогах устроить водяные машины для кузнечных адмиралтейских работ, починки якорей, приготовления рулей и проч.; на Ингульце иметь лесопильную мельницу. В слободе Балацкой и Христофоровке, в 35 верстах от Николаева, построить пороховой завод для потребностей Черноморского флота.

7) Для приготовления офицеров в Черноморском флоте в Николаеве учредить на счет казны Кадетский корпус на 360 благородных воспитанников и на такое же число разночинцев, поступающих в штурмана, шкипера и другие звания. Кроме этого, иметь особое училище на 50 человек для преподавания корабельной архитектуры, снабдив его новейшими английскими и французскими сочинениями о кораблестроении и планом разного рода судов и доставив сведущих преподавателей. Лучших воспитанников, по изучению курса теории, посылать в чужие края для усовершенствования практических понятий.

8) Чтобы навсегда устранить затруднения, встретившиеся в получении мастеровых из отдельных губерний, поселить близ Николаева не менее 2000 человек, обязанных поочередно заниматься работой в адмиралтействах и содержать себя хлебопашеством.[13]

9) В селе Богоявленском, близ Николаева, построить инвалидный дом, лучший госпиталь, развести аптекарский сад и основать земледельческую ферму по образу английской, из которой можно было бы снабжать флот горохом, фасолью, салом и проч., и производить в ней соление мяса, потому что заготовленное с подряда оказывалось всегда негодным. При всех адмиралтейских слободах садить и сеять леса, особенно дуб.

Ушакову предстояло многое выполнить из того, что обозначено было в этих планах. Однако смерть выдающегося политика и государственного деятеля, преобразователя и строителя южных краев России многое изменила в судьбах Черноморского флота и самого Федора Федоровича. Заслуги перед флотом и Отечеством отодвигались на второй план. Вперед стали выдвигаться соперники и даже враги сиятельного фаворита. 28 февраля 1792 года Черноморскому адмиралтейскому управлению был дан высочайший указ: «С умножением сил наших на Черном море за благо признали мы оставить на прежнем основании Черноморское адмиралтейское правление, определяя на

оное председательствующим нашего вице-адмирала Мордвинова…» Указ был пространный, об Ушакове там ни слова, но смысл его для него был обидным и уязвляющим. Не без сожаления пишется об этом в «Истории Севастополя»: «Таким образом, действительный начальник и глава Черноморского нашего флота, гроза турецких сил на Черном море при Потемкине, Федор Федорович Ушаков – состоя в звании только старшего члена Черноморского адмиралтейского правления – поступил к Мордвинову под команду, и, оставаясь, как бы случайно только, старшим начальником севастопольского наличного флота, он по строгому смыслу указа 28-го февраля – где Мордвинову предоставлялось даже производство в чины флотских офицеров – должен был находиться в его безапелляционном повиновении».

Оставалось только стиснуть зубы и неустанно заниматься флотом, боевой выучкой служителей, снабжением экипажей продовольствием, строительством и украшением Севастополя. Именно в этот межвоенный период развернулся Ушаков как замечательный администратор, хозяйственник, строитель. Севастополь при нем становился подлинным городом. Это было удивительно, ибо казна денег не выделяла, все приходилось строить «содействием» флотских экипажей. «Последние в свободное время, за очень скромную добавочную плату, строили то казенные здания, то офицерские дома, то даже свои мазанки – если который-нибудь из матросов имел редкий случай завестись собственным своим семейством, и скоро не только гора, лежавшая на западной стороне южной бухты или гавани, но и другие ближайшие местности и хуторские участки, розданные флотским офицерам… довольно порядочно обстроились: хорошие садики и огороды точно так же появлялись в его окрестностях. Все портовые постройки и самое Адмиралтейство по-прежнему были расположены по берегам Южной и Корабельной бухт. Городские частные здания занимали уже всю севастопольскую гору и сверху того существовали: артиллерийская и корабельная слободки на местностях, ближайших к бухтам того же названия, а в закрытой лощине, находящейся верстах в двух от города и получившей название Ушаковой балки, устроен был сад для общественного гулянья».

Каждое утро раздавал наряды Ушаков командирам строителей на построение домов, посадку садов, возведение складов, где аккуратно выкладывали канаты, парусину, обшивочные доски, припасая, чтобы можно быстро было погрузить на корабли. Тут же наготове была артиллерия. Ушаков продумал план построения казарм на высоких берегах в гаванях так, чтобы моряки могли мгновенно спуститься по объявлению тревоги к своим кораблям, которые ставились напротив. Адмирал Карпов, что инспектировал Черноморский флот в 1797 году, отметил, что казармы «каменные, покрыты черепицею, а иные землею, некоторые достраиваются и все вообще весьма сухи и чисты… Пороховых погребов не имеется, но порох удобно хранится в прибрежных пещерах, нарочно вырытых большею частью в Инкермане».

Ушаков держал порох сухим, он следил за состоянием дел в Оттоманской Порте, вел постоянную разведку, подготовку и обучение экипажей. Мордвинов в силу своего положения отдавал приказы, среди них были толковые и бестолковые. У Ушакова же они все вызывали неприязненную реакцию. Мордвинов язвил, требовал с Ушакова – у Ушакова создавалось впечатление, что тот придирался, мелочил. Ушаков сердился, недоумевал, почему его, победителя турецкого флота, отодвинули и предпочли кабинетному адмиралу. Таковым он считал Мордвинова. Отдушиной была встреча с Суворовым, что тоже волею судьбы, после смерти не прощавшего строптивости Потемкина, получил назначение сюда для укрепления южных границ России.

Да и Екатерина, судя по всему, понимала двусмысленность положения Ушакова и, предполагая, что он еще понадобится русскому флоту, произвела его 2 сентября 1793 года в вице-адмиралы.

У развалин древнего Херсонеса

Уже десять лет, как утвердился на южном языке Крыма Севастополь. Десять лет, а казалось, что был он тут со времен древнего Херсонеса. Вот и новый храм, вставший в центре города, будто бы пророс из тех древних времен, когда крестили здесь первую княгиню-христианку, а край был древней греко-славянской землей.

Суворов, что был снова после заключения Ясского мира назначен на юг командующим войсками, вертелся в карете, разворачиваясь то в одну, то в другую сторону, вскидывал вверх руки, щелкал языком, а то и энергично подсвистывал.

– Этого не было! Здесь кустарник один рос. Ну натворили! Наделали. Молодцы!

У здания Черноморского штаба он, не ожидая, когда карета остановится, встал на подножку и легко соскочил, пробежав вперед к крыльцу, с которого поспешил навстречу Ушаков. Тот загромыхал:

– Александр Васильевич! Александр Васильевич! Ты, как всегда, молнией! Мы же тебя к вечеру только ждем. – Обхватил маленького сухонького генерала, приподнял, обнимая.

– Не богатырствуй, не богатырствуй, а то задушишь, – похохатывал, отдуваясь, Суворов. – Веди, рассказывай, что, где громыхает, как турки себя ведут? Каков флот ваш Черноморский? Где течь? Где гниль пробилась?

– Ты, Александр Васильевич, щей похлебай вначале. Все расскажу да еще и расспрошу, кого побеждать приехал.

– Побеждать, побеждать, – притворно заворчал генерал, – а победу фундаментировать, закладавать надо заранее. Кто о сем думает?

Рюмка анисовой за обедом только подхлестнула поток вопросов Суворова.

Ушаков отвечал и сам справлялся:

– Что, будет война с турками, Александр Васильевич? Как пасьянс политический доказывает?

– Политика, конечно, карты игральные. Но тут ведь важно, у кого в руках. У умного, смекалистого игрока: он и козырь побережет, и слабые карты поначалу сбросит. Императрица, – склонился поближе, – многое из рук выпускает. Ее нынешние сопровождатели ни блеском, ни умом не дополняют. Скажи, какой из Зубовых Государственный Совет? Балаган. Горе луковое одно, а не правители. Век-то больной не тогда, когда правители заблуждаются, а тогда, когда они равнодушны к истине, презирают ее. Светлейший князь Григорий, как ему ни горько было, но правду слушал. Орел поднебесный, а они так, пичужки под юбкой.

Ушаков подивился этому суворовскому умению восхищаться бывшим обидчиком, а что Потемкин обидел его, не представив к достойным наградам после взятия Измаила, то было многим известно. Суворов, как бы отвечая на мысли вице-адмирала, задумчиво продолжал:

– Князь был стратег знатный, глаз на людей меткий имел. В страстях и помыслах великий был человек… – Подумал и твердо добавил: – И в грехах да несправедливостях тоже велик был.

Федор Федорович о покровителе своем и благожелателе отзываться недобро не стал.

– Григорию Александровичу не токмо вся Новороссия обязана своим утверждением, но и флот Черноморский, что без него на ноги бы не встал. Ни леса доброго, ни строителей, ни капитала на постройку, ни моряков из Петербурга не получили бы, в коем все финансы бы на балы пустили, на забавы. Венок славы, что им сплетен для Отечества, нынешние приближенные расплетают, каждый себе ветку лавра тянет, забывая, что только от их сложения венок получается.

– Да, умеют у нас славу и силу протанцовывать. Рожей все пытаются взять императрицу да статью, а не умом да размахом, – согласился Суворов.

– Ну а как будущий император наш? Что слышно о нем? К морскому делу имеет ли, как и прежде, тяготение? – поинтересовался Ушаков. – Я его

благосклонность к флоту еще ранее заметил. Может, он петровские времена вернет на оный? – с надеждой вглядывался в Суворова.

– Хотел бы я знать, к чему у него истинное движение души имеется, – как бы про себя заметил тот.

– Думаю, Александр Васильевич, написать свои соображения великому князю о новом Уставе флотском, о новых приемах боя, о тактике, о строительстве кораблей новой конструкции. Ведь ему скоро всем флотом командовать придется. И сие неожиданно может произойти.

– Великий князь все ждет и не дождется своего часа. Русских его поклонников матушка почти всех разогнала. В Павла сейчас немцы закладывают мысли свои да идеи. Потом думают через то деньги из России выкачивать. А еще вокруг княжеского двора всякие масоны вьются, свою мистическую дребедень тоже в него вгоняют. А его натура сие воспринимает быстро. Им же не от мистики, а от его будущей власти поживиться хочется. Проныры чертовы! А сам принц неустойчив. Он не знает, чего он хочет. Он хочет того, чего не хочет. Он не хочет того, чего хочет. Он хочет хотеть, – засмеялся, довольный своим полукаламбуром. – Но ежели так дело пойдет, то много бед случится: армию по восшествию онемечит, дух прусский внедрит, русские интересы под иноземные масонские поставит, немогузнаек на напыщенных всезнаек заменит, матушкиных выдвиженцев, – подмигнул Ушакову бывалый генерал, – коленкой под зад!

Суворов встал, быстро прошел из угла в угол, развернул стул, облокотился на спинку и, как бы вглядываясь в будущие годы, медленно расшифровал:

– Много бед будет от нетерпения его, от недоверия к прошлому, от желания на оное все недостатки свалить. На оном же все здание надо продолжать строить. А причины отсталости в делах иные. Тут и замшелость, и неумение, и легкость мыслительная, и тугодумие, и немогузнайство, лень российская, галломания с прусским педантизмом.

Мысль прервалась внезапно, за окном выстрелила, обозначив полдень, пушка.

Суворов кивнул в ответ, как бы дождавшись подтверждения, и продолжил:

– Но если дух русский не вытравят в нем, то через год-два очнется. Поймет, что без России нельзя, без тех, кто служит Отечеству, нельзя! Даже в старом шалопае и взяточнике может оказаться больше умелости в деле, результата нужного и даже чести державной, чем в новом, с горящими от

преданности глазами, размахивающем руками аллилуйщике и требующем реформы и преобразований вертопрахе-пустомеле. Такому и реформы-то нужны, чтобы спихнуть другого с кресла, а самому на нем расположиться. Впрочем, – резко встал Суворов, – попробуй напиши, может быть, великий князь и о деле думает, а не только ждет кончины родительницы дражайшей. Хотя сейчас ему писать – делу вредить. Заподозрит, что злое задумал, от нынешней власти откараскиваешься, в морские начальники при нем себя определяешь в будущем.

По городу ездили затем медленно. Суворов просил останавливаться, выскакивал из кареты, оглядывал, даже ощупывал построенное.

– Отменные, отменные, батенька, склады ты отгрохал. А сие что за палаццо? – указал он на вытянувшиеся длинные каменные здания.

– Тут я, Александр Васильевич, наибольшие усилия приложил, ибо и трудности были самые большие. Мордвинов – он Севастополь ненавидит смертельно – денег не выделил, морских служителей, как дворян обустраиваешь, ехидничал. Мастеров не было: адмиралтейство достроил бы – ругался. Сейчас здесь морские команды живут, обыкновенные матросы.

– Молодец, Федор Федорович! Истинно так о рядовом служителе надо заботиться. Ты о нем, а он в бою не подведет, во всем за тобой следовать будет, маневр понимать. – И, повернувшись, с восхищением обвел рукой бухту: – Какова! Какова красавица! Я ведь тогда сразу понял, что удобнее и спокойнее ее нету во всем Крыму.

А бухта, казалось, и впрямь обняла своими мысами морскую гладь, успокоила море, оберегая от штормов корабли и шхуны. Над ней высились гарнизонные каменные здания, адмиральский дом, кузницы, магазейны, жилые дома. Блокфорты невидимыми застежками наглухо перекрывали ее, навряд ли кто сунулся бы под огонь мощных батарей. Ушаков вел неторопливый рассказ о том, что удалось построить, что сдерживается Мордвиновым, как надо бы поперечный мол в бухте строить, как укреплять город с суши, как украсить, дабы сделать местом, приятным и для души морской.

Суворов почти выбежал на набережную, устремив взор на юг, остановился, подождал Ушакова и протянул руку к невидимому Константинополю:

– Что зреет там, за морем, Федор Федорович? Следует нам быть неуязвимыми. Я в Финляндии много строительством крепостей занимался. Нам и здесь следует укрепляться от внезапностей нападения. Думаю, все побережье надо бы покрыть крепостями. На западе у Гаджибея неприступный бастион соорудим, здесь, в Крыму, и на Кавказе. Кстати, у Гаджибея может

великолепный порт сообразоваться, оттуда напрямую до Константинополя – сорок восемь часов. А нам, может, не все воевать-то – и торговать придется. Вот и порт там можно торговый учинить, а здесь пусть будет военный, флота Черноморского опора.

У береговой батареи выстроилась артиллерийская команда. Высокий канонир с банником в руках вовсю улыбался Суворову как старому знакомому.

– Вижу, что знаешь. Где встречались? – отрывисто спросил генерал.

– Под Измаилом, ваше сиятельство, долбил басурманов, – громко выкрикнул артиллерист.

– Слышно, слышно, братец, что ты пушкарь, громыхаешь, как твоя мортира. Там вы славно отделали крепость. Пушку в порядке держишь? – заглянул он в дуло.

– А как же, ваше сиятельство, от ее чистоты дальнобойность зависит. – Молодец! Знаешь свое дело! Служи и дальше безоплошно! – похлопал Суворов артиллериста, повернувшись к Ушакову, сказал: – Крепости такие, как Измаил, без артиллерии не берутся. Но и без флота твоего, без гребцов не сдюжили бы, наверное… Свези-ка меня, батенька, к руинам греческим! – попросил он Ушакова. И долго ходил по развалинам древнего храма, брал куски мрамора, смотрел, пытаясь прочесть стертые знаки веков.

– Умели греки соединить свой народ. Где торговлей, где силой, где искусством, а особливо языком, каковой до высокого совершенства довели. Я древнегреческий язык с большим рвением учил, ибо в нем много сигналов из прошлого слышу. А там ведь древние столь же много думали о достижении целей, как и мы. С их помощью многое постичь можно.

– Сей язык я, к сожалению, не знаю досконально, все, что касаемо языка морского, стараюсь у англичан, немцев, французов, голландцев постичь. Везде много здравого и разумного, хотя немало и схоластического, застарелого написано. Да и у бывших наших супротивников в Константинополе есть чему поучиться. Они и сами воевать умеют, и французов с англичанами приглашают в инструктора.

– Да-а, что там, в Константинополе, творится, – взвешивал камень на руке Суворов. – Раньше-то послы наши все знали. Обресков, Булгаков – истинные звезды в дипломатическом искусстве и изыскании сведений об опасностях вызревающих были. Пожар не разжигали, но и честь державы блюли. Говорят, скоро туда Илларионыча пошлют послом. Он лис хитрый и храбрец отменный. Я спокоен, он ни одного неверного шага не предпримет, а знать все будет, наш Кутузов. А ты, Федор, – хитренько взглянул Суворов на адмирала, – пошто

море Медитеранское изучаешь? – И, увидев изумленные глаза Ушакова, захохотал довольный. – Да карта-то у тебя в штабе вся в синих стрелках. Иль думаешь, придется нам повоевать там? С кем? С османами? С цесарцами? За единоверных греков и славян? С Питтовыми флотами или с неаполитанскими павлинами? Или вновь Франция подымается?

– Господи, – приблизился Ушаков, – ведь у них сейчас там не поймешь, что происходит. Королей свергают, порядка не видно, кровь льется, а флот и армия-то остаются. Хотя и говорят, что всех генералов и капитанов порешили, но ведь свято место не бывает пусто. В Средиземном же море многое завязывается, и решаться должна судьба будущая не только на Балтике. Я ведь, Александр Васильевич, в тех широтах не раз был. Порты средиземноморские, крепости приморские знаю, острова – расположение их, много постиг. Особо греческий Архипелаг интересен был, но турки туда неохотно пускали. Нам, морякам, сие море надо знать досконально. Россия ныне не только Черноморская, но и Средиземноморская держава. Порту сие море подпирает снизу, все европейские страны соединяет или разъединяет. Отечество защитить надо на дальних подступах, верно, Александр Васильевич? Суворов с сомнением покачал головой.

– Ты-то повоюешь, Федор Федорович, а мне уже на покой пора. Шесть десятков. Хочу внуков понянчить от Суворочки своей. Ты-то все никак не оженишься? Али ждешь суженой, Федор? – участливо посмотрел в глаза адмирала.

Ушаков глаз не отвел, вздохнул.

– Жду, жду, Александр Васильевич. В Балаклаве еще приглянулась. В Петербурге снова встретились. Жди, говорит! А сама замуж вышла.

Суворов горестно покачал головой, всплеснул руками:

– Лживки они все, бабы! Недостойки! Блудницы!

– Не все, не все, Александр Васильевич. Вот я и жду… Никого другого не хочу видеть.

Суворов с уважением посмотрел на него, хотел что-то сказать и, махнув рукой, промолчал. Невдалеке с песней и посвистом прошел флотский строй. Моряки пели малороссийскую песню про луг и про коня, которого хотели взнуздать.

– Вот ведь в море всю жизнь, а песни самые земные, – покачал головой генерал.

Прошение

Умудренная опытом императрица под конец своей бурной жизни не имела ни энергии, ни желания менять явно устаревшие порядки. Она смотрела на жизнь угасающим взором и снисходительно относилась к недостаткам подчиненных. Не простых людей, нет, а тех, кто окружал трон и берег свои привилегии. Вспоминали, как в ответ на указания о хищениях в портах и морском ведомстве она говорила: «Меня обворовывают так же, как и других, но это хороший знак и показывает, что есть что воровать». Утверждала она и то, что признает главную цель – окончательный военный и политический успех; все остальное, второстепенное, отдавала на попечение и исполнение своим подчиненным.

Но вот все переменилось. В ноябре 1796 года после тридцатичетырехлетнего правления Екатерина скончалась.

Павел, восшедший на престол, горел желанием все, что делалось при его матери, или отменить, или заменить, или изменить. Бывшие при Екатерине приближенные отстранялись от своих кресел, изгонялись из дворца и теплых мест. Те, кто получил в екатерининское время за свои победы или «деяния» почести и награды, попадали в опалу, уходили в отставку. Павел формировал свой кабинет, свои принципы, свою политику.

Он был убежден, что его благодеяний ждали давно и все приветствуют их. Но по всему государству разносились зловещие слухи, все низшие слои были уверены, что «жизнь похужела». Подумав слегка, почесав в затылке, эти доморощенные философы признавали, что «босоты да наготы изнавешены шесты», а сие, правда, было и при императрице. Так что основной массы населения изменения Павла не коснулись. Однако вельможе, чиновнику, офицеру да и вообще дворянину стало жить хуже. Не всем, конечно, но большинству. От офицеров стали требовать жесткого соблюдения регламента, их стали учить, как обыкновенных рекрутов. От чиновников стали требовать вовремя приходить на работу. От дворян – решительно отказаться от французских идей, книг и даже мод. Вельможи были задеты невниманием и «в обнаруженном вдруг полном своем ничтожестве перед лицом абсолютной власти». Ропот, что переходил из кабинета в кабинет, из дворца во дворец, из столицы в провинции, из города в имение, – создал свое мнение об императоре. Причем мнение отрицательное. Правда, некоторые понимали излишнюю предвзятость. П. А. Вяземский заметил: все царствование Павла, вероятно, излишне очернено. Довольно и того, что было, но партии не довольствуются истиною.

Для Павла I на первом этапе главным стал отказ. Отказ от политических принципов, союзов, людей, от дворцового наследия Екатерины. Известный

адмирал Шишков писал в своих записках, что все так переменилось, «что, казалось, настал иной век, иная жизнь, иное бытие. Перемена была велика, что не иначе казалось мне как бы неприятельским нашествием… Весь прежний блеск, вся величавость двора исчезла… Знаменитейшие особы, первостепенные чиновники, управляющие государственными делами стояли как бы лишенные своих должностей и званий, с поникнутой головой, не приметны в толпе народной. Люди многих чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал их, – бегали, повелевали, учреждали. Удивленный, смущенный от всего того… возвратился я домой с печальными мыслями и сокрушенным сердцем».

Было отчего сокрушаться дворянской России. Царь с ранней зари, с шести часов утра, за работой. Значит, и им рано вставать надо. «В канцеляриях, в департаментах, в коллегиях, везде в столице свечи горели с пяти часов утра; с той же поры в вице-канцлерском доме, что был против Зимнего дворца, все люстры, все камины пылали. Сенаторы с восьми часов утра сидели за красным столом. Возрождения по военной части были еще явственнее – с головы началось. Седые с георгиевскими звездами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать экспантоном», – писал один из современников.

Да, у Павла была полная уверенность, что совершается, как говорил он, «исцеление» страны. Однако же модель для улучшения он избрал химерическую, неприменимую к России. Идеалом его управления оказалась гатчинская система, где господствовала бездушная прусская схема.

«Немедленно все пружины государственного строя были вывернуты, столкнуты со всех мест, и Россия вскоре приведена в хаотическое состояние», – писалось в издании Шильдера. Современник той эпохи И. М. Муравьев-Апостол, обращаясь к своим сыновьям, говорил, что со вступлением Павла I на престол в России произошел столь резкий поворот, что его не поймут потомки. Наступившую эпоху называли где как требовалось: торжественно и громогласно – **возроладением;** в приятельской беседе, осторожно, вполголоса – *царством власти силы и страха;* втайне между четырех глаз – **затмением свыше.** Стало несносно служить, особенно военным и чиновникам. Однако нельзя было не отметить и положительные изменения. Из ссылки были возвращены Радищев и Новиков, освобожден Костюшко. Восстановлен был статут в присоединенных от Польши губерниях; введен в этих губерниях в употребление польский язык, в Прибалтийском крае и Выборге были установлены старинные уставы. Переименовывались или, вернее, возвращались старые названия городов. В 1797 году повелено было именовать Севастополь Ахтияром. Однако дворянская Россия не принимала эти реформы нового императора. Один из ее историков писал позднее: «Россия вовсе не нуждалась в

исцелении ее государственной организации мероприятиями в духе павловских нововведений». Павел же все хотел сделать и проверить сам. Поэтому-то был завален второстепенными мелочами, несущественными прошениями, глуповатыми мелочами, случайными представлениями. На столе его находилось множество прожектов, приказов, которые готовились по его указанию. Петровского масштаба, силы и хватки он не имел, поэтому-то и не довел он большое количество дел до завершения, запутался в «подробицах» и мелочах. Его же многие годы накапливающаяся подозрительность не давала возможности иметь опытных и многознающих советников. Он взялся изменить многое, но помощников, равных «птенцам гнезда Петрова», не имел, и не мудрено, что его отрицание екатерининских дел, неприятие лиц, достигших вершин при матери, захлебнулось. Но то было потом, когда он обратился к военному авторитету Суворова и Ушакова. А сейчас шел январь 1797 года.

На приеме у Павла был Безбородко. Граф был одним из немногих екатерининских вельмож, оставшихся при дворе. Да не оставшихся, а возвысившихся. Сразу после смерти Екатерины он был пожалован в действительные тайные советники первого класса – а то был высший чин в табели о рангах. Сказывают, повышен сразу после того, когда в предсмертный час императрицы в ответ на немой вопрос цесаревича, взглянувшего на пакет, перевязанный голубой лентой, кивнул головой. После этого кивка началось его возвышение, а таинственный пакет полетел в камин. По слухам, то было завещание императрицы, подписанное Румянцевым, Салтыковым, Суворовым, Алексеем Орловым, Платоном Зубовым и митрополитом Гавриилом об устранении от престола Павла и передаче короны Александру. Так или нет, но Павел прислушивался из старой гвардии едва ли не к одному Безбородко и ценил его советы…

– Александр Андреевич, думаю я прекратить вечные войны. Сколько себя помню – Россия все воюет.

Безбородко слегка раскрыл щелочки на лице, откуда, как две юркие мышки, сверкнули глаза.

– Истинно так, ваше величество. Казна пуста. Народ в великом разорении. Рекрутские поборы замучили. Первое спасенье России – в мире.

Павел удовлетворенно закивал, было приятно чувствовать, что с ним соглашается не какой-то постоянно согбенный царедворец, а мудрый и хитрый политик.

– Армию уменьшим. Организуем ее по-новому. Фаворитское расточительство и беспорядок ликвидируем. Новый устав уже действовать стал. Граф Суворов, говорят, меня упрекает, что он по-прусскому образцу подготовлен. Ну да у меня полководцы тоже будут свои, которые по новому

уставу воевать способны. Штенвер Гатчинское войско вымуштровал. А каковы новые генерал-майоры Обольянинов, Кушелев, Аракчеев? Фельдмаршальские звания Салтыков и Репнин тоже не случайно получили. Пусть Суворов себя Фридрихом Великим не мнит. Вот опять прислал прошение, чувствую, на коронацию не собирается. – Павел взял лежащее сверху письмо и, отодвинув от себя, прочитал вслух: – «Мои многие раны и увечья убеждают Вашего императорского Величества всеподданно просить для исправления от дни в день ослабевающих моих сил о всемилостивейшем увольнении меня в мои Кобринские деревни на сей текущий год… Повергая себя к освященнейшим Вашего императорского Величества Стопам». Каков дипломат? Все пробует меня, а вокруг офицеры клубятся с мыслями дерзкими. Гатчину поносят, мерсинерами[14] всех моих подчиненных называют…

Павел испытующе смотрел на Безбородко, а тот молчал. К Суворову благоволил, но знал, что в словах граф не сдержан. Вот недавно передавали, что он и его царапнул, упрекая, что не открывает новому государю всю опасность преобразования русской армии на прусский лад. Так и сказал: неужели Безбородко не видит этого? Видит, добавил, но болонки на Борей не лают. Его-то, столь немало сделавшего для Суворова, для русской армии, болонкой обозвал. Ну вот, пусть сам и выпутывается. Однако не выдержал и негромко сказал:

– Обязанности свои надо несть везде и… Павел перебил:

– Так и написать надо – обязанность препятствует от службы отлучиться. Опасаясь худшего, Безбородко искусно перевел разговор на другую тему. Зная, что император любит флот, спросил:

– Каковы ваши повеления насчет нынешнего состояния флота?

– Везде надобно экономию навести. Флот стал расточительным удовольствием. Мы в России денег никогда не умели считать. А пришло время свои прихоти усмирить. Пусть особый комитет при цесаревиче все просчитает. Кушелев сам займется, сам. Думаю, что он и во главе Адмиралтейств-коллегий встать должен. На Черноморском флоте нам столько кораблей не надобно. И флотом ему считаться незачем. Расходы, расходы! Вознесенское наместничество следует ликвидировать. Одессу перестать строить – ни к чему нам эти потемкинские деревни. Флот довести до одной эскадры. Хватит деньги тратить. Все капиталы имеющиеся следует направить сюда, на флот Балтийский. Адмиралтейств-коллегия, как правильно граф Воронцов сказал, действительно похожа на старую и дряхлую бабу, которая оглохла, ослепла и потеряла движение рук своих. Экономить сие – задача флота.

Безбородко склонил голову и, позыркивая на императора, думал. Он и сам, где можно, стремился экономить, но понимал, что экономией власть не

утвердить: нужна сила державная. И для этой силы денег жалеть не надо. Власть утвердишь, тогда и экономь. Сказал другое:

– Ваше императорское величество мудро задумали. Молю за вас Бога, чтобы власть нынешняя дальше продолжалась. Экономить во всем – то истина государственная. Однако при сем добавлю, что, может быть, Черноморский корабельный флот не весь следует сократить. Может, прислушаться к некоторым командирам морским тамошним. Де Рибас, конечно, жулик, на Одессе руки греет. Мордвинов, тот спит и во сне англицкие порядки видит. Я вам докладывал, что в покровительство ваше просится вице-адмирал Ушаков.

– Что он там хочет? – недовольно отрываясь от широких масштабных разговоров, спросил император. Да и не любил он потемкинских протеже, но Ушакова ценил за то, что служит не ропща и достойно.

Безбородко вытащил из папки бумагу, развернул и торжественно прочитал (знал, скороговорка – великому делу помеха):

– «Высочайше милости и благоволения Вашего императорского Величества, в бытность мою в Санкт-Петербурге оказанные, подали смелость всеподданнейше просить монаршего благоволения и покровительства.

Встречавшиеся обстоятельства состояния моего истощили душевную крепость, долговременное терпение и уныние ослабили мое здоровье; при всем том подкрепляем надеждою, светом истины, служение мое продолжаю беспрерывно, усердием, ревностью и неусыпным рачением, чужд всякого интереса в непозволительностях!»

Павел поднял руку, пожал плечами.

– Почему они все на хворь ссылаются, на душу? И Суворов тоже…

Безбородко не хотел связывать имена. Знал, тогда никакого покровительства не будет. Не ждал окончания и неучтиво дочитал текст:

– «…Дозвольте мне на самое малейшее время быть в Санкт-Петербурге и объяснить чувствительную мою истинную преданность. Сего, однако, счастливого случая я ищу и желаю, а притом, состоя под начальством председательствующего в Черноморском правлении, именуюсь командующим корабельного флота Черноморского, ежегодно служу на море, и по долговременской в здешних местах моей бытности и все обстоятельства состояния во всех подробностях флота, мне вверенного, здешнего моря и подробности ж сил противных почитаю мне известнее, по оным имею я также надобности лично донесть Вашему императорскому Величеству…» Хорошо бы принять, – захлопнул папку Безбородко.

Павел строптиво повел плечами:

– Ни к чему. За Черноморский флот будет заступаться. Да и что есть там такого, мне не известного?

– Однако же вы его знаете, ваше величество.

– Знаю, знаю. Усердный, но непонятный. За кого он? А впрочем, может, вы и правы, Александр Андреевич, Черноморский флот проинспектировать надо. Вдруг понадобится. Пусть поедет контр-адмирал Карпов и доложит по приезде. – Павел подумал и добавил: – И с Ушаковым пусть встретится, узнает, что за надобность у него ко мне.

Безбородко понял, что не добился того, что задумал: вытащить Ушакова в Петербург, приблизить ко двору да и флотское дело на Черном море утвердить. Знал, правда, что императору разговор запомнится, в опасные минуты адмирала вспомнит.

Померились силой

Ушаков прибыл в зимний и неприютный Николаев для осмотра стоящих кораблей, для замещения на время отсутствия председателя Черноморского адмиралтейского правления вице-адмирала Мордвинова. Был в хорошем расположении духа – флот должен был скоро пополниться новыми кораблями. По верфи у Ингула ходил неспешно, хотя срывавшийся несколько раз ветер приносил мелкую мокрую пыль, сдувая ее то ли с низко летящих туч, то ли с гребешков волн расходившейся с утра реки. Сопровождавшие его офицеры из конторы Черноморского адмиралтейского правления ежились, недовольно поглядывая на неутомимого вице-адмирала, пытаясь поскорее провести его мимо сушилок, подсобных помещений, мастерских, где сушились доски, подгонялись паз в паз брусы для бимсов, готовились щиты, переборки. Но Ушаков, будто строгий инспектор, заглядывал всюду и везде замечал неполадки, недоделки, неточности. С корабельным мастером бригадиром Афанасьевым говорил сурово и резко, тот его главенства и тона начальственного признавать не хотел.

– А вы нам лес дайте ровный. Дайте просушить его не полгода, не год, – три, а то и пять лет пусть в сушилке побудет. Вам же давай сегодня строй, завтра в плаванье…

Но и Ушаков не отступался:

– А вы, господин обер-интендант, думаете, флот наш для игрушек надобен да для парадов? Или все-таки ему защищать Отечество необходимо? А для сего он должен быть быстроходен, мощно вооружен, удобен в управлении. Я на проекты господина Катасонова, что в «Захарии и Елисавете» воплощены, добро не дам. То не мореходные сооружения, а гроб для моряков. В море не выпущу.

Афанасьев взвился, закричал на вице-адмирала:

– Вы права не имеете! Господин Мордвинов выше вас, а он согласен с проектами нашего лучшего мастера. Ему тип сей корабля нравится.

– А! – махнул рукой Ушаков. – Что… что ваш адмирал знает. Он дальше Очакова в Черном море не бывает. Знает он, как шпангоут в походе рассыпается? Как кницы и бимсы лопаются? Знает? Ни черта он не знает. Ему лишь бы корабль в море скорее спихнуть.

– О господине Мордвинове негоже так говорить. Он немалое о судовом строительстве попечение имеет, – со сдержанным уже негодованием говорил Афанасьев. – А о вас, господин вице-адмирал, везде слава идет, что вы неуживчивый и вредный человек, – с запальчивостью закончил он. – Нрав ваш надо укрощать, ибо работа от этого страдать будет.

– Да, будет, милостивый государь. Плохая работа страдать будет, а хорошая только поощряться будет. Каков вы фрегат «Святой Николай» построили здесь? Отличный! Кто слово скажет. А нрав мой, дражайший обер-сарвайер, девицам, может, и не по нутру, а для дела корабельного подходит. Ибо когда корабль рассыпаться будет в море, то под ним пучина смертельная, а не подушки пуховые подстелены тещей ласковой.

На тещу Афанасьев совсем обиделся и замолчал, ибо в городе знали его горячие похвалы матери жены, что расточались повсюду. Ушаков же ходил еще долго: ворчал, вздыхал, примеривался. Подбежал запыхавшийся офицер, требовательным голосом отчеканил:

– Их превосходительство вице-адмирал Николай Семенович Мордвинов прибыл в город. Вас давно ждут в конторе правления. Беспокоятся. Обед сготовили.

Ушакова раздражение не отпускало, зло посмотрел на офицера и бросил ему обидные слова:

– Скажи адмиралу – обедать не собираюсь. У меня после таких кораблей нутро выворачивает.

Афанасьев махнул рукой, отошел в сторону – понял: Ушакова сегодня не переспорить. Посыльный офицер медленно развернулся и нерешительно зашагал прочь, потом, подумав, наверное, что ответ важный, припустил рысцой.

Группа офицеров вокруг Ушакова растаяла. Он же сосредоточенно смотрел на то, как три плотника набивали доски на киль, хотел один раз поправить их, потом согласно кивнул головой. Афанасьев незаметно встал рядом, тихо спросил:

– Дак что, совсем не годится «Захарий»?

– Не годится. Заваливается при брамсельном свежем ветре. При стрельбе дыма собирается больше, чем обычно, на верхней палубе, – ответил, как будто ничего не случилось, Ушаков. – Слушай, – взял он за рукав Афанасьева. – Ну что мы выиграли? Нижняя батарея при наклоне действовать не может, а на верхней канонирам ничего от дыма не видно. А ежели абордаж? Собьет служителей противник первой атакой, сядет на люки – и крышка, всем резервам снизу не выйти. Побыстрее отказывайтесь от прожекта. Я ведь и сам перед господином Катасоновым шляпу снимаю, но здесь у него промашка вышла.

Афанасьев несогласно покачал головой.

По верфи вихрем промчалась адмиралтейская кибитка, из нее легко выскочил сам Мордвинов, быстро подошел, не церемонясь, поздоровался за руку, спокойно сказал:

– Правильно шумите, Федор Федорович. Премного с вами согласен, лучше надо строить, прочнее делать корабли.

Афанасьев с удивлением посмотрел на него, пожал плечами. В Ушакове же злость оседала, он успокаивался, подумал: вот ведь и не противится, не злится внешне Мордвинов – англичанин истинный. Никогда не знаешь, что на самом деле у него на уме.

По верфи походили вместе, поговорили, но уже без напряжения, без натянутой струны.

– Сегодня у меня, Федор Федорович, все николаевское общество будет. Милости прошу. Вы у нас никогда не бывали, а мои родственники очень хотят познакомиться.

Ушаков хоть и отнекивался, но понял, что сегодня не побывать у Мордвинова нельзя, обида будет больше, чем в споре из-за кораблей. Да и поговорить, может быть, удастся с офицерами, корабельщиками,

петербургскими гостями – время неспокойное, надо знать, надо чувствовать, надо быть готовым к действиям и козням всяким.

Действительно, вечером у дома председательствующего Черноморским адмиралтейским правлением было много карет, кибиток, закрытых возков. Из Богоявленска, Спасского и даже из Херсона и Очакова прибыли гости: офицеры и их жены, корабельные мастера, помещики – владельцы обширных нив и нераспаханных земель, местные купцы, французские эмигранты, преподаватели Морского Николаевского корпуса. Мордвинов сам пошел навстречу Ушакову и провел его к столику, где сидело несколько человек.

– Знакомьтесь, вице-адмирал Федор Федорович Ушаков. Генриетта Александровна, моя жена.

Давно уже Ушаков не видел такой заморской красоты. В чем простодушно и признался хозяйке. Та благосклонно согласилась с ним.

– Это мило, господин вице-адмирал, но я и есть англичанка, то есть заморская для вас.

Ушаков знал, конечно, что она англичанка, ведал и то, что от нее, а может, еще и раньше, в период службы на английском флоте, Мордвинов влюбился в британские порядки и был их страстным поклонником.

– Сестры – Елизавета, Анна, – представил хозяин гостей, – брат жены – Фома Александрович Кобле, мадам Гаке, баронесса Боде, граф Александр Иванович Остерман-Толстой, граф Гейден, господин Гамильтон, наш профессор Ливанов, архитектор Де-Волан. Садитесь, господа, – пригласил он вставших. – Сыграем партию в «фараон». – Остановил отстегивающего кошелек Остермана. – Нет-нет, граф, увольте, вы же знаете, что нынче это строго наказывается – играть на деньги. Я только что из Петербурга. Там новые порядки.

– Похоже, наш император, – удобно располагаясь, заметил Остерман-Толстой, – хочет искоренить сразу все недостатки. Революцию, опоздания на работу, русскую лень, мотовство и вот теперь карты. Как вы думаете, мадам, удастся ему это сделать?

– Не знаю, но следует ли верить тому, что он прекратил борьбу с королевскими душегубами во Франции? Вы только что из Петербурга, Николай Семенович, что там говорят об этом?

Мордвинов раздавал карты и, казалось, полностью был сосредоточен на этой безделице, потом осмотрел сидящих и торжественно сказал:

– Митрополит Платон еще по случаю славной Чесменской битвы у гробницы Петра Великого цесаревичу Павлу предрек, что он не только славу Петрову сохранит, но и умножит. Цесаревич же с детских лет к флоту привязан. Помните, он был назначен в восьмилетнем возрасте генерал-адмиралом, а после прочтения книги господина Ломоносова еще мальчиком требовал отыскать проход через север к Америке, дом инвалидный для старых моряков на Каменном острове устроил и все свое генерал-адмиральское жалованье на его содержание отдал. Так что мы над Российским флотом ныне имеем не только монарха, руководителя, но и испытанного покровителя.

Мадам Гаке слушала невнимательно, кривила губы, нервно перебирала пальцами ожерелье.

– Но правда ли, господин адмирал, как пишут английские газеты… Фома, зачитайте, что написано нынче всем русским послам.

Брат хозяйки надел на нос пенсне и вытащил из кармана кусок газеты.

– Тут написано, что граф Остерман направил всем вашим послам циркуляр, в котором извещал их, что «Россия, будучи в беспрерывной войне с 1756 года, есть поэтому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастном положении истощать свое народонаселение. Человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным его подданным в пренужном и желаемом ими отдохновении». – Фома Кобле поправил пенсне и добавил: – На Европу это произвело тяжелое впечатление. Насколько я знаю, из Англии отзывается эскадра контр-адмирала Макарова. Не так ли?

Мордвинов сосредоточенно думал над картами и не ответил Кобле. Потом обратился к Ушакову:

– Федор Федорович, вот почему вас моряки, низкие служители, так боготворят? Куда ни приедешь, все просят, нам бы под начало адмирала Ушакова. Спуску вы им вроде не даете, изнуряете экзерциями разными, а они на вас молятся.

Ушаков посмотрел на него испытующе: в чем подвох?

– Никто не молится. Просто я простых служителей за людей чту. Без их действия ни одной победы не одержишь. А их научить надо, упражнения провожу для этого. Уменье знанья прибавляет, больше свободы понимания становится, стараются они больше, как видят, что я об них пекусь. Забота о подчиненном – сие командирская обязанность.

– Но неужели, господин адмирал, это входит в ваши обязанности? Неужели нельзя привести в состояние порядка ваших мужиков другим низшим

командирам? Неужели власть короля во Франции зависела от ласкового обращения с этими хамами? – перебила Ушакова мадам Гаке и, не дождавшись ответа, обратилась к Мордвинову: – А вы что скажете, Николай Семенович? Что делать, на кого надеяться нам, аристократам?

Ушаков покраснел, напряженно думал, что ответить. Мордвинов же был, наоборот, спокоен и ласков, только левая скула у него то твердела, то размягчалась.

– Я вот что думаю, господа, дайте свободу мысли, рукам, всем телесным и душевным качествам человека, предоставьте каждому быть, чем его Бог сотворил, и не отнимайте, что кому природа даровала, и тогда нас будут чтить, как Федор Федоровича.

– Полноте, – махнул рукой Ушаков. – Давайте лучше о наших флотских делах. К чему готовиться, как думаете? Турки шныряют к крымчакам, то ли купцы, то ли шпионы. Но флот их килеванием исправляется без поспешности. В Синопе, на Архипелаге, в других местах много судов строится. На оружейном Константинопольском заводе под дирекцией французов работают по образцу европейскому ружья. В общем, Порта Оттоманская всякий час готовится к военным действиям, но сама собой еще открыть их не осмелится. Ожидает удобного к тому случая, смотрит на обороты воюющих европейских держав, а особливо примечая выигрыш и неудачу французов.

Мордвинов отодвинул карты, в задумчивости кусал нижнюю губу. Слушал Ушакова, потом решительно поднялся:

– Пойдемте, Федор Федорович, я вам библиотеку покажу, других гостей представлю.

Библиотека у Мордвинова была отменная. Стояли тут и тома Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина. Однако же было больше авторов иноземных: Адам Смит, Жан-Жак Руссо, Голдсмит, Юнг, Эразм Роттердамский.

– А это, прошу обратить внимание, «Китайские записки», лично подаренные императрицей Екатериной «за донесения, написанные золотым пером», а вот сии записки Сюлли, еще в бытность цесаревичем, Павел подарил. Однако большая часть моей библиотеки – книги философского и экономического свойства.

– Что же? По морскому делу не собираете?

– Знаю, знаю, Федор Федорович, что у вас редчайшие книги собраны по мореходному делу и кораблестроению. Но разве за всем уследишь?

Ушаков библиотеку похвалил, сказал, что у него кроме морских книг любимые его книги Фонвизина и Державина имеются. Но про себя подивился: почему по главной адмиральской специальности книг достойных в здешней библиотеке не было?

– Федор Федорович, – интимно обратился Мордвинов, – скажите, как вы хозяйство своей персоны ведете? Записываете мысли? Счета кто ваши подписывает?

Увидев, что Ушаков недоуменно на него посмотрел, пояснил:

– Я для себя составил и постоянно добавляю порядок разумного ведения дел домашних.

– Да у меня особых домашних дел и нет. Счета финансовые я сам веду, на черный день денег не коплю.

– А зря, зря, голубчик, время придет, не заметите. А где в старости заработать? Учиться считать нам, дворянам русским, надо.

– Мысли всякие, – раздумчиво продолжал Ушаков, – в тетрадь заношу, а потом в ордера морские, наставления.

– Да-да, вы все в морскую науку превращаете, а я вот мучаюсь философскими проблемами, на ночь кладу под подушку бумагу и карандаш – мысли собираю; честно скажу, боюсь, что не скоро мы понадобимся государю, морские служители. Ему бы сейчас хороших экономистов с десяток – всю Россию можно было бы переделать. И еще, Федор Федорович, – совсем разоткровенничался Мордвинов, – мысли по поводу нашего устройства у меня несвойственные моему чину приходят. Думаю, что уж и руки рабов не способны к порождению богатства. Свобода, собственность, просвещение и правосудие – суть естественные и единственные источники оного. А у нас в России, – заходил перед Ушаковым николаевский мыслитель, – просвещение и богатство находятся в руках малого числа людей, а нищета и невежество – у многочисленной части народа. Поэтому нам надо образовать среднее сословие. Как вы думаете, Федор Федорович?

Ушаков эти вопросы и сам себе задавал. Не на все находил ответы. Но считал, что он, как военный человек, как дворянин, должен служить Отечеству и государю честно и свое дело исполнять, а тех, кто с ним служит, он должен научить, душу их не уничтожить, а слиться воедино в исполнении долга.

– Я, Николай Семенович, обо всем устройстве не могу говорить, то дело Божеское и державное. Но почитаю хорошими тех людей, которые собственное достоинство имеют, других уважают. Вот посмотрите, коли молодой мичман приходит на корабль и начинает морякам зуботычины раздавать направо и

налево, то где его командирское достоинство? Ведь он их не научил, а начинает требовать. Себе подобных за тварей почитает. Негоже. Не за страх должен работать служитель, а за совесть. И коль мы с детских лет воспитывать будем совесть, страх и зло отодвигать на задворки, то вот вам сословие людей достойных, необходимых Отечеству.

– Вы наше состояние бедственное выводите из причин нравственных, а я из причин экономических, – задумчиво потирал лоб двумя пальцами Мордвинов. – Впрочем, подумать об объединении сих мыслей следует. А сейчас позвольте я вам представлю двух наших знаменитостей – силача Лукина и сочинителя Захарьина.

В зале, куда они вышли, было шумно, громко звучала музыка, оркестр, составленный из морских служителей, играл входивший в моду полонез. Мордвинов подвел к невысокому офицеру: «Вот он, сей славный сочинитель „Афраксада“. О коем во всех слоях общества говорят». Ушаков поздоровался, подивился невзрачности сочинителя, книга которого была широко известна, читалась даже грамотными матросами.

– Ну ты приготовил вице-адмиралу книгу? – обратился к Захарьину Мордвинов. – Я ведь его из Москвы забрал, – самодовольно объяснил он Ушакову, – Бахусу премного уделил внимания сей литератор. Я его, спасая, привез сюда, в Николаев, дал офицерский чин, и он тут у меня учительствует. Думаю, новое сочинение напишет про подвиги флота, про нас и Николаев-город.

«Вот как заботится о славе собственной», – подумал Ушаков и поклонился Захарьину, протянувшему ему свою книгу. Мордвинов выхватил ее и громко зачитал:

«Господину адмиралу Федору Федоровичу Ушакову. От Петра Михайловича Захарьина – „Афраксад“. Сей труд древности и таинственности сочинен на 40 медных табличках халдейскими буквами, а написал их Абу-Амир. С халдейского перевел на арабский, с арабского на татарский, а Захарьин нашел среди бумаг и перевел на русский». О, каков ход придумал сочинитель! Молодец!

– А вот этот герой, полюбуйся-ка на него, Федор Федорович, – тоже достойная нашего города фигура.

Ушаков и впрямь залюбовался беловолосым офицером, что подошел к ним. Высокий и ладно скроенный, он не казался великаном, но мощный вице-адмирал был ниже его почти на голову.

– Он, сказывали, – опять с внутренней гордостью и даже хвастовством объяснил Мордвинов, – хватал в юности за задок кареты: четверка лошадей ни с места. А когда в арсенале пропал пятипудовый фальконет, Лукин сказал: «Унесли, наверное, так». Взял пушку, сунул под плащ и без натуги пронес до ворот и обратно.

– Было, было, – пророкотал богатырь, – однажды даже восьмерку задержал, но лошади ось выломали и убежали.

Ушаков вдруг встрепенулся, в глазах заиграли бесики, и он лукаво сказал офицеру:

– А ну давай померяемся!

– Браво! Браво! – захлопал в ладоши Мордвинов. – Музыка, тише.

Музыканты опустили трубы, танцующие пары подошли ближе, Фома Кобле надел пенсне и посадил за игральный столик спорщиков. «Вот так! А теперь, раз, два, три!» Никто ничего не понял, но рука Лукина уже лежала на столе. Офицер покраснел, смущенно развел руками – ведь он никому не проигрывал до сих пор.

– Вы… вы, господин адмирал, сноровистей… Ушаков пожалел силача и предложил помериться еще раз. Несколько минут склонялись руки в разные стороны над столиком, потом Лукин додавил соперника.

– Молодец. Истинный русский силач, – отворачивал рукав Ушаков. – Приходи к нам на корабли. Пойдем в дальние походы.

– Ты, Федор Федорович, не сманивай. Он нам и здесь нужен, турок отпугивать, – посмеивался Мордвинов.

Музыка вновь заиграла, пламя свечей заколебалось в такт танцующим.

– Спасибо за вечер, Николай Семенович. Я от своей морской качки отошел немного. Хорошо тут у тебя. Поеду, пожалуй. Дорога дальняя.

Мордвинов проводил на крыльцо и, пожимая руку, как бы между прочим сказал:

– Ну а проект-то Катасонова запустим, наверное, вона сколько денег затрачено.

Рука Ушакова закаменела, лишилась доброжелательности и тепла. Он вынул ее из рукопожатия, как из ножен, и твердо ответил:

– Все сделаю, чтобы проект не утвердили, самому государю отпишу. – И, подумав, закончил: – А за угощение спасибо.

Ученье каждый день

Всю зиму шквальные ветры обрушивались на Крым. Еще не окрепшие деревья акаций гнуло почти до земли. Водяные брызги с мола достигали второго этажа адмиральского домика, где в открытом окне высилась фигура Ушакова. Вице-адмирал. Он томился тем, что пол в доме не ходил под ногами, как палуба, не скрипели мачты, не шуршали снасти, не хлопали над ним паруса. Наверное, он не возражал бы, чтобы долетела сюда и ошалелая волна, плеснула в лицо соленой водой, шумно рассыпалась над бортом.

И здесь не бездельничал: проверял провиантские склады, заставлял чистить выгребные ямы и мыть полы в казармах, ездил смотреть прибывшее парусное полотно и канаты. Читал. Читал книги по морскому искусству и военному делу, о подвигах, о славе народа своего.

Несколько раз выходил в море, приказывал ставить паруса под разными углами, изучал, как меняется скорость, вместе с командирами корабля искал, как безопаснее расположить грузы. Он же заставлял составить расписания для различных обстоятельств: для стоянки, для ежедневной службы, на якоре и в море. Каждый точно знал свое место и свои обязанности. Да и сам постоянно учился, следил за событиями.

Выписывал немецкие и английские газеты. Просил переводить все, что касалось морских событий. Французский эмигрант капитан-лейтенант Грюэ всячески хаял новый флот Франции. Ругал его за порядки, за выборных командиров, за разбегающиеся команды, перегруженный рангоут, который невозможно сменить в море. Ушаков отметил для себя, что и у русских кораблей он тяжеловат. Просил Грюэ нарисовать рисунок паруса, все искал лучший, чтобы не терялась парусность. Пробовал наладить стрельбу раскаленными ядрами. Установил ревербирную печь, сам смотрел, как раскаливались ядра. Ревниво осматривал пришедшего в Севастополь английского «купца». Никаких украшений, орнаментов, ненужных надстроек. Все, что мешало мореходным качествам, у англичанина исчезло. Медь на днище была уже не новинкой, но у «купца» были заметно загнуты углы. Подолгу разглядывал карты, водил пером по черноморским берегам. Но нередко можно было застать сосредоточенного адмирала над изучением извилистого побережья Греции, «сапожка» Италии, Адриатики и далеких Ионических островов. Изучал он и Балтику, висели у него и карты далекой Америки, Белого и Каспийского морей.

Почти каждый день проводил упражнения, развивал верность глаза у офицеров, а у моряков все четче становились движения, они знали на память все команды, дисциплина их не пугала, они все больше привыкали ко

вниманию и требовательности со стороны строгого и доброжелательного к ним адмирала.

Особенно его интересовала знаменитая и неудачная экспедиция флота французской Директории к берегам Ирландии. Возглавил ее генерал Гош, который, говорят, был вне себя от неповоротливости флота, по поводу которого говорил: «Что такое флот! Сохрани меня Бог когда-нибудь вмешаться! Какой странный состав! Огромное туловище с разъединенными, бессвязными частями; внизу противоречия; организованная недисциплинированность в военной корпорации, и если прибавить сюда надменное невежество и глупое чванство, то вы получите полную картину флота!»

Ушаков расспрашивал Грюэ, что произошло с экспедицией, отчего окончилась она неудачей. Тот сам толком не знал, но, по слухам и данным, полученным им, выходило, что часть эскадры не поняла сигналов, другая была введена в заблуждение сигналами, которые им делал английский фрегат. Часть эскадры под командованием адмирала Бувэ подошла к ирландским берегам, но из-за плохой погоды и нерешительности начальников высадка не состоялась. Бувэ отправился обратно в Брест. Через два дня сюда же подошла другая часть эскадры, и по тем же причинам высадка снова не состоялась. И они повернули в Брест. Проблуждав несколько дней вокруг своих и английских кораблей, генерал Гош, находившийся на фрегате «Фратерните», едва не попав в руки англичан, тоже возвратился в Брест. Из 43 кораблей всего шесть судов были потеряны, но экспедиция в целом потерпела крах. А почему? – расспрашивал Ушаков. Да потому, что команды не были укомплектованы, корпуса расшатаны, мачты оказались плохо скрепленными, паруса все в заплатах, провианта взяли мало, и к тому же выбрано было для экспедиции самое плохое время – бурное, опасное, туманное. Начальники экспедиции плавали отдельно от основной части экспедиции и не могли ее связать, объединить сигналами и общей командой всю эскадру.

Федор Федорович надолго задумывался и часто записывал в свою кожаную тетрадь:

…Сигналы! Сигналы – мудрость и воля флотоводца.

…Паруса! Паруса – это крылья флота.

…Команда! – это залог успеха.

…Погода! – условие для точного движения.

Да, а что еще? Что еще надо, если флот направляется в экспедицию, в дальний поход, на морскую битву. Он, может быть, уже участвовал в самых своих главных битвах, но, возможно, главная битва ждала его впереди. Он не

знал этого, не знал, но готовился. Готовился ежемесячно, еженедельно, не пропуская ни одного дня.

Весна 1798 года

Весной 1798 года Европа вслушивалась в стук топоров, доносившийся из Тулона. Гроза монархических армий, всех противников республиканской Франции и опора новой послеробеспьеровской власти генерал Бонапарт готовил в поход армаду военных кораблей и транспортов. Куда? Конечно, в Англию. Об этом доносили нанятые за большие деньги шпионы. Конечно, генерал нацелился на эти острова, кишевшие роялистами, противниками Директории, в этот центр, где сосредоточились основные силы заговора против республики, где ежедневно в парламенте, в газетах, на сборищах владельцев чайных плантаций в Индии, кофейных в Вест-Индии, лесных угодий в Канаде, золотых россыпей в Африке звучали погромные речи и угрозы. Солнце не заходило над территориями английской короны, но обжигающий свет революционных идей, ниспровергающих королей, провозглашающих равенство, братство и свободу, не добавлял света к радости хозяев Сити. Свобода у толстосумов и так была, их вполне устраивало равенство с аристократами, а братства они не хотели ни с собственными согражданами, ни с близкими им по духу буржуа других стран.

Да, в Англии был в то время центр мирового капитала, и она пыталась держать в руках рычаги мирового господства. Далеко не все получалось. Выскользнула из-под управления североамериканская держава, вызывала раздражение и ненависть своей самостоятельной и независимой политикой Россия. Но на пике злобы в то время была республиканская Франция. И последняя платила тем же. И было ясно, что тулонская флотилия готовилась достичь берегов западной Англии или Ирландии. И с повстанцами страны древних кельтов обрушилась бы на короля, лордов и богачей, обратившись к нищему народу богатейшей страны.

В Петербурге, Константинополе и Неаполе думали по-другому. Чета неаполитанских Бурбонов, хлыщеватый и развратный король Фердинанд, его фактически властвующая, обладающая вампирскими склонностями супруга Каролина были в панике. Недавно французы сокрушили Пьемонт. На его территории созданы новые республики, превратилась в республику цитадель католиков – Папская область. Аристократия Неаполя заскулила: «Бонапарт готовится своим флотом низвергнуть Королевство обеих Сицилии». Как будто ему недостаточно было сухопутных войск?

Селим III в Константинополе горестно взирал на раздираемую противоречиями Османскую империю. Он знал, что французы агитируют на

Балканах, в районах Греции (Морея и Сули), ведут интриги с полунезависимым пашой Янины – Тепеленой, владетелем Шкодры и других округов-пашалыков. Французский флот мог привезти армию на Пелопонесский полуостров, в Египет, а может, и под сам Константинополь.

В Петербурге Павел I был в ярости от нерешительности антиреспубликанцев, он еще не различал оттенков в решениях Директории, для него все во Франции еще дышало духом революционного Конвента. Его осведомители доносили, что в Тулоне кипит напряженная работа, достраиваются корабли, оснащаются транспорты, идет доставка снаряжений и боеприпасов. Дерзость Бонапарта после артиллерийского расстрела роялистов и англичан там же, в Тулоне, и разгрома австрийцев и Северной Италии была известна. Его хитроумные дипломатические комбинации поражали напором и наглостью. У всех на памяти был договор в Кампо-Фермо, когда перестала существовать Венеция, а Франция внезапно встала двумя ногами в Адриатике на Ионических островах. Все мог предпринять резвый Бонапарт. Под большим секретом из Тулона просачивается слух о возможности высадки десанта в черноморских портах и уничтожения флота в Севастополе и Херсоне.

Павел не хотел быть застигнутым врасплох и отдал приказ…

Дела личные…

В эти последние годы XVIII века Ушаков стал известной фигурой в Отечестве, коснулась его милость императрицы. А по флотской линии: капитан 1 ранга, контр-адмирал и вот вице-адмирал. Еще один шаг и… Но только ли этим меряется жизнь? Только ли званиями да наградами она наполняется? В эти же годы он получил жестокие удары. Нет, не собственные ошибки, просмотры, недочеты привели к тому, не от вышестоящих командиров нанесены они, хотя и это было. Не от царского двора раны, хотя и оттуда при Павле пахнуло неверием и нежеланием встретиться, нет, самые больные, может быть, удары для Федора Федоровича пришли откуда-то свыше, извне, оттуда, где не владел он штурвалом, не давал сигналов предупреждающих, не отдавал команд. Одним словом, судьба, Божия воля.

Плохо было Ушакову в эти годы. Умер отец, умерла мать. Умер его духовный поводырь, отец Федор. Свирепость, дурь и горе вылезли в старшем брате Степане. Стал он бить дворовых, истязать их, ропот пошел по селам, жалобы возымели действие. Посадили старшего брата в смирительный дом. Позор…

Пуще всего огорчила его в то время кончина отца Федора в Санаксарской обители. Ушел из жизни человек, светлой верой, чистотой помыслов которого

он восхищался. Свой путь выбрал сам, но многое примеривал на поступки и слова святого отца…

Тогда-то и решил Федор Федорович семью собрать, укрепить, не допустить распада. Взял адъютантом к себе брата Ивана, обратился в опекунский совет с тем, чтобы пришедшего в себя и «осмиревшего» Степана освободили из смирительного дома и перевели в его имение Анциферовку Олонецкой губернии. Всем он хотел сделать доброе дело, поддержать, не допускать раздоров, ссор, склок. Особенно любил детей брата Ивана Колю и Федю, племянницу Павлу, называл их своими детьми, слал подарки и добрые слова через отца.

И еще через одну темную силу приходилось пробиваться Федору Федоровичу, через силу наветов, сплетен и слухов.

С каждой новой ступенькой, что подымался Ушаков, громче раздавался ропот его недоброжелателей: «выскочка», «незнатен», «неродовит», а вот даже целый флот получил под свое начало. Забывали, что не знатностью и родовитостью победы одерживали на Черном море. Побеждал здесь он, Ушаков, умением, искусством и храбростью. И родовитость-то у него была, отец не раз вспоминал, дядя говорил о том, что Ушаковы издревле Отечеству служили, от князя касожского род вели. Только он этим не тыкал никому в нос, не просил за это звание новое или орден. Вот они, недруги, и шептали, злословили, издевались.

Рассердился. Решил найти все бумаги о родстве своем. Направил письмо в Герольдию. Ждал долго, чиновники в Архиве возились так, что и забывать стал, и вдруг в грозовое июльское лето 1798 года получил бумагу – свидетельство. Развернул, с волнением прочитал: «Государственный Коллегии иностранных дел в Московском Архиве Черноморского флота вице-адмирал кавалер Федор Федоров сын Ушаков предъявил поколенную роспись роду своему и, изъясняя в оной о происхождении фамилии своей от косогского князя Редеди, просил о даче ему как о начальном происхождении от рода Редеди и о службах предков его…

…Первое в родословной Книге в архивной библиотеке под № 29 глава 42-я; род Редедин, а от него пошли Симские, да Зыковы, да Елизаровы, да Гусевы, да Хабаровы, да Бирдюковы, да Поджегины, да Блеутовы, да Клютины, да Сорокоумовы, да Глебовы …князя Редедю убили, а сынов Редединых… Во крещении первому имя Юрия, а другому Иоанн, за Романа дал великий князь Володимир Мстиславович дочь. А у Романа сын Василий, Редедин внук. А Василия сын Юрий – а у Юрия дети: Иван, да Михайло Сорокоум. А у Михаила Сорокоума дети: Яков да Глеб. А у Глеба дети: Василий, да Козьми, да Иван, да Илья, да Василий меньшой. А у четвертого сына Глебова у Ильи дети:

Григорий слепой, да Василий объезд – а у Григория дети Ушак, да Лапоть, да Кракотка, да Илья, да Алексей, да Иван Большой, да Лев, да Иван меньшой…»

«Вот вам и подтвержденье чиновное, откуда наш род-то тянется, – с удовлетворением подумал Ушаков, – а фамилия-то от этого Ушака и от его многочисленных братьев». Служили Ушаковы, как расписано было в свидетельстве, у великого князя Ивана, имели поместья в Московском уезде, ездили в битвы на Днепр в 1558 году. «А с Очаковом и Северным морем Ушаковы познакомились еще задолго до меня», – усмехнулся Федор Федорович. Были Ушаковы и воеводами в разных городах: в Бузулуке, в Михайлове, в Угличе. Вот и по посольским делам отправлялся в 1607 году в Крым Степан Ушаков, водил пальцем по грамоте вице-адмирал, а вот и к кесарю в Вену в 1674 году гонцом оказался Никон Ушаков. «Служили, служили Ушаковы государю и Отечеству, род есть, и герб наш будет ушаковский. Ныне постоянным, дабы всякий не попрекал, что высоко чересчур метит вице-адмирал Ушаков».

Федор Федорович прикрепил к стенке герб, отступил от него и внимательно осмотрел геральдические детали.

На щите, имеющем горностаеву вершину, была изображена корона. В нижней части на голубом и золотом поле стоял дуб о двух кронах, сквозь который проходили две серебряные стрелы. Сверху щит был в дубовых листьях, в которых расположились дворянский шлем и корона. По двум сторонам щита стояли два рыцаря, держащие в руках по копью. Большого отклика в сердце герб у него не вызывал, но он почитал, что по традиции сей знак рода Ушаковых должен быть в его комнате и каюте. Затем подтянул к себе Свидетельство и прочитал: «Сия выписка о фамилии Ушаковых учинена Государственной Коллегией иностранных дел в Московском Архиве на основании имянного Его императорского Величества указа, июля в 27 день минувшего года состоящего в котором высочайше изображено. Дабы архивы способствовали дворянам в отыскании доказательств дворянского достоинства. Дано вышеупомянутому просителю Черноморского флота господину вице-адмиралу 12 июля 1798 года».

«Ну вот и ладно, бумага есть, ткну, если надо, в лицо обидчикам», – подумал он, подошел к окну, распахнул и услышал громкий голос снизу:

– Гонец из Петербурга!

Средиземноморский узел

Несколько неожиданно для европейских политиков центр интересов крупнейших держав континента смещался все южнее и южнее к Средиземному

морю. Бывшее некогда колыбелью для блистательных цивилизаций Азии, Европы, Африки – оно потеряло свое значение как колыбель, вернее, купель для этих цивилизаций. Его восточные и южные берега были подчинены несколько веков Османской империи. Было время, когда она полукольцом, как клещами, охватила Европу с запада и востока. Казалось, вот-вот Средиземное море станет озером турецких султанов. Но к концу XVIII века времена изменились. Мозаичное панно империи, состоящее из разноплеменных осколков, стало стремительно трескаться и распадаться. Второе (после Черного) море из турецкого превращалось в международное, где ходили флоты разных стран и где решались судьбы многих держав, династий и королевств. В Лондоне, Париже, Вене, Неаполе, Стамбуле, Петербурге все чаще и чаще обращали взоры к южной части Европы. Зазвучали непривычные для уха названия – Корфу, Анаконда, Абукир, Цериго. Противостоящие друг другу силы вытащили на морские волны сильнейшие флоты того времени. Затрепетал тут и Юнион Джек, и республиканское цветное знамя Франции, и Андреевский флаг русских кораблей, неуступчиво зеленел с полумесяцем турецкий флаг, как тряпки трусливо обвисли неаполитанские вымпела, забились в порты флаги Испании и Венеции. С черным и темно-бордовым знаменем рыскали вдоль побережий варварийские алжирские пираты и невесть каких национальностей корсары, выскакивающие из заросших кустами бухточек греческого Пелопоннеса, пещер Малой Азии. Не прочь были попиратствовать и мальтийские рыцари, чей восьмиугольный белый крест не был символом белой совести.

Вал войны катился в Средиземноморье с севера. Прежде чем она разразилась на море, боевые действия развернулись в Италии. Генерал Бонапарт стремительно, как все, что он делал еще весной 1796 года, разбил армию сардинского короля (Пьемонт), занял Милан и десятком энергичных ударов разгромил австрийцев. В 1796 году под фактическим управлением Франции были созданы республики: Транспаданская (Ломбардия) и Циспаданская (Болонья, Феррара, Реджо и Модена). В 1797 году движение Франции к югу продолжалось. Пало многовековое папское государство. В цитадели наместника Божьего на земле возникла республика. Вершитель судеб миллионов, их духовный пастырь оказался мелким пленником республиканской Директории..

Сотню лет просуществовала Венеция. Казалось, макиавеллиевская изощренность ее правителей, накопленные за века хваткой торговли капиталы уберегут Республику Дожей от участи разбивавшихся вдребезги монархических держав. Но предусмотрительный ум генерала Бонапарта не мог оставить соперника на морских путях.

После соглашения, заключенного в 1797 году с Австрией в Леобене, коварный генерал предложил убийственный вариант для Венецианской республики: выступить против Австрии. В Венеции пытались сопротивляться такому диктату. Тогда генерал нашел предлог и двинул войска на республику аристократов. Много веков балансируя на волнах неспокойной жизни, сумевшая сохранить самостоятельность в отношениях с Портой, Австрией, Римом, Венеция пала под напором Бонапарта. А тот моментально приказал направить эскадру к Ионическим островам, в греческие владения Венеции, и высадить там десант. Эта дерзкая операция заставила заволноваться Селима III и Павла I, Фердинанда Неаполитанского и сэра Уильяма Питта – заносчивого английского премьера. Франция становилась опасным соседом Турции. Так пересеклись силовые линии истории в том месте Средиземноморья.

А там, в Ионическом и Адриатическом морях, именуемых тогда чаще Венецианским заливом, ожерельем вокруг материковой Греции протянулись острова Китира (Церию – острова носили греческое и итальянское названия), Паксос (Паксо), Итака, Левкас, или Левкада (остров Святой Мавры), Кефалиния (Кефалония), Керкира (Корфу).

Жители этих островов – греки – были известны как мореплаватели и земледельцы. Уже много лет они томились под венецианским владычеством. Это не был смертельный гнет Османской империи, в которой все вопросы решались однозначно – кривым ятаганом. Венеция не прирезала своих подданных, она просто потрошила их, заставляя денно и нощно работать на процветание своей упитанной республики, на наполнение сейфов и кошельков утонченных толстосумов.

Вершителями судеб островных жителей был клан привилегированных нобилей, то есть дворян-аристократов, ведущих свое происхождение от венецианских знатных родов. Нобили говорили между собой по-итальянски, все судебные, торговые дела велись также на чуждом основному греческому населению языке. Привилегии нобилей были записаны в «Золотой книге» – символе их величия и родовитости. Однако на островах появлялось все больше и больше людей независимых в экономическом отношении, овладевших высокими познаниями в экономике, торговле, науке, культуре, искусстве. Они-то и составили неспокойный второй класс (иль секондо ордино) ионического общества. Крестьяне, моряки, ремесленники были тем низшим слоем, который должен был обслуживать два первых. Но вольнолюбивые иониты не были столь угнетенные и забитые, чтобы не заявлять о своих представлениях по поводу порядков и устройства жизни на острове. Люди они были свободолюбивые, крепостного права в то время уже не знавшие и горячо преданные своей малой родине, все время находившейся между молотом и наковальней европейских узурпаторов и восточных деспотов.

Большая же их родина – Греция – уже немало веков находилась в закабаленном состоянии, многие ее сыны рассеялись по Средиземноморью и Черноморским берегам. Может быть, никто лучше их не знал эти бухты, заливы, стоянки, укромные места. Их брали капитанами, лоцманами, матросами на свои корабли константинопольские паши, венецианские дожи, мальтийские рыцари, неаполитанские аристократы. И вот уже много лет их, с доверием к опыту и за преданность, приглашают на службу в Россию. Сотнями лет вынуждены были они скрывать надежду на возрождение своей родины. Греки упорно ждали своего часа. Они копили богатства в домах и ненависть в сердцах. Свято верили в день освобождения и берегли Веру. Османы предлагали отойти от заветов веры своей, и это обеспечило бы им почти сказочную жизнь, без страха и угроз. Греки молчали и горестно вздыхали, «отсчитывая» деньги за повышенный налог. Папские нунции нашептывали: переходите в истинную, католическую веру, и вы получите тайное и явное покровительство папы. Греки молчали. Не для того они страдали столетиями, чтобы склонить голову перед святыми отцами Рима, предавшими их в тяжелый час. Два центра притяжения сложились для них в конце века – Париж и Петербург, Франция и Россия.

Французская революция 1789 года породила надежды на освобождение: ведь на знаменах республики было написано: «Братство всем народам…» Во Францию потянулись наиболее пылкие молодые греки, зазвучали пламенные республиканские речи.

Конечно, речь шла не о том, что народ Греции воспринимал с полным пониманием идеологию французской революции. Для греческого общества это был еще далекий этап. Главное было – решить вопрос национального освобождения. Французская Директория и Бонапарт понимали, сколь заманчиво было пообещать грекам независимость, однако они не позволяли этим освободительным настроениям зайти слишком далеко. Острова нужны были Бонапарту для другого.

17 (29) июня 1797 года французские войска под командованием генерала А. Жантили высадились в порту Корфу. Настрадавшись под венецианским владычеством, корфиоты с напряженным молчанием встречали новых хозяев. Кто они? Несут ли свободу, равенство, братство? Или сменят венецианские налоги на свои да заменят итальянский язык французским?

Бонапарт знал, что надо въезжать в любую страну на страстных, громких, даже ошеломляющих лозунгах. Для этого всегда найдется какой-нибудь неистовый поклонник революции и идей. На острова им был отряжен ученый-эллинист А. В. Арно, которому предписано было возбуждать народ, превращать его в друга французской революции. Арно взялся за это со всей пылкостью и подготовил страстную прокламацию:

«Потомки первого народа, прославившиеся своими республиканскими учреждениями, вернитесь к доблести ваших предков, верните престижу греков первоначальный блеск, – провозглашалось в воззвании, – … и вы обеспечите доблесть античных времен, права, которые вам обеспечит Франция, освободительница Италии, благодеяния, которые я вам обещаю от имени генерала Бонапарта и по воле Французской республики, естественной союзницы всех свободных народов…»

Возможно, Арно, как и многие искренние республиканцы, так и думал, но у Бонапарта были свои планы. Дав посадить Древо Свободы на центральной площади Корфу, он, по-видимому, уже замышлял свой стремительный бросок в восточное Средиземноморье. Там грезилась ему новая Великая империя, оттуда шел терпкий запах лавра, увенчавшего Александра Македонского. Но для сокрушения турецких владык надо было разжечь национальные чувства, вызвать призрак свободы греков, поднять восстание против султана. «Если обитатели этого края склонны к независимости, – писал он Жантили, – вы должны потакать их вкусу и не упустить в различных прокламациях, которые вы выпустите, говорить о Греции, Афинах и Спарте». И главное, это ничего не стоило Французской республике. Да, Бонапарт говорил о древних эллинских республиках, а сам мечтал об империи Александра Македонского. Ионические острова были тем предместьем, с которого он мог сделать скачок в Египет. Директория как-то недооценила острова, считая их разменной монетой для торга за столом переговоров с Австрией и другими державами. Бонапарт же сразу определил их стратегическое значение. Что-что, а военной дальнозоркости у него тогда хватало. Необходимо было превратить острова в надежную базу, где следовало иметь широкую опору среди населения. Нобили, конечно, выступили против республиканских порядков. Их «Золотая книга», где записывались все дворянские роды островов, была сожжена под бурные крики торжества простых людей и второклассных – ильсекондордино. Генеральные Советы, в которых заседали нобили, были распущены. Их заставили платить налоги наряду со всеми. Но и среди нобилей (особенно среди молодежи) были горячие сторонники лозунгов французской революции. Кое-кто (граф Ловердос, семья Бурбакисов) стали даже видными генералами и дипломатами наполеоновского режима. Но в целом нобили с первых дней не приняли французскую администрацию. Они всячески возбуждали все другие слои населения против нее. В других же слоях отношение к французам было неоднозначное. Второклассные ждали от французов серьезных прав, и они кое-что получили в управлении, в возможности широкой торговли, большие возможности получили евреи-ростовщики. Но пришло время платить контрибуцию, сдавать налоги для содержания французских войск. И тут оказалось, что денежки на революционные лозунги буржуазия платить не желает. Да и права она получила относительные.

Крестьяне были наиболее привязаны к старому правлению, считали французы. Но это было не так, крестьяне отнюдь не жаловали своих хозяев, владетелей земли – нобилей. Однако никаких коренных изменений новая власть им не принесла.

Ни национальной свободы, ни социального равенства иониты не получили. Началось ожесточение и возмущение. А возмущаться было чем. На каждый дом возложили налог от шести до сорока талеров. Торговцы, еще вчера приветствовавшие войско, разрывавшее феодальные путы и открывшее путь к разностороннему приобретательству, попали под налоговый пресс и вынуждены были внести 40 тысяч талеров во французскую казну. Кошелек стал тоньше – уменьшился и революционный пыл второклассных, их приверженность французам. А тут еще пришлось, по указанию французов, поделиться местами с иудейской общиной в управлении. Те, получив власть, не стеснялись придушить конкурента. В конкуренции буржуа получили свободу и равенство.

Договор в Кампо-Фермо (6(17) октября 1797 года) определил окончательный статут Ионических островов. Они и бывшие владения Венеции на Балканах (города Превеза, Парга, Воница, Бутринто) присоединились к Французской республике, становились ее тремя департаментами.

Приемный сын Бонапарта Евгений Богарнэ прибыл на Корфу, чтобы пышной манифестацией отметить сие событие. Военная власть принадлежала дивизионному генералу (сначала Жантили, а затем Л. Шабо), действовал и институт комиссаров. Иониты все свои мероприятия смогли проводить лишь с разрешения французов. Генеральный комиссар Дюбуа эту зависимость еще больше усилил, ограничивая местную власть. Конечно, кое-какие новшества новые времена несли: была ограничена арендная плата, греческий язык стал равноправным, но этого пробуждающимся от громких призывов людям было уже мало. Да и революционные лозунги испускали дух, а на первый план все больше выходила жесткая реальность завоевательной политики французской буржуазии. Нужны были рынки, нужны были капиталы, нужны были военные базы. О свободе Греции, правда, продолжали говорить, на островах стала работать типография, выпускающая книги и прокламации на новогреческом языке. Но все это носило какой-то подчиненный и отвлеченный характер.

Может быть, самыми последовательными противниками оккупантов (а в это время французы уже превратились в таковых) были крестьяне, ремесленники и моряки. Французы склонны были приписывать подобную строптивость религии. Бонапарт предлагал противопоставить православию свою пропаганду независимости и освобождения от национального гнета. В письме министру иностранных дел он писал: «Фанатизм свободы, который начал уже складываться в Греции, окажется тем сильнее, чем фанатизм

религиозный. Великая нация (то есть французы. – *В. Г.*) найдет там больше друзей, чем русская».

Казалось бы, парадокс, но факт, что большая часть православного духовенства на первом этапе положительно отнеслась к французским войскам.

Первая депутация, приветствовавшая генерала Жантили, возглавлялась протопопом острова Корфу Халикопулосом-Мандзарасом. Он же и возглавил вначале новое, послевенецианское руководство острова. Так что религия вначале была скорее на стороне власти Директории, ибо святые отцы знали, что Бонапарт тогда отрицательно относился к католицизму и папе, и им не хотелось подвергаться таким гонениям. Некоторые священники утверждали, что постулаты церкви созвучны лозунгам республиканцев. Крестьяне Ионических островов, всегда, кстати, обладавшие особым независимым характером, не подверглись вначале антиреспубликанской, антифранцузской агитации, их уводило от новых властей отсутствие изменения в их положении. Земли нобилей остались во владении прежних хозяев, повинности были столь же обременительны, налоги росли, ростовщик не уступал ни копейки. Восставшие крестьяне Закинфа недоумевали, обращаясь к усмирявшему их Жантили: «Все говорят о свободе, но мы не видим никакого улучшения нашей судьбы, нас заставляют платить те же налоги…» Красноречивое заявление! И, конечно, к этой социальной обиде примешалось и национальное чувство. Будучи больше слугами наживы, воспитанными в духе пренебрежения к верованиям, французские солдаты часто недоумевали, почему так сильно обижались греки, когда они потешались над одеждой священников, острили у икон. Гнев нарастал, ибо французы запретили колокольный звон, расположились вместе с лошадьми в храмах. Этого гордые островитяне, отстоявшие свою веру в веках, терпеть не могли – французы превращались в их духовных врагов и осквернителей. Справедливо писала историк А. М. Станиславская о том, что «у греков религиозное чувство сливалось с национальным, и беспечные насмешки французских вольнодумцев над православными святынями вдвойне ранили ионитов, даже если они и симпатизировали Франции».

Симпатии к Франции оживились с новой силой лишь после высадки французских войск в Египте и войны Директории с Турцией. Но они снова стали гаснуть, когда надежды на освобождение матери-Греции не оправдались. Да, Директория вела свою игру, революционные лозунги ей нужны были для возбуждения народов против противоборствующих стран, сама же она, как власть новой буржуазии, уже не принимала и ненавидела всякое освободительное и революционное движение. Это был парадокс и итог конца века, когда в здании республиканской Франции, обклеенном лозунгами и призывами к свободе, равенству и братству, восседал откормленный буржуа, потешающийся над ними, но не срывающий их с фасада, ибо они привлекали

находящихся вдали и жаждущих освобождения иноплеменников. На островах, однако, симпатии к Франции иссякли, иониты все чаще и чаще поворачивали голову в сторону России…

Лето 1798…

Лето 1798 года еще не начиналось, а было уже жарко, сухо, пахло порохом. Морской удав из сотен кораблей выполз из Тулона. Первой пала Мальта. Бонапарт низвергнул много сотен лет неприкосновенный и независимый для светской власти орден мальтийских рыцарей ионитов (Иоанна Иерусалимского). Орден этот, созданный рыцарями-крестоносцами еще на территории Палестины, был оттеснен мусульманским войском сначала на Кипр, Родос, а затем, в 1530 году, они получили от короля Карла V право создать свою крепость на Мальте, с обязанностью сдерживать турецкое давление на Юг Европы. Остров превратился в неприступный бастион, рыцари стали умелыми мореходами, их морская репутация в то время была очень высока. Турки несколько раз пытались сбросить их гарнизон в море. Особенно памятна была осада, когда рыцари под руководством Ла Валетты отразили 300-тысячную армию турок. В честь великого магистра (так назывался главный правитель ордена) новая столица была названа Ла Валеттой. На острове рыцари имели едва ли не самый большой госпиталь в Европе, много больничных заведений в разных странах (отсюда их второе название – госпитальеры).

В их кассы стекались большие деньги от взносов верующих, больных, от платы за охрану при перевозках грузов, дачи денег взаймы. Орден жирел, а его рыцари хирели, теряли воинственный дух, энергию и боевитость. Они, хотя и проникли во многие королевские, княжеские и графские дома, имели широкую сеть осведомителей, обладали тайнами общения, но их всевластие и всепроникаемость закончились. Протестантская религия не признавала их партнерства, после казни Людовика XVI их земли и замки конфисковали во Франции. Орден готов был распасться, но в этот момент пришла неожиданная помощь.

Павел I воспылал любовью к обиженным рыцарям. Трудно сказать, что привлекло его в ордене. Может быть, таинственность и секретность в организации, что могли пригодиться в борьбе с затаившимися врагами, которые часто мнились императору в екатерининском вельможе и заезжем европейце. Может быть, мистика некоторых обрядов, так сильно действовавших на экзальтированную натуру царя. Может быть, строгость и символическая изощренность в одежде, отличавшая рыцарей от других смертных.

Рыцари, сами стучавшиеся в двери Зимнего дворца, с поспешностью откликнулись на предложенное покровительство и ринулись под крыло

российского императора. Их плащи и восьмиугольные кресты замелькали в царских приемных и дворцах. На них посыпались милостыни. Многие из рыцарей стали советниками, получили звания и даже имения. Впоследствии было образовано Волынское приорство (своеобразное наместничество) для них.

Царь обязался ежегодно выплачивать 400 тысяч рублей ордену. Не последним во всей этой заботе об обветшалом ордене было и то, что Мальта находилась в центре Средиземноморья и вполне могла стать базой для русского флота. Правда, об этом никто еще не говорил.

В Европе сильно не протестовали. Не до того было. Лишь Наполеон, с аппетитным хрустом поглотивший орден и вытащивший из его казны собранное за много веков серебро и церковную утварь, с ухмылкой «посочувствовал» Павлу и писал, что «мы лучше, чем он, понимаем интересы его нации» и «занятие Мальты сберегло его казне четыреста тысяч рублей». Павел рассвирепел. Но его беспокоило в первую очередь не то, что бедные рыцари остались без крова. Он хотел знать: куда дальше направит свой удар Наполеон Бонапарт? В Неаполе уже складывали чемоданы, готовясь к стремительному побегу от десанта «кровожадного генерала». В Греции точили ножи повстанцы, в Константинополе Селим III все больше и больше приходил к мысли о союзе с Россией. Ибо только она одна оставалась династическим и естественным союзником перед лицом разбушевавшегося генерала Директории.

В неизвестности носился по Средиземноморью на быстроходных английских кораблях вице-адмирал Горацио Нельсон. Побывал он в Сицилии, бросился к Александрии и удивил тамошних жителей расспросами о неведомом им Бонапарте. Разворот… и снова Неаполитанское королевство. Нет. Там дрожат, но где находится после Мальты тулонская эскадра, не знают. Неаполитанцы снабдить продовольствием англичан не могут – за ними бдительно следят и угрожают расправой французские представители.

Нельсон с помощью супруги английского посланника Гамильтона – Эммы, ставшей впоследствии его романтической и драматической любовью, спасает свои экипажи от цинги, загрузив свежую воду и провизию, и снова мчится к Александрии. Чутье его на этот раз не подвело. Первый раз французский флот скользнул южнее, и Бонапарт не попал под губительный огонь английских пушек. Сейчас же он успел высадиться и направить свои испытанные боевые отряды в глубь Египта.

Да! Египет, Восток были целью его похода. Директория и французское общественное мнение (такие деятели, как Талейран) были подготовлены к этому движению в районы Средиземноморья еще со времен Бурбонов. Во Франции вышло несколько книг (Савари и др.), которые расписывали богатство

этой страны, ее готовность упасть к ногам европейской цивилизации. После потерь колоний в Вест-Индии и Азии приходилось задумываться о новых заморских приобретениях. Буржуа хотели новых колоний. Директория выпроваживала ретивого генерала. Будет успех – будут новые поступления в казну. Будет поражение – опасный генерал сломает себе шею, а во Франции найдется немало новых претендентов на место командующего. Бонапарт же имел и свою заветную цель. Он из Египта хотел двинуться в Сирию и дальше нанести смертельный для Англии удар по Индии. В доступном только ему воображении забрезжили видения империи Александра Македонского. Правда, слово «империя» было еще не модным. Поэтому генерал двигался в глубь Египта с еще более непонятным для местного населения словом «республика».

Цветов, музыки, рукоплесканий, как в его Северо-Итальянском походе, не было. Стало ясно, что от забитых феллахов сочувствия и понимания не добьешься. Вся надежда покоилась на стойких и закаленных, отобранных по одному, солдатах. Те любили своего генерала, он же не скупился одаривать им всем, что отбирал у разбитых кочевников-мамелюков.

Армия продвигалась в глубь Египта, а флот под командованием бесталанного адмирала Брюэса потерпел сокрушительное поражение от Нельсона. 30 кораблей было сожжено и уничтожено. Победа при мысе Абукир была безусловной и, прославя Горацио Нельсона, записала его имя в книгу великих флотоводцев. Но одно обстоятельство скорее всего раздражало адмирала: маневр, который он провел, отсекая французский флот от побережья, был уже применен в 1791 году русским контр-адмиралом Федором Ушаковым. Наверняка адмирал английского флота, внимательно следивший за морскими сражениями, знал об этом искусном отсечении от берега турецких кораблей и зажиме их в клещи. Знал и досадовал, что не может с чистой совестью назвать этот прием, повторенный им при Абукире, своим флотоводческим открытием. Ничем не объяснишь ту личную неприязнь, даже злобу, которую впоследствии проявлял адмирал Горацио Нельсон к адмиралу Федору Ушакову…

Итак, флот Директории в восточном Средиземноморье перестал существовать. Но Мальта в руках французов, на Ионических островах расположились их сильные гарнизоны, армия Бонапарта в Египте. Обстоятельства толкали бывших заклятых врагов – султанскую Турцию и Российскую империю – к союзу. Еще до египетского десанта в Константинополе шли интенсивные переговоры между посланником Томарой и Раис-эфенди Атифом. У России в Константинополе всегда были опытные и доверенные дипломаты. Находились там самые искусные и образованные русские дипломаты XVIII века Обресков и Булгаков. Державную политику России проводили они твердо и непреклонно, требуя соблюдения договоров и условий, защищая интересы подданных. За эту свою непреклонность

арестовывались турками, не привыкшими тогда еще уважать соседей. Бросали их и в зловещую Семибашенную крепость, знакомую многим иностранцам. Правда, и выпроваживали из Константинополя с почетом. Непреклонны, неподкупны, горды – значит, за ними и сила. Турки таких уважали.

Две войны, казалось, разделили надолго два государства. Но ход истории и усилия дипломатов сближали их. Особенно многого сумел добиться в качестве чрезвычайного и полномочного посла России при Высокой Порте Михаил Илларионович Кутузов, хотя и побыл-то он там в этом качестве едва ли полгода.

Сколь высоко ценился этот пост, можно было видеть по следующему полномочному министру России в Турции В. П. Кочубею, который сразу после ухода с этого места стал вице-канцлером. Должность в империи немалая.

Кочубея в мае 1797 года сменил Василий Степанович Томара. Можно было бы предположить, что этот грек, родившийся в России, занял высокий пост потому, что был родственником Кочубея. Наверное, и это играло свою роль, ведь родственники очень часто считают, что видные и доходные места вполне могут быть семейной вотчиной, но нельзя отказать и самому Василию Степановичу в умениях и знаниях. Сын выходцев из Греции, поселившихся под Нежином, он получил широкое образование, отличался любознательностью, которую, возможно, развил в нем известный бродячий философ и просветитель, учитель его, Григорий Сковорода. Василий Степанович был особой живой и даже пронырливой, воевал на Кавказе. В 1790–1791 годах в чине генерал-майора появлялся с разными миссиями в Средиземноморье, вел переговоры со зловещей и заметной фигурой конца XVIII века на Балканах Али-пашой Янинским. То есть все время находился в этом обширном районе, где пересекались интересы России и Турции. Вроде бы присматривался, примерялся к месту полномочного министра России в Константинополе. Человек он был консервативных взглядов, преданный и убежденный слуга царского престола. Его консервативные взгляды нередко были более «охранительные» и антифранцузские, чем у самого хозяина престола. Это в то время было более предпочтительно не только в Петербурге, но и в Константинополе. Возможно, его консерватизм тоже способствовал сближению Турции и России.

13(24) июня Раис-эфенди с тревогой говорил Томаре, что время «к подаянию помощи наступило». Селим III предложил приступить к заключению союза с Россией. Павел I в эти же дни послал депешу, в которой был проект договора и полномочия Томаре на его заключение. В пути просьба Селима III и реляция Павла I пересеклись и помчались к своим адресатам. Так до сих пор историки и не пришли к окончательному выводу, кто сделал первый шаг к

союзу: петербургский император или константинопольский султан. Споры напрасны – оба нуждались в союзе, оба жаждали его.

Тогда и были сказаны хитрым и мудрым политиком, искусно пролавировавшим по волнам екатерининского и павловского времени канцлером Безбородко, знаменитые слова: «Надобно же вырасти таким уродам, как французы, чтобы произвесть вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то есть союз наш с Портой и переход флота нашего через канал» (то есть Босфор).

Да, пожалуй, этого «видеть не чаяли» ни в Петербурге, ни в Стамбуле, а тем более в Париже, Лондоне и Вене. Но русско-турецкий договор, включивший 14 гласных и 13 секретных статей, был подписан на восемь лет и стал, как пишет историк Станиславская, «дипломатической основой для создания восточного театра действий, против наступавшей Франции, осью блока, в который вошли державы, затронутые ее агрессией на Средиземноморье». Средиземное море стало ареной боевых действий. К Константинополю подошла эскадра Ушакова.

Эскадра входит в Босфор

Ушаков задумчиво и недоверчиво смотрел на великий город. Тут вершилась история древнего мира, тут гордо вещала о себе величественная Византия, сгоревшая в огне пожарищ и коварства. Тут утвердилась Османская империя, столь много лет заставлявшая трепетать народы и страны Европы, Азии, Африки. Ее звезда потускнела, но продолжала светить на небосклоне большой политики и военной мощи. Как встретит его город, в котором на его голову сыпались проклятия и где его именем матери и слуги стращали непослушных детей? Как найдет он общий язык с тем, кто еще недавно стрелял по русским кораблям и в бессильной злобе бежал, умоляя Аллаха ниспослать темноту, туман или даже бурю, чтобы скрыться от карающей десницы Ушак-паши?

Великий город действительно впечатлял. По взбегающим холмам вилась роскошная зелень. Недвижные кипарисы обступали дворцы и храмы, а ели голубовато-зеленым венцом обрамляли вершины города. Купола мечетей и спицы минаретов прорезали небесное пространство. Немногочисленные греческие храмы были коренастее, шире, многоглавее. Адмирал поднял трубу. Вдали перед белокаменным дворцом развернулись пушечными портами корабли. Грек-лоцман, сам завороженный панорамой и слегка напуганный порученным ему провождением эскадры, хрипло сказал, поклонившись адмиралу:

– Сераль. Султанский дворец. Корабли турецкие вахту несут. Охраняют на всякий случай.

– Поднять флаги приветствия! – громыхнул вице-адмирал.

Начиналось невиданное. В столице до того недружественной Порты русский флаг приветствовал дворец султана и объявлял о своей союзной миссии.

Флот русский встал в Буюкдере – районе, где расположились резиденции иностранных посланников. Сразу стало ясно, что с августа 1798 года русский посланник – самая значительная и уже необходимая для Порты фигура. Набережную заполнили толпы. Спешили сюда чиновники султанские, дабы первыми доложить визирю, кяхье и другим высшим чинам о том, как выглядит русская эскадра, как относится константинопольский люд к бывшим врагам. Спешили сюда и янычары, эта дворцовая гвардия, что не одерживала последнее время больших побед, но хотела, как и прежде, властвовать над султанским дворцом. Они с опаской отнеслись к новому союзу и ждали истошного крика какого-нибудь дервиша, призывающего к священной войне против неверных. Дервиши тоже были тут, своим колючим взором они ощупывали русских матросов и их капитан-пашей. Но те оскорбительных действий не творили, готовили действия против врагов Порты с самим султаном. Дервиши молчали, а шумели торговцы. Они на малых каиках – небольших лодках окружили корабли, предлагая русским морякам фрукты, мясо, лепешки, серебряные и золотые цепочки. Моряки сдержанно отмахивались, а с лодок посылали им ласковые взгляды греческие и армянские красавицы.

– А говорили, что у них все бабы под покрывалом черным?

– Дак то мухамедане, а эти черноглазые греческой веры, наверное, – переговаривались матросы.

Засвистели свистки, к борту пристала широкая шлюпка.

– Драгоман Адмиралтейства Каймакан-паша, то есть Кристов Георгий! – представился невысокий, коренастый переводчик. Да, драгоманы-переводчики были почти все из христиан. Настоящий осман не опустится до столь низкого занятия. Драгоман передал высокое почтение от Адмиралтейства, пожелал блага и спокойствия.

По его знаку носильщики втащили десятки корзин фруктов и букеты цветов.

– Неплохо, однако, Евстафий Павлович, с такой оказией в Константинополе оказаться, – с легкой улыбкой обратился к Сарандинаки

Ушаков. Тот только кивнул, но ничего не ответил, вглядываясь в далекие холмы, где когда-то, верно, жили и его родственники.

Драгоман наговорил много приятных слов и все расспрашивал о планах против французов. Федор Федорович сам хотел узнать побольше. Каймакан-паша сообщил, что завтра на корабль прибудет первый драгоман Порты, а сие значило, что первые уши османские хотят услышать слово адмирала.

– И еще, – почти прошептал Каймакан-паша, – сегодня пополудни следите за крытой шлюпкой. Один знатный босняк своим высоким взором думает оглядеть ваши корабли. От этого многое зависит. Может быть, все.

– Кто таков? – удивился Ушаков. Почему от какого-то выходца из Боснии зависит все?

Но драгоман положил пальцы на губы и, откланиваясь, двинулся к дверям. Так и не сказал ничего. Только добавил, что через несколько дней его на верфях в Адмиралтействе ждут.

Ушаков отдал сигнал: «Готовиться к встрече! Парусной команде на ванты!»

Из-за выступающего холма медленно выплыла многовесельная золоченая лодка, крытая, как гондола. Десять гребцов мощными гребками приблизили ее к кораблю. «Султан!» – осенило адмирала. Ушаков махнул рукой. Сотни моряков побежали по палубе, взлетали по вантам и реям. Артиллеристы замерли у пушек, десантники и абордажная команда вытянулись в шеренги, их холщовые рубахи забелели на изумруде залива и темно-зеленом кипарисовом фоне недалеких холмов. Гондола была богато украшена, она приближалась, каики бросились от нее врассыпную. Ушаков понял, что из-за занавески медленно скользящей гондолы смотрит сам султан. «Хочет убедиться в надежности союзника. В умении нашем». Дал еще сигнал: «Взять на караул!» Вдоль бортов выстроились солдаты и сделали несколько парадных приемов. «Что думает он о нас? Понимает ли, что мы с открытой душой? А хватило ли почтения? Хоть и скрытно едет, но ведь правитель державы?» Махнул рукой, и пушки подняли тысячи голубей с минаретов. Гондола уплыла вместе с дымом…

Утром следующего дня на борт поднялся первый драгоман Порты. Был он любезен и торжествен. С восхищением кивал головой и давал понять, что султан чрезвычайно доволен осмотром эскадры и поощряет экипажи деньгами.

– Вам же, высокочтимый адмирал, наш солнцеликий и зореносный султан преподносит табакерку с бриллиантами.

Драгоман хлопнул в ладоши, и два здоровенных янычара внесли поднос с ларцом. Он отстегнул защелку и, вынув табакерку, склонился, протянув ее адмиралу. Ушаков с почтением принял, поблагодарил и как-то сам потеплел. Нет, не от подарка, хотя ему он и польстил, а от того, что складывался дух союзнический, начинало потихоньку таять недоверие.

– Имею честь пригласить славного адмирала посетить достопамятные места нашего города, – неожиданно закончил драгоман. – Карета и носилки ждут у причала.

«Какие такие носилки?» – подумал Ушаков. Но драгоман как бы догадался и объяснил:

– Не везде проехать можно. Да и чернь наша не всегда дружелюбна к иноземцам. Но вы защищены будете охраной султанской и его милостыней. Прошу на землю константинопольскую вступить.

В Азии и Европе

Когда садились в носилки, Федор Федорович даже и не знал, приличествует ли ему, командующему русской эскадрой, качаться в сем хрупком сухопутном кораблике, но понимал, что приглашение к обзору высокое, да в чужой монастырь со своим уставом и не ходят. А в этом константинопольском султанском монастыре был свой устав, который ему хотелось постичь.

– Обязательно повезу уважаемого адмирала к Софии. То был самый знаменитый храм Византии, а ныне самая блистательная мечеть осман. Наш город единственный в мире, что в Европе и Азии уживается. Он был вначале маленьким фракийским местечком. Именовался Лигос. Затем была здесь греческая колония Византия, чье имя в империи поздней запечатлилось. А империя, как ведомо вам, Рим сменила и Новым Римом именоваться стала, а ее жители ромеями. Сия новая Римская империя тысячу лет просуществовала, и ее главный город Константинополем был назван. Турки его взяли в 1453 году, но мы, греки, – он стал тише говорить, – до сих пор так его и называем. Однако простонародье на своем дорическом диалекте часто говорило «Ее тан волин», то есть «Пойдем в город!». Солдаты турецкие видели, что они рукой указывали на Константинополь, и составили из него наименование «Ес-тамбола». Есть у него и полутурецкое, полугреческое название Ислам-бола, что значит город Веры. Ваши русские, булгары, волохи его Царь-городом – Царским городом именуют, викинги с десятого века его именуют Микла-гард, то есть Великий город.

Ушаков немало знал о Константинополе, сам бывал здесь, знал, что была тут блистательная империя. Вся Европа на поклон ходила, мудрость, ремесла, искусства всякие здесь постигала.

– Отчего же погибла? – вдруг обратился он к драгоману, как будто продолжил прерванный разговор. – Как думаете?

Грек покачал головой:

– Больше трехсот лет прошло. Кто знает. И ереси потрясали, и сластолюбие заело, и страсть к богатству, и коварство.

Ушаков смотрел на развалины мощной крепостной стены, за которой, казалось, могли веками отсиживаться любые державы. Но что-то лопнуло в империи, вся она рассыпалась. Не было, наверное, согласия между сословиями, не было веры истинной, скрепляющей. Власть верховная была слаба, и подданные ей не доверяли. Он еще раз с какой-то тревогой оглядел стены и подумал: что ждет его в эти месяцы? Как благосклонна будет к нему судьба? Как взять ему дальние острова? Как удержать их в спокойствии и миролюбии? Великий город разбудил его мысли и тревоги. Спросил еще:

– Почему не обратились к Европе? Почему не объединились против общего врага?

– Европа сама была полудикая и в своей латинской гордыне греческую веру больше ненавидела, чем иноверцев. А крестоносцы, латинские рыцари, в своем презренье к тем, кто не молился по ихнему обычаю, и за разумных людей не считали и уничтожали их как ненужную тварь и козявку. Поэтому-то и были известны они в древней Византии как убийцы и грабители. – Драгоман вздохнул. – А мы турок виним в жестокосердии. Тот, кто себя христианином величал, не менее жесток и бессердечен был.

И опять Ушакову увиделась эта жизнь не столь простой и ясной. Знал, что латиняне против веры православной интриги плетут. Но, чтобы убийства тысячные и резню учиняли, не согласовывалось с его понятием о Европе… Да, он вступал на земли, где была великая история, где сплетались судьбы народов разных, где рождалось их величие, где заходило их солнце, чтобы когда-нибудь взойти вновь. Берется ли все сие для учета правителями сих земель? Спросил о том драгомана. Тот к Ушакову проникся и доверительно и тихо сказал:

– Начнись война – все греки за вами будут.

– Ну а те, что под французами на островах венецианских, они нас поддержат или французов?

Драгоман не сразу понял, почему адмирал задал вопрос. Подумал, пожал плечами:

– У них там другие порядки. Кого они там поддерживают, Бог знает.

Поехали дальше молча. Впечатление от Константинополя вблизи было другое, чем с корабля. Срывавшийся ветер несколько раз поднимал тучи пыли, улицы были дурно вымощены, завалены грязью, носильщики спотыкались, все чаще останавливались, чтобы сменить друг друга. Не понравился ему и Сераль. Вблизи представился он как беспорядочный сбор домов, мечетей, башен, казарм, бань и садов.

– Там, внутри, есть еще крепостная стена и ворота, за которым знаменитое здание Дивана. В третий двор почти никто не имеет доступа – то двор султанский. Иностранные посланники проводятся туда через крытый переход из Дивана в аудиенц-залу султана.

Подъехали уже в карете к длинной стене с каменными воротами, приостановились.

– Вот за этими дворцовыми Портами и решаются судьбы мира и войны, налогов и походов, иноверцев и посланников иноземных. И, как вы ведаете, титул «Высокая Порта», вроде бы Высокие Ворота, означает правительство султанской Турции.

Горделиво и непреклонно звучало раньше сие название даже для Ушакова, а сейчас поблекло, и просительное что-то было в нем.

У высокой крепостной стены на площади перед мечетью вдруг все затихло. В левом ее углу послышался металлический стук. Нет, то был не барабан, а большой котел, который несли два человека. Впереди них шел в кожаном переднике с оловянными украшениями громадный турок. Он махал плеткой и что-то выкрикивал. Все идущие навстречу сторонились, прижимались к стенам и пропускали его. Ушаков с вопросом взглянул на драгомана.

– Янычары, – негромко пояснил он.

– А котел зачем?

– Ну, котел – штука важная, и похлебка у них серьезное дело. Даже полковник называется Чор-бадже, или разливатель похлебки. Котел же почитается у них за знамя. Когда они выносят его из казармы – это начало какого-то отчаянного предприятия. Что-то и сегодня затеяли.

Ушаков знал, что янычары большую силу при дворе имели, своевольничали, навязывали даже султану решения свои.

– Пошто султан не оградит себя от их разбоя, не разгонит непокорных?

Драгоман в страхе замахал руками:

– О том и думать нельзя. Они окружают султанский трон. А трон сплошь сделан из золота и жемчугом осыпан. Его охранять надо.

– Богат султан?

– Богат, великолепен. – Драгоман опять склонился к уху и жарко зашептал: – Богат, но слаб. Все больше его раздирают янычары, самовластные паши, бессовестные слуги. Да и сам все время опасается за свою жизнь, ожидая удара от родственников. Потому часто здесь братоубийственная резня бывает. Один из дервишей, что здесь святыми почитаются, писал: «Монарх уважает и допускает братоубийство, если речь идет о троне… Врага надо убить, а потом устранить. Каждый должен использовать те обстоятельства, которые назначила ему судьба».

– Подобные рассуждения, однако, ужасны и противны разуму нашему христианскому.

– Противны, но таковыми являются, и мы их не переделаем, да, кроме того, сами в подчиненном и угнетенном состоянии находимся. Нынешний султан сию темноту и невежество хочет рассеять, многое на европейский лад перевести. Но позволят ли ему обстоятельства и время сие сделать?

Федор Федорович рассуждал про себя, что время для изменения порядков султан выбрал неважное. Войны, раздоры, страхи всякие…

А перед мечетью происходило что-то непонятное. Вдруг закружились в вертушке черно-желтые живые столбы. Ушаков стал всматриваться и различил, что то люди, одетые в темные накидки и белые юбки. На головах у них возвышались темно-коричневые колпаки. Они приостановились и плавным шагом пошли за ведущим, наверное, старшим, что был в зеленой накидке и зеленом колпаке. Образовав круг и сделав поклон друг другу, они сбросили накидки и вознесли вверх руки. Зазвучали флейты. Ударили бубны.

– То танец пляшущих дервишей – мевлян. Секты божьих людей, как они себя называют.

Дервиши кружились все быстрее и быстрее, их юбки превратились в колокола. С места они не двигались и вращались, как запущенные чьей-то рукой волчки. Даже у Ушакова закружилась голова, а он-то всякие качки выдерживал не морщась. Дервиши же кружились бешено. Было удивительно, что они не спутались, не разорвались на куски, не разлетелись в разные стороны. Музыка стала утихать. Остановился и затих один дервиш, другой.

Юбки, как лепестки цветов, опали. Кто-то заунывно читал. Наверное, молитву. Снова музыка и снова круги, снова вращение. «Салям алейкум!» – выкрикивает один. Ему вторят: «Алей-кум салям!»

– Поедем! Они еще долго танцевать будут. Но то не танцы, а они таким образом с их Аллахом душой соединяются…

Каких только верований и обычаев не насмотрелся Ушаков! Каких только обрядов не попадалось ему на дорогах! И их уважать надо, не издеваться, не глумиться, ибо лишняя злоба появится, сопротивление возрастет.

– А вот еще заглянем в одно место, которое вряд ли где в другом мире свидите. То знаменитый константинопольский базар. Самый большой крытый рынок во всем мире.

Базар действительно представлял зрелище незабываемое. Тысячи лавочек, лотков, прилавков тянулись улицами под крышей. Горами лежали фрукты, высились лепешки, висели туши баранов, стояли в мешках горох, пшеница, фасоль, свешивались с крыш связки красного перца. Пахло табаком, брынзой, яблоками, пряностями и кофе. Кофе пили в маленьких кофейнях без сахара и молока, выкуривая одновременно длинные трубки. Блестели медные подносы и серебряные кинжалы, тускло отсвечивали керамические вазы, красной темнотой бархатились ковры. Но пуще всего поражали улочки золотых рядов, где рядом с каждой лавкой стояли по двое-трое охранников. Да и было что охранять. Связки золотых цепочек, колец, серег, медальончики и браслеты, броши и перстни ослепляли и завораживали.

Богата Османская империя, много собралось под ее крышей драгоценностей и сокровищ, но не спасало ее золото от ударов судьбы. Тут же рядом, в двух шагах, самая нищая нищета. Обезображенные, в коросте старики, искалеченные девочки, спящие прямо на мостовой, слепцы, калеки – все свилось в омерзительный клубок бедности и убогости. Шныряли тут и всякие подозрительные типы. Уворовать грехом не считалось, но попадись – пощады не будет. Вон идет по базару полицейская стража, и если обнаружит фальшь и некачественный товар, особенно у булочников и лепешников, – пойдут гулять палки по пяткам торговца. И вот уже и расправа. Прибивают за ухо гвоздем к стене проштрафившегося продавца.

– Бедняга будет так висеть день или даже два. Но, в общем, это наказание не жестокое, отеческое. Голова-то на плечах остается.

Ушаков покачал головой.

Носильщики по знаку драгомана повернули назад из этого шумного, сверкающего, грязного человеческого крошева.

– В базар далеко входить не надо. Там можно заблудиться и пропасть навеки, – намекая на разные тайны, сказал драгоман. – Однако посмотреть его надо. Здесь, на базаре, рождаются многие слухи и шумы городские. Тут богатеет богатство и оттачивает свои ножи разбой.

Носильщики потихоньку выходили из-под крыши. Ушаков вглядывался во все внимательно, хотел запомнить, понять, разобраться. Многое же было ему совершенно непонятно и чуждо.

Потом ездили еще долго, пересаживались в карету, затем снова в носилки. Смотрели и великолепную Софию, Сулейманию. Ко многому вблизи удалось подойти, от другого держались подальше. Узнал он о великом зодчем Синане.

– А вот эти стены ужасны и зловещи для многих. То страшная Еди-Куле – Семибашенная крепость. В ней исчезли навсегда многое султаны и знатные османы, а они себя только так и кличут: османами. Турки-то – простые крестьяне. А вельможи, янычары, знатные люди только османами зовутся. Дак вот в том самом Семибашенном замке вместе с османами и ваш знаменитый посланник Обресков сидел, а потом, убоявшись кары, его отпустили.

Опять думал Федор Федорович о превратностях человеческой судьбы, о долге, что для него и вот для Обрескова превыше всего. О том, что не отступил тот, не сдался, не склонился, не предал. Не знал, правда, сам, как судьба сложится у него потом. Могли ведь и не заметить, не отметить после войны. Награды-то нередко в Отечестве получают те, кто поближе к вельможным покоям, к высоким знакомствам. Ну да ладно, Бог с ними, с наградами. Они придут.

– Ну что скажете, господин адмирал, про сей город! – Драгоман пытливо посмотрел в непроницаемое лицо. Ушаков молчал, думал. Отсюда, из этого города, будут исходить приказы и распоряжения его новых союзников. Тут будут утверждаться союзные договоры. Не все понятно и близко его сердцу здесь. Честно говоря, многое и противно его душе. Но это ныне союзники, а значит, с ними надо быть снисходительным, понимать их. И то, что он посмотрел этот город, вдохнул дым его костров, услышал молитву с минарета, увидел бешеный танец дервишей, постоял у разрушенной константинопольской стены, восхитился великим мастерством зодчего Синана, ощутил душевную свирепость янычар и какую-то обреченность в этой их показной неустрашимости, – наполнило его новым знанием и пониманием того, что он еще не знал.

– Хорошо, что подивились на великолепие и руины. Мыслей будет больше. Да и знать много, в этих краях находясь, следует. Спасибо тебе, поблагодари султана, ежели от него сие исходит. А я с нетерпением жду, когда

в Адмиралтейство поведут смотреть. Я ведь по этой части больше… – И он, закашлявшись, отвернулся в сторону Босфора.

В Терсане

Федор Федорович ждал не дождался, когда пригласят посмотреть его турецкий флот. Одно дело, когда тебе с ним сражаться надобно, тогда высматриваешь все слабые стороны, думаешь, где щель найти, чтобы ее своими действиями расширить. А другое, когда он твоим союзником стал, да еще под начало становится. Тут уж надо все хорошее заприметить, чтобы в обстановке боевой использовать и применить.

1 сентября к «Святому Павлу» подгребла министерская шлюпка. Ушаков опустился в нее, тут его встретил уже знакомый адмиралтейский драгоман.

– Ждут вас на осмотр турецкого флота близ султанского дворца. Сам командующий хочет принять.

Ушаков кивнул и заторопился, забыл отдать распоряжение, чтобы его сопровождала русская шлюпка с адмиральским флагом.

Турецкий адмирал встретил Ушакова вежливо, но глаза все время опускал, чувствовалось, что ему непривычно общаться с тем, кто вчера был врагом. Федор Федорович тоже напрягся. Разговор не получался. Пошли смотреть артиллерийские учения. Турки стреляли споро, вполне прилично. Он их похвалил, и адмирал турецкий как-то оттаял, зарадовался, стал заглядывать в глаза Ушакову, спросил: «А что не понравилось?» Федор Федорович заметил, что ядра отлиты плохо, подходят к пушкам меньшего размера. Турок с досадой развел руками. «Говорит, что с ядрами непорядок. Скоро заменит их новыми, – перевел драгоман. – А господин адмирал зоркий глаз имеет. Благодарим за подсказку». Ушаков приготовился покинуть корабль, увидел, что турки засуетились у орудий. Салют будет! Насупился – шлюпку-то с флагом своим не взял. «Негоже салютовать безлошадному». Турок заупрямился. «То есть султанская воля. Всесильный и сиятельный просил оказывать русскому адмиралу всяческие почести». Ушаков настаивал, но турок был непреклонен: «Салют!»

Ушаков махнул рукой: «Бахайте!» Так и отъехал он от флагманского корабля командующего флотом в дыму салюта и почтения. А вот и знаменитая Терсана! Святая святых турецкого флота – адмиралтейские верфи. Их и сейчас охраняли зорко, а раньше-то русскому человеку и подумать было невозможно, чтобы попасть туда. Ушакова торжественно доставили в доки. Генерал-интендант Терсаны – Эмин был радушен и учтив. Повел на мощный стадвадцатипушечник, готовящийся к спуску.

– Наш новый линейный корабль. Начали строить французы, а сейчас хотят уехать к себе. Но мы решили отрубить им головы, чтобы неповадно было.

Ушаков нахмурился, быстро все-таки у турок все решается. Урезонивая, обратился к Эмину:

– Без голов-то они, наверное, совсем никудышные строители будут.

Турок задумался, быстро взглянул на русского адмирала и захохотал:

– Большой шутник, Ушак-паша. Ха-ха-ха, – заливался он. Вытер слезы. – Верно, верно, пусть с головами строят.

Ушаков видел, что все на корабле делалось толково. Палуба не повышалась от носа к корме, а была горизонтальной. То было новшество, что и на русском флоте вводилось.

– Сии корабли впервые английский кораблестроитель Финеас Петт стал делать. У него же медными листами обивать днища стали, предохраняя дерево от гниения и ракушек, нарастающих на него. Да тем самым и скорость усилили. Как у вас? С медными листами делаете?

Генерал-интендант закивал, позвал в нижнюю часть дока. Там раздетые до пояса мастеровые ухали молотами по листам, вгоняя в них большие болты. Эмин протянул руку, приглашая полюбоваться днищем. Почти все оно уже было обито и тускло мерцало в полумраке дока. Ушаков оценивающе посмотрел все и нашел, что строится правильно, а в чем-то и лучше, чем в Николаеве. Засопел от злости на мордвиновское окружение. Все хвастают, что у них порядок и они лучше корабли делают. А надо не надуваться в гордыне, а учиться у всех. Вот у турок тоже достойного немало. На глазок, правда, прикинул: узковат корабль. Высок и узковат. Не будет ли заваливать во время шторма?

В Терсане Эмин показывал все, ничего не скрывая, радовался одобрению ушаковскому, и расстались они довольные друг другом.

Отпустило сердце, легче становилось на душе, можно союзнические дела вместе с турками делать.

Главное направление

Ушаков каждый день справлялся у Томары о новостях, расспрашивал драгоманов, поручил офицерам своим беседовать с капитанами торговых судов, прибывших из Архипелага и Леванта: хотел знать, где оставшийся флот французский, куда английская эскадра двинулась, какие по численности гарнизоны на венецианских островах, настроение у жителей. Сведения

стекались разные, иногда не согласные друг с другом. Но Федор Федорович не любил впотьмах воевать, знать хотел побольше о противнике, о маршрутах предстоящих, об отмелях и рифах на своем пути. Долго изучал карту Архипелага, Венецианского залива, Сицилии, Мальты, расспрашивал грека-лоцмана, капитан-лейтенанта Телесницкого, что воевал тут в последнюю русско-турецкую войну.

– Послушай, Сергей Михайлович, – посадил он возле себя Телесницкого. – Пришло твое время, расскажи про все здешние места, про крепости, про течения, про береговую линию, про нравы островитян. Я-то тут бывал, но пораньше.

Телесницкий уже в то время человек был легендарный во флотах, и о его храбрости, бесстрашии и особой наблюдательности в офицерских кают-компаниях много рассказывали. Бывал он в Средиземном море под видом английского путешественника, богатого грека, польского графа. То оказывался на торговом судне близ Мальты, то на венецианском шлюпе у Рагузы, то бесстрашно сражался вместе с каперами, поднявшими русский флаг на своих судах, у островов Архипелага.

– Знаю, батенька, что ты снял планы Сиракуз и Мессины, то нам, возможно, понадобится скоро. Знаю, и что Мальту знаешь как свои пять пальцев. То нам тоже понадобится, но пуще прежнего еще хочу раз прослышать, что видел на Корфу, каковы наблюдения у берегов Морей.

Телесницкий память имел хорошую, перечислил все островки, проливы в Архипелаге, показал неточности на карте, у острова Родоса, прочерчивая маршрут, хмыкнул, показал перышком: «Тут я уже с турками воевал».

– Сказывай! Знаю, что бывал и в этих местах.

– Вы знаете, ваше превосходительство, когда Швеция в войну вступила против России, то эскадры русские в Архипелаг посылать уже не пришлось. Тогда-то и пришел в голову кому-то план снарядить корсарские флотилии под русским флагом. Первую такую флотилию грек Ламбро Качони, или Кацонис, создал. Он уже бывал на русской службе, чин майора получил за храбрость в первой славной Архипелагской экспедиции графа Орлова. Так вот, в 1788 году он вооружил в Триесте фрегат «Минерва Северная», а потом и другие корабли, топил турок, нападал на их арсеналы, не пускал провиант в Константинополь, даже взял крепость Кастель-Россо на острове у берегов малоазийских. А через год мальтиец Лоренцо Гильчельмо создал вторую флотилию и ходил у Дарданелл. Боевые были времена!

Телесницкий вначале Федору Федоровичу не понравился. Похож был на изнеженного юношу, тонкий какой-то, не мужественный на вид. Но потом,

когда пригляделся, все больше и больше проникался стареющий адмирал уважением и доверием к этому не знающему страха офицеру. Страха не ведал, а языки многие знал. Читать любил, историей древней интересовался.

– А ты-то, Сергей Михайлович, ведь и сам тоже в боях участвовал?

– А как же, Федор Федорович. Фрегат «Лобонданц» под моим началом был. Немало мы торговцев захватили, авизо перехватывали, дозорные корабли разгоняли. Но и нас полупили нещадно однажды. 14 судов турецких «Лобонданц» окружили. Стали «ковырять» ядрами, из ружей доставать, брандскугелем зацепили. 19 человек убили на фрегате. И когда подошли совсем рядом, приготовились к абордажу, закричали, чтобы сдавались, то я схватил факел и побежал к крюйт-камере, а турки увидели, что вместе с нами взорваться могут, и кинулись врассыпную. Скоро темно стало, мы и выскользнули у них из лап.

– Храбрец ты отчаянный, Сергей Михайлович. Слава Богу, что жив остался, теперь и нам помощь принесешь немалую. Как думаешь, окажут нам греки островные помощь при осаде крепостей?

Телесницкий как будто ждал этого вопроса, закивал и горячо ответил:

– Всенепременно, Федор Федорович. Они к российскому флоту очень расположены. Да там немало на островах и волонтеров, что еще со Спиридовым и графом Орловым ходили в походы. Они нас ждут…

Ушаков ждал такого ответа. Укрепиться надо было во мнении. Сегодня с Томарой вместе наносили визит константинопольскому патриарху. Василий Степанович надежду имел, что он островным грекам воззвание подпишет, на республиканцев и их порядки обрушится. Ушаков на это тоже надеялся, но главное – хотел там союзника в боевых действиях заиметь.

Патриарх принял их ненадолго, должен был служить в церкви. Сидел важно, выслушал слова приветствия, недоверчиво стрелял из-под густых седых бровей острыми молодыми глазами.

– Богоугодное дело творите. Давно надо сих богохульников приструнить и наставить на путь истинный. И в сем деле союз российского императора и высокочтимого султана есть истинная мудрость.

– Ваше святейшество, – не очень учтиво перебил Ушаков, – мы еще к вам с делом мирским и духовным. На островах венецианских утвердилась безбожная власть французов. Имеем предписание от нашего императора вместе с турками атаковать их и освободить для истинной власти и божеского суда. Дабы жертв было меньше и кровопролития великого не допустить, надеемся мы на помощь населения. Но светская власть их до тех пор, когда французы

пришли, была венецианскою. Ныне сей республики не существует. Император Павел I на владения права не имеет. О турецком правлении у жителей, вы знаете, свои соображения. Токмо ваша милость может иметь там веское слово и призыв к освобождению от тиранов французских сделать.

Патриарх степенно помолчал после того, как закончил переводчик, пошевелил губами, подумал и гордо ответствовал:

– Всемогущий сказал, что алтарь его на земле будет твердым и непоколебимым, и церковь, преследуемая и угнетаемая варварами, существует неизменно, каковою создал Спаситель наш и его ученики. Простой народ душевно убежден сиею истиною; иные, дабы убедиться в оной, могут со светильниками истории в руках осмотреть прошедшие века.

Ушаков не очень понял, о чем сказал патриарх, нетерпеливо шевельнулся, но тот укоризненно взглянул и продолжил:

– Евангельская кротость, истинная мудрость, терпение и геройское постоянство должны отличать преемников апостольских. Сими качествами они приобретают уважение неверных и благословение верующих.

Патриарх замолчал. Прошло две-три минуты, и Ушаков обратился к драгоману:

– Значит ли сие, что воззвания молитвенного не будет? Или появится оно?

Драгоман перевел, патриарх медленно встал и сказал:

– Патриарх и его епископы благословляют вас на богоугодные дела.

Томара и Ушаков поклонились и чинно вышли из-за стола. Святейший перекрестил их, и они направились в дом посланника.

– Так что, Василий Степанович, будет послание, или чего-то боится патриарх?

– А черт его знает! – непривычно выругался сдержанный Томара. – Он не хочет, наверное, чтобы от нас сие исходило. Будет с султанским двором советоваться. – Еще поругался, повздыхал, потом примирительно закончил: – И то понять можно. Им тут жить. Не токмо их доходы и верования от Блистательной Порты зависят, но и головы… И вообще, они русскую православную церковь не любят в свои владения пускать. Могут еще нам кровь попортить.

Три последних августовских дня проходили в конференциях. То турки приезжали на корабль к русскому командующему эскадрой, то шли вместе во

дворец посланника Томары, то ехали в Адмиралтейство – встречались с морским министром турецким, его чиновниками и с предосторожностью и подлежащей учтивостью вырабатывали планы, уточняли маршруты, достигали согласия на ход операции. Федор Федорович все больше понимал: морское дело, поход и бой одной сноровки требуют, а переговоры, беседы, конференции – другой. И тоже немалых усилий, да знаний, да слов, и точных, и не значащих ничего, но с намеком.

На конференции в Бебеке собрались 30 августа 1798 года. Турки были торжественны, Томара хмур, английский министр Спенсер Смит внимательно всматривался в лица всех участников.

Раис-эфенди усадил всех на низкие диванчики. Занесли шербет и кофе. Раис-эфенди поклонился и хлопнул в ладоши. Два дюжих янычара занесли доски, на которых были прикреплены карты Средиземного моря.

– Мы просим победоносного Ушак-пашу изложить нам план действий русской и турецкой эскадр. Сообщаю всем высочайшее повеление султана и его просьбу к русским представителям о том, чтобы совместную экспедицию возглавил адмирал Ушаков.

Строгость

Русская эскадра подняла паруса и двинулась на соединение с эскадрой турецкого адмирала Кадыр-бея в Дарданеллах. Им вместе предстояло идти на штурм Ионических островов. Ушаков на первых милях провел смотр – обнаружил неполадки и учинил строгий разбор.

…Никогда он не был созерцателем, уповающим на Бога и на Адмиралтейство. Добивался всего, писал, жаловался. Ругался почем зря. И за это его не любили в кабинетах начальнических, в Адмиралтейств-коллегий морщились, на корабельных стапелях хмурились, когда он приезжал. Купцы, поставщики всякие руками разводили: «Ну несправедлив ты, батюшка адмирал». А он не несправедлив, а строг и требователен был, не любил, когда любое дело, малое или большое, спустя рукава делалось. А паче чаяния с обманом, нерадением постоянным, без попытки к улучшению, боролся. Столь же строг и даже беспощаден к своим командирам был, к помощникам ближайшим. Те иногда, хоть в плач кидайся, такие выговоры и слова резкие слышали. Нравилось ему строгим, что ли, быть? Или тогда важным мог показаться? Да нет, нравилось ему, чтобы был порядок, не тот мелочный порядок прусский, когда главное, какая пуговица где пришита да как долго может матрос, вытянувшись и не шевелясь, простоять. А тогда, когда все к бою и походу на кораблях готово было, каждый знал свой маневр, место свое. Когда все знают, за что, с кем и когда сражаются. Да! Все. И командиры, и простые

моряки. Командиры, конечно, люди дворянского, высшего происхождения, образованные. И тем паче дело знать должны.

Вот и тут, на выходе в Дарданеллы, распек своего капитана Ивана Степановича Поскочина. Он старался неплохо, но, видно, всегда что-то чуть-чуть недоделывал, недоучивал своих матросов. По приходе в Босфор Федор Федорович заметил, что линейный корабль «Святая Троица», коим командовал Поскочин, не сразу на якорь стал, отдрейфовало его далеко от общей стоянки. Подумал тогда: «Волнуется капитан. Долгое время на гребных судах служил. Первый раз такой поход». Не стал делать замечание. А сейчас, когда он эскадру начинал выводить в Дарданеллы, Поскочин снова с каната якорного сорвался, не смог сделать поворот к фордевинду. Отданный тут же другой якорь не удержал корабль на месте, и он дрейфовал к берегу. Вся эскадра задержалась на несколько часов. Ожидала. Ордер написал Поскочину: «…Крайне я всем оным недоволен и таково неудовольствие вам объявляю, и, если что-либо неприятное через сие последует, я отнесу оное к вашей неисправности».

Нет, еще раз убедился он, что ошибки и промахи замечать надо. Указывать на них. Требовать устранения. И показывать, как нужно действовать. А если просмотреть, простить, то они повторятся, да еще и увеличатся. Строгость ко всем проявлял, но и заботился о каждом. Мешали и это делать. Что положено – не давали. По ордеру императора направляет Адмиралтейств-коллегия в поход, а жалованья не выдает, мундирных денег не подготовила. А ведь известно, что те, кто в плаванье, да еще зарубежное, отправляются, тому повышенное жалованье выдается, на одежду и обмундирование дополнительно платят. На берег даже команду в Константинополе не мог отпустить. Одеты плохо, многие не обуты. Вот и начинай баталию, когда войско босо. Написал 2 сентября срочный рапорт в Адмиралтейств-коллегию. Знал, что обидятся, – докучает адмирал, скажут. Но ведь дурь у них там в головах. Прислали из Ахтиярского порта ассигнаций на четыре с половиной тысячи. Но здесь же их никто не берет, не только за настоящую цену, но и «за великим уменьшением». Думал три дня и решил обо всем еще раз доложить Павлу. Знал, что в Амиралтейств-коллегии из себя выйдут: императору жалуется! А он не жалуется, а просто сообщает, что с января денежных сумм не платили офицерам, порционных денег не выдали в августе за поспешностью действий. Конечно, он и сам решил не ждать денег и выкрутиться. Попросить у Томары 60 тысяч рублей и «кредитивы» через него получить, но на это «высокое разрешение» надобно. Чиновники сие дело начнут разжевывать, раздумывать, спихивать один на другого, а ему в поход уже надо, в бой надо. Или стой и жди, когда в адмиралтействах решатся на эти растраты, или в рвении своем отправляйся в плавание без денег и одежды. Он не мог ни то, ни другое себе позволить. Ждать не мог – иначе не Ушаков был бы. Но и с голыми двигаться не хотел. В Европу все-таки эскадра идет. Да и гарантировать себя надобно:

всегда ли турки снабдят? Потому и направил Павлу рапорт. Пусть император поморщится от столь незначительных для него просьб, но и решит. Тем более что Ушаков написал в рапорте, что о выдаче денег штаб– и обер-офицерам в Уставе военного флота значится: «…в дальние вояжи отправляемым эскадрам и кораблям выдавать на шесть месяцев, по истечении коих они должны будут получить в том месте, где тогда флот находиться будет, по цене, во что обойдется там обыкновенная матросская порция для заготовления вновь съестных припасов».

Император должен знать, что он не за прибылями и даровыми заработками гоняется, а требует то, что всеми регламентами и уставами определено.

Вот в этом, в исполнении необходимого и обязательного, был строг Ушаков. А по этой причине каждый день у него были столкновения, споры, обиды. Утешал себя: не для нужд собственных, для Отечества стараюсь.

Единоверцы

Греки все чаще и чаще поворачивали голову в сторону России. Она была для них притягательным центром, местом, где их принимали как верных друзей, давали должности, земли, принимали на службу, пускали в церковные храмы, которые часто и назывались греческими.

Особую категорию составляли офицеры, моряки, состоявшие на русской службе.

Екатерина открыла для них специальный Корпус чужеземных единоверцев. На недавно освобожденных южных землях Новороссийского наместничества греки тоже чувствовали себя неплохо. Вместе с единоверными русскими, украинцами, армянами они составляли основную часть населения. Еще в 1778 году за несколько дней генерал-аншеф Суворов, чтобы лишить строптивого крымского хана денежной поддержки самой хозяйственной и богатой части населения, переселил всех христиан из Крыма в наместничество на северное побережье Азовского моря. Так и возникли тогда города с преобладанием греческого и армянского населения – Мелитополь, Мариуполь, Нахичевань у крепости Святого Димитрия Ростовского. Греки – отставные моряки и офицеры – селились в Херсоне, Николаеве. Николаев им очень нравился, и они щедро награждали его эпитетами, даже предсказывали ему будущее Афин. До Афин дело не дошло, тем более что новый южный порт с незамерзающей бухтой появился рядом. Он сразу привлек внимание купцов, торговцев всех мастей, моряков, искателей приключений, трудовых людей и авантюристов. В 1794 году на месте турецкой крепости Гаджи-бей стал возводиться порт, город и крепость. Прозорливый взор Суворова увидел здесь

немало выгод и утвердил начало строительства. Талантливый архитектор Де-Волан предложил план строительства. Бурную деятельность по возведению и обустройству города развернул генерал русской службы Де Рибас, потомок испанских дворян, поступивший на русскую службу еще в период первой русско-турецкой войны. Он, говорят, оказал услугу графу Алексею Орлову, заманив на корабль небезызвестную княжну Тараканову (самозванку, объявившуюся в те годы в Европе и напугавшую Екатерину, после Лже-Петра – Пугачева). Затем, порасспросив русских офицеров и узнав, кто вхож в царские дворцы, он очаровал вельможу Бецкого, бывшего в те годы довольно близким к Екатерине. Очаровал и его приемную дочку и сразу стал «своим» в коридорах власти. Повоевал на юге под началом Потемкина, участвовал под командованием Суворова в штурме Измаила. В общем, был довольно храбрым воином. Но вот проявил себя и в градостроительстве. Говорят, что он не гнушался запустить руку в государственную казну. Но ведь не был пойман, а энергии в устройстве дел ему было не занимать. И поэтому наряду с мифами о его деяниях были и реальные успехи, которыми испанский сын России законно гордился. Главную же тяжесть строительства нового города вынес русский плотник, украинский землекоп, каменщик из Могилева, кузнец из Чернигова и корабел из Архангельска. Трудовые люди нашего Отечества. Им-то, первым строителям, и следовало бы поставить памятник в нынешней Одессе.

Тогда, в первые годы существования Одессы, в ней нередко слышалась греческая речь. Осели там после второй русско-турецкой войны многие отставники-греки, некоторые торговцы, плававшие под русским флагом, привезли в южный город свои семьи. С тех пор Одесса стала центром, который в немалой степени повлиял на будущее освобождение Греции из-под оттоманского ига.

Греки входили в состав экспедиции Ушакова. Там были боевые капитаны 1 ранга, командир флагмана «Святой Павел» Евстафий Сарандинаки, командир корабля «Богоявление Господне» Антон Алексиано, капитан-лейтенант Христофор Клопакис, лейтенант Егор Метакса, поручик Егор Артакино и другие.

А на Ионических островах, как отмечали современники, была к тому времени большая «русская партия». В нее входили разные люди. Ведь еще в 70-х годах две тысячи жителей острова Закинф во главе с графом В. Макрисом участвовали в составе морской экспедиции Алексея Орлова, заходил сюда со своей эскадрой и адмирал Спиридов. Русский флаг жители выбрасывали над крепостью еще в 1797 году. А это означало, что они хотят перейти под покровительство России. Закинфцам не откажешь в мужестве, ведь французы только высадились тогда на Корфу.

Особенно сильны были прорусские настроения на острове Кефаллония, где под руководством графов Метаксасов был создан трехтысячный отряд поддержки России. Тридцать отставных офицеров русской службы были немалой и взрывающей силой. Имена лейтенанта Антона Глезиса, капитан-лейтенанта Спиро Ричардопулоса (штурмовавших Измаил), майора Андрея Ричардопулоса, лейтенанта Луки Фокаса, прапорщика Герасима Фокаса вошли в книгу освобождения островов.

На Корфу у России оказалось немало сторонников во главе с графом Н. Булгарисом, организовавшим двухтысячное ополчение. Но не только нобили, люди состоятельные, зажиточные, оказались в главных помощниках и союзниках русской экспедиции. Нет, в соратниках и друзьях Ушакова оказался демократ Григорий Палатинос, арматол – доброволец с материка А. Глезис, священник-трибун А. Дармарос, какой-то аптекарь, поднявший русский флаг на Закинфе, жители этого же острова, на руках перенесшие солдат из лодок, крестьяне и рыбаки, ремесленники и отставные солдаты. Они-то все и сыграли важную роль, в немалой степени обеспечившую России симпатии, расположение и признательность, а значит, и победу на островах.

С чем пожаловали?

Необычное виделось в конце века на Средиземноморье. Христианский и мусульманский флаги шли рядом. Корабли злейших в прошлом врагов двигались к единой цели. Незримые нити тянулись от каюты русского вице-адмирала к кораблям объединенной эскадры, на острова Ионического Архипелага, в константинопольскую квартиру русского посланника Томары, в Зимний дворец в Петербурге. Он отдавал приказ, предпринимал действие, и это отзывалось там. Правда, по-разному слышались его слова в хижине закинфского рыбака, султанском Серале, Адмиралтейств-коллегий, канцелярии Директории, морском министерстве на берегах Темзы. Внимательно следили за перемещением эскадры Ушакова: из Египта – генерал Бонапарт, из Неаполитанского королевства – адмирал Нельсон и король Фердинанд, с Корфу – генерал Шабо, с Китиры – безвестный священник Дармарос. Да мало ли зорких глаз всматривалось в паруса и флаги эскадры!

Вот и в то раннее осеннее утро с небольшой торговой шхуны, укрывшейся за серой, уступчатой скалой, до рези в глазах всматривались в рассеивающиеся хлопья тумана: не мелькнут ли в них паруса русских кораблей? Вот они! И, вынырнув из-за скалы, замахали шляпами, флагами и шарфами. «Просят остановиться! Принять на борт! Может, сообщить что хотят!» – доложили Ушакову. «Знаю! – коротко ответил тот. – Тут где-то должны гонцы из Китиры нас встретить».

Да, то были действительно делегаты от островной общины. Элегантный и сдержанный нобиль Маврояннис, растрепанный и всклокоченный хозяин шхуны Григоропулос из второклассных, бывший офицер русской службы Киркос и громадный, спокойный священник Дармарос. Ушаков радушно пригласил всех в каюту, приказал подать теплый сбитень, угощения. Греки не притронулись, во все глаза глядели на адмирала, слава о котором разнеслась далеко по Средиземноморью. Федор Федорович позвал толмача и, чтоб ободрить приехавших, обратился первым:

– У нас на Руси спрашивают, с чем пожаловали, господа? С чем мы пожаловали, сейчас зачитаем. Наши письма, приглашающие поддержать сию экспедицию, коль согласны, вам передадим. Послание его преосвященства Григория V по неведомым нам каналам, думаю, уже у вас очутилось.

Русский адмирал не юлил, не скрытничал, сразу открыл все карты и доброжелательно спросил еще раз:

– Ну так кто что скажет?

Греки переглянулись и задержали свой взор на Дармаросе. Священник начал так же неспешно и раздумчиво, как адмирал, чем сразу тому понравился.

– Великой единоверной страны представители! Настал час нашего вызволения. Народ островов греческих, бывший под владычеством разных иноземцев не раз, никогда еще не ждал освобождения с таким нетерпением.

Священник сделал паузу, казалось, набрал воздуху, чтобы закончить на одном дыхании, и заверил:

– Но мы не только ожидаем – готовы выступить с оружием. Сие не богопротивное дело, коль враги наши – богоотступники и насильники. У господ бывших русских офицеров кое-что в подвалах сохранилось. Да и сельская коса из мирного крестьянского снаряжения в оружие боевое превратиться готова.

– Добро! Добро! – прогромыхал адмирал. – А сколько народу вы можете поднять? Сколько вооружить?

– Всех, ваше превосходительство. Всех поднимем! А вооружить тоже всех, сколько будет оружия.

Ушаков недоверчиво переводил взор с одного на другого, знал бахвалистость многих из сынов Средиземноморья.

– Так уж и всех?

– Всех, всех! – даже загорячился Дармарос – Давайте только ваши письма с амвона как молитву прочту. Не будет у вас ни одного противника среди греков, их сердца вам принадлежат полностью.

Греки все сразу шумно заговорили, перебивая друг друга, размахивая руками. Ушаков, почти не слушая, понял, что поддержат, и закидывал уже вдаль мысль, думал об устройстве и наведении порядка позже.

– Что думаете, много понадобится войск оставлять после отнятия крепости у французов? Не поднимут ли они через своих агентов, как только мы уйдем, новое восстание, не сорвут ли флаг наш?

Греки опять заволновались. Аристократ Маврояннис, властно подняв вверх руку, потребовал тишины.

– Гарнизон надо оставить большой! И не против французов. Они вряд ли сунутся, сила эскадры господина адмирала им известна. А против черни и тех, кто подстрекаем французскими богохульниками, захватил земли наши и сейчас зарится на имущество высокородных и достойных граждан острова.

– Господин Маврояннис, – довольно неучтиво для собственного сана перебил высокородного Дармарос. – Жители нашего острова действия русской эскадры поддержат и французам не позволят снова воссесть в крепости Китиры. Посему оставлять союзный гарнизон большой здесь не следует. Сами управимся. А господину Ушакову войска еще понадобятся для взятия Корфу и других островов. Мы же у себя управимся, ежели не будут допускать одни люди перед другими чванливости, заносчивости и нечестного ограбления под видом закона. Да, если поступятся отдельные граждане своими привилегиями для общего блага.

Маврояннис и Ушаков с удивлением взглянули на священника. Правда, каждый увидел и услышал его по-своему. Нобиль захлебнулся от гнева: французская зараза проникла даже в церковь. Адмирал воочию увидел, что есть на кого опереться на этом острове, есть понимающие его замыслы, есть верные друзья у него среди греков. Попросил принести его «пригласительные письма». Торжественно зачитал их, передал Дармаросу тексты, переведенные на греческий. Обратился на прощание:

– Мы на ваших обывателей и на вас надеемся. Благодарим за то, что помощь хотите оказать. Вместе французов изгонять будем. К первым числам октября весь отряд морской подойдет. Вот тогда и выступайте. – При выходе задержал Дармароса, посмотрел долго и внимательно в его глаза, как бы почувствовал исходящую из того духовную силу и преданность, тихо, с признательностью сказал: – Спасибо, отче! Паству свою наставляешь по-

Божески, возвышенно и благородно. Чувствую, что друзьями расстаемся, друзьями встретимся и после победы. Помолись за успех.

– Да будет так во имя Отца и Сына и Божьего Духа. Аминь! – по-русски закончил Дармарос. Ушаков только руками развел, не удержался, обнял священника.

К вечеру велел собрать командиров. Корабли сблизились, на шлюпках подъехали турецкие и русские капитаны. Картографы еще в Константинополе вычертили карту, протянули один за одним вдоль греческого побережья Ионические острова. Ушаков подошел к карте, разгладил ладонью лист и четко, как бы отдавая приказ, стал говорить:

– С сего дня начинаем самое главное наше предприятие – освобождение островов. Отряд капитана Сорокина посылаем во вспомоществование англичанам к Египту. Вся остальная эскадра медленно вдоль островов движется и отсылает впереди себя небольшие отряды для начала боевых действий и сигнала местным жителям. На Китару и Закинф под командой капитан-лейтенанта Шостака отряд идет. Один линейный корабль и два фрегата русской эскадры, а также турецкий фрегат под общей командой капитана 2 ранга Поскочина направим в Кефаллонию, такой же объединенный русско-турецкий отряд: два линейных корабля и два фрегата – направляем на остров Левкас под началом капитана Дмитрия Николаевича Сенявина. Греческие повстанцы выступают одновременно с появлением кораблей наших. На Китире Дармарос сие обеспечит, на Закинфе – граф Макрис, на Кефаллонию мы направляем капитан-лейтенанта Ричардопулоса, на Левкасе нас тоже ждут. Итак, следует десанты высадить, ежели не удастся с ходу овладеть островом – с помощью повстанцев оттеснить французов в крепость, осадить их и, ожидая подхода эскадры, устроить бомбометание. Эскадра своими пушками дело завершит. Затем все под Корфу двинемся. Я сей план предварительно согласовал с адмиралом Кадыр-беем и посему выступаю от нас двоих совместно.

Осанистый и крепкий Кадыр-бей покивал головой в сторону Ушакова уважительно. С ним у Федора Федоровича сразу как-то заладилось. Кадыр-бей был внимателен, старался понять замысел, не чванился, на первенство русского адмирала не обижался. Ушаков же своим главенством, определенным с согласия султана, не давил, не кичился, советовался в главном и зато ощущал постоянно дружелюбие турецкого флотоводца. Не то был его заместитель, вице-адмирал, или, по-турецки, патрона, Шеремет-бей. Томара уведомил Ушакова, что Шеремет купается в английском золоте. Но Шеремет-бей не только английским золотом упивался. Он всякое золото любил. Не был он ни рабом старых обычаев, ни горячим сторонником замышляемых Селимом III реформ. Был он просто хищник, вурдалак у султанского трона, воплощение коварства и зависти. Ни на минуту не сомневался он, что и другие живут по

таким же законам. И еще ему хотелось занять место Кадыр-бея. Тогда, может быть, и он смирился бы с Ушак-пашой, но сейчас всячески хотел столкнуть двух адмиралов, досадить им и вредить Кадыр-бею во всем. Решил доносить на него в Стамбул, если он будет в чрезмерном согласии с Ушаковым. Доносить и тогда, когда они придут в столкновение. Порта должна быть недовольна Кадыр-беем. Кадыр-бей должен быть недоволен Ушак-пашой. Русский адмирал должен сердиться на Кадыр-бея. Своим помощником он считал Махмуда Раиф-эфенди – представителя Высокой Порты по дипломатическим вопросам при Кадыр-бее, Раиф-эфенди был враг Ушакова и союза с Россией. Однако человек он был не без принципов. Его кумиром была Англия. Он провел там несколько лет послом и хотел, искренне хотел, чтобы Селим III перестроил всю Османскую империю на английский манер. Конечно, было это невозможно. Но Махмуд Раиф-эфенди этого хотел так страстно, что заслужил в народе прозвище Инглиз (англичанин).

Ушаков кое-что ведал о сих «союзных головах», но виду не подавал, был учтив и предупредителен. Ссору раньше времени не раздувал. Раиф-эфенди не выдержал первый, сорвался и как-то по-петушиному, вначале по-английски, а потом по-турецки зачастил:

– Почему с Сорокиным идет такая малая часть кораблей? Ведь Египет – боль нашей империи, и мы должны по-настоящему помогать нашим доблестным союзникам-англичанам!

Федор Федорович постучал трубкой, встряхивая тлеющий табак, затянулся, выпустил струю густого дыма и только после этого рассудительно, как бы увещевая неприлежного ученика, объяснил:

– Сие количество согласовано на переговорах в Константинополе. А Балканы и бывшие Венецианской Албании острова тоже наша всеобщая боль, забота Оттоманской Порты, ибо французский генерал Бонапарт еще год назад сказал, что острова Корфу, Занте, Кефаллония дают ему господство в Адриатическом море и Леванте и имеют для французов большее значение, чем вся Италия. Так что тут наша миссия значительна и важна.

Раиф-эфенди смутился, слова Бонапарта ему были неизвестны, да он и сам понимал, что от Ионических островов до Египта рукой подать. Не смутился, однако, Шеремет-бей и решил, что пора забивать клинья в союз двух адмиралов. Голос у него был какой-то писклявый, верткий, раздражал Ушакова.

– Доблестный адмирал, ваша военная хитрость известна нам, ныне вы и общую власть имеете, отряжаете приказом своим наши корабли для взятия островов. Известно, что наши великие монархи во всем нашем предприятии равенство положили, как закон общий. Однако же турецких кораблей меньше в

отрядах получилось. Не обидим ли наших доблестных турецких капитанов, не нарушим ли дух великого согласия?

Ушаков сразу понял, что этот улыбчивый и льстивый турок – главная опасность, в нем сидит враг, которого надо сразу принимать во все стратегические расчеты. «Не поворачиваться кормой – расстреляет. Бить надо нахала, – решил про себя. – Ладно, мы тоже не лыком шиты». Начал, как восточный человек, издалека, с пышных слов и восторгов.

– Великое провиденье Божье свело нас вместе в небывалую сию экспедицию, и наши высокочтимые монархи о многом договорились, что нам известно. О многом им только известно. Но их мудростью мы посланы в этот поход, их мудростью назначен я командиром совместной эскадры и их мудростью руководствуюсь, создавая отряды для взятия островов, и на них уповая, в военных действиях опираюсь… И тот, кто на мои решения покушается, на монаршьи указы нападает. Что касается уважаемого патрона, то я думаю, что он со мной в целом согласен, а о мелочах договоримся!

Шеремет-бей закивал головой, видно было, как кончики ушей у него покраснели. Ушакову показалось, что Кадыр-бей удовлетворенно подмигнул ему, однако патрон оружие еще не сложил.

– Не следует ли нам, славный адмирал, выразитель воли наших правителей, брать острова каждой эскадре отдельно? Керкиру и Левкас турецкой, Занте и Кефаллонию русской, дабы не возникло соперничества и ссоры из-за трофеев.

Ушаков понимал, что свершить это ни в коем случае нельзя. В турецких морских командах полно головорезов и башибузуков. Они начнут резать и грабить по старой привычке всех «неверных» – и французов и греков. Сразу возникнет недоверие у ионитов. Из союзников – врагов можно получить. Согласие в эскадре даст трещину, а может и развалиться. Нет, допустить этого нельзя. Но и сказать истинную причину, что греки турков боятся и ненавидят, тоже нельзя. Шеремет-бей сразу загалдит, подговорит Кадыр-бея жаловаться на недоверчивость и неучтивость русских, на предпочтение грекам перед союзниками.

– Силы держать в кулаке буду и употреблять только по военным соображениям, не различая, где какой корабль, ибо так поручено нам нашими монархами! Призов же никаких от местного населения не предлагаю. Ибо едем мы не как захватчики, а как защитники и освободители. Так что и делить нечего.

Шеремет-бей закивал преданно головой, давая понять, что во всем согласен с русским адмиралом и готов следовать его приказам. Ясно стало и то,

что его отныне надо приплюсовать к вражескому стану, упреждать, не давать возвыситься, иначе вред причинит больше, чем самый дерзкий неприятель. Решил не углублять пропасть, сделать вид, что ничего не произошло, обратился к командирам русских и турецких кораблей:

– Соблюдать дисциплину и порядок следует в походе, не обижать жителей. Мы с мирными обывателями не воюем! Вам же, уважаемые командиры Шостак и Поскочин, предписываю склонить жителей к действиям против французов. На Китире же надо, чтобы они неприятеля принудили сдаться пленными или истребили… А вообще к себе французов не допускали бы, а приходящие к острову суда брали бы в плен. Нужно по важности обстоятельств в сие действие уговорить и понудить обывателей, чтобы не только участвовали в деле, но и всякую помощь делали бы, всеми силами и возможностями вам помогали.

…Перед заходом солнца шлюпки от «Святого Павла» потянулись на корабли эскадры. Там еще царили беспечность, веселье, а командиры уже знали, что через несколько дней их ждет десант, артиллерийская канонада и бой. Отъезжая, все знали свой маневр, свой курс, сигналы, что соединяли эскадру воедино.

Кадыр-бей остался у Ушакова до утра, предвкушая сытный ужин, водку и добрые разговоры. Да и не хотелось ему слушать назойливое нашептывание писклявого Шеремета.

Закинф просится под покровительство

То был триумф. Наверное, так встречали в Древней Элладе победителей. Засыпали цветами, женщины протягивали вверх ладони, как бы благодаря Бога за избавление, дети совали в карманы конфеты и целовали руки освободителей. Ушаков шел впереди отряда русских моряков медленно, приостанавливаясь, дабы помахать стоящим на балконах, вылезшим на крыши, столпившимся у ворот жителям. Часто поворачивался лицом к морю, чтобы налетающий ветерок иссушал набегающую на глаза влагу. Вытирать слезу было неудобно – ведь мужчина, моряк, адмирал. А цветы сыпались. И над всем этим несся колокольный звон, возвещая о союзной полной победе, о действиях совместных, о новых надеждах и думах островных жителей.

…Действия же начались успешно. 1(12) октября 1798 года был взят остров Китира. Завидев эскадру, гарнизон Директории почти сразу капитулировал. Французы уже знали, что население Китиры по нескольку раз прослушало «пригласительные письма» Ушакова, которые вместе с утренней и вечерней молитвой зачитывал в церкви Дармарос. Они попытались арестовать попа-бунтовщика, но крестьяне, вытащив из тайников ружья и копья, ножи и

сабли, отогнали солдат. Вооруженный отряд китирцев рос не по дням, а по часам, и к подходу русской эскадры гарнизон был в бушующем море повстанцев. «Русская партия» на островах без труда взяла верх. Вот уже 15 дней развевается русский флаг над Китирой. Сегодня он затрепещет и над Закинфом. И здесь жители ждали их, и здесь островитяне вооружились. Находясь на перепутье морских дорог, остерегаясь внезапных нападений, вылазок корсаров, каждый островной житель хранил оружие, имел тайники, замаскированные склады с продовольствием и боеприпасами. Французский начальник гарнизона подполковник Вернье решил опередить агитацию Ушакова и повесил везде прокламации, описывающие зверства турок. На больших листах были нарисованы усатые и пузатые османы, держащие над мешком отрезанную голову грека. А рядом русский моряк с цветами в руках. Плакат должен был, по мнению Вернье, разоблачить коварный союз России и Турции. Но получилось наоборот, местный художник, исполнявший заказ, а скорее приказ французов, нарисовал русского моряка симпатичным, привлекательным парнем, отделил его от турка и даже повернул в другую сторону. На второй день турецкая чалма уже была переделана в шапку французского гвардейца с трехцветной кокардой. Вернье объявил острова в опасности и перед лицом «монархического заговора» призвал всех граждан в Национальную гвардию. Но на пункты сбора явилось всего несколько человек. Французам уже не верили, их громкие лозунги упали в цене. Жители острова шли не на призывные пункты, а стекались к дому графа Маркиса. Граф был доволен, что не поддался уговорам родственников и не перешел на службу к французам, оставаясь ревностным поклонником России. Под ее флагом он и собрал восемь тысяч человек. Крестьяне, направляясь в отряд Маркиса, походя громили дома «якобинцев», сжигали официальные долговые документы, разбивали двери тюрем. Правда, среди разгромленных «якобинцев» почти все оказались людьми имущими, было немало и дворян. Маркие заподозрил, что тут подговор злонамеренного Мартиненгоса, что ненавидел нобилей, хотя был и преследован французами. Но в тот момент было не до выяснений отношений, и ополчение Маркиса вышло на побережье, где показались паруса кораблей капитан-лейтенанта Шостака. Море хотя и не штормило, но волновалось, корабли стали в отдалении, спустили шлюпки. Гребцы гребли изо всех сил, но пристать к берегу не могли. Волны, откатываясь, оттаскивали лодки в море. И тут крестьяне, взявшись один за одного, в два ряда протянули цепочку к лодкам. Вот один перехватил брошенный конец веревки, подтянул его к себе, другие уже подхватывали русских солдат и, взявшись за руки, несли их до берега.

– С люльки на руках-то не носили! – смущаясь, отряхивался от брызг усатый гренадер.

– Ну, сейчас можно и прямо в бой, подштанники-то сухие, – прихохатывал другой.

Высадился и Шостак, дал залп из немногих пушек, велел занимать позицию на вершине холма, откуда были видны крепость и город. Вскоре над городским муниципалитетом весело хлопал русский флаг, оповещая, что французы уже оттеснены в крепость. А вот и основная эскадра! Полукольцом охватили остров корабли Ушакова, развернулись бортами, из портов показались пушки! Еще мгновение – и… И над крепостной стеной взвился белый флаг. Шлюпка французов устремилась на флагманский корабль, а оттуда плыли вдохновленные русским адмиралом закинфские представители. Они только что получили там боевое знамя адмирала и распоряжение об атаке на крепость. Помахали кулаками проезжавшим французам, горя желанием идти в наступление. Однако наступать не пришлось. Ушаков был настроен благодушно и без проволочек согласился на выгодные для французов условия сдачи. Кровопролития не желал. Важно было овладеть крупным островом…

И вот идут они, воины и моряки, в колокольном перезвоне, лепестковом дожде, волнах улыбок и возгласов. У здания муниципалитета Ушаков остановился, громко сказал:

– Прошу всех представителей управления острова и делегатов на встречу последовать! Оговорим предварительный план управления.

С удивлением взирал изысканный и утонченный аристократ Граденигос Сикурос ди Силлас, глава закинфского нобилитета, на то, что вслед за ним шагнул под свод ратуши второклассный Мартиненгос, потоптавшись, неуверенно пошел туда же Кладис.

Ушаков сел на место городского главы. Слева от него вытянулся мичман Васильев, справа граф Маркие, чем сразу вызвал недовольство семейства Сикуросов. Ушаков обвел глазами зал, остался недоволен тем, что народу было мало, но не стал ждать и встал.

– Уважаемые представители Закинфа! Остров освобожден. Руины французского владычества дымятся на сих землях, где должно нам построить управление благонравное и справедливое. Мы при сем должны учесть вашу островную традицию, а также доблесть выступивших против нашего общего врага граждан. В послании святейшего патриарха Григория V и в наших «пригласительных письмах» обещалось восстановление старых привилегий и выбор вами формы правления по образцу Рагузы либо иную. Надеемся на мудрость вашу…

Непонятно было: закончил слово русский адмирал или сделал паузу, но вскочил Граденигос Сикурос ди Силлас и вознес руки как в молении.

– Слава Всевышнему! Земная благодарность российскому императору Павлу и султану Селиму за спасенье нас, земель и богатств наших от мерзких богоотступников и гонителей, достойных граждан. Что касается устройства нашего, то не надо нам никаких новинок, хватит – испробовали! Пусть творится все по образцу и подобию бывших венецианских владений, с вековечным верховенством знатных, и пусть очистят зал все, кто занесен сюда ветром былого вольнодумства. Мы же будем править под покровительством России и Турции по старым законам!

Зал замер. Из последних рядов встал и пошел к выходу Мартиненгос, вышли еще двое, то были участники народного ополчения. Ушаков нахмурился, не хотел начинать устройство островное с раздоров. Вскочил и заговорил по-русски Кладис, с гневом поглядывая на Граденигоса Сикуроса.

– Некоторые знатные особы ничего не сделали, дабы способствовать быстрейшему освобождению острова. Сейчас они все маслины хотят получить с дерева освобождения, хотя на сие право имеют и другие граждане. Думаю, что в правление должны войти достойные люди, кто приветствует славного адмирала и кто хочет служить добронравию и справедливости, им провозглашенной.

Ушаков еще не сел, выслушал Сикуроса и Кладиса стоя. За окном внезапно зашумела толпа, раздался пронзительный крик, затем снова забурлило море выкриков и шума.

– Они просят вас выйти на балкон, – прислушиваясь, перевел Маркие.

– Зачем?

– Хотят выразить свое благодарное волеизъявление.

На площади толпились рыбаки и торговцы, пастухи и моряки, владельцы шхун и корабельные мастера. Ничего грозного не было в их виде, но гневные слова вырывались из их груди, напряжение ходило по лицам. Вперед вышел гигантского роста человек, рядом с ним встал Мартиненгос, он и обратился к Ушакову:

– Великий адмирал! Мы здесь! А мы – это все закинфяне! Спасибо тебе и морякам русским. Просим взять нас под вечное покровительство и заботу России! Она малых не обидит, в пасть венецианских толстосумов и индюков не отдаст. Возьми под руку свою!

Ушаков видел: говорилось это искренне, без подвоха, но понимал, что надо угомонить, иначе – прощай, союз, снова возникнет злословие по поводу замыслов его эскадры, явится недовольство турок. А впереди Корфу. Поднял вверх руку, ожидая тишины.

– Уважаемые обыватели! Благодарю за признательные слова! Но больше всего благодарю за действия в поддержку объединенной эскадры! Смею вас уверить, что Россия здесь приобретений не ищет. По договору союзному мы лишь боремся против войск французских, незаконно здесь свою власть установивших. Ваше управление будет установлено согласно желанию граждан. Для сего мы сюда и собрались. Вас же, господин Мартиненгос, как и других командиров повстанческих, приглашаем вернуться в зал, дабы о временном управлении договориться. Комендантом же крепости нашей назначается сей мичман Васильев, что уже храбростью своей себя отметил. Будьте спокойны, рассудительны и дело свое исполняйте, каждый на своем месте. Желаю благополучия вам на сем освобожденном для счастья острове!

Лица у собравшихся просветлели: слова Ушакова, его вид успокоили. Впервые за один стол управления на Закинфе сели нобили и илсекондоордино.

Звезда Сенявина

– Так вот, Дмитрий Николаевич, постарайся без большого кровопролития. Нет нужды русских моряков терять. – И, словно вспомнив, что с Сенявиным не стоит так назидательно говорить, Ушаков сказал задушевнее: – Поступайте осмотрительно, и что как полезнее и выгоднее государственной пользе, то и производите!

Перед адмиралом лежала карта, и он отряжал к острову Святой Мавры, или Левкасу, капитана 1 ранга Дмитрия Сенявина. Операция была важная, все продумал, расписал в ордере, обсудил с ним, что может быть еще непредвиденного. Сенявин уже научился повиноваться, но излишне советоваться не будет, перед врагом искать защиту у бумажки не станет, сам действие предпримет, находчивость проявит.

Не ладилось у них в начале морской карьеры Сенявина. Федор Федорович не любил излишней прыткости, иронию почитал не свойственной русской натуре, считал, что подчиняться надо уметь каждому командиру. Сенявин же был скор на принятие решений, норовист, ироничен, славу любил, да и она к нему благоволила. А еще благоволили к нему и Потемкин, и Мордвинов, так что прошел он свой путь командирский стремительней и независимей, чем Федор Федорович. Оттого-то он, наверное, и недоверчив был к Сенявину. Недоверчив, но его предпочитал всем своим офицерам, его наставлял больше других – ибо уже тогда видел в нем главного своего преемника и ценил. Нрав того, конечно, не принимал, но то, что моряк Сенявин был отменный, признавал, боевую выучку и честолюбие тоже ценил. Да и что то за офицер, коли он не заботится о чести и об имени своем. Нет, воинская честь – это не блажь командира, это – часть военно-морского искусства, часть

морской души офицера. Коли ты ее не имеешь, не быть тебе полководцем, не стать тебе боевым адмиралом, не сможешь достойным офицером слыть. Не просто адмиралом и офицером, каковым при усердном сидении в Адмиралтействе да при дворцовой протекции немало сделалось, а вот тем, кто честь свою воинскую блюдет и ревнив к чужим успехам, уступать не желает не только сопернику, но и сотоварищу. Нет, не в драке, ссоре с ним, а в доблести. Такого офицера, такого моряка Ушаков уважал и отдавал предпочтение перед тихими и робкими. Коль избрал ты карьеру военного моряка – будь храбр, напорист, честолюбив, уверен в себе. Тогда победа придет. Вот и к Дмитрию Николаевичу победы приходили. Конечно, не сами по себе, а благодаря решительности и хватке Сенявина. Не могли увернуться от удальства его, что ли. Он ведь и сам говорил: «На место слова „честолюбие“ употребляли мы термин „молодечество“… Все это делало нас некоторым образом отчаянными, смелыми и даже дерзкими». Памятно было, когда эскадра Войновича вышла в последней войне с турками на поиск их флота и попала в шторм. И для Ушакова Калиакрия тогда не звучала победно, а в 1787 году для Войновича тут был уготован крах. «Марию Магдалину» понесло в Босфор прямо к султанскому дворцу в плен. Флагманский адмиральский корабль дал сильную течь, помпы не качали, трюмы заполнились водой. Над кораблем зависла сломанная мачта, грозила рухнуть на борт. Казалось, пришел конец. Войнович только молился. И лишь Сенявин, отряхиваясь от воды, перебегал от группки матросов к фальшборту, от фальшборта к боцману, от боцмана к рулевому и отдавал какие-то немыслимые вроде бы в тот час команды. Потом сам полез на мачту, отрубил ванты, и набежавшая волна унесла ее от корабля, породив надежду на спасение. Помпы заработали. Войнович очнулся, и матросы поверили в звезду Сенявина: «Ему сам черт не помеха».

Была потом и золотая табакерка от Екатерины за расторопность и храбрость при Феодосии, был успешный крейсерский поход к берегам Анатолии под его командованием, участие в победоносной битве под Калиакрией, вывод из-под Очакова взятого в ледовое окружение боевого корабля «Князь Владимир». Все это сделало грудь Дмитрия Николаевича орденоносной: сияли на ней и «Георгий», и «Владимир», правда, степени у них были пока лишь IV. «Не подкованы», как говорилось, но то ведь было только начало. Дмитрию Сенявину к концу войны не было и тридцати. Сейчас он уже солидный капитан – тридцать пять исполнилось перед походом, выдержке научился, сдержанности.

…На «Святом Петре» суеты, когда Сенявин подошел к острову, не было. Все свои задачи знали хорошо. Дмитрий Николаевич долго смотрел в подзорную трубу, словно хотел обнаружить все слабые места у французов. Флаг-офицер[15] выжидающе смотрел на капитана. «К спуску!» – махнул тот рукой, сипнули толстые канаты, шлюпки шлепались в воду, горохом сыпались

в них по штормтрапам солдаты десантных команд. «Маши! Маши туркам, чего они валандаются!» К берегу устремилась стая шлюпок, а навстречу, размахивая белым флагом, уже двинулась к кораблю лодка. Сдаются?.. Нет, то были жители. Приветствовали освободителей. Сенявин записал в журнале: «Предлагали свои услуги и помощь во всем, что им приказано будет».

А помощь понадобилась. Крепость нависала своими пушками над городом и была не по зубам десанту. Искусный строитель расположил ее на отвесном берегу, окружил с другой стороны двумя глубокими рвами с водой. Стены для ядер были непробиваемы, а запасы, что были в погребах, позволяли выдержать многомесячную осаду. Но Сенявин не раскачивался долго. Узнал о скрытых тропинках, ведущих в горы, и приказал тащить по ним вверх орудия. Солдаты кряхтели, подхватывали артельные команды и приговорки, напрягая жилы, вытащили громадные пушки на площадки, с которых крепость видна была, как на адмиральской ладони, и бомбардировать ее можно было уже сверху.

Помахали французам: сдавайтесь! В ответ – выстрел. Сигнальный флаг был прострелен. «Ну, погодите же!»

Сенявин дал команду: «Огонь!» Ядра полетели, кроша стены, прыгая по крепостным ступенькам, подкашивая неспрятавшихся стрелков. Заклубилось над крепостью, исчезли ее очертания. И в ответ понеслись громы, зашипели раскаленные ядра. Французы и не думали сдаваться. Не думали! Ну, поддать им еще жару! Жар прибавлялся, рухнули перекрытия главного свода командирского дома. Взорвался один пороховой склад, загорелся погреб. Затрубила труба. Сдаются? Не совсем. Генерал Миоле, начальник гарнизона, соглашался оставить крепость, но предложил посадить гарнизон на русские корабли и отвезти во Францию. Кто победитель-то? Сенявин решил штурмовать. Сил, правда, маловато. Попросил Ушакова добавить, а тот прибыл сам. Не спеша, придирчиво осмотрел все: где какие орудия поставил Сенявин, где стрелков расположил, где ополченцев разместил.

– Молодец, Дмитрий Николаевич. Все верно сделал. Не вывернутся, а мы им с моря добавим! Поднимай мой флаг и с трубачом подайся к коменданту, – обратился он к офицеру Силиверстову, слывшему знатоком французского. – Скажи, кровопролития не желаю, пусть сдаются. Отправлю их всех в Албанию, виноград там хорош, да и вино некислое. Оружие пусть перед нашим строем сложат. А ежели не захотят: разнесем вдребезги. Пощады не будет. Иди. Говори сурово и величественно, как подобает российскому представителю.

Офицер скрылся в воротах крепости. Принесли стульчик, но Ушаков присел на пушечную станину, еще раз огляделся:

– Красиво! Время осеннее, а сколь много листа зеленого. В России уже все опало.

– У нас под Боровском, в Комлеве, поди, уж снег лежит. Но мне, Федор Федорович, холода по нутру.

– Знаю, знаю, что ты любишь со льдами сражаться, – вспомнил Ушаков про то, как вывел Сенявин «Князя Владимира» из кинбурнских льдов в январе 1789 года. – Но за то тебя светлейший и одарил.

– Да ведь он и к вам благоволил, Федор Федорович. И вас предпочитал перед другими, – явно намекая на давний случай, когда Потемкин отдал за строптивость шпагу Сенявина Ушакову и тем самым выказал свое отношение к нему. Ушаков распорядился по справедливости. Сердечности заметной между ними это не прибавило, а понимание того, что в русском флоте самый большой авторитет, от которого мудрости набираться, появилось.

– Да-а, с размахом был человек. Хоть и дворцовый вельможа, но флот обожал и поддерживал, – еще раз согласился Ушаков, не пускаясь в воспоминания о том случае. Говорили еще долго, да все о Ярославской да Калужской губерниях, как будто и не было французов. Из крепости не спеша вышел Силиверстов. Что несет он в руках: мир или новое сражение?

– Ползет, как осенняя муха, – сердился Сенявин.

– Не понукай. Он посланец российский. Егозить не пристало.

Шлюпка хоть и подошла быстро, но Силиверстов выполнял указание точно: ни разу не подбежал, не поторопился.

– Вот, – протянул он скрученную в трубочку бумагу. – Сдаются!

…Вечером, когда Егор Метакса заглянул с новостями от Кадыр-бея, то застал Федора Федоровича в добром настроении при составлении рапортов и писем в Петербург и Константинополь.

– Молодец! Молодец Сенявин! – как бы убеждая кого-то, повторил Ушаков два раза.

– Но ведь вы, ваше превосходительство, имеете претензии к нему, – робко намекнул Метакса на прежнее отношение адмирала к Сенявину.

Ушаков передернулся. Напоминание о ссорах было неприятно: сейчас-то большое дело делали. С раздражением подтвердил:

– Да, да! Я не люблю, очень не люблю Сенявина, – повторил Ушаков, – но он отличный офицер и во всех обстоятельствах может с честью быть моим преемником в предводительствовании флотом.

Лейтенант Метакса видел много достоинств в своем адмирале, преклонялся перед ним, но вот этого восхищения соперником не понимал.

Ушаков подошел к писарю и продиктовал донесение Павлу:

– «Капитан 1 ранга и кавалер Сенявин при взятии крепости святой Мавры исполнил повеления мои во всей точности. Во всех случаях, принуждая боем к сдаче, употребил он все возможные способы и распоряжения, как подобает усердному, расторопному и исправному офицеру, с отличным искусством и неустрашимою храбростью».

На груди Сенявина засияла «Анна» II степени. В российском флоте взрастал новый замечательный флотоводец.

Освобождение Ионических островов

Да, объединившись с турецкой эскадрой Кадыр-бея, русские корабли в начале октября (в конце сентября по старому стилю) вышли в Эгейское море, обогнули восточные берега Греции и подошли к первому из Ионических островов Китире.

Были разработаны планы совместных действий. 28 сентября на Китире высадился отряд союзных войск. 1 октября французский гарнизон после обстрела с суши и моря капитулировал. Так началось освобождение Ионических островов: Закинф (Занте), Кефаллония (Кефалиния), Левкас-Левкада (Святой Мавры), Паксос (Паксо), Итака, Керкира (Корфу).

Самым большим островом на пути к Корфу был Закинф. В каком-то смысле это было ключевое звено ко всему «Ионическому ожерелью». И туда Ушаков направил «пригласительные письма», и там прозвучало его слово – обращение к жителям. Зачитаны были и письма Константинопольского патриарха Григория V, что являлся самым высоким духовным авторитетом для всех греков Оттоманской империи. Патриарх крепких слов не жалел и обрушил на голову богоотступников-французов все проклятия, какие можно было высказать из отдаления от их позиций. Надо отказаться от искушающих слов о свободе, равенстве, братстве, требовал он. Подлинную свободу островам несут союзники и их эскадры. Григорий V прекрасно понимал, что в турецкие объятия греки добровольно не перейдут, да и он не собирался их понуждать к этому, потому в прокламации обещал восстановление некоторых старых привилегий и право выбрать себе форму правления.

Ушаков чувствовал, что обещание независимости решающим образом должно повлиять на настроение ионитов. Уже на Китире в воззвании, подписанном совместно с Кадыр-беем, прозвучало обещание после изгнания французских сил предоставить «сходственно с объявлением Константинопольского патриарха… правление свое по образу рагузского или какое они сами себе учредить пожелают». Рагузы (Дубровницкая Республика) для находящихся под гнетом османов и венецианцев были образцом процветания и самостоятельности. Правда, то была аристократическая республика, находящаяся под сюзеренитетом султана, но ведь звучали же в воззвании и успокоительные комментарии, которые можно было толковать расширительно, как обещание больших возможностей в свободе выбора и вольного учреждения формы правления.

На оккупированных островах была установлена жесткая диктатура французской Директории, и освободиться от нее могла помочь лишь эскадра Ушакова и Кадыр-бея. Иониты обратили взоры к союзникам.

Французы знали о многовековой ненависти греков к туркам и, конечно, сразу воспользовались этим пугалом. Генеральный комиссар Франции на Ионических островах Дюбуа и генерал Шабо стали вести нападки в своих прокламациях «на противоестественный союз креста и полумесяца», запугивать турецкой оккупацией, оборачивающейся, как известно было грекам, безжалостными казнями и кровавыми расправами.

Из Анконы (порта в Восточной Италии, расположенного напротив бывших венецианских владений) была организована пропагандистская кампания против Порты. Созданный в Анконе центр назывался Комиссией по французской торговле с Левантом. На самом же деле (об этом писал министр иностранных дел Директории Талейран) его действия были направлены против султана, на подрыв Османской империи. Россию же эти сторонники Франции старались не трогать, зная об ее авторитете среди широких масс греческого населения. Однако в октябре, когда положение французов стало критическим, из Анконы появились прокламации к грекам с нападками на греческую политику Екатерины II и Павла I. Поскольку стиль их был напыщен, выдержан в духе республиканской стилистики и прямо-таки зазывал греков в союзники Франции, сторонников они не нашли. Греки, конечно, туркам не доверяли, но Россия им ничего плохого не сделала, с ней связывали они ныне надежды на освобождение. Франкофильские настроения в это время уже рассеялись. Время, когда перед портретом Бонапарта ставили свечку, как перед будущим освободителем, прошло. Греки надеялись (да и не только греки, русский вице-консул на Закинфе Загурийский и генеральный консул России на Корфу Л. П. Бенаки тоже так считали), что Бонапарт из Тулона направит свой флот на Пелопоннес, где свергнет власть султана и провозгласит греческую республику.

Надеждам не суждено было сбыться. Наполеон устремил свои империалистические помыслы на Восток, в Египет, Сирию и, как он надеялся, в Индию. Греция занимала в его планах вспомогательную роль. Да и не до нее было после Абукира и Сент Д'Аржака (крепость в Сирии, которую он так и не сумел взять). Все это в сочетании с жестокой оккупационной политикой Директории, с умелой и умной пропагандой, проводимой Ушаковым, привело к тому, что к осени 1798 года на островах сторонников Франции почти не осталось.

Правда, для Ушакова его «пригласительные письма» отнюдь не были словесной игрой, призванной заманить греков. Нет, он всегда всерьез относился к своим обещаниям и отстаивал их. Впоследствии мы увидим, как нелегко было ему от такого принципиального подхода, какое недоумение в сановном Петербурге и султанском Константинополе вызвали его настойчивые попытки следовать взятым обязательствам. Достаточно вспомнить, как беспокоился он, когда определялся потом статус островов с отклонением от обещанного, ибо это могло вызвать недоверие жителей, «нарушатся наши данные им обещания… почтется все нашим обманом и несдержанием слова», «да и мои прокламации, по островам сначала разосланные сходно с патриаршим манифестом, сделают меня облыжным». Но вот именно такое возвышенное, я бы сказал, рыцарское, если так можно выразиться в связи с политикой, отношение к данному слову он исповедовал всю жизнь, и это ставило его на особый пьедестал по отношению к политикам XVIII (и не только XVIII) века. Да, Ушаков, всегда мысливший стратегически, учитывавший все факторы войны, на этот раз вступал на стезю политическую, становился (и довольно часто) самостоятельным общественно-политическим деятелем европейского масштаба.

…Итак, Закинф. Там уже существовала подпольная группа во главе с графом В. Макрисом. Этот пылкий боец в 1770 году приветствовал на острове адмирала Г. А. Спиридова и, набрав двухтысячный корпус добровольцев, дерзко бросился в бой против неисчислимых полчищ османов. Корпус был уничтожен, граф скрылся и вот теперь снова появился на островах, чтобы возглавить подпольное движение. Собственно прорусские взгляды, настроения в пользу России на Закинфе были распространены как нигде. В годы первой екатерининской русско-турецкой войны другой житель острова, Д. Мочениго, создал центр по обслуживанию и помощи русским эскадрам, в 1797 году жители острова, выкрикивая: «Да здравствует Павел I!», подняли русский флаг и высказались за переход под покровительство российской короны. Да, нелегко было здесь французам. Тайно, до подхода эскадры, собралось в гористых ущельях крестьянское ополчение (по некоторым данным, более 8 тысяч), там

были прочитаны «пригласительные письма» Ушакова и Кадыр-бея. Жители «ожидали нас, будучи уже готовыми», – отмечено в историческом журнале.

Русские фрегаты под командованием капитан-лейтенанта И. Шостака приблизились к острову, мелководье не позволило им подойти достаточно близко к суше, и тогда «жители острова, – доносил Ушаков царю, – бросились в воду и, не допустив солдат наших и турок переходить водою усиленным образом и с великою ревностью неотступно желали и переносили их на берег на руках». А ведь накануне французы пугали жителей тем, что в составе эскадры русских кораблей почти нет и эскадра эта принадлежит туркам. Известный позднее по своим радикальным взглядам А. Мартиненгос, преодолев страх, ибо перед этим он подвергся гонениям со стороны французов, обратился к обывателям острова с пламенной проповедью об обмане французов и необходимости поднять над островом русский флаг. Семена упали на благодатную почву и взросли за несколько дней.

13 (24) октября 1798 года Ушаков с основными силами подошел к острову, где принял на «Святом Павле» делегацию острова. На город наступали с двух сторон ополченцы и союзные войска. Огонь корабельных батарей заставил французов укрыться в крепости. Чувствуя полную обреченность, французы 14 (25) октября сдались. Русский адмирал приложил немало усилий, чтобы спасти их от ярости населения.

15 (26) октября Ушаков сошел на берег Закинфа, где был встречен с необычайным торжеством и радостью. Братаньем называли эту встречу потом ее участники. Ушакова она утвердила в правильности избранной тактики – прямого обращения к народу, возбуждению повстанцев, приобщению их к военным действиям, закреплению народного доверия.

На острове Кефаллония он придерживался такого же плана. Капитану 2 ранга И. Поскочину, которому поручено было освободить остров, он написал в ордере: «…жителям острова от меня писано, и они все готовы; прикажите им, кой час придете к острову, не пропустя время, тотчас с вами действовать и все то исполнять, что вами предписано».

А на Кефаллонии действительно все были готовы. Ибо там чуть ли не в каждой семье был участник трехтысячного корпуса, что был организован под командой графов Метаксасов во время русской экспедиции в Архипелаге. Многие из кефаллиниотов служили потом в русском флоте, остались в России. На острове образовалась настоящая «русская партия», костяком которой были 30 отставных офицеров русской службы. Их побаивались не только франкофилы, но и сами французы, зная задиристый нрав и артельность морских офицеров.

Лейтенант А. Глезис (Инглезис), капитан-лейтенант С. Ричардопулос, майор А. Ричардопулос, лейтенант Л. Фолкас участвовали в штурме Измаила, плавали на корсарских кораблях Канциониса и в других эскадрах, ходили в атаки в армиях Суворова, сражались под знаменами Ушакова. Им, как говорится, бояться было нечего. Смерти они глядели в лицо не раз и в верность боевых уз верили свято. За день до подхода русской эскадры французский флаг в городе Аргостолионе был сорван, часть гарнизона разоружена, другая – бежала на шлюпках. Высадившиеся с небольшим отрядом русских войск капитан-лейтенант С. Ричардопулос, майор А. Ричардопулос, капитан С. Диворас встали во главе восставших, подчинили их общему командованию Поскочина и пошли на штурм крепости Ассы. Многотысячные отряды восставших крестьян отовсюду угрожали отступающим французским солдатам. Те недолго сопротивлялись, сдались русским.

17 (28) октября под тот же колокольный звон вошли в Аргостолион моряки Поскочина. Через несколько дней к Кефаллонии подошла основная часть эскадры. Однако остров был уже освобожден. Бежавшие с Кефаллонии на шлюпках французские солдаты думали укрыться за крепостными стенами под крылом многочисленного гарнизона на острове Левкас, но и там уже бушевало восстание. И туда уже высадил своих агентов Ушаков, там уже был создан центр сопротивления. Федор Федорович написал в предписании командиру объединенного отряда (два линейных корабля, два фрегата) капитану Д. Н. Сенявину, что «на острове приходу нашего только к ним ожидают и к таковому действию обстоят готовыми, со всею охотою Вам повиноваться будут».

Французский же гарнизон оказал сопротивление, хотя и был оттеснен повстанцами и отрядом Сенявина в крепость. Граф А. Орио с другими нобилями предложил «свои услуги и помощь на все». С этим, по-видимому, связано то, что в будущем Орио, этот потомственный и изысканный венецианско-ионический аристократ и нобиль, бывший контр-адмирал флота Венеции, играл такую заметную роль в общественной жизни на островах, пользовался доверием Ушакова. Французы вознамерились бомбардировать город, но повстанцы, захватившие отряд, бежавший с Кефаллонии на шлюпках, пообещали его уничтожить в этом случае.

Подошли 31 октября (11 ноября) к Левкасу корабли эскадры во главе с Ушаковым. Французы обреченно молчали. Тогда и предложил им Ушаков сдаться, ибо сопротивление бесполезно. Ведь «все жители готовы действовать с нами». Остров Левкас пал. Не следует преувеличивать роль неорганизованных и плохо вооруженных повстанцев. Д. Н. Сенявин писал, что к регулярным военным действиям они были не готовы, «не то их ремесло», они «храбры и, можно сказать, молодцы и между каменьев», но робки «против крепости и пушки». Но повстанцы смогли создать общую обстановку нервозности среди

гарнизонов Директории, изматывали их постоянной угрозой, а после занятия островов русской эскадрой позволяли не дробить силы союзников, а сосредоточивать их для решающего штурма Корфу.

Умело маневрируя силами эскадры, создавая мобильные отряды из русских и турецких кораблей, обрушивая артиллерийские удары на крепостные стены, создавая внутренний фронт для французов, главнокомандующий русскими объединенными силами вице-адмирал Ушаков за полтора месяца освободил хорошо укрепленные и защищенные опытными французскими гарнизонами острова. Так проявился его флотоводческий дар, талант стратега, умение политика.

Обратим внимание, как тщательно проводил Ушаков предварительную подготовку, как искусно готовил он каждую операцию. Вначале от окружающих его греков и русских получил сведения о наличии прорусски настроенных офицеров, об оппозиционных настроениях среди населения. Затем посылал «пригласительные письма», потом встречался с делегатами на самом мощном флагманском корабле «Святой Павел», дабы представители убедились в мощи русского оружия, и после этого начинал высадку. Население уже было готово к восстанию и совместным действиям против оккупантов. Французы каждый раз оказывались перед необходимостью бороться на два фронта. Русская и турецкая эскадры сами по себе представляли грозную силу, а тут еще повстанцы. Участь Ионических островов была решена. Островов, но не Корфу. Эта крепость стояла мощным, неприступным бастионом. Казалось, что ее участь не могли решить морские эскадры и неорганизованные повстанцы. Башни, форты, стены Корфу способны были вынести длительную осаду и могли покориться только мощной военной силе, пасть только перед гением выдающегося полководца.

Ушаков и Али-паша

На Балканском полуострове, на побережье Адриатического и Ионического морей расположились владения Оттоманской Порты. Однако было бы ошибочно считать, что она была там полной владетельницей. Разрезанная на несколько пашалыков, эта территория была разделена на полунезависимые княжества, переливающиеся друг в друга по мере усиления того или иного паши. Тогда, в конце XVIII века, на этой площади (ныне она входит в состав Албании, Югославии и Греции) выделилось два быстро разросшихся за счет соседей пашалыка с центрами в Шкодре (Скутари) и Янине. Надо сказать, что малые и большие войны были постоянным признаком того времени на Балканах. Войны шли между мелкими и крупными феодалами (санджек-беями), захватившими многие земли и угодья, теснившими первых в горы, на неудобья, покорявшими их и изымающими непосильный налог. Войны

шли и между крупными семьями; они вели беспощадную борьбу за политическую власть, за овладение обширными районами, стремясь превратить их в наследственный удел. Так и образовались из районов, которые определила Турция (санджеков), наследственные владения местных феодалов – пашалыки. Их границы уже не совпадали с установленными Портой границами. Они то расширялись, то сужались в зависимости от завоевательных успехов пашей. Порте ничего не оставалось, как утверждать установившийся порядок, выдавая ферман[16] на губернаторство паше, захватившему ту или иную область. И тогда паша был в этой области богом и судьей, устанавливал размер налогов и пошлин, был главнокомандующим армией и распорядителем судеб и имущества своих подданных. В некоторых горных районах, однако, и их власть была призрачной. Тут господствовал тот или иной местный род. Горцы были людьми, умевшими сражаться, без промаха стрелявшими по дальним целям, бесстрашными в рукопашном бою, преданными своему военачальнику. За это их ценили не только на территории пашалыков Албании и Эпира[17], но и в дальних краях Османской империи. Паши и всякого рода султанские вельможи предпочитали иметь охрану из албанцев. Каждый район имел свою территорию, куда направлял наемных воинов. Химариоты в Неаполь, из Мирдиты ехали служить в полки господарям Молдавии и Валахии, с гор Дибиры служили алжирскому бею. По Египту, Палестине, Аравии – везде были отряды охраны с побережья Адриатики и Балканских гор.

Из таких вот бесшабашных удальцов и собрал ватагу молодой Али-паша, изгнанный из родового поместья отца в городе Тепелене. Отчаянная храбрость, недюжинный ум, хитрость, полное ориентирование в сложных и порой непонятных для европейца условиях султанской Турции сделали его за несколько лет одним из влиятельных и фактически независимых правителей Юга Албании и Эпира. Разгромив соперников, он овладел Тепеленой и другими городами, стал пашой и центром своего пашалыка сделал город Янину, что многие годы будоражила европейских путешественников самобытностью, таинственностью и жестокостью к противникам. Али-паша был человеком с размахом, в условиях турецкого владычества фактически стал самостоятельным правителем, но демонстрировал преданность султану и умело пользовался его именем для подавления соперников.

В Европе хорошо знали Али-пашу, и всяк по-своему хотел воспользоваться его силой, стратегическим положением пашалыка и храбрым его воинством. Неаполитанский король завел для охраны от неспокойных подданных полк албанцев, из Вены посылали ему письма с пожеланиями установить постоянные отношения, он сам засылал Потемкину свою делегацию и получил от того богатые дары с племянником, взятым в плен во время русско-турецкой войны, в придачу. Али-паша умело балансировал на острие Балканских гор и политики и через французского консула Лассаля завязал

обширную торговлю с Францией. Затем, подумав, что созрел для прямых контактов с блестящими королями Европы, предложил партнерство Людовику XVI. Тот высокомерно промолчал. Али не унывал и с пониманием воспринял изобретение французской революции – гильотину, отделившую голову французского короля от тела. С его головой это произошло значительно позже. Во владениях Али в то время пользовались, и небезуспешно, старым способом, производя указанную экзекуцию над многочисленными непокорными противниками и просто безвинными жертвами. Пашалык расширялся, но в горных районах Химары (Албания) и Сули (Греция) ему не везло. Войско Али терпело поражения, а химариоты и сулиоты не поддавались ни на уговоры, ни на подкупы.

Привлекали его и неплохо укрепленные владения Венецианской Албании и Ионические острова. Города Превза, Парга, Бутринто были богатыми торговыми пунктами на путях Венецианской Республики в Адриатике. Но сама республика хирела, и дни ее были сочтены. Али-паша почувствовал это раньше, чем в Константинополе, и послал своих агентов к бурно побеждающему в Северной Италии генералу Бонапарту. Будущий император Франции не отверг предложения этого «деспота», как писали о нем французские авторы. Последующие события показали, что Али-паша занимал свое место в средиземноморской стратегии Наполеона. Правда, многом выдающимся личностям свойственна односторонняя оценка своих действий, они не берут в расчет планы своих партнеров. Али-Тепелен отнюдь не желал быть пешкой в руках Наполеона, а с его помощью просто хотел расширить свои владения. Однако Бонапарт считал его своим послушным союзником и с Мальты направил посланца с предложениями совместных действий. Генерал ошибался. Али-паша внимательно следил за событиями и знал о наличии английского флота в Средиземноморье, вскоре получил известия об Абукире, почувствовал приближение новой ситуации при создании союза России и Порты.

Не успели корабли эскадры Ушакова выйти в Эгейское море, как Али-Тепелен развернулся на сто восемьдесят градусов в своих симпатиях и напал на крепость Никополь близ города Превза, где ничего не подозревавший французский гарнизон был полностью вырезан. Это была крупная победа по тем временам, заставившая всерьез считаться с войсками Али-паши как французов, так и союзников. Тот же понял, что Венецианская Албания бесхозная (Венецианская Республика перестала существовать, Бонапарт был заперт в Египте, Австрия вела войну в Северной Италии и на Рейне, Россия и Порта еще только обсуждали будущее этого района), и решил прибрать ее богатые города к рукам. Сделал он это беспощадно, напомнив своим бывшим соперникам о том, кто должен быть хозяином в Адриатике. Город Бутринто был взят еще до Никопольского сражения, а Превза была подвергнута уничтожающему штурму и резне. Достопочтенный, богатый купеческий город

перестал существовать. Худшего действия к приходу эскадры Ушакова желать было нельзя. Все христианское население Ионических островов, остальной части Венецианской Албании, сразу вспомнило предостережение французов – «вот с кем заключила союз православная держава». А тут еще по обоюдному русско-турецкому соглашению сухопутные войска для штурма Корфу должны были предоставить паши Янины, Шкодры, Дельвины и Влёры. Никто из пашей не спешил выполнять указание центральной власти, тем более не спешил это делать Али-паша, ибо ему войско нужно было для захвата следующего города Венецианской Албании – Парги. Положил он глаз и на остров Левкас (Святой Мавры), примеривая его к своему пашалыку. А почему бы и нет? Ведь удалось же взять Никополь и Превзу. Не моргнув глазом, Тепелен повел переговоры с французским военным советом на острове Левкас, обещая перевезти гарнизон на Корфу, а взамен добиваясь передачи острова в свои владения. Французы спешили, спешил и Тепелен.

Однако судьба Левкаса и Парги оказалась более благоприятной для их жителей. Вблизи побережья показалась эскадра Ушакова. Жители были спасены от резни, а русский адмирал Ушаков столкнулся с правителем Южной Албании и Эпира, чьи интересы, амбиции и противоречивые поползновения он уже не мог не учитывать в проведении своей политики, во всех делах Ионической Республики. Левкас сразу выпал из орбиты Али-паши, там высадился русский десант и расположился совместный гарнизон. В Парге же слышалось смертельное дыхание Али-паши. Паргиоты, не испытывая до этого никаких симпатий к французам, послали к ним делегацию, повели переговоры с самим пашой Янины, надеясь затянуть время. Тут и произошло еще одно событие, которое показало самостоятельность политического мышления Ушакова, его смелость в принятии решений…

Депутация паргиотов прибыла к нему в Аргостолион и обратилась с просьбой принять под покровительство России. Естественно, адмирал сделать этого не мог и отослал их к Али-паше, демонстрируя свою лояльность к нему и обращаясь с пожеланием соблюдения порядка и человеколюбия. У Тепелена были свои представления о порядке, и он предложил заключить кабальный договор с Партой. Паргиоты отказались его утвердить и подняли над городом русский флаг, объявляя о своем подчинении России. Это уже был вызов. Али-паша обычно не упускал добычу, и на сей раз приготовился к штурму. Отразить атаку армии Тепелена у паргиотов, конечно, возможности не было. Они снова кинулись к Ушакову. Какое принять решение? Отдать город на растерзание Али-паше? Но тогда все христианское – греческое, югославское и албанское – население отвернется от русской эскадры, перестанет ей помогать, не будет считать ее своей защитницей. Дать отпор и отповедь Тепелену? Но тогда тот из зыбкого союзника превращается в коварного и непредсказуемого врага. А паргиоты драматически заявили, что в случае перехода их под правление Али-

паши «они в отчаянности своей зарежут своих жен и детей…». Как мог Ушаков без царской воли принять решение о покровительстве России? Но к политике и разумному расчету тут добавлялось сострадание и человеколюбие, ведь Федор Федорович уже знал все о резне в Превзе. Нелегкое и непростое для себя решение принял он.

«Флаг русский над крепостной стеной сохранить!» – это уже была воля. Отсекая недовольство турецких союзников, он посоветовал поднять рядом и турецкий полумесяц. Турки тоже не особенно поощряли аппетиты Али-паши. Парга была спасена. И хотя Тепелен был взбешен и объявил, что будет штурмовать город, Ушаков пригрозил ему и провел ряд искусных дипломатических демаршей, в которых его представители (капитан-лейтенант Е. Метакса и Г. Палатинос), действуя уговорами и увещеваниями, уберегли Паргу от погромов, и над городом до конца экспедиции развевался русский флаг.

«Спасение Парги было и актом гуманности и удачным политическим шагом, – пишет историк А. Станиславская. – Так определилась роль России как защитницы греческого населения – определилась де-факто. Еще до того, как константинопольская конвенция 1800 г. закрепила за ней право оказывать покровительство православному населению бывшей Венецианской Албании».

Интересы Ушакова и Али-паши сталкивались еще не раз, правда, амбиции Тепелена несколько поуменыпились (он понимал, что имеет дело с решительным человеком и мощной силой). Ушаков же внимательно следил за ходами Али-паши, трезво оценивал их и в ответ на мнение о том, что последний является французским агентом, реалистически писал: «Нельзя почитать, чтобы Али-паша был совсем предан французам: он человек хитрый и безмерно обманчивый, старается отделить себя от всякой зависимости… и держать будет ту сторону, которая сильнее». Поэтому задача русского адмирала и состояла в том, чтобы быть или хотя бы выглядеть сильнее.

У владетеля Янины

Ушаков положил руки на плечи лейтенанту Метаксе, ласково и грустно взглянул в глаза, потрепал по шее и, легонько оттолкнув от себя, негромко сказал:

– В пасть звериную посылаю. Но от сего предприятия нашего жизнь многих людей зависит. Об одном прошу, Егорушка, будь осторожен, не раздражай попусту сего правителя. Для него жизнь человеческая вещь ничтожная.

У Метаксы слезы на глазах показались. Не слышал он ни разу такого обращения, тона страдающего у вице-адмирала. Был тот всегда строг и сдержан в присутствии его. Захотелось сразу в экспедицию, не страшась, все сказать Али-паше, потребовать освобождения русского консула Ламброса, арестованного в Превзе арнаутами. Ушаков увидел яростные огоньки в глазах лейтенанта, почувствовал внутреннюю дрожь того и снова потрепал, успокаивая:

– Ты нам живой нужен. Наблюдай, расскажешь, чего желает паша, кого боится, чем прельстить можно. В союзники его надо из врагов переместить. В общем, смотри в оба, а зри в три. Умственным третьим взором внимай всему. В старости, может, сочинение напишешь. Вместе с турецким комиссаром – каймаканом поедешь. Он ферман султанский повезет Али, чтобы продовольствием нас снабжал. На две недели осталось провианту всего.

Уже находясь на адмиральском катере, Метакса вспомнил, что не ел целый день, взглянул с неприязнью на толстого, седого турецкого каймакана, дымившего трубкой, и вздохнул. Тот же, как бы угадав желание лейтенанта, выпустив клубы дыма, протянул руку к каюте:

– Слуга приготовил небольшой завтрак, разделите, пожалуйста, его со мной.

– Откуда вы так хорошо знаете греческий? – удивился Метакса.

– От роду я из константинопольских греческих дворян. С молодых лет служил при молдавских и валахских господарях. Султанство знал во всех его краях, ибо по причине немалых моих знаний полезен всюду, да и фамилия Карфоглу пользуется уважением в Порте. Я же всю жизнь свою с надеждой на Россию взираю и жду от нее избавления родины нашей от ига многовекового.

Недоверие Метаксы таяло, он уже почувствовал в этом седом и старом греке сотоварища. Но как же разнились они по поведению, темпераменту, даже по блеску глаз. Карфоглу говорил тихо, медленно, почти не поднимая взора. Видно было, что каждое слово он обдумывал, подбирал, старался не раздражать собеседника, быстро с ним соглашался и надолго замолкал, подыскивая новый повод для разговора.

Метакса же был стремителен, энергичен, в ответах не задерживался, глаза его сверкали то зарницами гнева, то искрами дружелюбия. Каймакан запахивался в скромный темно-зеленого цвета турецкий халат, лейтенант горделиво нес на себе мундир русского морского офицера. Через полчаса разговор уже был доверительным и интимным.

– Я должен, по причине многознания порядков в том царстве бесправия, дать вам несколько советов. Смею думать, что вы не знаете историю правителя Янины?

– Ну кое-что я слышал от наших офицеров и Федора Федоровича.

– Ваш адмирал мудрый и далеко видящий человек, но я хотел рассказать вам историю, что сделала из этого человека секиру господню. Варварство его исходит от матери Камки, что умертвила своих сыновей, братьев Али-паши, дабы он вступил во владения своего отца, бывшего первым Агою города Тепелегии, отсюда и названье его нынешнее: Али-Тепелен. За тридцать лет он стал властелином всего Эпира, Ливадии, Фессалии и большей части Албании и Македонии. Ныне сама Порта Оттоманская видит в нем более мощного и опасного соседа, нежели данника и подвластного ей наместника. Али-паша высок умом и деятельностью необыкновенной, но высоким положением своим обязан он гнусным изменам, убийствам, подкупам и всем дозволенным злокозням. Так умертвил и ограбил он пашу Дельвинского Селима, лично зарезал Мурад-бея и брата его Сефер-бея и многих других. Особенно зверствовал он над людьми близкими, как будто это доставляло ему удовольствие. Сестру свою Хайницу уговаривал он отравить мужа ее, пашу Алжирского, та зацепенела в страхе, тогда брат паши зарезал его и получил в награду невестку. На плечи племянника Емау-бея набросил Али отравленную соболью шкуру и заполучил от того Фессалию. Он умело сталкивает народы. Против христианских селений посылает магометан, а против сих последних посылает греческих наемников. Коварен и зорок Али-паша. Везде имеет свои уши и языки. Когда он отхватывал куски от Порты, то эти языки за золото, что он щедро сыпал при султанском дворце, объявляли, что таковые действия Али-паши сокрушают врагов султана. В Константинополе золото более имеет власти, чем сам верховный правитель!

– Но неужели никто не откроет глаза султану? Никто не пытался убрать сего деспота? Не восстали подданные его?

– Наверное, и ему мерещится шнурок шелковый, ибо не раз выдавался ферман султанский на убиение его сим способом. Но звонкость его червонцев доносила до его ушей все повеления двора, теми же министрами, что были у него не только защитниками, но и слугами. Чиновные палачи, что имели повеление отрубить ему голову, лишались обыкновенно своей, как только вступали в его владения. А подданных он топил в крови и держал в страхе.

– На каковы же средства содержит он такую секретную службу да еще армию?

– О, его богатства несметны, и он постоянно приращивает их. Обширные его поместья, что отобрал он у соседей, приносят ему великие доходы. Он

отдает их в откуп. Сюда же причислите многочисленное его скотоводство, таможни, подати и исключительные его права на продажу скота, шерсти, строевого леса, – Карфоглу подошел к двери каюты и показал на желто-зеленые горы. – Видите это богатство Албании и Эпира? Во всем Средиземном море эти дубовые леса почитаются лучшими. Али-паша присвоил их все себе, без остатка. Все население и крестьяне окрестных сел обязаны рубить их за гроши и отвозить к побережью. Он же сам имеет много купеческих кораблей, торгует с Италией, Триестом, а привезенные товары продает купцам из двадцатипроцентного барыша. Сребролюбие его не знает границ: он и всеобщий наследник у подданных, участвует в малейших доходах управляющих, секретарей, сторожей, тюремщиков. Поборы он совершает всюду. На богатое селение накладывает налог якобы за укрывательство воров, на монастыри – за колокольный звон, купцов заставляет брать у него взаймы, но за самый высокий процент, сам же приходит в их магазины и берет без отдачи все, что ему понравится. И сей наемщик, подрядчик, сборщик, откупщик, таможенный начальник всыпал в свои сундуки 20 миллионов пиастров. Я не знаю, есть ли еще кто в Европе, кроме русского царя, чтобы имел такое богатство?..

Метакса задумался. Конечно, ему не приходилось встречаться с таким богатым и властолюбивым деспотом. Он все больше и больше понимал, что сей восточный правитель независим, коварен и от него можно ожидать всего. Можно было надеяться, что Али-паша, конечно, многого не знает. Но догадывается ли о нехватке продовольствия, об острых спорах, возникающих порой среди союзников по вине Шеремет-бея, о бегущих под знамя России христианах?

Как бы предупреждая его от заблуждений, Карфоглу негромко продолжал:

– До его сведения доносятся самые бездельные обстоятельства и маловажные приключения, происходящие в кофейных домах; все семейные разговоры в городских и даже деревенских беседах. Он знает все, что происходит в его владениях и рядом. Его уши – и служители, и купцы, и женщины, и нищие, и монахи, и имамы, и дервиши, и даже дети. Все, кто ведет переписку с Италией, Константинополем, Россией, боясь впасть в подозрение, приносят ему все письма. Он получает ведомости и газеты из многих стран Европы, а при главных министерствах в Стамбуле имеет ездовых, которые, получив известия, сразу мчатся в Янину, и он узнает о событиях в Турции нередко быстрее, чем султан.

– Вы сказываете мне о человеке, сколь жестоком, столь и мудром. Но не может же он быть без внутреннего закона, без твердого взгляда на жизнь.

– Вот такого у него и нет. Он в политике непостоянен и коварен. Не ставя ни во что обещание, он и чужим не верит, союзников меняет беспрестанно. Али-паша плавает по ветру и по течению и придерживается сильного, потворствуя торжествующей державе. Вы, наверное, знаете, что у генерала Бонапарта и французов он был в ближайших друзьях и союзниках, обещая им выставить сто тысяч войск в походе на Австрию, Турцию и Россию. Хитрый паша превзошел в коварстве французского генерала и напал на французские гарнизоны. Вы должны знать, что в Парге он решил создать свой флот и основать пиратскую варварийскую державу, новый Алжир.

– Чего же боится он? Кому поклоняется?

– Никому не поклоняется. А боится лишь силы и упорства. Только перед этим может отступить.

Катер заскрежетал днищем. Метакса и Карфоглу ступили на берег. Лейтенант задышал прерывисто и часто, растерянно оглянулся и крикнул:

– Злодейство! Так яко черных рабов из лесов африканских ведут! – затем схватился за эфес шпаги и кинулся к арнауту, что, связав одной веревкой двух женщин, подростка и детей, продавал их прохожим. Карфоглу с необычной проворностью для возраста сделал три прыжка за Метаксой и схватил того за руку.

– Что вы хотите? Бога ради, не трогайте их, мы подвергаем себя опасности быть изрубленными сими варварами! – быстро проговорил он по-французски.

– Но что же делать?

– Привыкайте. Вас всюду будет окружать насилие. Помните о поручении своем.

– Ну так спросите его хотя бы, сколько он просит за сих несчастных? – упавшим голосом сказал Егор и достал кошелек…

…Освобожденные пленники заговорили что-то, перебивая друг друга.

– Албанские крестьяне, они спрашивают, где должны служить своему избавителю?

– Пусть возвращаются домой к своим родным.

Плач был в ответ. Растерянный Метакса с недоумением смотрел на Карфоглу. Тот же горестно покачал головой и объяснил:

– Им некуда возвращаться, их родные зарезаны, дом сожжен. А арнауты снова заберут их в плен. Может, можно им на нашем катере переехать на Корфу и остаться там у единоверцев?

– Да, конечно, пусть их накормят моряки. Метакса долго молчал, следуя за сопровождающим их от набережной слугой Али-паши. Красивый особняк предстал перед его глазами в конце улицы.

– Тут жил французский консул де Лассаль. Ваш же представитель, консул Ламброс, был в следующем особняке. Войдемте в дом.

Метакса сделал два шага, и у него опять перехватило горло. Лестница особняка была обрамлена насыпью отрубленных человеческих голов. Широко открытые глаза некоторых из них, казалось, с ужасом взирали на входящих в дом, глаза других были закрыты, но столь же «вопияли» о трагедии. Егору стало плохо, запах тлена выворачивал все изнутри. Он невольно присел на вторую ступеньку, затем склонился вбок, и его вырвало. Турки и арнауты со снисходительным презрением дивились изнеженности русского моряка.

– Воды, – почти приказал Карфоглу. Принесли невкусной теплой и оттого еще более противной воды. Метакса встал и, опираясь на руку своего спутника, поднялся в комнаты. Его пошатывало. К Али-паше, однако, их допустили не сразу. Или готовили комнату для приема, или действительно паша проводил смотр конницы, как сказал слуга, а скорее всего их выдерживали, давая понять, что у паши много дел и без союзных посланников.

В покои, где принимал Али, провели через строй арнаутов и турок. Те почему-то вращали глазами, то ли ощупывая взором, то ли устрашая проходящих. Дверь распахнулась. На небольшом бордовом диване сидел крепко сбитый, в зеленой чалме правитель Янины. Взгляд его темно-каштановых глаз остановил в отдалении вошедших. Он молчал. Было тихо, лишь мухи жужжали в углу. Никто не представил, не предложил сесть. Пауза затягивалась. Метакса сделал шаг вперед, поклонился учтиво и поприветствовал по-гречески Али от имени адмирала.

– Адмирал Ушаков находится теперь на острове Святой Мавры, и командующий соединенными силами России и Турции послал меня к вашему превосходительству пожелать вам здоровья. Я имею также приказание вручить вам письмо и требовать на него ответа. – И, сделав еще один шаг вперед, положил письмо Ушакова на поднос перед пашой.

Али внимательно слушал, держа в одной руке трубку, другой перебирая четки, потом привстал и сказал:

– Добро пожаловать, – передав письмо переводчику.

Карфоглу встал на колени, пододвинулся к паше, поцеловал полу его халата и вручил ферман султана. Али небрежно кивнул, повел глазом, и тут же арнауты кинулись подставлять маленькие, обитые малиновым бархатом диваны.

Али выслушал перевод письма, сбросил величественность и заинтересованно спросил:

– Не тот ли это Ушаков, который разбил Сеид-Али – славного морехода и адмирала?

– Тот самый! Он же разбил при Гаджибее самого Гасан-пашу, взял в плен 80-пушечные суда и сжег пашинский корабль.

Али повертел драгоценные четки и задумчиво произнес:

– Ваш государь знал, кого сюда посылать. А сколько ему лет?

Метакса решил придать солидность своему командиру и сказал, что тому исполнилось пятьдесят семь, прибавив четыре года.

– Так он гораздо старше меня, – чему-то обрадовался Али, – мне-то всего сорок шесть. Покажи мне его подпись. – И он долго всматривался в буквы ушаковской фамилии, как бы стараясь постигнуть характер того, кто расписался под строгим и твердым запросом.

– Жаль, что адмирал не знает меня таким, каким бы должен знать. Он добрый человек, но верит всяким бродягам, преданным французам и действующим только во вред султана и России.

Метакса сразу решил не соглашаться с выпадами против адмирала и довольно неучтиво перебил Али:

– Ушаков не руководствуется ничьими доносами, а выполняет только повеление государя императора и султана, его союзника. Вы, ваше превосходительство, не можете не сознаться в истине того, что пишет адмирал.

– Хорошо, – с некоторым удивлением согласился Али. – Я с вами поговорю наедине. Вас как зовут?

– Метакса.

– Вы родом, если не ошибаюсь, из Кефаллонии? – Ясно было, что паша знает о приехавших немало, и Егор, не скрывая, рассказал, как он оказался на русской службе.

– Какое жалованье получаете вы на русской службе?

– Триста рублей в год и в походе столовые деньги. Впрочем, никто не служит императору из денег, а единственно из усердия и благодарности.

– Рейзы, управляющие моими купеческими кораблями, получают от меня пять тысяч пиастров. Немало?

– Верно, ваше превосходительство. Но коммерческий образ и военная служба – вещи разные.

– Почему?

– Рейзы ищут корысть и добычу, а мы славу и случай положить голову за нашего государя.

Али всплеснул в восторге ладошками и обернулся к стоящим за спиной:

– Слышите? Метакса же продолжал:

– Быть может, шкиперы ваши имеют больше доходов, чем сам Ушаков. Но зато они целуют вашу полу, стоят перед вами на коленях, а я простой лейтенант, сижу рядом с визирем Али на диване, – глаза Али сверкнули по-недоброму и снова погасли, – и сей чести обязан я мундиру русскому, который имею счастье носить.

Али захохотал, встал, сбросил с плеч шубу из черных соболей, застегнул на бриллиантовые пуговицы свою зеленую бархатную куртку и, хлопнув Метаксу по плечу, подтолкнул к выходу.

– Ступайте обедать. Вы, франки, обедаете в полдень, а мы – вечером. Я пойду наверх отдыхать, а потом дам ответ и отпущу.

Метакса знал, что главное для него – выполнить задание Ушакова, но еще ему нестерпимо хотелось разгадать загадку этого человека. Ясно было, что он деспот, тиран, но как собрал он под свою руку столь обширные владения, отчего покорились ему многие свободолюбивые племена? Чего он боится? На что надеется? Можно ли иметь с ним дело? Он видел, как опускали глаза жители, которых встречал он, как боязливо жались они к стенам, завидя воинов Али. Одеты они были небрежно и неряшливо. Да и зачем беспокоиться о своей одежде, если у тебя сегодня есть голова, а завтра – нет. Вид их был унылый и обреченный. «Уныние, страх, рабство и убожество, – подумал он, оглядывая дома и жителей. – Иго, под которым они стонут, полагает врожденную пылкость и гений, заглушает в них все благородные способности и погружает в бесчисленное отчаяние. Нет, нет! – воскликнул он про себя. – Счастливый климат и плодородные земли не могут составить блаженство человека, когда достоинство его унижается ежедневно несносною неволею».

Он зашел в церковь святого Харлампия, в которой тускло мерцала лампадка и молилось несколько старушек. Он горестно подумал: «Могут ли новейшие греки без душевного содрогания вспомнить, что предки их озарили Европу просвещением, оценили ее законами, украсили художествами, тогда как сами они были несчастны, гонимы, угнетены, должны томиться в оковах тяжкой неволи…»

Тяжкие думы были прерваны посланцем паши, который прибежал приглашать его к Али.

– Ну вот, теперь мы одни, и я хочу сохранить твои силы, – по-приятельски обратился Тепелен к Метаксе. – Вижу, ты изучаешь меня, хочешь узнать истинные помыслы мои, доложить своему адмиралу. А я их и не скрываю. Единственно, не все хотел говорить при этом султанском каймакане. Не люблю я их, этих константинопольских греков. Они за деньги кому хочешь служить будут. Вот ты – другое дело, ты честен и искренен и служишь не за деньги, – польстил Али. – Я знаю, ты худо обедал, тебя рвало, знаю отчего. Знаю все, но я тут совсем не виноват. Превзяне сами навлекли на себя гнев, действуя заодно с французами.

Али-паша остановился у телескопа, захваченного в квартире французского консула. Повертел что-то, заглянул в него с обратной стороны и выругался на слуг:

«Не могут обращаться с хрупкими и мудрыми вещами. Все, за что ни возьмутся, испортят!»

Метакса хотел подсказать, с какой стороны надо смотреть в телескоп, но вовремя спохватился – этим унизил бы самолюбивого пашу. А Али вдруг из толстого добродушного хозяина, мирно беседующего с гостем, превратился в грозного и неприступного восточного вельможу.

– Адмирал ваш худо знает Али-пашу и вмешивается не в свои дела. Я имею ферман от Порты, коим предписывается мне завладеть Превзою, Паргою, Виницею и Бутринто. Земли эти составляют часть материкового берега, мне подвластного. Он – адмирал, и ему предоставлено право завоевания одних островов. Какое ему дело до нашего берега? Я сам визирь султана Селима и владею несколькими его областями. Я ему одному обязан отчетом в моих деяниях и никому другому не подчинен. – Али ледяным взором обдал Метаксу и твердо закончил: – Я же мог занять Святую Мавру, но увидел, что флот ваш подошел, и отступил. А ваш адмирал! – Гневный цвет лица паши в это время сравнялся с цветом его фески. – Не допускает меня овладеть Паргою! Что он думает… – Али не окончил фразы и внимательно посмотрел на посланца Ушакова, как бы выбирая мгновение, чтобы отдать команду для расправы с

неверным. Егор собрался, решил окончить миссию, а может быть, и жизнь, достойно. И твердо, хотя и сдержанно ответил:

– Вашему превосходительству стоит только отписать обо всем адмиралу Ушакову и сообщить копию с султанского фермана, и он, конечно, сообразится с данными в оном предписании. Адмиралу вовсе не известны предписания касательно берега.

Али-паша завертел зрачками точно так, как его охранители. Метаксе даже показалось, что он заскрежетал зубами.

– Я никому не обязан сообщать султанские ферманы. Не потому, что я чего-нибудь страшусь, я страха не знаю, но я не хочу поссорить турок с русскими. Мне от этого пользы никакой не будет… Я вам это говорю…

В голосе Али появилась какая-то неуверенность, и Метакса решил ее укрепить.

– Поверьте, ваше превосходительство, но адмирал Ушаков не имеет сделать вам ни малейшего оскорбления. Напротив, он желает снискать дружбу вашу. Но поступка вашего с консулом Ламбросом он терпеть не может и не должен.

Али заходил по комнате, заложив руки за спину. Чувствовалось, что он напряженно думает.

– Ламброс виноват кругом. Он же знал, что я нападаю. Зачем не убрался на острова? Зачем он давал советы французам? В доме Ламброса злодей Христаки проводил совещания с французами. Ламброс – изменник! Он недостоин ни вашего покровительства, ни моей пощады.

Метакса продолжал пригашивать пожар и раздумчиво втолковывал паше:

– Может быть, неприятели его оговорили. Он, как и все консулы, знал о войне с Францией и тесном союзе России и Турции. И он предуведомлен был о приезде эскадр. Зачем уезжать? Он и остался, будучи уверен, что будет уважен, как чиновник союзной державы. – Сейчас уже в голосе посланника зазвучало возмущение. – А его ограбили, он, скованный, сидит на галере. Сей поступок оскорбляет лично государя императора и всю Россию. Тем самым доказывается неприязнь к русским вообще.

Али заволновался. Он прекрасно представил последствия гнева великой державы.

– Неправда! Я русских люблю, я уважаю храбрый сей народ. Вашему князю Потемкину имел я случай оказывать важные услуги. Вот был человек! – с неподдельным восхищением воскликнул паша, подняв вверх ладони. – Он

умел ценить меня. В своих письмах объяснялся, как с истинным другом. Я получал от него драгоценности, подарки. Жаль, что их нет со мной, я бы их показал. – Али-паша склонился перед Метаксой и доверительно прошептал: – Потемкин был великий, необыкновенный человек. Он знал людей, знал, как с ними обходиться. Ежли бы он был жив, ваш адмирал так бы не поступил со мной.

– Будьте уверены, что князь Потемкин принял бы такое же участие в российском консуле, как адмирал Ушаков. Консул не есть частное лицо, он доверенная особа государя и принадлежит целой России. Кто его оскорбляет, тот оскорбляет всех русских.

Паша налил две чашки напитка из стоящего на серебряном подносе кувшина и одну пододвинул Метаксе. Устало сказал:

– Хорошо. Я освобожу консула, но адмирал Ушаков должен отступить от Парги и не вмешиваться в мои дела.

– Он не может этого, не подвергая себя гневу императора. Он обязан защищать паргистов. Ведь они, перейдя от венецианцев к французам, подняли флаг объединенных эскадр. Адмирал Ушаков и товарищ его Кадыр-бей не могут не признать их независимыми. Они сами обнародовали в своих воззваниях сей призыв. Иначе их почтут вероломными.

– Да, я сам оплошал, – покачал головой Али. – Надо было ускорить взятие Превзы на пять дней. Тогда и Парга была бы моя. Я бы не посмотрел на неприступность ее и атаковал бы с моря. – Подумав, доверительно спросил у Егора: – Скажи откровенно, кто у него любимец. Я бы не пожалел двадцать тысяч венецианских червонных тому, кто уговорит адмирала отказаться от Парги.

Имей он дело с посланцем Константинополя, со своим соседом, пашой – это возымело бы действие, но Метакса лишь усмехнулся:

– Адмирал наш всех равно любит, но особенно тех, кто усердствует в служении императору. Впрочем, я могу уверить вас, что ни один чиновник русский ни за какие деньги не примет на себя такие препоручения и никто не уговорит сделать поступок, противный данной инструкции и собственной совести.

Али сокрушенно покачал головой и несколько растерянно обратился к Метаксе:

– Что же мне делать? Дай совет.

– Ни возраст мой, ни положение не позволяют мне этого. Вы славитесь умом и примите решение сами. Ясно, вы не захотите из-за Парги поссориться с императором и впасть в немилость у султана. Вам необходимо сблизиться с адмиралом Ушаковым, военное искусство и слава которого вам хорошо известны, отправить Ламброса к русским, примириться с Паргой и приказать своим войскам не причинять ей никакого вреда.

– О, да ты требуешь невозможного.

Али встал, не обращая внимания на Метаксу, заходил из угла в угол. Морщины собрались на его лбу, он кусал губы, ломал в пожатии пальцы, замирал, снова ходил, затем резко остановился перед Егором.

– Консула Ламброса отправлю завтра утром, войска и продовольствие начну собирать, от меня послан и подарок, повезет мой ближайший советник Махмут-эфенди. – Хлопнул по плечу Метаксу и, взглянув в глаза, сказал: – Я знаю, сила Ушакова и в том, что он умеет подбирать верных ему служителей.

«Главный пункт предприятий ваших»

К концу ноября все Ионические острова были освобождены от французских войск. Все, кроме Корфу. Взятие других островов тоже было большой победой. Цепь гарнизонов Директории, вытянувшаяся вдоль Балкан, в любой момент была готова сжаться в крепкое ядро, которое по мановению залихватского Бонапарта могло быть пущено в крепостные стены Константинополя, королевские дворцы Неаполя и даже в не очень-то укрепленную базу русского флота в Ахтиярской бухте. Сейчас все это уже не могло произойти. Гарнизоны на Ионических островах были разгромлены, на крепостных сооружениях развевались союзные флаги. На всех, кроме Корфу. А без Корфу победы на островах как бы не шли в зачет. Корфу решал судьбу операции в целом.

Наполеон, безусловно, уже тогда обладал стратегическим талантом[18] полководца, умел точно оценить преимущества и слабые места различных позиций. Это умение и расчет помогали ему выиграть немало сражений и даже операций (вспомним хотя бы знаменитый его сухопутный Абукир, где он вдребезги разбил турок). В конце 1798 года он, конечно, ощущал, что судьба экспедиции в Египте зависит не только от его побед над мамлюками, а и от того, удержатся ли его укрепленные базы на Мальте и на Корфу. Сумеют ли французские гарнизоны устоять против союзных эскадр? Наполеон понимал значение Корфу. Но понимал ли Ушаков? Была ли крепость и остров Корфу с самого начала целью Ушакова? Получив указ Павла I от 25 июля о выходе к Дарданеллам, он знал лишь то, что должен известить Томару, «что буде Порта потребует помощи», тогда «содействовать с турецким флотом противу

французов, **хотя бы то и далее Константинополя случилось».** А куда «далее»? Отправляясь в Константинополь, Ушаков еще не знал: Египет, Греция, Италия, Ионические острова, Корфу? А коль так, он не мог увеличить свои возможности на все случаи военной судьбы: от морских баталий до штурма крепостных стен. Поэтому-то и не оказалось с ним ни мощных осадных пушек, ни штурмовых приспособлений, да и продовольствие обеспечивалось лишь на первый период плавания.

7 августа Павел I расширяет «пределы плаванья» до Египта, Кандии, Морей, Венецианского залива. И, пожалуй, мысль Ушакова уже работает с этого дня на будущую операцию. По прибытии в Константинополь он сразу запросил лоцманов, знающих «все места и пристройки во всем Архипелаге до Сицилии, в Венецианском заливе и до Александрии». Все яснее и четче вырисовывается район действия. Первый драгоман Порты спрашивает в это время мнение Ушакова, «какой лучший план избрать в действиях против французов в Архипелаге, Венецианском заливе и в Александрии». Ушаков к этому времени выработал свой план и ощутил после Абукирского сражения, где надо действовать русской эскадре. Тогда и написал Павлу I, что в ответ на просьбы драгомана «мнение мое объявил им я откровенно».

28 августа «на конференции» с министром и морскими чиновниками (то есть собрании высших чинов Порты) Ушаков, «согласуясь с мнением» константинопольских правителей, убежденно и твердо, хотя и «с предосторожностью и надлежащей учтивостью», изложил стратегический план действий объединенной эскадры. Вот тогда-то и стал в центре устремлений военной экспедиции Ушакова город и крепость Корфу – ключевая база французских сил в Венецианском заливе. Ушаков понимает, что с ходу атаковать Корфу нельзя: гарнизон сильный, припасов довольно, крепостные стены безупречны. Да и было это в практике военной крайне редко – брать крепость с моря. Он понимает необходимость блокады, которую можно осуществить, взяв предварительно другие острова. Двигаясь в сторону Корфу, Федор Федорович непрерывно проводит разведку, приходит к выводу, что острова «при помощи самих обывателей отобрать можно». Правда, он тут же добавил: «кроме Корфу». Одну треть эскадры Ушаков предназначил для крейсирования и патрулирования, а две трети для блокады крепостей острова и побережья. Под особым надзором держал он Анакону, откуда опасался десанта. Для координации деятельности русский вице-адмирал предложил установить постоянные сношения с Нельсоном. Ушаков в письме вице-адмиралу[19] описал план своих действий и добавил по собственной инициативе (не всякий бы решился на это, ведь союзный договор с Англией еще не подписан): «…ежели бы потребно наше подкрепление в случае важной надобности, то к спомоществованию мы готовы».

Приближаясь к Корфу и захватывая острова, Ушаков накапливает опыт, ведет агитацию среди населения и собирает сведения о гарнизоне и морских силах противника. 29 сентября он пишет капитану 2 ранга Сорокину:

«В Корфу, сказывают, есть два корабля и один фрегат, другие говорят, все три фрегата, а кораблей тут нет…» Постепенно выясняет реальную картину. Даты начала осады называют разные, но думаю, что таковой можно считать 20 октября. Накануне (19 октября) Ушаков пишет в ордере майору Дандри: «Я в завтрашний день иду с эскадрой в поведенный мне путь к островам Кефаллонии, Святой Мавры и Корфу…»

20 октября он отдает приказ капитану 1 ранга Сенявину следовать на соединение с эскадрой к острову Корфу. В этот же день он отдает приказ капитану 1 ранга Селивачеву с кораблями «Захарий и Елисавета», «Богоявление Господне» и с фрегатом «Григорий Великая Армении», а также с кораблями турецкой эскадры следовать к острову Корфу.

Приказ был четок и конкретен. «Старайтесь как наивозможно приходом Вашим туда поспешить и облегчить его блокадою, чтобы прибавку войск на него и провоз провиантов ни отколь не допустить, старайтесь все к нему приходящее от французов брать в плен, если из Анаконы сделана будет какая-нибудь оному острову помощь, ровно и то, ежели узнаете в близости находящееся…»

Вице-адмирал требует всякую коммуникацию с оным островом французам пресечь, предлагая действовать по законам военного времени: противящихся «наказывать огнем и мечом» и брать в плен. Яснее не скажешь.

24 октября «Богоявление» занял северный пролив, другие корабли – южный. Началась блокада.

74-пушечный французский корабль «Женеро» и два других корабля решили прощупать ее прочность: 27 и 29 октября вступили в бой с «Захарием и Елисаветой», а также с «Богоявлением». Нападение было лихим, у «Богоявления» даже сбило бизань-мачту. Но и русские артиллеристы стреляли метко, разбили у «Женеро» палубу, расщепили бушприт. На «Женеро» поняли – свободно разгуливать вокруг острова больше не придется. Отныне французы плавали только между островом Видо и крепостью.

Ушаков понимал, что для штурма крепости у него не хватает сил и средств. Что надо для успешной осады и взятия такой крепости, как Корфу? Конечно, большое количество войск и осадной артиллерии. Но их у русского вице-адмирала не было. Нет? Значит, надо достать ее, добиться, придумать, как выйти из положения, – таков был его постоянный принцип, внутренний закон. В этот момент он развивает бурную деятельность, пытаясь привлечь к

выполнению главной задачи турок, особенно подвластных им пашей на Балканах. К самому влиятельному из них – Али-паше Янинскому – посылает он личного порученца, лейтенанта Егора Метаксу. Надо собрать войско для штурма. Ведь Порта обещала это ему в Константинополе. Но паши не спешат, отделываясь обещаниями и льстивыми словами. Ушакова это раздражает. «За выражаемую вами дружбу покорно благодарю, – отвечает он Али-паше. – Я не имею времени объясняться подробно, но тогда дружбу вашу почту совершенною, когда войска требованные пришлются, о которых я повторяю мою просьбу ни одного дня не замедлить, также и не препятствовать другим, которые желали к нам войска послать. …В вашей воле зависит прислать те войска, которые Блистательною Портою назначены от ваших детей[20], так же и от других пашей, и я предвижу, что за упущением времени может произойти вред невозвратный».

Очень точно выражался Федор Федорович, вред действительно был «невозвратный». Время штурма затягивалось, наступала штормовая, ветреная зима.

Блистательной Портой предписано требовать от Мухтара– и Вели-паши по три тысячи человек. От Скутарийс-кого Ибрагим-паши – пять, паши Авлонского – три. Паши стали войско посылать, Али-паша сразу вторгся в их владения, грабил, разорял, как бы намекая – не спешите помогать русскому адмиралу. Сам же с ним вступал в сладчайшие переговоры и тоже намекал: имей дело только со мной, я хозяин побережья, без меня Корфу не взять. Ушаков еще одного грозного противника не хотел иметь – вел переговоры, старался примирить пашей во имя общей цели: разгрома французов и взятия Корфу. Али-паша изворачивается, виляет.

«Переписка его всегда ко мне учтива, – пишет командующий эскадрой Павлу I, – но на деле верного соответствия незаметно, кроме поманки замысловатых его предприятиев». Ушаков видит, что Али-паша «имеет особое намерение, не сходное с нашим расположением», имеет сведения, что тот хочет сделать, перебравшись с войсками, «замешательство и еще что-либо важное». Ну и союзники! Но ведь и без них не обойтись. Ушаков действует так, чтобы Али-паша понял: перед ним все понимающий, твердый и решительный человек, который не простит предательства. Приглашает вместе с Кадыр-беем доверенного Али-паши Гасан-эфенди и требует прекратить козни, задержки, сопротивление указаниям султана. Гасан стал уверять, что Али-паша пришлет немедленно войска для штурма, «а более того посылать не будет». Это тоже было важно, ибо разнузданное воинство Али-паши вызывало страх и ужас у греков.

Вот так и балансировал в своих действиях Ушаков перед штурмом, стягивая войска и корабли к Корфу и затягивая узел блокады.

Понимал, что войск мало, эскадра тоже не мощна, собирал силы в единый кулак. 9 декабря подтянулись два фрегата – «Святой Михаил» и «Казанская Богородица» капитана Сорокина, что до того крейсировали у берегов Родоса. 30 декабря подошли из Севастополя корабли «Святой Михаил» и «Симеон и Анна» под командованием контр-адмирала Пустошкина. Началась осада.

Примерка…

24 октября перед крепостными стенами Корфу прошли русские корабли «Захарий и Елисавета», «Богоявление Господне», «Григорий Великая Армении». Стали поодаль. Якоря сбросили. Запахло варевом. Было ясно – не уйдут…

Иван Андреевич Селивачев, что возглавлял весь отряд (турецкие корабли подошли позднее), проводил на берег священника, который вез и сюда послания Константинопольского патриарха. Решил ждать отстровитян: так ли будут рады, как на других островах, эскадре? Гром канонады прервал его спокойные размышления. Ядро проскакало по палубе, разбрасывая в разные стороны щепу, и плюхнулось с противоположной стороны в воды моря. Изящный французский корабль «Женеро» выскочил из-под стен крепости, «поймав ветер», промчался вдоль линии русских кораблей, осыпая их ядрами.

– Великий рискуй, однако же, сей французский капитан, – проворчал Селивачев, отдавая приказ артиллеристам достойно ответить лихачу. Ядра прочертили воздух. Знакомство состоялось.

Утром на палубу «Захария и Елисаветы» поднимались шумноватые жители Корфу.

… – Мы просим вас, – протягивая руки к Селивачеву, перебил всех доктор Папонис, – не высаживайте на остров турок. Сейчас у нас почти все единодушны, все благосклонны к вашему императору. А имя господина Ушакова давно прославлено на наших островах и гремит по всему Средиземноморью. Не посылайте на острова турок!

Селивачеву было неловко, турецкий офицер сидел рядом. Иван Андреевич потер подбородок, покряхтел и спросил:

– Сколько сможете выставить ополченцев? Корфиоты зашумели, перебивая друг друга.

– Пять… Семь!.. Десять тысяч!.. Возьмем штурмом крепость…

Граф Булгарис величественно поднял руку, надеясь, что все сразу замолчат. Но корфиоты были уже другие, почтения к сановитости не

испытывали, они продолжали спорить, доказывать, не обращая внимания на поднятую руку. Граф не выдержал и тоже стал кричать, стараясь, чтобы русский капитан услышал его…

– Ну пятнадцать, так пятнадцать, – успокоительно ответил ему Селивачев. И другим: – Вот прибудет командующий, и о всех остальных делах договоримся. Главное – французов в крепость, как в котел, загнать, так Федор Федорович сказал, и там сварить их, как раков. Так, соименник? – обратился он с улыбкой к Ивану Андреевичу Шостаку, командиру фрегата «Григорий Великая Армении», что присутствовал на встрече. Тот улыбки не принял, скептически посмотрел на островных гостей и раздумчиво сказал:

– Крепость – орешек твердый, крови прольется немало. Может, им предложить почетную капитуляцию?

Селивачев с удивлением посмотрел на своего соратника: он тоже об этом думал.

– Пожалуй, что и так, Иван Андреевич. Давай завтра испробуем. Ты и язык знаешь отменно. Съезди, авось уговоришь.

Выпроваживая гостей, приговаривал:

– Главное, не дать им на острове хозяйничать – вот приказ адмирала. Загнать в крепость! Загнать в крепость!

На следующий день на острове повсюду собирались дружины повстанцев. Французы к вечеру везде сняли свои предмостные посты и гарнизоны, отступив в крепость. Оставаться лицом к лицу с бушующей массой было небезопасно…

…В доме у командующего французским гарнизоном генерала Шабо было тепло и уютно, горел камин, из окошка виднелся красивый изгиб бухты. Генерал, снявший мундир, вытянул ноги, поставил на поручни кресла стакан с вином и с безразличием вслушивался как в болтовню комиссара, так и в прибаутки капитана «Женеро» Ле-Жоаля, который поддразнивал кота кисточкой от шпаги. Кот пытался ухватить ее, зацепить коготками, но капитан ловко выдергивал кисть из цепких кошачьих лап. Игривость кота сменилась злостью, ему было обидно, что этот громадный человек успевает раньше его.

– Перебродят. Обломают зубы о крепостные стены и повернут свои косы против нобилей. Корфу снова запылает. Вот тогда мы и соединимся с повстанцами, – говорил, ощупывая висевший на стуле мундир генерала, комиссар Дюбуа. На досуге он любил портняжничать, поэтому всегда оценивал одежду на людях.

– Вы ошибаетесь, комиссар. Мы больше не воссоединимся с ними. Вернее, они с нами. У них рядом появился единоверец.

– Полноте, полноте, генерал! Во-первых, мне известно, что греки боятся союзников русских – турок и вот-вот выступят против них.

– Острая сабля – самый сильный довод в свою пользу у турок…

– Во-вторых, – не обращая внимания на реплику Жоаля, продолжал комиссар, – мы вскоре получим помощь и приятные известия из Анконы. Бонапарт покорил Египет. Он не сегодня завтра нанесет удар в подбрюшье Оттоманской Порты. Дни зловонного неаполитанского королевства тоже сочтены.

– Хорошо бы… – лениво потянул вместе с вином генерал.

– А я надеюсь больше всего на себя. Надо уметь выскальзывать из цепких лап противника. – Ле-Жоаль даже улыбнулся, когда кот снова промахнулся и сердито заводил усами.

– Полагаться на себя можно, – отхлебнул вино генерал, – тем более что наши стены позволяют вам это. Главное, лишь бы ожиревшая Директория не забыла, что у нее тут доблестные солдаты. – И генерал резко опустил руку со стаканом вниз. Кот, почувствовав, что ему не опередить Жоаля, сделал прыжок к руке генерала.

– Паршивец! – уронил бокал Шабо. Красное пятно разлилось у его ног. – Вы, Жоаль, вечно всех возбуждаете, а от этого нет никакой пользы, только кровь, – слизывая ее капельки с руки, сердито выговаривал капитану генерал.

– Я сожалею о царапине, но что касается беспокойства, которое я приношу, то смею заметить, я не намерен взирать на то, как на мою шею наденут петлю. – Ле-Жоаль встал и нервно пошел к выходу.

– Друзья! Друзья! Не стоит ссориться. Обратите внимание: к нам шлюпка под белым флагом, – позвал их к окну Дюбуа.

…Капитан-лейтенант Шостак, ощупывая ногой ступеньку, шагнул вниз и остановился.

– Снимите повязку! – раздался голос.

Комната, в которой оказался Иван Андреевич, после следования по улицам крепости с повязкой на глазах, показалась светлой и просторной. Горел камин. За столом сидело несколько человек.

– Капитан-лейтенант Шостак! Явился сюда по поручению командующего эскадрой…

Дюбуа оценил ладно скроенный мундир. Жоалю понравилась уверенность офицера. Шабо всматривался в дерзковатого русского и старался представить себе грозного адмирала Ушакова. Он не совсем понимал, что здесь делают русские, как с ними вести войну. Он знал твердую поступь прусского солдата, разобщенность замыслов австрийцев, пламенную беспорядочность итальянцев, победоносное высокомерие англичан. Но что собой представляет русский солдат? Нет, он не знал. Ясно, что им не по плечу крепость. С суши? Но тогда надо набить весь остров войсками, нашпиговать их артиллерией, а этого, по данным разведки, у эскадры нет. С моря? Оттуда такие крепости не берутся. Шабо снисходительно взглянул еще раз на офицера и с усталой улыбкой сказал:

– Я не понимаю, что нужно здесь вашему адмиралу? Ведь и невоенному человеку ясно, что крепость не взять.

Шостак не стал замечать язвительности и учтиво ответил:

– Адмирал уверен, что крепость падет, и следовало бы избежать жертв! Поэтому он и предлагает почетные условия сдачи.

Шабо начал сердиться:

– Но я еще не вижу, кому сдаваться…

Дюбуа, ковырявший зубочисткой во рту, перебил генерала и игриво спросил у капитан-лейтенанта:

– Скажите, ваш адмирал здоров? У него не болят зубы? Шостак с недоумением посмотрел на него и, думая, что он допытывается о состоянии эскадры, ответил:

– Адмирал здоров. На эскадре больных нет.

Дюбуа прихохотнул и, причмокивая губами, подмигнул русскому офицеру:

– Я бы советовал адмиралу беречь зубы, он может поломать их о Корфу.

Комиссар заливисто расхохотался и встал, потирая руки. Шостак вспыхнул:

– Адмирал имеет десятки побед. Он не проигрывал сражений… Шабо перебил его и тоже встал:

– Мне жаль, но ему придется прервать этот победоносный ряд, – он сдержанно поклонился. – Еще раз выражаю благосклонность к вашим морякам и солдатам и предлагаю вам, дабы избежать того кровопролития, которое так противно вашему адмиралу, покинуть пределы Венецианского залива.

– Передайте это всем, кто послал вас сюда… на примерку, – опять прихохотнул Дюбуа.

Шостак понял, что другого ответа он не дождется, и тоже поклонился.

– Честь имею! К сожалению, я не увезу разумного ответа. Соболезную будущим жертвам. Они будут не по нашей вине.

А за окном разыгрывалась буря, шквал за шквалом налетали на остров. Русскую шлюпку, привязанную у причала, бросало по волнам и грозило разбить.

– Капитан-лейтенант! – вдруг дружелюбно обратился к Шостаку Жоаль. – Волна перевернет вашу шлюпку в бухте. Следует переждать, а мы приглашаем вас на ужин.

– Да, капитан, смотрите, брызги долетают сюда, до третьего этажа. Ваш экипаж мы накормим, шлюпку вытащим пока на берег, – учтиво подтвердил Шабо.

– Благодарю за приглашение! Я готов разделить с вами ужин, господа!

– Вот и прекрасно! – бесцеремонно хлопнул Жоаль Шостака по плечу и без обиды поправил: – У нас говорят друг другу «гражданин», а не «господин». Ужин же будет отличный, вот увидите.

– Хорошее вино у чертей было, – докладывал на следующий день Селивачеву Шостак, потирая виски. – Сдаваться не собираются…

На батареях

Всю ночь взлетала из-под лопат каменистая земля над холмом у церкви святого Пантелеймона, скрежетали колеса, слышались натужные голоса. Всю ночь с тревогой вслушивались в этот неразборчивый шум у деревни Баница французские часовые. Там что-то творилось.

…Инженер Маркати, бывший до недавнего времени на французской службе, желая доказать свою преданность русскому адмиралу, решил за одну ночь воздвигнуть позиции для батареи. Нет, он знал, что Ушаков приказал не спешить, проводить работы тайно, в ночное время, чтобы не насторожить врага, не вызвать его на схватку раньше времени. Ведь для охраны работ он

смог выделить всего 12 солдат да нескольких канониров для установки пушек. Но чего бояться? Почти тысяча крестьян расположились вокруг холма. Многие были с ружьями, правда, со старыми, доставшимися от отцов, бывших раньше то моряками, то корсарами. Большинство же было просто с кирками и лопатами, которыми они столь усердно трудились всю ночь. Нет, французы не сунутся, побоятся!.. Может быть, и не сунулись бы, если бы не заговорила гаубица, не бахнули бы пушки, установленные на новой батарее. Так не терпелось Маркати обозначить свой инженерный успех. Ядро, пущенное из гаубицы, раздробило крепостной зубец, переломило древко с вызовом трепетавшего французского флага и угодило горделивому капралу Директории прямо в голову. С севера, от деревни Мандукио, тоже загромыхало. То была первая батарея союзников, установленная раньше. Генерал Шабо понял, что, если русские ядра будут носиться над крепостью, выбирая себе жертвы, его солдаты долго не выдержат. Из крепостных ворот, стреляя на ходу, выбегали засидевшиеся в осаде солдаты. Греческие ополченцы стояли кучно, ждали команды, чтобы вступить в бой. Французские ружья были дальнобойней, били точнее. Вот кто-то из ополченцев охнул и забился в смертельной дрожи, осел в кровавую лужу второй, ткнулся в терновый куст третий. Одни отступили за скалу, другие в дальний лесок, а третьи, и, как оказалось, почти все, дрогнули и побежали, прыгая через камни, рытвины и заграждения, так и не сойдясь врукопашную. Русские артиллеристы едва успели сделать два выстрела, как их окружили, выбили из рук оружие и, повалив, связали.

Впереди небольшой растрепанной группы пленников вели опутанного веревками Маркати.

– Предатель! – кричал французский офицер, толкая его в спину. – Ты поплатишься за свою измену!

Маркати вслух молился, он знал, что последний раз, ибо французы беспощадны к тем, кто изменяет их флагу…

…Красное, обветренное лицо Ушакова исказилось и стало белым. Такое с ним бывало редко. Адмирал бледнел только от сильного гнева. Сейчас он был бледен от этого святого обмана, от восторженной невыдержанности греческого инженера, которая стоила жизни многим и могла сорвать план установки, так необходимой для общей победы батареи.

– Я же сказал! Я же приказал! Не вылезать! Сидеть тайно. Ждать сикурса! – отчитывал он доложившего о захвате фузилеров командира морского батальона Боаселя. Тот даже плечами не пожимал, понимая праведность адмиральского гнева. Ушаков же вдруг сразу остыл, лицо его снова приняло твердое и решительное выражение.

– Давай сигналы нашим на Мандукио. Французы поощрение получили, ободрились. Им захочется и там победу одержать. А две такие победы равны хорошему отряду подкрепления. Отбить охоту надо у них к вылазкам!

Сигнальщики с кораблей подали сигнал тревоги на батарею. С двух судов спустили шлюпки с фузилерами, подготовили адмиральский катер.

…Адмирал как в воду глядел. И с севера растворились ворота. Из крепости выскочили всадники. Эти-то откуда? Повалила пехота, нет, не повалила. Три стройные колонны стали обтекать холм у Мандукио.

– Одна, две, три, пять сотен, – насчитал командовавший десантом подпоручик Чернышев, – …шесть, семь, восемь, девять… десять…

– Не сдюжим, – обронил стоящий рядом солдат.

– А чего их считать-то! – громко перебил все шумы ружейного треска капитан Кикин. – Их бить надо! – и пронзительным, слышимым у подножия холма голосом отдал приказ: – Слуша-ай команду! По неприятелю… Слева и справа огонь беглый! Пали!.. По це-ентру… Пушкам картечью огонь!

Затрещали вразнобой выстрелы. У батареи споро распоряжался лейтенант Гонфельд, подгоняющий канониров. Поднесли запалы, раскаливали ядра. Пушки дружно рявкнули, зачастили и фузилеры. Стройно идущие по центру французы смешались, несколько человек упало. Бегущие в деревню слева от холма греческие повстанцы остановились и снова пошли вперед. Сбоку врезались в колонну албанские пехотинцы во главе с отставным русским капитаном Кирко. Справа с криками «Алла! Алла!» схватились с французскими солдатами турки. Французам все-таки удалось прорваться к батарее, но русские гренадеры отбросили их штыками. Три раза казалось французским офицерам, что можно посылать донесение об уничтожении батареи, и три раза сгоняли их к подножию русские и турки.

Солнце начало уходить за горы, когда капитан Кикин выхватил шпагу и приказал горнисту протрубить сигнал ко всеобщей атаке. Напор десантников был неудержим. Бросая раненых, лошадей, оружие, французы бежали. На батарею истерзанные гренадеры возвращались молча, турки и албанцы переругивались из-за захваченных на поле сумок и оружия. Капитана Кикина на шинели вынесли на холм и положили у пушечной станины. Он, зажимая рукой рану, огляделся и захрипел, увидев поднимающегося вместе с морским десантом Ушакова.

– Ну вот и сдюжили, господин вице-адмирал, а теперь и подавно. Вон с вами какой сикурс идет.

– Спасибо, братцы, за службу доблестную. Молодец, Кикин! – Адмирал пожал слабеющую руку капитана. – Нам эту батарею никак нельзя отдать. Без нее никакой виктории здесь, у Корфу, не одержим.

На холм трусцой поднимались все новые и новые солдаты и моряки. Крепость угрюмо молчала. Батарея наутро заговорила снова. Через несколько дней восстановили батарею и на юге. Шабо был в унынии, он понимал, что артиллерия флота и батарей может быть смертельна для крепости. Но он, правда, не знал, что у Ушакова почти не было зарядов и пороха.

Осада. Зима 1799 года

Ушаков все туже затягивал петлю вокруг Корфу. Полукольцом расположил корабли, высадил десантные войска на берег, возводил батареи. Знал: не успеет к весне – выскользнут французы. Того хуже – соберутся в Анконе или Бриндизи, высадится их несколько тысяч из Италии, и тогда неизвестно, кто у кого будет в осаде.

Анкона ему чуть не во всех снах снилась. Высылал туда корабли для разведки и патрулирования, призывал своих капитанов бдеть неусыпно. Союзных турок пытался взбудоражить, держать в относительной готовности. Резкий разнос учинил Ивану Андреевичу Селивачеву, командовавшему кораблем «Захарий и Елисавета», не посчитался с тем, что тот ревностно служил последнее время. Специальный ордер направил, объявил «неудовольствие» за то, что выпустил капитан из французской гавани судно без специального досмотра. А ведь «фальшивости» и «письма секретные» провезти на таких кораблях можно легко. Все другие суда проверялись личной адмиральской службой, которая обнаруживала все подозрительное, когда «даже шпионов матросскою одеждою провозят», письма, донесения разные. Приказал «наистрожайше… иметь бдение и крайнюю осмотрительность и никаких судов без строгого осмотра не пропускать». Командующему акатом «Святая Ирина» лейтенанту Влито и шебеки лейтенанту Ратманову предписал патрулировать днем и ночью и не допускать, «чтобы никакое судно, особо подле берегов, ни в одну, ни в другую сторону не прокралось…».

Однако не во всем управлялись его капитаны. Да и, правду сказать, было нелегко. Холодные северные ветры бросали ледяные брызги на палубу. С намокшими парусами трудно было управляться, трудно было брать рифы и ставить лиселя. А главное, не хватало харчей. И не то чтобы вдосталь, а бывали дни, когда выдавали всего по два сухаря с обещанием скоро накормить досыта. Обещаний этих надавали капитаны много, а муки и мяса все не было. Может быть, от этого холода и голодухи приустали глаза у дозорных на «Захарии и Елисавете», ослаб слух, когда перекликались с догонявшим французов акатом

«Ирина» и влепили заряд в свою же шебеку «Макарий». Взятый шебекой в плен французский корабль воспользовался суматохой и улепетнул в крепость. А «Захарии и Елисавета» еще раз ударил по парусам и реям шебеки, разбив рангоут и порвав все снасти. И смех и грех – по своим бьют. Но больше, конечно, грех, и Ушаков отозвал Селивачева с южной части пролива, пообещав «таковую неосторожность исследовать и исполнение учинить как должно». Один недоусердствовал, второй же рвался в бой опрометчиво, непродуманно, подставляя бока. Пришлось в канун Нового года отчитывать храбреца Шостака и даже направить ему грозный ордер и сделать выволочку. Шостак, преследуя французский корабль, бил по нему точно, метко и смертоносно. «…Действие фрегата артиллериею… по известию, ко мне дошедшему из крепости, – писал в ордере Ушаков, – было хорошо, из крепости видели, что многие выстрелы ваши были действительны и прямо в корабль и на корабле заметна была великая тревога…» Но не хвалил Шостака адмирал, а ругал… «Крайне сожалею… как вы допустили… фрегат, вам вверенный, быть под крепостью почти вплоть подле берега, даже под картечными выстрелами, фрегат подвергли вы совсем пропасти. **Бог один только спас вас чудесами, что крепостными выстрелами вас не потопило».** Адмирал берег свои корабли для основного удара, он не мог позволить преждевременно рисковать ими даже такому отчаянному смельчаку, как Шостак.

До прихода основной эскадры хозяином вокруг крепости был 74-пушечный французский корабль «Женеро». Быстроходный, обшитый медным листом, он имел дальнобойную, или, как говорили тогда, «длинного чертежа» артиллерию. «Захарий и Елисавета», «Богоявление Господне», «Святая Троица», а особенно «Святой Павел» утихомирили резвость линейного корабля. Он все чаще отстаивался под укрытием крепостных батарей или рыскал между Корфу и Видо, как бы выискивая щель в цепи кораблей, окруживших остров. И нашел-таки. Вечером 26 января с русской полугалеры сделали пушечными ракетами сигнал, что означало – мимо прошли французские корабли. Вычернив, чтобы быть незаметным, паруса, воспользовавшись сумерками, «Женеро» скользнул в стык между русскими и турецкими кораблями, подгоняемый крепким южным ветром. Русские корабли, что стояли рядом, были тихоходны, а быстроходный турецкий фрегат с места не сдвинулся, то ли заважничал и ждал приказа от своего адмирала, то ли команду не собрал. Так и ушел в ночной туман «Женеро». Досадно, что упустили. Но нет худа без добра. На 74 пушки мощь гарнизона уменьшилась, да и несколько сот моряков убыло. Однако Павел I, получив донесения о бегстве корабля, разгневался. А следовало бы посмотреть более спокойным и трезвым взором на события. Ведь главная-то цель – Корфу – еще не была достигнута, и для этого из Петербурга многое следовало бы сделать.

Федору Федоровичу с первых дней было ясно, что крепость с наличными силами и вооружением не взять. Не было осадных орудий, мощных гаубиц, лестниц штурмовых, подкопщиков умелых, способных фугас заложить. А главное, не было войск, которые превосходили бы числом осажденных. В письме вице-президенту Адмиралтейств-коллегий графу Кушелеву он писал:

«…Войск к высаживанию десанта на эскадрах наших **весьма недостаточно,** если бы с начала прихода нашего к Корфу, **хотя один полк был со мною российских войск,** многое успел бы я уже сделать со оным, даже надеялся бы **по сие время принудить к сдаче крепости…»**

Вот и продолжает он просить войско от турок, от пашей, от Али-Тепелена. Но дело продвигается мало. Турецкие войска и албанцы прибывают без снаряжения, без продовольствия. Единой дисциплине они не подчиняются, пытаются промышлять в греческих деревнях. Французы делают успешные вылазки. Все это приводит к тому, что «жители острова Корфу, – отмечает Ушаков, – начинают уже колебаться сумнением».

Да, войск не хватало. А ведь нападающих по всем законам военного искусства должно было быть в несколько раз больше, чем обороняющихся. Число же войск в Корфу, считай, увеличивалось от непробиваемости стен еще вдвое. Перекрыть их можно было, только искусно, скорее даже гениально организовав осаду и штурм.

Ушаков и искал днем и ночью ходы для завершения главной части своей военной экспедиции. Еще до подхода основной части эскадры он почувствовал, что ключом ко всей обороне Корфу является остров Видо. Расположенный напротив крепости, он был ее защитным бастионом, а в случае взятия противником – дулом, направленным в грудь Корфу.

Французы время на Видо не теряли, рыли траншеи, и вскоре островок ощетинился пятью батареями. Большой же остров был в напряженном ожидании: что предпримет русский адмирал? Ушаков же в декабре и январе ждал и надеялся. Ждал подхода кораблей, подвоза боеприпасов, присылки осадных орудий, продовольствия. Надеялся, что вот-вот тысячи алипашинцев, обещанных по договору Портой, появятся на островах. Постепенно становилось ясно, что ничего или почти ничего он не дождется. Надо было исходить из того, что есть. Да, Видо – ключ, но крепость надо поджигать со всех сторон. Пусть французы ожидают атаки и с суши. Еще в ноябре русские солдаты и моряки вытащили на гору у села Мандукио два единорога, одну гаубицу, две мортиры и несколько полевых пушек. Первые выстрелы смели наблюдавших из-за южной стены французов. Заахали единороги, запрыгали по крышам бомбы от мортир. Это была уже не демонстрация мускулов, а ощутимые удары.

У северной же стены жители двух деревень, Баницы и Горицы, куда французы наведывались, дабы пополнить свои запасы продовольствия, взялись сделать такую же батарею на высоком холму у церкви святого Пантелеймона. Сил в этот момент у Ушакова не было, но те, «собравшись во множестве, просили неотступно, чтобы для воспрепятствования их разорения и ежедневного грабежа от французов дать им на первый случай две или три пушки, при которых послать хотя бы одного офицера с двенадцатью солдатами», обещая, что пятьсот – тысяча человек будут охранять возведенную батарею ежедневно. Ушаков вспоминал не раз, что поручил греческому добровольцу инженеру Маркати (Меркатис) «батарею устроить». Русский пост поручика Кантарино на батарее состоял всего из 12 фузилеров и шести канониров, поэтому адмирал предложил «канонаду» не начинать, подождать, когда прибудут корабли с острова Святой Мавры. Но горячий и пылкий Маркати за одни сутки успел сделать все работы по установке батареи, выволок пушки на холм. И открыл огонь. Очень хотелось ему показать усердие, храбрость и убедить земляков в своей полезности. Те бурно приветствовали первые выстрелы, но атаке шестисот французских солдат не смогли противостоять и бежали. Команда поручика Кантарино была пленена. Маркати как бывшего французского служащего расстреляли.

Французы ободрились и кинулись на вторую батарею. Но ее Ушаков уже усилил, да и организатор обороны капитан Кикин проявил чудеса героизма и организованности. Вскоре и вторая батарея была восстановлена. Крепость оказалась под обстрелом ушаковской артиллерии. Казалось, беспрестанная канонада сломит французов. Но русские пушки стреляли редко. Нашлись недовольные у турок, греков, да и свои смотрели с недоумением: почему Ушаков не даст команду завалить крепость ядрами? Русский же адмирал и так-то был угрюмый, а в эти дни совсем был хмур. Он пишет драматическое письмо Томаре: «Корабельных наших снарядов с нами обыкновенное количество, я употребляю на батареях картаульные единороги и снаряды от них **почти все расстреляны,** а особо картаульных бомб, которые весьма понадобятся, очень **мало у меня** уже в наличии остается, **а подвозу ниотколь нет».**

Да, одного полководческого гения в армии и флоте не хватает. Немало славных военных талантов гибло в плену плохого снабжения, в объятиях нерадивой инфантерии.

Гибли. Но не таков был Ушаков. Он собирал все силы, все запасы в один кулак. Он готовил штурм.

«Последнею экономиею…»

Одной из ключевых проблем осады было продовольствие. Ушакова оно беспокоило, вызывало подлинную тревогу. Турки особенно не раздумывали, посылали свои суда и обкладывали продовольственной данью близлежащие территории, а то и просто грабили греческое население. Командующий русской эскадрой пойти на это, конечно, не мог. Он взывает к Петербургу, Одессе, Константинополю.

Уже в начале ноября он бьет во все колокола, не беспокоясь о впечатлении, требуя улучшить снабжение. 10 ноября он пишет Томаре: «Провианта весьма мало. Людей-то на корабли взяли „вдобавок“ (для осады), а провианта на них не предусмотрели».

Эскадра в ноябре находилась в море уже более трех месяцев. Сухари уже рассыпались в порошок, солонина начинала портиться. Но и этого, доносит Ушаков, скоро не будет. «Экономией» можно просуществовать не более чем до середины декабря. Турки обещают, но ничего не делают. Возможно, в этом и не было злого умысла, а была обычная реакция полунезависимых пашей на указы из Константинополя. Они их просто игнорировали. Ушаков направляет Морейскому паше, которому даны все указания Порты, несколько посланий с просьбой ускорить присылку провизии. Тот не реагирует. Командующий эскадрой посылает к нему личного представителя гардемарина Мавро Михайли, одного из гардемарин, что направлялись для практики в боевых условиях. Лучшей практики пожелать было трудно. Гардемарину Ушаков дает указание: «И одного дня чтобы не было пропущено и строго приказано было бы командирам судов, чтобы ни под каким видом не останавливались и не замедливались бы, шли бы прямо сюда к эскадре с поспешностью, старайтесь провизии доставить сюда больше и скорее».

Мавро Михайли спешит исполнить приказ вице-адмирала: стремительно «сплавал» в Морею, не мешкая, обследовал состояние дел и так же быстро возвратился на кирлингаче к Ушакову, которому доложил: «Провианта заготовленного нету ничего».

Командующий встревожен, надо срочно принимать меры, но он не может ничего предпринимать, не согласовав действий с турками. Обращается к Кадыр-бею: немедленно послать курьера к Морейскому паше, ведь тому же предписано Блистательной Портой снабжать их. Ушаков уже все разведал и знает, что на берегу пасутся стада волов, принадлежащие французам, надо только конфисковать их, забить и отправить на эскадры. Кадыр-бей обещал содействовать. Но наступил декабрь, а дело не сдвинулось. «Провизия… на эскадре… вся без остатка вышла в расход. Командиры кораблей и войска на берегу терпят крайнюю нужду и настоит опасность терпеть голод и бедствие от

оного». «Последнею экономиею питаются только теперь русские моряки», – мрачно констатирует он в письме к Кадыр-бею. Морейского пашу просит «где только возможно собирать печеный хлеб, сушить его в сухари и присылать сюда сколько в самой скорости поспеть можно…». Именем Блистательной Порты и султанского величества Ушаков потребовал «поставить и немало не умеряя сухарей, булгуру, фасоли, водки или горячее вино, также красное вино и масла… и чтобы тем людей спасли вы от настоящего бедствия, которое есть неминуемо». Зная, что денег у него на расплату нет, говорит с пашой на понятном для того языке: «Кто же в недоставлении по сие время останется виною, Блистательная Порта и его султанское величество непременно сделает строго взыскание жестоким штрафом…»

Адмиралтейство же и подчиненные Мордвинова опять допустили халатность. На прибывших из Ахтияра судах (шхуне № 1, транспортном судне и бригантине «Феникс„) «соленого мяса немало оказалось с червями, гнило и имеет худой и вредный запах, а уксус, будучи не в крепких бочках, дорогою почти половинным числом с вытечкою“. Без особого рачения заботилось о моряках российское ведомство.

Ждать обещанного – означало погибать. Ушаков не из таких. Теребит Кадыр-бея и начинает скупать где можно пшеницу. Сам же приказывает жителям Корфу доставить для продажи мясо и зелень для щей. Обращается к Орио, главе местной администрации, чтобы островитяне взяли временно корабли, которые их охраняют, на свой кошт. Оплатить пообещал за счет Порты. Опасное, несогласованное решение принимал вице-адмирал. Ибо оплатит ли Порта его расходы, согласятся ли в Константинополе и Петербурге? Опасное для себя, но необходимое. Понимал, что моряка и солдата надо кормить. Не пренебрегал этим, не давал на откуп, занимался сам. Ходил в матросский камбуз, пробовал кашу, давал выволочку, если было невкусно. Страдал, если порция была мала. Морякам такая забота была по душе, передавали друг другу: «Наш-то адмирал опять матросскую порцию отведал». К середине декабря Ушаков заболел от «тревожных мыслей и отсутствия продовольствия». Заболел, но не слег, продолжая придумывать ходы, чтоб накормить русских моряков, сохраняя эскадру боеспособной.

Ключ от крепости

Ветер хлестанул брызгами по палубе, забрался в рукава, захлопал углами парусов. Шлюпка, подходившая к «Святому Павлу», подскакивала на водяных гребнях, как щепочка, да и корабль, тяжело вздыхая, все сильнее раскачивался от мощных шлепков волн, то обнажая обшивку на макушке очередного вала, то запахиваясь в пенное жабо.

Турок еле поднялся на борт, поддерживаемый матросами, и, приложив руки к груди, склонил голову перед, казалось, приросшим к палубе русским адмиралом. Не выдержал, подбежал к краю и опростался, вытерся халатом.

– Бывает, – добродушно успокоил Ушаков. – Волнушка разыгралась. Мутит. Прошу в каюту.

Гасан-эфенди, заплетаясь ногами, нырнул вниз. Ушаков степенно сошел за ним, пригласил садиться, выпить чаю. Гасан-эфенди с отвращением взглянул на угощение и стал торопливо излагать приветствия от имени Али-паши. Кадыр-бей, как всегда, вроде был безразличен к разговорам, прикрыл глаза. Ушаков знал эту его привычку скрывать интерес, придремывать, обдумывая сказанное.

– Хорошо, что Али-паша нам добрые слова шлет, но лучше было бы, чтобы он проявил внимание к просьбам нашим.

Гасан-эфенди закивал, с полным согласием глядя на адмиралов.

– Да-да! Верный слуга султана, Али-паша Тепелен, весь в заботах об оказании помощи доблестным союзникам.

– Каким?

– Что? – не расслышал Гасан-эфенди.

– Кому думает оказать помощь ваш паша? С кем хочет он союзничать? Неужели он думает, что мы не знаем о его переговорах с французами?

Гасан-эфенди укоризненно посмотрел на русского командующего.

– Мой господин чист и безупречен не только перед вами, султаном, но и перед Аллахом, не совершив ни предательства, не допустив даже помыслов о сотрудничестве с богомерзкими врагами всемилостивейших наших – султана и императора.

Ушаков задышал прерывисто, встал, подошел к Кадыр-бею, коснулся плеча того и вопросительно взглянул на турка. Кадыр-бей кивнул. Из шкатулки, что стояла на маленьком столике, растрепанными чайками полетели листки бумаги. Ушаков бросал их перед Гасаном-эфенди.

– А это что? Чья подпись? Кто писал? Или вы думаете, что мы не знаем подпись Али?

Посланник только раз бросил взор на письмо и все понял. Да, это были письма самого Тепелена. Те письма, что слал он командиру гарнизона Шабо осенью и где безбожно льстил французскому генералу, обещая союз, провиант

и расположение за то, чтобы солдаты Директории стойко обороняли крепость от русской эскадры. Гасан-эфенди понял, что попался, вознес руки в молении, придумывая, как лучше вывернуться, еще раз зыркнул на Ушакова и, склонившись в поклоне, запричитал:

– Знаменитый между князьями мессийского народа, высокопочтенный между вельможами нации христианской, славнейший адмирал в Европе, знаменитый ревнователь к службе, превосходительный командующий наш. Не почти сии письма за истину, то просто прием обмана.

Ушаков не уразумел сразу, что Гасан обращался к нему, когда понял – махнул рукой, перебил:

– Хватит! Ждем сына паши с войском. Продовольствие ждем. И козни пусть бросит. Ведь в наших руках сила отменная. – Ушаков дал понять, что разговор окончен. Га-сану-эфенди в туманную мокроту идти не хотелось, но и оставаться перед грозным Ушак-пашой было страшно. Он поднялся, закивал и двинулся к двери задом, бормоча слова прощания.

– Да не бойся! Иди нормально, а Али передай, веры больше не будет, если подведет.

– Славный и достопочтенный друг мой, – сбросил с себя сонливость Кадыр-бей, – должны вы знать, что Али-паша один из своевольнейших пашей в Османской империи, мало повинующихся Порте. И оная в отношении его твердости не проявляет, как с другими своевольниками. Они в Константинополе на свои предписания не надеются и вам отдают право решать с ними все дела и вести их твердой рукой.

– Да права-то отдают, а мне бы лучше сухарей побольше да войско для осады. Я ведь здесь не хозяин, а гость. А меня все кулаком заставляют стучать. А мне кулак-то для боя нужен. Собираю всю эскадру воедино, албанцев сколько можно на остров высаживаю. Пушки на остров свожу, две батареи на носу Шабо поставил. Но мало сего. Ведь послан я с кораблями воевать против флота неприятельского, а не крепостей. Сейчас же надо крепость взять. А где главный удар нанести? – Походил, пососал трубку и остановился перед картой, где вокруг острова была обозначена цепь русских и турецких кораблей. Блокада объявлена. Но как сломить осажденных? – Думаю, прежде Видо брать надо, – задумчиво сказал он и обернулся к Кадыр-бею. Тот не понял, взглянул на переводчика. Но и переводчик не понял, вопросительно согнулся к Ушакову.

– Предлагаю пройти мимо острова Видо. Там ключ от крепости… Найдем…

Несколько раз на флагмане и адмиральском катере прошел мимо каменистого задиристого Видо. Глаз подзорной трубы скользил по его скалистым бухтам, ощупывал выступы, скакал по вершинам. Морской служитель держал карту перед Ушаковым, а тот сверял все пометки, уточнял изгибы бухточек, отмечал места, где чернели темнотой жерл батареи. Нанес четыре, потом в глубине за кустарниками обнаружил пятую. Нет, французы не сидели на острове без дела. С октября рыли траншеи, окружали рвами батареи, прорывали каналы. Маслиновые деревья, поваленные на склонах, ежом выставили впереди себя сучья, сквозь которые прорываться было бы нелегко. У двух бухт, куда Ушаков замыслил высаживать десант, подозрительными казались торчащие концы каких-то жердей. Ночью послал на шлюпке гардемаринов с матросами разведать, не перегородили ли? Шлюпка скользнула в темноту. На палубе зажгли мощные фонари для ориентира. Через два часа гардемарин докладывал:

– Бухта перегорожена сетями и бонами из остатков корабельных мачт и стеньг, связанных друг с дружкой цепями и канатами. Немного в стороне бон не было, но зато в песок зарыли заостренные пали. Одна из них, скрытая в воде, ударила шлюпку. Два матроса упали в воду, сломали весло. Задумали они тут хитроумную заманку, чтобы шлюпки десантные на них напоролись и дальше не прошли.

– Молодец! – наклонился над картой Ушаков. – Мы сие тоже пометим.

К началу февраля он знал Видо не хуже, чем Ахтияр и все крымское побережье. Оступиться не мог, не имел права. Должен был действовать тут четко и безоплошно. Предстоял штурм, и он понимал, что, не взяв Видо, не покорит Корфу.

Накануне

Французские подзорные трубы были постоянно нацелены на русские корабли. Дорого бы заплатили главный комиссар Дюбуа и дивизионный генерал Шабо, чтобы узнать, о чем совещается со своими и турецкими капитанами адмирал Ушаков. Все могло быть. Он мог наконец понять, что крепости Корфу неприступны, и снять бессмысленную осаду. Он мог бы повести и какой-то торг с ними о почетном завершении операции. В гарнизоне же все больше чувствовалась тревога и неуверенность. Ушаков мог, конечно, решиться и на штурм. Но, черт побери, наверное, и чудаку понятно, что крепости флотом не берутся. А Видо и мощные крепостные батареи расстреляют приблизившиеся к суше корабли. Правда, в этом французские командиры убеждали себя без прежней уверенности. О чем же думает этот упрямый русский адмирал?

Ушаков же давно все продумал. Сегодня он отдавал приказ.

На корабль прибыли все капитаны. Первым появился Пустошкин, быстро проследовал в адмиральскую каюту. Зашел, протянул руки.

– Ну, Федор Федорович, здравствуй. Все верно и точно! Вчера со своим капитаном разбирал твои предписания. Места сомнениям нету. Все выверено. В бой пора.

– Не спеши, Павел Васильевич. Я вот вчера проехал по батареям, а там зарядов – кот наплакал. Если будем три дня возиться, они и выдохнутся. Французы их – голыми руками бери.

– Ну, Федор Федорович, мы быстрее управимся. А голыми руками им батареи ни в жисть не взять, там один Кикин полк расшибет.

– Да, славный воин. Вчера показал, где подкопы делает, где фугас заложил. Они там шуму натворят, а нам надо Видо брать в это время. Назначаю тебя командиром авангардии.

Ушаков еще раз задумчиво посмотрел на карту и приказал дежурному офицеру приглашать капитанов в каюту.

Шум быстро затих. Все понимали, что адмирал сегодня скажет им самое главное. Его славные капитаны, турецкие союзники, греческие вожаки, командиры батарей и штурмовых групп замерли. Адмирал как бы отделился от всех, встал и четко зачитал:

– При первом удобном ветре от севера или северо-запада, не упуская ни одного часу, по согласному положению намерен я всем флотом атаковать остров Видо; расположение кораблей и фрегатов, кому где при оной атаке находиться должно, означено на планах, данных господам командующим…

Все командиры склонились над планами, вырисовывалась картина, как пойдет в бой «Казанская Богородица» к первой батарее и ударит по ней всеми своими орудиями, как поддержит ее турецкий «Херим капитан» и «Святой Николай», как должны они потопить малые суда в бухтах, разбить укрепления, сбить неприятеля и тоже стать на якоря в предназначенных им местах. И дальше предписано было каждому место и действие: стрелять по батареям во все потребные места, стать на якоря, очистить места для десанта и по приказу гребным судам везти на высадку солдат.

– Не все вдруг! Не все суда посылайте. Пусть не теснятся, не попадают под ядра. А вашему десанту, господа Скипор и Боасель, побольше лестниц и досок тащить, перебрасывать их и мостки творить через рвы для атаки.

По десятку раз проводили пальцами капитаны по адмиральской карте, сверяли со своей, изучали диспозицию, вымеряли расстояния от батареи к батарее, которые Ушаков знал до метра.

– Ну вот, теперь все вам ведомо. Прошу сказать слово. Можем мы завтра штурмовать или еще пережидать будем?

Стало тихо. Вроде было и ясно, что штурм завтра, но прямой вопрос командующего заставил еще раз всех задуматься. Все ли готово? Все ли понятно? Все ли исполнят свой долг до конца? Надежны ли союзники? Было тихо и тревожно. Встал капитан-лейтенант Шостак.

– Мы предлагали французам: дабы не было ненужного кровопролития, крепость сдать. Они в гордыне и в надежде на вызволение отвергли сии человеколюбивые предложения. За сие наказание получить должны. Все в плане разработано до мельчайших подробиц. Сейчас нам самим команды привести в порядок, сообразный предписанию, надо. К утру к бою готовы будем и мы. Веди нас к победе, славный адмирал наш, Федор Федорович!

Все задвигались, поддержали в голос: «Правильно!», «Добро!», «Все готовы!», «Ждем сигнала!» Сказали и его капитаны, и греческие командиры. Турки молчали. Поглядывали на Кадыр-бея. Тот вздохнул и готов был начать, но вскочил Шеремет-бей и развел руками:

– Я не знаю, как достопочтенный адмирал думает взять саму крепость Корфу. Пусть даже, истратив боевой запас, он возьмет Видо. Но как взять бастионы и башни, как вскарабкаться на стены? Наши матросы еще не научились летать, чтобы вспорхнуть на стены с кораблей. А с суши вряд ли можно с нашими силами штурмовать неприступные стены. Надо продолжать осаду, пока не придут наши союзники – англичане. Мы в Турции знаем, что камень деревом не прошибешь!

Ушаков помрачнел, этого препятствия он не ожидал и перевел взор на Кадыр-бея: «Клялся ведь, что будет вместе в самых тяжких боях». Турецкий адмирал отвел взор, посмотрел на Шеремет-бея и вдруг, словно решившись на что-то важное, с необычной для себя легкостью встал и сказал:

– Предприятие сие кровавое и опасное. Однако мы знаем, что удача всегда сопутствует нашему доблестному другу адмиралу Ушак-паше. Отдадимся же без оглядки под его командование. И да сбудется воля Аллаха!

Турецкие капитаны склонили головы в согласии. Шеремет-бей смотрел в сторону.

Ушаков вышел из-за стола, оперся на спинку стула, его торжественный голос наполнил каюту:

– Мои боевые други, адмиралы, капитаны, доблестные союзники, командиры греческих ополченцев. Настал час! Завтра корабли и войска штурмуют бастионы крепости. Предстоит беспримерная морская операция. Флотом своим мы обязаны взять крепость приморскую. Войне сухопутной помочь всем должны.

Федор Федорович шагнул вперед, медленно оглядел сидящих и твердо закончил:

– Прошу именем Отечества нашего, императорской и султанской волей, для принесения многострадальным сим островам освобождения – явить завтра доблесть и мужество. Не жалеть живота своего, но понапрасну людей не губить. Не безрассудство надобно, а малокровный успех. Виктория принесет нам славу, чины, ордена и скорое возвращение домой. Завтра по установлении ветра подниму на «Святом Павле» флаг, сигнал для приготовления к бою, что будет означать: «Всей эскадре приготовиться к атаке острова Видо». Сигнал к общей атаке – два пушечных выстрела. С Богом, друзья! И будет завтрашний день вратами к славе и доблести многих. До свидания в крепости!

Штурм. 18 февраля 1799 года

Все явственнее становилось – надобно предпринимать штурм крепости. Иначе вся операция закончится крахом. «…Ежли мы не успеем скоро взять Корфу, также должно худых последствий ожидать, – пишет 27 января с корабля „Святой Павел“ Ушаков Томаре. – Италия теперь в худом и сомнительном положении, ежли французы осилят неапольское владение, приблизятся к здешним краям к Бриндичам по тракту и когда застанут нас, атакующих Корфу при высадке с кораблей наших многих людей на берег, буде мы не обезопасить весь остров кругом от десанта, и буде они, как-нибудь прорвавшись к острову, в том или другом месте высадят десант на берег тысяч пять или шесть, то могут оные прорваться в крепость, и тогда взять ее будет не можно».

К середине февраля Ушаков сделал все возможное для штурма: собрал сколько мог турецких и албанских войск на Корфу, сберег имеющиеся заряды для артиллерии, провел необходимую разведку, отработал сигналы, взаимодействие кораблей, артиллерии, пехоты. Умельцы-плотники сбили лестницы, подготовили щиты и доски. Много дней изучались подступы к крепости, побережье острова Видо, готовились подкопы и минные взрывы. В крепости росла тревога: пугала неизвестность, ибо ни один корабль противника в феврале в Корфу не прорвался. Но о капитуляции там не думали. Ушаков принимает решение – штурм.

…15 и 16 февраля необычайно оживленно было на флагмане русской эскадры «Святом Павле». К его борту непрерывно приставали шлюпки с офицерами от каждого корабля. Не успевали они отъехать, как подъезжали другие со штурманами этих же кораблей.

Утром 17-го сам командующий эскадрой отбыл на остров, объехал батарею, совещался там «ввиду крепости» с командирами десантной команды капитаном Дмитриевым и Кикиным, артиллерийским капитаном Юхариным, приглашал вожака повстанцев графа Булгариса и предводителей албанских и турецких войск Ибрагима-паши и Али-паши. Вернувшись на корабль, до глубокой ночи разбирал он с офицерами маневр каждого корабля и отпустил их на заре с приказом капитанам кораблей, артиллерийским командирам, штурманам прибыть к 10 утра на флагман. Совет провел быстро, все было уже обсуждено, согласовали действия с Кадыр-беем и всеми турецкими кораблями.

Наступила тревожная ночь 18 февраля. Как записано было в шканечном журнале корабля «Святой Павел», в час ночи – «ветер тихий, временно с нахождением шквалов», в пять утра – «ветер тихий, небо облачно, изредка блестящие звезды». «Их расположение благоприятно для вас», – мог бы сказать Ушакову посланник Томара, любивший гадать. Но не на звезды надеялся Ушаков, не зыбкое их мерцание порождало уверенность адмирала. Он уверен был в русских моряках, в опытности своих командиров, в их боевом умении, в четком и продуманном до мелочей плане военных действий.

В шесть утра взошло солнце. Как обычно, его приветствовал пушечный выстрел, в 6 часов 15 минут затрепетали флаг и гюйс. На всей эскадре прошло заметное шевеление. В 6.30 сигнал повторился. Один за одним поднимали якоря русские и турецкие корабли. Сигнал и два пушечных выстрела вызвали канонаду с южной и северной батареи.

Да, так начался победоносный штурм Корфу, так началась одна из самых знаменитых баталий Российского флота. Вначале вперед выдвинулись фрегаты «Казанская Богородица», «Святой Николай» и «Григорий Великая Армении» в сопровождении турецких кораблей. 130 сигналов с адмиральского корабля были лаконичны и четки, их значение было расписано заранее.

…атаковать первую батарею острова Видо…

…сбить пушки и отогнать людей от пушек…

…атаковать вторую батарею… сбить пушки… отогнать людей от пушек…

…поднять всей эскадре марс-реи…

…идти всем своим сим…

…атаковать третью батарею…

…встать на якоря и бить по батареям…

Видо кипел, как в котле. Русские корабли выстроились полукружьем, развернулись пушечными портами к берегу и опоясались вспышками. Ядра огненными стрелами проносились в ту и другую сторону – снесло земляное укрытие у второй батареи… перевернуло пушку на третьей… картечью скосило стрелков на вершине холма.

…Содрогнулся «Святой Николай», полетели щепки от грот-марса-рея… раскололась лодка с десантными орудиями… пошли на дно пушки, банники, пыжевики, пороховые картузы… отстегивая портупеи, сбрасывая подсумки, вырывались из водяного плена солдаты десанта.

Бой разгорался, но вот что-то в нем изменилось. Ушаков почувствовал, что вторая и третья батареи стреляют вразнобой и реже. Отдал сигнал:

– Эскадре вести десант между второй и третьей батареями…

Через несколько минут отдал второй:

– Эскадре вести десант между третьей и четвертой батареями…

Гребные суда заскользили к бухточкам и выступам острова. Флейтисты заиграли подбадривающую мелодию, под которую солдаты выскакивали прямо в воду, слегка приостанавливались, стреляли по верховым скалам, затем карабкались вверх. Одни бросали на рвы и канавы лестницы, другие подносили доски, образовывая легкие мосты, третьи расчищали завалы из колючих кустов, деревьев и камней припасенными заранее баграми. Все было продумано многоопытным адмиралом для штурма… Заминка, короткая атака – и французы выбиты со второй батареи. На третьей батарее поднят турецкий флаг. Затрепетал еще один флаг адмирала. Вчера в приказе Ушаков написал: «Вместо знамен иметь с собой флаги; флагов с собою иметь надлежит до десяти. Все батареи, которые овладены будут, поднимать на них флаги, оные означать будут нашу победу…» Флаги вздымались то здесь, то там. Победа приближалась…

А у Мандукио и у Баницы тоже кипело. Ядра колотили стены крепости, и те покряхтывали от мощных и частых ударов, боясь рассыпаться. На Сальвадор – предмостное укрепление французов – надвинулись, пошли, побежали албанцы, турки, русские пехотинцы. Гигантский взрыв вспучился пузырем перед стенами, забросил комья земли внутрь бастиона. Лестницы вырастали деревянным частоколом у стены. Французские солдаты бежали по вырытым ходам в крепость. Форт пал. Войска союзников готовились к новому прыжку.

А у Видо все кончалось.

– …всей эскадре умножить десант сколь наивозможно…

– …послать пушки к десанту между четвертой и пятой батареями…

Шлюпки, десантные корабли, фелюги, опорожняясь и застывая в ожидании, лепились к берегу.

Французы были загнаны на середину острова и там, вырываясь от турок, бежали к русскому флагу. И было от чего. За голову француза турецкие командиры выдавали несколько золотых монет. Немало для горца из бедного селения, да и для регулярного солдата вполне прилично.

Все деньги раздали им русские офицеры, да и солдаты выскребли карманы дочиста, спасая от усечения голов бывших врагов. Генерал Пиврон, что командовал сдавшимся гарнизоном, озирался на кровавое пиршество войны. Его самого только что вытащили из бочки, куда он спрятался от турецких ятаганов…

– …Кейзер-флаг на первой батарее! Видо наш! Ушаков кивнул и повернулся в другую сторону, там на «Богоявлении Господнем» было наверняка тяжко. Он сражался с «Леонардом» и фрегатом «Струне», не пускал подкрепление на Видо, бил по крепостным пушкам.

В крепости же не знали, откуда ждать основной десантный удар. Оттуда снизу, от батарей, или отсюда, из трюмов кораблей, что добивали Видо. Солдаты вели стрельбу на севере, на юге, здесь, у моря, и казалось, уже вся крепость в огне.

К вечеру стало тише. С кораблей на «Святой Павел» прибыли с донесениями посыльные, получили новые задания от Ушакова. С зарей предстояла атака…

Но она не состоялась. В восемь утра в заливе перед Видо показалась шлюпка под Андреевским флагом и флагом французского командующего. Адъютант вручил письмо Ушакову, подписанное Дюбуа и Шабо.

«Господин адмирал! Мы полагаем, что бесполезно подвергать опасности жизнь нескольких сотен храбрых русских, турецких и французских солдат за обладание Корфу. Вследствие этого мы предлагаем вам перемирие на срок, который вы найдете нужным для установления сдачи этой крепости. Мы предлагаем Вам сообщить нам Ваши намерения по этому поводу, чтобы прекратить пролитие крови. Если Вы желаете, мы намерены сделать, если Вы не предпочтете предъявить нам Ваши. Дивизионный генерал Главный комиссар Дюбуа, Главнокомандующий французскими силами Шабо».

Ушаков задержал посыльных, послал шлюпку за Кадыр-беем и положил сроку для капитуляции 24 часа.

20 февраля на корабле «Святой Павел» вице-адмирал Ушаков, капитан Кадыр-бей, главный комиссар исполнитель-ной Директории Французской Республики Дюбуа, дивизион-ный генерал Шабо подписали статьи о сдаче крепости.

Над крепостной башней были подняты русский и турецкий флаги, а Ушаков отправился в церковь совершить Благодарственный молебен.

За столом победителя

Ушаков попросил всех своих капитанов «помести по сусекам». Пригласил на прием Дюбуа и Шабо. Не хотелось в грязь лицом перед побежденными ударить. У него к ним во время осады была вражда, а сейчас появилось какое-то добродушие и даже нежное чувство: сдались все-таки. Ставил себя на их место и говорил твердо: «Нет, я бы не сдался». Но почему? Ведь губить людей бесчеловечно. Он военный и знает, что потери неизбежны. Его дело воевать. Но воевать разумно. Нет, он не сдался бы, потому что не допустил бы взятия Видо, сбил бы батареи у Мандукио и Святого Пантелеймона, не обозлил бы жителей налогами, притеснениями, грабежами. И дождался бы помощи извне.

Рассмеялся. Каков? Мыслит за французов. А они-то что сами думали? Вот и попытаем.

Французы прибыли вовремя. Дюбуа зашел первым и живо, обращаясь к Шостаку, который сразу переводил, прожурчал:

– Точность – вежливость королей, поскольку у нас королей нет, то наш генерал, – махнул в сторону Шабо, – считает точность обязательной для людей военных. Я с ним согласен.

Шабо хмуро взглянул на Дюбуа, кивнул Ушакову и добавил:

– Тем более это обязательное правило для побежденного.

– Ну, господа, – перебил их Ушаков, – давайте забудем о предыдущих ролях. Та пиеса завершилась. Сегодня встречаются коллеги, кои могут отвлечься от драматической постановки.

– Однако же, адмирал, разница в том, – перебил решительный Шабо, – что постановщиком этой пьесы были вы.

– Разница в другом, – строго добавил Ушаков, – погибло немало людей, которые могли остаться живыми.

– Не хотите ли вы сказать, – с вызовом спросил Дюбуа, – что нам не следовало сражаться, адмирал? Ведь мы же дали присягу.

– Нет, я хочу сказать, что вам следовало бы сдаться раньше. Ведь приезжал же Шостак еще в октябре… А впрочем, давайте пообедаем.

Ушаков пригласил гостеприимным жестом за стол. Дюбуа не заставил себя ждать и, воссевши на стуле, приценивающе оглядывал закуски. Ушаков поднял бокал.

– Выпьем, господа, за ваших родных и близких, что ждут вашего возвращения и будут рады видеть вас живыми, ибо жребий войны коварен и мог выбросить любые кости каждому из нас.

Французы молча выпили.

– Недурное вино. Русское? – поинтересовался Дюбуа.

– Нет. У нас, пожалуй, нет хороших вин. А горячее вино пришло к нам из Пруссии. Эта прусская водка вещь тяжелая. Я бы вас медовухой угостил, но здесь меду не достанешь. А французские вина лучше этого?

– О! – закатил глаза Дюбуа. – Прелестнее могут быть только молодые блондинки из Гавра, – комиссар захохотал, довольный своей шуткой. – Хотя, – поднял он палец, – некоторые и уверяют, что старые вина лучше, а я думаю, что вино должно быть не старше женщины. Те, кто думает, что вино пятидесятилетнее лучше вина двадцатилетнего, ошибаются. Вино хорошо в том возрасте, когда хороша женщина, – тоном знатока продолжал Дюбуа. – Дальше оно становится безвкусным, выцветшим, без букета, дряблым, с густым осадком – так же, как и женщина.

Ушаков несколько опешил от таких глубоких познаний комиссара, перевел глаза на Шабо и спросил:

– Скажите, генерал, сколько вы еще могли продержаться? И если не секрет, в чем увидели основную опасность для себя?

– Какой тут секрет. Вы сами все это знаете. Во-первых, ваша морская блокада. Она была непроницаема, и это породило в гарнизоне неуверенность и даже страх. Во-вторых, вы правильно поняли, что Видо – наша главная защита. Взяв его, вы могли свободно расстрелять нас артиллерией морских кораблей. И третье – суша. Вы создали там ад для нас. Повстанцы, албанцы, батареи. Вы великий флотоводец и стратег, адмирал. За ваше здоровье!

– Я охотно присоединяюсь к словам генерала и сделал бы это еще с большим удовольствием, если бы в роли победителей были мы. Но судьба была благосклонна к вам, адмирал! За вас это шампанское. – Дюбуа опорожнил бокал и хитро сверкнул глазами. – Но вот в деле шампанского Франция непобедима. Вы знаете, что еще римские императоры ценили лозу и вина из наших земель. Потом Божьи слуги – епископы, прелаты и монахи – продолжили виноделие, и им за это спасибо. Особо отличился монах Периньон, которому мы обязаны вот этими пузырьками. В 1670 году он не так закупорил бутылки, и мы имеем с тех пор «шипучее». Он же открыл то, что из разных лоз можно добывать разное по вкусу вино. Периньон ослеп, но до конца дней своих был хранителем подвалов братства Святого Петра. Секреты свои он передал своему помощнику – монаху Рюинару. И сия фирма, хотя и была потрепана в дни революции, существует и по сей день. Не хотели бы вы, адмирал, стать виноделом? – И, видя, что Ушаков недоуменно пожал плечами, разочарованно закончил:

– А жаль, мы бы с вами организовали великолепную компанию по сбыту вин в Америке и России.

Федор Федорович развел руками:

– Торговец из меня плохой. Я до конца дней своих флотом буду заниматься, – и засмеялся, – вот монахом разве на склоне лет, может, и заделаюсь. Птиц послушаю в саду. Я ведь не слышал птиц-то с детства, считай.

Когда Шостак перевел ответ, уже Шабо посмотрел на него с удивлением. Этот русский адмирал был ему все более и более симпатичен. Он, наверное, и сам не предполагает, сколь блестящую победу он одержал.

– Адмирал учел, по-видимому, наш горький урок при осаде Гибралтара вместе с испанцами еще в 1779 и 1783 годах. Он бывал там.

– Да, я бывал и слышал пушки Гибралтара. Вначале хотел даже сделать плавучие батареи, как это пытался адмирал Морено, но их опыт был, как вы помните, печален: они сгорели и потонули на виду англичан. Поэтому роль плавучих батарей отвел кораблям.

Шабо принял как должное это знание русского флотоводца. Но все-таки он поражался, что этот бывалый моряк отверг укоренившуюся теорию о том, что флот с моря может лишь блокировать приморские крепости. Он и сам был до сих пор в плену узких, известных всем морским и сухопутным командирам взглядов.

– А вы знаете, адмирал, что республиканский флот и гвардейцы не раз штурмовали крепости. Но им редко удавалось справиться с ними. Вы знаете о блокаде крепости Кальяри на Сардинии?

– Да, я знаю, что она окончилась неудачно в 1793 году, хотя там высадили на остров такой же десант, как и мы.

– Не такой, а больше. Всего пять тысяч человек. Флот-то наш действовал там хорошо, но подкачали марсельские волонтеры, они запаниковали и потребовали отправить их во Францию. Да вдобавок шторм, чуть рыб не накормили.

– Что же произошло? – поинтересовался Ушаков. Ему действительно были интересны уроки побед и поражений флота. Да он и знал, что предстоит еще не раз штурмовать приморские крепости.

– Я не был там. Но говорят, что время года было неудачное. Февраль.

Ушаков усмехнулся, и Шабо понял, что это неубедительно.

– Ну еще отсутствовало согласие между адмиралом Трюге и сухопутными командирами. Дисциплина в войсках и экипажах была ужасна. Все разболтались. Был период до революции, когда наши офицеры были чересчур образованны, были пропитаны ходячими теориями, для них солдат ничего не значил. Сейчас, к сожалению, наоборот, офицер не знает ни теории, ни тактики.

Дюбуа нерешительно возразил:

– Однако с солдатами и матросами стали обходиться человечнее, во флот пришло немало людей смелых.

– Да, они были смелы, но неопытны и необразованны. Система разрушается быстро, но восстанавливается долго. Наши революционеры у отличной организации флота, которую продумал Кольбер, заимствовали только те черты, которые достойны были сожаления. Это ниспровержение истинных правил иерархии, смешение военного флота с коммерческим, уход военных элементов из портов, невежество вместо знания. Никто уже больше не слушается морских офицеров, чиновников, инженеров. А ведь должна же быть дисциплина! – обратился неожиданно Шабо к Ушакову.

Русский адмирал с интересом слушал о том, что происходило во французском флоте. Переспрашивал Шостака. Попросил сменить блюда и принести сладости, шербет, кофе. Закончив распоряжаться, ответил на вопрос:

– Без дисциплины побед не добиться. Но с солдатами и моряками звереть негоже. От их духа и бодрости, от доброты к ним победа зависит. Да еще от

умения командирского, от снабжения, от ветров попутных, от кораблей хороших, от пушек скорострельных, от храбрости. Да мало ли от чего. Все это, правда, в один узел редко стягивается. Так вот и зависит все от матроса до командира, от командира до матроса… Ну, ладно об этом. Как мы условились в соглашении, вы, Дюбуа, едете в Тулон, и мы даем вам двадцатипушечник, а вот Шабо в Анкону. Не так ли? Какие просьбы? У вас, Дюбуа?

– Я хотел бы взять с собой мебель, изготовленную венецианцами.

– Хорошо, если это не чужая собственность. А вы, Шабо?

– А я хотел бы иметь на память от победителя небольшую вещь. Не откажите в любезности.

– Ну что вы, генерал. Я рад был с вами познакомиться, здесь, за чашкой кофе, больше, чем у крепостных стен. Но если вы серьезно, то вот держите эту вещицу. – И Ушаков протянул Шабо табакерку. – Давайте больше не встречаться в боях. До свидания.

Амнистия

…Дни после падения Корфу летели еще быстрее, чем до штурма. Каждый день приносил адмиралу заботы, хлопоты и опасности. Сегодня за длинным, потемневшим от времени столом собрались люди, с которыми он хотел посоветоваться. Решение для себя уже принял, но надо было проверить его на людях, опереться на их мнение, определить угрозы к исполнению. Народ собрался разный – его соратники, боевые командиры кораблей, руководители греческих повстанцев, высокородные нобили, пылкие второклассные. Тяжело опустил на стол свои мужицкие руки священник Дармарос, ножичком сосредоточенно чистил ногти Граденигос Сикурос ди Силлас, живо жестикулировал Палатирос. Пожалуй, за каждым из них и стояла та сила, мнение которой хотел знать Ушаков.

– Достопочтенные господа! Свершилось событие великое. Корфу, как и все Ионические острова, ныне освобожден эскадрой союзных войск! Волю императора нашего объявляли мы уже не раз: Россия здесь выгод своих не ищет и не претендует на приобретение земель. Но претендует она на то, чтобы восстановить на островах сих порядок и спокойствие. Было до сего времени здесь немало злоупотреблений и своевольства. Не все действовали по злому умыслу. Обстоятельства молодых людей ввели в погрешность, если сие так называть можно, но раскаяние их освобождает и делает вновь достойными общества. Я от них соболезную и с удовольствием в погрешностях их прощаю.

Адмирал обвел взглядом присутствующих. Все напряженно слушали. Дармарос разжал кулаки, Сикурос ди Силлас сложил ножичек и спрятал его в футляр, Палатинос что-то стал записывать на клочке бумаги. Адмирал, чувствуя важность момента, встал и торжественно объявил:

– С сего дня, как и заявляли мы перед низвержением тиранического режима, объявляем мы амнистию. В прокламации союзнического командования мы признали прекратить распри, забыть обиды и простить содеянное. Мы так и написали там: «Люди всех сословий и наций, чтите властное предначертание человечности. Да прекратятся раздоры, да умолкнет дух вендетты, да воцарится мир, добрый порядок и общее согласие на всем острове». Амнистию таковую мы завтра и объявим на островах!

Адмирал сел. Палатинос захлопал в ладоши: «Мудро! Великодушно!» – выкрикнул он, не дав установиться тишине.

Сикурос ди Силлас выждал паузу и, склонив голову к плечу, медленно растягивая слова, чтобы дать возможность перевести, спросил:

– Значит ли это, что не будут наказаны бунтовщики и мятежники, захватившие земли и имущество почтенных граждан?

Ушаков хладнокровно ответил:

– Подобные дела надо предать забвению и примирить. Сикурос ди Силлас хотел было возразить, но Ушаков не дал и слова сказать.

– Противу сего я не хочу слушать никаких доводов.

Булгарис, назначенный руководителем, стал решительно поддерживать русского адмирала. Амнистия необходима, говорил он, чтобы не дать рассыпаться только что освобожденному обществу. Все осложнилось в этом мире, и надо, чтобы он не рассыпался и не погреб под своими обломками всех нас, простить бунтовавших.

Сикурос ди Силлас снова возразил:

– Прощение – значит разрешение к новым бунтам и беспокойствам. Надо посадить бунтующих, зачинщиков расстрелять, а все забранные земли отобрать.

Орио неодобрительно покачал головой. Дармарос поднял руки, как бы сдерживая ненависть и злость, и, обращаясь к Ушакову, уважительно сказал:

– Господин адмирал, великая мудрость движет вами. Кровь породит новую кровь, наказание – новых обиженных. Островная церковь благословляет вас на сей богоугодный акт.

Ушаков удовлетворенно кивнул и посчитал разговор законченным. Дежурный офицер подошел и что-то тихо доложил ему.

– Пусть заходит. Послушаем на прощание эту просьбу.

В комнату, поддерживаемый двумя пожилыми греками, вошел древний старец. Он поводил головой по сторонам, нашел сидящего в торце стола Ушакова и упал на колени. Адмирал жестом приказал встать.

– Говори!

Старец вытер слезу и четко сказал по-русски:

– Благородный адмирал. Прости моих оболтусов. Закружила им голову французская зараза. Думали, что волю Греции несут, и пошли вслед им. Сейчас их арестовали. Судить хотят, – старик горестно вздохнул. – Не враги они нашей единоверной России. Не враги, а глупцы. Помилуй их. Отпусти с Богом. Прикажу им, так же как сам, много лет в Черном море служить верой и правдой русскому флагу.

Старец снова упал на колени. Ушаков торопливо вышел из-за стола, поднял его под руки и спросил:

– Как звать-то вас, отче?

– Афанасий! Афоней ваши моряки кликали.

– Вот что! – повернулся к адъютанту. – Передай майору Дандри! Пусть приведет младых сих карманьолов к присяге, а после того непременно их простить… подобных им сделать свободными, а подобные дела предать забвению и примирить. Ты же, отец, будь спокоен. Был ты честен и долгу своему предан, и мы этого не забудем. Ступай! Все будет по-доброму!

Старик низко кланялся, отступая до самой двери, и, перекрестив адмирала, удалился. Ушаков повернулся к сидящим и тихо сказал:

– С таковыми несчастными, какой сей старец, обще я соболезную об их состоянии… Какова тут может быть кара? Прощать надо. Они нашими самыми большими друзьями станут…

… На островах объявили об амнистии.

Ионическая конституция

Пороховой дым над крепостью Корфу оседал, четко вырисовывались неприступные доселе бастионы и башни, кое-где зияли бреши, выступали острые каменные обломки зубцов. Однако в целом крепость сильно не

пострадала и снова превращалась в неприступную твердыню, но на этот раз уже союзнических войск России и Оттоманской Порты. В развалинах же лежала вся система управления Ионических островов. Многовековая венецианская власть рухнула, новые французские порядки рассыпались. Нобили с облегчением вздохнули. Наконец-то им вернут все их земли, имущество. Они безраздельно будут властвовать в Генеральном совете. Только родовитость и знатность дает право на власть, на управление и привилегии. Всех второклассных, простых, «черный» люд надо призвать к порядку, приструнить, наказать, чтобы неповадно было покушаться на чужую собственность и права аристократов. Сомнений в установлении строгих порядков не было. Ведь эскадра, которая их освободила, послана двумя самыми абсолютными монархами, сохранившими свои привилегии в неприкосновенности от французского республиканства и заразы либерализма.

Все так. Но события на островах разворачивались по-иному. Потому что во главе сил союзников стоял адмирал Федор Ушаков. Не приходится сомневаться в его державных убеждениях, приверженности существующим порядкам. Но не приходится сомневаться и в его аналитическом уме, рассудке, практическом и гибком уме, способности трезво взвесить общественные и политические факты, сделать самый точный и необходимый вывод из ситуации. На Ионических островах Федор Ушаков предстает перед нами как умный и тонкий политик, как расчетливый управитель, умный организатор.

Каково будет правление на Ионических островах, кому будут принадлежать они? Жители островов об этом не знали. Они желали быть самостоятельными, связывали свою свободу с Россией, панически боялись османов и всей системы турецкого правления. В это время в Константинополе шли долгие и упорные переговоры. Турки давно желали видеть острова своей колонией, в крайнем случае иметь тот удушающий протекторат, который был у них над Дунайскими княжествами. У Павла I не было никакого желания включать острова в состав Османской империи. Если нельзя сделать самостоятельное греческое образование, следует преобразовать его в самоуправляющее государство, с собственной конституцией под верховной властью султана. Примером была Дубровницкая (Рагузинская) республика, пребывавшая под властью султана лишь формально. Ушаков видел непреклонную решимость греков противостоять турецкому владычеству, старался повлиять на Томару истинной информацией.

«Буде отделены будут они от протекции России, так заметить должно, даже до бешенства дойтить могут, столь боятся они малейшего роду подданства туркам».

Федор Федорович Ушаков был человек слова, и при установлении верховной власти Порты его в немалой степени тревожило, что «островные

греки» посчитали бы пустословом, «обещалкиным», нарушителем обязательств, данных в «пригласительных письмах». Слово же свое он ценил высоко: «А я всякое данное мною слово **старался сдержать верным, через то и имеют ко мне наилучшую склонность и веру, это мне много помогает в моих деятельностях».**

Да, это был принцип Ушакова, и это тоже делало его **замечательным человеком.**

Константинопольская конвенция о статусе островов была подписана 21 марта (1 апреля) 1800 года, а до этого Ушаков, конечно, получая указания и пожелания из Зимнего дворца и константинопольского посольства, утверждал на островах новый режим управления. Сложилась парадоксальная ситуация. Самая боевая часть населения, оказавшая союзной эскадре наибольшую помощь, пришла в столкновение с нобилитетом, который себя считал «естественным союзником» российского императора. Будь на месте Ушакова другой русский командующий, вельможа и аристократ, нет сомнения, что ход событий был бы другим. Адмирал Ушаков был реалист, он отнюдь не исповедовал французскую республиканскую веру, но почувствовал произошедшие изменения в обществе, увидел во второклассных серьезную опору России и во имя эфемерной солидарности с аристократами не считал нужным поступиться принципами и союзными обязательствами.

Как гром среди ясного неба прозвучало для нобилей после освобождения Корфу слово «амнистия». Как амнистия? Кому? Этим «карманьолам», грабителям, зачинщикам бунта? «Да!» – твердо отвечал разумный и спокойный адмирал. Да! – во имя «мира, тишины и спокойствия». Вот чем руководствовался Ушаков, а не предрассудками и стремлением ублажить нобилей за их былые страхи и потери. Русское командование отнюдь не брало сторону «черни», как в один голос запричитали ионические аристократы и русские дипломатические представители (вице-консул Загурийский и генеральный консул на Корфу Бенаки). Нет, оно не хотело раздоров и новых кровопролитий. Аристократы жаждали крови. Трудно отказываются от привилегий в этом мире, мало у кого хватало ума сделать это по своей воле. Лишь буря революции и решительная власть делают это каждая по-своему. Ушаков хотел силой власти подправить несправедливость, очевидную для многих. Избранные объявили войну русскому адмиралу. Он – освободитель Ионических островов, одержавший блистательную победу под Корфу, непререкаемый флотоводческий авторитет – стал ненавистной фигурой для бывших венецианских аристократов, для закоснелых в своих консервативных взглядах подданных Российской империи, – дипломатических представителей.

…Ушаков решительно отверг тактику репрессий. Нет, он принимал «под защиту» нобилей, распускал после взятия крепостей крестьянские отряды, но

настаивал в большинстве случаев на прощении тех, кто громил в свое время нобилей. Более того, он не требовал обязательного возвращения ими земли и имущества, захваченного у нобилей. Хватит, считал он, насилия и крови, нужны мир и согласие. «Мы всех бывших в погрешностях по таковым делам простили и всех островских жителей между собой примирили, потому и имения от них или от родственников их отбирать не надлежит».

Нобили захлебнулись от возмущения: «Ну и защитник выискался». А русский адмирал повторял: «За всем тем полагаю – лучше все, что можно, простить, нежели наказать, а особо чтобы в числе виновных безвинные родственники не страдали».

Так в суровом военном человеке проявился гуманист и сострадалец, реалист и подлинный политический стратег.

На островах один за одним ввели местное самоуправление. На Китире и Закинфе в органы управления вошли и второклассные. Еще один удар по самолюбию и доходам аристократов. На Китире же Ушаков (и по-видимому, не без воздействия полюбившегося ему Дармароса) разрешил крестьянам («мужикам островным») выбирать даже собственных судей. Этого уже не могли понять и русские дипломаты, выразители официальных взглядов Российской империи. Вице-консул Загурийский и генеральный консул Бенаки застрочили письма в Константинополь Томаре и в Коллегию иностранных дел в Петербурге. Бенаки сам, может, и не принадлежал к крайне правому крылу, вначале терпимо отнесся к стремлениям Ушакова ограничить безудержную власть нобилей, но, когда он увидел, что адмирал сочувственно относится к крестьянам, его верноподданническое сердце не выдержало. Он начинает пугать российскую Коллегию иностранных дел: «…крестьяне считают возможным не платить установленные налоги», ибо «господин адмирал… во время осады обещал им, что их не будут преследовать за все, что они учинили против нобилей, не позволяет их хоть чем-нибудь обременить, чтоб оградить их от мести». А на Корфу, строчит он в Петербург, «крестьяне в открытой войне против нобилей и считают, что не обязаны им повиноваться, так как во время осады Корфу его превосходительство адмирал призвал их послужить общему делу… и после сдачи крепости обещал им амнистию». Да, это был уже донос, вначале, может быть, от испуга, а потом от понимания, что Томара, петербургские дипломаты и Павел I думают так же. Ушаков же не останавливался в своей необычной преобразовательской деятельности. Он активно, даже больше, чем можно было ожидать от командующего эскадрой, включился в дело организации центрального управления и разработки знаменитого «Временного плана» – Конституции первого греческого государства.

В мае 1799 года на островах состоялись выборы в Сенат, главной задачей которого была разработка новой Конституции. И здесь сказалось влияние Ушакова, в нем заседали рядом с нобилями второклассные. Президентом Сената, по рекомендации Ушакова, избрали графа Орио. Любопытно, что граф был католик, чистый венецианец, отнюдь не безупречен в иерархии нобилей. Ушакова, по-видимому, привлекло в нем безоглядное желание служить новой силе, умение приспособить свои аристократические устремления к реальной возможности, а также его дипломатическое умение, отсутствие, когда это было необходимо, «венецианской спеси», желание сотрудничать со второклассными. Такой гибкий политик устраивал Ушакова, да к тому же тот и сам был в прошлом контр-адмиралом венецианского флота. Так что было о чем поговорить, о чем поразмышлять двум морякам, двум капитанам. Правда, макиавеллиевская школа венецианских политиков, которой в немалой степени следовал Орио, так и не была постигнута русским адмиралом, ибо была противна его существу.

Предварительный план Управления освобожденными от французов бывшими венецианскими островами и порядка, который может быть на них установлен («План временного правления» – «Временный план об учреждении правления»), новая Конституция были разработаны при активном участии Орио и, конечно, самого Ушакова.

С одной стороны, в ней консервировались старые порядки (сохранились сословия, привилегии дворянства и т. д.). Это так. Но были и существенные сдвиги, что делало ее одной из самых демократических на тот период конституций в Европе. Ее существенным звеном стало нововведение – избирательные права предоставлялись и части второго класса. Правда, получали из них это право те, кто одновременно получал и дворянское звание. Кроме того, надо было исповедовать христианскую религию, а главное – иметь фиксированный доход. Временный план определял органы центрального и местного управления, так называемые Генеральные советы на островах. Они избирали общереспубликанский Сенат с центром в Корфу, который тоже включал второклассных. Для реакционной охранительной атмосферы Европы идея слияния наследственного дворянства и части второго класса в новый сословный институт, безусловно, была прогрессивной. Неограниченная власть нобилей была подорвана, на арену вышла предприимчивая буржуазия. Особо прогрессивной следовало считать статью, позволяющую получать дворянство на основе «знания или таланта». Это уже была уступка художественной интеллигенции, в немалом количестве находившейся на островах.

Временный план ничего не отменил в сословной наследственности, но он поставил убийственный для аристократов вопрос о возможности приобретения дворянства. При большой собственности и за личные заслуги. То есть отныне

было «не от Бога идущее», не только извечное владение титулом и званием, а и приобретенное, полученное из рук новой Республики. Страшны были последующие вопросы: «А что будет дальше? А где граница в овладении правами?»

И еще одна из существенных сторон новой Конституции. Она ознаменовала собой появление греческой национальной государственности в новое время. Еще ограниченное, еще не полноценное, но самостоятельное, автономное греческое государство с введением греческого языка порождало рост самосознания у островных греков и всего населения Пелопоннеса.

Временный план был детищем Ушакова, он к нему и отнесся серьезно, ответственно и хотел в нем создать предпосылки для мира и равновесия, хотел примирить враждующие стороны. Он видел, что народ не хочет жить по-старому и безропотно подчиняться нобилям, их амбиции, утверждает он в письмах в Петербург и Томаре, непомерны и опасны, приведут к беде. «Тогда народ всех островов никак удержать будет невозможно от великого негодования и мщения над ними» и «предвидимые из того следствия отвратить трудно, кроме как силою войск, но и то будет тщетно, всегда войска наши в островах быть не могут, острова сии предвижу я пропавшими».

Если до выработки временного плана нобили еще надеялись, что главнокомандующий русской и союзной эскадрой повернется к ним лицом, станет их главным покровителем, то с утверждением его Ушаковым стало ясно, что не в нобилях видит адмирал опору русской политики, не в нобилях, а во второклассных, которые должны были смягчить и выступление «нижнего народа». Он надеялся, как писала А. Станиславская, что «второй класс окажется чем-то вроде между народом и аристократией». Однако примирения, естественно, не произошло, но не произошло той кровавой резни, что учинил Нельсон над республиканцами при взятии Неаполя. Судьба временного плана решалась в Петербурге и Константинополе. От усилий адмирала Ушакова это не зависело, но он, правда, тогда об этом не знал…

История – вещь сложная, в ней часто происходят «перевертыши», когда одни и те же идеи воспринимаются в разное время по-разному, да и при воплощении дают непредвиденные результаты. Так, многие просветительские идеи, лозунги, безопасно звучавшие в устах молодой императрицы или ее просвещенных вельмож, вдруг гневным возгласом Радищева разрывали тяжелое облачение империи и обнажали ее боли и болезни или преобразовывались в язвительные выпуски новиковских журналов, призывы «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Что-то из просветительских и демократических идей XVIII века видоизменялось в головах разумных политиков, умудренных государственных мужей конца столетия. Они предлагали свои проекты преобразований, учитывая бурные

изменения в Европе и жар пугачевских угольев. В русском обществе известны были аристократически-конституционные мысли Н. И. Панина, многие знали, что мудрейший политик екатерининской и павловской эпохи А. А. Безбородко подготовил секретный проект, в котором зазвучали реалистические оценки происходящего в мире. В русской общественной жизни вызрела группа политиков, понимающая необходимость изменений, необходимость приспособления к новым послереволюционным реальностям. Некоторые из них попытались реализовать свои проекты при слабом сочувствии уже Александра I (М. М. Сперанский), другие ограничились проектами (Н. Н. Новосильцов, П. А. Строганов, А. А. Чарторыйский). К реалистам принадлежал и Ушаков. Однако его деятельность выходила за рамки аристократической верхушки, отличалась прогрессивными чертами. Нет, не только просветительские западные идеи лежали в основе его политики. Русская народная практика, народное мировосприятие, матросская взаимовыручка, просматривающаяся под религиозной оболочкой, вера народа в социальную справедливость и лучшее будущее не могли не повлиять на образ мысли и действия близко стоящего к народу русского адмирала. Отсюда проистекают его принципы, его защита «многих», его требования соблюдать «пользу общественную» так, чтобы «народ, многие тысячи» не страдали от «немногих» (нобилей). Он, представитель верхушки власти, отнюдь не потворствовал сословной спеси и социальной нетерпимости аристократов, резко выступал против «венецианской гордости», которую считал отнюдь не национальным свойством. Свою линию он видел в уравновешенности, соблюдении равновесия между нобилями и «многими тысячами». При его терпимости, человечности, стремлении осуществлять власть «без потери людей», великодушии, верности слову – это была безусловно прогрессивная, демократическая политика.

Россия и Греция. Между народами этих стран всегда существовала взаимная симпатия и расположенность. Греческая культура была одним из животворных источников для воссоздания одной из самобытных национальных культур мира. Греческая мифология помогала создавать в XVIII веке образы новых героев. «Россов непобедимых», отверзших врата и окна в Европу, вставших на Балтике и Черном море, на Аляске и Каспии. Русские паломники, останавливаясь на Афонской горе, с горечью и сочувствием оглядывали далекие окрестности некогда светоносной Эллады, находившейся под тираническим гнетом шатающейся, но еще прочной Османской империи. Греция подвергалась периодически опустошительным набегам, из ее вен выкачивалась молодость, знание, богатство. Казалось, можно было угаснуть на этих безрадостных и гибельных дорогах истории, но греческий народ сохранил дух, веру, надежду на будущее возрождение. И его естественным союзником и другом была Россия. Немало значило, конечно, и единоверие, борьба против общего врага. Внешняя политика по отношению к будущей независимости Греции и России только вырабатывалась, и Федор Федорович Ушаков был ее

зачинателем. Линия на дружбу, взаимное доверие, уважение мнения народного – разве не дороги эти его принципы и нам сегодня, разве не руководствуемся мы этими драгоценными правилами, утверждавшимися в наших взаимоотношениях и Ф. Ф. Ушаковым.

Козни Форести

Форести, многолетний консул англичан, снова ревностно заработал на Ионических островах. Его преданность далекой Англии была хорошо известна. Правда, никто не искушал ее более высокой платой. Французы просто изгнали его, австрийцам было не до его связей, турки решали эти вопросы обычно лезвием ятагана, Ушаков же, блюдя союзнические обязательства, крепость веры консула на блеск золота не испробовал. А зря. Золото Форести любил и готов был за него сделать многое. Ушаков же золота на подкуп не имел и как бы не замечал Форести. И опять зря, ибо такие люди пренебрежение и даже безразличие не прощают. Форести верно служил Англии и добросовестно насаждал на островах английскую агентуру, а еще стремился досадить этому большому русскому адмиралу. Распускал о нем слухи, поддерживал ревность у Горацио Нельсона, извращал намерения русского адмирала. Да знал ли он их? Почти не знал, ибо сам пользовался доносами своих агентов, а Ушакова смертельно боялся. Ненавидел и боялся. Он нередко появлялся на турецких кораблях. Его любимыми собеседниками были Махмуд Раис-эфенди и Шеремет-бей. В разговорах с ними он не щадил русских союзников. С Раис-эфенди они отводили душу, говоря по-английски, вспоминали лондонские увеселения и порядки. Шеремет-бею он расписывал высокие качества адмирала Нельсона, его преданность устоям, аристократическим порядкам. Любимым занятием всех троих было ругать Ушакова. Тут уж смешивались все три стиля: турецких беев, греческих торгашей, английских напыщенных аристократов. «Этот русский медведь опять ругает достойных людей, опять завел дружбу с чернью. Сомнительно как-то, что он принадлежит к вершинам русской власти», – обычно с этого начинал свои нападки на Ушакова Форести.

– Англичане никогда бы не поручили командование такой сложной экспедицией столь низкородному человеку (Махмуд Раис-эфенди вроде бы и забыл, что Нельсон был далеко не родовитый аристократ).

– Он окружил себя смутьянами, заговорщиками, не советуется с союзниками, все решает единолично (Шеремет-бей как бы и не знал, что Ушаков часто приезжает к Кадыр-бею, собирает совместные советы).

Злость и желчь затуманивают рассудок, лишают многих людей объективности и порядочности. А потому в отношениях с Ушаковым Форести, Махмуд Раис-эфенди и Шеремет-бей таковыми и не обладали.

– Думаю, высокочтимый султан Селим III пройдет сквозь все соблазны союзничества с Россией и выйдет на дорогу доброго сотрудничества и дружбы с великой Английской державой. Ибо она только может предложить султану и лучшие пушки и лучшие советы по ведению державных дел.

Форести знал, что в султанском Серале вели поиск новых решений, которые должны были облегчить участь разламывающейся империи. И он искренне был убежден, что лишь на пути следования английской традиции могла что-либо приобрести государственная власть османов. В этом был убежден и Махмуд Раис-эфенди. Шеремет-бей сомневался в том, что на турецкой почве могут привиться европейские порядки. Он не любил этих необрезанных гяуров и только по жесткой необходимости общался с ними. Особенно его раздражал Ушаков. Он раздражал его своими победами, славой, что сопровождала адмирала всюду, обожанием, которое выказывали ему греки, своим неторопливым и основательным умом, дружбой с Кадыр-беем, независимостью, которую он, бей, не мог себе позволить. Но он видел в англичанах ту силу, с помощью которой можно было попридержать размах Ушакова, ограничить его влияние, а на ссоре двух гигантов и выиграть что-нибудь. Посмаковав кофе, он сказал, как всегда, не то, что думал:

– Да, английские порядки достойны подражания. Англия обладает великими полководцами и победоносным флотом. Надеемся, что он скоро возьмет крепости Мальты, – Шеремет-бей саркастически улыбнулся, – хотя генерал Бонапарт и адмирал Ушаков провели атаку морских крепостей более стремительно и успешно.

Раис-эфенди не дал докончить мысль и, как бы боясь, что английский консул обидится, перебил Шеремета:

– Известно, что они действовали обманом. Бонапарт усыпил мальтийских рыцарей, распространял слух о том, что высадится на Балканах, а Ушаков пользовался английскими советами и спешил взять Корфу без их естественной помощи.

«Отнюдь не так», – думал про себя Шеремет-бей и опять сказал не то, что думал.

– Конечно, Ушак-паша везде пытается действовать самовластно. Но почему бы, – обратился он к Форести, – и нашим союзникам не отказаться от помощи Ушакова, не атаковать самим Мальту? Зачем адмирал Нельсон шлет письма русским с просьбой послать на Мальту десант? Вы представляете, что там будет, если русский флаг поднимется на крепости Ла-Валетты?

Форести занервничал, он и сам опасался этого, неужели они там, в Уайт-холле, и Нельсон не понимают, что русские пользуются популярностью у

мальтийских островитян, что их император-самодур всерьез считает себя покровителем рыцарей-мальтийцев.

– Нельзя допустить восстановления их ордена, – вслух поразмышлял он. – Вот ведь и ваш султан будет доволен, что их корабли окончательно уберутся из Средиземного моря.

Раис-эфенди встал и, подражая своим британским друзьям, походил, держась за лацканы мундира.

– Надо сделать все, чтобы русская эскадра не зацепилась за Мальту. И вы, господин консул, доведете до сведения английских высочайших лиц то, что у них в этом вопросе среди турецких военачальников вы найдете понимание. – Он вопросительно взглянул на Шеремет-бея, но тот опередил его и закрыл глаза, чтобы не делать лишних обязательств. Он понимал, что и без их согласия Англия не горит желанием делиться плодами победы с русскими. Но победы-то не было. И для нее, пожалуй, англичане могут скрепя сердце пригласить Ушакова в Италию и на Мальту.

– Попробуйте вот это ореховое варенье, – вдруг встрепенулся он, – не кажется ли вам, что скоро его не будет на островах, ибо адмирал Ушаков под корень решил вывести самых крупных земельных владельцев. Его союз с второклассными удручает.

Форести, казалось, только этого и ждал. Из благообразного англичанина, которым ему хотелось себя представить, он превратился сразу в толстого и крикливого греческого торговца. Лицо его пошло пятнами, одна рука задергалась и нервно стала перебирать край сюртука.

– Вы должны знать, что нобили острова недовольны, нет, ненавидят Ушакова. Он сотворил заговор с целью их уничтожения, а также… – Форести приглушил голос и, склонившись к Шеремет-бею, произнес по-турецки: – Он решил организовать с помощью второклассных переворот и выступление против турецкого гарнизона. Турки будут вырезаны. Он заявит, что надо вывести турецкие гарнизоны, и станет единовластно править на островах.

Махмуд Раис-эфенди с полным согласием кивал головой, а Шеремет-бей, прищурив один глаз, изучающе смотрел на английского посланника. Форести, чувствуя недоверие, заторопился:

– Да-да. Мы имеем сведения из окружения Ушакова. Нам это недешево стоит, но мы знаем все его планы. Думаю, что вашему адмиралу Кадыр-бею надо поставить в известность двор султана, надо остановить возвращение к французским порядкам.

Махмуд Раис-эфенди продолжал кивать головой, Шеремет-бей прикрыл второй глаз.

Итальянская кампания

Ушаков переходил ко второй своей задаче. Он должен был помочь очистить Южную Италию от французских войск. Там, на самой модельной части Апеннинского сапожка, расположилось Неаполитанское королевство. Только в 1734 году обрело оно свою независимость от Испании. Королевство объединило территорию шести областей Южной Италии – Кампании, Калабрии, Базиликаты, Апулии, Абруцци, Молизе и Сицилии. После Карла Бурбона, первого владетеля королевства, престол занял его сын Фердинанд IV, женившийся на 16-летней Марии-Каролине – дочери австрийской императрицы Марии-Терезии. Фердинанд был человек безвольный и недалекий, Мария же Каролина была необычайно энергична, честолюбива, экспансивна. Двор короля был роскошен, аппетиты королевы неограниченны, подданных не жалели, богатство приобреталось быстро и с такой же скоростью пускалось по ветру. При всем при этом Мария-Каролина последовательно отсекала испанские связи и традиции, что объективно усиливало итальянские начала в королевстве. Находясь между поглощающей лакомые итальянские кусочки Австрией, дряхлеющей Испанией, новой динамичной Францией, тушей Оттоманской империи, соприкасаясь с запустившей щупальца морского флота в Средиземноморье Англией, Неаполитанское королевство постоянно искало себе союзников. Таким союзником неаполитанцев, не только в силу монархических симпатий императора, а по причине объективной заинтересованности двух стран в дружбе, политических и экономических связях, стала Россия. Дипломатические отношения между Королевством обеих Сицилии[21] и Россией были установлены в 1777 году. Они сразу же характеризовались обоюдным вниманием. Первый неаполитанский посол Муцио да Гаэта герцог Сан-Никола, по словам Екатерины II, «говорил по-русски как русский» и даже перевел на итальянский язык «Россиаду» Хераскова, а также поучения Екатерины своему внуку Александру. Ему передавались, по указанию императрицы, лучшие русские книги. Значит, был интерес. Продолжал его дипломатическую миссию при Екатерине и при Павле Антонио Мареска герцог Серракаприола, отличавшийся умом, политическим опытом, умением находить контакты с многочисленными русскими людьми[22] и ставший одним из известных и авторитетных европейских дипломатов.

Россия тоже посылала в Неаполь своих достойных представителей, людей образованнейших и умных. Первым из них был Андрей Кириллович Разумовский, племянник фаворита Елизаветы. Человек он был способностей

необычайных, окончивший привилегированное учебное заведение в Петербурге и Страсбургский университет, побывавший на службе в английском флоте, вдохнувший запах победы в Архипелагском походе в 70-е годы. В Петербурге души не чаяли в Разумовском, сделали камер-юнкером при наследнике престола, он многое постиг от всезнающего и мудрого Никиты Ивановича Панина. Но его попытка влиять на наследника, вдохновлять того на далеко идущие планы окончилась крахом. Вначале, обнаружив какие-то компрометирующие бумаги, его сослали в Батурин, а потом Екатерина, учитывая «несомненные таланты», хотя и решила держать Разумовского вдали от двора, но «не лишила при этом ни себя, ни Отечества (его) службы».

Он и был творцом, или, вернее, умелым оформителем русско-неаполитанских отношений долгое время. В этом ему усердно помогала Мария-Каролина, обвороженная красивым русским посланником. Однако интриги вышибли Разумовского из кресла посланника, туда сел Павел Мартынович Скваронский, один из богатейших людей России. Этот богатей был человек с принципами и со странностями. Он был придирчив к почестям, которые должны были оказывать русскому флагу, имени императрицы, России. Особо он любил музыку и пение. Во дворце посланника в Неаполе слуги, подавая кушанье или докладывая, пели. Да что слуга, даже гости, если желали понравиться, должны были говорить речитативом. Но и он «не пропел» дипломатические связи, а укрепил их. При Скваронском в дальнее путешествие для ратификации «Трактата дружбы, мореплавания и торговли» отправился маркиз Галло. Будучи неаполитанским посланником в Вене, он получил важное задание и попал в пышную процессию Екатерины II, следовавшую по дорогам Малороссии и Крыма.

Нет, не только для празднества было предназначено путешествие. Здесь проводились дипломатические демарши, утверждалась и закреплялась дополнительными ассигнованиями южная политика России. Австрийские, французские, английские, прусские дипломаты отнюдь не были сторонниками и поклонниками этого движения России на юг, ее стремления открыть новое, южное окно в Европу. Везде распространялись слухи, сплетни об эфемерности строительства городов, сел и флота в Причерноморье, о беспомощности новой администрации, о баснословных затратах и отсутствии какой-либо пользы и тем более экономической прибыли, которую можно получить от этих земель в Новороссии. Это была ложь и дезинформация, придуманная в кабинетах западных посланников и услужливо поддержанная российскими тугодумами и недальновидными политиками, предпочитающими слоняться в дворцовых коридорах, улавливать там славу и почести, а не пребывать в дальних походах и не заниматься обустраиванием Отечества.

Конечно, капитала к рукам вершителей судьбы Новороссии пристало немало, пыль пустить в глаза Григорий Потемкин умел не хуже, а может, и лучше других современников. Было. Все было. Но вот если бы было одно это, одни «потемкинские деревни», то откуда взялись бы Херсон, Николаев, Мариуполь, Ростов, Екатеринослав, Елизаветград, Севастополь, Симферополь, откуда взялись верфи, мастерские, заводы, тысячи деревень и хуторов на юге, как появился несуществовавший дотоле Российский Черноморский флот, как оказался во главе его Ушаков?

Галло все это увидел воочию. В Херсоне его любезно принимала Екатерина II, да и не только принимала, он был награжден 3 тысячами золотых рублей и бесценным кольцом с бриллиантом. Договор был ратифицирован. Он осмотрел укрепления Очакова и Кинбурна, обследовал Севастопольский порт, объехал все крымское побережье, проявляя интерес к военным укреплениям. Для него то, что произошло на юге России, было реальностью, а не выдумкой и миражем. Поэтому-то, возвращаясь через Константинополь, он стал испрашивать у правительства Абдул-Хамида разрешение на свободный проход кораблей Неаполитанского королевства через Босфор и Дарданеллы, ибо это сулило солидные прибыли Неаполю.

Русско-турецкая война 1787 – 1791 годов прервала намечавшиеся торговые связи. А затем весь установившийся порядок взорвала французская революция. Она же вызвала перегруппировку сил в Европе. Неаполитанские правители заметались, пытаясь спасти королевство от разрушений. Фердинанд IV в страхе сделал ряд уступок Франции. Екатерина была недовольна, рассчитывала на порты Неаполя в борьбе с республикой. Она резко отказалась от свадебных предложений неаполитанского двора и написала, что «весьма некстати наградить нас одним из своих уродцев, потому что все их дети дряблы, подвержены падучей болезни, безобразные и плохо воспитанные». За этими строчками проглядывает недовольство четой неаполитанских правителей.

В это время в Неаполе был назначен новый посланник России граф Федор Головкин. Граф был особой экстравагантной, сумбурной, дерзостной, славился своим острословием и непредсказуемыми поступками. За некоторые из них, связанные с защитой местных якобинцев, хотя он был убежденный монархист, был отозван Екатериной II в Петербург и даже заключен под стражу.

Донесения же из Неаполя шли регулярно. В Коллегии иностранных дел привыкли, что, независимо от посланников, информация из Королевства обеих Сицилии поступала своим чередом. И этим были обязаны секретарю российского посольства Андрею Яковлевичу Италийскому. Это тоже была выдающаяся фигура в русской дипломатии конца XVIII века. Мелкопоместный малороссийский дворянин, окончивший Киевскую духовную семинарию и

получивший медицинскую подготовку, Андрей Яковлевич послужил в госпиталях, принимал участие в войне с Турцией и, выйдя в отставку, поселился как частное лицо за границей.

Италийский был человек чрезвычайно любознательный. В Лондоне и Париже он занимался медициной, археологией, восточными языками, сделался членом нескольких ученых обществ. Известный политик, дипломат и государственный деятель, посол России в Лондоне С. Р. Воронцов был крайне внимателен к интересным людям. Он, по-видимому, протежировал Италийского перед Безбородко. Будущий канцлер выбрал сего ученого мужа в воспитатели для своего племянника В. Кочубея, находившегося тогда за границей. Затем последовало его произведение в коллежские асессоры, в 1783 году Италийский был определен при неаполитанской миссии. Здесь и пригодились его системность, научная аналитичность и умение излагать мысли. Италийский внимательно наблюдал за бурбонскими интригами, информировал о действиях против Марии-Каролины и премьера Актона, фиксировал обиды неаполитанцев, прогнозировал возможные последствия. В донесениях своих он не кривил душой. О Фердинанде был мнения невысокого и писал: «Его величество, проводя знатнейшую часть времени своего в упражнениях, которые никак не могут указывать ему стезю к истинному подданных его благу, не может быть довольно тверд в дружбе…»

В Марии-Каролине же видел «остроту разума», «особую недремленность», но видел он и опасность от «болтливости и несдержанности» королевы, ее «крайнюю откровенность» в разговорах, что позволяло ее врагам наносить упреждающие удары по политике двора.

В общем, Италийского ценили в ведомстве иностранных дел, и он вправе был рассчитывать на пост посланника. Но и после Головкина этого не произошло. Мало было родовитости у способного дипломата. Во главе русской дипломатической миссии в Неаполе с 1797 года встал граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин. Происходил он из древнего дворянского рода, его дед, Платон Иванович Мусин-Пушкин, долго жил во Франции, получил блестящее образование и был известный библиофил, собравший одну из лучших библиотек в России в первой половине XVIII века. Отец в 1797 году получил звание генерал-фельдмаршала. Сам Василий Валентинович был человеком с острым и гибким умом, хорошей подготовкой, за что был определен камергером при великом князе Александре в 1793 году. Но вот в 1797 году неожиданно получил назначение в Неаполь. В. В. Мусин-Пушкин-Брюс[23] довольно быстро разобрался в обстановке и увидел, что двор короля трепещет перед Директорией, ищут союзников (8 мая был заключен союз с Австрией, обсуждались варианты договора с Турцией, мольбы посланника Неаполя в Лондоне маркиза Чирчелло о присылке эскадры). Мусин-Пушкин-

Брюс делает вывод: «Опасность, предстоящая государству сему, столь велика и в таком приближении находится, что все видят и ощущают ее. Сие рождает разные рассуждения и разговоры, которыми все изъявляют не только желание пришествия помощи от России, но и полное уверение в том, что без содействия вашего императорского величества не может освобождена быть Италия от ига порабощения… и спастись королевство сие от зияющих на оное челюстей Франции».

Французский посол Тара вел себя вызывающе и наступательно. Фердинанд убеждал его в своей дружбе и миролюбивых намерениях. Тара обмануть было невозможно, да тут еще в водах появилась английская эскадра. Тара предупредил, что Директория начнет действия. Фердинанд трусил, и только разгром французов при Абукире и вход русской эскадры в Босфор толкнули его на войну с Францией. 12 ноября Неаполитанское королевство объявило войну Директории. Все это окончилось плачевно для королевской власти. Дело в том, что в стране давно были антикоролевские настроения. Были они в средних слоях общества, были в низших. Либерально настроенные реформаторы объединялись в масонские ложи. Следует сказать, что Неаполь был довольно мощным центром масонов в Европе. Главой итальянских, масонов – великим магистром – был князь Диего Назелли. Он расширил рамки ложи «Витторио» за счет видных общественных деятелей, дипломатов, ученых, писателей. И, что на первый взгляд странно, в неаполитанских ложах немало иностранных граждан. Так, в их списках 1782 и 1784 годов числятся русские полковники Василий и Яков Ланские[24], а также небезызвестный Фредерик Цезарь Лагарп, рекомендованный Екатерине известным масоном бароном Гриммом. Посещали Неаполь с тайными целями для встреч с масонами и другие русские представители.[25] В общем, масонам там жилось вольготно, ибо Мария-Каролина рассчитывала на них в борьбе с консервативным испанским влиянием. Одно крыло неаполитанских масонов образовало тайную организацию иллюминатов[26] с целью постепенного создания государства на новой рациональной основе, при тайной работе «Свободных каменщиков». Однако французская революция перечеркнула все планы «братьев». 3 ноября 1789 года деятельность всех масонских лож в королевстве была запрещена. Наиболее радикальные из них вошли в республиканские клубы. Один из них («Республика или смерть») попытался организовать восстание, но был разгромлен.

Италийский в первых своих донесениях после начала французской революции писал: «Имеются… в Неаполе зараженные французскими мыслями люди, которые делают покушение произвести в народе мятеж… в разных местах найдены красные колпачки с надписью „вольность или голод“. Они несправедливо внушают народу, что двор – причина дороговизны хлеба, которая действительно есть и несколько тягостна для недостаточных».

Было кому возмущаться порядками в Неаполитанском королевстве. Ведь еще А. К. Разумовский доносил в 1780 году: «Вся здешняя нация, будучи заражена дворянством и военнослужением, пренебрегает всякое другое состояние и состоя почти большая половина оной из дворян, военнослужащих, полудворян… пильеттов (или приказных), духовенства и прочей сему подобной праздности, но и вообще не только что ни к чему не прилежат: ни же могли быть к сему способными… Здешнее земледелие находится в большом несовершенстве, в презрении… и напоследок недостает еще здесь и довольного числа людей к образованию всего хорошего; а притом большая половина земель находится за помещиками, пребывающими беспрестанно в Неаполе, не имеют об оной должного попечения… и многое запущают немалую часть для звериной и птичьей охоты. Остаток оных обрабатывается поденщиками… кои трудятся из дневной только пищи. Земля же, находящаяся за духовенством, принадлежащие к конфискации им напоследок дворцовые, обрабатываются еще хуже… Имя крестьянина сделалось здесь поносным… художества находятся здесь в почти совершенном невежестве… и самая нация, предпочитая и желая иметь всякую вещь иностранную» (донесение А. К. Разумовского Панину 24 ноября – 5 декабря 1780 года). В общем, государство хирело, искры французской революции падали на подготовленную почву.

Фердинанд, объявив войну французской Директории, надеялся убить двух зайцев: отодвинуть опасность от границ, поспеть к столу при дележе французского наследия. А второе – это уничтожить внутреннюю республиканскую оппозицию. Во главе неаполитанского воинства вступил он 29 ноября 1798 года в Рим. Шампионне, командующий французскими войсками в бывшем папском государстве, генерального сражения не давал, а предпочел отступить на удобные позиции, откуда наносил удары. Удары были ошеломляющи. Заносчивый и ограниченный австрийский генерал Мак, который был приглашен Фердинандом для командования его армией, растерялся, и через несколько дней от неаполитанских побед не осталось и следа. Французы перешли в наступление и двинулись на Неаполь. В городе, подогретые вином и воинственными речами, забушевали лаццарони – низшие слои неаполитанского населения.[27] Они требовали дать бой солдатам Директории! Но Фердинанд и Мария-Каролина уже замысливали побег. Фердинанд еще демонстрирует бодрость духа, отдает распоряжения. Своим указом он назначает наместником в Неаполе князя Франческо Пиньятелли, объезжает войско своих сторонников под восторженный их рев и, чтобы не осталось никаких сомнений в его уверенности, закатывает бал. Горят огни, сверкают бриллианты, гремит музыка во дворце короля – он говорит этим, что непоколебима его власть, верны ему подданные, а он не оставит их в беде. Но в том-то и дело, что вот уже несколько дней заколачивали в бочки бриллианты королевы и золотые монеты из королевской казны. На них писалось: «Припасы для Нельсона», и они тихо переправлялись на корабль английского адмирала.

Звучала музыка, по парку и дворцу кружился карнавал, и в этой суматохе Фердинанд IV и Мария-Каролина «вытанцовывали» на «Вэнгард», на котором вместе с Горацио Нельсоном, английским посланником сэром Уильямом Гамильтоном, его супругой и любовницей Горацио Эммой, ближайшими приближенными бежали в Палермо на Сицилию.

Наутро подданные были ошеломлены. Франческо Пиньятелли попытался организовать сопротивление французам, но дезорганизованная армия не смогла сопротивляться. Войска Шампионне пошли в наступление, и тогда Ф. Пиньятелли заключил с ним перемирие, обещая выплату контрибуции. Вот тут-то и сказали свое слово лаццарони. Десять дней бушевала анархия, лилась кровь, сводились счеты под видом верности королю. Местная буржуазия, республиканцы обратились к Шампионне с просьбой ввести войска. Тот начал штурм, а республиканцы объявили о создании Неаполитанской республики.

В. В. Мусин-Пушкин-Брюс честно информировал Павла I о событиях и писал тому, что королевство «потеряно», «… нарочитая часть обывателей преклонность имеет видеть у себя учрежденным распространяемый французами образ политического бытия. Двор не имеет сил отвратить зло такое. Как во всем королевстве Неапольском, так и в Сицилии Франция господствовать будет, ежели ко избавлению их от такого жребия не прислано будет в скором времени войско от дружественных и приближенных держав».

Действительно, неаполитанцы «имели склонность» к новым порядкам, откликнулись на близкий их сердцу призыв республиканцев стать вольной и свободной страной, получившей новое устройство. В Неаполе толпы жгли родовые книги, посадили Древо Свободы, кричали: «Смерть роялистам!» До последнего, правда, не доходило. Просто разграбили несколько дворцов, покинутых наиболее ненавистными аристократами. Королевские дворцы не трогали. Страх и почитание были велики. Покуситься на монарха, еще вчера бывшего полубогом, тронуть его богатство было святотатством и безумием. Однако французские комиссары – это уже не яростные честные якобинцы, а выкормыши Директории, прибыли из Парижа и, провозгласив лозунги о свободе, равенстве и братстве, удобно расположились на королевских креслах и кроватях, раскупорили бутылки с шамбертеном и бургундским, заманили под кружевные покрывала самых смелых неаполитанских красавиц. Комиссары потребовали ввести новые налоги взамен королевских, экспроприировали собственность сбежавших с королем придворных, стали поощрять власть местного республиканского правительства. Попытавшийся возражать против подобного диктаторского курса командующий французскими войсками романтический республиканец Шампионне[28] был смещен. Бывшее Неаполитанское королевство втягивалось в новый хаос.

Вылезли из трущоб и те, кто не особенно различал лозунги и не отличал иноземцев от хозяев родины, кто не видел особой разницы между королевской властью и республиканским режимом. В их поведении была свирепость, которую порождали нужда и невежество. Полилась кровь, которая еще больше возбуждала жестокость. Партии или чаще шайки плодились одна за другой, выдвигали из своей среды жестоких вожаков, которые быстро все забыли о высоких идеалах провозглашенной республики. В числе тех, кто громче других кричал о республике, были и королевские агенты. Особенно прославился один из вожаков, некий Гаэтано Мамоне, наведший ужас на современников своими зверствами. Говорили, что он находил забаву в мучениях своих жертв и с наслаждением пил из черепа человеческую кровь. Гибли и правые, и виноватые, междоусобица разъедала бывшее королевство. Невыносимые налоги, жестокости, полное бесправие размывали республиканские иллюзии. Население хотело защиты, какого-то сильного покровительства, длительного спокойствия.

Англия, Турция, Россия, Австрия – вот силы, которые могли отринуть французов, их новую деспотию. Эскадра Нельсона защищала королевскую власть в Сицилии, вела безуспешную осаду Мальты, блокировала французскую армию Бонапарта в Египте. Одной ей было не по силам остановить войска Директории. Австрия дрожала за Альпами перед лицом республиканской Франции, взывала о помощи к России. И Суворов своим молниеносным движением завязал все ее силы на североитальянский фронт. К туркам неаполитанцы всех лагерей ни за что бы не обратились, они были их вечными врагами на морских путях, жестокими соперниками, не щадившими при встрече. Правда, они тоже были союзниками России, но их нравы от этого не изменились. Передавали достоверный слух, что Ушаков взял первых французских пленных на острове Цериго и обещал отпустить их на родину при условии, что они дадут слово не сражаться в течение года против России. Кадыр-бей просил Ушакова употребить против пленных военную хитрость. «Какую же?» – спросил русский адмирал. «По обещанию вашему, французы завтра надеются отправиться в отечество свое и спят спокойно в своем лагере. Позвольте же мне подойти к ним ночью и тихо вырезать их». Кадыр-бей был крайне удивлен и долго раздумывал, почему Ушаков отказал ему в этом акте.

Неаполитанцы знали о подобных представлениях о войне, обращении с пленными не только у турецких командиров, но и рядовых. Кровь «неверных», по их мнению, ничего не стоила, а неаполитанцы были «неверными».

Оставалась Россия. До Суворова было далеко, но эскадра Ушакова совсем рядом. Порядок, организованность, дисциплина, которые хотел внедрить командующий русским флотом, были долгожданны в истерзанной стране. От королевского двора на Корфу был послан министр Антониу Мишеру. Ему было

поручено в срочном порядке добиться, чтобы в Мессину было срочно послано 9 тысяч человек для охраны королевской четы, надобно было помочь и кардиналу Руффо, находившемуся во главе калабрийской Вандеи, где он создавал «христианское королевское войско». «Только немедленное прибытие русских может спасти нас», – писала 19 февраля 1799 года Мария-Каролина кардиналу Руффо. Добиться скорейшего русского десанта – таковы были инструкции Мишеру от Фердинанда и премьер-министра королевства Актона.[29]

К Ушакову потянулись делегации жителей городов: купцы, священнослужители: «Спасите! Защитите! Окажите помощь!»

Русский адмирал, как казалось при королевском дворе, не спешил. Фердинанд и особенно Мария-Каролина взывали к Павлу. Они после бегства из Неаполя в Палермо находились все время в кошмарном состоянии. Павел же еще не разочаровался в своих целях и союзниках и был полон монархических иллюзий о своем высоком предназначении. В конце года в Санкт-Петербурге был подписан договор о совместных действиях Неаполитанского королевства и России против Франции. По договору оказывалась конкретная военная помощь королю обеих Сицилии. Флот и 9 батальонов пехоты с казаками переходили под общее командование неаполитанцев. Эскадра Ушакова и войска Суворова решали судьбу завоеваний Директории в Италии.

Конечно, действия войск коалиции служили консервативным целям, но следует помнить следующие обстоятельства. Динамичная французская буржуазия на этом этапе захватила Мальту, Египет, Сирию, развязала войну в Европе и Средиземноморье, предполагая расширить свои владения. Республики, которые создала тогда Франция в Европе (Гельветическая, Цизальпинская, Лигурийская, Батавская), были просто марионетками, да, кроме того, Директория отнюдь не предполагала развивать их национальное самосознание и экономику. Фактически это были полуколонии, придатки Франции.

В то же время следует отметить, что многое из реформ французов, направленных против абсолютистских режимов, было объективно прогрессивным (отмена сословных привилегий, земельные, судебные реформы). Однако контрибуции, колоссальные налоги, пренебрежение к национальным чувствам поднимали население занятых ими стран на борьбу. Поэтому и естественной реакцией народов было их выступление против оккупантов.

В Италии же в это время возрождались идеи воссоединения страны, что вносило свой элемент в события конца XVIII века. Роялисты вплетали свои лозунги в народное движение и пользовались его победами.

Усилия коалиционных войск в Италии были направлены на поддержку отживших режимов, но у действий России был свой оттенок. Русское правительство не ставило перед собой захватнических целей, как это было у австрийцев, не стремилось завладеть итальянскими землями, как австрийцы в Пьемонте, Венеции, Ломбардии. Оно выступало за восстановление независимости итальянских государств, правда, возрождая их архаизм.

Неаполитанская резня

В апреле 1799 года корабли под командованием капитана 2 ранга А. А. Сорокина подошли к Югу Италии. Республиканское правление тут держалось недолго. Над городом Бриндизи был поднят флаг коалиции. Отсюда, с побережья, пересек Апеннинский полуостров отряд русских моряков и солдат капитан-лейтенанта Г. Г. Белли. Французы еще раньше почувствовали, что теряют социальную базу, и вывели основные свои войска из Партенопейской республики (Партенопея – древнее название Неаполя). Кровавая монархия возвращалась. Фердинанд IV и особенно его половина, Мария-Каролина, отнюдь не были заботливыми пастырями народа, они, скорее, хотели быть его надзирателями и палачами. И помогал им в организации кровавой бани для неаполитанцев адмирал Нельсон. Пишущие о нем иногда, рассматривая этот отрезок жизни Горацио Нельсона, склонны погрузить адмирала лишь в любовные утехи с дамой его сердца леди Гамильтон. Да, сердце его было заполнено чувством к жене английского посланника сэра Уильяма Гамильтона, но храбрый английский адмирал не потерял головы в то время. С матросской прямотой, не особенно украшая свои действия дипломатическими вензелями, отстаивал он интересы королевской Британии. Надо было – и он не допускал корабли Директории в Неаполитанский залив. Пришлось – и он спасал от гнева народа королевскую чету, отправив ее из Неаполя в Палермо. И тут же произвел бессмысленную на первый взгляд операцию. 12 недостроенных кораблей королевского флота Нельсон на глазах оторопелых неаполитанцев приказал сжечь. А ведь корабли уже были спущены на воду, на них уже поставили мачты, укрепили бушприты, недоставало только верхнего рангоута. Казалось, чего проще, взять 74-пушечники на буксир или, снабдив их стакселями и кливерами, увезти в Палермо. Однако Трубридж, по указанию Нельсона, сжигает их при появлении французских республиканцев. У адмирала было четкое представление о чужих кораблях: если они не под английским флагом, то представляют потенциальную опасность для английского флота, кому бы ни принадлежали. Королю Фердинанду IV было не до флота, речь шла о собственной шкуре, но неаполитанцы, и особенно их адмирал Караччиоло, запомнили этот разрушительный ход англичанина.

Второй ход Нельсона, запятнавший его имя, был более жестокий и кровавый. Войска Директории отступали весной и летом 1799 года по всей

Италии. Блестящие победы Суворова привели к тому, что весь Север был очищен от французов. По просьбе неаполитанского двора и указанию Павла Ушаков направляет отряд капитан-лейтенанта Белли, который стремительным броском прошел по всему Югу и вышел к Неаполю. Неаполитанский министр Антониу Мишеру, сопровождавший отряд Белли, пишет Ушакову: «Я написал Вашему превосходительству несколько писем, чтобы уведомить Вас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в промежуток двадцать дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства».

Следует сказать, что русские войска проявляли образец дисциплинированности и организованности. Не было отмечено ни одного случая грабежа и насилия с их стороны. Один образованный итальянец, видевший занятие Неаполя, писал:

«Конечно, не было никогда примера, подобного сему происшествию. Но лишь российским войскам возможно было сотворить такое чудо. Какое мужество, какая дисциплина, какие кроткие, любезные нравы! Их (русских) здесь боготворят, и память о них пребудет запечатлена в роде родов, во всех сердцах обитателей нашего отечества».

Конечно, этот отзыв не принадлежал перу республиканца, но вот пламенный композитор республики Чимарозе был спасен от растерзания клерикалами в русском военном лагере. «Вы не похожи на победителей, общаетесь с побежденными, выслушиваете их», – можно было слышать на улицах Неаполя в то время. Русские солдаты и моряки и не считали себя таковыми – они просто исполняли свои обязанности, их храбрость шла рука об руку со строгой дисциплиной и уважительным отношением к населению той страны, на территории которой воевали. Немалая заслуга была, конечно, в этом ее командующих Суворова и Ушакова.

Наступала на Неаполь и армия фанатика монархии кардинала Руффо. Когда объединенные силы русского отряда капитан-лейтенанта Белли, кардинала Руффо, турок и англичан блокировали Неаполь, то вокруг крепостей Кастель Нуово и Кастель д’Ово завязалась жестокая схватка, республиканцы отчаянно сопротивлялись. Тогда Белли высказался за заключение перемирия и такие условия капитуляции, чтобы избежать кровопролития и дать возможность отойти республиканцам во Францию.

Кардинал Руффо тоже хотел этого, конечно, не из-за человеколюбия и боязни крови, а понимая, что республиканцы будут отчаянно сопротивляться и неизвестно, чем закончится схватка. Кроме того, его войско, составленное из темных, невежественных крестьян калабрийцев и из неаполитанских лаццарони, было склонно к грабежам и насилию, и это уже создавало опасность

и для самих роялистов. Скрепил перемирие и условия капитуляции своей подписью и английский капитан Фут, в то время командовавший военными кораблями у Неаполя. Республиканцы стали готовиться к погрузке на корабли, складывать оружие. На их беду в это время на неаполитанском рейде появился с эскадрой Нельсон. Он был болезненно взвинчен и боялся умаления своих военных заслуг, беспрекословного подчинения, нежелания делить победы. А блеск Абукира тускнел. Сам-то Нельсон чувствовал, что ответственность за поражение королевских войск в декабре 1798 года в немалой степени падала на него и зависела от его амбиций. Ведь в октябре он доносил Адмиралтейству по поводу неаполитанской армии: «Насколько я разбираюсь в этих вопросах, я согласен, что лучшей армии нельзя себе представить». Дальнейшие события, да и вся биография прославленного адмирала показали, что в действиях сухопутных армий он не разбирался. Для королевской армии Неаполя это имело катастрофическое последствие. Его авторитет подтолкнул неаполитанское правительство в ноябре 1798 года двинуть войска на Римскую республику, организованную французами на территории бывших владений папы римского. Армия во главе с Фердинандом под звуки оркестров вступила в Рим. Но это породило и будущее поражение. Войска Директории после непродолжительного отступления нанесли сокрушительный удар «лучшей армии Европы». Впереди улепетывающих неаполитанских вояк быстрее всех мчался Фердинанд. Было от чего тускнеть Абукиру. Вслед за этим поражением неаполитанцев было и позорное бегство королевской четы на Сицилию, сожжение союзного неаполитанского флота. И вот наступил июнь 1799 года, когда Нельсон смог вернуться в Неаполь. Его не устраивала роль миротворца, он не хотел сохранять равновесие и стабильность, ему не нравилось согласие союзников и их либерализм по отношению к противнику. Он провозгласил, что по отношению к «подлым тварям», «порочным чудовищам», «негодяям» не может быть никаких обязательств, и, конечно, перемирия он не потерпит.

24 июня английские капитаны Болл и Трубридж вручили Руффо послание Нельсона. «Адмирал Нельсон, командующий флотом его величества короля Великобритании в Неаполитанском заливе, доводит до сведения мятежных подданных его величества короля Объединенных Сицилии, находящихся в Кастель Нуово и Кастель д'Ово, что он не позволит ни сесть на суда, ни выйти из замков». Это уже было вероломство. Даже отъявленный монархист кардинал Руффо стал протестовать против столь непорядочного обращения с врагом.

Руффо, Мишеру, Белли и турецкий представитель Ахмет направили Нельсону решительный протест. «Соглашение было торжественно заключено представителями названных держав, – обратились они к Нельсону, – и совершится вызывающее презренье, посягательство на веру народа, если оно не будет исполнено точно или будет нарушено… Нижеподписавшиеся…

призывают Нельсона одобрить его; они объявляют ответственным перед Богом и людьми всякого, кто осмелится мешать его выполнению».

Даже Фут намеревался, правда позднее, потребовать суда для рассмотрения правомочности таких действий.[30]

«Если Нельсон хочет нарушить перемирие – это его дело, что же касается его, кардинала, то он устал от той роли, которую его заставляют играть, – заявил Руффо Трубриджу. – И если Нельсон будет атаковать замки и республиканцев, то я ему не помогу, не дам ни людей, ни оружия», – продолжил он. Но Нельсон ни с кем не посчитался, и когда республиканцы сложили оружие, арестовал их и отдал на растерзание монархистам. Пожалуй, это была самая большая кровавая вакханалия конца XVIII века. Людей резали, терзали, жгли, вешали, рассекали, топили. Сорок тысяч семей потеряли своих родственников, в городе пахло жженой кожей республиканцев, кровь лужами стояла на площадях, собаки растаскивали по закоулкам руки и ноги казненных. Дикая оргия монархических убийц запятнала имя адмирала Нельсона.

Соучастниками этого кровавого пиршества была, конечно, королевская чета. Мария-Каролина писала леди Гамильтон 25 июня, что она дает адмиралу самые широкие полномочия против этих «каналий-мятежников»… «Наконец, моя дорогая миледи, настойчиво рекомендую милорду Нельсону трактовать Неаполь как мятежный ирландский город. Не нужно заботиться о количестве (наказанных), уменьшение числа злодеев (в Неаполе) на несколько тысяч сделает Францию более слабой, а мы почувствуем себя лучше».

В то же время Нельсон не был слепым исполнителем воли, он совершал свои кровавые действия сознательно и по убеждению. Да он и сам принял личное участие в казни одного из видных неаполитанцев, военного моряка, командора князя Франческо Караччиоло, перешедшего после сожжения флота Нельсоном и бегства короля на сторону республиканцев. Нельсону почему-то очень хотелось продемонстрировать свою власть и произвести «быстрое наказание», ибо в таком быстром реагировании он видел возможность «влиять на поведение граждан», и без сомнений, в этом видел умение управлять. Наверное, Нельсон не был кровожадным изувером от рождения, но его взгляды, выкристаллизовавшиеся в гуще великобританских предрассудков господствующего класса, были в русле амбиций чванливого торгашеского Альбиона и требовали жертв для устрашения и наведения порядка. Караччиоло и был такой жертвой, принесенной на алтарь английской державности. Нельсон вырвал его у Руффо. Скоротечный суд, созданный адмиралом, разбирался всего два часа и вынес смертный приговор. И опять Нельсон вопреки просьбам председателя об отсрочке приговора настоял на немедленной казни. На виду у всей эскадры Караччиоло повесили на рее. Нельсон считал, что подобное зрелище укрепляет дисциплину и утверждает правопорядок. Конечно, страх

восторжествовал в королевстве, а имя самого Нельсона оказалось замарано кровью тысяч неаполитанцев.

«Зависть, может быть, какая против меня действует…»

Вот уже год, как эскадра Ушакова в дальнем плавании. Одержаны блестящие победы, покорены острова Ионические, штурмом взята крепость Корфу, все корабли пока целы. Вроде бы и обозначилась милость царская – получил долгожданное звание адмирала. Сдобрил победу словом приветственным сам Суворов. Но из Адмиралтейств-коллегий, из Херсона неслось брюзгливое недовольство, кто-то придерживал предназначенные для эскадры грузы и припасы, кто-то игнорировал его просьбы, кто-то присылал язвительные отписки. Можно было бы приписать такие действия его ревнивому сопернику Мордвинову, но тот 21 января был «отставлен» от службы, и, как говорили «пересмешники», в этом немалую роль сыграла его вражда к Ушакову. Может быть, и так. Павел наконец увидел преимущества последнего. Но Федор Федорович знал и то, что Мордвинов на подлость бы не пошел. Обиду нанести мог, показать свое верховодство мог, англичанство свое, превосходящее все русское, подчеркивал нередко, но удар по флоту, находящемуся вдали от земли родной, не нанес бы. Адмирал Вилим Петрович Дезин, что заменил Мордвинова на главном командовании Черноморским флотом, перед Ушаковым робел, ибо флотоводец он был никудышный, везде, куда посылали, терпел поражения. В первой Архипелагской экспедиции славы не сыскал, в экспедиции во время вооруженного нейтралитета растерял все корабли, в войне со Швецией у Копенгагена вморозил в лед эскадру. Вот этот адмирал и был вершителем судьбы Черноморского флота. По поводу Вилима Петровича и его брата Мартына Екатерина II еще в 1788 году сказала: «Тот виноват перед Отечеством, кто ввел обоих фон Дезиных в адмиралы». И тем не менее командовал Черноморским флотом фон Дезин, а не Ушаков. Новый командующий отдавал бестолковые указания, боялся, завидовал, а здесь, в Архипелаге, у Италии, это отзывалось на кораблях, моряках и всей эскадре. И отзывалось плохо. 8 июня 1799 года Ушаков пишет Томаре о том, что он вынужден отпустить с эскадры «вверенных ему албанцев, ибо платить ему им нечем, да и издержки на них до сих пор не предусмотрены и никакого повеления» на сей счет ни он, ни Кадыр-бей не имеют. Еще более серьезный удар нанес ему несогласованный вопрос о лоцманах. В сложных условиях Средиземноморья без лоцманов обойтись было почти невозможно, особенно двигаясь вдоль побережья Италии, приближаясь к Сицилии. Кадыр-бей содержал их на всю эскадру, «а после от того содержания их отказался, что денег не имеет». Не было дров и, как уже повелось в этой экспедиции, не было провианта.

Ушаков встревоженно пишет русскому послу: «И эскадра, мне вверенная, без денег, без провианта, без дров может совсем действия свои остановить в столь важных случаях, каковы теперь есть, и через то важные ж и худые последствия произойти могут необходимо».

Томара суетился, старался подтолкнуть неповоротливых адмиралтейцев, но дело шло туго. Да, кроме того, у самого полномочного министра и тайного советника, то есть русского посла в Константинополе, было неудовольствие на радикальное, как ему казалось, поведение адмирала, на потакание второклассным, на чрезмерную самостоятельность командующего. Посол сам не хотел и не смел осадить адмирала и жалуется вице-президенту коллегии графу Г. Кушелеву на плохую информацию, якобы идущую от командира русской эскадры. Ушаков, конечно, рассердился. Он почти целый год бомбардировал посла письмами, грамотами, протестами, посылал курьеров, передавал сообщения через гонцов Кадыр-бея и вот тебе – жалоба «наверх». Что это, как не предупредительный удар, усиленный адмиралтейским рупором. В недоумении обращается он к Томаре 1 июля 1799 года:

«Ваше превосходительство, по всегдашней моей с вами дружбе и дружеской переписке я никак не ожидал таковых напрасных на меня объяснений. Сколько есть мне времени, никогда я не упущаю с вами переписки и обо всех делах и обстоятельствах до основания всегда и обо всем вас уведомлю, получаю от вас всякие сведения и вам ответствую безнедостаточно, а когда никакой надобности в чем нет, то чаще оное и писать нужды не предвидится…»

Ушаков вынужден припереть к стенке посла:

«О провианте предупредительно я просил вас, будучи еще в Константинополе, чтобы прислать его благовременно и непременно к первому числу ноября, чтобы можно было его получить предупредительно одним месяцем, и сию просьбу повторял к вам из Дарванеллей, из Занте, из Кефаллонии и по приходе в Корфу; писем моих к вам несколько недель декабря и января месяца пропустил… после стольких моих к вам донесений не было надобностей мне повторять о присылке провизии, а после пяти или шести недель опять беспрерывно обо всем я к вам пишу и никогда в недостатках переписки моей не было. За что ж, милостивый государь, подвергаете вы меня негодованию даже и до высочайшего сведения?»

Он понимал, что сердечных отношений с послом его твердость не утвердит, но, будучи уверен, что «журнал и письма ваши меня оправдают, что… переписки я не прекращал, и она достаточна», напомнил о принципах:

«Я дружески вашему превосходительству объясняюсь, **таковым вашим объяснением вред будет общей нашей пользе; когда я и дела мои уважены, тогда и ваша польза больше».**

Федор Федорович понимал также, что при такого рода донесениях в Петербург благосклонности он и там не встретит, да и многое в его деятельности предстанет в мрачном свете. С некоторой обреченностью пишет:

«Таковым объяснением государь император может на меня понегодовать, и я через самое таковое ваше объяснение при сем случае могу потерять…»

Однако признавать себя виновным (а он таковым и не был) не хочет: «…При всем том я доволен моим состоянием и не ропщу: но сожалею, что за старательности мои и усердие предвижу несоответственность…»

Объяснение это, к сожалению, не последнее. Ушаков не был простофилей и простаком, понимал, что возможны интриги, трусость, нерешительность в действиях должностных лиц, но он считал, что все должно отходить на второй план, когда речь идет об интересах Отечества, об общей пользе.

Г. Кушелеву он тоже отписал, все объяснил, показал, что «нет ни одной ступени производимых… дел», о которых он не писал бы в Петербург и в Константинополь. «Я от малолетства моего никогда прилежности… не терял и о пользе всемилостивейшего государя нашего императора неустанно стараюсь и старание иметь никогда не упущу». Когда он закончил письмо Кушелеву, расписался, то вдруг рассердился, поставил постскриптум, даже излил горечь по поводу раздутого во флоте бумагомарания. «Я уже многократно вашему сиятельству объяснялся: излишество дел письменных, какими я отягощен беспредельно, отнимает от меня деятельности полезнейшие; всякий день, который я упражняюсь в письме, ущерб наносит пользы государевой во всех работах и исполнениях. …Теперь много дней, беспрерывно упражняясь в письмах; всякое дело должен я диктовать… упражняясь в письме, теряю я от пользы…» Да, во все времена бюрократическая переписка и излишняя отчетность не нравилась людям дела и отвлекала их «от пользы». Ушаков поставил вопрос ребром: он сам этим заниматься не будет, надо, чтобы прислали ему наконец достаточное количество «письмоводцев», историографа, кригс-комиссара и других необходимых для канцелярской и организационной работы лиц. Надо сказать, что Кушелев на сей раз отнесся с пониманием к конкретной просьбе командующего русской эскадрой в Средиземноморье, и Адмиралтейств-коллегия, увидев, по-видимому, и свою недоработку, через две недели выделила на эскадру «знающего секретаря и двух хороших канцеляристов», предложила определить историографа из среды флотских офицеров, «какой найдется к тому способным», решила и другие вопросы.

Вроде бы прислушались к голосу адмирала, идущему из дали Средиземного моря. Но прислушивались скорее к мелочам, конкретным просьбам, не оценив грандиозность побед русского флота, не воздав должного ни командующему, ни всей эскадре. Может быть, поэтому 14 августа с корабля «Святой Павел» раздалось самое грустное и недоуменное слово за всю кампанию:

«За всем моим старанием и столь многими неусыпными трудами и рачением из Санкт-Петербурга не замечаю соответствия, вижу, конечно, я кем-нибудь или какими облыжностями расстроен. Я уверяю чистосердечно, другой на моем месте, может быть, и третьей части не исполнил бы, что я делаю. Я душою и всем моим состоянием предан службе, не только о собственном каком-либо интересе, но и о себе ничего не думаю, кроме как об одной пользе государевой».

Ушаков теряется в догадках, откуда такое пренебрежение, такое невнимание, и продолжает:

«Зависть, может быть, какая против меня действует. За Корфу я слова благоприятного никакого не получил, не только того, как все предзнаменовали, рекомендованные мною тоже (не получили); что всему причиною, не знаю».

Он без бахвальства осознает величие побед, одержанных в центре Средиземноморья, видит всю их величественную панораму. «После сего целое Неаполитанское королевство нами освобождено, Анкона блокируется. Венецианский залив весь очищен, вся турецкая громада со стороны неприятеля приведена в безопасность. Мы действия свои простираем уже в отдаленных местах. Обо всем всегда я доносил со всей аккуратностью и к вам при всяком разе писал». Здесь адмирал не преминул напомнить Томаре о безосновательности его жалоб в Петербург. И возвращает подозрение во невнимании послу. «За всем тем не замечаю из Санкт-Петербурга приятного виду и благоволения, что одно из военных людей оживлять может и приводить в то, что всякий рвением употребил свои силы и возможность, напротив того, замечено в подчиненных моих уныние».

Ушаков в недоумении: почему не оценена победа его флота по достоинству? Вспомнились ему, наверное, и Чесменская колонна, возвышенные слова Потемкина, здравицы Екатерины в честь его побед, награды соответствующие. А тут пренебрежительное молчание.

«Столь славные дела, каково есть взятие Корфу (что на будущее время эпохою служить может), принято, как кажется, с неприятностью, а за что, не знаю».

Ушаков подчеркивает очевидное, что не замечают. «Мальта – ровесница Корфу, она другой год уже в блокаде и когда возьмется, еще неизвестно, но Корфу нами взята и, словом сказать, безо всякого, при всех преимуществах».

Ушаков высоко ценил признание – благоволение, точную оценку его флотоводческих заслуг, ибо для него и военных людей это «оживлять может» и «приводить» в рвение подчиненных.

Не крайнее честолюбие и почитание власть имущих, а желание достойно выглядеть в глазах современников и потомков. Поэтому и добавил без уныния, с надеждой: «За всем тем надеюсь я на благость и милосердие всемилостивейшего нашего монарха, когда-нибудь дела наши по справедливости дойдут к нему известнее».

1799 год. От весны до зимы

Весною и летом 1799 года от французских побед в Италии не осталось почти ничего. Блестящие победы Суворова у Адды, Нови, Требии метлой вымели войска Директории из Ломбардии.

7 (18) апреля начал свой победоносный поход русский фельдмаршал, у реки Адды он нанес сокрушительное поражение как бездарному Шереру, так и талантливому Моро. Одержал эту победу прославленный полководец по всем образцам новой стратегии: удар по противнику по кратчайшему направлению, с применением охватов центральной группы, разделение (разрез) линии противника на несколько частей и затем разгром отдельных частей – все это образцы высочайшего и революционного для того времени военного искусства.

17 апреля пал Милан, крупнейший центр Севера Италии. 15 (26) мая русские и австрийские войска овладели Турином (столицей Пьемонта). Трехдневное и самое крупное в этой кампании сражение на Требии, где против Суворова сражались превосходящие по численности, да и лучшие до сего времени в Европе войска, решило судьбу не только Северной Италии, но и Центральной, и южной части Апеннинского полуострова.

Армия французского генерала Макдональда, занимавшая центральные и южные области, начала передвижение оттуда на север для воссоединения с остатками разбитых войск. Правда, походило это скорее на отступление. Были оставлены владения неаполитанского короля и папская область. Осталось всего несколько гарнизонов в Сант-Эльма, Гаэте, Чивита-Веккии, Риме.

Действия отряда капитан-лейтенанта Белли и армии кардинала Руффо привели 12 (23) июня к занятию Неаполя. Десант англичан высадился, как известно, к концу этой операции. Это дало повод Нельсону и его хватким

капитанам приписать себе успех во взятии города. Нельсону это было важно не столько для престижа у Марии-Каролины, сколько для своих всеподавляющих, державных амбиций, для доброго блеска в глазах его пассии леди Гамильтон. Ушаков же был воспитан на традициях взаимного рыцарства, уважения к противнику, а тем более союзнику. С горечью он пишет Томаре: «В Неаполе крепость Сант-Эльма взята на капитуляцию… Англичане только хитрят и чужую честь о взятии Сант-Эльма себе присваивают, даже и капитуляцию о сдаче крепости на себя написали, да и прежде делали только одно помешательство, о чем меня оттоль же уведомляли. Они стараются всякого больше отвлекать от действительности и делать пустым».

Задача по спасению от краха самого большого королевства Италии военной экспедицией, флотами и войсками союзных войск была на этом этапе решена. Суворов в это же время 7 (18) – 9 (20) июня разгромил армию Макдональда на берегах Требии.

Летом 1799 года французские гарнизоны остались лишь в Генуе, вблизи Ливорно, в Чивита-Веккии и Анконе.

Корабли контр-адмирала Пустошкина появились под Анконой в мае. Вследствие ложной тревоги Нельсона (о вхождении в Средиземное море для боевых действий соединенной франко-испанской эскадры) они возвратились к Корфу и двинулись дальше к южной оконечности Италии. К Анконе же подошла эскадра под командованием капитана 2 ранга графа Войновича. Вся же остальная часть эскадры Ушакова готовилась к переходу в Италию.

Летом в Северной Италии продолжались военные действия. Австрийские войска заняли Флоренцию, порт Ливорно, хорошо знакомый русским морякам. Сюда в 1764 году прибыл первый русский торговый корабль «Надежда Благополучия», совершивший переход вокруг Европы. Тут останавливались корабли эскадры Спиридова и командующий русской экспедицией граф Алексей Орлов. Тут базировалась эскадра контр-адмирала Сухотина в период «вооруженного нейтралитета».

Остатки армии Макдональда прокрались по побережью к Генуе, англичане проглядели колонны войск французов и их транспорты, перевозившие артиллерию и снаряжение. Новый командующий французов, вдохновенный и талантливый генерал Жубер (Макдональд был отозван в Париж) вступил в бой с Суворовым при Нови. Для Жубера битва закончилась смертью, для французской армии – разгромом. Путь на Генуэзскую Ривьеру был открыт. Суворов, как всегда, в свое стратегическое мышление включил все факторы: военные, политические, экономические. В его планах дальнейшего наступления флот играл важную роль. Здесь, в Италии, происходило знаменитое, вошедшее в историю военного искусства стратегическое и

тактическое взаимодействие русской армии и флота. Суворов, как никто, понимал, что на театре военных действий, где имеется морское побережье, флот должен постоянно взаимодействовать с сухопутной армией, а для этого необходимо, чтобы командующий флотом знал все основные задачи, которые решает армия, включал все силы в их решение. Поэтому, едва прибыв в Вену, он посылает письмо Ушакову (23. III. 1799 года), устанавливая с ним постоянную связь. Ушаков также понимал это, постоянно прислушиваясь к громам, идущим из Северной Италии, чутко следил за развитием событий там. По просьбе Суворова для разрыва коммуникаций французов он постоянно посылает крейсировать корабли в Венецианский залив, устанавливает блокаду Анконы. 16 июля А. В. Суворов пишет Ушакову о том, как была взята цитадель Александрия, о трофеях и пленных. А затем рисует панораму дальнейших своих действий. «Обратя теперь виды свои на Геную, выступил я теперь в поход. Мне надлежит осилить некоторыми крепостями; трудности, препоны отнимают у меня довольно времени, как и изготовление к горному походу; провиант и припасы должны быть доставлены на мулах, а после, когда достигнем берегов Ла-Ривьеры, то уже из Ливорны (ежели она за нами устоит) и морем». План его движения ясен. Какую же роль отводит он флоту, эскадре Ушакова? Очень серьезную. Он просит: «От Пониенты к Леванте и паче от берегов Франции ваше превосходительство покорнейше принять попечительные и благоразумные, свойственные вам меры к пресечению ее, дабы оголодать сию распутно-зловредную армию. Извольте знать, что генуэзцы кормятся сами из чужих мест, то есть особливо и в большом виде припасы свои получали они из Африки и Архипелага. **Союзные флоты ныне господа моря и легко в том препятствия утвердить могут».**

«Господа моря» действовали по-разному. Нельсон, ознакомившись с посланием Суворова, не особенно утруждал свои корабли военными операциями к северу от Неаполя. Ушаков же, получив это письмо 4 (15) августа, послал эскадру вице-адмирала Пустошкина для крейсерства «около генуэзских берегов». Сам же Ушаков, уведомляя Суворова об исполнении послания, пишет, что после Палермо «отправляюсь я оттоль с эскадрою к Неаполю и от оного к Генуе или в те места, **где польза и надобность больше требовать будут».**

Три фрегата под командованием Сорокина направились в Неаполь. Пустошкин из-за встречных ветров двигался медленно и прибыл в Ливорно только 30 августа. Крейсерство русских кораблей продолжалось у Генуэзской Ривьеры, Ливорно, Неаполя до конца 1799 года. Но положение на севере Италии уже изменилось. Правда, Павел I еще находился в эйфории, считая миссию своих войск богоносной, а себя прозорливым политиком, полководцем, которому внимают попавшие в беду императоры, султаны и короли Вены, Константинополя и Неаполя, к которому прислушиваются в Лондоне и на

помощь которого они надеются. Да, помощь монархам и Англии от русского союзника была нужна, но его абсолютистское вдохновение им было чуждо, так же, как нередко и методы ведения войны Суворовым и Ушаковым. Единственно, чего они хотели, так это как можно больше урвать от результатов участия России в этих войнах. И довольно долго водили за нос русского правителя.

Суворов был опасен австрийцам тем, что его победы пробуждали национальное самосознание у итальянцев, восстанавливали в правах бывшие североитальянские государства, владения которых хотела себе присвоить Австрия. Ушаков не давал Оттоманской Порте наложить лапу на бывшие, а ныне «бесхозные» венецианские владения. Вот в этих-то захватнических устремлениях венценосных правителей Вены, Константинополя, Неаполя и толстосумов с Темзы и была основа постоянных столкновений Суворова и Ушакова с их военными представителями.

Итак, 16 (27) августа 1799 года Суворов получил приказ Павла I, в котором ему предписывалось покинуть Италию и направиться в Швейцарию. Было в этом приказе все: и неинформированность императора, и стремление предотвратить наступление французов в Альпах, и главное – ложь австрийцев, которую проглотил Павел, сокрытие ими своих истинных замыслов по овладению Генуей и другими территориями.

Англичане более трезво смотрели на действия венского двора и министра Тугута, однако разубеждать русского императора не собирались. Английский посланник в Вене лорд Минто писал об этих претензиях австрийцев в то время без прикрас: «Император (австрийский. – *В. Г.*) совершенно предполагает удерживать за собой Пьемонт и захватить часть Савой. Я не сомневаюсь в его намерениях удержать и Ниццу, если ему удастся завладеть ею. Территория Гэнуэзской республики становится уже предметом его замыслов». Англия и Австрия разделяют Италию на сферы влияния, русские же корпуса и эскадры всячески ограничиваются и изолируются, их роль уменьшается, у них из рук вырывают даже славу, победы, их командующих отстраняют от столов переговоров. Поэтому-то все чаще и чаще в планах и рапортах Суворова и Ушакова Павлу I проскальзывает недовольство союзниками, протесты из-за их обращения с русскими, неудовлетворение организацией снабжения и возмущение вероломством и иезуитством как высших дворов, так и военных командиров, жалобы на их «интриги, происки и неблагоприятные поступки».

Однако Ушаков не позволял себе расслабиться, разобидеться, хлопнуть дверью. Он был все время в творческом напряжении, внимательно следил за событиями, держал все нити управления эскадрами и кораблями в своих руках. Ему приходилось постоянно учитывать много факторов: **политические события**, проистекающие на Ионических островах, в Италии, в близлежащих

владениях Порты, Австрии, во всем Средиземноморье; **экономическое положение и ресурсы** Республики Семи Островов, снабжающих его продовольствием турецких пашалыков, осажденной Мальты, разоренного Неаполя; **военное состояние, организацию, наличие резервов** противника у гарнизонов Корфу и Анконы, французских войск в Неаполе, Риме, на Мальте; **дипломатические интриги и коллизии,** возникающие вокруг Ионических островов, распадающегося Неаполитанского королевства, североитальянских государств, населения Венеции, судьбы Мальты, действий алжирских пиратов, номинальных подданных Порты. Не следует забывать, что он получал главные предписания из Петербурга от Павла I, их иногда дублировал и вице-президент Адмиралтейств-коллегий генерал-адъютант Кушелев, полупросьбы-полуприказы получал он от посланника из Константинополя Томары, письма с изложением точки зрения шли от русского посла в Вене графа Петра Разумовского, взывал к нему и русский посланник в Неаполе граф Мусин-Пушкин-Брюс, давал информацию «полномочный министр России по военным делам при Неаполитанском королевстве» в Палермо Андрей Яковлевич Италийский. Поразительны связи и контакты командующего союзной эскадрой. Переписка и общение шли у Ушакова с Суворовым, Нельсоном, адмиралом Кадыр-беем, Али-пашой Янинским, с верховным визирем Турции Юсуф Зия-Хаджи-пашой, премьер-министром Неаполитанского королевства Актоном, Мустафой-пашой Дельвинским, с главным командиром Черноморского флота адмиралом фон Дезином, генерал-майором Бороздиным, комендантом Корфу, а затем командующим русскими войсками в Неаполе, с русскими генеральными консулами в Рагузе графом Джикой и на Корфу – Бенаки, с австрийским генералом Борди, сенаторами и депутатами Ионических островов и другими командирами, дипломатами, правителями, от усилий, знаний, действий которых многое зависело в то пороховое лето 1799 года.

Главное же состояло в том, что Ушаков был флотоводец, в его руках был флот – инструмент, с помощью которого и решил он многие задачи. Постоянное и неусыпное его бдение, приказы, требования, пожелания шли отсюда – к морякам, офицерам, капитанам, к его опоре, надежде и силе – кораблям русского флота. Со «Святого Павла» идут непрерывные указания и советы: вице-адмиралу Павлу Васильевичу Пустошкину об осаде Анконы и Генуэзского побережья; капитану 2 ранга Александру Андреевичу Сорокину о движении к Бриндичи (Бриндизи), а затем к Неаполю, командиру фрегата «Наархия» графу Николаю Дмитриевичу Войновичу на возобновление блокады Анконы; капитан-лейтенанту Телесницкому о борьбе с морскими пиратами; вице-адмиралу Петру Кондратьевичу Карпову о следовании на Корфу; отдает он ордер капитану 1 ранга Алексиано о назначении его старшим морским начальником в Корфу на время своего отсутствия. Их сотни, этих четких и толковых распоряжений русского адмирала, в них сконцентрированы мысли, намерения и итоги действий, предпринимаемых Ушаковым. И в этом

калейдоскопе указаний, переписки, просьб адмирал не упускает возможностей поставить вопрос об улучшении снабжения, организации доставки продовольствия, пороха, артиллерийских припасов, пуль. Нет, он не ноет, не клянчит лишнего «про запас», он ставит вопрос и требует у морских начальников русского флота **необходимое** для успешного выполнения задания. И все фиксирует. Он поставил вопрос перед Адмиралтейств-коллегией о назначении на эскадру историографа, художника, секретаря и канцеляристов. И это не только желание отбиться от бюрократической переписки, а стремление к точности, порядку, а главное, стремление закрепить опыт для будущих поколений, историю боевых дел. Поэтому так поражают точность и регулярность ордеров, писем, документов, исходящих с борта «Святого Павла», удивляет наполненность журналов плаваний отрядов и кораблей эскадры.

Ушаков и сам находился все время в движении, выполняя указания Петербурга и решая военно-политические задачи. 24 июля (5 августа) адмирал с эскадрой в 18 кораблей покинул Корфу и в начале августа подошел к Сицилии. 3 (14) августа его корабли вошли в Мессинскую бухту. А 11 (22) августа он перешел в Палермо, где его уже поджидала прибывшая с Балтики эскадра вице-адмирала Карцева (шесть судов). Здесь же состоялись и важные встречи с адмиралом Нельсоном, на которых обсуждался ход дальнейших операций. Союзная эскадра должна была двинуться из Палермо в Неаполь. Но произошел бунт турецких моряков, потребовавших возврата на родину. Ушаков распрощался со своим уже, пожалуй, другом Кадыр-беем и прибыл с русскими кораблями 26 августа (7 сентября) в Неаполь, соединившись с эскадрой Сорокина.

По берегу из Неаполя на Рим Ушаков направил десант полковника Скипора, который предполагал потом разделить, отправить часть его под Анкону. Адмирал проявляет заботу о культурных ценностях Италии и отдает приказ капитан-лейтенанту Эльфинстону, командовавшему фрегатом «Поспешный», «иметь наистрожайшее наблюдение, чтобы французы, в Чивита-Веккии и Риме находящиеся, ограбив все редкости и сокровища из Рима, не ушли с оными и не увезли во Францию или на Корсику, предписываю все неприятельские суда ловить и брать в плен».

Здесь, под Римом, Ушаков в очередной раз испытал коварство своего союзника-соперника Нельсона. Тот, пока Скипор готовился к походу, разработал план, по которому капитан Трубридж опередил русского полковника и втайне от Ушакова подписал условия капитуляции гарнизонов Чивита-Веккии и Рима. Поставил свою подпись под ними и не нюхавший пороха у Великого города австрийский генерал Фрейлих… Правда, его войска подошли к Риму, когда полк Скипора уже вступил в город под рукоплескания римлян. Фрейлих развернулся и поспешил к Анконе, австрийцам никак не

хотелось уступать эту крепость эскадре Ушакова. Они и здесь сепаратно подписали капитуляцию и присвоили себе плоды усилий эскадры Войновича, моряков и пехотинцев Ратманова.

Союзнички!

В октябре к Ушакову обратился Нельсон и попросил помочь в штурме Мальты. Для Ушакова это было неожиданно. Судя по виду, у англичан дела на этом острове шли неважно. Ушаков отнесся серьезно к просьбе и 20 (31) декабря двинулся от Неаполя к Мальте на 16 крупных и мелких судах, имея на бортах две тысячи гренадеров. Можно было предположить, что судьба Мальты решена.

На пути Ушакова была Мессина, где он сделал короткую остановку. Мессина оказалась прямо-таки роковым городом для союзников. Отсюда ушли в Турцию корабли Кадыр-бея, здесь 22 декабря Ушаков получил пакет с указанием о возвращении всей русской эскадры в черноморские порты.

Павел I начинал прозревать – все явственнее проявлялась союзническая неверность. Заканчивался 1799 год.

У берегов Сицилии

Вот показалась и Сицилия. Утром обозначились мыс Песара и башня с маяком. Вдали белела вершиной Этна. Но лишь к вечеру корабли прошли мимо великана, поразившего всех своей громадностью и дымком над вершиной.

– Мессина! – прорезал рукой вдоль пролива неаполитанец-лоцман. – Калабрия! – показал он направо. – Сицилия! – все повернули головы вслед за ним налево.

Калабрия выглядела величаво и строго: горы, скалы с небольшой зеленью. То тут, то там выглядывали деревушки, иногда гордо возвышался замок.

У Мессины командам пришлось повозиться с такелажем и парусами. Мыс отгораживал город от моря, и надобно было круто развернуться, убрать часть парусов, чтобы затем осторожно войти в бухту. Знаменитая коса закрывала бухту от сильных ветров и делала ее одной из самых удобных гаваней в Европе. «Город так и назывался в древности – Зансала, то есть коса», – объяснил один из эфицеров эскадры, бывавший здесь раньше.

– Красота-то! Чудо чудесное! – восклицали матросы, выстроившиеся на палубе, показывая друг другу то на кактусовую ограду вокруг города, то на голубую гладь бухты.

У самого Ушакова распрямились уголки губ, глубокие борозды морщин на лбу как-то уменьшились, округлились, стали ровнее и добрее.

– Пожалуй, покрасивее самого Золотого Рога будет, – обратился к нему Телесницкий. – Древние говорили, что Сатурн здесь уронил свою косу и образовал сию пристань.

– Отменная бухта и гавань превосходительная. Нам бы не мешало в Крыму такую косу, – согласился адмирал.

Подзорная труба, однако, обнаружила в густоте зелени развалины многих домов. Следы бомбардировки? Нет, то были следы жестокого землетрясения, до основания разрушившего в 1793 году город. Видно было, что и жители как-то обустраивались неуверенно, дома строили только в один или два этажа, не разбирали лачуги, где жили до сих пор.

Гром прогремел над городом. Италия приветствовала объединенную эскадру салютом. На берегу Ушакова встречали толпы. Комендант крепости дал отменный обед.

Все рассказывал, чем славен город. О том, что собор нынешний собрал всю архитектуру с двенадцатого по восемнадцатый. Несколько колонн даже привезены из знаменитого храма Нептуна. О том, что здесь жил знаменитый Антонелло, который передал искусство писать масляными красками итальянским мастерам.

– Это великое уменье! – махал комендант пальцем перед лицом Ушакова. – Ведь до этого так писали только во Флоренции. Караваджо принадлежал нашему городу. А знаете, что знаменитый философ Эвгемер, писавший историю небес, наблюдая мессинцев, написал, что боги – не что иное, как великие люди. Вы знаете Эвгемера?

Ушаков Эвгемера знал, но коменданта слушал внимательно, надеясь узнать, сколь далеко французские корабли, как достаточно припасов, не перекидываются ли волнения из Неаполя на Сицилию, когда можно запастись пресной водой и припасами. Генерал ничего этого не знал, его, казалось, интересовало все, кроме войны, он, сокрушенно покачав головой, сказал:

– К сожалению, я не знаю того, что хочет знать адмирал. Я помню только то, что было давно.

Ушакова такое бездельное отношение к своим обязанностям удивило, с огорчением махнул рукой: давай про историю, но комендант уже переключался на новую тему, показал в окно:

– Теперь в Мессине нет философов, нет живописцев, нет стихотворцев, но природа так же прекрасна, как и в древнее время.

А природа, полуевропейская, полуафриканская, действительно была царственна. Вечная зелень гирляндой окружила город. Олеандры, кактусы, оливковые деревья, мирты, алоэ благоухали, цвели, зеленой лентой тянулись вокруг домов и вдоль улиц.

Федор Федорович не любил тратиться на простое созерцание, всегда искал отличительное и нужное для дела. И тут заметил, что все дома одного цвета. Почему это? Может, отличие сие всех италийских городов касается?

– Нет-нет! – задергал головой комендант. – То было, когда вице-король хотел посетить Мессину, а наш губернатор, преглупый человек, велел все выкрасить охрой. Хитрости военной тут нет, одни глупости.

Вдруг вспомнив что-то, выбежал из комнаты. Ушаков рассердился: хорош хозяин, суета сплошная. А тот прибежал запыхавшийся, сунул в руки пакет и победоносно отошел в сторону. Ушаков с недоумением повертел пакет и, отстранив от себя, прочитал: «Господину адмиралу Ушакову…»

Медленно прочитал и так же медленно встал.

– В Палерму надо ехать. Мусин-Пушкин с Италийским ждут с нетерпением.

Палермо так же опоясался дымами, увидев флаг русского адмирала и идущую за ним эскадру. Корабли, следующие за Ушаковым, выравнивались и выстраивались полукругом, стянув всю бухту в один узел.

На берегу уже собрались толпы сицилийцев. Они махали платками, ветками деревьев, что-то кричали. От причала отвалила длинноносая лодка с большим зонтом на корме, похожая на венецианскую гондолу. За ней потянулись к флагману и другие шлюпки.

– Граф Мусин-Пушкин-Брюс, полномочный министр русского императора при неаполитанском дворе просит принять на борт! – зычно крикнул по-русски офицер, стоящий на ее носу.

– Принять! Для встречи полномочного министра!.. – отдал команду Ушаков.

Матросы подтянули лодку, из нее, отдуваясь и покачивая головой, встал толстый человек, смахивающий на провинциального чиновника. Подошел к Ушакову, отдавшему честь, и протянул обе руки:

– С благополучным прибытием, господин адмирал. Ваша морская наука не каждому по нутру. Я многое в жизни знаю, но в деле морском только руками развожу перед силой и уменьем морских служителей. О ваших победах вся Европа наслышана, и слава о них впереди вас бежит. Посмотрите, сколько народу пришло вас приветствовать. И это после года резни и погромов. – Посланник показал на бухту, где народ все прибывал. Вдруг из растрепанного, рыхлого подьячего превратился в горделивого, осанистого господина и торжественным голосом закончил: – От лица посольства Российского изъявляем вам свою благосклонность и благодарим за вспомоществование в дни тяжелой судьбы королевства Неаполитанского.

Ушаков с лицами дипломатическими общаться умел, но перед титулом слегка робел. Не перед пулей, не перед противником, а перед громким словом: князь, граф, барон. Да ведь и стояло за этим богатство немалое, двор всесильный, связи всемогущие. Мусина-Пушкина-Брюса он еще не понял, говорлив, прост, но внутри чувствовалась горделивость, а может быть, и заносчивость. Пригласив в свою каюту, ответствовал:

– Премного вам благодарен, граф, за высокие добрые слова в адрес эскадры. Смею сказать вам тоже слово благодарное за то, что ставили вы и ваш военный министр, господин Италийский, в известность о многих происходящих здесь, в королевстве, событиях, о злых кознях врагов нашей экспедиции и все другое ценное.

При упоминании имени Италийского лицо посланника помрачнело, он хоть и умел скрывать истинные свои чувства, но здесь у простого и, как казалось ему, неискушенного адмирала не счел это нужным.

– Сего моего заместника не чту ни достойным, ни ученым, как он тщится себя представить. Строчить донесения умеет и даже добился права писать самому императору. От меня ему еще в мае отдали все дела, «какие по части воинской здесь существовать могут». А какие, спрашивается, в сей год военных действий еще могут быть дела в нашей миссии? Мелкопоместный дворянчик, а хочет быть влиятельным вельможей!

Ушаков не ожидал такой интимности, не знал, чем ответить. Боялся попасться на откровенность. Граф же, не стесняясь матроса, что прислуживал, вдруг стал распекать петербургские порядки.

– При нашем дворе умники не нужны. Они даже опасны. А меня так почитают таковым. Ибо я что думаю, то и пишу. – Увидев в глазах Ушакова недоверие, махнул головой. – Да нет, не простак я, а из истинных причин исхожу, из картины реальных дел, что свершаются. Они бы хотели думать, что тут все за короля едино выступают, а я им пишу, что наполнены все провинции королевства писаниями, возбуждающими в народе мятежнические мысли; все

почти селения, принадлежащие дворянству, получили от господ своих приказания не признавать ни в каком случае королевской власти. В Петербурге выражают в сем сомнение, а я им пишу, что у содеятелей революции изобилие защитников.

Посланник выпил без передышки целый бокал неразбавленного керкирского вина, что привез с собой Ушаков, и почти прошептал, интимно назвав его по имени-отчеству:

– Так что, Федор Федорович? Правду говорить в донесениях или усладу вливать в царственные уши? – Откинувшись, с интересом посмотрел на адмирала. Ушаков относился к собеседнику серьезно, не ерничал, не егозил, потому и ответил прямо:

– Я всегда правду докладывал и докладываю всем вышестоящим особам. Не доложишь ее, ложь в полон заберет. Плохая для слуха правда вырастет еще больше, а добрая – отвернется. Так и не свидишься с ней. Несколько рапортов направил о плохом обмундировании, об отсутствии денег, о слабости помощи турок. Знаю, жалобщиком считают в Адмиралтейств-коллегий. А им бы ничего не делать, зады не подымать от кресел, не пресекать мздоимщиков и хапуг, не требовать исправления – глядишь, само и утрясется. Утрясется-то оно утрясется, но все на шкуре русского моряка, на достоинстве российского офицера, на силе нашей сказывается. Истинно, правда колючая, а от сего и не люба многим.

Граф кивал, подливал сам себе в бокал, раскраснелся от выпитого, оживился чрезмерно для своего тучного тела и звания и как будто о чем-то незначительном поведал, что их королевские величества хотят посетить адмирала.

– Хватит им в карты играть, пусть увидят, кто сила. Но раньше прими английского адмирала. Он тут главный. Может, даже к нему поехать надо первому, ведь герой Абукира, непревзойденный мастер маневра морского…

Ушаков насупился; он главный по званию, старше по возрасту, негоже ему ехать на поклон первому. Посол почувствовал перемену в адмирале, поморщился, что-то хотел сказать, но вошел вестовой и доложил – прибыла шлюпка с секретарем посольства господином Италийским. Граф помрачнел.

– Уже сюда добрался. Нет чинопочитания никакого, знает ведь, что здесь посланник, а лезет.

Ушаков вопросительно посмотрел на него. Граф тяжело вздохнул и встал:

– Я, батенька, пожалуй, поеду, а то голова что-то разболелась. О встрече с венценосными особами весть подам. Да они и сами отзовутся скоро. Знают ведь, кто их от головорубки спас.

Граф в дверях столкнулся с Италийским, тот вежливо посторонился, а посланник, что-то бормоча, вышел, оставив запах табака, померанцевой воды и какое-то беспокойство. Италийский в руках держал кожаный портфель и сразу стал доставать из него бумаги. Доставая, заговорил:

– Приветствуя вас, господин адмирал, хочу сразу вам всю картину военную на день сегодняшний показать. Все опасные силы для наших действий описать вам. «Хваток», – подумал Ушаков, ответствовал:

– Ну что, я на дела всегда расположен. Докладывайте.

Сказал и смутился. Не подчинен ему посольский секретарь, а он скорее ему подчинен в политике военной. Но не повинился, промолчал, стал слушать. Италийский, как будто не заметив неловкости, стал рассказывать, в каком бедственном положении находится здесь двор королевский, что после летней резни в Неаполе происходит, где французы ныне в Италии обретаются, куда следует направить дальше эскадру. Чувствовалось, что знал, знал дело, но был сух, сдержан и не открывался. Вот ведь, как и Ушаков не знатен, а говорить с ним тяжелее, чем с графом Мусиным. Ну да Бог с ним, с тактом. Главное – дело говорит. Спросил о Нельсоне. Италийский слегка оживился. Нет, спешить к нему не надо. Тому ведь самому спешно надо встретиться. Без русской эскадры ни Неаполь не защитить, ни Мальты не взять, ни Италии не видать.

– Поспешать надо к царствующим особам на поклон.

– Ну, я сначала все подсчеты закончу, что эскадре надобно для дальнейшего перехода. А сие – Неаполь или Мальта?

– Вам нет надобности сие считать. Я уже это произвел и имел честь его превосходительству доложить просьбы.

– Как же вы сие произвели, не зная доподлинной нужды?

Италийский начинал сердиться и с видимым неудовольствием раздельно по слогам вывел:

– При-бли-зи-тель-но.

Ушаков с огорчением, что не нашел близкого по рачительному духу человека, устало, но твердо сказал:

– На флоте, милостивый государь, ничего приблизительно делать нельзя. Все надо делать точно, иначе на дно морское все пойдем, рыб кормить.

Встреча великих флотоводцев

Августовский день был до нестерпимости жаркий, но в каюте Ушакова стояла прохлада. Матросы все протерли влажными тряпками, открыли двери, и легкий ветерок гулял по помещению. На столе было разложено несколько карт, стояла ваза с благоухающими цветами, в углу на столике подготовлены четыре прибора для обеда. Ждали Нельсона.

Федор Федорович встретил Горацио, посланника Гамильтона и его супругу у трапа, крепко пожал левую руку и молча показал на вход в каюту. Пропустил их вперед и, попридержав за локоток леди Гамильтон, помог ей спуститься по ступенькам…

Эмма окинула быстрым взглядом каюту, задержала его на картинах и, не ожидая приветствия, с непосредственностью женщины воскликнула:

– О! Адмирал любит искусство!

– Прошу садиться, господа! – пригласил Ушаков. Сам же, стоя, продолжил: – Мы сердечно рады приветствовать вас, славных представителей могущественной державы союзников. Я имею честь приветствовать на русском корабле вас, милостивый государь адмирал, чьи победы стали известны среди всех моряков. Они не только плод удачи и воли Всевышнего, они плод вашего искусства. И я рад, что могу лично засвидетельствовать мое искреннее почтение и уважение к вам.

Нельсон, по-видимому, не ожидал услышать такое признание, его единственный глаз потеплел, он неожиданно встал, приложил руку к сердцу и поклонился в сторону русского адмирала. Ушаков ответил тем же и продолжал:

– Я приветствую здесь вас, глубокоуважаемый лорд – английский посланник сэр Гамильтон. Воли наших правителей привели нас сюда, и мы хотели бы согласовать наши планы.

Ушаков поклонился в сторону Гамильтона и повернулся к леди Гамильтон:

– На морские корабли редко ступает нога женщины. Есть даже поверье, что тогда они приносят несчастье морякам…

Английский посланник с равнодушным вниманием слушал Ушакова, Нельсон же напрягся, готовый ответить резкостью. Федор Федорович широко улыбнулся.

– Ваша несравненная красота, я уверен, приносит только удачу, и я надеюсь, что после вашего посещения она не обойдет русские корабли.

Метакса, помогавший переводить разговор, загордился своим адмиралом и как можно точнее постарался перевести комплимент.

– Вот уж не ожидала, что вы такой галантный кавалер, – вспыхнула Эмма. – Смотрите, какой рыцарь! Да еще эти картины! Чудесно, адмирал, чудесно!

Нельсон, который начал расслабляться, снова как-то сжался: четко проявились скулы, заходили желваки, он резко задышал. Ушаков не обратил внимания на перемену в адмирале, пододвинул ему карту и, как бы приглашая к главному делу, обратился сразу ко всем:

– Мне хотелось бы, господа, четко обозначить наши совместные действия. Я готовился идти согласно вашим просьбам и повелениям моего императора к Мальте. Сейчас последовала просьба идти к Неаполю. Каковы на сей счет ваши мнения?

Только после этого Ушаков сел и внимательно оглядел присутствующих. Сэр Гамильтон опустил взор вниз и глубокомысленно молчал. Эмма глаз не отвела, на ее тонких губах играла недоверчивая улыбка. Нельсон подтянул карту за угол и указал пальцем на Север Италии.

– Я не думаю, что нам надо крейсировать у Ливорно, Сардинии. И не дай Бог Корсики. – Он помрачнел. Этот остров будил в нем плохие воспоминания. Именно здесь, при штурме крепости Кальви, перестал видеть его правый глаз. – Дай Бог нам сохранить от погрома Неаполь и защитить Палермо. По моим сведениям, в Средиземноморье вышел объединенный франко-испанский флот, и нам сейчас не до Мальты. Кстати, оттуда собираются уезжать португальские солдаты, и мы можем вообще снять осаду…

– Как же так, адмирал? – искренне изумился Ушаков. – Ведь Мальта – наша общая цель. Она должна быть взята, и там должен быть водружен флаг наших держав. Ведь вы взывали ко мне с просьбой принять участие в осаде. Что за сила отвращает вас от крепости? Чего мы боимся?

Нельсон вспыхнул, на его лице заиграл румянец, поползший вверх и проступивший сквозь редкие волосы на голове. Он не мог допустить, чтобы кто-нибудь усомнился в его храбрости. Да еще здесь, в каюте русского адмирала, в присутствии Эммы Гамильтон.

– Я не знаю ничего выше преданности Англии и королю. Я не испытываю страха перед смертью. Наша жизнь находится в руках Того, Кто лучше других знает, нужно ее продлить или оборвать. И в этом отношении я отдаю себя Его воле. Но мое имя, моя честь, – дерзко взглянул на Эмму, – находятся в моих руках. Жизнь с запятнанной репутацией кажется мне невыносимой. Смерть –

есть только долг, который мы все рано или поздно должны уплатить. Мальта не уйдет от нас, и я прошу вас не ходить туда без английской эскадры.

Нельсон пристукнул рукой и с вызовом посмотрел на Ушакова. Федор Федорович вздохнул с сожалением, как делают деревенские бабы при виде странника или блаженного деревенского мужика.

– Я ценю вашу храбрость, адмирал, и тоже никогда не задумываюсь о смерти в бою. Но нам следовало бы подумать, как и когда мы завершим это дорогостоящее и кровавое предприятие. И, естественно, победой над нашим общим врагом.

Нельсон стал остывать. Понимал, конечно, что без объединенной эскадры с французами не управиться. Египет, Мальта, Анкона, Рим, Генуя, Тулон, Мальорка – слишком растянуты были коммуникации, чтобы уловить все замыслы и действия противника. Сказал примирительно:

– Господин адмирал одержал славнейшую победу на Корфу, оставьте нам что-нибудь для пиршества.

– Думаю, что герою Абукира хватит лакомства от сией славы до конца жизни, – весело парировал Ушаков. – Ну а как же с крейсированием на Севере? Нельсон отвел руку в сторону и пожал плечами:

– Где же? Где у нас столько кораблей?

– Но ведь вас просил сам граф Суворов-Рымникский, от усилий которого многое решается в сей кампании!

Нельсон преобразился.

– О да! Это великий полководец! Все восхищаются его подвигами. Это делаю и я, Нельсон.

Глаз Горацио загорелся, он и сам весь засверкал каким-то внутренним блеском. Тонкая шея вытянулась, хохолок волос затопорщился на голове.

«Да ведь он похож на Суворова, – внезапно подумал Ушаков. – Сказать, или возгордится совсем?» Нельсон же, придерживая правый рукав левой рукой, всаживал слова-гвозди кому-то в укор:

– Я люблю его и за презрение к богатству, к удобствам…

Ушаков все-таки решился и попросил Метаксу:

– Переведи ему, что он очень похож на нашего фельдмаршала Александра Васильевича. И обликом, и манерами, и голосом даже. Тот тоже

загорается, как порох, и все сметает на пути. Я ведь его хорошо знаю. Много лет знаком.

Нельсон вскочил и потянулся своей одной рукой к рукам Ушакова, пытаясь пожать их.

– Спасибо! Спасибо, адмирал, вы делаете меня самым гордым человеком в Европе. Я давно думал, что мы родня с сим великим полководцем! Спасибо.

Сэр Гамильтон с удивлением вскинул глаза на адмирала. Давно он не видел его в таком возбуждении. Ушаков же подумал, что в родню Суворову Нельсон набивается зря, тот людей неверных слову не любит. Вздохнул и обратился к сэру Гамильтону:

– Нас просят навести порядок в Неаполе. Но для этого есть одно средство – прекратить кровопролитие, успокоить обывателей, не чинить притеснений со стороны богатых, и мы надеемся, сэр, что вы повлияете на министра Актона и королевский двор в этом.

– Не будем же мы возвращать генерала Шампионне, чтобы он защищал этих оборванцев и разбойников от законной власти, – саркастически заметил посланник.

Ушаков начал бледнеть. Он и сам был за законную власть, но за разумную и достойную.

– Ваше превосходительство, наверное же, не желает лишних жертв. Страна и так пострадала достаточно. Я хотел бы договориться, чтобы мы соблюдали порядок совместно, не разжигая страстей. Мы на Корфу не возвращали комиссара Дюбуа, а порядок установили, ограничив своеволие и диктат нобилей, успокоив обывателей, укрепив закон, и не было никакой резни!

Теперь уже Горацио менял цвет лица, правда, на какой-то необычный, юношески-розовый. Он понял намек Ушакова на неаполитанскую резню.

– Мы служили беззаветно английскому королю и везде будем бороться с якобинской заразой и революционной чернью до тех пор, пока они не захлебнутся в собственной крови.

– Ну и служите себе, никто от вас не требует измены. Но если мы так будем наводить порядок, то скоро не останется никого из тех, кого мы призываем к порядку. Я прошу совместных мирных действий в областях, где мы сражаемся вместе.

Два часа разрабатывали планы, присматривались друг к другу, спорили, не соглашались, склонялись к близости и снова расходились во взглядах два великих флотоводца.

Расставались после обеда, договорившись встретиться завтра на английском «Фоудройанте».

Эмма озабоченно, с удивлением рассматривала русского адмирала – он был, пожалуй, первым, кто не сломился перед волей и страстью ее Горацио (да, уже год он был ее, этот однорукий герой. Сэр Гамильтон не был помехой).

– Вы так и не сказали, господин адмирал, чья это картина? – взглянула она в проем над столом, где на полотне колонна русских кораблей, раздваиваясь, обходила противника.

– Леди, я, к сожалению, не такой знаток и ценитель искусства, как ваш муж, у которого, как известно, великолепная коллекция античности. – Сэр Гамильтон встрепенулся. – Здесь у меня батальные картины. Живописец попытался изобразить одну известную битву, когда мы отрезали турецкий флот от суши…

Нельсон, не глядя на картину, спросил:

– А где же турецкие батареи?

– Вы уже поняли, господин адмирал, что это Калиакрия. Да, мы сумели там совершить боевой маневр, который удалось повторить только вам при Абукире…

Нельсон одеревенел и затем медленно протянул негнущуюся руку Ушакову:

– До завтра на «Фоудройанте»…

Постигая друг друга

Встреч с Нельсоном было несколько. Иногда они проходили дружелюбно, иногда кончались размолвками. Но великих флотоводцев все-таки тянуло друг к другу, им хотелось постичь то, что было в арсенале союзника-соперника. Да, кроме того, надо было согласовать план дальнейших действий флотов, отличавшихся зыбкостью и неопределенностью. 25 августа 1799 года Федор Федорович прибыл на «Фоудройант» по просьбе Нельсона пораньше, до того, как там показались другие участники переговоров. Он осмотрел каюту Нельсона и с удивлением увидел стоящий за его креслом гроб.

– А что сие за фантазии, сударь?

Нельсон улыбнулся и не без гордости поведал о том, что это выдумка его друга капитана Галлоуэла.

– Он посчитал, что подарок меня не огорчит, а порадует. И, сделав это послежизненное пристанище из куска мачты «Ориента», главного французского корабля у Абукира, написал мне: «Когда вы устанете от жизни, вас смогут похоронить в одном из ваших трофеев». Как думаете, адмирал, неплохой гроб?

Ушаков не любил пустопорожние рассуждения о смерти, гробах, мертвецах и мрачновато заметил:

– Не тогда плясать, когда гроб станут тесать. А пораньше, когда силы есть, победу одержать. А вы как относитесь к славе, адмирал?

– Я ее жажду. Я жажду побед. А вы?

– Я военный моряк, для меня награда необходима. И тот, кто хочет лишить ее моряков, тот или враг или жестокий завистник. Но, исполняя долг, я не жду награды.

– Браво, Ушаков! Слава – детище долга, и для меня это тоже высшая мера. Я все блага брошу под ноги этому высшему закону чувств. Мой девиз для моряков: послушание! Почтение королю! Ненависть ко всем французам! Вы ненавидите французов, адмирал?

Ушаков вздохнул, вспомнил про погибших при штурме Корфу солдатах и ответил:

– У меня нет нужды их ненавидеть. Они обыкновенные неприятели. Раньше это были американские и английские каперы, потом турки, ныне они. Я не питаю к ним отвращения, я хочу их победить.

– Я хочу победить всех врагов, – сверкнул глазом Горацио, он привстал, стукнул кулаком по столу, – однако нынешние французы – язва рода человеческого.

– Да, ныне они наши враги, – согласился Ушаков. Нельсон снова успокоился, обмяк, как-то подобрел и с нескрываемой доброжелательностью обратился к собеседнику:

– Вы знаете, адмирал, я считаю, что один англичанин равняется трем французам, и я лично всегда готов сражаться на своем корабле с тремя неприятельскими. Но в Абукире мой план был таков, чтобы поставить три своих корабля против одного французского. Вы думаете, я боялся их? Нет, я обеспечивал победу.

Горацио испытующе посмотрел на Ушакова, ожидая реакции, и, не дождавшись, спросил сам:

– А как вы добиваетесь ее?

– Я согласен с вами, адмирал, – кивнул Федор Федорович, – в бою надо создать превосходство. Превосходство скорости, умения, точности, мощи орудий, маневра, воодушевления в два или, как вы считаете, в три раза, тогда враг побежден. Действительно, надо создавать перевес.

Английский командующий вскочил, в нервном возбуждении заходил по каюте, ему давно не приходилось разговаривать с профессионалом, боевым адмиралом его масштаба о вещах, которые обеспечивают успех боя, о тонкостях военно-морского искусства. Сегодня он не думал о превосходстве своего гения, он просто говорил с коллегой, равным ему по таланту.

– Я считаю, что судьба боя решается здесь, – Нельсон постучал себя по голове. – Если я больше продумал ходов, чем мой противник, бой – мой!

– Без сомнения, ваша милость! Так же как и здесь, – приложил руку к сердцу Ушаков, – сердце моряка должно быть воодушевлено на бой и свято верить в истинные победы.

Сейчас согласился Горацио, сегодняшняя беседа для него шла более легко, чем предыдущие.

– Скажите, Ушаков, – искренне поинтересовался он, – как вам удалось удержать в повиновении свой флот и этих варваров, когда вы осаждали крепость? Ведь это нудно, нелегко и опасно караулить у норы? Сие больше подходит охотничьим собакам, чем морякам.

Ушаков сегодня тоже испытывал доверительное чувство к союзнику и сказал то, что не доверял бумаге:

– Да, осада изнуряет не только осажденных. Мы были недалеки от краха. Голод. Кончились заряды. Однако дух российских матросов был подъемный, а у французов он был угнетен. Французам не откажешь в храбрости, но они сникли, ослабили сопротивление и проиграли.

Вбежал вестовой, перебил их наметившийся контакт, доложил:

– Адмирал Блистательной Порты Кадыр-бей!

– Полномочный министр российского императора Италийский!

– Русский вице-адмирал Карсов!

– Не Карсов, а Карцов! – поправил Ушаков. – Ну, милостивый государь, вам встречать! Да, наверное, и первый министр Актон отчалил от пристани.

А дальше уже все было, как и в предыдущие встречи. Ушаков и Карцов хотели согласовать план совместного действия против Мальты с английской эскадрой. Нельсон же, «хотя казался согласным», как записали в «историческом журнале» русской эскадры, к такому согласованию не приступал, заявляя, что некоторые его корабли следуют в порт Магон для исправления, другие в Гибралтар, чтобы нести патрульную службу против возможного прорыва французского флота. Особенно озадачило Ушакова сообщение о том, что португальские войска, блокирующие Мальту вместе с эскадрой контр-адмирала Ница, возвращаются в Лиссабон.

Ушаков предлагал совместную блокаду и штурм, а англичане отводили флот и предлагали русским кораблям лишь патрулировать вокруг острова.

– Я, милостивый государь, не пастух у французских овечек, а боевой командир, что умеет сражаться и побеждать, – начиная сердиться, выговаривал он Нельсону. Тот горько вздыхал, может быть, и давал понять, что это не только его решение, но ничего другого не предлагал.

Взволнованный Актон, что прибыл после начала переговоров, вытащил гербовую бумагу короля и разрешил спор. Король умолял союзников отправиться в Неаполь «для восстановления и утверждения в оном спокойствия, тишины и порядка и прочих обстоятельств».

– Ну что ж, исполним просьбу августейших особ, – обратился Ушаков к Италийскому, – ведь и нам его императорское величество Павел I наказывал оказать всяческую помощь Королевству обеих Сицилии. Я уже по просьбе господина фельдмаршала графа Суворова-Рымникского капитана Пустошкина с кораблями «Михаилом», «Симеоном и Анной» с авизами послал под Геную для блокады оной, три фрегата под началом Сорокина выделил в Неаполь. Видимо, и всей эскадре следовать туда же надо. – И, считая переговоры законченными, встал, протянул руку Нельсону: – До свидания, адмирал! До скорого свидания на стенах Ла-Валетты!

И не вина русского флотоводца, что та встреча так и не состоялась.

Неаполь

«Исполняя волю и пожелание его неаполитанского величества», русская эскадра в начале сентября стала полукружием в заливе у столицы Неаполитанского королевства. Ушаков вскинул свою спутницу – подзорную трубу и долго всматривался в мягкие и красивые очертания города. На итальянской земле он уже бывал, довелось ему видеть здесь и мишуру богатства, и дикость нищеты. Нет, не увидел он здесь, в этих краях, ни разумных порядков, ни разумной отеческой власти. Многое казалось ему в

зарубежье странным и миражным, каким-то игрушечным, неживым, кукольным.

Вот и сюда прибыли они для важного дела – спасения неаполитанского короля, но возвышенности и святости монаршего сана не почувствовал. К русскому графу, полномочному министру, да – почтение, а к этому монарху, сбежавшему из своей столицы средь шумного бала, он отнесся, как к карнавальной маске. Говори ей пустые слова и знай, что под ней другая личина. Какая?

Русские офицеры, посланник рассказывали о пустоте, трусливости, напыщенности короля, о злопамятности, беспощадности королевы.

Ушаков про себя сокрушался: сколь же ничтожных особ ему приходится защищать. Напоминали они ему ионических нобилей. Напыщенны, как индюки, родство помнят, а забот о подданных, о людях подчиненных как не бывало. Да разве бы смог он победы свои одержать в Черном море, здесь, у Венецианских островов, Корфу взять, если бы о матросах не заботился, экипажи не снабжал всем необходимым. Как же они хотят в своем королевстве жить и править оным, ежели подданные у них хуже скота? Почтительно и твердо отписал Фердинанду и Актону, что необходимо для мира и спокойствия «общее прощение».

Граф Мусин-Пушкин-Брюс, что прибыл тоже сюда на корабль, снисходительно рассмеялся при встрече.

– Кому вы пишете? Я уже имел честь вызвать неудовольствие таковой же просьбой. Думаю, и вам несдобровать после сих уязвительных для королевской пары просьб. Я-то чую, что мне придется уехать, и рад сему. Надоело, признаться, видеть сии позорища палаческие на всех площадях.

Граф приехал, чтобы пригласить адмирала в свой неапольский дворец, и быстро уговорил Ушакова посмотреть «уголок российской земли». Дом был расположен недалеко от гавани. Решили пройти пешком в сопровождении матросской охраны. С первых шагов по твердой земле красота города растворилась. У берега жирные собаки подскакивали и обрывали куски мяса с ног повешенных, у стенки, обрызганной кровью, молча сидели исхудалые дети. Их, казалось, уже ничто не могло оторвать от земли, так бессильны и немощны они были. Ушаков передернулся, крикнул мичмана и отдал приказание привести с корабля команду и котел каши. «Повешенных похоронить, детей накормить». Всю дорогу до дворца посла его трясло. Нет, покойников он не боялся. На то и бой, чтобы были живые и мертвые. Но вот так измываться над противником, так зверски стращать – этого он не признавал, даже ненавидел.

– Не думает он, что ли, о том, что жить здесь придется, что казненные-то – подданные королевские? – напрямую спросил у посла Ушаков.

– Об этом ли заботится адмирал? – сразу понял посол. – У него главное – любовная утеха под носом у старика Гамильтона с его супружницей Эммой. Далее он только о славе своего королевства английского помышляет, а Неаполитанское для него – временное пристанище да место для игрища. Так что рвением своим он вроде бы волю монаршью исполняет, а сам его слабеть заставляет до такого состояния, чтобы неаполитанский король у него все время в ногах валялся, помощи просил.

Ушаков все это и сам чувствовал, но некоторых тонкостей, интриг местных не знал. Да, если сказать честно, и знать бы не хотел, но когда армиями и флотами движет монаршье своеволие, надо пытаться уловить возможное будущее движение и не быть застигнутым врасплох, не оказываться в дураках, высказывая свое мнение, которым, правда, мало интересуются. Тогда лучше промолчать. Федор Федорович и молчал нередко, науку сию тоже уразумел, ибо имел свое мнение, отличное от других, высказывал его, правда, не торопясь, но и не боясь, в необходимых ситуациях. Союзные командиры, послы, сановники это чувствовали, понимали, что Ушаков видит многое насквозь, интригу плетущуюся разгадывает, обманывать себя не даст. А потому противники его, злопыхатели злились на него, обзывали медведем, дубом, русской дубиной, но поделать ничего с его несокрушимым спокойствием не могли. Обзывали, злились, ненавидели. Вот и английский адмирал его разгадал и рассердился. Окажись он, Ушаков, глупее, проще, растяпистей – тогда Нельсон с радушием его проводил бы, с радостью: глупого соперника не надо бояться и злиться не надо, пусть таким и будет. Пусть везде своим недотепством подчеркивает значительность англичанина, его военную удачу, тонкий английский юмор. От раздумий Федора Федоровича оторвал граф, пригласив в интимный кабинет, где у горящего камина стоял низкий столик с напитками и закусками.

В доме у посла был еще беспорядок, до конца все не убрано и не поставлено на место. Его хоть и не разграбили подчистую, ибо даже лаццарони побаивались дерзостно обходиться с имуществом посла могущественной державы, но в кабинете, в бумагах в его отсутствие в Палермо рылись. Да и камердинера, что Мусин-Пушкин отправил с Сицилии для присмотра за особняком, генерал Шампионне приказал арестовать и заключить в крепость. В руках у республиканцев оказалась тогда вся секретная переписка русского дипломата. А в ней находились серьезные документы. Тогда, наверное, перехватили они и договор, присланный из Петербурга, о совместных действиях России и королевства против Франции, ибо ни в Палермо, ни на русской эскадре об этом не узнали – Шампионне держал камердинера и

русские документы за крепкими замками. Лишь позднее эта весть пришла на Сицилию.

– У королевской четы тогда от сердца отлегло, они в газетах все пропечатали, – рассказывал посол, пока Ушаков усаживался в низкое неудобное кресло. – Да ну их, – граф жестом пригласил адмирала взять бокал, взял и сам и, не произнося больше никаких слов, залпом выпил его до дна. Ушаков заметил, что и на его корабле, и в своем доме в Палермо с этого начинал он серьезную беседу.

Ушаков удивился золоту и лазури, что окружали графа. Звезды всех видов, прямоугольники, циркули сияли на стенах.

– Не удивляйтесь, все сие символы истины и света. Эти два треугольника, что друг на друга положены, означают борение света духа с тьмой материи, борение духо-человека со ското-человеком. А эти пять концов говорят, что тяготение долу уже нет, тьма побеждена, осталось устремление вверх, ввысь, к свету, вершина.

– Мудрено, – вздохнул Ушаков с безразличием, скользнул по всем этим молоточкам, отвесам, кои он видел еще в Кронштадте, и тихо спросил: – А для долга есть у вас знак?

Мусин-Пушкин-Брюс смешался, он понял, что Ушаков все знает, и не таясь сказал:

– Так вот, любезный Федор Федорович, мы с вами, как мне кажется, люди сродственные по духу. И вам и мне одно свойство принадлежит: мы умеем пробиваться вперед.

Ничего такого Ушаков не предполагал в себе, он не вперед пробивался в жизни, а долг свой с открытым и честным сердцем выполнял, а это и его вперед продвигало. Но промолчал, слушая.

– Смею вам сказать, что я в сих широтах историю латинскую изучил досконально и особо интересовался, отчего Латинская империя пала. От того, что не было у них в период раздоров и распрей тайного и невидимого для постороннего глаза скрепления лучших людей, тех, кто мог судьбы державы изменить.

Граф пошевелил щипцами угли в камине, откинулся и продолжал:

– Я к вам присмотрелся, Федор Федорович, и думаю, что для вас и для нас полезно будет ваше вступление в союз масонский. Сие единение людей для вас наверняка известно. Вы человек благородный, в ложах масонских люди тоже отмеченные печатью высших добродетелей. Мы все печемся о любви к

брату человеку, и вы, как я пронаблюдал, высокое человеколюбие проявляете. Многие известные вам люди в наших ложах пребывают. Может быть, вам известно, что во флоте еще со времен Петра и Лефорта масонское влияние имелось немалое. Но потом, в период упадка мощи морской, ложи сии действовали скромно и потаенно, заинтересовывая и подготавливая умы. Самуил Карлович Грейг – вот истинный восстановитель русского масонства. Самуил Карлович собирал вокруг себя лучших офицеров и через морское Кронштадтское собрание, где собирались многие офицеры для смягчения и улучшения нравов, идею эту провел широко. Эти офицеры со многими другими иностранными друзьями знакомились через масонов, заимели товарищей зарубежных. Их же слава выросла благодаря участию в этих собраниях нравственного воздействия. Ваша тоже от сего возвысится, не сомневайтесь!

Ушаков сразу собрался, не дал себе попасть ни под власть вина, ни под доброжелательный тон посла, ни под магию обещаний. Все это он уже слышал не раз. Знал и то, что и в ссору с могущественной силой входить не следует; подчиняться им тоже не следует. Отечество – вот высшая сила, ему он служит без остатка, а масоны это служение хотят переключить куда-то в другое место, заставить служить каким-то другим силам и странам. Ответил спокойно, но твердо:

– Нет, сему вашему приглашению не последую.

– Ну отчего же? Вы не хотите или не можете быть с нами? Известно, что на свете есть три сорта людей: Хочу, Не хочу и Не могу. Первые всего достигают – это мы; вторые всему мешают, а третьи терпят во всем неудачу. Вы из каких?

– Любезный граф, благодарю за доверие, что вы мне оказали здесь, вдали от милого моего Отечества, пригласив в ложу людей почтенных и достаточных. Но я для себя избрал другой удел. Служить без корыстного расчета своему Отечеству, трудиться на благо флоту Российскому. Вы мне говорили, что ложа ваша поможет мне славу создать. Могу сказать, что в Палермо и здесь, в Неаполе, тоже римской историей интересовался и вот что в память взял. Римляне в храмах своих ставили алтари Доблести и Славе, так что никто не мог достигнуть второго, не пройдя перед первым. Порядок движения таков: Труд, Доблесть, Слава. Кого может удовлетворить успех, ежели б для достижения оного было бы довольно одного желания? И кто-то бы мне даровал славу без моих усилий. Благодарю, граф. И довольно об этом.

У Анаконы

На восточной части Италии высилась неприступная, великолепно защищенная крепость Анакона. Защищали ее французы хорошо. В войсках

были дисциплина и порядок. Разговоры о распаде республики, о фактическом господстве в ней банкиров, об измене лозунгам революции сюда как-то не доходили, генералы Директории сумели вдохнуть в солдат дух стойкости и мужества. Под стенами крепости находили защиту французские корабли, что пересекали линии доставки продовольствия союзным армиям в Северной Италии. Австрийцы снова взывали к русским. Суворов предложил Ушакову оказать необходимое содействие сухопутным войскам. 5 (16) мая 1799 года у Анаконы полукругом расположилась эскадра Пустошкина.

– Все. Баловство на море придется прекратить, – меланхолично заметил командующий крепостью. – Ну что ж, погуляем на суше. Надо будет приструнить этого отчаянного Гоци. Он-то должен понимать, что монархисты из России не его союзники.

Но республиканец и патриот Лагоци[31] понял, что сейчас именно русские – его союзники. Было время, когда он мечтал восстановить объединенную Италию и изгнать из северной части австро-венгров, из южной – нерадивых и безразличных к судьбам страны Габсбургов и Бурбонов. Французы использовали его страсть и восторженность для изгнания австро-венгров и низвержения королевских фамилий в Пьемонте, Тоскане. Но стало ясно, что они не стремятся воссоединять расчлененную Италию, и Лагоци прозрел, увидев, что генералы Директории не освободители, а очередные поработители страны. Он собрал вокруг себя отряд таких же, как он, молодых людей и отдался делу освобождения родины от французов. Здесь, под Анаконой, он соединился с десантным отрядом Пустошкина и стал захватывать прибрежные крепости, стягивая обруч блокады вокруг самой Анаконы. Пустошкин затребовал для окончательного штурма и австрийские войска. Те, как всегда, в бой не стремились. В это время стал распространяться слух, что в Средиземном море объявился мощный французско-испанский флот, и русская эскадра снова стала собираться в один кулак. Собравшись в Корфу, русский и турецкий флот двинулся к берегам Сицилии, а под Анакону Ушаков отрядил несколько судов под начальством графа Войновича. «Три фрегата от меня посланы блокировать и взять Анакону, это необходимо нужно и непременно, ибо без того Венецианский залив не будет спокоен, пока не взята будет Анакона», – пишет Ушаков 16 июня Томаре.

Но над Анаконой продолжал трепетать французский флаг. Крепость оставалась главным опорным пунктом Директории в Центральной Италии и Венецианском заливе. 700 пушек простреливали все подступы к стенам. Десять судов перекрывали возможность русским кораблям ворваться в гавань. А то, что для русских нет ничего невозможного, французские генералы убедились по Корфу.

Лагоци по появлении кораблей Войновича воспрянул духом, стал готовиться к штурму. Но для этого попросил у графа хоть немного русских солдат, дабы воодушевить шесть тысяч своих ополченцев. Войнович отрядил ему 187 русских и турецких солдат под началом лейтенанта Макара Ивановича Ратманова. Макар Иванович в Анаконе уже бывал. Он отвозил туда на шебеке «Макарий» генерала Шабо и его штаб. Внимательно осмотрел он тогда крепостные и предмостные укрепления да незаметно промерил глубину гавани и вход в нее.

Под стенами крепости разгорелись быстротечные баталии. Обычно ополченцы Лагоци завязывали перестрелку, атаковали выдвинутые вперед форты, французы контратаковали и обращали их в бегство, преследуя до русских батарей Ратманова. Русские солдаты открывали точный огонь и вместе с турками шли в рукопашный бой. Французы быстро ретировались в крепость.

Два месяца продолжались эти боевые упражнения в храбрости и ловкости. В «сшибках сих» погибали наиболее отчаянные удальцы. Так, французский генерал Чазан быстро и решительно прорвал оборону ополченцев и решил захватить батарею Ратманова. Французов было больше, но русские мужественно сражались и вместе с подоспевшим подкреплением отразили атаку. Турецкий солдат сумел накинуть на Чазана петлю, но, видя, что не уведет его из окружения французов, заколол кинжалом. Французы захватили тело Чазана и отступили за крепостные стены. Начальник гарнизона решил отомстить за смерть одного из храбрых французских генералов и создал «Адскую колонну» – особый отряд из отъявленных головорезов и смельчаков. Было решено захватить ночью Лагоци, уничтожить русских командиров и их солдат.

Ранним утром, рассматривая расположение ополченцев в трубу, сверяя их с данными, полученными из окружения Лагоци, командир гарнизона увидел, что его агент вздернут на виселицу. Планы захвата пришлось оставить. Но Лагоци раздражал и уязвлял французов. Они считали его изменником. Голова его была оценена дорого, и в очередной, хорошо спланированной вылазке французы достигли палатки Лагоци, но тот и не собирался убегать. Он мужественно бросился навстречу врагу. Сабля его не знала устали, он разрядил все свои пистолеты в нападавших, но французы не дрогнули, окружили его и штыками сняли с лошади! «Вива Директория!» – раздалось в их рядах.

Макар Иванович Ратманов бросился на выручку Лагоци. Атака была столь стремительна, что французы бросили пленных и даже собственные ружья. Лишь сабля мужественного сына Италии была захвачена французами. Сам же Лагоци на носилках был отнесен русскими солдатами в палатку Ратманова. Макар Иванович говорил: «Сходство наших характеров, взаимная доверенность… сблизили меня с Лагоци узами дружбы». Утром, незадолго до

кончины, Лагоци взял за руку Ратманова и сказал, что заветной его мечтой было освобождение Италии; сколько раз он переходил из одного лагеря в другой, чтобы создать единую, мощную Италию.

Лишь через 60 лет осуществил эту мечту Джузеппе Гарибальди, человек, чья судьба тоже была связана с Россией.

В октябре к Анаконе приблизилась большая колонна. Топали сотни австрийских солдат. «На вид войска славные, а каковы на деле – увидим», – записал Ратманов. В середине колонны был длинный обоз вещей генерала (фельдмаршал-лейтенант) Фрейлиха. Сам австрийский генерал двигался позади своей дивизии. Он любил комфорт и не привык ждать, когда сварят обед. К его приезду должно быть все готово.

Под Анакону вместе с генералом Фрейлихом пришли интриги и вероломство. Австрийцы, как и англичане, жаждали лавров и не хотели их ни с кем делить. Но если Нельсон сам обладал военными дарованиями, то у Фрейлиха их просто не было. Зато апломбом и высокомерием он вполне достигал одноглазого адмирала. Его армия превосходила ослабленный и изнуренный стычками с ополченцами Лагоци и солдатами Ратманова гарнизон, и австрийский генерал решил ни с кем не делить славы от взятия падающей к его ногам крепости. Капитуляция! Это слово витало в воздухе. Но Войнович уже заявил, что он требует полной сдачи на милость победителей. Фрейлих же стал пробовать разные варианты. Прежде всего ему хотелось бы, чтобы русские корабли ушли. А это должно было случиться, ибо обстоятельства вынуждали к тому. Хлестал непрерывный дождь, стояли густые молочные туманы.

Фрейлих попробовал штурмовать. Австрийцы наступали робко, были разбиты быстрой контратакой и, потеряв 300 человек убитыми, отступили.

Русские же и турецкие пехотинцы Ратманова ворвались в укрепление, стоящее рядом с крепостью, и целый день держались, ожидая подкрепления. Но Фрейлиху было не до них. Пришлось отступить. Зато у австрийского генерала нашлось время отменить все приказы русского командования в освобожденных городах, поселках вокруг Анаконы, сменить назначенное там местное начальство, проявить полное пренебрежение к русскому командованию. Войнович протестовал. Даже Ушаков вмешался. Не помогло. Когда нет стратегического таланта, то амбиция неизменно выходит на первое место. Осенние бури действительно заставили отойти большинство кораблей Войновича в укрытие. Фрейлих сразу же после этого 2 ноября подписал акт о капитуляции с начальником французского гарнизона, запретив русским и турецким солдатам входить в город. На глазах у изумленных жителей из крепости выходил длинный обоз с награбленным имуществом, вокруг кареты французского командующего шел вооруженный караул из 15 конных и 30

пеших солдат. Распущенные знамена, треск барабанов заставляли захлопывать двери обывателей. Не победили ли французы?

Верно было написано в одной книге: «Какая громадная разница между этой капитуляцией и теми условиями, какие ставились русским флотом при занятии крепостей по побережью Ионического и Адриатического морей! В русских капитуляциях слышен голос победителя, дающего вынужденно милость побежденному. В капитуляции же Фрейлиха слышался страх и желание так или иначе, только поскорее избавиться от страшного еще врага».

Ратманов с оставшимися кораблями вошел в бухту Анаконы, его моряки водрузили на моле, купеческих кораблях, карантине три союзных флага (русский, турецкий, австрийский). Фрейлих был вне себя. Он приказал согнать русских моряков с мола, сдернуть русский флаг. Горячие головы – русские офицеры – уже развернули пушки, чтобы ударить по тем, кто оскорбил флаг державы. Последовал приказ. Не надо! Союзники, а не враги вроде… Ушаков, задыхаясь от возмущения, доложил Павлу.

Лейтенант Ратманов с горечью написал в своих записках: так «похитили у нас все то, что труды и опасность долженствовали вознаградиться, но слава храбрых останется навсегда».

Выступать в Россию…

Суворов вырвался из швейцарской западни, совершив свой последний блистательный переход. В те дни, когда зловредные козни Гофкригсрата и Тугута «выдавливали» русского полководца из Австрии, на французскую пристань Фрежюса после длительного и опасного плавания из Египта ступил генерал Бонапарт. Колесо фортуны разворачивалось в другую сторону. История начинала переписываться заново. Суворов еще слабо надеялся на возвращение ему союзниками действительной и полной военной власти. Написал письмо Ушакову с описанием кампании: дал знать – сражаюсь. Правда, он решил больше не верить словам союзников. А австрийцы и опирались только на слова, ибо замыслы у них были другие. Суворов почувствовал это снова и, когда эрцгерцог Карл просил его о личном свидании, сурово ответил, что ему могут сообщить, что почтут нужным, в письме, надеясь, что письменные обязательства будут более уважаемы, чем устные. Его снова уговаривали, назначили место свидания с эрцгерцогом в Штокках. Суворов с раздражением говорил: «Чего хочет от меня эрцгерцог? Он думает околдовать меня демосфенством. Решите вы с ним, а у меня на бештинзаген ответ готов. Он дозволил исторгнуть у себя победу. Мне 70 лет, а я еще не испытывал такого стыда. Да возблистает слава его! Пусть идет и освободит Швейцарию – тогда и я готов!»

Суворов был в настоящем горе. Как можно так упускать победы. Как можно так предавать союзников. Написал эрцгерцогу: «Мы сражались день и ночь, взбирались в холод на снег, утопали в болотах и пришли к Рейну победителями, но босые, в рубище, без хлеба, оставляя раненых». «… Над таким старым солдатом, как я, можно посмеяться только один раз, но слишком глупо было бы с моей стороны второй раз позволить себя провести. Я не могу входить в план операций, от которых не ожидаю никаких выгод. Я послал курьера в Петербург, увел на отдых свою армию и не предприниму ничего без повеления моего государя».

«Если хотите, – дребезжащим голосом, готовым сломиться, втолковывал он английскому полковнику графу Клинтону, – то надо снова исправить армию, соединиться всем вместе и действовать всеми силами, не ожидая, опрокинуть неприятеля в центре, раздавить его, преследовать и изгнать его из Швейцарии, а дальше… – И, видя восторженное недоверие в глазах англичанина, понимая, что ничего не изменится, если он будет действовать в цесарских оковах, при мертвенном почитании эрцгерцога, при тугутовом вмешательстве, сказав о себе, отстранение закончил: – Эрцгерцог Карл, когда он не при дворе, на походе, такой же генерал, как и Суворов. Кроме того, Суворов старше его опытностью и разрушил теорию нынешнего века, особливо в недавнее время, победами в Польше и Италии, посему ему и диктовать правила военного искусства».

Граф восхищался, соглашался, обещал передать все эрцгерцогу, но при словах Суворова о том, что всю операцию можно завершить за месяц, не сдержался и недоверчиво усмехнулся. Фельдмаршал рассердился:

– Да-да, за месяц! Надобно только беречься адского жерла методиков. Прочь, зависть! Контрмарш! Демонстрации! Они – ребяческие игрушки. Мои правила: глазомер, быстрота, натиск!

Клинтон не раз вспоминал позднее в Лондоне, что ожидал увидеть после швейцарского похода сломленного усталого старика, а увидел энергичного, не прекращающего думать над судьбами всей войны, над операциями в Швейцарии, Италии, на Рейне человека. После получения рекомендательного письма от Суворова русскому послу Воронцову с гордостью писал он в Лондон:

«Сейчас выхожу я из ученнейшей военной Академии, где были рассуждения о военном искусстве, о Аннибале, Цезаре, замечания на ошибки Тюреня, принца Евгения, о нашем Мельборуке, о штыке и пр. и пр. Вы, верно, хотите знать, где эта Академия и кто профессоры? Угадайте… Я обедал у Суворова».

В Англии же в это время слава Суворова достигла апогея. Посол Воронцов писал Суворову, что после песни «Правь, Британия» (ставшей позднее национальным гимном) исполнялись куплеты, прославлявшие подвиги Суворова. «Вся публика изъявляла крайнее восхищение при пении сих стихов; плескали, кричали: „Браво! Браво!“ – и заставляли актеров пропеть оные два раза». Посол добавлял, что король на торжественном обеде в честь кентской милиции провозгласил тост и за здоровье фельдмаршала Суворова!.. «Во всей Англии, за всеми столами после здравия королевского следует здравие Вашего сиятельства». Народ же английский, писал Воронцов, «льстить не знает, даже и противу собственного короля, а если кого и хвалит и прославляет, то верить можно, что без лести, без обиняков, а от искреннего сердца, от истинного уважения». Австрийский же двор Суворова лишь боялся, а не уважал.

Вена надеялась, что и на этот раз, осенью 1799 года, уговорят строптивого старика с помощью Павла I. Однако российский император все больше и больше задумывался над эфемерностью союза императоров. Его императорские амбиции уступали место трезвому реализму. Да и Суворов срывал маски с союзников, столь бесцеремонно и хищнически распоряжавшихся его победами. Он не доверял русскому посланнику в Вене графу А. К. Разумовскому, полностью попавшему под влияние Тугута. И начал отправлять свои донесения, минуя русское посольство, – сразу Ф. В. Ростопчину, «прямо государю». Павел сначала лишь подозревал, что его обманывают, потом сам убедился в этом. Он соглашался с Суворовым, что надо продолжать наступление в Италии и выйти на Юг Франции, но Тугут его убедил, что надо приостановить движение. Павел хотел восстановить власть бывших владетелей Северной Италии, а Австрия упорно этому сопротивлялась, имея в виду установление своей. Австрийцы уже не без труда уговорили Павла перенести действия русских войск в Швейцарию и вдруг предали их там, как он понял по донесению Суворова. Стал разбираться, по-другому оценил предыдущие донесения Суворова, отписал тому: «Не предпринимайте ничего, что не касается цели союза. Не хочу тратить войска для тех, кто упустил время и хочет заменить себя союзниками для своих выгод».

Австрийский посланник в Петербурге граф Кобенцель велеречиво распространялся о ценности союза, о том, что австрийцы не покинут Швейцарию до подхода русских. Узнав, что цесарийцы и не думали поддерживать Суворова, Павел рассвирепел и написал фельдмаршалу: «Хочу посмотреть, как австрийцы одни, без вас будут бить французов», подтвердив, что разрешает ему действовать отдельно или безостановочно идти в Россию.

Тугут уже вызывал приступы ярости и у Павла. Он приказал не принимать австрийских подданных при дворе, выслал из России его посланцев. В Вену назначили нового русского посланника С. А. Колычева, Разумовского

отозвали из Вены. Ростопчин, саркастически сообщая об этом Суворову, добавил: «Гр. Разумовский по привычке жить в Вене и по великому мнению о бароне (Тугуте. – *В. Г.*) весьма часто забывал, какому государю он служит. Колычев хоть и не так затейлив и менее у дворов играет роли, но может не хуже дело сделать». Павел ждал вестей от Суворова. Фельдмаршал все подтвердил, и 22 октября 1799 года Павел отдал приказ: «Войска мои, принесенные в жертву, политика, противная моим намерениям и благосостоянию Европы, поведение австрийского министерства, причин коего я знать не желаю, заставляют меня общее дело прекратить, дабы не утвердить торжества в деле вредном».

Англичане, почувствовав, что Россия уже разгадала это постоянное умение – воевать чужими руками, кинулись уговаривать русского императора, убеждая «пожертвовать справедливыми причинами негодования его против Австрии». Даже Тугут залебезил: рескриптом императора Франца Суворов был награжден орденом Марии-Терезии I степени. Поздно. Павел был непреклонен и прислал Суворову строгое предписание идти в Россию.

«Я решился отстать вовсе от связи с Двором Венским – и давать единый ответ на все его предложения, доколе Тугут остается министром, то я ничему верить не буду; следственно, и ничего делать не стану. Весьма рад, что от вашего из Швейцарии выступления узнает эрцгерцог Карл на практике, каково быть оставлену не вовремя и на побиение; но немцы – люди годные, все могут снесть, перенесть и унесть. Прощайте, князь Александр Васильевич, вас да хранит Господь Бог, а вы сохраните Российских воинов, из коих одни везде побеждали оттого, что были с вами, а других победили оттого, что не были с вами».

Суворов как-то поник, состарился. Нет, не там, штурмуя Сент-Готард, не при преодолении горного Паникса, тут же, в зеленой долине, понимая, что то были его последние победы и, пожалуй, последние битвы. Австрийцы принялись действовать через Суворова, зная, что его стихия битва, он, конечно, был готов ее продолжать, задержал отход, доложил. Павел поставил условием соблюдение союзных обязательств, отказ от австрийских приобретений и восстановление всех старых государств в Италии, увеличение усилий Англии и верховное командование Суворова над всеми вооруженными силами коалиции. Спесь цесарийцев и коварство политиков с берегов Темзы не позволили это сделать. Павел понял, что его попытки создать прочную коалицию всех монархов рухнули, и отдал приказ Суворову немедленно выступать в Россию.

Посланник гадает

Сегодня Василий Степанович Томара общался с душами ушедших, постигал будущую судьбу. Они появлялись в тени свечей, в их сполохах от посыпаемого зеленоватого порошка. Опускались, шептали, предостерегали. Там, в том мире, уже много истерзанных, желающих поведать о себе душ. Их голос предостерегает, сдерживает от греха и порока, очищает. Но их надо услышать, почувствовать, отворить свое сердце и разум навстречу. Василий Степанович раскрывал, старался постичь этот мир, слегка заглянуть в тот. Ему все больше и больше казалось, что все нынешние потрясения, неповиновение черни, безверие и разврат идут от вздорных книг, от неистовых философов, от нарушения веками установившегося порядка, от выдуманных законов, идущих вразрез с традиционным духом народа, его корнями и нравом. Души ушедших убеждали его в этом.

Василий Степанович пытался заглянуть как в прошлое, так и в будущее. Нередко, разглядывая ладонь собеседницы, он многое предсказывал. Проводя пальцем по трепетавшей ручке, он вначале сокрушенно качал головой и объяснял, что линия жизни близко подходит к линии Сатурна и потому близка смертельная опасность. Дама вздрагивала, подсаживалась ближе к предсказателю, ее зрачки расширялись, и она со страхом и надеждой ожидала окончания.

А Василий Степанович внимательно вглядывался в линии пересечения, бугорки ладони и видел в них то, чего другим было не дано. Он разглаживал кожу и, поднеся руку к глазам, каким-то изменившимся, почти утробным голосом оповещал, что линии опасны, но, продолжаясь дальше к золотому безымянному пальцу, они образуют крест. А сие дает возможность при добрых советах и благоразумных действиях избежать несчастья. Дамы готовы были выслушать все советы всевидящего Василия Степановича. А он, слегка сжимая ладонь и показывая на ложбинки у венериного бугорка, объяснял, что желания и томления сердца следует удовлетворять, и это не легкомыслие, а натуральность характера и его здравость. Мужчины, правда, при сем ухмылялись и злословили, в предсказания не верили. Он и не заставлял. Судьба покажет, кто прав.

Сегодня, однако, он гадал один. Хотелось удачи. Чувствовал себя плохо, болела печень после острых турецких блюд, мучила зыбкость константинопольской султанской кухни. Заварил кофе в медной турецкой кофеварке. Делал все медленно, осторожно. Не спеша слил жидкость, переложил три ложечки гущи в одну чайную чашку, затем в другую. Накрыл их блюдечками и осторожно опрокинул на стол. Капнул чистой воды. Подержался за виски, задвинул шторы, зажег свечу и, взяв чашку за донышко, не стряхивая,

тихо и бережно опустил ее три раза. И каждый раз повторил, направляя на свечу звук, три слова: «Верность, дружба, согласие». Посмотрел на одну чашку, затем на другую и первым решил испытать судьбу Ушакова. Ушакову удивлялся искренне. Видел его талант флотоводца. Но возмущался: «Что лезет в дела государственные?» Лезет настойчиво, неуступчиво. Одержал великую победу – честь и хвала. Однако же упрямое его гонение на аристократов было уже опасно. Если бы не ведал Василий Степанович, что ревностно служил Отечеству Ушаков, то мог и заподозрить в якобинских симпатиях, в заразе, ныне коснувшейся многих. Посланник много приложил усилий, дабы временный план заменить Византийской конституцией для новой Республики Семи островов без крайностей ушаковских предписаний. Ушаков забомбил его письмами, жалобами на лучших людей, устроил со своим дружком Тизингаузеном нетерпимую жизнь для них. Все печется о благоденствии многих. Да разве для многих жизнь хорошую, достойную высоких помыслов, создашь? Бред! Не многими, а лучшими мир держится. Правда, последние годы оглядываться приходится, слова разные ласковые говорить для успокоения всех, что поделаешь, пожалуй, только льстя народу и создавая впечатление, что разделяешь его мнение, можно в наши дни привести его к мыслям более здравым. Но льсти! Льсти! Кто тут мешает Ушакову? А дело твори во благо немногих аристократов, не допускай к власти тщеславное и завистливое мещанство, второй класс, всяких художников и лекарей. Не жаловался на него императору, только прилагал к реляциям Павлу копии своих писем Ушакову, в которых наставлял адмирала, не соглашался с ним. Думал, Павел поддержит, одернет Ушакова. Однако император молчал. Плохо и неуютно, когда твои рапорты не поддерживают. Послал свои соображения в Коллегию иностранных дел, но и там молчали.

Нет, мелкопоместный дворянин, оказавшийся у кормила власти волею случая – ну пусть не случая, а собственной победы, – вздорен, неуправляем и даже опасен. Недаром вице-канцлер Кочубей говорил об Ушакове: «Не велик гусь!»

Василий Степанович собрался, свел брови, поднял чашечку и долго всматривался в приставшую к ее краям кофейную гущу, в скрытые фигуры и тайные очертания, что предсказывали будущее. Вначале все было ясно. Посланник покрутил чашку, присмотрелся, проступили ветви. Густые ветви каких-то диковинных деревьев, листья с которых отлетали в сторону. М-да! Раздоры, раздоры ожидают боевого адмирала. Предупреждал ведь, предупреждал. Правда, вот там видно что-то роговое, из-за гущей кофейных. Ну а рога – к дороге. Дорога дальняя. Засиделся адмирал, застоялся, пожалуй, лучше ему в Ахтияр побыстрее.

О себе Василий Степанович не беспокоился – знал, что найдет верное толкование любому пятну кофейному. Но всегда хотелось очевидным знаком утвердить судьбу. Так и есть, слава Богу, башня. Сие добрый знак. Рядом, правда, мельница. То клевета. Перевел глаза снова на башню. Задумался…

Василий Степанович служил царской короне ревностно. Служил не из наград и почестей. А из внутреннего побуждения, подчеркивая свою преданность второй родине. Собственно, для него первой, ибо это его переселившиеся на Украину родители могли считать Грецию родиной. Он же узнал мир и добился своего положения в России. Сейчас он уже в годах, но видел много, добился немало. Побывал переводчиком в Закавказье и послужил служащим константинопольского посольства. Царский двор заметил его, заметил и оценил хитрость и скрытность, храбрость и изворотливость. На Черном и Средиземном морях его знали. Бывал он во многих портах, и сам в 1790-1791 годах командовал русскими кораблями в Средиземном море. Тогда и пришлось ему столкнуться с турками. Связи с Кочубеем привели снова сюда, на берег Босфора. Но не только за связи определяли послов сюда, в Турцию, а и за знание, за усердное служение царскому двору, великой империи. Старался Василий Степанович и служил не за страх, а за совесть. За совесть владетеля крупных имений, сотен крепостных душ и немалых капиталов.

Слуга доложил: «Опять эти крикуны-просители». Обычно Василий Степанович ухмылялся, а тут прикрикнул: «Не смеешь так о господах!» Тот с удивлением взглянул на хозяина и громко, явно передразнивая, крикнул: «Высокие командиры и сенаторы прибыли к русскому посланнику». Теперь уже и Томара с удивлением взглянул на слугу: «Откуда только неповиновение сие нутряное? Ведь от якобинского Парижа и пугачевской Волги отсюда так далеко… Времена…»

Гости зашли шумной, суетливой толпой. «Какие из них аристократы? Так, только пыжатся. Прав Ушаков: индюки венецианские».

– Высокочтимый русский посол, как всегда, мы склоняемся перед вашей великой мудростью, перед сиянием императора Павла, и, как всегда, во второй руке у нас жалоба на вашего адмирала, – не делая паузы, ибо переводить было не надо, зачастил Каподистрия. Все закачали головами в подтверждение сказанного. – Невыносимо, – закатывал глаза старый депутат. – Невыносимо жить в постоянной угрозе, что твои слуги тебя прирежут, крестьяне запашут твои земли, а ремесленники займут твои дворцы. И страшнее всего то, что глава утвердившейся у нас российской власти, власти монархической России, все прощает им…

– Господин посол, – вдруг перебил одетый в изысканный костюм с венскими кружевами Граденигос Сикурос ди Силлас, – он не только прощает

им, – голос его понизился до шепота, – он подстрекает их, он сам заговорщик, а его капитан Тизингаузен – якобинец.

– Полноте, господа! Полноте! Адмирал в полном здравии, – решил осадить Томара. – Он имеет указание нести военную службу и несет, как вы знаете, ее исправно. Как ваши острова, так и Неаполитанское королевство пребывают в безопасности. Что касаемо вашей власти, то оная имеет полную поддержку императорского двора в Петербурге и нашего посольства в Константинополе. Что вам еще нужно?

– Но до вас так далеко, господин посол, а второклассные и вся чернь каждый день бывают у адмирала. Утром у него, а вечером звенят стекла в наших домах. Спасите нас от беззакония.

Томара помрачнел: он знал, что этим заканчиваются все его встречи с аристократами. Не хотелось защищать сумасбродного Ушакова, но и этих заносчивых баранов надо осаживать. Бегают, не переставая, к визирю, Раис-эфенди. Имел точные сведения, что много часов провели у английского консула Форести и нового великобританского посла в Константинополе Элгина. Ловердас, большой интриган и умелый сочинитель, втайне приписывающий себе авторство Византийской конституции, вкрадчиво, словно разглаживал морщины на лбу посла, стал его благодарить за участие и помощь в продвижении их нового свода законов.

– Ваше превосходительство, вы мыслите много и напряженно, и мы знаем, что вы поддерживаете естественную природу общества, когда сверху власть, идущая от Бога. Не выбирать ее надо, а опираться на вековечный порядок. Мы благодарим вас, но… – Ловердас развел руками, – русский адмирал попирает сей принцип. Знаете ли вы, что он в нашем отсутствии кричал на почтенных депутатов Сената, поддержавших нас? «Если бедняки восстанут и вас вырежут, они очень хорошо сделают, и я прикажу моим солдатам не вмешиваться в это. Вы заслуживаете все, что бедняки с вами сделают, потому что вы и ваши депутаты – предатели». Он приказал отозвать нас.

Томара тяжело вздохнул, он уже знал, что Форести написал об этом туркам и лорду Элгину. Врал, конечно. Адмирал, наверное, не одобрял пугачевщину, но слово, поди, крепкое сказал. Пора, пора и его осадить, а то не оберешься хлопот. До Петербурга слухи доползут: а где посол был? Посулил успокоить адмирала, взял их «жалобу» на него, твердую поддержку императорского двора обещал аристократам, но, выпроваживая, кольнул:

– А вы, господа, не отходите от ваших главных освободителей и заступников. А то всех нобилей делят на турецкую и английскую партии, а

русской партией громко себя именуют лишь второклассные и чернь. А Форести да Раис-эфенди вас не защитят, ежели вы с Россией порвете.

Аристократы засмущались, обещали ревностно служить и русскому императору, добиваться его благосклонности.

Василий Степанович постоял у окна, проследил, куда разъезжаются депутаты, потом сел за стол, придвинул чернильницу и вывел: «Вашему императорскому величеству осмелюсь всеподданнейше донесть…»

Шел 1800 год…

1 января русская эскадра вышла из Мессины. На Мальту? К Неаполю? В Россию? Нет, пока на Корфу. До России, пожалуй, корабли не дошли бы. Ушаков, к своей досаде (да, именно так), получил предписание возвращаться. А он уже многое сделал, чтобы принять участие в штурме Мальты, и был уверен, что его поход приведет к скорому падению крепости.

«Я весьма бесподобно сожалею, – напишет 25 декабря Федор Федорович Италийскому, – что дела наши и приготовления в рассуждении Мальты расстроились и, так сказать, все труды пропали. Я надеялся соединенно с англичанами взять ее непременно, но означенные в письме обстоятельства воспретили».

Ушаков не лицемерил. Он логически хотел завершить кампанию в Средиземном море взятием последней островной цитадели французов. Он действительно хотел помочь в этом своему именитому и ненадежному союзнику Нельсону, но его личное слово отступило перед указанием сверху.

«Крайне сожалею и о том, – продолжал он в письме Италийскому, – что не мог устоять в условии с господином адмиралом Нельсоном и господином Бол, **я весьма желал содействовать с ними вместе,** но усмотреть соизволите, что все дела наши зависят от воли высочайшей. Есть известия, что к графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому давно уже посланы таковые же высочайшие повеления, пишут, что будто и уехал в Петербург и войска наши начинают возвращаться в Россию».

Суворов еще 29 октября получил рескрипт, в котором Павел I подтвердил свои повеления о возвращении в Россию. Этим же числом был обозначен рескрипт, по которому замечательному полководцу присваивалось высшее воинское звание генералиссимуса. «Побеждая повсюду и во всю жизнь нашу врагов Отечества, недоставало вам одного рода славы – преодолеть и самую природу. Но вы и над нею одержали ныне верх, – писал Павел I. – Награждая вас по мере признательности моей и ставя на высший степень, чести и

геройству предоставленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков». Однако и гений полководца не в силах преодолеть коварство союзника и друга. Врага победить можно в открытом бою, маскирующийся под друга союзник ранит больнее.

В начале января корабли Ушакова прибыли в Корфу. Он послал ордеры Пустошкину в Геную, Сорокину в Неаполь и Войновичу в Анкону с приказом без выявления истинных целей стягиваться к Корфу. Работа предстояла громадная. Корабли эскадры уже полтора года находились в плавании. Обшивка многих фрегатов сваливалась на ходу, черви изглодали подводную часть, сгнили мачты. Надо было попытаться килевать корабли, вытащить в док, проконопатить, сделать «вделку», то есть сменить сгнившие части на новые, покрасить.

И опять наступила голодуха на эскадре. Обещанных турками запасов на Корфу не оказалось. Сухари, которые считались у них в наличии, – сгнили. Провиант из Турции и ее пашалыков не доставлялся. Шукри-эфенди уведомлял главнокомандующего, что продукты скоро привезут, прибудут корабли из Константинополя с ними, но Ушаков в сердцах писал, что «никакого и слуху о том нет», и с горечью восклицал, обращаясь к Томаре: «Вот опять я и навсегда в бедственном состоянии от провианта, Боже избави меня от грешных мест и от столь худого содержания и страдания нашего от голоду; что когда и получаем, все негодное, и ни в одной нации нигде такого худого содержания нету».

20 же февраля турки своеобразно отпраздновали годовщину взятия Корфу, приказав не отправлять из Морей сухари для русской эскадры «впредь до повеления».

Ушаков ругался, писал Томаре, а тут еще банкир Гипш занялся всеобщим делом всех торгашей – обманом. Из его конторы выдали деньги по курсу, где червонец стоил не 60 копеек, а 73. Ушаков возмущен, почти возопил: «Такой цены на пиастр нигде нету!» – предвидя неудовольствие тех, с кем ему придется рассчитываться. Он и всегда-то бережно обходился с деньгами, умел считать, не транжирил, а сейчас думал над каждой копейкой, сокращал расходы, но и занимал, не давая голодать людям. Одним словом, умел превратиться в финансиста, когда надо, русский адмирал. Не считал это он ни зазорным, ни пустым делом – все подчинял флотским заботам и нуждам.

Павел I испробовал в борьбе с республиканской Францией почти все приемы в политике. Коалиция, с помощью которой он хотел восстановить монархическое равновесие, оказалась нестойкой. Всякий союзный кулик тянул в полезное для себя болото. Российский министр иностранных дел, вице-канцлер Ростопчин мрачно размышлял о положении Европы и России после кампании Суворова – в 1800 году: «Франция, Англия, Пруссия кончат войну со

значительными выгодами, Россия же останется ни при чем, потеряв 23 тысячи человек единственно для того, чтобы уверить себя в вероломстве Питта и Тугута, а Европу в бессмертии князя Суворова». Русский историк В. О. Ключевский так охарактеризовал этот заканчивающийся период истории: «Принципы, введенные русским двором в международную политику: политическое **равновесие** – как основное правило, **коалиция и конгресс** – как средство против революционной пропаганды и мировой республики, **религиозно-национальная самобытность** – как вывод из основного правила против революционного космополитизма. Среди господствовавших тогда мелких **эгоистических расчетов** только в дипломатических бумагах петербургского кабинета можно найти какой-то материал для **системы,** достойной европейской цивилизации. Так, **выступая деятельной участницей** европейских движений, Россия вступила на путь, по которому шла целый век – становится во главе угнетаемых и угрожаемых какой-либо исключительной силой». Известный историк уловил направления в политике того времени. Россия Павла I стремилась ограничить всемирно завоевательскую тенденцию и захватнические амбиции молодой французской буржуазии, стремясь не допустить поглощения ею всей Европы. (Естественно, заботясь при этом и об интересах правящих династий.)

Первый консул Французской республики, а им по Конституции с 18 брюмера (9 ноября) 1799 года был уже Наполеон Бонапарт (ускользнувший как от египетской мышеловки, так и от позорной славы пораженца), удерживал только форму республики, на самом деле получил уже права монарха (замещение должностей, право начальника над сухопутными и морскими силами страны и т. д.). Павел I, конечно, чувствовал это, и его антифранцузская направленность иссякла. Началось прощупывание для будущего союза. Павел, правда, еще присматривается к коалиции, не рвет до конца, надеется на возвращение Мальты, не хочет возбуждать турок, отдает противоречивые указания Ушакову.

Англия, увидев, как уплывает безотказный союзник, включила все свои ресурсы, чтобы задержать печальный для нее процесс, устранить Павла I. Английский исследователь Дж. Кинни показал, как не жалело денег английское посольство для подкупа высших лиц. Он пишет: «Один из главных заговорщиков, князь П. А. Зубов, по слухам, подготовил проект Конституции для России, взяв за образец Конституцию Англии. Сестра Зубова, Ольга Жеребцова, которая была любовницей Чарлза Витворта, бывшего британского посланника в Санкт-Петербурге, заявляла, что английское золото помогло финансировать заговор. Многие люди также утверждали, что видели еще причинную связь в дружбе Витворта с графом Паниным, одним из признанных инициаторов заговора. В заговоре, конечно, участвовали не одни английские агенты, были тут и обиженные екатерининские вельможи, дворяне, жаждущие

перемен. Окружение Павла почувствовало опасность летом 1800 года, разгадало шифр Витворта, который и был выдворен в июне из столицы. Панин был сослан в деревню. Но 40 тысяч золотых рублей, оставленных Витвортом, работали на заговор. В далекое же Средиземноморье все это в полной мере еще не докатилось. Тут действовали старые рескрипты, указания и амбиции.

Однако к середине 1800 года перед русской эскадрой вырисовывается окончательная необходимость возвращения на Родину. Ушаков собирает военный совет.

«В рассуждении недостатка провианта, потребных припасов, материалов, такелажа и большого требующегося исправления кораблей, на котором согласное положили мнение…

Эскадрам и войскам, здесь находящимся, немедленно возвратиться в черноморские порты».

Павлу I, дабы предотвратить новые эмоциональные его указания, в рапорте 2 июля Ушаков обосновывает это решение его же предписаниями. «При нынешних последовавших обстоятельствах Генеральный военный совет сие предположение почитает полезным с таковою надеждою, что оно сходственно с прежними высочайшими повелениями и теперешними обстоятельствами…

…Со всеми прочими кораблями, фрегатами и войсками следовать через Архипелаг и Константинопольский пролив в черноморские порты для исправления, сходно, как прежними высочайшего вашего императорского величества повелениями предписано».

Все. Экспедиция завершилась. На Корфу осталась артиллерийская команда под началом подполковника Гастфера. Фрегаты под командованием капитана Сорокина и батальоны генерал-лейтенанта Бороздина продолжали охранять Неаполь.

Другой герой Средиземноморской войны, адмирал Нельсон, подгоняемый раздраженным английским Адмиралтейством, тоже спустил свой флаг 13 июля и отправился на родину.

Русская эскадра из 11 кораблей, двух авизов, транспорта и трех малых судов двинулась из Корфу в Черное море.

Тело коалиции еще существовало, но кровь из него была уже выпущена.

Песня дальних дорог

Федор Федорович с утра приказал себе: «Не расстраиваться. Не предаваться чрезмерно чувствованиям». Знал, сделать это будет нелегко: сегодня корабли покидали Корфу. Понимал, заканчивается важная, а может быть, и главная часть его жизни. Здесь одержал одну из самых славных своих побед – взял Корфу. Здесь он скинул путы постоянного надзора и контроля. Руководил сам: согласно пониманию и опыту, обстановке и обстоятельствам. Нет, он слал рапорты в Петербург, но знал – пока они дойдут, он уже завершит то, на что испрашивал разрешения. Здесь он был военным моряком и державным деятелем, слугой царю и отцом своим матросам, европейским политиком и полномочным представителем России, защитником православных. Думал о том, сколько же там, в Ахтияре, на Черноморском флоте, в любезном ему Отечестве, приходится тратить сил на уговаривание вельмож, увещевание чиновников, на преодоление разгильдяйства, напыщенного чванства, многозначительного неумения, сколько сословных, финансовых, естественных рогаток приходилось ему преодолевать. Было, конечно, все это и тут, вдали от Родины, но здесь он – хозяин ситуации, боя и мира. Редко, редко русскому талантливому человеку приходится быть в таком положении. Но уж если улыбалась ему судьба, то достигал он таких вершин, как Суворов, как Ломоносов. Но главное, он верил и знал, что должен взять Корфу, сохранить корабли, должен победить. Он знал, что Мордвинов, блестящий и способный адмирал, не одерживал побед потому, что лишен был Веры и решимости. Сам же он, изучив все высокие приказы и уяснив задачу, заставил себя не колебаться, не отступать. А ведь можно было дрогнуть, растеряться, оправдать себя, свое отступление. И, может быть, поняли бы, простили бы, но он не простил бы себя. И поэтому был столь тверд и непреклонен, казался, наверное, твердолобым. Но постепенно видел, как вокруг расчищалось место, предоставляющее ему простор и свободу действий. Федор Федорович был убежден, что неудача наступает тогда, когда человек не приложил вовремя воли и своих способностей, чтобы добиться успеха, когда впадал в уныние. Редко мог он упрекнуть себя за отступление от этого правила.

…На площади перед ратушей собралось великое множество люду. Пожалуй, весь Корфу. Все морские служители уже были на кораблях, а здесь, у высокого крыльца, выстроился почетный караул из солдат подполковника Гастфера, что оставались еще на острове для охранной службы. Флейтисты должны были сыграть бодрую торжественную мелодию, но музыкальный строй как-то сломался, инструменты зазвучали вразнобой, и оттого каждая флейта стала издавать какие-то печальные и грустные звуки. Зарыдали женщины, заплакали дети. Мужчины-греки негромко приказывали им замолчать, но сами

украдкой утирали слезы. Ушаков прокашлялся, потер щеку и, успокоившись, медленно, отчеканивая каждое слово, обратился к собравшимся:

– Братья и сестры! Островные жители всех сословий! Исполнив свой долг, наказав дерзкого врага, защитив интересы Отечества нашего, передав острова в ваши руки, русская эскадра отплывает сегодня в Севастополь. Земля ваша стала Республикой Семи островов, поставленной на хорошем основании и выгодах. Блюдите нынешнюю державность греческую, защищайтесь от посягательств, не раздражайте волнением Блестящую Порту Оттоманскую, под властью которой, как и Рагуза, вы будете. Не устраивайте резни, не разжигайте пламя недовольства.

На кораблях в бухте трепетали белые с синими крестами флаги, косицы вымпелов вытягивались по ветру в сторону далекого Крыма, куда тянулись душой русские моряки. Ушаков горестно вздохнул:

– Здесь остались могилы воинов наших. Не дайте разорить их, сохраните память о героях, что не пожалели живота своего за вызволение островов. Тут последнее их пристанище на земле.

Адмирал положил руку на плечо подполковника Гастфера и, помолчав, обратился к караулу:

– Русские солдаты, вы остаетесь здесь. Будьте зорки, прилежны, честны и неусыпны, не дайте разбойникам и пиратам с побережья грабить острова. Не позвольте себе обидеть невинного, взять чужое, забыть свою Веру православную и Отечество. Будьте надежными караульными работниками России здесь до нового ордера.

Ушаков положил вторую свою руку на плечо графа Булгариса, притянул его к себе и громко, чтобы слышали все, закончил:

– Желаю всем островитянам иметь послушание к высшему начальству. Все неприличные споры и распри прекратить. Правителям же, Сенату вашему, свои требования делать сходно с законом, не нанося оскорблений и соблюдая правосудие. Хочу всем обывателям благосклонности Божьей, тишины и спокойствия на островах. Я же всегда буду вашим покорным слугой и доброжелателем!

Метакса перевел последние слова, и Ушаков, сделав шаг со ступенек, низко поклонился всем, кто окружал его. Раздался шум, к крыльцу, раздвигая толпу, вышел Дармарос, его голова была обнажена. Священник спешил, он только что приехал с Закинфа и боялся опоздать к отходу русской эскадры. Остановившись внизу перед Ушаковым, Дармарос обернулся вполоборота к

толпе и, поведя рукой от людей, как бы извлек из них голос, которым заполнил всю площадь:

– Великий адмирал! Ты спас нас! Ты покорил нас силой своей доброты. Ты един с нами в вере. И ты всегда будешь в душах страждущих, усталых и надеющихся на лучшее греков. Ты выправил души наши, и мы уже не трепещем перед врагами с Запада и с Востока, потому что мы знаем: с нами непобедимая православная Россия, за нас великий адмирал! – Он протянул Ушакову большую, выкованную местными умельцами медаль, на которой было написано: «Мужественному и храброму спасителю и победителю», и, отдав ее, осенил адмирала крестным знамением.

Ушаков смахнул слезу. Священник не соблюдал традицию, не упомянул императора, не вспомнил об угрозах турок и опасности Бонапарта. Он говорил от сердец тысяч, и эти торговцы, врачи, художники, рыбаки, крестьяне, моряки, повинуясь единому чувству, запели… Они пели какую-то старую греческую песню, сохранившуюся в веках. Может быть, ее пели в Древней Элладе, провожая аргонавтов, или уходили с ней «из греков в варяги» бесстрашные купцы Византии, или напевали ее, вглядываясь в горизонт, жены пропавших в дальних плаваниях рыбаков. Это была песня прощания и грусти. Это была песня дальних дорог. Ушаков понял это и шагнул к шлюпкам.

Ночная дума

Константинополь отступал во тьму. Корабли входили в Черное море. Ушаков вышел на палубу незаметно, остановился в лунной тени. Солдаты суворовского батальона, посланного им еще для штурма Мальты, рассказывали забавные истории из заграничных походов. Матросы отвечали тем же. Один из них с удивлением и восхищением приговаривал:

– Красота-то какая! Красотища. Эхма-а, братцы, ничего этого мы бы не видали и не знали, если бы не наш Федор Федорович. Вот уж победы умеет ковать-то. Ажио страшно, куда забрались. А с ним не боязно.

– А и нам с Александром Васильевичем стало ничего не страшно. Он все дела свои вершит по Божьим законам. Господь дал ему чудесную мудрость, и знал он все на свете, что было раньше, что будет потом. Ангелы Божьи руководили им. Они слабые стороны его врагов указывали, а русскую солдатскую силу удесятеряли.

– А ты знаешь, – перебил другой, – он хоть и телом хлипок, не чета вашему адмиралу, но Бог дал ему здоровье наикрепчайшее, хворь его не одолевала.

– Да что хворь, он с самими звездами речь вел и волны слушал, шелест листьев разумел. Бают, что по ночам он видел всех, кто погибший, и скорбел всегда сердцем, зная их. Дьявол, сказывают, – продолжал седоусый гренадер, – со всеми его врагами союз заключил, но Суворов дьявольских чар не боялся и наваждения всегда отводил от себя и солдат. Но однажды, – гренадер оглядел слушателей, достал трубку и, набивая ее табаком, продолжал, – дьявол-таки одолел его солдат. Сила врага человеческого велика, и войско стало роптать. Дело еще было во время перехода через ущелье Сенготардово, где и гнездился дьявол. «Не пойдем дальше! – кричали солдаты. – Мы голодны, не обуты, веди нас назад!» – «Хорошо!» – сказал Суворов. Гренадер высек искру, и трубка его задымила, распространяя запах пахучего турецкого табака. – Так вот: «Хорошо, – он говорит. – Я позволю вам возвратиться, но прежде заройте меня в землю! Копайте могилу!»

– Так и сказал? – недоверчиво спросил крепкий, коренастый молодой моряк.

– Так и сказал: «Копайте мне могилу!» А у солдат сердце встрепенулось. «Отец наш! – заливаясь слезами, говорили они. – Веди… Веди нас! Умрем за тебя!» Так что и на сей раз дьявольские козни не удались. Я ведь с Александром Васильевичем из-под самого Кинбурна воевал, и под Очаковом был, под Измаилом, две дырки от фузеи в ноге, по голове шашкой турок полоснул, француз в грудь штыком уколол, а жив все. А он, наш отец родной, уже на том свете, но, сказывают, – гренадер снова понизил голос, – что лежит он в гробнице в глухом темном лесу, среди необитаемых трясин. В том лесу есть скала, а вход в эту скалу скрыт под болотом, про которое в народе ходят недобрые слухи…

Трубка у гренадера иногда вспыхивала ярче, и тогда из темноты выплывали части лиц моряков и солдат: то нос с усами, то чье-то ухо с серьгой, то полуоткрытый рот застывшего во внимании молодого еще воина.

– Так вот, говорят, по ночам слышатся там чьи-то горькие стенания, синие потаенные огни загораются то там, то сям под скалой, какая-то бледная тень носится над ней, да слышится пение заупокойное и звон погребальный.

– Что то такое? – не выдерживает молодой.

– Да то тайна. Но говорят, в середине скалы есть оконце, и видно в него, как горит там внутри его неугасимая лампадка и кто-то замогильным голосом произносит поминовения старому князю, рабу божьему Александру. А он сам, батюшка наш Суворов, спит тут же, положив голову на каменную плиту. Тишина мертвая кругом, лес не шелохнется, ветерок не прошумит в листве, ни птица, ни зверь сюда не заглядывают, только черный ворон каркает над скалою да высоко в небе вьется орел, что другом его и спутником был в небе.

– Да-а, история, – протянул кряжистый, полувопросительно подтвердил:

– Может, и найдется волшебник какой, что живую воду найдет.

– Спит мирно русский богатырь, – закончил гренадер. – И долго еще спать будет, пока не покроется русская земля человеческой кровью по щиколотку бранного коня. Тогда и воспрянет от смертельного сна могучий старец, выйдет из темного могильного заключения и освободит свою Родину от злой напасти.

Над кораблем проносились морские ветерки, тихо шуршала волна, а солдаты и матросы задумались над судьбой уже ставшего легендарным, недавно водившего в поход, русские войска непобедимого воина и командира. Ушаков шагнул вперед, солдаты и моряки вскочили.

– Сидите! Сидите! Славно сказывал про Александра Васильевича. Может, и песни какие споете про него? Солдаты переглянулись.

– Да вот есть у нас тут один, Максим из Малороссии. Он много знает. Максим не отнекивался, сел на подсунутую кем-то скатку и попросил подсвистывать. Потом начал лихо:

А Суворов подскакал ко донским казакам:
«Ой вы, братцы, молодцы, вы донские казаки!
Вы донские, гребенские, запорожцы молодцы.
Сослужите таку службу, каку я вам велю,
Каку я вам велю и каку прикажу:
Вы пейте-ка без меры зелено вино,
Берите без разсчету государевой казны,
Но можно ли, ребята, караулы турски снять?»

Максим закончил куплет на высокой ноте, опустил голову, набрал воздуху и снова с удалью продолжал:

«Не велика, сударь, страсть – караулы турски скрасть»,
Тихо ночью подъезжали, караулы турски скрали,
Закидался, забросался сам турецкий визар,
Черзень-речку перешел, во постелюшку слег:
«Не чаял своей силушки в погибель бывать,
А теперь моя силушка побитая лежит,
Вся побитая лежит, вся порубленная».
Побили-порубили все донские казаки,

Донские, гребенские, запорожцы молодцы!

– Хорошая песня, боевая, – похвалил Ушаков. – Ну а еще что знаешь?

– Я много знаю: и про Кинбурнскую косу, и про польского короля, и про то, как цесарский царь просил спасти его Суворова отрядить, и про их спор с Потемкиным. Но вам вот спою смутную, печальную:

Где ты, ворон, был, где полетывал?
Ты скажи, ворон, что видал-слыхивал?
Что случилось во туретчине,
В грозной армии Суворова?
Не убит ли мой сердечный друг,
Сердцу верному зазнобушка?

Вышла луна, по берегу тянулись огоньки, и русская протяжная песня зажимала суровое солдатское сердце в тоске, вызывала в нем сладостные и грустные воспоминания.

Я видал диво, диво дивное,
Диво дивное, чудо чудное:
Как наш батюшка, Суворов-князь,
С малой свитой соколов своих
Разбивал полки тьму-численны,
Полонил пашей и визирей,
Брал Измаил-крепость сильную, заветную.
Много пало там солдатушек
За святую Русь – Отечество
И за Веру христианскую.

Моряки вспоминали штурм Корфу, солдаты – последние битвы при Требии и Нови. И там пали многие их товарищи. А Максим продолжал как-то сдержанно и легонько:

Я принес тебе и весточку,
Что твой милый друг на приступе
Пал со славой русска воина.
Он велел отдать кольцо тебе

Обручально, с челобитьицем,
Чтобы красная ты девица
Не кручинилась, не печалилась.
Князь Суворов, наш отец родной,
Смерть отмстил он своих детушек –
Над главами басурман-врагов:
Он, отпев тела геройские,
Поронил слезу отеческу
И по долгу христианскому
Над могилой их поставил крест.

Песня затихла, а все кругом молчали. Было грустно, жаль солдата, его невесту, да и себя немного. Ушаков тоже пожалел себя. Некому отдать было обручальное кольцо. Да и не было его у него. Обручили его с морем, с дальними походами, ласкали его удачливые ветры, и не семейный, а самый настоящий боевой корабль был под ногами у него всю жизнь.

– Ну, спать, братцы, пора. В России будем скоро. Своих встретим. Обрадуются.

Его капитаны

Русский морской флот во времена Ушакова был густо населен опытными морскими командирами, принимавшими участие во многих кампаниях и сражениях. Г. А. Свиридов, А. Н. Сенявин, А. И. Полянский, Ф. А. Клокачев, Е. В. Елманов, П. А. Круз, С. П. Хметевский, Т. Г. Козлянинов, С. К. Грейг, И. Т. Овцын, Я. Ф. Сухотин, А. И. Борисов, Н. И. Баскаков, В. Я. Чичагов, И. Л. Голенищев-Кутузов, Е. С. Одинцов, И. М. Одинцов, Н. С. Мордвинов, Ф. Макензи, П. И. Ханыков, А. П. Алексиано, А. В. Мусин-Пушкин, П. Алексиано, П. К. Карцов, В. В. Пустошкин, Г. К. Голенкин, П. И. Пущин, В. П. фон Дезин, Д. Н. Сенявин, А. А. Сорокин… А рядом менее способные, но более пронырливые и нахальные – Г. Кушелев, Поль Джонс, М. Войнович, Д. Эльфинстон, Мазини, Траверсе, П. В. Чичагов. Нелегко было пробиться через этот строй к высшим военно-морским званиям, орденам, признанию. В этом продвижении был свой строгий порядок. Присуждение высших званий происходило после успешного завершения плавания, выигранного сражения, других испытаний, выдержанных кораблем, эскадрой, флотом. Немало, конечно, и при этом зависело от благосклонности двора, от влияния знатных родственников, фаворитов. Ушаков этого дополнительного коэффициента продвижения не имел. Он был обязан своему таланту, опыту, упорству, знаниям, человеческим качествам. И еще он был обязан в этом своем продвижении, в утверждении своего авторитета своим друзьям-капитанам,

своим помощникам по боевому братству, своим подчиненным офицерам, своим сотоварищам. Он им обязан. Но и они ему обязаны своей славой, приобретенным опытом, высочайшим умением.

Ушаков не подбирал себе командиров. Адмиралтейств-коллегия их назначала сама по старшинству, выслуге, успехам. Офицеры обязаны уметь повиноваться и подчиняться. Они и умели. Но через небольшой промежуток времени почти все они исполняли команды своего командира не только по уставному требованию, а по внутреннему убеждению в его правоте, по вере в его знания, опыт и удачу. С Ушаковым они прошли крещение в соленой купели моря. Беспокойную, нелегкую, но возвышенную жизнь. Все они были высокие патриоты, все были люди духовные, одни из самых образованных представителей державы, все десятки раз покидали Родину и, если не погибали, всегда возвращались к ней.

«Чести образец» являл сам Ушаков. И его окружали люди, для которых честь была, может, и внеуставным, но самым высоким понятием.

Возьмем храбреца Ивана Андреевича Шостака. Он в блестящем шлейфе на судне «Лебедь» сопровождал Екатерину II по Днепру, а в первом бою с турками в Лимане сражался на шлюпке. В устье Дуная на дубель-шлюпке появлялся в самых неожиданных местах, нападал на противника, взял в плен два речных судна, участвовал во взятии крепости Тульчи и Исакчи. «Георгий» IV степени появился у него тогда на груди. Казалось, человек этот был создан для подвигов. Указ о его награждении только появился, а вслед за ним без паузы – за бесстрашие при штурме Измаила с отрядом гребного флота он был награжден при похвальном листе золотым знаком с сокращением на три года срочного времени для получения военного звания. В 1791 году на полном ходу на своих, не очень устойчивых гребных и иных судах подгребал к Гальцу и Браилову и, разворачиваясь, устраивал артиллерийский обстрел. Известны случаи, что такие обстрелы оканчивались печально для стреляющих – пушки разрывались, лодки от отдачи переворачивало. Но Шостаку везло – все были целы. Везло потому, что был храбр, настойчив, четок, умел подготовить к бою всю команду. Второй «Георгий» вне очереди засиял на его груди. После войны с турками его искусство шлифовалось под началом Ушакова. Доверие вице-адмирала окрыляло. Иван Андреевич провел блестящую операцию по взятию Цериго и Занте. Ушаков ценил достоинства своих командиров. Павел I особо отметил эти победы. Шостак стал капитаном 2 ранга и получил «Анну» на шею. Затем осадные работы вокруг Корфу, дерзкие рейды по Адриатике и Генуэзскому заливу. Восьмиконечный крест Ионна Иерусалимского – знатная награда того времени – присоединился к другим у стремительного и бесстрашного капитана 1 ранга. Он погиб-то по-морскому геройски, не оставив корабль «Толгская Богородица» при крушении уже в начале следующего века.

А Сарандинаки (Стамати) Евстафий Павлович? Известно, как любил Ушаков греков. И не случайно он избрал своим флагманом корабль «Святой Павел», капитаном которого был Сарандинаки. Этот не знавший страха волонтер Архипелагской кампании Спиридова приехал с русской эскадрой в Кронштадт и поступил на русскую службу. Ее он проходил по ступенькам, ничего не переступая, начав в 1775 году с артиллерийского унтер-офицера. Еще раз с эскадрой контр-адмирала Борисова обогнул Европу, вздохнул с грустью у родных берегов Греции и в лейтенантском звании оказался с другой стороны своего Отечества в Азовской флотилии. Не пренебрегает ничем в деле службы (да, собственно, и пренебрегать изгнанникам с родины было нечем), командует транспортным судном. Яростно сражается в Лимане. Замечен. Получает капитана 2 ранга. Под началом Ушакова на фрегате «Кирилл Белозерский» сражается у Керчи и Гаджибея. На «Святом Андрее» участвует в судьбоносном для русского флота сражении у Калиакрии. Не мог не поднять свой флаг на «Святом Павле» Ушаков, ибо не раз испытывал он четкость команд, понимание, слаженность экипажа, умение канониров на этом корабле, ибо не случайно стал на нем с 1798 года капитаном этот бесстрашный русский грек, с детства знающий все бухты и заливы Архипелага. И он ушел в отставку сразу же после похода. Может, не хотел служить под другим началом?

Через десять лет после Ушакова закончил морской кадетский корпус Александр Андреевич Сорокин. И сразу дальний и сложный переход к «Английскому каналу». На этом школа морских переходов не завершилась. В 1781–1782 годах на «Памяти Евстафия» в эскадре Я. Сухотина прошел он от Кронштадта до Ливорно и обратно. Тут-то и познакомился он с четким, упорным, скрупулезным командиром корабля «Виктор», отсюда и пошла их многолетняя и братская дружба. Судьба свела их снова на Черном море, где он ежегодно плавал и одно лето ходил для обозрения Константинопольского пролива. В войну храбро сражался в «Очаковском лимане» – стал капитан-лейтенантом, командуя дубель-шлюпкой, ходил в устье Дуная. Поверил окончательно в мастерство своего старшего собрата в сражениях у Керчи и Гаджибея. Там был награжден «Георгием» IV степени. Затем знаменитая Калиакрия. После этого можно было Александра Андреевича больше на храбрости не испытывать – он полностью прошел морскую академию Ушакова. Думаю, что Федор Федорович радовался, когда с ним на «Святом Михаиле» шел в Ионическое море капитан 2 ранга Сорокин. Не опасаясь нерасторопности, неумелости, простоватости, Ушаков доверял ему крейсировать от Александрии до Неаполя, действовать с английской эскадрой в совместной блокаде Египта. Ну и когда наступил час Корфу, он без него тоже не обошелся. Капитан 1 ранга Сорокин, осыпанный наградами, остается после ухода Ушакова в Неаполе, крейсирует в Средиземном море до 1806 года, исполняет добросовестно поручения русского двора (спас даже сардинского

короля). Один из немногих после великого адмирала получает Золотую шпагу с благодарностью от Сената Ионических островов.

С 1807 года он в России, командует эскадрой на Балтийском море, тогда же и уволен от службы (что за поветрие было в эти годы на ушаковских капитанов?). И лишь в год смерти Ушакова его опыт вновь понадобился, он был возвращен во флот, стал членом Адмиралтейств-коллегий.

А вот еще два замечательных друга Ушакова, подписавших его завещание. Нет, панибратства у него с ними не было, но был совместный, боевой, не усыпанный розами путь, была крепкая мужская дружба, была уверенность в порядочности и честности, была вера в высокую судьбу русского флота. С Гавриилом Голенкиным и Петром Карповым они учились почти в одно время в Кадетском корпусе. Карпов инспектировал его в 1797 году в Севастополе, в 1800 году пришел на подмогу из Кронштадта в Палермо. Гавриил плавал по тем же маршрутам, что и Федор: Кронштадт – Архангельск – Ливорно. Сражался при Чесме. Хозяйствовал в Херсоне, его усилиям город и порт обязаны в немалой степени своему расцвету. На корабле «Святая Магдалина» сражался у Керчи, Гаджибея и Калиакрии, был членом правления Черноморского флота и до Ушакова уже в звании вице-адмирала командовал галерным флотом Балтики. Уволен от службы почти одновременно с Ушаковым. Победители в прошлом всегда неуместны для новых правителей.

Ушаков не был противником иностранного, как пытались иногда представить его ретивые почитатели. Он всегда глубоко изучал иностранный опыт, знал иностранные языки, с почтением относился к зарубежным обычаям. Он был противником невежества, которое не имеет национальных границ, но умеет хорошо рядиться в престижные и высокочтимые у нас в Отечестве зарубежные одежды. Он умел хорошо распознавать его, за напыщенностью, многозначительностью и горделивостью увидеть пустоту и никчемность. И в то же время он умел перенимать у иностранцев все хорошее, умел дружить с самыми умными и благородными капитанами-иностранцами, пребывающими на русской службе. И действительно, под его началом находились люди разных национальностей, с которыми он быстро находил общий язык, если они добросовестно и усердно служили русскому флоту. Вот, например, швед Бакман, нареченный при переходе в наш флот Иваном Яковлевичем. В войне с турками он командовал дубель-шлюпкой. Хладнокровный и расчетливо храбрый, он участвовал в штурме острова Занте, сражении при Цериго и в десантной высадке при взятии Корфу, где и был контужен. Не успел поправиться и ринулся на фрегате «Григорий Великая Армении» к Неаполю, где участвовал в высадке десанта. Три ордена получил за эту кампанию Иван Яковлевич. Ясно, что не без представления Ушакова. Столь же организован был и голландец Карл Даре на «Святой Марии Магдалине», сражавшийся в

Архипелаге. Или грек Дмитрий Бальзам, окончивший Корпус чужеземных единоверцев: в его Ионической экспедиции избороздил весь Архипелаг, участвовал в овладении островами Цериго, Св. Мавры, крепостью Корфу, Анаконой. Получал награды, спасал королевскую фамилию, перевозя ее в Триест, патрулировал в южных морях.

С почтением относился он и к англичанам. Англичане-волонтеры Роберт Вильсон и Белли. Вильсон сражался при Фидониси и Керчи, а стремительный капитан Белли (Белле) был одним из любимцев Ушакова. Его звали то Генрихом Генриховичем, то Григорием Григорьевичем. Он появился в Донской флотилии в 1783 году с английской службы. Плавал на Азовском и Черном морях, сражался под началом Ушакова во всех сражениях: при Фидониси, Тендре, Гаджибее, Калиакрии. На фрегате «Счастливый» участвует в штурме Цериго, в экспедиции с десантом русских моряков проходит из Манфредонии весь Юг Италии и завершает поход в Неаполе. Победоносное шествие небольшого отряда потрясает Петербург, Палермо, Константинополь. «Белле думает меня удивить!» – воскликнул тогда Павел I и пожаловал ему орден «Анны» I степени, что было явно не по чину. Морская закваска передалась, кстати, в семье по наследству, его внук Владимир Александрович Белли начал службу в 1900 году на «Авроре», командовал эскадренным миноносцем, названным в честь его деда «Капитан Белли», служил в штабе ВМФ и преподавал в академии.

Ф. Ф. Ушакова окружали интересные люди, ответственные, умные, наблюдательные. Историограф его эскадры в Средиземноморье Телесницкий был, может быть, одним из самых замечательных и легендарных разведчиков XVIII века. Под чужим именем сухопутным путем пробрался он в Италию. Снял планы Сиракуз, Палермо, Корфу. Нащупал связи с инсургентами и противниками режимов на Балканах и в Италии. На свой страх и риск организовал отряд корсаров и начал нападать на турецкие корабли. В дальнейшем чудом спасается от окруживших его турок и становится в эскадре Ушакова ценным осведомителем, наблюдателем и историографом.

А Иван Осипович Салтанов, лихой боец со шведами, где только не побывал он! Избороздил Северные моря, несколько раз ходил в Архангельск, Копенгаген, Лондон. В последнем он и стал волонтером английского флота. Достиг Вест-Индии и Америки. Это и сейчас-то кажется далеко, хотя вполне достижимо, а тогда-то из Ярославля, например, сущий край земли. Ушакову такие бывалые капитаны были очень нужны, и Салтанов становится с ним рядом. На корабле «Святой Михаил» он в эскадре Пустошкина штурмует Видо и Корфу, ведет блокаду Анаконы и Генуи. За разгром военных транспортов у генуэзского побережья награждается орденом Иоаннитов. Он и позднее бывал

тут в эскадре Сенявина, проявляя лихость и безукоризненную исполнительность.

Или возьмем мичмана Федора Сабова, окончившего более чем через тридцать лет после своего кумира Кадетский корпус, да не в Петербурге, а в Херсоне, и сразу же попавшего в огнище войны, принимавшего участие в штурме Цериго, Занте, Кефаллонии. Ушаков разглядел в нем человека смелого, ответственного, везучего. И поручает ему на поляке «Экспедицион» курсировать до Туниса и обратно. Капитаны некоторых хорошо вооруженных фрегатов не решились бы на столь рискованные рейды под носом у французов, а Федор Сабов не усомнился ни в себе, ни в экипаже. Умел воевать и быть неуязвимым.

А умница, зоркий и наблюдательный капитан-лейтенант Егор Метакса. Тоже из греков, из второго поколения, после окончания Корпуса чужеземных единоверцев мичманом был направлен на Черное море, участвовал в бою при Калиакрии, и, как он писал, «имел счастье служить при великом адмирале», с которым и направился в Ионический поход. В Константинополе был переведен как знающий турецкий язык на флагманский корабль Кадыр-бея «для истолкования сигнальной части и движения эскадр». Участвовал в десантных операциях на Цериго, ездил с особыми поручениями в Превзу и другие места. Оставался при адмиралах Сорокине и Сенявине в Средиземном море и лишь в 1811 году возвратился в Россию и ушел в отставку. Он-то и написал прекрасную эпитафию к памятнику великого адмирала – «Записки флота – капитан-лейтенанта Егора Метаксы, заключающие в себе повествование о военных подвигах Российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Фед. Федоровича Ушакова Ионические острова при содействии Порты Оттоманской в 1798, 1799 годах». К сожалению, вышли они уже после смерти учителя и ученика.

Его капитаны не были когортой, не были кастой, они были объединены духом служения Отечеству, у них было высоко развито чувство долга, они были опытные профессионалы и духовно родственные души. «Сочувственники», «общники» – такими старинными словами можно обозначить капитанов Ушакова. Они обладали желанием превосходить друг друга, но это не порождало коварства, а искало выхода в повышении мастерства. Все они были искусны в управлении кораблем, некоторые старались это делать с особым шиком. Ушаков не препятствовал дерзостному лихачеству, но и не раздувал это в ревность. Для него высшим смыслом было исполнить заданное дело с наименьшими потерями людей, экономной затратой средств и сил в эскадре.

Его капитаны были людьми разных темпераментов, разных стилей. Ушаков с их помощью тщательно разрабатывал все операции и походы, а затем

решительно действовал. В этой его железной системе действия невозможно было быть боязливым, робким, нерешительным. «Все за одного, один – за всех».

Ушаков видал и ощущал всех своих капитанов, их чувства, их состояние, их реальную готовность. Он сдерживал до полного вызревания вулкан страстей в натуре Дмитрия Сенявина, чтобы дать ему восторжествовать и вернуться с победой, а не с шумом скандальной славы. Он уважал печальную надежду Евстафия Сарандинаки на освобождение родины и оказывал ему полное доверие, порождая ответное чувство благодарного служения России. Он восхищался боевой дерзостью Шостака и поручал ему самые рискованные операции, он знал неусыпную бдительность и умение блюсти честь державы Сорокина и без сомнения отправлял его в дальние крейсирования в составе английской эскадры. Он знал железную непоколебимость в строю Голенкина и ставил его в авангарде у Калиакрии.

Он знал и их слабости и поэтому перекрывал возможность оступиться советом, честолюбием, твердым словом. Они стояли насмерть, и это был его главный резерв, позволявший создавать перевес там, где хотел адмирал.

И еще. Ушаков и его капитаны опирались на великолепную боевую традицию морского флота России, на петровскую школу мореходов. Нет, они не слепо следовали ей, а опирались на нее, шли дальше. Воссоединение знания и вдохновения, профессионализма и идеи было характерно для флота Петра, оно было чертой русских морских офицеров и в последующие годы. Блестящая плеяда капитанов и командиров, окружавших Ушакова, сама по себе выдающееся явление, и она только подчеркивает гениальность и вершинность великого русского адмирала.

Его корабли

Ушаков любил осмотр корабля. Внизу шуршала волна, вверху бился в парусину ветер, а здесь был мир, от которого зависела жизнь всего того, что именовалось кораблем.

Начинал он с трюма, где придирчиво осматривал расположение балласта.

– Не близко у вас к бортам сии грузы расположены?

В насыпной балласт были поставлены в три ряда обложенные дровами водяные бочки – верхнего, среднего и нижнего лага. Он требовал согласно всем правилам, чтобы они равномерно заполнялись и опорожнялись, дабы остойчивость не терялась. Особо придирчиво осматривал он крюйт-камеры, щупал уголья, насыпанные для предохранения пороха от сырости. Нередко

выставлял возле крюйт-камер специальных часовых. Осматривал фонарь, который зажигался с другой стороны камеры, медленно и осторожно обходил бочки с порохом, проверяя их подвижность, пробуя рукой разложенные на решетчатых полках картузы, приготовленные для орудий разных калибров. Чуть повыше на выходе хранились разного рода артиллерийские припасы: кожи, кокора, рога, фальшфейеры, палительные трубки, блоки. Артиллерийский припас был в основном в каюте возле крюйт-камеры – там лежали фитили, армяки, запасные колеса, оси, клинья, ломы, банники, бумага. Ядра были в ящиках с переборками в ячейках для соответствующего калибра. В шкиперских каютах трюма пахло горьковатой парусиной. Свернулись в аккуратные тюки тенты, брезентины, лежали разные тросы, парусные нитки, сало, смола, кожа, котлы, гвозди, фонари, обыкновенные сигнальные свечи, мелкие блоки и разные нужные для корабля железки и деревяшки.

В ящиках лежали готовые вкрутиться в дерево гаки, остроголовые топоры, палубные скребки, свайки, долота, болты. В трюмах было влажно, улепетывали завидевшие фонарь крысы. Ушаков с ними боролся, но не всегда успешно. На нижней палубе днем было людно. У пушки находились баталеры. Федор Федорович всегда пробовал, как прикреплена пушка. Дергал тали, особо придирчив был к брюкам – толстым смолёным веревкам, которые пропускались в рымы, прикрепленные к бортам. Помнил, как кружила однажды сорвавшаяся в Северном море пушка, как покалечило матроса, как и его самого чуть не придавило.

В каютах для сухой провизии все лежало в кулях или ларях, куда и высыпаны были крупа, горох, тут же хранились канистры, котлы, ендовы, кружки, чарки, ливера, веса. Сверх них лежали решетчатые перегородки для воздуха. В скрученные из веревок кольца, что называются у моряков кранцы, были положены ядра, другие ядра были положены вокруг грот-мачты. На нижней палубе, начиная от носа, жили служители – канониры, матросы и солдаты. В подвесных койках всегда спала часть команды, другая была на вахте.

В корме в констапельской каюте живут артиллерийские солдатские офицеры и штурмана. Тут же корабельная канцелярия. Хранятся все абордажные оружия – мушкетоны, пистолеты, пики. Впереди бизань-мачты мерно просвечивают выстроенные в три ряда ружья. На верхней палубе в корме отделяется переборкой кают-компания, рядом с которой помешаются капитан-лейтенанты и лейтенанты, над шканцами живут мичман и гардемарины. На правой стороне живет священник; там поставлен корабельный образ для совершения молитв. Посреди верхней палубы во время похода стоит барказ. Тут же место для всякой живности – вверху в клетках куры, утки, гуси, внизу бараны, телята, свиньи.

В носу под баком на середине находится корабельная кухня – камбуз. Впереди нее корабельный лазарет, с другой стороны зажженный фитиль, что позволяет курить служителям над кадками, наполненными водой. С ними рядом труба, что восходит из кухни, и тут же гальюн, то есть уборная. Между грот– и фок-мачтой прикреплены запасные стеньги, реи, помпы, дубовые доски.

Потом Ушаков шел на шканцы, где была каюта капитана. Тут же всегда на шканцах у компаса вахтенный, что командует в рипе, то есть медную трубу. За шканцами хранятся всякие припасы штурмана: флаги, лоты, лаги, лини.

Вдоль всего корабля проходы (называются колидоры), чтобы плотники и конопатчики могли осматривать его борта, перегородки, ладить и конопатить. В колидорах развешивались блоки, бугели, голики и стояли ружья. А на юте и шканцах вокруг корабля сделаны сетки, где хранятся служительские чемоданы и койки, что не раз спасали от картечи и пуль моряков.

Сколько бурь, штормов, грозных валов обрушивалось на корабль Ушакова. Казались неизбежными крушения, катастрофы. Но их у него не было. А ведь крушения кораблей в то время были не редкость. Так, в 1773 году в Архипелаге гибнет со всей командой 59-пушечный корабль «Азия». Лишь сундук с платьем и офицерскими эполетами да бизань-мачта остались от него. В 1774 году наскочил на камни и разбился вблизи Ревеля фрегат «Миневра», взорвался в Керчи фрегат «Третий», погаб линейный корабль «Слава России», сгорел корабль «Преслава» близ Тулона.

Причины каждого крушения изучались комиссией и докладывались Адмиралтейств-коллегий, которая принимала строгие решения.

Войновича, капитана «Миневры», допустившего упущения «из-за лености и покою», лишила чинов и разжаловала в матросы (через год Екатерина восстановила его в чинах).

Капитан-лейтенанта Козлянинова, показавшего, что он ходил в караул, хотя, как оказалось, сказал «облыжно», то есть соврал, ибо сам на вахте проспал, поставив дежурить часового, списали на два месяца в матросы, лейтенанта Сакена, ушедшего раньше со службы, решено было при производстве обойти чином один раз, а фурьера Колесова «за ложный рапорт о том, что якобы… и помнил то, что было признано», наказали еще более жестоко, пропустив через тысячу шпицрутенов два раза.

Сурово наказывала Адмиралтейств-коллегия провинившихся. К Ушакову такие меры не применялись ни разу. И не потому, что к нему кто-то чрезмерно благоволил, а потому, что денно и нощно находился он на корабле, потому что осматривал его постоянно, предупреждал возможные поломки, имел

необходимый запас досок, канатов, реев, стеньг. Он знал каждый свой корабль досконально, чувствовал его, любил нежной любовью.

На первых порах он был сам членом команды, постигал корабль, приживался к нему, готовился к началу над ним. «Евстафий», «Наталия» в 1764 году, фрегат «Ульрика» в 1765 году, пинк «Наргин» в 1766-1768 годах, «Три Иерарха» в 1768 году – приобщили Федора Федоровича к морскому братству, к нуждам, возникающим на кораблях, их особенностям, характерам и недостаткам.

Азовско-Донской поворот в жизни предоставил Федору Федоровичу возможность познакомиться с невиданными доселе кораблями. Надо было преодолеть мели и перекаты, провести вооруженных солдат, различные припасы, и русские судостроители создали новый тип судов. Управляться с «новоизобретенными» кораблями было нелегко. Прам № 5 в 1769-1770 годах, «Дефеб» в 1770-м, фрегат «Первый» в 1771-1772 годах, бот «Курьер», «новоизобретенные» корабли «Морея» и «Модон» – находились уже под его командованием, выходили в Черное море, помогали ему овладевать искусством морехода, дали практику прибрежного кораблевождения, показали всю сложность существования южного флота.

На Балтийский флот возвращается испытанный, жаждущий дальних экспедиций капитан. Фрегат «Северный Орел» стал первым большим кораблем, которым командовал Ушаков. Поход же вокруг Европы по трудности вполне мог быть отнесен к походам первой сложности. Такой же был и «Виктор», полностью подчинившийся воле капитана. Адмиралтейские чины признали за ним это качество – умение покорить, приручить корабль, сделать его объезженным, изучив все его сильные и слабые стороны. Недаром в его руки вручали для проверки корабли, которым суждено было определять будущее российского судостроения.

К его отзыву о фрегате «Проворный» прислушиваются. «Во время вояжа примечно…» – писал он в вахтенном журнале тогда. Эта приметливость и зоркость к своему другу-кораблю была характерной для него всегда.

Флаг командующего Севастопольским флотом Ушаков поднял на 80-пушечном линейном корабле «Рождество Христово». Командовал кораблем капитан 2 ранга М. М. Елчанинов. Этот флагманский корабль был для Ушакова счастливым. Недалеко от Керчи, где турки решили высадить десант, встретился он впервые в должности командующего со всем турецким флотом. Превосходство турок было очевидным. 1110 пушек против 860 русских. Но Ушаков бросает в жаркий бой авангард во главе с Г. К. Голенкиным, который и вызывает всю силу турецкого флота. В решающий момент в бой вступает «Рождество Христово», на котором поднимается сигнал сблизиться с

противником на картечный выстрел. Командиры на корабле были отменные, они и сокрушили мощь турок. Капитан-паша бежал.

У Тендры Ушаков атаковал трехкильватерной колонной турецкий флот Гасана. И опять «Рождество Христово» сыграл ключевую роль в битве, разгромив своими орудиями второй флагман адмирала Саитбея.

Звездный час линейный корабль «Рождество Христово» пережил 31 июля 1791 года. Блестяще пройдя между берегом и флотом, Ушаков оказался на ветру и устремился на флагманском корабле к адмиралу Саит-Али, успевшему построить кильватерную колонну. Возможно, легендой было то, что Сайт-Али перед походом обещал султану привести Ушак-пашу с веревкой на шее в Константинополь, возможно, легендой был и громовой восклик Ушакова с дистанции сто метров: «Сайт, бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания!» Но не легендой было великое мастерство канониров с «Рождества Христова» и других кораблей, не легендой была развороченная позолоченная корма турецкого флагмана, перебитая мачта, уничтоженный такелаж и абордажные лестницы. Корабль Сайт-Али затонул на виду у Константинополя, а «Рождество Христово» вошел в историю как наиболее победоносный флагманский корабль Черноморского флота.

Нет сомнения, что Федор Федорович пылко любил и другой свой черноморский корабль – «Святой Павел». Он наблюдал за его достройкой в Херсоне, приглядывался к команде, спасал ее от чумы, закалял в переходе из Лимана в Севастополь. Именно на «Святом Павле» он отработал знаменитое взаимодействие, которое превращало капитана, команду и корабль в единый слаженный организм. Его «старанием и искусством» быстрее всех выбегали по команде моряки «Святого Павла» на свои места, быстрее всех они освоились со сложным такелажем, хорошо знали команды и сигналы, быстрее всех ставили паруса, быстрее всех перестраивались на другой галс, точнее и скорее всех стреляли там артиллеристы, метко поражали врага стрелки. И еще моряки там были всегда аккуратны, хорошо и сытно накормлены. Много времени отводил Ушаков постижению команд и сигналов. Поэтому-то столь блестяще, как на учениях, определил «Святой Павел» турецкие корабли при Фидониси, «сбив с немалым повреждением капитан-пашинский корабль. Тож особо один за другим сбил из своих мест сначала поставленных капитан-пашою против его трех кораблей, из коих один большой осьмидесятый, – писал в донесении Ушаков, – потом сбил же из места пришедшего в помощь им из передовых кораблей одного, причиня всем оным немалое повреждение, фрегат, спустившийся с ветра, один потопил напоследок».

Три часа длился бой, турки не привыкли еще проигрывать на Черном море, но мастерство командиров и моряков «Святого Павла», других русских кораблей превзошло их. Когда рухнула бизань-мачта у флагмана турок,

капитан-паше стало ясно, что сражение проиграно, и он поспешно вышел из боя, устремившись к берегам Турции. Так победоносно вошел в историю русского флота «Святой Павел». Ушаков за победу на нем стал контр-адмиралом. Однако список побед и экспедиций корабля на этом не закончился.

Новый «Святой Павел» был флагманом в Средиземноморской экспедиции Ушакова. Наверное, это было не случайно. Вокруг него создавалось какое-то поле уверенности, мужества и честности. Отсюда, со «Святого Павла», шли указания на корабли русской эскадры, донесения в Петербург, Константинополь, Вену, здесь ковалась стратегия победы.

Достаточно вспомнить февраль 1799 года.

По сигналу с флагманского корабля эскадры объединенный русско-турецкий флот выдвинулся к Видо и после артиллерийского обстрела «истребил и обратил в прах французские батареи». «Святой Павел» стрелял по самой крупнокалиберной батарее противника и в короткий срок подавил ее. На мачте взвился сигнал «Начать высадку десанта». Видо был взят, взяты штурмом были внешние форты, и тогда судьба Корфу была решена. Генерал Шабо 20 февраля 1799 года на борту «Святого Павла» подписал условия капитуляции. Командование осажденных прибыло на корабль к Ушакову.

Капитан-лейтенант Е. Метакса свидетельствует:

«Французские генералы, выхваляя благоразумные распоряжения адмирала и храбрость русских войск, признавались, что никогда не воображали себе, чтобы мы с одними кораблями могли приступить к страшным батареям Корфы и Видо, что таковая смелость едва ли была когда-нибудь видана… Они еще были более поражены великодушием и человеколюбием русских воинов, что им одним обязаны сотни французов сохранением своей жизни, исторгнущие силою от рук мусульман».

Можно привести и отзывы самих французских пленников о впечатлении встреч с Ушаковым и кораблем «Святой Павел».

«Русский адмирал принял нас в кают-компании (на корабле „Святой Павел“)… Он оказал очень ласковый прием всем нашим начальникам. После обычных приветствий вице-адмирал Ушаков велел подать нам кофе. Ушакову около пятидесяти лет. Он кажется суровым и сдержанным. Он говорит только по-русски… Московский флаг на корабле начальника напомнил о враге, которого должно опасаться, но который знает законы войны, не то было с флагом оттоманским… Адмиральский корабль „Святой Павел“ хорошо построен и вооружен бронзовыми пушками, так же как и прочие суда. Это судно содержится очень чисто и в хорошем порядке».

Ушаков возвратился из Средиземноморской экспедиции в Россию на «Святом

Павле» 26 октября 1800 года. Через несколько дней он донес главному командиру Черноморского флота В. П. фон Дезину, что «Святой Павел» вместе с другими кораблями «подлежит большому исправлению». Все они «введены в гавань, поставлены на месте и разоружены», «и из них к исправлению килеванием и за червоядием к перемене верхней обшивки наипервее приуготовляться» (31 декабря 1800 года). Это была его последняя встреча со «Святым Павлом», в будущем году Ушакова перевели в Санкт-Петербург. Там он и ходил несколько раз в море, взыскивал за порядок. Но душа его уже никогда так не радовалась и не возвышалась, как в дальних походах на своих лучших кораблях.

Его моряки

Морской служитель, моряк, мореплаватель, мореход, матрос, чин нижнего звания – сколько названий имел тот, на чьих мускулах, усилиях, ловкости, храбрости и умении держался парусный флот. А жизнь его была лишена какой-либо романтики и прочности. Зыбким было море, зыбкой была жизнь. Сухари в походе превращались в пыль, порошок, в котором копошились черви, вода протухала, солонина сгнивала. Цинга, шатающиеся зубы, распухшие десны, вонь сопровождали моряка на его корабле.

В западных флотах моряками на корабле часто были обыкновенные арестанты, каторжане, авантюристы, случайные люди. Их захватывали всеми правдами и неправдами в приморских кабаках, на городских окраинах, на пыльных дорогах и в грязных трущобах. Сборище последних бродяг и пожизненных профессионалов, боязливых сельских парней и авантюристов, убегающих с берега от наказания.

Русский флот был иным. Моряки в него набирались в основном из рекрутского набора и из солдат, а также из небольшой части вольных людей, однодворцев, мелких торговцев, бывших иностранных подданных. Рекрут воспринимал свою тяжкую повинность как исполнение желаний общины, всего сельского схода, и поскольку общинные настроения были сильны среди русских крестьян, рекруты в основном не считали возможным протестовать против жестких порядков, а свой долг видели в добросовестном исполнении общинной обязанности. В этом было преимущество русского моряка, которым командовал Ушаков. Они приходили в неведомое для них дело и с крестьянской основательностью овладевали им. А освоить его было нелегко, неимоверно тяжко для того времени. Как разобраться во всем сложном корабельном устройстве? Для них это был целый мир, который постепенно усилиями таких капитанов, как Ушаков, становился понятным и близким. Но не сразу…

В книге известного немецкого мариниста Хельмута Ханке «Люди, корабли, океаны» пишется о кораблях того времени: «Для обслуживания парусов на фрегате имелось около 140 различных тросов. Среди них были фалы для подъема реев, бегущие кверху по эзельгофтам или блокам; ракстали для поднимания или опускания раксов, брассы для поворота парусов на ветер; шкоты для притягивания нижних узлов паруса к борту, палубе или ноку нижележащего рея; готовы для подтягивания кверху нижних углов паруса во время взятия рифов или при уборке; гордени для подтягивания паруса к рее и многие другие снасти. Эти тросовые джунгли были еще гуще, так как, исключая фалы и ракстали, у каждой из снастей был свой двойник для противоположного борта. Попробуй разберись во всем этом хозяйстве! Да еще такие трудные, зачастую иноязычные, „птичьи“ названия… Но куда сложнее, чем овладеть подобной тарабарщиной, было научиться „играть на этой канатной арфе“. Чего, например, стоят такие команды, как: „Брамсели и бом-брамсели на гитовы! Кливер и бом-кливер долой! Фок и грот на гитовы! На грот-брассы!“

В хорошую погоду еще сносно. Когда же налетал шторм и рангоут начинал скрипеть и охать, когда верхушки мачт кружились, а палуба, окатываемая забортной водичкой, становилась скользкой, будто смазанная мылом, когда промерзшие канаты деревенели, а судно после нескольких прыжков в этой дьявольской чехарде вдруг давало резкий крен – тогда начиналась битва с морем не на жизнь, а на смерть! Для того чтобы суметь в неистовстве урагана взять рифы на гроте, нужны были нечеловеческие силы. И барахтались люди в хлещущей их, словно плетьми, путанице такелажа, как мухи в паутине… и раскачивались между небом и землей на этих сатанинских качелях отчаянные ползуны по вантам, цепенея от ужаса и выкрикивая прямо в тучи богохульные проклятья… Но никто не покидал своих постов, если только ураган не распоряжался по-иному. За трусость полагалась смерть. Таков был суровый закон палубы».

На русском флоте порядки были в целом почти такие же. Ибо ничто не могло изменить характер моря, урагана и корабля. Ибо не придуманы были тогда еще двигатели, заменявшие паруса и автоматы, исполняющие команды.

Наказание на флоте было жестоким – цепи, кошки, линьки (короткие пеньковые тросы с узлом на конце, которыми избивали провинившегося), порка на палубе в присутствии команды, шпицрутены. Жестоко по нынешним меркам. Ушаков был строг к прегрешениям на службе, отклонений от требований не терпел. Наказания за прегрешения были уставные, и, возможно, мы в наше время ужаснемся некоторым из них. Но таково было время, да и нынешние наказания, может быть, для потомков тоже будут выглядеть ужасными. Главное, о чем говорили сослуживцы Ушакова, наказания за

проступки и преступления были справедливы и неотвратимы. Адмирал не упускал нарушений без наказания. Вот, например, один из его суровых приказов от 4 октября 1782 года:

«§ 1. Явившегося из бегов корабля „Рождество Христово“ клерка унтер-офицерского чина Ивана Батагова за самовольную от команды отлучку, за пьянство, в котором он обращается весьма часто, и дурное поведение, написал я в матросы по 2-ю статью и рекомендую к воздержанию впредь от таких предерзостей наказать его при команде по рассмотрению.

§ 2. Пойманного из бегов находящегося на Глубокой пристани штурманского ученика Герасима Федора во исполнение присланного ко мне из Черноморского Адмиралтейского правления от 18 числа сентября указа, ежли и подлинно он так объявляет и имел так от командира притеснения для чего… не принес жалобы, а отлучился. Рекомендую господину премьер-майору Говорову наказать его жестоко при разводе фрунта и определяю его на корабль «Сошествия Святого Духа» в комплект, куда приняв, внести в список и довольствовать чем следует.

§ 3. Явившегося из бегов корабля «Богородица Казанская» писаря Ивана Шершнева и пойманного каторжного невольника Ивана Михайлова рекомендую первого за пьянство и 5-дневную от команды отлучку наказать при команде по рассмотрению, а невольника господину премьер-майору Говорову наказать при собрании, прочих нещадно кошками и, освободив из-под караула, отослать куда надлежит.

§ 4. По рапорту господина командующего кораблем «Рождество Христово» матроса 1-й статьи Абрама Петрова за утрату самовольно всего казенного мундира, кроме тулупа парусинового, за пьянство и воровство и весьма худое поведение, написал я по 2-ю статью и рекомендую наказать его при команде шпицрутенами через 1000 человек один раз и из-под караула освободить, вместо ж утраченного мундира выдать ему из имеющегося при команде оставшего после умерших, а за прежний, что следует, взыскать из его жалованья, о чем дать знать конторе Севастопольского порта…»

Да, не ангельская жизнь была в Морфлоте, совершались там проступки, преступления, действия, продиктованные бесправием, жестокостью командиров, темнотой и невежеством. Надо было научить матросов, помочь им преодолеть страх, полюбить море и корабль, через это возвести их туда до служения Отечеству и царю, как выразителю высшей власти. Все это было трудно, требовало кропотливой работы, постоянного пребывания рядом с командой. Ушаков не мог опираться на просвещение, на ученые звания своих матросов – у них этого не было. Но в них была жива традиция стойкой борьбы их предков с иноземными захватчиками, традиции веры в предназначение

«служить народу православному», воспитанные в них традицией мужество, стойкость, практическая сметка, умелость в рукодельничанье, вера в командира. В иную пору это могло и зло принести, Ушаков извлекал из такого реального состояния русского моряка XVIII века Добро. Добро для моряка, для флота, для державы.

Строг, но справедлив был адмирал. Справедлив и заботлив. Питание, состояние здоровья моряка постоянно в центре внимания Ушакова. Больной морской служитель службы не исполнит – и требовал адмирал от командиров, лекарей, подлекарей, их учеников и аптекарей бдительно следить за возникающими болезнями.

«О состоянии больных, – в 1792 году требует он, – присылать еженедельно рапорты, означая в них число каждой болезни порознь». И дальше: «Постелей, подушек и одеял сделать потребное число…» «По недостатку прачек нужно оных умножить, почему и нанять их достаточное количество на сей случай число, даже белье почасту переменять».

«Рекомендую всем господам командующим корабли, фрегаты и прочие суда в палубах, где должно для жилья поместить служителей, привесть в совершеннейшую чистоту, воздух даже в интрюмах кораблей очистить, а потом здоровых служителей перевести на суда и исполнять все, как выше в повелении означено, – пишет он в одном из своих приказов. – … Больных служителей, которые не могут помещаться в госпитале, содержать… при командах, поместя их свободно в казармы, в которых соблюдать всевозможную чистоту и рачительный за ними присмотр и попечение самих господ командующих. Также и я не упущу иметь… и собственный мой присмотр за всеми».

Вот это уже новый и абсолютно выпадающий за пределы кастовой морали господствующего слоя принцип Ушакова. Этому еще предстояло научиться многим лучшим и передовым командирам того и будущего времени. А Ушаков уже исповедовал эту высокую гуманистическую мораль истинного человека, и не имеет значения, что пришла она к нему не от радикалов века Просвещения, а из глубин человеческого сострадания, от духовной сути высокоодаренной личности, от отца Федора и других ее носителей, обладавших и не обладавших священническим саном.

Ежедневно в гавани Севастополя объезжал Ушаков корабли и казармы. Следил, чтобы каждый матрос подвесил в каюте свою койку, разложил постель, одеяло, одежду перед окуриванием корабля.

– Пойми ты, братец, – увещевал он молодого моряка, – одежда и койка просушены быть должны. Из них гнилость и хворость пороховым и табачным дымом изгоняется, а лучше березовым дымком, лучше всего, а ты кафтан свой

под барказ спрятал, боишься, дабы он у тебя запах не потерял. Пачуали аль на него вылил?

Матросы незлобно смеялись, а новобранец, смущаясь, унес свой кафтан в каюту, у входа в которую боцман тихо показал ему увесистый кулак. И это не ускользнуло от Ушакова.

– А ты, Петрович, опять только кулаком командуешь? Скажи лучше, гребни у всех есть?

– Так точно, ваше превосходительство! – неуверенно ответил боцман.

– А ну давайте доставайте, посмотрим, каковы они у нас.

Началась кутерьма, кое-кто достал из кармана сразу, кто-то сбегал в каюту, достал из верхней одежды, кто-то из чемодана, другие растерянно разводили руками. Офицеры переглядывались: «Нашел что проверять командующий!»

– Вот что, братцы, без гребня матросскому служителю нельзя. Голова должна быть аккуратна, прибрана, чиста, мерзости ни в волосах, ни в мыслях иметь не должна. Петрович, я больше проверять не буду, то твое боцманское упущение. А вы, господа, – поворотился он к офицерам, – сие тоже в регламент своих дел занесите, у командира мелочей нет, от бушприта до кормы все его заботой содержится, а главное на корабле – моряки!

– Понял, – с уважением к себе покачал головой новобранец. – Главное – моряки!

– Какой ты у черта моряк, ты еще помпа водоносная. Вот поплавай с нашим адмиралом, повоюй, тогда он и тебя Петровичем называть будет, – не злобясь, ответил боцман. – На гребень и не теряй, помни, что он сказал.

При спуске по трюму с корабля бросил последние слова капитану:

– Поставь, Гавриил, курительницы в каютах офицеров, но чтоб не загорелось. Ничего, прокашляются, здоровее будут, – и, махнув рукой, спустился в шлюпку.

Особенно тщательно Ушаков следил за питанием морских служителей. Могло показаться иногда, что не морские искусства, не мастерство кораблевождения, не заботы порта беспокоили его больше всего, а еда. И не его личная, об этом он почти не говорит и не пишет никогда, а еда моряков. И не такая, чтобы просто насытить, а чтобы была она полезная, вкусная, здоровая и регулярная.

В условиях оторванности от Адмиралтейств-коллегий, даже от Ясс, где была ставка «Предводителя» Черноморского флота Потемкина, в условиях жестокого режима и экономии, отсутствия лишних средств сделать это было нелегко. Но Ушаков один за одним издает регламенты, приказы, распоряжения. Он шлет письма, просьбы, иногда кажется ноющим жалобщиком и унижающимся просителем. Но в том-то и дело, что он просит для моряков, для флота. Просит он губернатора Каховского, обер-кригс-комиссара Фалеева, контр-адмирала Мордвинова, правителя военно-походной канцелярии Потемкина полковника Попова и самого светлейшего князя, Адмиралтейств-коллегию. Да и императора Павла он не боялся обременить разного рода хозяйственными просьбами. Надоедал, наверное. Надоедал, но матрос был сытым. Сытым даже тогда, когда никто не откликался на его просьбы и не присылал продовольствия и денег. Он взывал тогда к своим капитанам.

Обучая свою эскадру в 1797 году, он издает приказ «О снабжении больных свежей провизией во время плавания». Понимая, что таковой может не быть, он утверждает: «Ежли господа командующие покупкою или из собственной своей провизии сколько чего на содержание больных служителей издержат на сколько суммою денег по окончании кампании в зарплату кому что следовать будет, деньги отпущены быть имеют».

В приказе он пообещал, если у командующих нет денег – выдать свои. Да, это тоже было постоянным правилом Ушакова; если, задерживаясь, не доставлялись деньги для флота, для еды, он платил свои. Вот, например, он пишет в приказе от 18 октября 1792 года:

«По случаю же недостатка в деньгах по необходимости сбережения служителей в здоровье, отпускаю я из собственных своих денег тринадцать тысяч пятьсот рублей, из которых велено десять тысяч отпустить в контору Севастопольского порта для покупки свежих мяс, а три с половиной тысячи госпитальному подрядчику Куранцо-ву для содержания госпиталей, который, не получая четыре месяца денег, пришел не в состояние к продовольствию больных».

Свои деньги для снабжения матросов он давал не раз, в том числе в заморских кампаниях. Неизвестно, сколько ему вернула из них казна, но они возвращались к нему беспредельной преданностью моряков, их любовью, их желанием исполнять службу «в совершенстве». Именно они стали главным капиталом русского адмирала Ушакова, именно они обеспечили его победы.

Его искусство. Флотовождь Ушаков

Парусный флот России к концу XVIII столетия достиг своего пика – ибо обладал большим количеством первоклассных кораблей, опытными

капитанами, умелыми и хорошо обученными моряками. Он вышел на просторы Атлантики, Средиземноморья, Тихого океана. Он имел Ушакова. Флот становился необходимой частью державы. Этого требовала политика, этого требовала экономика, этого требовала история. Гаврила Державин, поэтическая натура которого не раз чувствовала направление века, в 1795 году написал о флоте:

Он, белыми взмахнув крылами
По зыблющей равнине волн,
Пошел, – и следом пена рвами,
И с страшным шумом искры, огнь
Под ним в пучине загорелись,
С ним рядом тень его бежит;
Ширинки с шлемов распростерлись,
Горе пред ним орел парит.

Не только блестящие художественные образы были подвластны поэтам прошлого, лучшие из них были широкомасштабными мыслителями. Вот и Державин обращался к Российскому флоту, понимая его предназначение:

Водим Екатерины духом,
Побед и славы громкий сын,
Ступай еще, и землю слухом
Наполнь, о русский исполин!
Ты смело Сциллы и Харибды
И свет весь прежде проходил:
То днесь препятств какие виды?
И кто тебе их положил?

Пророчески прозвучали слова поэта в конце века: «Ступай – и стань средь океана». Пророчески, ибо утверждалось океаническое мышление, уходила захолустная водобоязнь, являлись морские стратеги, торжествовала новая тактика. У военно-морских сил России был свой флотовождь – Федор Федорович Ушаков. Ему далеко не все было подвластно во флоте, отнюдь не все нити управления им были в его руках, он сам входил в систему, где полнотой власти располагала даже не Адмиралтейств-коллегия, а монарх, интерес которого к флоту проявлялся далеко не всегда, а знания о нем были отрывочны и случайны. Но и в этих условиях Ушаков явил образец цельности, энергии, профессионального умения, политического мастерства, человеколюбия и долга. В его систему входило:

– доскональное владение флотоводческим искусством;

– тщательная подготовка базы флота;

– непрестанное обучение морских экипажей.

Пройдя все ступеньки флотской службы, блестяще овладев мастерством кораблевождения, освоив искусство морского боя, став подлинным флотоводцем, он, казалось бы, отказывается от того, что было незыблемым символом веры военного парусного флота. Он нащупывает ее, эту новую тактику, с первых своих шагов в командовании кораблями, ищет наиболее эффективные пути. Еще в донесении М. Войновичу он пишет: «… Нельзя соблюсти всех правил эволюции, иногда нужно делать несходное с оною, не удаляясь, однако, от главных правил, если возможно». И Ушаков не задумывался, когда нужно «делать несходное» с усвоенным раньше.

Его стратегия и тактика были подчинены конечному результату – сражению, уничтожению противника, победе. А раз так, то и вся тактика носила наступательный характер и получила название тактики решительного боя. До Ушакова у русского флота уже были блестящие победы. И он использовал все лучшее, что создали предшественники. Те победы имели свои особенности. При Гангуте и Гренгаме они были осуществлены с помощью абордажной схватки, атака при Чесме была произведена, когда флот противника стоял на якоре. Ушаков же в сражениях при Фидониси, Керчи, Тендре и Калиакрии в Средиземноморском походе применил новую маневренную наступательную тактику.

Военно-морское искусство Ушакова было построено в первую очередь на отказе от устаревших шаблонных форм ведения военно-морских операций и учета поведения и подготовки военно-морских сил.

«Румянцев, Суворов и Ушаков подняли на высшую ступень военное и военно-морское искусство эпохи, своей деятельностью обеспечили России приоритет в разработке стратегии и тактики сухопутных и морских сил. Ушаков нанес такой же удар по канонам формальной линейной тактики, господствовавшей тогда в западноевропейских флотах, какой Румянцев и Суворов нанесли по прусской линейной тактике».[32]

Ушаков не уклонялся ни от одного из боев, не ждал чрезвычайных случаев. Из маленьких шансов он создавал большие, завоевывая постепенно авторитет самого победоносного флотоводца.

И недаром в статуте ордена Ушакова, учрежденного в 1944 году, говорится, что им «награждаются за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате чего в боях за

Родину была достигнута победа над численно превосходящим врагом… За отличную организацию и проведение операции в море и против его побережья, достигнутые успехи в уничтожении сил флота противника и его береговых баз, укреплений в результате внезапного и решительного нанесения удара, основанных на полном взаимодействии сил и средств флота».

Действительно, не было на тот период более авторитетного, более компетентного, как сказали бы ныне, более известного военно-морского руководителя, освоившего предшествующее искусство морского боя и двинувшего его дальше, чем он, Ушаков, и орден его имени – одна из высших наград офицеру флота.

Второе, что обеспечивало Ушакову победу, – его забота о корабле, о стоянке, о гавани, о портовых сооружениях, об артиллерийском снаряжении, о добротном лесе для строительства кораблей, о парусине и гвоздях, о якорях, о палубных и обшивочных досках, конопати и красках. Обо всем том, что составляло базу флота. Он знал его изначально – корабль, основу жизни флота. Он постигал таинство его рождения в ложе эллинга Кронштадта, Архангельска, Новохоперска, Таганрога, Херсона, Николаева. Он знал мудрость русских корабельных мастеров Афанасьева, Соколова, Катасонова, Амосова, Баженина, Селянина, Масальского и многих других умельцев создания быстроходных отечественных линейных кораблей, фрегатов, пинков, галер. В его деятельности нередки были поездки для осмотра корабельного леса, инспектирование строящегося мола, недавно организованного склада.

Севастополь – его порт и обустроенная гавань – в немалой степени обязаны предусмотрительности, трудолюбию, настойчивости, вниманию Ушакова. «При усиленной настойчивой деятельности Ушакова по части корабельного и портового благоустройства, со всяким появлением нашего флота в Севастопольском порте, всякие обычные городские и адмиральские работы проводились самым порядочным образом, и ему лично и его постоянной и неустанной заботливости мы были обязаны не только тем, что наш флот являлся хорошо вооруженным и снабженным на море и одерживал решительные и малостоящие для нас победы, но и тем, что порт Севастопольский за последующее время управления Ушаковым гораздо быстрее обстроился новыми зданиями, нежели во все продолжение своего прочего существования».[33]

Он не жалел сил по постоянной подготовке корабля к плаванью, а было это нелегко. Ведь из каждого плаванья корабли возвращались ободранными, с облупленной краской, с трещинами в рангоуте, похудевшими канатами, вылезшей конопатыо, с порванными парусами, с закопченными, а нередко треснувшими пушками, изъеденной червями, отваливающейся на ходу обшивкой. Адмирал казался всем вездесущим. Наблюдал за тем, как килевались

корабли, осматривал нижнюю часть, следил, как проконопачивали верхнюю часть корабля, пропитывали снасти смолой, меняли перетертый такелаж, чинили и исправляли блоки. И все это для того, чтобы сделать корабль еще более быстроходным, крепким, красивым, позволяющим укротить суровый нрав моря.

Ушаков не проиграл ни одного морского сражения и главным фактором своих побед считал прежде всего стойкость и мужество матросов эскадры. Сам Ушаков неустанно заботился об эскадре и часто в период перебоев снабжения эскадры тратил на питание и нужды команды свои личные средства. Гуманное отношение к матросу и продуманная система воспитания личного состава эскадры во многом роднили Ушакова с Суворовым. Ушаков так же, как и Суворов, высоко ценил моральные качества русских воинов. Суворовские и ушаковские принципы воспитания и обучения личного состава армии и флота в тот период находили известную поддержку лишь среди наиболее дальновидных представителей высшей придворной знати. Они прекрасно понимали, что для борьбы с внешними врагами нужна сильная армия, которая не могла держаться только на одной палочной муштре. Потемкин и его единомышленники понимали, что уверенно вести личный состав в бой мог только авторитетный начальник. Таким начальником на флоте был Ф. Ф. Ушаков, имевший огромный авторитет и заслуживший безграничное доверие и преданность личного состава эскадры.

Может показаться странной такая преданность рядового состава флота, в котором было немало бывших крепостных, человеку, представлявшему высшее сословие, делу которого они служили. Однако и здесь есть своя особенность, которую наверняка учитывал Ушаков. Русский матрос был набран по рекрутскому набору, который проводился по месту поселения. Конечно, это была принудительная мера дворянского государства, повинность для крестьян. Но ответственными за людей, отданными в армию и флот, были община, мир. Отсюда и общинный характер этой повинности, круговая порука за рекрута. Его побег – это уже была измена общине. Рекрутский же набор позволял отказаться от найма иностранцев, и это создало особый облик русской армии и флота того периода. Они состояли из солдат и матросов великорусской национальности, а позднее – выходцев с Украины и из Белоруссии. Феодальная Россия применяла этот общинный институт, и русские полководцы и флотоводцы Суворов, Румянцев, Ушаков использовали этот институт. Артельность и общинность русского воина и моряка брались ими на вооружение. О спайке, взаимовыручке, тяге к сплочению бывшего русского крестьянина ходили легенды в Европе.

Воинская комиссия для реформы армии в 1762 году установила, что «для силы войска наибольшим… основанием признается общий язык, вера, обычай и

родство». Национально однородный и социально единый крестьянский состав армии и флота, православная Вера и способствовали там развитию чувства любви к собственной земле, краю, Родине, чувства патриотизма. Именно такое духовное состояние породило «величайшую силу русской армии» и, добавим, флота.

Конечно, между командиром капитаном-дворянином и нижним чином была социальная разница, но психология крестьянина-общинника срабатывала. И солдат, матрос продолжал испытывать ответственность за Общее дело, за то, что ему поручено, он был предрасположен к восприятию национально-патриотических настроений, он любил свое Отечество, то есть свою общую землю. У них была одна Вера православная. Этим русский флот отличался от французского, испанского, турецкого, где служили моряки – любители наживы, представители многих национальностей, отнюдь не собиравшиеся погибать за дела чуждого ему Отечества. Не приходилось говорить в этом случае о всякого рода сброде, который переливался из одного порта в другой, из одного государства в другое.

Для русского флота было характерно достойное поведение моряков в зарубежном порту. Ушаков хорошо помнил наказ, полученный при первой зарубежной поездке в Средиземноморье, от флота капитана Козлянинова: «Будучи в иностранных портах, служителей содержать во всяком порядке, чистоте и совершенной воинской дисциплине и крепко смотреть за ними, чтобы ни малейших непристойных поступков и побегов не чинить».

Этот стиль порядка, чистоты и совершенной воинской дисциплины в зарубежье был стилем Ушакова. Дисциплину он вообще считал залогом успеха. «Без дисциплины никак нельзя и никакой пользы быть не может, – уверен был адмирал. – Чиновникам адмиралтейским чужие награды, хоть и за дело, кость в глазу». Ушаков обосновывал свои предложения тщательно, находил ходы такие, когда можно было решать сразу с верховным вершителем дела. Вот один из образцов его рапорта, в который он заранее закладывал решение, ибо обосновывал его не только с точки зрения фактической храбрости, но и исходя из традиций, устава, всевозможных регламентов. После окончания кампаний 1790 года в рапорте на имя Потемкина 21 января 1791 года он пишет:

«В морском уставе о награждении объявлено: ежли флот наш с помощью Божиею разобьет и прогонит превосходного неприятеля, за таковое дело, хотя бы и не было взято в плен и потопленных неприятельских кораблей, положено награждение всем во флоте бывшим в выдачу жалованье за треть, за полгода, за год и более по рассмотрению дела. Флот Черноморский, состоящий под предводительством вашей светлости в течение минувшего 790-го лета, имел счастие с соблюдением совершенного порядка славно выиграть две генеральные баталии против несравненного неприятеля…»

Далее, объяснив результаты побед, он со всей условностью обращения и этикетом того времени настаивает:

«Прошу всепокорнейше служащим под предводительством вашей светлости на флоте, мне вверенном, милостию своего определить, сходное щедротам монаршей милостью награждение, чрез его поощряясь, служащие в оном усугубят свое рвение на будущие времена».

Потемкин уже отметил офицеров, да и сам Ушаков был награжден орденом «Георгия» II степени, как писала Екатерина барону Гримму: «Это будет первый в чине генерал-майора, награжденный „Георгием“ II степени», но под влиянием такой просьбы награждает всех нижних чинов денежной выплатой.

Ушаков не боялся обещать и поощрять, считая это частью умения командовать. Поэтому-то так много его приказов, где он благодарит, награждает за участие в победоносных сражениях, за дальние крейсеровские походы, за хорошую артиллерийскую стрельбу, за участие в экзерцициях, за чистоту и порядок. Щедр был на похвалу за исполненное хорошо дело адмирал:

«А как я во время боя, имея непреложное желание и надежду исправностью господ офицеров и служителей остаться победителями, в одобрение к вящему еще поощрению служителей – словами моими обещал он всевозможное старание в случае своевременной победы исходатайствовать награждение…» – писал он Войновичу после Фидониси и исходатайствовал и добивался всегда, не боялся и вдогонку послать, исправиться; как было после Керченского сражения, когда «по скорости переписки рапорта писарем был пропущен» в числе отмеченных за храбрость капитан 2 ранга Обольянинов. Ушаков, рискуя навлечь гнев светлейшего, посылает рапорт, где «извиняясь в рассуждении экстренно скорого отправления сего рапорта в неосмотрительности рекомендовал Обольянинова как отличившегося искусством, храбростью и расторопностью». Тот был отмечен.

Потемкин приписал это «благоразумию» Ушакова и неустрашимой храбрости русских моряков и, зная, что Ушаков имеет свойство отмечать своих подчиненных, соглашается с ним и пишет: «Поставляя за долг воздавать заслугам, не премину я охотно сего исполнить и в рассуждение всех тех, которые отличные подвиги будут вами засвидетельствованы».

И Ушаков, честно и справедливо свидетельствуя, отмечал храбрецов и добросовестных воинов.

Историк и бывший военный министр России Д. А. Милютин в книге «История войны 1799 года» писал, что за блеском побед Суворова забывают «значительные победы русского флота под предводительством адмирала

Ушакова: даже известно немногим из соотечественников наших, что русские были в Неаполе и Риме». Русские моряки, писал он, сумели своим «обхождением и дисциплиною привлечь к себе сердца народа. Офицеры русского флота могут гордиться кампанией 1799 года не только на своей стихии, но и в действиях сухопутных, оказали они отличную храбрость, распорядительность и везде исполнили свой долг».

«Сам Ушаков приобрел себе прочную славу; во всех распоряжениях его видны благородные опытного моряка и чувства человека, истинно русского человека».

Ушаков всячески поддерживал традиции и обычаи флота. И если у моряков было инстинктивное тяготение друг к другу, единение вокруг корабля, вокруг эскадры, флота, то великий русский адмирал включал это в факторы победы и развивал эти чувства. Недаром он всегда четко и в то же время широко, панорамно ставил задачи перед подчиненными командирами и даже пытался разъяснить морякам смысл задачи, дела, сражения, экспедиции, повышая их боеготовность. Действительно, одно дело уповать на исходящий сверху, от царя, а порой и от Бога порядок. А другое – прочерчивать его контуры самому, вместе со своими командирами, с участием моряков.

Но не только приемами военно-морского искусства, своей революционной тактикой тех лет дорог нам Федор Федорович Ушаков. Давно ушли в прошлое кильватерные колонны, паруса, ядра, но в памяти остались решимость и настойчивость, выдержка и стремительность, беззаветное служение Отечеству и полная самоотдача делу военного флота.

Даже если бы и владел он в то время современным арсеналом знаний, команд и приемов, этого было бы еще мало, чтобы остаться в памяти людей замечательным, выдающимся человеком. Не отказом от кильватерной линии дорог он нам, а умением отказаться от шаблона, от застоявшегося на долгие годы приема и правила. Вот это замечательно! Это истинно современно и поучительно! А его мудрое человеческое, поистине отеческое отношение к моряку! Возможно, Ушаков и не разделял теоретических воззрений французских энциклопедистов о свободе личности и равенстве, но на практике он революционизировал отношения между командиром и подчиненным, между капитаном и моряком. Именно это приносило ему победы.

Нет, не будем опрощать, время Ушаков не изменил, но внутри флотской структуры он создал качественно новые отношения, которые пунктиром шли через всю историю Российского флота: от Ушакова к Сенявину, от Сенявина к Лазареву, Корнилову, Нахимову, от них к Макарову, вспыхнули ярким пламенем в бескорыстных и человеколюбивых действиях лейтенанта Шмидта и стали прочной опорой флота в годы Великой Отечественной войны.

Его Бог

Вся жизнь великого флотовождя прошла под благотворным осенением Господним. Он стойко нес Веру, проявлял терпение, великодушие, чистоту. Он был всегда готов положить свою жизнь за други своя, за царя, за христианское Отечество.

Рожденный на Волге, он и крещен был в храме Богоявления-на-Острову и как бы получал благословение на «служение водное». 13 февраля, день рождения адмирала, приходится между празднованием двух святых воинов-великомучеников: Феодора Стратилата и Феодора Тирона (8 и 18 февраля)[34], и этим тоже проявилось его воинское призвание.

Земля Ярославская находится на пересечении святых путей Руси, освящена деяниями многих святых подвижников церкви, ротных предводителей.

Через Троице-Сергиеву лавру великого святого Сергия Радонежского, освятившего воинство Дмитрия Донского, Переяславль-Залесский, вотчину святого благоверного князя Александра Невского, отвергшего западническое нападение, через Борисоглебск на Устье, где затворник Иринарх благословил на освобождение Москвы от латинян Минина и Пожарского, сюда, на сияющий куполами Ярославль, землю Романовых Кострому и дальше на Кирилло-Белозерск, Холмогоры и Соловки пролегал святой путь русского благочестия, Веры и служения Отечеству.

Именно здесь, на земле Сергия Радонежского, Александра Невского, Иринарха, хорошо знали и представляли, как служить Отечеству, которое для живущих тут и воплощало Святую Русь.

Предания, сказы, повествования о героях, подвижниках, святых передавались из поколения в поколение, возглашались с алтарей, приносились богомольцами. Федор Ушаков был усерден в молитве, внимателен к старшим, вслушивался в живое слово старого петровского солдата и неторопливую речь странника, в молитву священника и наставление отца.

Храм, семья, люди Руси – таков был его мир детства.

Затем – С.-Петербург, Морской кадетский корпус. Мир юношества, мир постижения наук, мир столицы, мир соблазнов. Но Федор Ушаков усвоил знания, постигая столичную жизнь, не впал в порчу, не забыл заветы своих набожных родителей. Успешно закончил Морской корпус и произнес присягу, от которой не отступил ни разу за всю свою воинскую жизнь.

«Аз, Федор Ушаков, обещаю и клянусь Всемогущим Богом перед святым Евангелием в том, что хочу и должен **ея Императорскому Величеству,** моей всемилостивейшей государыне **императрице Екатерине Алексеевне самодержице** и **ея Императорскаго Величества** любезнейшему сыну Государю цесаревичу и Великому князю Павлу Петровичу, законному всероссийского престола наследнику, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови. В чем да поможет мне Бог Всемогущий!»

И началась его морская служба под высоким небесным покровительством. Послужил на Черном море, «сходил» в Средиземное, и здесь получил под начало свой первый большой корабль «Святой Павел». И не случайно эти названия святых будут сопровождать его всю жизнь.

Флаг командующего на Черном море он поднял на линейном 80-пушечнике «Рождество Христово», любил он и свой второй корабль «Святой Павел», участвовавший в сражении при Фиодониси.

В победоносной русско-турецкой войне и средиземноморском походе корабли эскадры Ушакова тоже носили названия святых. И это возвышало дух моряков. И их флотоводца. Особенно важно это было в средиземноморском походе, ибо эскадра шла освобождать единоверных православных греков от ига безбожных и разнузданных революционных войск Франции. «Богоявление Господне», «Святая Троица», «Казанская Богородица», «Симеон и Анна», «Захарий и Елисавета», «Святой Петр», «Григорий Великая Армении» во главе с ушаковским флагманом «Святой Павел» – они шли исполнять свою духовно-освободительную задачу с молитвой и именем святых.

Князь Григорий Потемкин, великий русский патриот и созидатель, особо заботился о защите первохристианских святынь, сохранившихся в Крыму, как бы утверждая этим первородство России, ее право владеть этими землями с историческим обоснованием, исполняя завет первосвятителей Руси. Он и в Ушакове увидел ревностного христианина, верой и правдой служащего Отечеству, и с удовлетворением писал императрице: «Благодаря Бога, и флот, и флотилия наши сильней уже турецких. Есть во флоте севастопольском контр-адмирал Ушаков, отлично знающ, предприимчив и охотник к службе. Он мой будет помощник».

В боевой инструкции Потемкина Ушакову говорилось: «…Бог с вами! Возлагайте на Него надежду. Ополчась Верою, конечно, победим, молю Создателя и поручаю Вас ходатайству Господа нашего Иисуса Христа!» Ушаков и возлагал надежду на Бога, проявляя данный ему воинский и флотоводческий талант во всей мощи. И ясно: только Божиим промыслом и покровительством, что во всех 40 кампаниях, в которых участвовал, проводил

их и не ведал поражений и неудач. Это ли не чудо. Такого не было в мировой практике. А рядом с ним тогда действовал победоносный Суворов, который также выигрывал все сражения и с восторгом восклицал: «Мы – русские, с нами Бог!»

Так и сложилась в великом освобождении южных русских земель, в их освоении эта выдающаяся православная троица. Да, они были на разных властных иерархических ступенях, но они были проводниками Божией воли на этих древних православных землях.

Божие Провидение видится и в том, что за последнюю свою блестящую победу на Черном море при Калиакрии Федор Ушаков получает орден «Святого Александра Невского». Слова молитвы благоверному князю: «Ты в житии твоем ревнитель и защитник православной веры был еси… Ты великое возложение на тебя служение тщательно проходил еси… Ты победил полки супостатов, от пределов российских отогнал еси», – можно в полной мере отнести и к великому адмиралу, воину-христианину Федору Ушакову.

И поэтому свои победы, победы русского флота Ушаков воспринимал, как дар Господний, как волю Божию и всегда благодарил Бога за эти дары. После победы у Тендры, когда был взорван и взлетел на воздух флагман турецкого флота и был взят в плен командующий паша Саид-Бей, Ушаков по возвращении после победы в Севастополь отдал приказ: «Выражаю мою признательность и рекомендую завтрашний день для принесения Всевышнему моления за столь счастливо дарованную победу; все, кому возможно с судов и священникам со всего флота, быть в церкви Св. Николая Чудотворца в пополуночи и отшествии благодарственного молебна выпалить из корабля „Рождество Христово“ из 51-й пушки».

Гордый Севастополь в эти годы был под попечением Ф.Ф. Ушакова. Да не под наблюдением, а под началом и руководством, ибо Федор Федорович принял главное начальство над портом и народом.

Севастополь! Это город Ушакова. Он был освящен его усилиями, его трудами, его заботами, его именем. Над ним простирается его дух, и в стоянии против врагов закалена воля великого адмирала. Он не сдал бы его никакому врагу, он не уступил бы его никакой чужой воле. И это должно быть заветом для всех поколений моряков.

Под началом Федора Федоровича строились казармы, госпитали, возводились дома, его заботами прокладывались дороги, насаждались деревья, рылись колодцы, благоустраивались рынки, проводились водоводы.

Особым его попечением были церкви, совершение богослужений как на кораблях, так и на суше, в городе, в церкви любимого всеми моряками

Святителя Николая «по морю плавающих управителю». Церковь его он перестроил, расширил. А после русско-турецкой войны он еще больше предавался молитве, и, по одному из свидетельств, он, несмотря на все свои административные заботы, «каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием дел военно-судных, а, произнося приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного, и был исполненный доброты необыкновенной».

Христианские святыни, православные храмы, души родных ему моряков находились тогда на попечении заботника и ревнителя благочестия Федора Ушакова. Он уже тогда мог считаться для этого города, для южного форпоста России, святым подвижником, хранителем, созаботником. И поэтому и сегодня тянутся духовные нити из Севастополя к Санаксарскому монастырю, к мощам прославленного адмирала, воина-христианина.

Особую любовь проявлял адмирал к близким, сослуживцам, морякам: конечно, была требовательная, армейская, флотская дисциплина, воинская иерархия, но для служителей морских он был «слуга царю, отец солдатам», за которым они шли в огонь и воду в прямом и переносном смысле. Он был их наставником, соратником, вдохновителем. Он учил их, вместе с ними разделял трудности и невзгоды дальних походов, рутину ремонтных стоянок. Вместе с ними творил молитву и провожал, по морскому обычаю, вместе с корабельным священником в последний путь в глубины морские. Он заложил основы требовательного, высокого, христианского отношения к моряку, которое и преобладало у замечательных адмиралов и офицеров в нашем флоте.

Особую заслугу в деле православного служения имеет Ф.Ф. Ушаков при освобождении от воинствующего безбожного воинства Французской директории Семи островов Греческого архипелага в Ионическом море в 1798–1799 годах. Но дело не только в освобождении (ведь и Суворов освобождал итальянские районы Ломбардии, а те же Ушаковские войска – южные области Италии), дело в **создании**, впервые за послезловещей 300-летней оттоманской оккупации, Греческой **православной республики**, утверждение в ней справедливых порядков, защита там православных святынь.

Именно здесь Ушаков осуществил великую христианскую миссию спасения греческого народа, его православной сути.

Освобождая греческий остров за островом, он опирался на единоверных греков, направляя им собственные «пригласительные письма» и воззвание патриарха Григория V. Греки безгранично верили ему, создавая ополчения, помогая освободить острова, а он твердо держал свое слово, не давая развернуться ни мятежному разбою, ни реваншистскому насилию правящих

нобилей, он добр и отзывчив к населению, объявил амнистию, внимательно относился ко всем жалобам.

Приветствия, которыми обменивались моряки эскадры и местные жители освобожденных островов, поистине знаменательны: «Здравствуйте, православные!» И это было знаком единодушия и доверия друг к другу.

Поистине как триумфатора, освободителя, защитника христианства встречали его жители островов. Ведь французы, пообещав свободу, равенство и братство, не предоставили этого жителям и проявили революционный вандализм и варварство в святых для греков местах, они насмехались над священниками, оскверняли храмы, располагая там казармы, хотели «вытряхнуть» из раки мощи святого Спиридона Тримифунтского, которому поклонялись во всем христианском мире.

Ф. Ушаков не только «вытряхнул» французских безбожников из церквей, но не дал и своим союзникам-туркам покушаться на собственность и драгоценности святынь. Сам же он бывал и молился в православных храмах. Так, на другой день после взятия крепости Корфу он уже отслужил благодарственный молебен, а 27 марта, в первый день святой Пасхи, назначил большое торжество, пригласив духовенство сделать вынос мощей угодника Божиего Спиридона Тримифунтского. Народ собрался со всех деревень и ближайших островов. При выносе из церкви святых мощей расставлены были по обеим сторонам пути, по которому прошла процессия, русские войска. Гробницу поддерживали сам адмирал, его офицеры и первые чиновные архонты острова. Святые мощи обнесены были вокруг крепостных строений, и в это время отовсюду производилась ружейная и пушечная пальба; …всю ночь народ ликовал.

Ф.Ф. Ушаков сумел наладить жизнь в этом первом после оттоманского ига греческом государстве, утвердил там «мир, тишину и спокойствие», дал одну из самых, в то время, демократических конституций.

Провожали его иоаниты со слезами, колокольным звоном, с наградами, на которых писали: «Народы сии единогласно возглашают его отцом своим». Они давали его имя своим детям и обещали не забыть его заслуг никогда.

На островах имелась «Золотая книга», куда записывали деяния благородных нобилей. В «Золотую книгу» истории Греции должно быть записано и имя Федора Ушакова, ибо он освободил первую территорию Греции после падения Византии, он дал мир и согласие народу Республики Семи островов, заговорившей на греческом языке. Он защитил православие на этих христианских землях.

Особую возвышенную и духовную часть жизни прожил Федор Федорович в конце своего земного существования.

Он не случайно поселился вблизи Санаксарского монастыря, куда звала память и молитва старца его дяди Федора. Нет сомнения, что преподобный Федор в своих молитвах просил Божиего заступничества за своего боголюбивого, Отечеству преданного племянника. А тот, в свою очередь, вдохновлялся духовным подвигом дяди и молился за него. И это их молитвенное общение никогда не прерывалось. Они и легли рядом в могилы, чтобы быть вместе навеки. Оба они были воинами Христовыми и служили Господу на своих поприщах.

Моряк и монах – оба служили Господу и оба исполнили свой долг перед Отечеством.

«Никакие силы и орудия не помогут защитить, раз нет верных людей»

Ушаков после похода писал отчеты, подводил итоги боевых действий, готовился доложить о них и не только черноморским начальникам, а и в столице самому императору. Ведь не могут же не интересовать его события на южном фланге Европы, там, где недавно кипели битвы с участием флота и войск России. Но Павел уже почти не интересовался прошлыми союзами, он переосмысливал первый период своего царствования, искал ответы, которые поставила перед ним в начале века история. Он уже не был столь категоричен в оценке действий Екатерины, пытался понять ее прошлые сомнения, особенно приемы и действия, которые приводили к победам и достижениям. Не ясно ему было, почему она была близка к русским дворянам и Западу. Он уже знал, что слова и обещания иногда давались в ее время без труда, в отдельных случаях почти даром, а провозглашенные идеи часто воспринимались за их исполнения. Екатерина любила плотный фимиам лести и восторгов. Особенно приятно да, пожалуй, и необходимо было ей слышать гул восхищения при организации каких-либо новых начинаний и при выпуске важных указов и распоряжений. Многое, правда, из провозглашенного не осуществлялось, но след надежды и контуры предначертаний надолго оставались в памяти современников. Павел стал понимать, что Екатерину толкало к славословию не только тщеславие, но и политический расчет, ибо надо было создавать величавый образ перед державой, народом, инородцами. И тут лесть стихотворцев, выспренное славословие иностранцев, коленопреклонение масс русских льстили обществу, дворянству, чувству национальному, которое многие годы было не развито или угнетено и унижено. Гордость за нацию, которую, как считалось, олицетворяет императрица, заставляла примириться с тяготами и недостатками. Победы в войнах, блистательный Двор, ореол заботливой правительницы и мудрой

мыслительницы заставляли забывать о многих внутренних бедах. Об этом времени в одном издании было написано:

«Впервые Россия сделалась для Европы предметом восхищенных и завистливых разговоров. России приятно было иметь такую правительницу, правительнице было приятно управлять славным народом, и она ревниво относилась к национальной чести, отождествляя ее со своею».

Действительно, все больше проявлялось в обществе чувство национального достоинства, отторгалось внедрившееся при Петре рабское преклонение перед всем иностранным. Конечно, это казалось кое-кому странным – ведь царица-то немка. Но, приехав в Россию, она очень скоро поняла, что у этой страны и ее народа есть многомерное прошлое, устойчивые традиции, с которыми следует считаться. Она умело вплетала себя в царское наследие, создавала образ, на который переносились все добрые дела и победы того времени. Каково было ее сыну слышать, например, наивную и ностальгическую народную песню:

Подымитесь, ветры буйные,
Разнесите все желты пески,
Распахнися, шелкова парча,
Разломися, гробова доска,
Подымися, наша матушка,
Милосердная государыня,
Катерина Алексеевна!
Без тебя нам жить похужело,
Всему царству почежелело.

По-видимому, Павел лихорадочно думал, где он просчитался, почему не пользуется широким признанием общества, как его матушка, несмотря на то, что он, как ему казалось, старался в поте лица улучшить положение подданных. Он знал, что его время называлось «эпохой всеобщего трепета и смятения умов», ибо, «наводя порядок, выметая державный мусор», он многое сдвинул с места, да так и не смог поставить столь же прочно и основательно. Многих он удалил от дел и когда с основанием, а когда и без основания. С одной только военной службы удалено было 7 фельдмаршалов, более 300 генералов и свыше 2000 штаб– и обер-офицеров. Немало было изгнанных из административных сфер и из придворных кругов. Павел знал, что многие из них были немощны умом, погрязли во взятках и лести. Ростопчин, его правая рука, услужливо поддакивал ему в этом и довольно часто говорил государю о том, что даже самый честный из окружавших государя приближенных заслуживал быть колесованным без суда и следствия. Были, конечно, и такие, но большинство

было другое. И оно недоумевало от импульсивных действий императора. Поэтому в обществе все больше накапливалось критического горючего материала. То были и престарелые, слегка отупевшие екатерининские вельможи, знатные и не очень знатные дворяне, обиженные его высокомерием, чванливостью гатчинских выдвиженцев, напуганные непредсказуемостью его поступков. Были тут патриоты громких старых побед, не считавшие, что они бесславно сражались и должны бездарно окончить свой век. Немало было и дворян, которым пригрозили, что если они не будут дослуживаться до офицерского звания, то их лишат права служить и в гражданском ведомстве и даже участвовать в выборах дворянства. Это уже воспринималось как большое посягательство на дворянскую независимость, почти как крепостное право для дворян. Да к тому же и сами крепостные вдруг обязывались присягать непосредственно короне. Воспрещено было «принимать петиции», подписанные многими. И, может быть, самое главное: телесные наказания за уголовные преступления распространяются и на лиц привилегированных сословий. «Коль скоро снято дворянство, то уже привилегий до него не касается», – сказал Павел. В среде дворянства, своеобразного «аппарата» того времени, зрело недовольство. А в народе проявлялись смутные надежды на изменения. «Скоро будет „государщина“, – повторяли горячие головы, надеясь вырваться из помещичьих рук, от изнурительной барщины. „Государь призвал нас рвать голову дворянам“, – говорили другие. А третьи шепотом передавали речь Павла в Сенате, в которой тот будто бы сказал: „Не всякий ли человек составляет члена общества? Не всем ли нам быть равными?“ Павел, конечно, таких слов не говорил, но глубокое недовольство и обеспокоенность овладевало верхами общества и дворянства. Зарождалась широкая оппозиция. Павел же недооценил ее, не увидел, что она принимает скрытый саботажный характер.

Петербургская полиция проявляла, например, такое усердие, что, будь император и его ближайшее окружение повнимательнее, они бы увидели, что ее действия больше дискредитируют императора, чем стоят на страже его авторитета. В ее приказах повсеместно объявлялось, чтобы никто ни в разговорах, ни в письмах не употреблял слово «курносый», чтобы козам и кошкам не давать прозвище «Машка». Правда, и Павел не выдержал, когда генерал-губернатор Петербурга Архаров велел красить дома в Петербурге только черной и белой краской, будто бы выполняя волю императора, который восхищался черными и белыми полосами на шлагбаумах, верстовых столбах, сторожевых будках. Император воскликнул: «Разве я дурак, чтобы отдавать подобные приказания!» и распек губернатора.

Ну, а правитель Петербурга граф Пален был еще более коварен, нацелен на свержение императора. Как только он уезжал из Петербурга, клевета уменьшалась, слухи о том, что Павел душевнобольной, стихали. Конечно,

большинство России эти слухи не воспринимало и не верило им. Не будем полностью принимать на веру высказывания историка Коцебу, но он не без оснований писал о последних месяцах царствования Павла: «Из 36 миллионов людей по крайней мере 33 миллиона имели повод благословлять императора… В торговле было больше человечности, в суде было больше правды, среди властей меньше лихоимства и хищений… страх внушал человеколюбие… солдаты были хорошо одеты, пользовались хорошей пищей, кроме того, осыпались денежными подарками».

Павел к этому времени преодолел свои прусские симпатии, его поиск ресурсов внутри русского государства усилился. Он уже не искал мудрость только за рубежом, понимая, что ни льстивые австрийцы, ни хитромудрые англичане ощутимых выгод его державе не принесут. Он ведет переговоры с первым консулом Франции, который щедрым жестом освобождает пять тысяч русских пленных солдат. Забрезжил новый союз, который вызывает холодный пот в Лондоне. Посол Англии Витворт пускает в ход золото, подкупы, объединяет заговорщиков. Император же долгое время пребывал в неведении. Ему об этом никто не докладывал. Так политика первых лет царствования Павла обернулась вакуумом вокруг него в самый решающий момент его биографии. Однако он все-таки ощутил смертельное дыхание заговора, выслал Витворта, переселился в свой Михайловский дворец, окруженный рвами, гранитными брустверами, на которых стояли орудия. «На том месте, где я родился, – сказал император, – хочу умереть». До этого оставалось совсем немного, ибо поздно он стал ориентироваться на российские силы, потерял бдительность, лишил себя поддержки аппарата того времени. Павел не сумел приблизить и сделать своей опорой великих россиян и победителей XVIII века Суворова и Ушакова. «Никакие силы и орудия не помогут защитить, раз нет верных людей», – написано в исследовании о нем.

Вечером 11 марта 1801 года заговорщики убили императора.

…Ушаков так и не вручил ему свои соображения о слаженных боевых действиях флота в дальнем морском походе.

Начало века – конец жизни

XIX век начинался драмой. Павла I убили. Воцарил Александр. Ушакова перевели на Север…

Неуютно было немолодому и уже отяжелевшему адмиралу в сановитом Петербурге. С болью смотрел он на новых хозяев флота, да не хозяев, а просто распорядителей и холодных вершителей его судеб. Он никак не мог понять, о чем думают новые правители российской державы, что хочет новый император? Почему столь велико их безразличие к самым важным интересам

военно-морских сил, почему не видят они, как Петр I, во флоте – вторую и такую необходимую государеву руку. Обидно, конечно, не получить причитающиеся награды и вознаграждения за громкие победы и неимоверные усилия в походах и сражениях, но еще обиднее чувствовать, как хиреет флот, как обрастает ракушками безразличия днище морского дела России. Он видел, как падало уважение к званию морского офицера. Публика под этим названием стала разуметь юношу и молодого человека, позабывшего благонравие, почтение к отеческим наставлениям и долгу, а то и просто гуляку, пьяницу и неуча.

Корабли гнили, вооружались плохо, флотоводцы не имели смелости духа требовать внимания к нелюбимому детищу императора. Звания на флоте все чаще давались не за длительность плавания, не за смелость и решительность, а по родству и за взятки. Современники не без ехидства заметили, что Россия содержит свой флот не для неприятелей, а для приятелей.

Федор Федорович, назначенный командующим Балтийским гребным флотом в 1802 году, ездил в порт регулярно, проверял умение гребцов, от коих и зависела скорость и маневр кораблей, командовал, отдавал распоряжения, а на душе скребли кошки. С каждым днем это становилось делать все тяжелее, бессмысленнее даже. Он и так чувствовал насмешку и унижение в том, что его, командовавшего всем Черноморским флотом, повелевавшего объединенной Средиземноморской союзной эскадрой, поставили командовать гребной флотилией. Но умея не только командовать, но и подчиняться, – смолчал, покорился, ожидая изменений. Однако проходил месяц за месяцем, а изменений во флоте не намечалось. Или намечались, но к худшему, при всех высоких словах и обещаниях, при язвительном глумлении над прошлым. Молодой император Александр I с пылом к реформам, за которыми ощущались неуверенность и страх перед действиями тех, кто задушил его отца, менял коллегиальность в управлении на единоличие, учреждал министерства. Учредили и Министерство военно-морских сил.

Нет, не ждал Федор Федорович, что его пригласят и возведут на сие место. Знал, что мало знатности. Побед, орденов, заслуженных трудами званий хватало, а знатности, знакомств высоких не хватало. Очень хотелось, чтобы назначили человека знающего, в морском деле разбирающегося, с пренебрежением к флоту не относящегося. Хоть и крякнул, но выбор одобрил, когда объявили царский указ о назначении первого морского министра России. Им стал Николай Семенович Мордвинов. Многим не дотягивал Мордвинов до замечательного флотоводца России, но был он человеком образованным, нужды флота постиг, законы экономии и хозяйствования знал, командовал хотя и осторожно, но верно.

Однако в морском деле первенствующее значение приобретал «Комитет образования флота», во главе которого стал англоман и умелый царедворец Александр Романович Воронцов. По примеру многих не самых умных политиканов, он стал обливать грязью все, что было во флоте до нового императора. Тот охотно в это поверил, да и соблазнительно – переписать страницы истории заново, чтобы потомки восхищались зоркостью, предвиденьем и решительностью нового правителя. Однако потомки, да и современники обладают возможностью сравнивать прошлое и будущее, видеть забвение лучшего, внедрение худшего там, где вершитель политики объявлял о провалах предыдущего и утверждал свой курс. Так получилось и с флотом во времена Александра I. Его состояние было таким образом представлено Комитетом, что император отписал: «Мы повелеваем оному Комитету непосредственно относиться к нам о всех мерах, каковые токмо нужным почтено будет к извлечению флота из настоящего мнимого его существования и к приведению оного в подлинное бытие». Как будто не было у Российского флота Чесмы, Калиакрии, Корфу. Поручения совершать преобразования во флоте не случайно были даны не моряку, тот бы помнил о победах и достижениях и боролся за продолжение славных традиций. Граф Воронцов никаких теплых чувств к флоту не питал. И это позволило ему сформулировать мнение о будущем флоте: «По многим причинам, физическим и локальным, быть нельзя в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должны быть в сухопутных войсках; оба же сии ополчения в большом количестве иметь было не сообразно ни числу жителей, ни доходам государственным. Довольно, если морские силы наши будут устроены на двух только предметах: обережении берегов и гаваней наших на Черном море, имев там силы, соразмерные турецким, и достаточный флот на Балтийском море, чтобы на оном господствовать. Посылка наших эскадр в Средиземное море и другие экспедиции стоили государству много, делали несколько блеску и пользы никакой». Даже осторожный Мордвинов не выдержал такого принижения флота и подал в отставку. На его место пришел услужливый Чичагов. Как отмечали современники, этот адмирал и «по воспитанию, и по женитьбе» англичанин и притом англичанин «до презрения всего русского».

Вице-адмирал В. М. Головнин так охарактеризовал нового министра: «Человек в лучших летах мужества, балованное дитя счастья, все знал по книгам и ничего по опытам, всем и всегда командовал и никогда ни у кого не был под началом. Во всех делах верил самому себе более всех, для острого слова не щадил ни Бога, ни царя, ни ближнего. Самого себя считал способным ко всему, а других ни к чему. Вот истинный характер того министра, который, соря деньгами, воображал, что делает морские силы наши непобедимыми. Подражая слепо англичанам и вводя нелепые новизны, мечтал, что кладет основной камень величию русского флота. Наконец, испортив все, что осталось

еще доброго в нем (во флоте), и наскучив наглостью и расточением казны верховной власти, удалился, поселив презренье к флоту в оной и чувство глубокого огорчения в моряках».

Однако замыслы нового министра были обширны, контракты заключались на целые миллионы, а мощи флота не прибавилось. Когда через несколько лет в кабинете министров Чичагова запросили, по какой причине он уничтожил прежний флот, а нового не сделал, то ему ничего не оставалось делать, как, «напустив презренье», выйти с заседания, хлопнув дверью.

Правда, англичане его в это время усиленно расхваливали, называли представителем «нового порядка», «честным человеком». Как не подивиться этому хитрому умению восхвалить ненужного, никчемного человека, деятельность которого приносит вред собственной стране и объективную пользу туманному Альбиону. Поистине: хвали недруга слабого и придурковатого – выиграешь. Историк русского флота П. И. Белавенец писал: «Полагаю, что, будь Чичагов на месте Ушакова, он бы заслужил блистательный отзыв Нельсона как человека, преклонявшегося перед англичанами, а Ушаков, отстаивавший раньше всего русские интересы, был неудобен английскому адмиралу».

Нельсон сам в это время подвергался остракизму высшего английского света, Ушакова же высший свет и верховная власть просто не замечали. Он понял, что его талант, знания, умение не нужны новой власти, и 19 декабря 1806 года подал прошение.

Декабрь по-петербургски был сумеречным и тусклым. На душе было столь же промозгло и туманно. На службу ко времени Федор Федорович не поехал. Мундир, однако же, надел, зачем-то нацепил и ордена. После этого распрямился, засветился весь и решительно пошел к выходу. Подошел к двери, взался за ручку – в это время вдали раздался сигнальный выстрел с Петропавловской крепости. Федор Федорович ручку не дернул. Постоял минутку, опустив голову, и, повернувшись, медленно пошел к столу. Подтянул чернильницу и вывел на оставленном с вечера листе бумаги:

«Всемилостивый государь! В высокославной службе Вашего императорского величества находился я сорок четыре года, продолжаю оную беспорочно…»

Покачал головой, взор его устремился куда-то вдаль, сквозь годы, в обозначившиеся лица ушедших соратников, очертания крепостей, силуэты уже несуществующих, но дорогих его сердцу кораблей. На лист легли новые строчки:

«…Более сорока кампаний сделал на море, две войны командовал Черноморским линейным флотом против неприятеля, был во многих флотилиях с пользою…»

Отложил перо в сторону, охватил горстью подбородок и надолго задумался. О чем думалось ему тогда? Наверное, о том, что заканчивался его боевой путь, о том, что окончательно уходил в прошлое его XVIII век, век сильных личностей и фаворитов, звонких побед и хитроумных интриг, открытого боя и незамысловатой тактики. Наверное, было ему противно словоблудие вокруг флота, возня для собственного возвеличивания, разговоры там, где полагалось дело делать. Мириться с этим было тяжело.

Бороться… В состав морского комитета его никто не ввел, и уже это говорило ему о том, что победы забываются, умение не ценится, опыт не берется в расчет. Ну что ж… Федор Федорович вздохнул и твердой рукой дописал:

«…Ноне же при старости лет моих отягощен душевной и телесной болезнью и опасаюсь при слабости моего здоровья быть в тягость службе и посему всподданнейше прошу, дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было за болезнью моей от службы меня уволить».

Отмахнулся от какой-то навязчивой мысли и закончил:

«Не прошу я награды, знатных имений, высокославными предками Вашими за службу мне обещанных, удостой, Всемилостивейший государь, тем, что от высочайшей щедроты Вашей определено будет на кратковременную жизнь мою к моему пропитанию».

Император Александр изящно сидел на стуле, мысленно пытаясь представить себя со стороны. Он знал, что это очень важно для царствующей особы – уметь выглядеть, выглядеть императором. Его отцу этого не хватало: был суетлив, несдержан, неэлегантен. Он же не потеряет державного облика, будет обаятелен и красив, будет заботиться о том, чтобы все с первого взгляда понимали: перед ними император. Не деспот, не самодур, не бранчливый пришелец, а заботливый отец народа, защитник дворянства, вершитель всего разумного в империи.

Доклад прошений, отчеты, проекты указов слушал краем уха, не любил бумажное дело: отбирало много времени, проходило без внимающих и рукоплещущих свидетелей. Небрежно подписал два указа, согласился с наказанием проворовавшегося управляющего государственными имениями, неожиданно смутился, услышав слова прошения адмирала Ушакова. Он не хотел иметь обиженных в империи, не хотел злых слухов о том, что устраняет

заслуженных и умелых от управления. Знал, отцу это дорого обошлось. С деланным недоумением пожал плечами:

– Чем он недоволен, Ушаков? Какие такие награды ему недодал отец? Да болен ли он? Или сие вызов, открытое недовольство? Вы, господин товарищ министра, дознайте у него подробнее о душевной болезни, что он пишет. В чем она проявляется?

…Почти месяц прошел. Александр уже почти забыл о прошении Ушакова, и, когда Чичагов положил ему новое, с удивлением прочитал: «Всеподданнейше доношу, долговременную службу мою продолжая, от юных лет моих всегда беспрерывно с ревностью, усердием и отличной неусыпной деятельностью. Справедливость сего свидетельствуют многократно получаемые мной знаки отличия. Ныне же после окончания знаменитой кампании, бывшей на Средиземном море честью прославившей флот Ваш, замечаю в сравнении против прочих лишь лишенных себя высоко монаршей милостыни и милостивого воззрения. Душевные чувства и скорбь, истощившие крепость моего здоровья, Богу известны: да будет воля его святая: все же случившееся со мной приемлю с высочайшим благолепием. Молю о милосердии и щедрости, повторяя всеподданнейше свое прошение от 19 декабря минувшего 1806 года».

Александр нервно дернулся.

– Упрямец. Мы на морях воевать не будем. Отпустите его, пусть молится Богу.

Чичагов с удовлетворением кивал головой. (Все, больше суровый адмирал не будет молчаливо давить на него своим авторитетом.) И записывал диктуемый царем указ.

«… Балтийского флота адмирал Ушаков по прошению за болезнью увольняется от службы с ношением мундира и с полным жалованьем». Чичагов и против этого не возражал: лишь бы скорее ушел.

…Судьба Ушакова была решена. Великий флотоводец, политик и дипломат, отец многих поколений русских моряков отправлялся в Тамбовскую губернию.

Завещание

От боевых, флотских и светских петербургских дел Федор Федорович уходил неспешно. Сдавал по описи дела, экипажи, отчитывался по финансовым документам. Куда ехать на покой, для себя уже давно определил. Тамбовщина

ближе к Санаксарскому монастырю, к месту, где он мог чувствовать себя умиротворенным и спокойным.

Пригласил зайти на чай Карпова, Голенкина и Сорокина. Подвел к карте.

– Вот тут мы, Петр, с тобой у Гогланда впервые барахтались. Волнушки нам грозным валом показались. А в Палерме зато большая благодать, лазурь Христова корабли окружала.

Карпов кивал, пощипывал ус, понимая, что адмирал прощается с прошлым. А Ушаков подошел к полкам, снял кожаные футляры, пододвинул их к краю стола и, прокашлявшись, сказал:

– Вот сие подзорные трубы со мной бывали в море Средиземном и Черном, врага видели, друзей примечали, хочу вам на память подарить.

Смущенно, по-мужски закряхтели:

– Что ты, Федор! Пусть дома будут.

– Нет, прошу в знак дружбы. Дальнозоркость, она никогда не лишняя. Ну и по чаю выпьем.

Денщик уже накрыл стол, даже самовар с красными угольями стоял в углу на подставке.

– Я вас, други, вот еще зачем пригласил, завещание написал и прошу его засвидетельствовать. Сорокин даже чашку отодвинул.

– Ну ты, Федор, совсем. Что, нельзя это лет через пятнадцать написать?

Ушаков покачал головой, спокойно не согласился.

– Нет, Саша, я ведь памятую, что час смертный с внезапностью приключается и может оставить после умершего такие хлопоты, что оные к вражде и несогласию приведут.

Достал из ящика стола бумаги и тихо продолжил:

– Я же желаю между родственниками моими любовь и дружбу утвердить, и чтобы никто не смог сказать, что принял я его не в твердой и ослабленной памяти.

Разгладил рукой бумагу и, отодвинув ее, прочитал:

– «Препоручая себя во власть Всемогущего Бога, наследниками оного по прямой линии следующих определяю: детей покойного брата моего коллежского асессора Ивана Федоровича сына Ушакова, родных моих

племянников Флота мичмана Николая Иванова сына Ушакова, Морского кадетского корпуса гардемарина Федора Иванова сына Ушакова и племянницу мою девицу Павлу Иванову дочь Ушакову, которых почитаю я вместо детей моих и о благе их стараюсь, как собственный их отец, и они… почитают меня таковым, – в горле у него что-то запершило, и он, переждав, продолжил: – Означенному племяннику моему Флота мичману Николаю Иванову сыну Ушакова отдаю в вечное и потомственное его владение недвижимое мое имение, состоящее за мной Ярославской губернии Романовском уезде в сельцах Бурнакове, в Кузине и в Дымовском, и все принадлежащие к ним состояния в разных местностях, пашенные и непашенные земли и пустоши, с лесы, с покосы и со всеми угодьи, с людьми и со крестьяны, исключая из них находящихся при мне дворовых моих людей… Прокофья Иванова, Кузьму Александрова, Петра Исаева, Василия Ильина…»

Сосредоточенно и немного угрюмо слушали его друзья завещание, ко многим неожиданным и решительным действиям своего адмирала привыкли они, но вот эта его щедрая раздача сел, лесов, угодий хотя и не удивляла, но поражала бескорыстием и безоглядностью.

– «… Сверх того писаного отдаю я обеим моим племянникам Николаю и Федору… в вечное и потомственное владение, состоящее в Ярославской губернии в Рыбинском уезде сельцо Чертищево с деревнями Исанино и Выкупово, в которых дворовых людей и крестьян девяносто три души с женами, с пашеными и непашеными землями, с пустошами, с лесы, сенными покосы и прочими угодьи и строениями не оставляя за собой… мне следующего ничего, но все без остатка, которое имение… по желанию могут полюбовно разделить между собою по равной части».

– Все, что ли, Федор, отдаешь? – развел руками Карпов. Тот кивнул два раза подряд головой и продолжил:

– «Племяннице моей девице Павле Ивановой дочери Ушаковой отдаю я в вечное и потомственное владение недвижимое мое имение, состоящее Новгородской губернии Череповецкого уезда деревню Филатову Горку с крестьянами… не оставляя я, адмирал Ушаков, из того недвижимого имения ничего, но все… отдам племяннице моей без остатка в вечное и потомственное владение, и сам духовным моим завещанием укрепляю за него…»

Все раздал адмирал, завещая разделить и передать друг другу для управления разные поместья и угодья. Немного оглушенные его щедростью и добротой, поставили свои подписи под завещанием друзья.

– Попрошу еще фон Дезина да Шаховского, пусть руку приложат, – закладывая бумаги в папку, хлопотливо приговаривал Ушаков.

– Куда поедете-то нынче на лето? – обратился Голенкин.

– В Темников, на Тамбовщину, к могиле дяди своего, святого человека.

Последние годы

Ушедший в отставку, на пенсию, на покой человек больших постов, положений, званий почти всегда теряется. Только что ты был в центре событий, разговоров, внимания. Тебя сопровождали и окружали люди, соратники, друзья, доброжелатели, и вдруг – тишина, ехидство, безразличие. Как снова «ввинтить» себя в жизнь, как вызвать со дна жизненного колодца усыхающие силы, прочистить ходы для родников жизнелюбия, интереса, возродить любовь к людям, ведь столько жестокого, уродливого, коварного видано в них? Не всем дано пройти этот последний жизненный отрезок с достоинством и честью. У одних кутежи, измены, ущербность, падения молодости выпирают в старости физическими муками, дряхлостью, распадом чувств. У других наступает период всеотрицания, уничтожающего злословия, самосжигающего сарказма над всем происходящим без их участия. Третьи не теряют свои положительные качества, а наоборот, прирастают Верой и Молитвой. У таких, как Ушаков, не только продолжается все лучшее, но в них проявляется еще много невостребованного, а вернее, недоиспользованного раньше милосердия, добролюбия, сердечности.

Седой адмирал не выглядел властным командиром, не сверкал погонами и наградами, приходя в церковь, а приходил почти ежедневно, ставил свечи у икон. Он тихо и незаметно вставал в правом ряду в конце храма и предавался молитве. Если совершалась литургия, он следовал ее ходу, кланялся, повторял слова многих, известных ему молитв и песнопений, затем подходил к кресту и так же тихо уходил после благословения настоятеля. Его часто просили остаться на скромную монастырскую трапезу. Он оставался, слушал житие святых, склонялся по окончании еды в молитве, повторяя: «…не лиши нас и небесного Твоего царствия…» И эта мысль о будущем царстве вечном уже не оставляла его во все дни пребывания в Алексеевке Темниковского уезда на Тамбовщине, в трех верстах от Санаксарского монастыря. Там построил он на холме свой дом, из которого созерцал и монастырь, плывущий, как и его «Святой Павел», в море житейском.

Сам он все больше и больше думал о будущем мире своего пребывания. Старался освободиться от лишних земных забот и проявлял постоянную заботу о всех, кто приходил и просил о помощи. Адъютант, бывший матрос, ворчал: «Да нешто на всех напасешься, Федор Федорович! У нас у самих скоро ничего не останется». Адмирал похлопывал его по плечу и напоминал, что хоть «в мале» надо помогать всем страждущим и немощным. А таких на Руси всегда

немало было. Особо помогал он и отслужившим морякам и солдатам 1812 года. Они и приходили к дому милостивого адмирала, находили его в монастыре, терпеливо ждали, когда он закончит свои молитвы в келье.

В «Русском вестнике», издаваемом Сергеем Глинкой, в 1817 году было помещено «Известие о кончине Адмирала Федора Федоровича Ушакова». Его современник из Пензы со скорбью писал о смерти адмирала: «К душевному сожалению всех тех, которые уважают славу и добродетели знаменитых соотечественников. 1 октября сего 1817 года скончался адмирал Федор Федорович Ушаков. Хотя жизнь его посвящена была трудам и службе на морях, но он дожил до 74 лет… Получив отставку, адмирал Ушаков поселился в поместье… После деятельной жизни сердце, животворное Верою, любит наслаждаться уединеньем. Кто жил для пользы общественной, тому приятно в преклонные лета жить с самим собою и с Богом. Вот для чего покойный адмирал для жительства своего избрал деревню, близкую к святой обители».

Его дом был открыт для всех жаждущих помощи, для ищущих успокоения, для бедных и убогих. Здесь, в отдалении от прежнего своего дела, он снова проявил высокий талант Человека и Гражданина, милостивца и благотворителя. Современник отмечал это в «Русском вестнике»: «Уклоняясь от светского шума, Ушаков не удалил сердца своего от ближнего. С какой ревностью служил он некогда Отечеству, с таким же усердием спешил доставлять помощь тем, которые прибегали к нему».

Это истовое моление было замечено всей братией монастыря. Даже через 12 лет после смерти Ушакова иеромонах Нафанаил в письме архиепископу Тамбовскому Афанасию сообщал: «Оный адмирал Ушаков… и знаменитый благотворитель Санаксарской обители до прибытии своем из С.-Петербурга около 8 лет вел жизнь уединенную в собственной своем доме, в своей деревне Алексеевке, расстояние от монастыря через лес версты три, который по воскресным и праздничным дням приезжал для богомоления в монастырь к служителям Божьим во всякое время, а в великий пост живал в монастыре в келье для своего посещения… по целой седьмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неукоснительно, слушая благоговейно. В послушаниях же в монастырских ни в каких не обращался, но по временам жертвовал от усердия своею значительным благотворением, тем же бедным и нищим творил всегдашние милостивые подаяния в всепомощи. В честь и память благодетельного имени своего сделал в обитель, в Соборную церковь, дорогие сосуды, важное Евангелие и дорогой парчи одежды на престол и на жертвенник. Препровождал остатки дней своих крайне воздержанно и окончил жизнь свою, как следует истинному христианину и верному сыну святой церкви».

Ушаков молился усердно, поминая ушедших из жизни своих соратников, родственников, случайно встреченных на дорогах людей, желал здоровья живущим и раздавал все, что имел, всем, кто приходил к нему с просьбой, кто тихо надеялся, кто безмолвно стоял с протянутой рукой на паперти.

Но жизнь, однако, не давала уйти от себя. На западной границе выстраивалась темная наполеоновская туча. Федор Федорович оказался в Севастополе. Его пригласили на корабли (на рейде стояли тогда три 110-пушечника), ждали в напряжении оценки: способен ли нынешний флот отразить врага? В воспоминаниях, относящихся к 1865 году, один старый черноморский моряк пишет об этом посещении Ушакова: «Посетив флот, Ушаков был на флагманском корабле „Полтава“, осматривал его. Мы, хотя были юны, но хорошо помнили адмирала Ушакова: лицом был светл, седой, согбенный; нам казалось, что он не шел, а бежал по палубе; взглянув на флот, он, по-видимому, был тронут и затем сказал: „Вот если бы у меня были такие корабли…“ Ушакову отдали все почести, присвоенные адмиралу флота».

Когда началась наполеоновская интервенция, в Тамбове, как и в других губерниях, было создано ополчение. Командиром просили стать Ушакова, но возраст, конечно, уже был не таков, чтобы воевать, да еще на суше. Однако следует новый (какой уж по счету?) взнос в помощь пострадавшим от войны.

Современник его пишет: «В достопамятный 1812 год, когда грозныя бури потрясли Отечество наше, не только из Темникова, но из отдаленных мест приезжали многие посетители. Со страдальцами, лишившимися имущества, делился он тем, что обремененных скорбью и унынием подкреплял непоколебимою надеждою на благость небесного промысла. „Не отчаивайтесь, – говорил он, – сия грозныя бури обратятся к славе России. Вера, любовь к Отечеству и приверженность к престолу восторжествуют. Мне немного остается жить, не страшусь смерти, желаю только увидеть новую славу любезного Отечества!..“ Бог услышал моление Россиянина, поседевшего в служении Отечеству, он насладился славою и торжеством России». Да, прогромыхала победа, от берегов Сены к родным нивам возвращались полки российских солдат, на повозках везли раненых, инвалидов. Разорены были села и города. И снова не скудеет рука адмирала, его взнос идет на лечение, уход и присмотр за покалеченными героями войны 1812-1814 годов, на помощь неимущим.

Темниковский предводитель дворянства Александр Никифоров доносит 15 января 1813 года тамбовскому губернатору о том, что для содержания и лечения больных солдат необходимо 540 рублей, далее он сообщает: «Относился я по изъявленному благодетельному расположению к таковым пособиям (к) его превосходительству, господину адмиралу и кавалеру Федору Федоровичу Ушакову, вследствие чего его превосходительство и представил

вышеписаную сумму для продовольствия больных военнослужащих – 540 рублей в мое расположение».

Сам Федор Федорович в письме обер-прокурору Синода в апреле того же, 1813, года писал, что в ответ на обращение императрицы Елисаветы Алексеевны о свершении денежных пожертвований страждущим от разорения, бедствующим и не имеющим жилищ, одежды и пропитания он решил снять все деньги, положенные им под проценты Петербургской сохранной кассе, и отдать на вспомоществование ближним страждущим от разорения злобствующего врага. «Я давно имел желание все сии деньги без изъятия, – писал он, – раздать бедным, нищей братии, не имущим пропитания, и ныне, находя самый удобнейший и вернейший случай исполнить мое желание, пользуясь оным по содержанию… в пожертвование от меня на вспомоществование бедным, не имущим пропитания. Полученный мною от С.-Петербургского опекунского совета на вышеозначенную сумму денег двадцать тысяч рублей билет сохранной кассы, писанный 1803 года августа 27-го дня под № 453, и объявление мое на получение денег при сем препровождаю к вашему сиятельству. Прошу покорнейше все следующие мне… деньги, капитальную сумму и с процентами за все прошедшее время истребовать, принять в ваше ведение и… употребить их в пользу разоренных, страждущих от неимущества бедных людей».

Образ жизни Федора Федоровича, скромность, щедрая благотворительность делают его уже тогда почти святым для окружения, ему поклоняются, желают многих лет жизни. Искренними и высокими словами заканчивает современник свое слово памяти об Ушакове:

«Он довольно жил для Отечества, для службы и для славы; но бедные, пользующиеся неистощимой его благотворительностью, со скорбью и со слезами говорят: „Он мало жил для нас!..“ Я не имел счастья быть свидетелем подвигов Ушакова, но я знал его добродетели, его благотворительность, его любовь к ближним: напоминание о том будет услаждать душу мою и руководствовать к добру. Имя адмирала Ушакова причислилось к именам знаменитых Русских мореходов, а добродетели его запечатлелись в сердцах всех тех, которые пользовались его знакомством в последние годы жизни его, посвященной Вере и благотворению».

В последние годы он все чаще и чаще пребывал в келье, оставаясь там по приглашению и согласию настоятеля. День, два, а то и всю седьмицу, бывало, не выходил он из кельи: все молился, обращался ко Всевышнему, просил вечного покоя, успокоения души и вечной памяти для отошедших в царствие небесное своих родителей, помня о дяде своем незабвенном Федоре, что позвал его сюда жизнью своей праведной, молитвой непрестанной.

Он молился о Богохранимой России, о спасении от бедствий и нашествия врагов, иноплеменников и иноверных, совершая молитвы против супостатов за Веру, царя и Отечество. Знал, что корабли его – существа неживые, но вспоминал их и благословения просил, как просят благословения и заступничества над домом. И конечно, молился за своих моряков, что доверяли ему свою жизнь, зная, что он их отец, командир, покровитель и заступник. Молился он и за соратников, офицеров своих, за своих верных капитанов, безгранично преданных ему, исполнивших его волю, служащих вместе с ним Отечеству русскому, и все молитвы его были обращены к Богу, столь щедро оделившему его воинским и человеческим талантом, давшему ему возможность так служить православной Руси, чтобы не было за эту службу укора от народа нашего.

Так под прекрасным духовным знаком молитвы Благотворения и Милосердия закончилась жизнь великого адмирала.

2 октября 1817 года в соборной метрической книге Спасопреображенской церкви было записано: «Адмирал и разных орденов кавалер Федор Федорович Ушаков погребен соборне». В графе о летах красивой вязью выведено – 75, о причине смерти нетвердым почерком обозначено: «натуральною», «погребен в Санаксарском монастыре».

К метрической тетради «приложили руки» соборный иерей, дьякон, дьячок и сторож Семен Никитин. Казалось, о великом адмирале написаны последние строчки.

…Прошли годы, и слава адмирала встрепенулась, стали собираться документы, писаться работы о нем, о боевых действиях флотских эскадр под его началом, в учебниках по военно-морскому искусству отводились главы его тактическим приемам и стратегическим планам. Были учреждены орден и медаль его имени. Писатели и художники восславили его подвиг. Борис Пастернак писал в 1944 году, поражаясь подвигу русского моряка:

Непобедимым – многолетье,
Прославившимся – исполать
Раздолье жить на белом свете,
И без конца морская гладь.
И русская судьба безбрежней,
Чем может грезиться во сне,
И вечно остается прежней
При небывалой новизне.
И на одноименной грани

Ее поэтов похвала,
Историков ее преданья
И армии ее дела.
И блеск ее морского флота,
И русских сказок закрома,
И гении ее полета,
И небо, и она сама.
И вот на эту ширь раздолья
Глядит из глубины веков
Нахимов в звездном ореоле
И в медальоне – Ушаков.
Вся жизнь их – подвиг неустанный.
Они, не пожалев сердец,
Сверкают темой для романа
И дали чести образец.
Их жизнь не промелькнула мимо,
Не затерялась вдалеке.
Их след лежит неизгладимо
На времени и моряке.

След замечательных побед, великих свершений, героических подвигов наших предков лежит на нас. Не посрамить его, осилить препятствия, осуществить предначертания великой судьбы – наш долг.

В конце книги приведу один немаловажный документ, написанный Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II в 1995 году.

Ваше Святейшество!

В нашей отечественной истории, в общественном сознании все больше проявляется истинных подвижников Веры, глубоко православных людей и сынов Отечества.

Многие годы мне пришлось заниматься изучением жизни и деятельности прославленного флотоводца России Федора Федоровича Ушакова. Ф.Ф. Ушаков был самый выдающийся русский военно-морской начальник за всю историю отечественного флота. Нет сомнения, что все сорок кампаний, которые он завершил, были победоносны по промыслу Божию. Федор Ушаков был глубоко верующим, на кораблях его флотилии ежедневно совершались богослужения, он не забывал говорить в своих наказах о Божьем наказании и милостыни.

Его христианская натура проявлялась в общении с подчиненными ему моряками и сослуживцами. Он постоянно заботился о людях, добывал для них

пропитание, одежду, а в случае отсутствия денег у государства, в Адмиралтействе, он отдавал свои, которые ему часто не возвращали.

Ф. Ушаков в 1799 году освободил своей эскадрой Ионические острова от безбожных солдат Французской директории и создал там Республику Семи островов – первое независимое греческое государство после падения православного Константинополя, предоставив ему необходимые свободы, порядок и греческий язык. При нем были открыты все православные храмы, оскверненные французами. Завершив свой боевой путь, Ушаков поселился у стен Санаксарского монастыря и усиленно молился сам и вместе с братией.

Далее в обращении приводились многие факты, указанные в этой книге. Заканчивалось письмо так.

Имя его и после смерти являло чудесные представления. Вроде бы забытый и ушедший с исторической сцены и памяти, он вдруг явился народу нашему, армии и флоту в годину смертельных испытаний и вдохновил их на победу против антихристианского воинства. В период Отечественной войны были учреждены орден и медаль Ф. Ушакова, которыми награждались за наиболее заметные подвиги во славу Отечества.

По свидетельству монахов, было немало чудес вокруг захоронений Ф. Ушакова, который лежит рядом со святым подвижником, отцом Федором В период опустошений и антиправославных гонений захоронение Ушакова не случайно сохранилось в этом святом треугольнике Саров– Дивеев– Санаксар.

Все это позволяет обратиться к Вам и Священному Синоду с просьбой изучить этот вопрос. Нет сомнения, если бы Высшие церковные инстанции пришли к выводу о возможности причисления Федора Ушакова к лику святых Русской Православной Церкви, то наш флот, миллионы плавающих и служащих на нем получили бы достойного духовного покровителя, как и все воинство, все русские люди, наряду с Александром Невским и Дмитрием Донским.

С глубоким уважением,
Член Президиума Всемирного Русского Народного Собора,
Председатель Союза писателей России,
доктор исторических наук, профессор
В. ГАНИЧЕВ

Патриарх в беседе со мной поддержал это письмо, сказав: «Было бы замечательно, если бы наш флот и наши моряки получили такого небесного покровителя».

Затем он еще раз объяснил, как тщательно, внимательно, в соответствии со всеми канонами всегда рассматриваются такие вопросы в церкви. «Но будем надеяться, что это свершится», – заключил он нашу беседу.

Пять лет неустанно работали священники Мордовской епархии, монахи Санаксарского монастыря, богословы Патриархии – все посвященные, православные люди. Собирались свидетельства, документы, факты проявления чуда. Святость великого адмирала проявлялась все больше. И вот свершилось…

Великий воин-христианин Федор Федорович Ушаков ныне будет почитаться в месте упокоения, Санаксарском монастыре, земле Мордовской, Тамбовской, во всей России, на флоте нашем, как ревностный служитель народа и православного Отечества, явивший собой пример воинской доблести, милосердия и христианского благочестия.

В Рождество-Богородичном Санаксарском мужском монастыре Саранской епархии 4-5 августа 2001 года состоялась канонизация праведного Феодора Ушакова, – адмирала Флота Российского (1745–1817). «Прославление праведного воина Феодора Ушакова в лике святых – это самое знаменательное событие за последние 400 лет. Ничего подобного Россия не переживала», – отметил митрополит Кирилл.

Впервые в святцах появилось имя человека, служившего на русском военном флоте. Отныне наши воины-моряки будут обращаться в молитве к своему небесному предстателю – Феодору Ушакову.

«Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России!», – обращался к соотечественникам адмирал Ушаков в грозные дни Отечественной войны 1812 года. Эти слова святого праведного воина Феодора Ушакова обращены к каждому из нас.

Канонизация Адмирала Ф.Ф.Ушакова

Сноски

Примечания

1

Коробков Н. М. Русский флот в семилетней войне. М., 1946.

2

Русский двор в 1761 г. – «Русская старина». 1878. Сентябрь. С. 192.

3

Архипелаг – принятое в то время обозначение островов, находящихся в Эгейском море.

4

Сам Дмитрий Сергеевич Ильин, награжденный «Георгием» IV степени, произведенный в капитаны 2 ранга, был впоследствии очернен при дворе и изгнан со службы. В журнале «Русская старина» писалось: «До смерти он влачил всю жизнь в полнейшей бедности и похоронен при церкви села Застижье, от которой его усадьба менее чем в полуверсте. На могиле Дмитрия Сергеевича его почитателями… положена плита (серый камень), на которой теперь имеются весьма слабые признаки следующей надписи: „Под камнем сим положено тело капитана первого ранга Дмитрия Сергеевича Ильина, который сжег турецкий флот при Чесме. Жил 65 лет. Скончался 1803 года“. В 1895 году на могиле его был сооружен памятник с надписью: „Герою Чесмы лейтенанту Ильину“. В его честь в русском флоте был назван крейсер и эскадренный миноносец.

5

Вот, например, что писалось позже, но с опорой на постоянно существовавшую точку зрения в западной военно-исторической науке в книге «История военных флотов» Шабо-Арно (СПб., 1896): «Путем обещаний и подарков императрица привлекла в свои владения довольно большое число английских моряков, сделав их инструкторами русских рыбаков и неотесанных мужиков, которые были призваны для управления парусами и пушками кронштадтских кораблей».

6

Следует, однако, сказать, что сам А. Орлов предназначенное ему по указу императрицы вознаграждение в сумме 22 757 рублей попросил раздать людям в эскадре, которые участвовали в экспедиции и содействовали успеху своей храбростью, трудами и слепым подчинением. 14 тысяч он просил раздать нижним чинам, как морским, так и сухопутным, 6 тысяч отдать семейству капитана 1 ранга Толбукина, погибшего в боях, – «на приданое дочерям и на воспитание сыновей».

7

Алжирским и тунисским.

8

Здесь и далее выделено автором. – Ред.

9

Севастополь состоит из двух греческих слов «севастос» и «полис». Есть различные переводы: город славы, величественный, почтенный и т. д. Наиболее предпочтительное толкование – «высокий, священный город». В 1797 году Павел I переименовал Севастополь в Ахтияр. Прежнее название городу было возвращено лишь в 1826 году.

10

Контрмарш – последовательно, один корабль за другим.

11

1784 год. (Прим. ред.)

12

У мыса Калиакрия в 1968 году болгарский скульптор Никола Богданов выбил трехметровый барельеф адмирала с надписью: «Ф. Ф. Ушаков. 1791 г.».

13

Уже тогда по поселениям были расселены заштатные церковники, беспашпортные бродяги, выходцы из Польши, женатые рекруты и до 850 собственных крестьян Потемкина. По берегам Буга и Лимана поселены были люди, способные к рыбной ловле и могущие служить лоцманами.

14

Мерсинер (фр.) – наемник.

15

Флаг-офицер – соответствует адъютанту.

16

Ферман – разрешение, указ.

17

Эпир – область Севера Греции.

18

А. В. Суворов неоднократно отмечал это. Так, в письме к А. И. Горчакову (27.10.1796 г.) он пишет: «О, как шагает этот юный Бонапарт. Он герой, он чудо-богатырь, он колдун. …Ему ведома неодолимая сила натиска – более не надобно… У него военный совет в голове. – Правда, Суворов предупреждает: – Пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем; великие таланты военные достались ему в удел. Но если, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет». Как провидчески прав был великий русский полководец!

19

Так обращается везде к Нельсону в своих письмах Ф. Ушаков. В. Г. Трухановский же пишет, что вице-адмиралом Нельсон стал в 1801 году «Вопросы истории». 1975. № 8).

20

Сыновья Али-паши – Мухтар-паша и Вели-паша.

21

В результате многолетней войны между Анжуйской и Арагонской династиями (война «Сицилийской вечерни», 1282-1302 годы) Сицилия отпала от владений анжуйцев. Ее первый правитель Пьетро I дАрагона претендовал на власть в Южной Италии, которую он называл Другой Сицилией. Короли Неаполя тоже называли себя королями Сицилии. В 1443 году Альфонсо V, объединивший Южную Италию и Сицилию, провозгласил себя «Королем обеих Сицилии».

22

Герцог Серракаприола, по свидетельству французского посла в Петербурге графа Сепора, «нравился всем своим добродушием и веселостью», установил связи со многими русскими государственными деятелями, чему помогла его женитьба на Анне Вяземской, дочери генерал-прокурора.

23

Добавление к фамилии В. В. Мусин-Пушкин получил специальным указом Павла I в 1796 году после женитьбы на Екатерине Яновне Брюс, так как она была последней в своей фамилии.

24

Василий Ланской был братом фаворита Екатерины Ланского.

25

Интересно, что В. В. Мусин-Пушкин-Брюс после отставки в Петербурге стал одним из известных масонов и имел орденское имя – рыцарь охраны мира, был даже мастером одной из лож.

26

Иллюминатский орден возник в 1776 году в Баварии. Его организатором и теоретиком был профессор Адам Вейсгаупт. Об этом см: ЛандаС. С. Дух революционных преобразований… Из истории формирования идеологии и политических организаций декабристов. 1816 – 1825. М. С. 261-281.

27

Неаполитанское слово «lazzarone» происходит от испанского «leboroso» и переводится как «прокаженный». Новый смысл это слово приобрело во время восстания 1647 года под руководством Мазаньелло. В первые же дни восстания в борьбу против испанцев вступил отряд мусорщиков, среди которых было много прокаженных. Очень скоро «лаццарони» стали называть участников движения 1647 года, которые населяли улицы, прилежащие к Главному рынку. После окончания восстания это слово не было забыто и вошло в неаполитанский народный язык. Словом этим часто и называли низшие слои неаполитанского населения, внося в него отрицательный смысл.

28

Шампионне не признавал полномочий комиссара Директории Фэпу, прибывшего для получения 15-миллионной контрибуции. Однако Шампионне был отозван во Францию и предан суду.

29

Джон Френсис (Джованни) Актон, сын английского врача, морской офицер, служил у герцога Тосканского, в 1779 году был приглашен в Неаполь для реорганизации флота, сделал блестящую карьеру: в его ведение перешли постепенно сухопутная армия, финансы и торговля. В 1785 году был назначен первым министром королевства и занимал этот пост до конца жизни (1811 год). Успехами своими был обязан благосклонности Марии-Каролины как ее фаворит.

30

Но «один из членов суда и многие друзья отсоветовали мне (начинать судебное дело), говоря, что всякий публичный вопрос повредит чести моей нации…» (см. об этом: Джеймс Д. История великобританского флота от времен французской революции до Наваррийского сражения. – Николаев, 1845. Т. II. С. 315).

31

Лагоци (Гоц) (1764-1799) – итальянский патриот, бывший французский бригадный генерал. Борец за воссоединение Италии.

32

История военно-морского искусства. – М., 1953. Т.1. С. 265.

33

История Севастополя как русского порта. – СПб., 1872. С. 174.

34

Ст. стиль (Ред.).